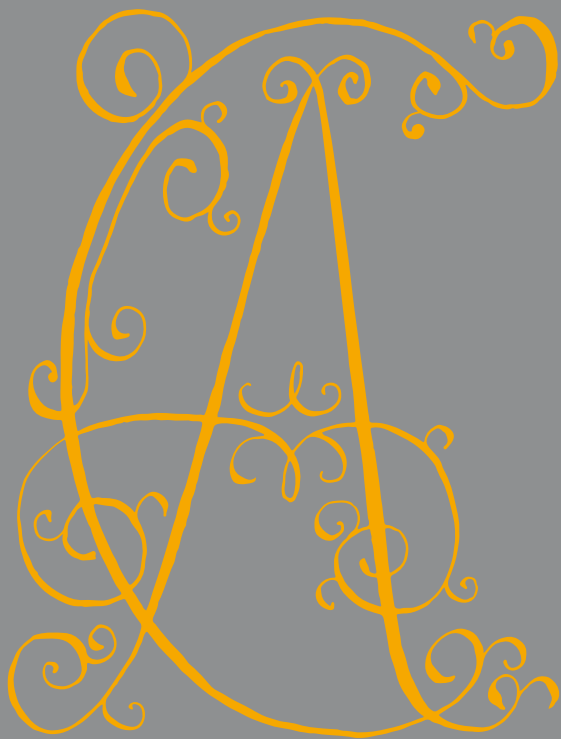

Славянский АЛЬМАНАХ

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

Slavic
ALMANAC

1-2·2023

Институт славяноведения РАН

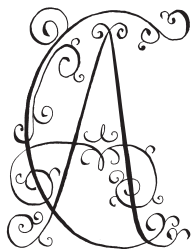
Славянский АЛЬМАНАХ

1-2 · 2023

Slavic
ALMANAC

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИНДРИК»

Москва 2023

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2023. — Вып. 1–2 /
глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2023. — 512 с.

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 1–2 за 2023 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, лингвистики, литературоведения и истории науки. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023
© Издательство «Индрик», 2023

Slavic Almanac 2023. Issues 1–2 /

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief — Moscow: Indrik, 2023. — 512 p.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2

e-ISSN 2782-4411

This issue of “Slavic Almanac” (1–2, 2023) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, linguistics, literary studies and history of science. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.
Institute of Slavic Studies RAS
Phone: +7 (495) 938-17-80
Website: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year
Circulation: 500 copies
Published since 1997

© Insitute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2023
© Authors, 2023
© Publishing house “Indrik”, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Борисёнок Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия

Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия

Димич Л., Белградский университет, Белград, Сербия

Женюх П., Институт славистики САН, Братислава, Словакия

Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Зуппан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия

Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Радева В., Софийский университет, София, Болгария

Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения

Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Узенёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Александрова А. К., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кучко В. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Макарецев М. М., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dimić L., University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Plotnikova A. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Robinson M. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Stankov N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Starikova N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria

Uzeneva E. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vendina T. I., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia

Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy

Žeňuch P., Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

---

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexandrova A. K., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kirilina L. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kocheharov K. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kuchko V. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Makartsev M. M., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shatko E. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Trefilova O. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

История

<i>Наумов Н. Н. (Москва). Понятие «правды» в позднесредневековой Чехии</i>	12
<i>Флоря Б. Н. (Москва). Отношения Москвы и гетманства и «згон» населения Среднего Поднепровья весной 1679 г.</i>	34
<i>Фролова М. М. (Москва). К вопросу о назначении великого князя Николая Николаевича (Старшего) главнокомандующим Дунайской армией</i>	44
<i>Борисёнок Ю. А., Дронов М. Ю. (Москва). Славянская взаимность Скопинского уезда: военнопленные и переселенцы Первой мировой в российской глубинке</i>	69
<i>Борисёнок Е. Ю. (Москва). Споры о малороссах и Малороссии на Советской Украине в середине 1920-х гг.</i>	80
<i>Стыкалин А. С. (Москва). Обсуждение «венгерского вопроса» в ООН и проблемы выхода Венгрии из внешнеполитической изоляции (1957–1963 гг.)</i>	100
<i>Буга В. (Бухарест). Основные тенденции развития советско-румынских отношений на высшем уровне во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг.</i>	132
<i>Неменский О. Б. (Москва). Формирование современной исторической политики Польши (2000-е гг.)</i>	159

Лингвистика

<i>Пилипенко Г. П. (Москва). Адаптация заимствованных глаголов из испанского языка в речи потомков украинских переселенцев в Южной Америке</i>	193
<i>Борисов С. А. (Москва). Чехи среди сербов и хорватов: обзор социолингвистической экспедиции 2022 г.</i>	231

Литературоведение

<i>Старикова Н. Н. (Москва). Словенский поэтический неоавангард 1960–1970-х гг. как манифестация свободы</i>	249
--	-----

<i>Сагалович Е. В. (Москва). Город и горожане</i> в романе Данило Киша «Сад, пепел»	268
<i>Герчикова И. А. (Москва). Феномен поэта с гитарой Карела Крыла</i> в чешской культуре	287
<i>Ламм М. А. (Москва). Особенности региональной идентичности</i> персонажей А. Н. Карпюка в романе «Вершалинский рай» и повести «Данута»	303
<i>Адельгейм И. Е. (Москва). Опыт художественной</i> инфантилизации войны: «Мифогенная любовь каст» С. Ануфриева и П. Пепперштейна и «Achtung, Zelig! Вторая война» К. Гавронкевича и К. Розенберга	314
<i>Князькова В. С. (Санкт-Петербург). Языковые маркеры словацкого</i> культурного кода в переводе немецкоязычного романа Ирены Брежной «Неблагодарная чужестранка» на русский язык	338

История науки

<i>Баринов И. И. (Москва). Академик поневоле:</i> две жизни Михаила Гредингера	349
<i>Аржакова Л. М. (Москва). Ленинградский Институт славяноведения</i> Академии наук (к вопросу об истории изучения)	369

Публикации

<i>Кочегаров К. А. (Москва). Новые документы о жизни</i> бывшего гетмана Петра Дорошенко в России. Материалы из записной книги Малороссийского приказа. 1691–1696 гг.	389
<i>Дронов М. Ю. (Москва). Письма карпаторусских деятелей</i> Дмитрия и Ольги Вислоцких к Е. К. Брешко-Брешковской	410
<i>Марней Л. П., Носов Б. В. (Москва). Записка Ивана Ивановича Костюшко</i> в ЦК КПСС о реформе Института славяноведения. 1968 г.	422

Рецензии

<i>Борисёнок Ю. А. (Москва). Общество белорусско-литовских земель</i> в «большом XIX веке»	443
<i>Шевченко К. В. (Минск). Чехи и словаки в России в конце XIX —</i> начале XX вв.: взгляд современного историка	458
<i>Белова О. В. (Москва). Слово в языке культуры старообрядцев</i> Южной Америки	468

Хроника

- Лунькова Н. А., Усачёва А. В., Шатько Е. В. (Москва).* Литературные контуры современной Центральной и Юго-Восточной Европы: события, реалии, тренды. Румыния, Сербия, Болгария 478
- Бырина А. В., Кожина С. А. (Москва).* Научная конференция «Поэтика как сейсмограф: художественное слово в странах ЦЮВЕ XX–XXI вв. К 95-летию С. А. Шерлаимовой и 90-летию Л. Н. Будаговой и Ю. В. Богданова» 494
- Дронов М. Ю., Слоистов С. М. (Москва).* Международный научный круглый стол «Церковь и формирование идентичностей славянских народов: историко-культурные и духовные аспекты» 503

Юбилеи

- Пескова А. Ю. (Москва).* К 90-летию юбилею Л. Н. Будаговой (1932–2022) 507

Contents

History

<i>Naumov N. N. (Moscow)</i> . The notion of “truth” (“pravda”) in the Late Medieval Bohemia	12
<i>Florya B. N. (Moscow)</i> . The relationships between the Moscow government and the Cossack Hetmanate and the deportation of population (“zgon”) from the Middle Dnepr region in the spring of 1679	34
<i>Frolova M. M. (Moscow)</i> . On the question of the appointment of Grand Duke Nikolai Nikolaevich (the Elder) as Commander-in-Chief of the Danube Army	44
<i>Borisyonok Yu. A., Dronov M. Yu. (Moscow)</i> . Slavic reciprocity of the Skopinsky district: Prisoners of war and migrants of the First World War in the Russian outback	69
<i>Borisyonok E. Yu. (Moscow)</i> . Disputes about “Little Russians” and “Little Russia” in Soviet Ukraine in the mid-1920s	80
<i>Stykalin A. S. (Moscow)</i> . The discussion of the “Hungarian Question” in the UN and the problem of Hungary’s Exit from the political isolation, 1957–1963	100
<i>Buga V. (Bucharest)</i> . The main trends in the development of the Soviet-Romanian relations at the highest level in the second half of the 1970s — the first half of the 1980s	132
<i>Nemensky O. B. (Moscow)</i> . The formation of Poland’s Modern Historical Policy (2000s)	159

Linguistics

<i>Pilipenko G. P. (Moscow)</i> . Adaptation of verbs borrowed from Spanish in the speech of descendants of Ukrainian immigrants living in South America	193
<i>Borisov S. A. (Moscow)</i> . Czechs among Serbs and Croats: An overview of a sociolinguistic expedition in 2022	231

 Studies of literature

<i>Starikova N. N. (Moscow)</i> . The Slovenian poetic Neo-avant-garde of the 1960s–1970s as a manifestation of freedom	249
<i>Sagalovich E. V. (Moscow)</i> . The town and the townspeople in the novel “Garden, Ashes” by Danilo Kiš	268
<i>Gerchikova I. A. (Moscow)</i> . The Phenomenon of Karel Kryl, The Poet with the Guitar, in the Czech Culture	287
<i>Lamm M. A. (Moscow)</i> . Some features in the representation of the regional identity of the characters in the novel “The Vershalin Paradise” and the novella “Danuta” by A. N. Karpyuk	303
<i>Adelgeim I. Ye. (Moscow)</i> . An artistic infantilisation of war: “The Mythogenic Love of Casts” by S. Anufriev and P. Pepperstein and “Achtung, Zelig! The Second War” by K. Gawronkiewicz and K. Rosenberg	314
<i>Kniazkova V. S. (Saint Petersburg)</i> . Language markers of the Slovak cultural code in the translation of the German-language novel by Irena Brežná “The Thankless Stranger” into Russian	338

History of science

<i>Barinov I. I. (Moscow)</i> . Forced to become an academic: Two lives of Mikhail Groedinger	349
<i>Arzhakova L. M. (Moscow)</i> . The Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences in Leningrad (on the history of the research)	369

Publications

<i>Kochegarov K. A. (Moscow)</i> . New documents on the life of the former Hetman Petr Doroshenko in Russia. Materials from the register book of the Little Russia office, 1691–1696	389
<i>Dronov M. Yu. (Moscow)</i> . Letters of the Carpatho-Russian activists Dmitriy and Olga Vislotsky to Catherine Breshkovsky	410
<i>Marney L. P., Nosov B. V. (Moscow)</i> . The report of Ivan Kostiusenko to the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union on the reform of the Institute of Slavic Studies in 1968	422

 Reviews

- Borisyonok Yu. A. (Moscow)*. The society of Belarusian-Lithuanian lands in the Long 19th century 443
- Shevchenko K. V. (Minsk)*. Czechs and Slovaks in Russia in the late 19th — early 20th centuries: A view of a modern historian 458
- Belova O. V. (Moscow)*. Word in the language of culture of the Old Believers of South America 468

Chronicles

- Lunkova N. A., Usacheva A. V., Shatko E. V. (Moscow)*. The literary contours of modern Central and Southeast Europe: Events, realities, trends. Romania, Serbia, Bulgaria 478
- Byrina A. V., Kozhina S. A. (Moscow)*. The Academic Conference “Poetics as a seismograph: Fiction in the countries of the Central and Southeastern Europe of the 20th and the 21st centuries. To the 95th anniversary of S. A. Sherlaimova and the 90th anniversary of L. N. Budagova and Yu. V. Bogdanov” 494
- Dronov M. Yu., Sloistov S. M. (Moscow)*. The International Academic Round Table “The Church and the formation of the identities of the Slavic peoples: Historical, cultural and spiritual aspects” 503

Anniversaries

- Peskova A. Yu. (Moscow)*. To the 90th anniversary of L. N. Budagova (1932–2022) 507

УДК 94(437)

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.01

Н. Н. Наумов

Понятие «правды» в позднесредневековой Чехии

Наумов Николай Николаевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119192, Ломоносовский проспект 27, корп. 4, Москва,

Российская Федерация

Email: nn-naumov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6587-1681

Цитирование

Наумов Н. Н. Понятие «правды» в позднесредневековой Чехии // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 12–33. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.01

Статья поступила в редакцию 28.02.2023.

Аннотация

В фокусе статьи находится семантическая трансформация старочешского термина *pravda* в политико-юридическом социолекте чешской знати конца XIV — XV в. Установлено, что в грамоте чешских панов от 5 мая 1394 г. выведен образ правды как «прямыны», однажды в прошлом установленного правового ориентира, любые отступления от которого недопустимы: паны заявили, что хотят Чешскую землю «поставить и привести к праву и ко правде — так, как она прежде при наших предках в правде стояла». Сформулированные панами Земские установления 1395 г. ссылаются на «древнее установление» и воспроизводят некоторые нормы «Статутов королевства» Карла IV 1355 г., однако в иных случаях противоречат письменному праву, представляя собой собственные представления составителей о справедливом общественном устройстве. Объяснение этому отыскивается в трактате Ондржея из Дубы «Земские права» (рубеж XIV–XV вв.), где термин «правда» означает субъективную позицию — мнение тяжущегося человека, считающего себя правым. В качестве лозунга гуситами XV в. была взята не «человеческая», но «Божья правда», которая в тогдашнем обществе воспринималась в качестве абсолютной истины. На Чаславском сейме 1421 г. было провозглашено, что должно принуждать всех к исповеданию Четырех Пражских статей как «Божьих прав». Абсолютизация термина

привела к тому, что правоведы-утраквисты второй половины столетия (Цтибор из Цимбурка и Викторин из Вшегрд) уже воспринимают термин *pravda* как объективную данность — истину.

Ключевые слова

Чешское королевство, XIV–XV вв., старочешский язык, социолект чешской знати, гуситы, правда и истина.

Объектом настоящей статьи является социолект чешской знати в предгуситский период (конец XIV — начало XV в.) и гуситскую эпоху (XV в.), которая ознаменовалась существенными переменами. Р. Каливода отмечает, что гуситская революция повысила программу Четырех Пражских статей до уровня основного закона — Базельских компактат, на которых каждый чешский правитель был обязан присягать. «Привязка власти монарха к компактатам уже явственно указывает на преобразование монархии в конституционную монархию», — заключает Р. Каливода¹. Произошли ли при этом какие-либо изменения в социолекте тогдашней чешской знати? Являясь такими же данностями общественного быта, как и политический строй, структуры старочешского языка, дошедшие до нас через 600 лет в весьма ограниченном количестве источников, кажутся медиевисту заметно менее подвижными, консервативными — и это при том, что сегодняшние словари иногда «устаревают в тот день, когда вышли из печати»². Была ли гуситская идеология настолько действенной, чтобы привести к заметным сдвигам в понятийном аппарате? В рамках этой статьи предпринято исследование семантической трансформации старочешского понятия *pravda*, ставшего центральным в рамках гуситской экклезиологии.

Наделение одного и того же словарного корня пространственными смыслами («прямызна», «ровность», «точность») и смыслами двух иных ракурсов — онтогносеологического («истина») и социально-этического («право» и «справедливость») — имело место во всех языках того хронотопа, о котором идет речь: в латинском³,

1 Kalivoda R. Husitské myšlení. Praha, 1997. S. 316.

2 Цитата из статьи М. Вахковой: Vachková M. Německé jazykové slovníky v rukou začínajících historiků, archivářů a pracovníků příbuzných oborů // Archivní časopis. R. 58. 2008. S. 117–128 (здесь — s. 123).

3 Корень *rect-* в составе прилагательного *rectus*, *a*, *um* выражает пространственный смысл («прямой, прямо держащийся, непоколебимый»),

средневерхненемецком⁴ и старочешском языке⁵. В рамках каждого языка у простейшего прилагательного (лат. *rectus*, ср.-в.-нем. *reht*, ст.-чеш. *pravý*) словари фиксируют все три смысловых ракурса, однако денотат иных слов с тем же корнем уже сужен до двух ракурсов⁶ или до одного⁷. В. Хладкова и И. Коуба пришли к выводу, что исконный пространственный смысл корня *prav-* («прямизна») в понятиях *právo* и *pravda* уже отсутствует — с оговоркой, что «лишь побочным образом в лексеме *pravda* имеется значение “верного (должного) направления” в религиозно-этическом смысле». Доминирующим семантическим содержанием обоих понятий стало «неотступление от чего-либо», в частности — «справедливость» как «неотступление от Божьего и человеческого закона» и «истина» как «неотступление

онтогносеологический («правильный, разумный, здравый») и социально-этический («надлежащий, праведный, справедливый»). См.: *Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь*. М., 2006. С. 654.

4 Корень *riht-* / *reht-* в составе прилагательного *reht* выражает пространственный смысл («прямой, в виде прямой линии»), онтогносеологический («истинный, действительный») и социально-этический («такой, как положено в соответствии с обычаем или законом: верный, справедливый, подобающий»). Равным образом полисемантичен глагол *rihten* («делать прямым, устанавливать, исправлять, господствовать, судить»). См.: *Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Leipzig, 1876. Bd. 2. Sp. 376, 433.

5 Корень *prav-* в составе прилагательного *pravý* имеет пространственный смысл («прямой, ровный»), онтогносеологический («истинный, действительный») и социально-этический («подобающий, добрый, не отклоняющийся от нормы, справедливый»). См.: *Staročeský slovník / vyd. I. Němec, V. Havránek et al. Praha, 1996. T. 21. Povolání — pravý. S. 1116–1122.*

6 Латинская лексема *rectitudo* имеет пространственный и социально-этический ракурс («прямизна, прямота, справедливость»), но не выражает онтогносеологического понятия «истины» и «истинности». Немецкое слово *rehtecheit* имеет социально-этический («право, справедливое дело, справедливость») и онтогносеологический смысл («правильность, истинность»), но не выражает пространственной категории «прямизны». Старочешское слово *pravota* имеет пространственный смысл («прямизна») и социально-этический («справедливость»), но не имеет онтогносеологического смысла. См.: *Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь*. С. 654; *Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Bd. 2. Sp. 376; *Staročeský slovník*. Т. 21. S. 1115.

7 Лексемы *rehteit* и *pravednost* имеют социально-этический смысл («праведность, справедливость»). См.: *Ibid.* S. 1092; *Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch*. Bd. 2. Sp. 381.

от действительности», в то время как иные лексемы (*pravost* и *pravota*) удержали пространственный смысл («прямота»)⁸.

Понятие «правды» в предгуситскую эпоху. Неужели благородные носители старочешского языка уже не ощущали в слове *pravda* его исходный пространственный смысл «прямызны» и «прямоты»? Обратимся к конкретному примеру. 5 мая 1394 г. маркграф Моравский Йошт и девять чешских панов заключили союз, заявив (перевод максимально близок к оригиналу): «Мы все хотим и должны быть в единстве и искать земского блага, плодить и сотворять в земле правду и так **всегда за нее вместе стоять** (здесь и далее выделено мной. — Н. Н.), **чтобы мы легко вели перед собой** (т. е. осуществляли. — Н. Н.) все земское благо, помогая друг другу без лукавства в соответствии со всей нашей верой и нашей честью, каждый из нас и все вместе, бесхитростно и всей нашей силой, какую иметь каждый из нас может. И если кто кого-либо из нас или из наших людей каким-либо деянием когда-либо и как-либо захотел бы притеснить **в обход земского порядка и панского приговора**, то мы должны и обещаем верно помогать и сильно за него (потерпевшего. — Н. Н.) стоять, чтобы у того (посягателя. — Н. Н.) никогда этой вещи не получилось, **но чтобы каждому стало правое**. И мы должны так долго стараться об этом и **твердо в том стоять**, пока землю эту **не поставим и не приведем к праву и ко правде — так, как она прежде при наших предках в правде стояла**»⁹. Уже 8 мая сам монарх — тогдашний король Вацлав IV — был внезапно захвачен в плен составителями этого страстного текста.

8 Chládková V., Kouba J. K sémantické struktuře staročeských lexikálních jednotek se základem prav // Listy filologické. R. 117. 1994. Č. 1–2. S. 54–59 (здесь — s. 55, 58).

9 “Chcme a jmáme všickni my w jednotu býti, a zemského dobrého hledati, a prawdu w zemi ploditi a činiti, a tak **wzdy po tej spolu státi**, abychom **předsie všeccko zemské dobré snažně wedli**, wěrně bezelsti sobě pomáhajíc, podlé wšie swé wiery a podlé swé cti, každý z nás i všickni spolu, swú wší mocí bezelsti, co jie každý můžem. A kohožby koliwěk z nás nebo koho z našich, kterým koliwěk činem kto kdy kterak tisknutí chtěl, **mimo zemský běh nebo mimo nález panský**, toho tomu mámy a sľubujem wěrně pomáhati a po něm silně státi, aby sie wzdy jemu toho nedálo, **než aby sie každému prawé stalo**. A to tak dlúho máme jednati, a **w tom pewni státi**, ažbychom zemi ku práwu a prawdě postavili a přiwedli, **tak jakož jest dřewe za našich předków w prawdě stála**”. Грамота Йошта Моравского и девяти чешских панов, изданная 5 мая 1394 г. в Ппаре. Опубл. в: Archív český, čili staré pisemné památky české a morawské / wydal F. Palacký. Praha, 1840. D. 1. S. 52–53.

Конкретные причины для недовольства и подобного самоуправства в тексте не названы. Тем не менее, ясно то, что в качестве импульса к действию мятежные паны выставляют отклонения от давно сложившегося унаследованного порядка — «правды», которая при их отцах была нерушима. Земскому суду, в котором заседали присяжные паны-кметы, приписывается монополия на насилие — и отклонением от «правды» является то, что к насилию прибегают «в обход» (ст.-чеш. *мимо*) принятых судебных процедур¹⁰. Обращает на себя внимание употребление глагола «стоять»: паны решительны в том, чтобы «стоять твердо» (ст.-чеш. *pevní státi*) за то, что считают справедливым, — и возратить («поставить») свою землю «к праву и ко правде», в которой их земля прежде пребывала (досл. «стояла»). Синоним оборота «стоять за правду» — действовать в интересах Чешской земли (досл. «вести перед собой все земское благо»). В обоих случаях употреблены такие глаголы, которые предполагают действие по прямой траектории (ст.-чеш. *státi / před se vésti*). Налицо образ правды как «прямынь», однажды в прошлом установленного ориентира, любые отступления от которого недопустимы.

С этим образом «правды» согласуются Земские установления Вацлава IV, разработку которых побежденный король поручил мятежным панам, придав их статьям законную силу своей грамотой от 30 мая 1395 г.¹¹ Заметно, что эти по факту панские установления полны отсылками на прошлое как на единственный образец того, что законно. Статья 3 требует, чтобы назначение кметов осуществлялось бы так, «как раньше было установлено с участием Королевской Милости, панов и земанов»¹². Согласно статье 5, конфискация

10 Электронный словарь старочешского языка определяет *zemský běh* как «обязательный порядок судопроизводства накануне земского суда, порядок земского права». См.: *Elektronický slovník staré češtiny*. URL: [Vyhledávání \[běh\] \(cas.cz\)](http://vyhledavani.bch.cas.cz) (дата обращения — 22.02.2023). Предполагаю, что паны подразумевали практику тоекратного вызова в суд. В случае, если ответчик не являлся на суд либо на судебный поединок, он подлежал розыску и убийству. См.: *Řád práva zemského // Codex juris bohemicus / edidit H. Jireček*. Prague, 1870. T. 2. P. 2. P. 198–255 (здесь — p. 200–202, 212).

11 *Archiv český*. D. 1. S. 56–58.

12 “Wiece aby to kmetowstwo, jakož jest bylo najprwé s Králowú Milostí a se pány i s zemany obstanoweno a přiseženo, aby to bylo před sie konáno a pred sie šlo”. *Ibid.* S. 56.

выморочного имущества и его инфеодация должны осуществляться так, «как было издавна», а придворные «доски», т. е. кодекс, в который делались записи об этих процедурах, — вестись «в соответствии с древним обычаем»¹³. Помимо этих, еще десять статей воспроизводят нормы, которые отсылают к прежним порядкам («древнему установлению»). В свою очередь, все недопустимое, что паны желают искоренить, происходит в их собственное время: «что **ныне в этой войне** было у кого-либо из светских или духовных лиц отнято, то пусть тотчас будет возвращено и уступлено со всеми правами»¹⁴ (статья 2); «**недавно возникло**, что с земанов в королевских городах взимают унгельд: чтобы это прекратилось и этого не было, потому что прежде не было; также о дорогах, ибо **их вопреки старому обычаю воротят в другую сторону**: чтобы эти дороги там же шли, где и прежде, чтобы в другую сторону их не воротили; и **новые пошлыны, недавно установленные**, чтобы тоже прекратились»¹⁵ (статьи 16–18). Таким образом, при издании грамоты от 8 мая 1394 г. и Земских установлений 1395 г. чешские паны представляли в образе восстановителей права, некогда уже данного и освященного древностью.

В этой связи вызывает недоумение их утверждение, что они желают «плодить и сотворять в земле правду» (ст.-чеш. *prawdu w zemi ploditi a činiti*). Этот плеоназм¹⁶ противоречит точке зрения саксонского рыцаря Иоганна фон Буха, который заявлял: «Не должно

13 “Také aby u dworských desk řád šel *dřewnieho obyčeje*, i prowolanie i uwazowanie, *jakož jest bylo od staradawná*”. Ibid.

14 “Také aby pánóm a zemenom (sic!), což jest koliwěk **nynie w tejto wálce** komu sie weč uwázáno, swětským nebo duchowním, aby to nawráceno bylo ihned všem zasě mocně a sstúpeno”. Ibid. S. 56.

15 “Wiece jakož jest již **z nowa wzniklo**, že ungelt po králowých městech na zemanech berú, to aby sešlo a toho nebylo, jakož dřéwe nebylo”. “Také o cestách a o silniciech, jakož **je proti starému obyčeji obracují jinudy**, ty cesty a ty silnice aby tudíž šly, jakož dřéwe, a jinam obracowány nebyly. **A nowá mýta z nowa nalezená** aby sešla take”. Ibid. S. 57. Унгельд — пошлина с товаров, уплачиваемая в королевских городах.

16 В Дрезденской Библии конца 1360-х гг. глагол *činiti* употреблен в смысле «давать плод»: “Nemuož dobré dřěvo zlého ovoce činiti ani dřěvo zlé činiti ovoce dobrého”. Перевод: «Не может доброе дерево рождать плохой плод, и плохое дерево — хороший» (Матф. 7, 18). Bible draždánská. Matoušovo ewangelium / ed. K. Voleková, A. Svobodová. URL: [Bible draždánská, Matoušovo ewangelium], folio 544r (cas.cz) (дата обращения 21.02.2023).

увеличивать право больше, чем оно дано. Не должно также и уменьшать право, кроме как если судья сомневается между двумя правами; тогда пусть постановит то, которое имеет меньшее наказание»¹⁷. Термином *recht* саксонец выражает норму записанного права: так, казни с утратой чести и конфискацией имущества, которая прописана в «Саксонском зеркале» для тех, кто убил своего господина, И. фон Бух предлагает альтернативу в виде денежного штрафа, ссылаясь на «Дигесты» Юстиниана («Было бы лучше наложить штраф, чем убить, как <гласит> закон о наказаниях “Absentem”»)¹⁸. Чтобы понять, чем была «правда» в понимании чешских панов, обратимся к вопросу об источниках, к которым они прибегли при формулировании Земских установлений.

Явные параллели позволяют заключить, что текстом, на какой опирались паны, было собрание «Статутов королевства» 1355 г.¹⁹ Земские установления 1395 г. начинаются со статьи, в которой король постановил: «Во-первых, чтобы велось согласование касаясь нашей чести, нашего чина и всех наших благ, а равно и о всех земских благах»²⁰. Здесь четко выражена дихотомия королевских и земских имуществ (*dominium speciale* — *dominium generale*, ср. русские категории «опричины» и «земщины»). Контроль сословного общества за сохранностью монаршьего удела в королевстве был предусмотрен

---

17 “Me schal nen recht meren wan als yt gegeuen is. Me schal is ock nicht minneren, yt en sy, dat dy richter twiuele tusschen twen rechten, so geue he, dat dy minnere rуне het”. Глосса Иоганна фон Буха к 84-й статье «Земского права» Саксонского зеркала: Monumenta Germaniae Historica. Fontes iuris Germanici antiqui. Nova series. Hannover, 2002. Bd. VII: Glossen zum Sachselspiegel-Landrecht Buch'sche Glosse. T. 3. S. 1501.

18 “Wente yt were beter, dat me einen losz lyte na wane, wan dat me einen dodete na wane, ut ff. de penis l. absentem”. Ibid.

19 Оно известно в науке под поздним названием “Majestas Carolina”, которое в 1617 г. дал первый издатель «Статутов» 1355 г. — Павел Йешин. По дискуссионным причинам Карл IV издал грамоту, в которой объявил кодекс статутов сожженным и не имеющим законной силы; тем не менее текст сохранился в двух латинских рукописях XV в. из Публичной Пражской библиотеки и архива г. Тршебонь, а также в трех старочешских переводах. См.: Archiv český. D. 3. S. 67.

20 “Najprwé, o našem počestném a o našem řádu i o všem našem dobrém, aby jednáno bylo, i o všeckno zemské dobré”. Грамота короля Вацлава IV, изданная в 1395 г. в день св. Троицы (30 мая) в Жебраке. Оpubл. в: Archiv český. D. 1. S. 56–58.

клятвой монарха «о неотчуждении городов, замков и прав, относящихся к королевскому домену Богемии, а также к суду и столу», которая должна была произноситься королем как перед вступлением в королевские города, так и отдельно — в присутствии князей, прелатов, панов, знатных людей и общин Чешского королевства²¹. В свою очередь, и королевские чиновники должны были принести клятву, о которой сказано в статьях 5 и 7 Земских установлений: «Также чтобы порядок придворных досок осуществлялся согласно древнему обычаю, а равно и процедура оглашения и уделения в лен, как было издавна, чтобы управителем этих досок был пан знатный, безупречный и имеющий в земле владения, поставленный по панскому совету: **пусть он присягнет и Королевской Милости, и общине, что будет вершить абсолютную справедливость (досл. «вести полную правду»)**»²²; «Также, чтобы в соответствии с земским обычаем и с ведома панов был поставлен земский писарь, заслуживающий этого; **чтобы тот присягнул так, как прежде было написано, и чтобы вершил абсолютную справедливость (досл. «вел полную правду»)**»²³. Принцип, что должностное лицо, поставленное королем, присягает сословной общине, четко выражен в 22-м статуте 1355 г.: «Настоящим установлением мы распоряжаемся устроить так, что все должностные лица или магистраты, направленные для осуществления справедливости, каким бы верховенством своего чина или поста они бы ни блистали в нашем королевстве Богемия, при вступлении в свою должность **в присутствии народа того места**, где тот или иной должен расположиться для осуществления суда, — при том, что уже совершилось публичное провозглашение, — пусть клянутся, положив руку на Священное Евангелие, “что они из страха

---

21 “De non alienandis civitatibus, castris et juribus ad regium demanium Boemiae, atque justitiam spectantibus sive mensam”. *Majestas Carolina // Codex juris bohemicus / edidit H. Jireček. Pragae: typis Grégerianis, 1870. T. 2. P. 2. P. 100–197 (здесь — p. 117–118).*

22 “Také aby u dworských desk řád šel dřevního obyčeje, i prowolanie i uwazowanie, jakož jest bylo od staradawná, aby u těch desk úředník byl pán urozený, zachovalý a k zemi usedlý, s panskú radú usazen, **a ten aby přísáhl i KMti i obci prawdu plnú wésti**”. Грамота Вацлава IV от 30 мая 1395 г.: *Archiv český. D. 1. S. 56.*

23 “Také aby písař zemský podlé obyčeje zemského a podlé wěděnie panského k tomu hodný byl obstanowen, **a ten přísáhl takéž jakož dřewe psáno jest, aby prawdu plnú wedl**”. *Archiv český. D. 1. S. 57.*

Божьего и для чести и славы королевского величия Богемии, а также для мира и спокойствия преданных вассалов этого королевства в рамках вверенной им должности верно и безо всякой предвзятости к лицам будут **служить к приращению справедливости**»²⁴. Возможно, что именно из последних слов 22-го статута 1355 г. чешские паны позаимствовали тот образ, который отражен в их грамоте 1394 г. («плодить и сотворять правду в земле»).

Обратимся к вопросу о том, в чем составители Земских установлений отклонились от текста и существа «Статутов» 1355 г. — будь то полностью или частично, что поможет установить сущность той «правды», о которой они говорят. Статья 6 Земских установлений гласит: «Также о земских досках (ведомственные книги земского суда, в которых фиксировались тяжбы, сделки и проч. — Н. Н.), чтобы **их вели согласно древнему установлению и не открывали без ведома панов**. И в эти регистры чтобы не делались записи, **кроме как при панах**, при кметах, как минимум трех. *И должностные лица чтобы ставились с совета панов, такие, чтобы этого заслуживали*»²⁵. Полу жирным шрифтом выделены сходства между этой статьей и текстом 27-го статута 1355 г.: «Доски, которые должны быть изготовлены земским писарем, мы повелеваем хранить в нашем Пражском замке вместе с самим писарем — за исключением тех, которые составлены о наследных имениях и об уже совершенных делах, которые **(каким был издревле обычай)** сначала припечатываются высшим камерарием, высшим цудой, или судьей и бургграфом упомянутого нашего Пражского замка, а также названным земским писарем. Мы желаем, чтобы

24 “Constitutione praesenti providimus ordinandum: quod officiales sive magistratus omnes ad reddendum justitiam deputati, quacunq[ue] praeeminentia dignitatis aut administratione praeefulgeant in regno nostro Boemiae, in introitu quisque officii sui, **praesente populo losi illius**, in quo debet facere residentiam pro iudicio ferendo, (praecedente scilicet proclamatione publica), jurent sacrosanctis evangelii manu tactis, «se in timore dei et ad honorem et gloriam regiae majestatis Boemiae, statumque pacificum et tranquillum devotorum fidelium dicti regni, in decreto sibi officio fideliter cuicunque absque personarum acceptione **ministrare justitiae complementum**»”. Majestas Carolina. P. 126.

25 “Wiece také o dskách zemských, aby ty **byly chovány podlé obstanowenie starého, a nebyly otwierány bez panského wěděnie**. A w ta registra aby nebylo kladeno než **při pániech** při kmetech, a zwlášť při třech najméně; *a úředníci aby takéž byli usazeni s panskú také radú, ježtoby hodni byli*”. Archiv český. D. I. S. 56.

их хранили в ризнице Собора Пражской церкви и не открывали, кроме как **в присутствии высшего камерария и баронов земли, сообразно обычаю**»²⁶. Сущностное сходство между памятниками нормативного права 1355 и 1395 гг. состоит в том, что чешским панам (баронам) была уделена роль ответственного хранителя земских досок в Чешском королевстве. Равным образом в обоих текстах повторяется отсылка к древнему установлению. Тем не менее выделенные курсивом слова рассматриваемой статьи 1395 г. не только отсутствуют в 27-м статуте, но и противоречат иным статутам 1355 г. в вопросе, кто назначает на должность и выступают ли сословия в качестве консультативной силы при этой процедуре. В статутах не сказано о том, что монарх обязал ставить должностных лиц «с совета панов» (ст.-чеш. *s panskú radí*). Напротив, в 17-м статуте 1355 г. подчеркивается: «*Высший камерарий, высший цуда, или судья, а также земский писарь, которые ставятся непосредственным решением одного короля, а также прочие камерарии, цударии, нотари и иные чиновники всех провинций нашего Чешского королевства, подчиненные этим трем высшим службам, ни в какое время не ставятся на срок чьей бы то ни было жизни — ни совместно, ни по отдельности, должности же не продаются, не закладываются и не отчуждаются ни под каким видом, ни навеки, ни временно*»²⁷. Во-вторых, срок назначений в 1395 г. тоже подвергся корректировке. Согласно статуту, никакие чиновники (как верховные, так и крайские, в число которых входили и присяжные земского суда — 12 панов-кметов от 12 краев) не занимали свои должности пожизненно, однако в 3-й статье 1395 г. этот принцип изменен («те кметы чтобы принимали

26 “Tabulae, quae per terrae notarium confici debent, pariter simul cum ipso notario teneri et servari in castro nostro Pragensi jubemus. Nisi haec, quae forent super hereditatibus et causis finitis jam compositae, quas (**ut moris fuit antiquitus**) sigillatas prius, per supremum camerarium, supremum czudam seu iudicem et burggraviium dicti castri nostri Pragensis, ac dictum terrae notarium, in sacristia cathedralis ecclesiae Pragensis volumus custodiri, nullatenus aperiendas, nisi **praesentibus eodem supremo camerario et terrae baronibus, ut est moris**”. *Majestas Carolina*. P. 129.

27 “Itaque praesenti decreto jubemus, quod supremus camerarius, supremus czuda vel iudex, ac notarius terrae, qui mero et immediato regis arbitrio statuuntur, et ceteri camerarii, czudarii, notarii et officiales alii, ab ipsis supremis tribus officiis dependentes, omnium provinciarum regni nostri Boemiae, nullo unquam tempore constituentur seu ordinentur ad vitam cuiquam communiter vel divisim; nec officia ipsa vendantur, obligentur, aut alio quovis alienationis titulo distraherentur, perpetuo vel ad tempus”. *Majestas Carolina*. P. 123.

в свой состав других панов, которые годились бы для этого и которые издавна для этого рождены... И какие из кметов ушли (т. е. умерли. — Н. Н.), пусть другие поставлены будут с совета панов»²⁸. Как в процитированном установлении, так и в трактате современника событий, земского судьи Ондржея из Дубы, недвусмысленно выражена наследуемость статуса кмета в чешской благородной среде: «Ни один пан не может выносить панского приговора, кроме как тот, на которого укажет судья. **И тот должен быть кметом от своих предков**, а что такое кмет — то знают паны»²⁹. В-третьих, согласно 20-му статуту 1355 г. поправцы (лат. *correctores* / ст.-чеш. *poprawci*) — должностные лица из числа панов, которые исполняли наказания, — «должны были быть назначены в отдельных провинциях по принятому обычаю» (лат. *in singulis provinciis de more solito ordinandi*), очевидно — самим монархом. В 11-й статье 1395 г. уже прописана качественно иная процедура: «чтобы в наказания не вмешивались те, кто не имеет на это права, но лишь **обговоренные для этого поправцы**, в соответствии со старым установлением»³⁰. Тем самым чешское сословное общество, начиная со своих верхов (панского сословия), приобретало все большую автономию от короля. Именно она составляет политическое содержание того морально-юридического синтеза справедливости и законности, который чешские паны предгуситской эпохи вкладывали в слово *pravda*. Стремление к сбережению и расширению этой автономии, ее «умножению» и было выражено панами в словах грамоты 1394 г.: *pravdu ploditi a činiti*. В 1395 г. они представили в качестве «древнего установления» как настоящие нормы из статуты Карла IV, так и свои собственные представления о справедливом общественном устройстве,

28 “Wiece aby to kmetowstwo, jakož jest bylo najprwé s Králowú Milostí a se pány i s zemany obstanoweno a přiseženo, aby to bylo před sie konáno a pred sie šlo; a ti kmetowé aby přijmúc jiné pány, kteřížby k tomu hodni byli a přirozeni od staradawná, aby mohli súditi mocně bez přiekaz, komužby co odsúdili neb přisúdili, aby to mocno bylo a toho jim pomáhano, tak aby to wždy bylo dokonáno, což náleznú. A kteříž sú kmetowé **sešli**, aby jiní s panskú radú byli wydáwani”. Грамота Вацлава IV от 30 мая 1395 г.: Archiv český. D. I. S. 56. Подробнее о кметах см.: Rieger B. Zřízení krajské v Čechách. Praha, 1894. Č. I. S. 38.

29 “Panského potazu nemóz žádný pán vynésti, než na kohož sudí podá. **A ten má býti kmet ot svých předkův**; a co jest kmet, to páni vědie”. *Dubé O. z. Práva zemská česká* / vyd. Fr. Čada. Praha, 1930. S. 154.

30 “Také aby w poprawy ti nesahali, jež to s právem sáhnúti nemají, než **poprawce k tomu zjednaní**, podlé starého ustawenie”. Archiv český. D. I. S. 57.

которые принципиально противоречили письменному праву. При этом они вполне могли и не видеть здесь того противоречия, которое увидит современный человек — гражданин «государства-учреждения» (нем. *Anstaltsstaat*) в терминологии Макса Вебера, поскольку сама правовая культура чешского благородного общества разительно отличалась от современной. Так, пан и земский судья Ондржей из Дубы заявлял в своем трактате «О земских правах» рубежа XIV–XV вв.: «Также паны говорят, что они — свободные паны, так что как свободные паны они могут осуществить свои приговоры, которые были постановлены и записаны в земские доски. И также говорят, что не должны иметь писанных прав, чтобы люди не руководствовались их приговорами. Потому что сегодня одному в его деле в соответствии с его изложением присудят выигрыш, а другому, кто свое дело менее понятно расскажет и своей речью не так ладно объяснит, такому человеку в точно таком же деле проигрыш постановят»³¹.

Тем самым чешское земское право не было ни прецедентным, ни статутарным. Сложившийся порядок судопроизводства, а вместе с тем и нормы наказаний за особо тяжкие преступления в XIV в. были записаны, однако сам Ондржей из Дубы признает, что «вместе паны могут и иначе приговорить»³². Сама этимология старочешского слова «приговор» (ст.-чеш. *nález* от глагола *naléztí* — «найти») указывает на то, что правосудие, т. е. установление правого и виноватого, в Чешском королевстве осуществлялось *ad hoc* в каждом отдельно взятом случае. И потому неудивительно, что термин «правда» в политико-юридическом социолекте чешской знати рубежа XIV–XV вв. зачастую оказывается наполнен предвзятостью и субъективностью: «правда» — это не истина,

31 “Také páni pravie, že jsú svobodní páni, že mohú z svých náleзов stalých a v zemskej dsky zapsalých, mohú jích pričiniti i ujieti jakož to svobodní páni. A také tak pravie, že nemajú psaných práv jmieti, aby se nezpravovali lidé po jich náleziech. Než dnes jednomu podlé líčenie jeho přě k zisku naleznú jemu a o túž při jinému, ktož svú při a nerozumněje povie a ne tak řádně podlé řěči líčenie své, za ztracenu jemu naleznú”. *Dubé O. z. Práva zemská*. S. 173.

32 Порядок судопроизводства был прописан в «Порядке земского права», где, в частности, было указано: если мужчина овладел чьей-либо дочерью без ее воли, сама дочь должна отрубить голову своему насильнику; если же окажется, что это произошло с ее согласия, тогда ее отец должен отрубить головы обоим. См.: *Řád práva zemského*. P. 249. Именно в данном контексте Ондржей из Дубы заявляет: «Но это право — древнее: вместе паны могут и иначе приговорить». Оригинал: “Ale to jest staré právo: mohu páni spolu jinak naléztí”. *Dubé O. z. Práva zemská*. S. 130.

а чье-то мнение. Лучшее свидетельство этому — следующая сентенция Ондржея из Дубы: «Также часто в одинаковых тяжбах паны выносят все иные и иные приговоры, и это случается не по их вине, но по вине тяжущихся сторон. Потому что часто одна сторона **свою правду** представит перед панами превосходно и красноречиво, так что дело через панский приговор пойдет ей в выигрыш. И часто другая сторона, имея в своей речи и в своем изложении ту же самую или похожую правду, поведет себя перед панами некрасноречиво, мешкая сама, так что паны приговорят ей в той же правде проигрыш, а потому отсюда выходит, что часто правый утрачивает, а неправый приобретает. Потому что в каждом праве тому, который в своем деле осторожен и внимателен, тому право помогает, а кто о **своей правде** не заботится, тому право тоже неохотно помогает: один разумом и попечением приобретет, а другой леностью и неразумием утратит»³³.

Понятие «правды» в гуситскую эпоху. Ондржей из Дубы начинает свой трактат со строгого увещевания королю Вацлаву: «На кого всеобщий крик, как не на тебя? Кого винят перед Богом, как не тебя? О ком злая память, как не о тебе? И от этого обвинения можешь избавиться и не быть в этом виновным, приняв поучение одно, усердие свое выказав: кому ты дашь или дал должности, и принимаешь присягу от них, прикажи, чтобы они вели **правду Божью** и — осуществляя в той правде древнее право без изобретения новых прав — пусть они не ищут при этом грошей в обход древнего установления...»³⁴. Если правда ответчика или истца воспринималась как субъективная (что четко осознавал как Ондржей, так и мятежные паны, заранее грозящие насадить собственную «правду» силой своего оружия), то в условиях

33 “Často také v rovných přech páni jiné a jiné nalézají a to bývá bez jich viny, ale vinú stran. Neb častokrát **svú pravdu** jedna strana řečí podobnú a výmluvnú před pány vyvede, takže jěj to k zisku panským nálezem pójde. A častokrát také druhá strana túž aneb podobnú k téj pravdu majíc v své řeči a v svém líčení, nevýmluvně přědě pány povede sama sě měškajíc, že páni o túž pravdu jěj ke ztrátě naleznú, takže z toho vychodí, že často pravý ztratí a křivý zíšť. Neb v každém právě tomu, ktož své věci jest opatren a bdí, právo jest pomocno a ktož **své pravdy** netbá, právo jemu také nerado spomáhá: onen smyslem a snažností zíšť a druhý leností a nedomysem ztratí”. Ibid. S. 152–153.

34 “A na koho křik obecny než na tě? Na koho k bohu žaloba než a tě? O kom zlá pamět než o tobě? A ty muožeš otbýti a vinen tiem nebyti, jedno přijma naučenie, učíš svú snažnost: komuž úřady dáš nebo dals a přísahu od nich přijímáš, káž, ať **pravdu božskou** vedú a v téj pravdě právo staré obyčejně vedú bez zámyslu nových práv, ať v tom groše nehledají mimo ustavenie staré...”. Ibid. S. 115.

тотального господства христианской идеологии Божья правда должна была представляться объективной, незыблемой данностью. Особенно это характерно для узуса священнослужителей, ведь они имели перед собой слова апостола Иоанна: «И Дух есть, Который свидетельствует, что Христос есть правда (лат. *veritas*)»³⁵. Выходец из рыцарского рода, ставший священником, Томаш Штитный из Штитного высказался так, как его более прагматичный современник, пан Ондржей из Дубы и не подумал бы: «Но они (серафимы. — *Н. Н.*) зовутся “пламенеющей любовью”, поскольку более достойно со всем желанием любить Бога, Который есть правда, чем знать правду»³⁶. Уже здесь «правда» выступает как синоним истины. Для понимания гуситской трактовки термина показательно его употребление Яном Гусом в 1412–1415 гг. Отлученный от Церкви за неявку в суд папской курии по подозрению в ереси, Ян Гус в октябре 1412 г. составил публичное воззвание к Богу — «Первому и Последнему Прибежищу угнетаемых, Повелителю, Охраняющему **правду** в здешнем мире, Творящему правосудие страдающим от несправедливости, Близкому ко всем, взывающим к Нему **в правде**»³⁷. У Гуса «правда» (лат. *veritas*) в первом случае — абстрактная справедливость, во втором — его субъективное представление о собственной правоте. В день своей казни 6 июля 1415 г. Ян Гус, облачившись в белые одежды, сказал, обратившись к толпе: «Вот эти епископы призывают меня к тому, чтобы я клятвенно отрекся; я боюсь сделать это, дабы не стать лжецом пред лицом Господа, а также чтобы я не оскорбил **совесть свою и Божью правду**, ведь я никогда не придерживался тех статей, которые лжесвидетельствуют против меня»³⁸. Заметно, что здесь выделенные категории не противопоставлены

35 “Et Spiritus est, qui testificatur quoniam Christus est veritas” (1-е Иоанна, 5:6).

36 “Ale proto slovú «plálolící milostí», že duostojnějšie věc jest, plnú žádostí milovati Boham, jenž jest pravda, než pravdu znati”. *Štitného T. z. Knížky šestery o obecných věcech křesťanských* / vyd. K. J. Erben. Praha, 1852. S. 122.

37 “Opressorum est primum et ultimum refugium, et dominus custodiens veritatem in seculum, faciens iudicium injuriam patientibus, prope existens omnibus invocantibus eum in veritate”. *Documenta Mag. Joannis Hus vitam, doctrinam, causam in Constantiensi concilio actam et controversias de religione in Bohemia annis 1403–1418 motas illustrantia* / ed. F. Palacký. Pragae, 1869. P. 464.

38 “Ecce isti episcopi hortantur me ad hoc, quod revocem et abiurem; timeo hoc facere, ne sim mendax in conspectu domini, et etiam ne **conscienciam meam et dei veritatem** offendam, cum nunquam istos tenui articulos, qui contra me false testantur”. *Fontes rerum bohemicarum* / vyd. V. Novotný. Praha, 1932. D. 8. P. 116.

друг другу в качестве дихотомии многих частных мнений («совесть») и одной-единственной, объективной Божественной истины, но наоборот — семантически объединены, обозначая то, за что Ян Гус принес себя в жертву. Подобное размывание грани между собственным мнением и неоспоримой истиной оказалось присуще и гуситам 1420-х гг., которые — отлученные от Церкви, провозглашенные еретиками, сжигаемые на кострах и бросаемые в кутногорские шахты — оказались в той же ситуации, что и Ян Гус в 1415 г.

Не человеческая, но Божья правда стала ключевым понятием гуситской идеологии. «Тот собор (Констанцкий. — Н. Н.) многократно к сугубой кривде в наш адрес своей злобой искушал нас и многие лукавства готовил, чтобы надежно искоренить нас из королевства — и это все не за что иное, как за ту Божью правду принятия Тела и Крови Христовой под обоими видами всеми верными христианами», — заявили гуситы, собравшиеся в Праге 3 апреля 1420 г.³⁹ В этом общесловном манифесте воспроизведена традиционная ассоциация «правды» с судебным процессом — но уже без того субъективного оттенка, который выражен в словах Ондржея из Дубы. В тяжбе Констанцкого

39 “Kterýžto sbor, ačkoli na naši těžkú křiwdu mnohokrát proti nám pokúšel jest swých zlostí, a aby wěrně wyplel z králowstwie, mnohé lsti kowal jest; a to pro nic pro jiné, než pro tu prawdu boží přijímanie těla a krwe Kristowy pod obojím způsobem ode všech wěrných křesťanów, mnohé je nám a těžké učinil bezprawie”. Archiv český. D. 3. S. 212–213. Не соглашаясь с предшествующей историографией, которая приписывала авторство бургомистрам и советам Пражских городов (И. Главачек, Ф. Зайбт), К. Груза подчеркивает отсутствие в тексте общего определения для собравшихся из-за вероятной пестроты их состава, а потому среди них могли быть и знатные люди. См.: *Hruza K. Die hussitischen Manifeste vom April 1420 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. Bd. 53. 1997. S. 119–177* (здесь — s. 125). Считаю, что К. Груза прав: в конце манифеста выражена просьба, чтобы адресаты (очевидно — некие города) прислали на сейм своих делегатов, что «будет к великой славе и чести всем вам и нам от наших преемников, сыновей и сыновей наших сыновей» (ст.-чеш. *wšem wám a nám od našich naměstków, synów, a synów našich synów má k veliké chwále a cti přijíti*). Похожую конструкцию «их (прелатов. — Н. Н.) преемники и наследники баронов» (лат. *eorumdem successores et Baronum heredes*) употребили те, кто в 1386 г. от имени прелатов, баронов и знатных людей Венгерского королевства составил выборные капитуляции для Сигизмунда Люксембургского. *Magyar diplomáciai emlékek az Anjou-korból / szerk. Wenzel G. Budapest, 1876. 3. köt. 621. l.*

собора с Богом и Его праведниками (а именно так видели себя гуситы) априори понятно, Кто прав. Базовые тезисы гуситской экклезиологии, Четыре пражские статьи 1420 г., гуситы поначалу называли «четырьмя христианскими вещами» (ст.-чеш. *tyto kusy čtyřy křesťanské*), выражая готовность «исправить и сердечно принять поучение из Св. Писания во всем, если кому-то в нас видится что-то плохое»⁴⁰. Затем череда военных побед пражских гуситов в 1421 г. подтолкнула их к абсолютизации своей программы, которая в грамоте Чаславского сейма от 7 июня 1421 г. уже названа «Божьими правдами» (ст.-чеш. *tyto prawdy božské*). Их должно не только защищать против каждого, кто станет им препятствовать, но и навязать их всем: «Также известным образом согласовано: если бы кто-либо не захотел принять это соглашение и спасительные статьи, написанные выше, то такого человека или тех людей должно принудить к этому»⁴¹. Даже на заключительном этапе конфликта, в переговорах со сторонниками традиционного католического обряда, гуситы сохраняли свое понимание Четырех статей как абсолютной истины, чем объясняется как мужество, с которым гуситы противостояли превосходящим силам, так и их исключительная жестокость по отношению к своим противникам.

Обратимся к тому, как в сравнении с Ондржеем из Дубы политико-юридическую «правду» воспринимал благородный правоведа-утраквист середины — второй половины XV в. — моравский пан и земский судья Цибор Товачовский из Цимбурка. В 1466 г. на сейме чешские сословия постановили указ, в котором перефразировали уже процитированное место из «Земских прав» Ондржея из Дубы, заявив: чешские паны «не должны руководствоваться письменными приговорами, но могут одинаковую тяжбу присудить одному — к выигрышу, а другому — к проигрышу»⁴². На тему прав и обязанностей панов в земском суде (которая, видимо, в это время активно обсуждалась) высказался и моравский пан из Цимбурка, который

---

40 Из манифеста от 3 июля 1420 г., в котором провозглашены Четыре пражские статьи: “A nade všeckno wyznáwáme, že zdáli se komu do nás co zlého, hotowi sme polepšiti a we všem zpráwu a naučení z písma swatého srdečně přijieti”. Archiv český. D. 3. S. 216.

41 “Také jest znamenitě swoleno, že ačby kto nechtěl k této umluvě a k artikuluom spasitedlným swrchupsaným přistúpiti, ten nebo ti k tomu mají připuzeni býti”. Ibid. S. 229.

42 “A že se nemají psanými nálezy zprawowati, než s jednostejnú při wedle líčení za získání i zase druhému za prohrání odsúdití”. Ibid. D. 5. S. 363.

однажды уже проявил оппозиционность к решениям чешских сословий. Теперь в 213-й главе «Товачовской книги» («О свободе и панском суде») он ответил чешским панам моральным наставлением: «Она (панская свобода. — Н. Н.) такой является, что <паны> писаными правами не управляют, но своими стародавними обычаями и выслушиванием сторон и тяжбы, которая сторонами излагается, чтобы могли они распознать **справедливость между правдой и кривдой**, судя в соответствии с видением и своей доброй совестью»⁴³. Схожим образом в конце XV в. утверждает и Викторин Корнелий из Вшегрд — аноблированный чешский мещанин из Хрудими, знаток земского права: «Обвинителю подобает обвинение и доказательство, ответчику — отрицание вины; **свидетелям — правда, доказательствам — то же самое; судье — справедливость**, разум, ловкость, чтобы обе стороны слышал, знание прав, ненависть к дарам, любовь к правде, подавление любого позова к приязни, к неприязни, к зависти, к гневу и тому подобному»⁴⁴.

Очевидна разница между ориентирами в правосудии, которые намечают рассматриваемые авторы — практики и знатоки судебной сферы своего времени. Для Ондржея из Дубы в начале XV в. ответственность за выявление правды и ее победу в суде лежит в первую очередь на том, кому она принадлежит и кто, будучи прав, желает добиться справедливости. В середине — конце XV в. Цибор Товачовский и Викторин из Вшегрд делают акцент на том, что установление правды и справедливости — это долг самого судьи. В их узусе сам термин можно перевести словом «истина» — по той причине, что лексема *pravda* в их гуситский век уже выражает объективную данность.

Что привело к подобной трансформации понятия «правда» в XV в.? На данный момент можно предположить воздействие двух

43 “Ta jest taková, že se právy psanými nespravují, než obyčejí svými starodávnými, a slyšení m stran a pře, kteráž od stran se líčí, aby rozeznati mohli **spravedlnost mezi pravdú a křivdú**, súdíc vedle zdání a svědomí svého dobrého”. *Cimburka C. z. Kniha Tovačovská / vyd. V. Brandl. Brno, 1868. S. 117.*

44 “Žalobní ku příležie vinění a próvod, otporníku viny bránění, **svědkóm pravda, a próvodom též; súdci spravedlnost**, rozum, umění, aby obě straně spolu slyšal, známost práv, darův nenávisť, pravdy milování a všelikého hnutie myslí k přiezni, k nepřiezni, k závisti, k hněvu a těm podobným zahrnutí”. *Všehrd V. ze. O právích země Česká / vyd. H. Jireček. Praha, 1974. S. 415.*

факторов. Во-первых, гуситская революция закрепила рассматриваемый термин в качестве обозначения несомненной, объективной данности — не человеческой, но «Божьей правды», любой противник которой оказывается вне правового поля. Термин перестал означать чью-то субъективную позицию, а через пробуждение утраквистами более глубокого религиозного чувства (см. Четвертую пражскую статью, которая требовала публичного искоренения смертных грехов) в сознании гуситских правоведов выростала идея беспристрастного установления справедливости как судейского долга. Во-вторых, важную роль могло сыграть обращение к античным авторам, которые культивировали образ беспристрастного судьи. Так, Викторин Корнелий из Вшегрд поясняет в скобках после выше процитированной фразы: «Потому что когда царят эти вещи и такие позывы, никогда справедливый суд не может быть устроен, поскольку такие позывы, как написал Вергилий, искажают разум, а иногда вообще отнимают его — и судья с трудом высматривает правду, если такие позывы царят, как сказал Юлий Цезарь»⁴⁵. Через античные образцы этот чех эпохи Ренессанса задается вопросом о причинах того, почему беспристрастное правосудие столь сложно организовать. По сравнению с Викториним, Ондржей из Дубы лишь с горечью констатирует отступление от образцов прошлого, априори справедливых: «Мало есть чешских панов, которые помнили бы, что их отцы почитали за право, так что — не помня и не зная — ведут они разбирательство, каждый по своему устремлению, своему мнению и намерению, немилостно добывая серебро в этих должностях вопреки старым установлениям»⁴⁶. В качестве объяснения выскажу следующую гипотезу, нуждающуюся в больших доказательствах: в сознании чешской знати конца XV в. распространялась идея рациональной справедливости (в данном случае никак не противоречащая глубокой гуситской религиозности), замещающая собой априорные традиционалистские представления о прошлом как образце справедливого порядка.

---

45 “Neb kdež ty věci a taková hnutie panují, nikdy spravdivlý súd nemôž učinen býti, poněvadž taková hnutie rozum, jakož jest Virgilius napsal, převracie a druhdy naprosto odjímají, a z těžka súdce pravdu vyhledá, kdež hnutie taková panují, jakož jest Julius Caesar pověděl”. Ibid. S. 415.

46 “Neboť mním, že málo jest pánuov českých již pohřiechu, by pomněli, co jsú jich otcové za právo měli a nepomniec ani věduc, vedú každý k své vůli, své mysli a zámysli, v těch úradiech nemilostivě groš dobývají mimo staré ustavenie”. Ibid.

Источники и литература

Дворецкий И. X. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2006. 844 с.
Archív český, čili staré písemné památky české a moravské / vydal F. Palacký. Praha: Kronbergr i Říwnáč, 1840–1872. D. 1, 3, 5.

Bible draždánská. Matoušovo evangelium / ed. K. Voleková, A. Svobodová. URL: [Bible draždánská, Matoušovo evangelium], folio 544r (cas.cz) (дата обращения: 21.02.2023).

Chládková V., Kouba J. K sémantické struktuře staročeských lexikálních jednotek se základem prav // Listy filologické. 1994. R. 117. Č. 1–2. S. 54–59.

Cimburka C. z. Kniha Tovačovská / vyd. V. Brandl. Brno: Josef Šnaird, 1868. 125 s.

Documenta Mag. Joannis Hus vitam, doctrinam, causam in Constantiensi concilio actam et controversias de religione in Bohemia annis 1403–1418 motas illustrantia / ed. F. Palacký. Pragae: Friedrich Temsky, 1869. 768 p.

Dubé O. z. Práva zemská česká / vyd. Fr. Čada. Praha: Česka akademie věd a umění, 1930. 236 s.

Elektronický slovník staré češtiny. URL: Vyhledávání [běh] (cas.cz) (дата обращения: 22.02.2023).

Fontes rerum bohemicarum / vyd. V. Novotný. Praha: nákladem nadání Františka Palackého, 1932. D. 8. CLX, 524 s.

Hruza K. Die hussitischen Manifeste vom April 1420 // Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters. 1997. Bd. 53. S. 119–177.

Kalivoda R. Husitské myšlení. Praha: Filosofia, 1997. 367 s.

Lexer M. Mittelhochdeutsches Wörterbuch. Leipzig: Hirzel, 1872–1878. Bd. 2. 2050 Sp.

Magyar diplomáciaiai emlékek az Anjou-korból / szerk. Wenzel G. 3. köt. Budapest: MTA, 1876. 799 l.

Majestas Carolina // Codex juris bohemicus / edidit H. Jireček. Pragae: typis Grégerianis, 1870. T. 2. P. 2. P. 100–197.

Monumenta Germaniae Historica. Fontes iuris Germanici antiqui. Nova series. Hannover: Hahnsche Buchhandlung, 2002. Bd. VII: Glossen zum Sachsenspiegel-Landrecht Buch'sche Glosse. T. 3. 1697 S.

Řád práva zemského // Codex juris bohemicus / edidit H. Jireček. Pragae: typis Grégerianis, 1870. T. 2. P. 2. P. 198–255.

Rieger B. Zřízení krajské v Čechách. Praha: Česká akademie císaře Františka Josefa, 1894. Č. 1. 371 s.

Staročeský slovník / vyd. I. Němec, B. Havránek et al. Praha: Academia, 1996. T. 21: Povolání — pravý. 1128 s.

Štítného T. z. Knížky šestery o obecných věcech křesťanských / vyd. K. J. Erben. Praha: tisk K. Jeřábkové, 1852. 354 s.

Vachková M. Německé jazykové slovníky v rukou začínajících historiků, archivářů a pracovníků příbuzných oborů // *Archivní časopis*. 2008. R. 58. S. 117–128.

Všehrd V. ze. O právích země České / vyd. H. Jireček. Praha: spolek českých právníků “Všehrd”, 1874. 577 s.

References

Bible dražďanská. Matoušovo evangelium; ed. by K. Voleková, A. Svobodová. URL: [Bible dražďanská, Matoušovo evangelium], folio 544r (cas.cz) (accessed: 21.02.2023).

Chládková, V., Kouba, J. “K sémantické struktuře staročeských lexikálních jednotek se základem prav.” *Listy filologické*, vol. 117, no. 1–2, 1994, pp. 54–59.

Dubé, O. z. *Práva zemská česká*; ed. by Fr. Čada. Prague: Česka akademie věd a umění Publ., 1930, 236 p.

Dvoretckii, I. Kh. *Latinsko-russkii slovar'*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 2006, 844 p.

Elektronický slovník staré češtiny. URL: Vyhledávání [běh] (cas.cz) (accessed: 22.02.2023).

Fontes rerum bohemicarum; ed. by V. Novotný. Prague: nadání Františka Palackého Publ., 1932. 8 vol., vol. 8. CLX, 524 p.

Hruza, K. “Die hussitischen Manifeste vom April 1420.” *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*, vol. 53, 1997, pp. 119–177.

Kalivoda, R. *Husitské myšlení*. Praha: Filosofia Publ., 1997, 367 p.

Monumenta Germaniae Historica. Fontes iuris Germanici antiqui. Nova series. Hannover: Hahnsche Buchhandlung Publ., 2002. 11 vol., vol. 7: Glossen zum Sachselspiegel-Landrecht Buch'sche Glosse. Part 3, 1697 p.

Staročeský slovník; ed. by I. Němec, B. Havránek et al. Prague: Academia Publ., 1996. 26 vol., vol. 21: Povolanie — pravý, 1128 p.

Vachková, M. “Německé jazykové slovníky v rukou začínajících historiků, archivářů a pracovníků příbuzných oborů.” *Archivní časopis*, 2008, vol. 58, pp. 117–128.

Všehrd, V. ze. *O právích země České*; ed. by H. Jireček. Prague: spolek českých právníků “Všehrd” Publ., 1974, 577 p.

The notion of “truth” (“pravda”) in the Late Medieval Bohemia

Nikolay N. Naumov

Candidate of History, research fellow

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovskiy Prospekt 27-4, Moscow, Russian Federation

Email: nn-naumov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6587-1681

Citation

Naumov N. N. The notion of “truth” (“pravda”) in the Late Medieval Bohemia // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 12–33 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.01

Received: 28.02.2023

Abstract

The paper deals with the semantic transformation of the Old Czech term “pravda” (meaning “truth” or “justice” in different contexts) in the political and legal sociolect of the Bohemian nobility from the end of the 14th till the end of the 15th century. This term was used in the charter issued by the Bohemian lords on the 5th of May, 1394 in such a way that it received a meaning of “straightness” denoting a legal reference point set in the past once and forever which does not allow any deviations. The lords declared their will “to put straight the Bohemian land and to bring it to the law and to the truth—in such a way as it stood firm in truth in the times of our forefathers.” The Land constitutions (*Zemské zřízení*) of the year 1395 written by the lords appeal to an unnamed “ancient constitution” and reproduce some laws from the “Statutes of the Kingdom” issued by Charles IV in 1355. However, in some other cases the Land Tables are inconsistent with the written law as they express their authors’ own notion concerning the social justice. An explanation could be found in the treatise “Land’s laws” by Ondřej of Dubá written around the turn of the 15th century: Here the term “pravda” means an opinion of a litigating person who considers himself to be right. The Hussites of the 15th century used the term as a motto, however, they meant the “God’s truth” (Old Czech: “pravda Boží”) and not the human one. In 1421 the diety of Čáslav issued a decree obliging everybody to confess the Four Prague Articles as “the truths of God”. Due to the absolutization of the term the Hussite legists of the second half of the 15th century Ctibor,

of Cimburk and Viktorín of Všehrdy considered the “pravda” to be an impersonal, objectively given reality, i. e. the verity.

Keywords

Kingdom of Bohemia, the 14th–15th century, the Old Czech language, the sociolect of the Bohemian nobility, the Hussites, truth and verity.

Отношения Москвы и гетманства и «згон» населения Среднего Поднепровья весной 1679 г.

Флоря Борис Николаевич
Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: sredveka_inslav@land.ru
ORCID: 0000-0003-0779-2488

Цитирование

Флоря Б. Н. Отношения Москвы и гетманства и «згон» населения Среднего Поднепровья весной 1679 г. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 34–43. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.02

Статья поступила в редакцию 17.12.2022.

Аннотация

После завершения боев за Чигирин 1677–1678 гг. русское правительство и гетман Иван Самойлович ожидали нового крупного османского вторжения, главный удар которого должен был быть направлен на Киев. Чтобы затруднить османам снабжение и расквартирование армии на подходе к городу, было решено перевести население расположенной на Правобережье части Среднего Поднепровья на левый берег Днестра. Эти события наиболее подробно, с привлечением архивных документов рассмотрены в монографии Н. И. Костомарова, который утверждал, что гетман Самойлович осуществил перевод населения по распоряжению из Москвы. Между тем новое обращение к источникам, в том числе не использованным в труде Костомарова, показывает, что инициатива «згона» принадлежала гетману. И. Самойлович направил на Правобережье свое войско под командованием старшего сына Семена Самойловича, еще не получив формального одобрения русского правительства. Последнее, однако, поддержало действия гетмана и направило для участия в операции отряд воеводы Г. Косагова. Она завершилась достаточно быстро, при этом местное население не оказывало сопротивления переселению. Причиной этого было нежелание подчиняться власти османов, чьи предыдущие походы на Правобережную Украину сопровождались массовым разорением городов и убийством жителей.

Ключевые слова

Иван Самойлович, Семен Самойлович, русско-украинские отношения, Левобережное гетманство, русско-турецкая война 1672–1681 гг.

Переселение («згон») населения многих поселений Правобережья на Левобережье, осуществленное властями Левобережного гетманства, было заметным событием в истории Украины второй половины XVII в. На него справедливо обратил внимание современник, автор «Летописи Самовидца»¹, а за ним и авторы других казацких летописей.

Серьезное внимание этому событию уделил и дал описание «згона» на основании документов из архива Малороссийского приказа Н. И. Костомаров в «Руине»². Как отметил этот исследователь, гетман И. Самойлович предпринял такие действия «по воле московского правительства», опасавшегося, что население Левобережья захочет переходить на правый берег Днепра³. Никаких свидетельств источников о таком решении русского правительства и таком его обосновании Н. И. Костомаров не привел. После него к документам из архива Малороссийского приказа при характеристике этих событий исследователи не обращались.

Обращение к этим источникам показало, что Н. И. Костомаров не использовал целый ряд свидетельств, некоторые из которых содержат мотивацию решения о «згоне» и показывают, где и когда оно было принято. Это оправдывает повторное обращение к теме.

Соответствующее решение было принято в обстановке русско-османской войны, когда после взятия османами Чигирина русско-украинская армия отступила за Днепр. Она понесла серьезные потери и нуждалась в отдыхе. Отдых нарушился в январе 1679 г. нападением войска крымского хана и османского гетмана Правобережья Ю. Хмельницкого по «указу» султана на Левобережье⁴.

---

1 Літопис Самовидця / видання підготував к. ф. н. Я. І. Дзира. Київ, 1971. С. 132.

2 *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV: Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича; Т. XVI: Мазепа и мазепинцы. СПб., 1905. С. 316–319.

3 Там же. С. 316–317.

4 Об этом нападении см.: *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Кн. 6. С. 314–315.

К середине февраля стало ясно, что планы татар и Ю. Хмельницкого потерпели неудачу. Татарские войска отходили к Днепру и за Днепр. На встрече с царским посланцем И. Тороповым 16 февраля гетман выразил убеждение, что татары, оказавшиеся в тяжелых условиях (в частности, из-за отсутствия у них «конских кормов»), скоро уйдут в Крым⁵.

Становился актуальным вопрос, какими должны быть в данной ситуации действия войск гетмана. О принятом решении говорит текст грамоты, отправленной с И. Тороповым в Москву 18 февраля. Гетман сообщил, что велел сыну Семену и полковникам «учинить промысл, не испущая нынешние поры» «над Черкасами, Корсунем и иными» «о разорении тех местечек»⁶. Мотивацию этого решения гетман изложил 23 февраля другому царскому посланцу Василию Пашину. Он говорил о своем намерении названные города «разорить и опустошить все, а людей высылать на сю сторону Днепра в города, чтоб на весну неприятелем никакова пристанища не было»⁷. Таким образом, речь шла о создании препятствий для действий османской армии в случае ее нового похода на Украину.

Нападение татар, предпринятое по «указу» султана в неурочное для них время, было для гетмана и старшины доказательством того, что османы готовятся к новой военной кампании. На первый план в такой ситуации выдвигался вопрос об организации отпора новому наступлению османов. С важными предложениями на этот счет был отправлен в Москву посланник гетмана, «знатный войсковой товарищ» И. Мазепа, прибывший в Малороссийский приказ 12 марта⁸.

Материалы переговоров показывают, что в Батурине ожидали нового, более значительного, чем ранее, османского наступления с личным участием султана («самово султанова приходу чаять на Киев»⁹). Как видно из записи переговоров, речь шла о том, чтобы в Киев «войска были присланы великие» и присланы «преж неприятельского приходу скоро по весне»¹⁰. Речь шла также о больших работах по укреплению Киева¹¹ и о том, чтобы «вольная и безопасная всегда была пристань

---

5 Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. № 134. Л. 18–19.

6 Там же. Л. 32.

7 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 50. Л. 498–498 об.

8 Там же. Л. 603.

9 Там же. Л. 608.

10 Там же. Л. 608 об.

11 Там же.

против Киева»¹² для успешной переправы войска через Днепр в случае необходимости. Гетман ходатайствовал и о мобилизации для участия в войне донских казаков, черкесов и калмыков¹³.

О том, насколько серьезно оценивали в Батуристине положение дел, говорит одна важная деталь. Гетман, как известно, получил разрешение царя использовать находящиеся в Нежине «червонные золотые» на содержание «охотного» войска. Именно в феврале 1679 г. в Нежин был отправлен за деньгами один из главных магистратов гетманства войсковой судья Иван Домантов¹⁴.

В этих условиях очень важным стал вопрос о том, как создать препятствия для продвижения новой османской армии. Так сложился изложенный выше план действий. Закономерной становилась попытка, уводя население со Среднего Поднепровья, создать затруднения для действий новой османской армии, когда она придет на Украину. Для таких действий создавалась благоприятная ситуация с уходом татарского войска в Крым после понесенных неудач. При этом, как сообщали гетману, «многие татаровя от великих морозов и от снегов, и от голоду мрут и конми опали, бредут пеши»¹⁵. Ясно было, что это войско не скоро вернется обратно. С Ю. Хмельницким на Правобережье был оставлен Батырша-мурза с 3 тыс. татар, но значительная часть этого войска была разбросана небольшими отрядами по отдельным поселениям (в Черкассах находилось 60 чел.)¹⁶. Эти отряды не могли оказать серьезного сопротивления армии гетмана.

Армия во главе с Семеном Самойловичем собиралась в Переяславе. В нее вошли Нежинский, Киевский и Переяславский полки и Герасимов «пехотный полк» — одна из частей охотного войска. Позднее к нему должны были присоединиться другие полки. Переяславский воевода выделил для участия в походе большой военный отряд (2,5 тыс. чел.) во главе с полковником М. Гоптом. Поход начался 23 февраля¹⁷.

Таким образом, поход начался за несколько дней до того, как 28 февраля грамота с сообщением о решении И. Самойловича

12 Там же. Л. 622.

13 Там же. Л. 606.

14 См. его расписку от 20 февраля: Там же. Л. 649 об.–650. Об этом акте гетмана сообщил в Москве И. Мазепа (Там же. Л. 607).

15 Там же. Л. 498.

16 См. «распросные речи» пленного татарина: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 140. Л. 36–37.

17 Там же. Л. 28 об.

попала в Москву¹⁸. Следовательно, решение о походе гетман и старшина приняли самостоятельно и не просили верховную власть о санкции на предпринятые действия. Разумеется, они имели основания ожидать, что принятое решение будет одобрено, так как в Москве были также заинтересованы в отпоре новому наступлению османов. И действительно, в царской грамоте от 9 марта решение гетмана было поддержано. Семену Самойловичу даже обещали помощь киевского воеводы Н. С. Урусова¹⁹, но к этому времени его поход уже заканчивался.

Первоначально гетманская армия двинулась к Ржищеву — поселению Киевской земли на границе с Переяславским полком²⁰. Выбор объекта для похода был вызван тем, что в городке находился сторонник Ю. Хмельницкого корсунский полковник О. Трущенко с отрядом казаков из Корсуни — сторонников османского гетмана и отряд татар с тремя мурзами. Очевидно, прежде чем предпринять более далекий поход, решили устранить угрозу, связанную с нахождением противника вблизи от Переяслава. Здесь армия гетманского сына столкнулась с упорным сопротивлением. При штурме Ржищева были ранены многие казаки, среди них переяславский полковник И. Лысенко и «пехотный» полковник П. Кожуховский. Позднее, как сообщали пленные в Москве, жители Ржищева «перевязав мурз и их, татар... в винах своих доби́ли челом»²¹. Был взят в плен корсунский полковник. Семен Самойлович из Ржищева «людей всех... на сю сторону Днепра перевел», а город приказал «до основания выжечь». Тогда же он посылал отряды сжечь Стайки и Треполье²². Так выполнялся приказ гетмана лишить османов «пристанищ». Как сообщал автор «Летописи Самовидца», в Ржищеве «людей усих вистинали»²³, но согласно отписке переяславского воеводы из Ржищева «на сю сторону Днепра перевели более тысячи человек»²⁴.

---

18 О дате доставки документа см.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 134. Л. 13, 25.

19 Там же. Л. 98–99.

20 В грамоте от 28 февраля И. Самойлович писал царю о походе сына Семена «для промыслу о разорении Ржищева» (Там же. Л. 556).

21 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 50. Л. 766 об.

22 См. письма С. Самойловича отцу (Там же. Л. 578 об.–579, 582–583, 587 об.) и грамоту И. Самойловича царю от 3 марта (Там же. Л. 576–577). См. также отписку переяславского воеводы: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 140. Л. 33–34. Описание осады см.: *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Кн. 6. С. 317.

23 Летопись Самовидца. С. 132.

24 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 140. Л. 34.

После взятия Ржищева армия вернулась в Переяслав, и стал актуальным вопрос о походе в Среднее Поднепровье. Для этого войско следовало увеличить. С этой целью в Переяслав пришел Прилуцкий полк²⁵. 27 февраля С. Самойлович писал лубенскому полковнику М. Ильяшенко и «конному» полковнику Г. Новицкому, что они должны присоединиться к его армии у Домонтова, у левого берега Днепра на полпути между Каневом и Черкассами²⁶. Тогда, по расчетам С. Самойловича, его войско насчитывало бы 6 тыс. чел.²⁷

Целью похода стал Канев, являвшийся в течение ряда лет опорным пунктом власти гетмана на Правобережье. Здесь можно было рассчитывать на поддержку населения, и эти расчеты быстро оправдались. Еще до прихода войск С. Самойловича в городе вспыхнуло восстание. Жители арестовали наместника Яненченко в Каневе, собрав имущество, двинулись переселяться на другой берег Днепра. В Каневе не было татарской «залогии»²⁸. Переселенцы «табором встретили» идущее к городу войско²⁹. От них С. Самойлович узнал, что Яненченко «в Корсуні безлюдно стоить». Выходцы из плена сообщали 25 февраля в Переяславе, что с ним всего 100 татар, но они «стоят по селам»³⁰.

В итоге С. Самойлович принял решение, что он срочно «идет до Корсуня днем и ночью». 1 марта он предложил лубенскому полковнику и Г. Новицкому догнать его армию на походе³¹. Действуя так, он хотел захватить врасплох главного представителя Ю. Хмельницкого в северной части Правобережья. Выступив в поход 2 марта, С. Самойлович за два дня дошел до Корсуни. Полки — Лубенский и Г. Новицкого — присоединились к нему «на Росаве... на ночлеге»³².

---

25 См. письмо С. Самойловича отцу: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 50. Л. 583–584.

26 Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — АЗР). Т. 5. 1633–1699 / под ред. протоиерея Иоанна Григоровича, И. П. Тарнавы-Боричевского. СПб., 1853. № 124. С. 157–158.

27 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 50. Л. 584 об.

28 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 140. Л. 71 («распросные речи» «выходцев» от 25 февраля: «в Каневе татар ничево нет»).

29 См. письмо С. Самойловича отцу от 2 марта: РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 140. Л. 13.

30 См: Там же. Л. 72.

31 АЗР. Т. 5. № 125. С. 158.

32 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 50. Л. 667.

Как сообщал С. Самойлович отцу, Яненченко пытался организовать оборону («колко крат выстрелил на нас из пушек»), а наступившей ночью бежал из города. Бежали и сопровождавшие его татары, «а которые за ними уйти не успели, и те побиты». Жители Корсуни «со всею их рухлядью» были отправлены за Днепр³³.

4 марта армия двинулась на восток к поселениям, расположенным у Днепра. В таких расположенных здесь поселениях, как Драбов и Староборье, «вышли с хлебом» и передали связанных татар. С. Самойлович приказал им идти за Днепр, «а городки... жечь велел». Затем армия двинулась к Черкассам. Одновременно Семен сообщал отцу, что казаки «корму уже не имея, домой просятца»³⁴. 6 марта армия вернулась в Переяслав³⁵.

К югу от Черкасс действовало войско во главе с Г. Косаговым и гадяцким полковником. Перейдя Днепр, войско двинулось к расположенному на запад от Чигирина Жаботину. Поход к этому городку был вызван тем, что Ю. Хмельницкий поселил там выведенных с Левобережья жителей Жовнина и Веремеевки. Войско столкнулось с сопротивлением («ис пушки на нас стрелили»), но оно было недлогим. Население было отправлено за Днепр, а все «строения» сожжены. Жители Жовнина и Веремеевки, как отмечено в письме военачальников гетману, «все пошли с охотою в милостивом нашем обнадеживании»³⁶.

14 марта С. Самойлович прибыл в Батурин³⁷, но гетман о достигнутых успехах сообщал в Москву ранее, в грамоте, доставленной туда 15 марта «через почту»³⁸. Реакция в Москве оказалась оперативной. Уже в марте А. Карандеев был отправлен в Батурин с царским «жалованьем» к гетману и его сыну за то, что благодаря их действиям многие города на Правобережье «добили челом и вины свои принесли, ис-под салтанова владения турскова отступили», а их затем «без остатку выжгли, чтоб впредь неприятельским людям

---

33 См. письмо С. Самойловича отцу от 4 марта: Там же. Л. 664–665 об. См. также: *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Кн. 6. С. 318.

34 См.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 50. Л. 666–666 об., 667 об.; *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Кн. 6. С. 318.

35 РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 140. Л. 83–84.

36 См. письмо гетману Г. Косагова и гадяцкого полковника: Там же. Л. 668–669.

37 Там же. Л. 762.

38 Там же. Л. 661–664.

пристанища не было»³⁹. Таким образом, смысл предпринятых действий и в Москве, и в Батуристине понимали одинаково.

Акция, предпринятая С. Самойловичем, могла совершиться в достаточно короткие сроки, как представляется, потому, что она не столкнулась с активным сопротивлением населения, которое уже в событиях 1674 г. проявило нежелание подчиняться власти османов. Пребывание на этих территориях османской армии в 1677–1678 гг. вряд ли пробудило у него симпатии к этой власти. Переход на Левобережье, видимо, воспринимался как приемлемый выход из создавшегося положения. Никаких опасений, что население Левобережья будет уходить за Днепр, в источниках не обнаруживается.

В ряде грамот этого времени читаются списки поселений, жители которых подверглись переселению, не совпадающие полностью между собой⁴⁰. Не считая таких крупных центров, как Черкассы, Канев, Корсунь и лежавший на юге Жаботин, речь должна идти о поселениях у Днепра к северу от Черкасс. Возможно, считалось, что именно через эту территорию пойдет в поход османская армия. Как ни оценивать предпринятые действия, нет оснований говорить, что они привели к запустению всего Правобережья.

Вместе с тем важный шаг, предпринятый весной 1679 г. и одобренный русским правительством, показывает, как к этому времени оценивали положение дел в Восточной Европе в Москве и Батуристине. И там, и тут с тревогой ожидали нового мощного выступления османов и готовы были на чрезвычайные меры, чтобы как-то ослабить османскую армию. Конечно, имело значение, что русское государство мобилизовывало силы для защиты Левобережья, но вопрос о каких-то наступательных действиях не обсуждался. Это означало окончание попыток создания под русским протекторатом гетманства обеих берегов Днепра.

Разумеется, русское правительство сохраняло определенные возможности продолжения борьбы с османами в рамках антиосманской коалиции, и со временем оно их использовало, но эта коалиция привела бы к союзу России и Польши и к подтверждению условий Андрусовского договора, по которым Правобережная Украина оставалась бы частью польско-литовского государства. Такая коалиция никак не могла привести к объединению украинских земель.

³⁹ Там же. Л. 676–677, 683 об.

⁴⁰ Там же. Л. 662 об., 683 об., 762; *Костомаров Н. И.* Собрание сочинений. Кн. 6. С. 319.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. 1633–1699 / под ред. протоиерея И. Григоровича, И. П. Тарнавы-Боричевского. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. 22 с.

Костомаров Н. И. Собрание сочинений. Исторические монографии и исследования. Кн. 6. Т. XV: Руина. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича; Т. XVI: Мазепа и мазепинцы. СПб.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым («Литературный Фонд»), 1905. XV, 815 с.

Літопис Самовидця. Видання підготував к. ф. н. Я. І. Дзира. Київ: Наукова думка, 1971. 208 с.

References

Litopys Samovydtzia. Vydannia pidhotuvav k. f. n. Ia. I. Dzyra. Kyiv: Naukova dumka, 1971, 208 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.02

B. N. Florya

The relationships between the Moscow government and the Cossack Hetmanate and the deportation of population (“zgon”) from the Middle Dnepr region in the spring of 1679

Boris N. Florya

Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: sredveka_inslav@land.ru

ORCID: 0000-0003-0779-2488

Citation

Florya B. N. The relationships between the Moscow government and the Cossack Hetmanate and the deportation of population (“zgon”) from the Middle Dnepr region in the spring of 1679 // *Slavic Almanac.* 2023. No 1–2. P. 34–43 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.02

Received: 17.12.2022.

Abstract

After battles of Chigirin in 1677–1678 were finished, the Russian government and the Hetman Ivan Samojlovich were expecting a new massive Ottoman invasion, mainly aimed at Kiev. Therefore, the population of the Right-Bank Middle Dnepr region was deported to the Left-Bank Ukraine to make supply and accommodation difficult for the Ottoman army. Those events were studied in details by Nikolaj Kostomarov, based on archival sources. He stated, that Hetman Ivan Samojlovich organized the deportation by an order from Moscow. However, a new study of archival documents, especially those not used by Kostomarov, reveals that it was Samojlovich who initiated the deportation (“zgon”), sending to the Right-Bank Ukraine troops under the command of his son, Semen Samojlovich. The Tsar’s letter to approve this decision had not yet been received in Baturin (the Hetman’s residence) at that point. The Moscow government supported the action taken by Samojlovich and sent a Russian troop under the command of voivode Grigorij Kosagov to take part in the operation. The deportation was completed quickly because the local population did not resist and, moreover, was ready to move. People of the Right-Bank Ukraine did not want to recognize the Ottoman authority, as the previous attacks of the Ottoman army were accompanied by total devastation of cities and massive killings.

Keywords

Ivan Samojlovich, Semen Samojlovich, Russian-Ukrainian relationships, The Left-Bank Cossak Hetmanate, Russo-Turkish war 1672–1681.

**К вопросу о назначении
великого князя Николая Николаевича (Старшего)
главнокомандующим Дунайской армией**

Фролова Марина Михайловна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: marinafrolova59@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4068-5193

Цитирование

Фролова М. М. К вопросу о назначении великого князя Николая Николаевича (Старшего) главнокомандующим Дунайской армии // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 44–68. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.03

Статья поступила в редакцию 07.12.2022.

Аннотация

В статье на основании опубликованных источников как официального, так и мемуарного характера, а также некоторых архивных данных освещается вопрос о назначении императором Александром II великого князя Николая Николаевича (Старшего) главнокомандующим Дунайской армией в преддверии русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Развенчивается созданный марксистской историографией миф о том, что великий князь обладал узким кругозором в военном деле, не имел ни боевого опыта, ни опыта организационной работы, был бездарным, некомпетентным и т. п. Между тем Николай Николаевич получил блестящее образование, ему преподавали самые лучшие специалисты и профессора той эпохи. Первые практические знания о войне и опыт в качестве военного инженера он приобрел в Крымской войне, во время обороны Севастополя в 1854–1855 гг. Последующая деятельность великого князя на поприще реформирования армии, прежде всего в инженерном деле и кавалерийской службе, убеждает в его несомненных организаторских способностях, глубоких знаниях, истинно государственном размахе и новаторстве. Он пользовался огромной популярностью среди офицеров и солдат русской армии, чему немало способствовали его характер

и внимательное отношение к людям. Он знал предстоящий театр военных действий и будущего противника — турецкую армию, поскольку смог совместить паломничество по Востоку и Святой Земле в 1872 г. с разведывательными целями. Александр II, принимая во внимание всю совокупность достоинств своего младшего брата, а также будучи полностью уверен в его честном исполнении долга, в 1876 г. назначил великого князя главнокомандующим Дунайской армией. На тот момент личности, равной ему или выше стоявшей по своим качествам как военачальника, не было. Великий князь разработал операции по форсированию Дуная и зимнему переходу через Балканы и привел русские войска к Константинополю. Он получил жезл фельдмаршала и стал 25-м и последним в истории Российской империи полным кавалером ордена св. Георгия.

Ключевые слова

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., император Александр II, военный министр России Д. А. Милютин, великий князь Николай Николаевич (Старший) (1831–1891).

145 лет прошло со дня окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. За это время вышло в свет огромное количество исследовательских и научно-популярных работ, был издан массивный корпус источников — официальных документов и мемуаров. Но, тем не менее, остаются сюжеты, которые недостаточно исследованы в историографии, и к таким, на наш взгляд, относится вопрос о назначении великого князя Николая Николаевича (Старшего) главнокомандующим Дунайской армией. Для его освещения в статье были использованы опубликованные документы, воспоминания, а также архивные материалы.

Обострение Великого Восточного кризиса в связи с военными неудачами Сербии в августе 1876 г. заставило императора Александра II, стремившегося избежать нового столкновения с Османской империей, изменить свою позицию, и осенью в царской резиденции в Ливадии вопрос о возможной военной кампании против Турции обсуждался уже конкретно.

25 сентября¹ в Крым прибыл цесаревич Александр Александрович, специально вызванный ввиду важности ситуации. На совещании,

---

¹ Даты даются по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

имевшем место в тот же день, на котором, помимо наследника, присутствовали канцлер, министр иностранных дел князь А. М. Горчаков, военный министр Д. А. Милютин, посол в Константинополе Н. П. Игнатьев и министр императорского двора и уделов А. В. Адлерберг, император заявил, «что если мы не добьемся политическими переговорами положительного результата, то он другого выхода не видит, как объявить войну Турции»², — записал цесаревич в своем дневнике.

3 октября Александр II принял генерал-лейтенанта Н. Н. Обручева (1830–1904), управляющего делами Военно-ученого комитета Главного штаба, одного из ближайших помощников Милютина в подготовке и проведении военных реформ. Обручев представил свои рассуждения о плане кампании в Европейской Турции — главном театре военных действий; Мало-Азиатский или Кавказский определялся как второстепенный.

Советский военный историк полковник А. П. Барбасов полагал, что первоначальным наброском русского плана войны был обнаруженный им в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА, ныне РГВИА) документ «Некоторые соображения, касающиеся войны с Турцией», составленный Обручевым и представленный Милютину 22 сентября 1866 г. План будущей кампании сообразовывался с негативными последствиями Парижского мирного договора 1856 г. и заключался в том, чтобы, сосредоточив армию в Румынии и прикрывшись со стороны Австрии крупными силами кавалерии, немедленно выйти к переправам между Рахово (ныне — Оряхово) и Систово (ныне — Свиштов) и внезапно форсировать Дунай «там, где нас менее всего ждут, где он менее всего защищен». Далее войска должны были стремительно выйти на Софийско-Константинопольскую дорогу и «идти безостановочно к Царьграду»³⁴.

Появление этого плана следует соотнести с очередным кризисом на Востоке из-за восстания греков на о. Крит (1866–1869 гг.). Как известно, главной целью внешней политики России после Крымской войны (1853–1856 гг.) стал пересмотр Парижского мирного договора и отмена ущемлявших ее интересы и унижительных для ее национального достоинства статей. Д. А. Милютин вспоминал: «Не раз мне случалось

---

2 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 119.

3 Имеется в виду Константинополь.

4 Барбасов А. Новые факты о планировании русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Военно-исторический журнал (далее — ВИЖ). 1976. № 2. С. 99.

слышать от государя, что он не умрет спокойно, пока на сердце у него лежит тяжелым бременем Парижский трактат 1856 года и в особенности две статьи его: одна — ограничившая державные права России на Черном море, другая — оторвавшая от империи клочок Бессарабии»⁵.

В ноябре 1866 г. в особом совещании под председательством Александра II рассматривалось предложение министра иностранных дел Горчакова использовать благоприятный момент и выступить с односторонней декларацией об отказе России от статьи Парижского договора о нейтрализации Черного моря. Однако ввиду неподготовленности армии и флота и финансовых затруднений пришлось отклонить данную инициативу⁶.

При обсуждении плана возможной кампании с Турцией Обручев настаивал на необходимости картографирования и исследования природно-географических, топографических и других особенностей вероятного театра военных действий, исходя из положительного опыта семинедельной войны Пруссии с Австрией (1866 г.)⁷. В 1867 г., договорившись с Портой, Главный штаб организовал специальную экспедицию офицеров-топографов, которым предстояло после изучения местности подготовить топографические карты восточной части европейской территории Турции. Через два года, в июне 1869 г., штабс-капитан Генерального штаба Н. Д. Артамонов (1840–1918) был командирован в Константинополь для преподнесения Порте «каталога астрономических пунктов Балканского полуострова» и «печатного экземпляра трудов по произведенному уже градусному измерению до Измаила...»⁸. Благодаря содействию посла в Константинополе Н. П. Игнатьева он «провел две недели на Шипкипском Балкане и имел возможность выполнить весьма ценные работы»⁹, — свидетельствовал

---

5 Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1868 — начало 1873. М., 2006. С. 300–301.

6 Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871 гг. К истории Восточного вопроса. М., 1989. С. 82.

7 Симов М. Руски военно-топографски мисии в българските земи и картографиране на Европейска Турция от корпуса на руските военни топографи (кр. на 60-те — нач. на 70-те години на XX век) // Военноисторически сборник. София, 2015. № 2. С. 40.

8 Глушков В. В. Николай Дмитриевич Артамонов — военный геодезист и картограф. М., 2007. С. 28.

9 Гейсман П. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции. СПб., 1906. Вып. 1. С. 30.

генерал-майор П. А. Гейсман. Во время своего пребывания в Европейской Турции (июнь 1869 — январь 1870 гг.) Артамонов вел маршрутные съемки и разведывательную деятельность¹⁰.

Поражение Франции в войне с Пруссией в 1870 г. позволило России отменить статьи о нейтрализации Черного моря, и с 1871 г. она вновь стала полноправной хозяйкой на своих черноморских берегах и в самой акватории Черного моря. Возвращение Южной Бессарабии было отложено до следующего благоприятного случая, поскольку территориальный передел вызвал бы неминуемую войну, которая на тот момент была нежелательна.

Вероятно, к комплексу мероприятий Главного штаба по изучению будущего театра военных действий можно отнести и путешествие великого князя Николая Николаевича по Востоку и Святой земле (по Турции, Сирии, Палестине и Египту) в 1872 г. По крайней мере, маршрут и состав его свиты наводят на мысль, что паломничество искусно совмещалось с явными разведывательными целями. С великим князем отправились офицеры, которые в большинстве своем затем приняли участие в русско-турецкой войне: князь Евгений Максимилианович Романовский, герцог Лейхтенбергский; принцы Александр и Константин Петровичи Ольденбургские; генерал-лейтенант Д. И. Скобелев, генерал-майоры М. Н. Дохтуров, В. Н. Сипягин, А. А. Галл, флигель-адъютант граф Г. Г. Берг, адъютанты великого князя А. П. Струков, Д. А. Скалон и Ф. П. Ласковский. От Вены на австрийском пароходе Николай Николаевич спустился по Дунаю к Рушуку, где пересел на поезд и доехал до Варны, откуда на пароходе достиг столицы Османской империи. Во время плавания по Дунаю великий князь, сидя на мостике парохода, внимательно осматривал берега Дуная. В описании этого путешествия Д. А. Скалон отметил местность от Никополя до Рушука, упомянул Никополь, Систово и Зимницу, при этом указав, что «внимание его высочества обратили на себя», «немного ниже Систово, три наносные отмели», лежащие поперек Дуная и «постоянно изменяющие свое очертание, чрез что крайне затрудняется судоходство»¹¹. «Это и было место, избранное его высо-

---

¹⁰ *Стародымов Н. А.* Отважный разведчик Николай Артамонов задолго до войны сформировал разведывательную сеть в Турции // ВИЖ. 2001. № 10 (498). С. 49; *Глушков В. В.* Николай Дмитриевич Артамонов... С. 29.

¹¹ *Скалон Д. А.* Путешествие по Востоку и Святой земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. СПб., 1881. С. 19.

чеством для нашей переправы»¹², — писал Скалон в статье «Забывтый фельдмаршал». Похоже, будущий главнокомандующий заблаговременно проверял возможность осуществления плана Обручева — форсирования Дуная недалеко от Систово.

Кроме того, великий князь осмотрел турецкие войска в Рушукке, Шайтанджике (ныне — Хитрино), куда подошел отряд из Шумлы (ныне — Шумен), в Константинополе (по повелению султана Абдул-Азиза), Смирне, Бейруте, Дамаске, Иерусалиме и Каире. Увиденное, по свидетельству Скалона, заставило великого князя и его окружение изменить свое мнение о турецком солдате, они стали смотреть на него «с большим уважением, заметив в нем прекрасные качества и, между прочим, способность безропотно переносить трудности похода и голод. По-видимому, самую слабую сторону турецкой армии составляют: офицеры, высшее начальство и администрация»¹³. А в Иерусалиме, у храма Гроба Господня, великого князя благословил иерусалимский патриарх Кирилл: «... да пошлет Тебе помощь от святого и от Сиона заступит Тебя и даст Тебе блага Иерусалима не столько земные, сколько небесные»¹⁴.

В марте 1876 г. по указанию великого князя, в то время главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, полковник Генерального штаба Артамонов, как знаток Балканского региона, прочел во дворце Николая Николаевича три лекции «в собрании начальников отдельных частей войск гвардии и Петербургского округа», «предметом которых был статистический, топографический и стратегический обзоры театра войны в Европейской Турции»¹⁵. В мае Артамонов составил на их основе «Записку о наивыгоднейшем в стратегическом отношении способе действий против турок», которая была взята генералом Обручевым в Ливадию и прочитана императору. Ее содержание было известно и великому князю¹⁶.

---

¹² Скалон Д. А. Забывтый фельдмаршал // Русская старина (далее — РС). 1907. № 11. С. 251.

¹³ Скалон Д. А. Очерк деятельности главнокомандующего в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1907. С. 27; Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой земле... С. 162.

¹⁴ Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой земле... С. 234.

¹⁵ Цит. по: Алексеев М. Н. Военная разведка в Российской империи — от Александра I до Александра II. М., 2010. С. 263.

¹⁶ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове (далее — ОП ОРТВ). Вып. 4. Соображения, касающиеся плана войны. СПб., 1901. С. 40.

Естественно, важнейшим в будущей кампании был вопрос о главнокомандующем действующей армией. Полковник Артамонов в «Записке» счел своим долгом заявить о необходимости, «чтобы главнокомандующий всем существом своим был предан тому делу, за которое взялся»¹⁷. «Для подъема духа и для нравственного настроения при начале войны в особенности очень много значило имя главнокомандующего»¹⁸, — подчеркивал и князь В. П. Мещерский, основатель, издатель и главный автор еженедельной газеты-журнала «Гражданин».

28 сентября 1876 г. Д. А. Милютин записал в своем дневнике, что у царя возникла мысль назначить на этот пост инженер-генерала Эдуарда Ивановича Тотлебена (1818–1884), прославившегося при обороне Севастополя, считая, что помимо личных достоинств генерала «будет действовать и престиж его имени». Военный министр, однако, деликатно заметил, что тяжелый характер Тотлебена и «щепетильность могут быть большим неудобством в командовании армией»¹⁹. Милютин указывал также, что генерал «до крайности самолюбив и обидчив» и обладает мелочным характером. Менее известно, что помимо Тотлебена на совещании в Ливадии предлагались и другие кандидатуры — генерал-адъютанта А. А. Непокойчицкого [(1813–1881), члена Военного совета, генерал-адъютанта, генерала от инфантерии, участника Кавказских походов и Крымской войны, известного своей высокой работоспособностью, героизмом, отвагой, граничащими с безрассудством²⁰, имевшего репутацию отличного начальника штаба²¹] и генерал-адъютанта, командующего Одесским военным округом В. С. Семеки (1816–1897), о чем сообщал цесаревич своей супруге 3 октября, добавляя не без возмущения: «Но всё это, слава Богу, забраковано... вообще сумбур, бестолочь, неопределенность страшная!»²²

В конечном итоге император поручил командование Дунайской армией своему брату — главнокомандующему войсками

---

17 Там же. С. 58.

18 Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1898. Ч. 2. С. 338.

19 Милютин Д. А. Дневник. 1876–1877. Т. 2. М., 1949. С. 91.

20 Косич А. И. Рушукский отряд. Участие XII корпуса, входившего в состав Рушукского отряда, в кампании 1877–1878 годов. Из записок бывшего начальника штаба XII корпуса свиты его величества генерал-майора Косича. Киев, 1884. С. 17.

21 Паренсов П. Д. Из прошлого: Воспоминания офицера Генерального штаба П. Паренсова. СПб., 1901. Ч. 1. С. 14.

22 ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 705. Л. 25.

гвардии и Петербургского военного округа, генерал-инспектору кавалерии и по инженерной части, генерал-адъютанту, инженер-генералу, великому князю Николаю Николаевичу, который был вызван в Ливадию. О своем решении царь сообщил Милютину «на ухо» 11 октября 1876 г.

Мещерский считал, что этот выбор был подсказан Александру II «всей Россией, ибо он (великий князь. — М. Ф.) был любимец не только в войсках, но и во всех слоях русского народа, чему, кроме его глубоко симпатических качеств простоты, прямоты, честности и приветливости, много способствовала его обаятельная наружность, напоминавшая всем во многом величественный образ Николая I. Благодаря этому имени дух войск был превосходный», и никто не сомневался в будущих боевых подвигах русского богатыря-солдата²³.

Великий князь Николай Николаевич²⁴ (1831–1891), третий сын Николая I, начав учиться чрезвычайно рано, получил прекрасное образование, причем в основе его лежал «План учения», составленный для наследника престола цесаревича Александра Николаевича его воспитателем, известным поэтом В. А. Жуковским. Разумеется, преподавателями для двух братьев, Николая и Михаила, которые росли вместе и воспитывались по-спартански²⁵, пригласили выдающихся по своим познаниям специалистов. Среди них протопресвитер В. Б. Бажанов (Закон Божий), профессор Санкт-Петербургского университета И. П. Шульгин (география и статистика), Ф. Ф. Ласковский, впоследствии инженер-генерал (фортификация), А. С. Платов, впоследствии генерал от артиллерии (артиллерия), Д. А. Милютин, впоследствии генерал-фельдмаршал (правила аванпостной службы²⁶) и др. Великий князь отлично знал французский, немецкий

---

23 Мещерский В. П. Мои воспоминания. С. 338–339.

24 Великий князь Николай Николаевич назвал своего первенца, родившегося в 1856 г. в браке с великой княгиней Александрой Петровной, старшей дочерью герцога Ольденбургского Константина-Фридриха-Петра, в честь отца — Николаем. Александр II специальным указом повелел именовать своего брата Николаем Николаевичем (Старшим), а его сына — Николаем Николаевичем (Младшим). В нашем исследовании имя главнокомандующего Дунайской армией дается без указанного уточнения «Старший».

25 Корф М. А. Записки. М., 2003, С. 565.

26 Аванпостная служба заключает в себе знание и исполнение на деле всех правил и средств охраны армии от внезапностей и доставление ей всех нужных вестей о неприятеле.

и английский языки²⁷. Завершали образование великих князей лекции барона М. А. Корфа по законоведению и другим юридическим наукам. «Постарайтесь сделать из них не юрисконсультов, но людей, знающих настоящие интересы их отечества»²⁸, — напутствовала Корфа императрица Александра Федоровна.

Для практического ознакомления с обязанностями военной службы великий князь обучался строю и разным военным упражнениям совместно с кадетами Первого кадетского корпуса²⁹, куда был зачислен в 1839 г. Необходимо отметить, что на ежегодных лагерных сборах с него спрашивали со всей строгостью, как и с других воспитанников корпуса, и ему как сыну императора никаких поблажек не делали. Кроме того, согласно воспоминаниям А. В. Олсуфьева (1831–1915), впоследствии участника русско-турецкой войны, генерала от кавалерии (1892), в начале 1840-х гг. по приказанию императора в Зимнем дворце был сформирован потешный взвод преображенцев, в состав которого вошли товарищи игр великих князей Николая и Михаила из ближайшего ко двору круга петербургского общества, в том числе Павел Андреевич Шувалов (1830–1908), во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. командующий 2-й гвардейской пехотной дивизией, и Николай Павлович Игнатъев. Инструктором и фельдфебелем потешного взвода был сам император Николай I, по чертежам которого будущие офицеры возводили укрепления в Царском Селе³⁰. Каждое воскресенье с ноября по май потешные занимались верховой ездой, гимнастикой, фехтованием, бегом на коньках, плаванием и греблей на шлюпках, саперным и артиллерийским делом, а также «балетными танцами и другими актерскими лицедействами на сценах театров, устроенных в Царско-сельском и Гатчинском дворцах». По отзыву Олсуфьева, великий князь Николай Николаевич великолепно играл на барабане (учителем был француз, барабанщик балетного оркестра), а также достиг высокой виртуозности в искусстве цирковой вольтижировки³¹.

---

27 *Петров А.* Николай Николаевич Старший // Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцова. СПб., 1914. Т. 11. С. 366.

28 *Корф М. А.* Записки. С. 569.

29 *Жерве В. В.* Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич Старший: Исторический очерк его жизни и деятельности. 1831–1891. СПб., 1911. С. 9, 12.

30 *Петров А.* Николай Николаевич Старший. С. 367.

31 *Олсуфьев А. В.* Потешные императора Николая Павловича // Русский архив. 1910. № 11. С. 443–448.

Свой профессионализм как военного инженера великий князь вполне доказал во время Крымской (Восточной) войны. Вначале он принимал деятельное участие в защите Петербурга и укрепленный Балтийского побережья³². С 9 марта 1854 г. он находился почти неотлучно при войсках, охранявших Санкт-Петербургскую губернию. 27 сентября 1854 г. Николай I послал своих сыновей Николая и Михаила в действующую армию в Севастополь со словами: «Ежели опасность есть, то не Моим детям удаляться от нее, а собой подавать пример»³³. За храбрость, проявленную в Инкерманском сражении 24 октября 1854 г., великие князья получили ордена св. Георгия 4-й степени. По распоряжению главнокомандующего князя А. С. Меншикова 20 января 1855 г. великий князь Николай Николаевич был назначен заведующим всеми инженерными работами, укреплениями и батареями на северной стороне Севастополя, от Константиновской батареи до Мекензиевых гор включительно. Работами по вооружению этих батарей заведовал великий князь Михаил Николаевич. Результатом их энергичных трудов было то, что к концу февраля здесь уже было готово к отражению противника 191 орудие. Оценка деятельности великих князей содержится в письмах военного инженера Э. И. Тотлебена к жене. Так, 3 февраля 1855 г. он писал: «Мы объехали новые укрепления, который он (великий князь Николай. — М. Ф.) заложил. Я радуюсь его знанию дела, его практическому уму и неотомимому рвению. При этом высказывает он редкую скромность и при всяком случае требует моего совета. ...Дал бы нам Бог только счастливо окончить эту войну, был бы [я] тогда верным помощником великого князя и мог бы содействовать его благородным намерениям возвысить Инженерный корпус»³⁴.

---

32 Англо-французская эскадра (в составе 11 винтовых и 15 парусных линейных кораблей, 32 пароходофрегатов и 7 парусных фрегатов) под командованием вице-адмирала Ч. Нейпира и вице-адмирала А. Ф. Парсевалья-Дешена вошла в Балтийское море и встала у входа в Финский залив 19 апреля 1854 г., заперев русский Балтийский флот в Кронштадте и Свеаборге. 26 июля 11-тысячный англо-французский десант высадился на Аландских островах, осадил Бомарсунд, который после разрушения укреплений сдался; попытки других десантов (в Экенесе, Ганте, Гамлакарлебю и Або) были неудачными. Осенью 1854 г. флот противника покинул Балтийское море.

33 *Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1900. Т. 2. С. 96.

34 Цит. по: *Жерве В. В.* Генерал-фельдмаршал... С. 40–42.

Великие князья ежедневно посещали госпитали, «щедрой рукой сыпали золото раненым», ходатайствовали «у главнокомандующего о пожаловании георгиевских крестов многим», заботились об участии семейств погибших офицеров и солдат. «Всякому оказывая всевозможную помощь и успокоение, великие князья, в несколько дней своего здесь пребывания, заслужили имена ангелов-утешителей Крымской армии»³⁵, — писал офицер Охотского егерского полка П. В. Алабин, известный впоследствии государственный и общественный деятель. 21 февраля 1856 г. по телеграфу было получено известие о кончине императора Николая I, и великие князья поспешили в Петербург. 23 февраля Тотлебен признавался супруге: «Нам скучно без них. Я очень привык к великим князьям; они оживляли тут всех, их человеколюбие расположило к ним все сердца»³⁶.

Современный исследователь С. С. Курочкин подчеркнул политическую значимость пребывания великих князей в Севастополе, в первую очередь для воодушевления войска после неудач летней кампании, подтверждая свой вывод приводимыми в работе свидетельствами современников (П. В. Алабина, адъютанта князя А. С. Меншикова А. А. Панаева, генерала от инфантерии А. П. Хрущева и др.). Проанализировав деятельность великих князей в Севастополе, Курочкин пришел к заключению, что она «имела позитивные результаты и приносила положительный эффект, однако кардинально изменить ситуацию они не могли». Для Николая и Михаила Николаевичей «крымский поход» 1854–1855 гг. стал важным этапом в становлении их как военных деятелей и военачальников, поскольку они «получили опыт, хоть и кратковременный, управления войсками в боевых условиях»³⁷.

В дальнейшем деятельность Николая Николаевича как генерал-инспектора инженерной части (с 1856 г.) и кавалерии (с 1864 г.) была направлена на реформирование армии Российской империи, прежде всего в инженерном деле и кавалерийской службе. Будучи командиром отдельного гвардейского корпуса (1862–1864 гг.), а затем, с введением в России военно-окружной системы, первым командующим

---

35 Алабин П. В. Четыре войны: Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 гг.: в 3-х т. М., 1892. Т. 3. С. 129.

36 Цит. по: Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал... С. 43.

37 Курочкин С. С. Великие князья Николай Николаевич Старший и Михаил Николаевич в Севастополе в 1854–1855 гг. (по официальным документам архива А. И. Философова) // Ученые записки Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 86–95.

(с 1867 г. — главнокомандующим) Петербургского военного округа, он всемерно заботился о повышении уровня боевой подготовки, вооружении войск современным стрелковым оружием и артиллерией. Как генерал-инспектор кавалерии и по инженерной части он имел еще широкое поле деятельности вне Петербурга, откуда ежегодно по одному или два раза выезжал во внутренние губернии России и на Кавказ. Эти поездки продолжались обыкновенно полтора-два месяца и дольше. По высочайшему повелению он был также несколько раз командирован за границу для присутствия на маневрах: в 1862 г. — в Кёнигсберг, в 1872 и 1876 гг. — в Берлин³⁸.

Николай Николаевич действительно пользовался огромной любовью и редкой популярностью в войсках³⁹, «был кумиром всех военных чинов от солдата до генерала включительно»⁴⁰. Его биограф В. В. Жерве свидетельствовал: «Войска не только любили, — обожали его, потому что великий князь был необыкновенным начальником: всегда приветливый, внимательный, он с удивительным участием и добротой относился к каждому из своих подчиненных, считаясь с их человеческими достоинствами. Потому-то и его требования исполнялись с особой охотой, с желанием доставить ему удовольствие, а не из страха наказания, вот почему великий князь имел громадное влияние на войска и на всё, что их касалось»⁴¹. О главнокомандующем замечательно отзывались не только те офицеры, которые во время русско-турецкой войны состояли в Главном штабе и постоянно находились в ближайшем его окружении: адъютант полковник Д. А. Скалон, полковник М. А. Газенкампф, но и те, которые по делам службы лишь периодически с ним контактировали: генерал-майор Д. Г. Анучин, полковник П. Д. Паренсов, Н. А. Епанчин, офицер л.-гв. Преображенского полка А. А. Берс и др. Позволим себе привести слова Д. Г. Анучина (1833–1900), помощника заведующего гражданскими делами в Болгарии князя В. А. Черкасского (1824–1878), о главнокомандующем Дунайской армией: «Всегда и всюду, во время похода 1877–1878 годов, в минуты блестящих удач и в периоды тяжелых испытаний, великий князь главнокомандующий

---

38 Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал... С. 60, 64.

39 Гейсман П. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции. СПб., 1906. Вып. 1. С. 96.

40 Его императорское высочество великий князь Николай Николаевич Старший (некролог) // РС. 1891. Т. 70. № 4–6. С. 508.

41 Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал... С. 54; Затворницкий Н. М. Фельдмаршал великий князь Николай Николаевич Старший. СПб., 1913. С. 10, 14.

был неизменен в своем обращении со всеми, имевшими счастье состоять в ближайшей его свите или хотя временно являться в Главную квартиру. Рыцарская внешность, много напоминавшая всем нам дорогую фигуру покойного императора Николая Павловича, соединялась в главнокомандующем с неисчерпаемой добротой сердца, благодетельным ко всем вниманием и тою простотой обращения, которая сразу ставила его в отеческие ко всем отношения и устанавливала атмосферу, в которой жилось легко и безбоязненно... Каждый был уверен, что и на его долю, как бы он скромнее ни был, хватит и ласки, и внимания, а подчас и шуточки, иногда приправленной чисто русским юмором, но всегда сердечной и незлобивой»⁴². И современный автор генерал-полковник П. А. Лабутин в статье, посвященной великому князю, также сделал вывод: «Можно утверждать: его уважали все — от солдата до генерала»⁴³. «То был воин по призванию, и все степени военной службы, от первого офицерского чина до высокого звания генерал-фельдмаршала, были получены им вполне по заслугам»⁴⁴, — писали авторы некролога, помещенного в журнале «Русская старина» в 1891 г.

Заслуживает внимания мнение русского дипломата Ю. С. Карцова по поводу назначения императором двух своих братьев, Николая и Михаила, главнокомандующими соответственно Дунайской и Кавказской армиями: «В решительную минуту выше помыслов личной славы они поставят безусловное повиновение монарху». Карцов подчеркивал, что Александр II, объявив войну Турции под давлением общественного мнения вопреки собственному желанию, опасался, чтобы удар по Турции не повлек за собой другую войну — европейскую. Между «военачальниками находились люди популярные, с громкими именами: фельдмаршал А. И. Барятинский⁴⁵, генерал Д. А. Милютин,

---

42 Анучин Д. Г. Князь В. А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. 1877–1878 гг. // РС. 1895. Т. 84. № 11. С. 58.

43 Лабутин П. А. «Я горжусь... что мне пришлось командовать такой славной армией» // ВИЖ. 2001. № 8. С. 32.

44 Его императорское высочество великий князь... С. 508.

45 Князь Александр Иванович Барятинский (1815–1879) — генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, в 1856–1862 гг. — командующий Отдельным Кавказским корпусом, главнокомандующий Кавказской армией и наместник на Кавказе. После выхода в отставку в 1862 г. подолгу жил за границей, критиковал военные реформы. Заслуги Барятинского в покорении Кавказа чтит: он получал наибольшее содержание среди всех военных Российской империи — 40 тыс. рублей в год.

наконец, наследник престола, великий князь Александр Александрович, который, без сомнения, пригласил бы к себе в начальники штаба кого-нибудь из видных деятелей». (На наш взгляд, вызывает большие сомнения предложенный дипломатом список кандидатов на должность главнокомандующего Дунайской армией.) Но царь, дав слово Англии не брать Константинополь, опасался того, чтобы «с появлением национального вождя» «события не усложнились и не зашли слишком далеко», т. е. чтобы на гребне наступательной волны победоносный полководец не вошел в Константинополь и не водрузил крест на св. Софии. В дисциплине и ответственности своих братьев, как видно из замечания Карцова, Александр II был уверен. «Свою миссию великий князь Николай Николаевич выполнил с усердием, достойным лучшего применения»⁴⁶, — считал дипломат.

В этой связи уместно привести наставление Николая I в письме, отправленном из Теплица в далеком 1838 году, 27 июля, в день, когда великому князю Николаю Николаевичу исполнилось семь лет и ему, по принятому в семье обычаю, вручили саблю: «Великий для тебя и для нас день. Для нас — ибо сим знаком посвящаем третьего сына на службу будущую брату твоему и родине; для тебя же — тем, что получаешь первый знак твоей будущей службы. В сабле и мундире офицера ты должен чувствовать, что с сей минуты вся будущая твоя жизнь — не твоя, а тому принадлежит, чьим именем получил ты сии знаки. С сей минуты ты постоянно должен не терять из мыслей, что ты беспрестанно стремиться должен постоянным послушанием и прилежанием быть достойным носить сии знаки, не по летам тебе данные, но в возбуждении в тебе благородных чувств и с тем, чтобы некогда достойным быть своего знания»⁴⁷.

Вероятно, Александр II, принимая во внимание всю совокупность достоинств своего младшего брата (высокий профессионализм в военном деле и огромный опыт, бесспорный организационный талант руководителя, полученные во время путешествия 1872 г. практические знания о турецких войсках, популярность в армии и авторитет), а также будучи полностью уверен «в его строгом и честном исполнении долга», назначил великого князя главнокомандующим Дунайской армией. На тот момент личности, равной ему или выше стоявшей по своим качествам как военачальника, не было.

---

46 Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии // РС. 1908. Т. 135. № 7. С. 11–12.

47 Цит. по: Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал... С. 10.

Нельзя сбрасывать со счетов и такой важный аргумент в пользу назначения главнокомандующими Дунайской и Кавказской армий великих князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, который высказал советский военный историк генерал-майор Н. И. Беляев, разумеется, используя характерную для марксистской историографии лексику. Александр II и «его приспешники», считавшие войну «в единоборстве с Турцией» делом легким, а победу обеспеченной, желали укрепить положение царизма. Выигранная война под руководством «особы царской фамилии» могла еще больше поднять «авторитет царизма»⁴⁸. В XXI в. это называется повышением рейтинга и упрочением властных позиций, за чем ревностно следит и к чему стремится каждое лицо, стоящее во главе государства. И ныне это в порядке вещей и не считается чем-то предосудительным.

По окончании войны 1877–1878 гг. великий князь получил жезл генерал-фельдмаршала, однако, как подчеркивал Д. А. Скалон, главнокомандующего практически «забыли»⁴⁹. Вопрос, почему так произошло, требует, на наш взгляд, специального исследования. Но некоторые причины известны.

В 1880 г. великий князь по его собственной просьбе был освобожден от своей основной должности — главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Без сомнения, на это решение повлияли подорванное войной здоровье и тяжелая болезнь, прогрессирующая с 1880 г. и впоследствии серьезно отразившаяся на его психическом состоянии. Кроме того, у главнокомандующего испортились отношения с императором. 7 апреля 1878 г. великий князь говорил: «Меня что особенно раздражает... так это то, что восстанавливают не только государя против его подданного, но и брата против брата»⁵⁰. Александр II незадолго до своей смерти сожалел, что не помирился с младшим братом⁵¹. Наследник престола цесаревич Александр, бывший во время войны начальником Рушукского отряда, также переменял свои чувства к «дяде Низи», как звали великого князя в семейном кругу⁵². И только в начале XX в. стали писать о заслугах главнокоман-

48 Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1956. С. 86.

49 Скалон Д. А. Забытый фельдмаршал // РС. 1907. № 11. С. 235.

50 Скалон Д. А. Мои воспоминания 1877–1878 гг. Т. 2. СПб., 1913. С. 350.

51 Скалон Д. А. Забытый фельдмаршал // РС. 1907. № 12. С. 544.

52 См.: Астанков В. А. Наследник цесаревич Александр Александрович в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Российская история. 2011. № 3. С. 134–138.

дующего в русско-турецкой войне⁵³. В 1914 г. ему был поставлен конный памятник на Манежной площади в Петрограде (итальянский скульптор П. Каноника), который, правда, простоял недолго — в 1918 г. его снесли. В настоящее время имеется только один памятник великому князю — он находится в Болгарии, в г. Плевен.

В советской историографии (что повторялось и в болгарской⁵⁴) имя главнокомандующего Дунайской армией если и упоминалось⁵⁵, то лишь в уничижительных тонах; подчеркивалось, что его военная подготовка ограничивалась строевой кавалерийской службой⁵⁶, что он не имел ни боевого опыта, ни широкого военного кругозора⁵⁷, был человеком самоуверенным, но не имевшим практического опыта⁵⁸ и т. п., хотя всеми военными специалистами признаются блестяще разработанные и успешно проведенные русским командованием операции по форсированию Дуная и зимнему переходу через Балканы. За форсирование Дуная великий князь был награжден орденом св. Георгия 2-й степени, за взятие Плевны — орденом св. Георгия 1-й степени. Следует подчеркнуть, что за всю историю Российской империи этой высшей награды удостоились всего 25 человек, а великий князь стал к тому же последним кавалером ордена св. Георгия. За переход через Балканы он был пожалован золотой саблей

---

53 Его императорское высочество великий князь... С. 507–510; *Скалон Д. А.* Забытый фельдмаршал // РС. 1907. № 11. С. 235–258; № 12. С. 525–545; *Жерве В. В.* Генерал-фельдмаршал...; *Петров А.* Николай Николаевич Старший. С. 365–388.

54 *Кинов И.* (генерал-полковник). Военные действия на руската армия на балканския боен театър през руско-турската война в 1877–1878 г. // Освобождението на България от турско иго 1878–1958. София, 1958. С. 120.

55 Похоже, что такая тенденция имела место уже во время самой войны. Так, Д. А. Скалон записал в своем дневнике 22 января 1878 г.: «...читая газеты, великий князь несколько раз обращался ко мне, говоря: меня ужасно забавляют рассуждения и передовые статьи в газетах, а также то, что обо мне совсем не упоминают, будто я и не существую, а все движения и действия войск совершаются так, сами собой, а не по распоряжению их главнокомандующего» (*Скалон Д. А.* Мои воспоминания 1877–1878 гг. Т. 2. СПб., 1913. С. 210).

56 *Коленковский А., Белолипецкий В.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М., 1939. С. 6.

57 *Беляев Н. И.* Русско-турецкая война... С. 86.

58 *Киняпина Н. С.* Русско-турецкая война 1877–1878 годов и освобождение Болгарии // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 118.

с алмазами. 13 февраля 1878 г. великий князь сказал графу Павлу Андреевичу Шувалову: «Знаешь, всё могут у меня отнять, но того, что я перешел Дунай, перешагнул зимой Балканы и стал в предместье Константинополя, этого не отымут»⁵⁹.

Благодаря изменению парадигмы в исторических исследованиях с конца 1990-х гг., в литературе стали появляться и иные оценки деятельности великого князя. Так, военный историк Ю. В. Рубцов отметил, что реформирование и совершенствование вооруженных сил, которыми занимался великий князь по своей службе, требовали глубокого знания дела, истинно государственного размаха, подлинного новаторства⁶⁰. О заслугах Николая Николаевича на этом поприще сообщалось в статье «Во главе армии, гвардии и военного округа» другого военного историка — М. Я. Тарасова, полковника в отставке, заведующего музеем истории войск Ленинградского военного округа⁶¹. Генерал-полковник П. А. Лабутин, начальник штаба Ленинградского военного округа, кратко описав ход русско-турецкой войны 1877–1878 г. на Балканах, подчеркнул: «До сих пор роль генерал-фельдмаршала Н. Н. Романова в победоносной для России войне по достоинству не оценена. А ведь он проявил себя не только опытным организатором, но и дальновидным военачальником: дал правильную оценку предстоящей войне и силам противника, чего не сделали в Военном министерстве, удачно выбрал места переправы через Дунай, разработал план зимнего перехода через Балканы и дальнейшего наступления на Константинополь. В конце концов даже сам Сан-Стефанский договор, выгодный для России, был подписан благодаря его личному вмешательству в вялотекущий дипломатический процесс. И не его вина, что на Берлинском конгрессе условия договора были изменены не в пользу России»⁶². Заслуги великого князя как дипломата при заключении Адрианопольского перемирия и подписании Сан-Стефанского мирного договора рассмотрены в нашей статье, опубликованной в 2020 г.⁶³ Однако специального научного труда

59 *Скалон Д. А.* Мои воспоминания 1877–1878 гг. С. 264.

60 *Рубцов Ю. В.* Их подвигам дивился мир: Очерки о российских генерал-фельдмаршалах. М., 1997. С. 150.

61 *Тарасов М. Я.* Во главе армии, гвардии и военного округа // ВИЖ. 2004. № 8. С. 70–75.

62 *Лабутин П. А.* «Я горжусь...». С. 35.

63 *Фролова М. М.* К истории установления дипломатических отношений между Россией и Болгарией: деятельность главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича на дипломатическом

о его жизни и деятельности до сих пор не написано, а единичные пока небольшие работы остаются вне внимания широкого читателя и даже пишущих о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Вероятно, поэтому до сих пор в статьях и книгах нынешнего столетия упорно тиражируется тезис советского периода о том, что великий князь не имел военного опыта и не обладал талантами военачальника⁶⁴.

В современной болгарской литературе также продолжают сохраняться штампы предыдущей эпохи⁶⁵. Так, Е. Емануилов утверждал, что великий князь Николай Николаевич, «полная бездарь в военном отношении»⁶⁶, получил свой пост в обход генерала Тотлебена, отличившегося во время обороны Севастополя, только потому, что желание Александра II достичь победы в войне под руководством одного из членов императорской фамилии взяло вверх⁶⁷. А. Пантев и Хр. Глушков, явно не одобряя выбор царя, констатировали: «Главкомандующим в действующую в этом районе (т. е. на Балканах. — М. Ф.) армию демонстративно был назначен брат императора — великий князь Николай Николаевич»⁶⁸. Болгарским историкам, скорее всего, неведомы ни послужной список, ни деяния великого князя на военной службе вплоть до 1876 г., ни его необыкновенная популярность в войсках, ни другие факторы, учитывая которые император сделал свой выбор.

16 октября 1876 г. в Ливадии Александр II сообщил брату о его назначении на должность главнокомандующего Дунайской армией⁶⁹ (приказ был издан 1 ноября 1876 г.)⁷⁰. На вопрос великого князя, «к какой цели

поприще // Болгария — Россия. 140 лет дипломатических отношений: история, состояние, перспективы: Материалы юбилейной болгаро-русской конференции (05–06 июля 2019): Сборник статей. М., 2020. С. 69–82.

64 *Захарова Л.* Александр II и Дмитрий Милютин: взгляд на решение «Восточного вопроса» // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 99; *Ванюков Д. А.* Век трех императоров. М., 2008. С. 180.

65 *Калонкин М.* Пред подвига — поклон! Българското участие в Освободителната руско-турска война 1877–1878 г. София, 1998. С. 7.

66 *Емануилов Е.* Истината за освободителната война пред съда на Клио. Велико Тырново, 2017. С. 120.

67 Там же. С. 89.

68 *Пантев А., Глушков Хр.* Европейски измерения на освободителната война 1877–1878. Велико Тырново, 2008. С. 43.

69 См.: *Милютин Д. А.* Дневник. С. 98, 101.

70 Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1898. Вып. 11. С. 55.

[он] должен стремиться», император «лаконично ответил: “Константинополь”», т. е. в соответствии с планом Обручева следовало дойти до столицы Османской империи, чтобы заставить Порту подписать диктуемые ей условия мирного договора. Об этой незабываемой минуте Николай Николаевич вспоминал в письме к брату-императору («любезному Саше») от 25 февраля 1878 г. в Сан-Стефано, извещая его о заключении мира: «Ровно через 16 месяцев я со всей гвардией под Царьградом молился коленапоклоненно за дарованные нам победы и чудный мир»⁷¹.

В заключение уместно привести запись из дневника полковника М. А. Газенкампа от 28 декабря 1877 г., сделанную после радостных вестей о победе русского оружия на Шипке: «Теперь, конечно, вся слава достанется на долю одних исполнителей, ибо уже с самого начала плевнинских неудач⁷² общественное мнение (по импульсу сверху) сделало великого князя главным виновником всех наших неудач. Когда-то еще наступит время, когда всё тайное делается явным и великому князю отдадут должное!»⁷³ Газенкампф полагал, что необходима «историческая дистанция», чтобы события предстали в «истинном свете». Нам кажется, что сейчас, наконец, наступило такое время, и должны появиться объективные исследования историков-профессионалов, посвященные жизни и деятельности великого князя Николая Николаевича и его роли в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и Освобождении Болгарии.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Алабин П. В. Четыре войны: Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 гг.: в 3-х т. М.: Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1892. Т. 3. 789 с.

⁷¹ ОП ОРТВ. Вып. 2. СПб., 1900. С. 74. Так точно, одним словом «Константинополь» была обозначена цель и в воспоминаниях адъютанта великого князя. См.: *Скалон Д. А.* Забытый фельдмаршал // РС. 1907. № 11. С. 242; *Жерве В. В.* Генерал-фельдмаршал... С. 76.

⁷² Русскими войсками было предпринято три штурма укреплений г. Плевны (ныне — Плевен), которые турки смогли отбить: 8 июля, 18 июля, 30 августа 1877 г. Осман-паша, оборонявший Плевну, сдался 28 ноября после ожесточенного сражения.

⁷³ *Газенкампф М. А.* Мой дневник 1877–1878 гг. СПб., 1908. С. 291.

Алексеев М. Н. Военная разведка в Российской империи — от Александра I до Александра II. М.: Вече, 2010. 477 с.

Анучин Д. Г. Князь В. А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. 1877–1878 гг. // Русская старина. 1895. Т. 84. № 11. С. 47–67.

Астанков В. А. Наследник цесаревич Александр Александрович в период Восточного кризиса 1875–1878 гг. // Российская история. 2011. № 3. С. 128–141.

Барбасов А. Новые факты о планировании русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Военно-исторический журнал. 1976. № 2. С. 98–104.

Беляев Н. И. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Воениздат, 1956. 464 с.

Ванюков Д. А. Век трех императоров. М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2008. 239 с.

Газенкамф М. А. Мой дневник 1877–1878 гг. СПб.: В. Березовский, 1908. 624 с.

Гейсман П. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции. СПб.: Типо-Литография А. Г. Розена, 1906. Вып. 1. 130 с.

Глушков В. В. Николай Дмитриевич Артамонов — военный геодезист и картограф. М.: Наука, 2007. 142 с.

Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1900. Т. 2. 524 с.

Его императорское высочество великий князь Николай Николаевич Старший (некролог) // Русская старина. 1891. Т. 70. № 4–6. С. 507–510.

Емануилов Е. Истина за освободителната война пред съда на Клио. Велико Търново: Изд-во «ИВИС», 2017. 204 с.

Жерве В. В. Генерал-фельдмаршал великий князь Николай Николаевич Старший: Исторический очерк его жизни и деятельности. 1831–1891. СПб.: Особый ком. по сооружению в Петербурге памятника... ген.-фельдм. вел. кн. Николаю Николаевичу, 1911. 248 с.

Затворницкий Н. М. Фельдмаршал великий князь Николай Николаевич Старший. СПб.: Тип. гр. Скачкова с с-ми, 1913. 64 с.

Захарова Л. Александр II и Дмитрий Милютин: взгляд на решение «Восточного вопроса» // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. М.: Аиро-ХХ, 2001. С. 87–104.

Калонкин М. Пред подвига — поклон! Българското участие в Освободителната руско-турска война 1877–1878 г. София: Славянско дружество в България, 1998. 63 с.

Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. Т. 135. № 7. С. 3–12.

Кинов И. (генерал-полковник). Военните действия на руската армия на балканския боен театър през руско-турската война в 1877–1878 г. //

Освобождение на България от турско иго 1878–1958. София: изд-во БКП, 1958. С. 115–151.

Киняпина Н. С. Русско-турецкая война 1877–1878 годов и освобождение Болгарии // Россия и освобождение Болгарии. М.: Изд-во Московского университета, 1982. С. 111–140.

Коленковский А., Белолипецкий В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. М.: Государственное военное издательство наркомата обороны Союза ССР, 1939. 47 с.

Корф М. А. Записки. М.: Захаров, 2003 (Екатеринбург: ГИПП Урал. рабочий). 565 с.

Косич А. И. Рушукский отряд. Участие XII корпуса, входившего в состав Рушукского отряда, в кампании 1877–1878 годов. Из записок бывшего начальника штаба XII корпуса свиты его величества генерал-майора Косича. Киев: Типография Штаба Киевского военного округа, 1884. 48 с.

Курочкин С. С. Великие князья Николай Николаевич Старший и Михаил Николаевич в Севастополе в 1854–1855 гг. (по официальным документам архива А. И. Философова) // Ученые записки Крымского Федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 7 (73). № 1. 2021. С. 86–95.

Лабутин П. А. «Я горжусь... что мне пришлось командовать такой славной армией» // Военно-исторический журнал. 2001. № 8. С. 30–37.
Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб.: Тип. князя Мещерского, 1898. Ч. 2. 514 с.

Милютин Д. А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1868 — начало 1873. М.: Росспэн, 2006. 734 с.

Милютин Д. А. Дневник. 1876–1877. Т. 2. М.: тип. журн. «Пограничник», 1949. 290 с.

Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871 гг. К истории Восточного вопроса. М.: Наука, 1989. 222 с.

Олсуфьев А. В. Потешные императора Николая Павловича // Русский архив. 1910. № 11. С. 443–448.

Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–78 гг. на Балканском полуострове. Вып. 2. СПб.: Военная типография, 1900. 116 с.; Вып. 4. Соображения, касающиеся плана войны. СПб.: Военная типография, 1901. 95 с.

Пантев А., Глушков Хр. Европейски измерения на освободителната война 1877–1878. Велико Тырново: Абагар, 2008. 239 с.

Паренсов П. Д. Из прошлого: Воспоминания офицера Генерального штаба П. Паренсова. СПб.: В. Березовский, 1901. Ч. 1. 444 с.

Петров А. Николай Николаевич Старший // Русский биографический словарь (под ред. А. А. Половцова). Т. 11. СПб., 1914. С. 365–388.

Рубцов Ю. В. Их подвигам дивился мир: Очерки о российских генерал-фельдмаршалах. М.: Б. и., 1997. 158 с.

Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове Вып. 11. СПб.: Военная типография, 1898. 278 с.

Симов М. Руски военно-топографски мисии в българските земи и картографиране на Европейска Турция от корпуса на руските военни топографи (кр. на 60-те — нач. на 70-те години на XX век) // Военно-исторически сборник. София, 2015. № 2. С. 39–47.

Скалон Д. А. Забытый фельдмаршал // Русская старина. 1907. № 11. С. 235–258; № 12. С. 525–545.

Скалон Д. А. Мои воспоминания 1877–1878 гг. Т. 2. СПб.: Типография товарищества М. О. Вольф, 1913. 369 с.

Скалон Д. А. Очерк деятельности главнокомандующего в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Типография товарищества М. О. Вольф, 1907. 73 с.

Скалон Д. А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. СПб.: печ. в Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1881. 328 с.

Стародымов Н. А. Отважный разведчик Николай Артамонов задолго до войны сформировал разведывательную сеть в Турции // Военно-исторический журнал. 2001. № 10 (498). С. 47–51.

Тарасов М. Я. Во главе армии, гвардии и военного округа // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 70–75.

Фролова М. М. К истории установления дипломатических отношений между Россией и Болгарией: деятельность главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича на дипломатическом поприще // Болгария — Россия. 140 лет дипломатических отношений: история, состояние, перспективы: Материалы юбилейной болгаро-российской конференции (05–06 июля 2019): Сборник статей. М.: Издательский дом «ИМЦ», 2020. С. 69–82.

References

Alekseev, M. N. *Voennaia razvedka v Rossiiskoi imperii — ot Aleksandra I do Aleksandra II*. Moscow: Veche Publ., 2010, 477 p.

Astankov, V. A. “Naslednik tsesarevich Aleksandr Aleksandrovich v period Vostochnogo krizisa 1875–1878 gg.” *Rossiiskaia istoriia*, 2011, no. 3, pp. 128–141.

Barbasov, A. “Novye fakty o planirovanii rusko-turetskoi voiny 1877–1878 gg.” *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 1976, no. 2, pp. 98–104.

Beliaev, N. I. *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg.* Moscow: Voenizdat, 1956, 464 p.

Dnevnik D. A. Miliutina. 1876–1877. Moscow: Tipografiia zhurnala “Pogranichnik”, 1949, vol. 2, 292 p.

Emanuilov, E. *Istinata za osvoboditelnata voïna pred süda na Klio.* Veliko Tyrnovo: IVIS Publ., 2017, 204 p.

Frolova, M. M. “K istorii ustanovleniia diplomaticheskikh otnoshenii mezhdru Rossiei i Bolgariie: deiatel'nost' glavnokomanduiushchego Dunaiskoi armiei velikogo kniazia Nikolaia Nikolaevicha na diplomaticheskome poprishche.” *Bolgariia — Rossiia. 140 let diplomaticheskikh otnoshenii: istoriia, sostoianie, perspektivy: Materialy iubileinoi bolgarno-rossiiskoi konferentsii (05–06 iulia 2019): Sbornik statei.* Moscow: IMC Publ., 2020, pp. 69–82.

Glushkov, V. V. *Nikolai Dmitrievich Artamonov — voennii geodezist i kartograf.* Moscow: Nauka Publ., 2007, 142 p.

Kalonkin, M. *Pred podviga — poklon! Bülgarskoto uchastie v Osvoboditelnata rusko-turska voïna 1877–1878 g.* Sofia: Slaviansko druzhestvo v Bülgariia, 1998, 63 p.

Kiniapina, N. S. “Russko-turetskaia voina 1877–1878 godov i osvobozhdenie Bolgarii.” *Rossiia i osvobozhdenie Bolgarii.* Moscow: Moscow University Publ., 1982, pp. 111–140.

Kinov, I. (general-polkovnik). “Voennite deïstviia na ruskata armii na balkanskiia boen teatür prez rusko-turskata voïna v 1877–1878 g.” *Osvobozhdenieto na Bülgariia ot tursko igo 1878–1958.* Sofia: BKP Publ., 1958, pp. 115–151.

Kolenkovskii, A., Belolipetskii, V. *Russko-turetskaia voina 1877–1878 gg.* Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo narkomata oborony Soiuzu SSR, 1939, 47 p.

Korf, M. A. *Zapiski.* Moscow: Zakharov Publ., 2003 (Ekaterinburg: GIPP Ural. rabochii), 565 p.

Kurochkin, S. S. “Velikie kniaz'ia Nikolai Nikolaevich Starshii i Mikhail Nikolaevich v Sevastopole v 1854–1855 gg. (po ofitsial'nym dokumentam arkhiva A. I. Filosofova).” *Uchënye zapiski Krymskogo Federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo, Seria “Istoricheskie nauki”,* 2021, vol. 7 (73), no. 1, pp. 86–95.

Labutin, P. A. “«Ia gorzhus'... chto mne prishlos' komandovat' takoi slavnoi armiei.»” *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2001, no. 8, pp. 30–37.

Miliutin, D. A. *Vospominaniia general-fel'dmarshala grafa Dmitriia Alekseevicha Miliutina, 1868 — nachalo 1873.* Moscow: Rosspen Publ., 2006, 734 p.

Narochnitskaia, L. I. *Rossiia i otmena neutralizatsii Chërnogo moria. 1856–1871 gg. K istorii Vostochnogo voprosa.* Moscow: Nauka Publ., 1989, 222 p.

Pantev, A., Glushkov, Hr. *Evropeiski izmerenii na osvoboditelnata voïna 1877–1878*. Veliko Tŕnovo: Abagar, 2008, 239 p.

Rubtsov, Iu. V. *Ikh podvigam divilsia mir: Ocherki o rossiiskikh general-fel'dmarshalakh*. Moscow: s. n., 1997, 158 p.

Simov, M. “Ruski voenno-topografski misii v bŭlgarskite zemi i kartografirane na Evropeiska Turtsiia ot korpusa na ruskite voenni topografi (kr. na 60-te — nach. na 70-te godini na XX vek).” *Voенноисторически сборник*, Sofia, 2015, no. 2, pp. 39–47.

Starodymov, N. A. “Otvazhnyi razvedchik Nikolai Artamonov zadolgo do voiny sformiroval razvedyvatel'niuu set' v Turtsii.” *Voенно-исторический журнал*, 2001, no. 10 (498), pp. 47–51.

Tarasov, M. Ia. “Vo glave armii, gvardii i voennogo okruga.” *Voенно-исторический журнал*, 2004, no. 8, pp. 70–75.

Vaniukov, D. A. *Vek trekh imperatorov*. Moscow: Izdatel'stvo Mir knigi, 2008, 239 p.

Zakharova, L. “Aleksandr II i Dmitrii Miliutin: vzgliad na reshenie «Vostochnogo voprosa».” *Novyi mir istorii Rossii. Forum iaponskikh i rossiiskikh issledovatelei*. Moscow: Airo-XX Publ., 2001, pp. 87–104.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.03

M. M. Frolova

On the question of the appointment of Grand Duke Nikolai Nikolaevich (the Elder) as Commander-in-Chief of the Danube Army

Marina M. Frolova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: marinafrolova59@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4068-5193

Citation

Frolova M. M. On the question of the appointment of Grand Duke Nikolai Nikolaevich (the Elder) as Commander-in-Chief of the Danube Army // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 44–68 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.03

Received: 07.12.2022.

Abstract

The article highlights the issue of the appointment of Grand Duke Nikolai Nikolaevich (the Elder) as Commander-in-Chief of the Danube Army by Emperor Alexander II on the eve of the Russo-Turkish War of 1877–1878 on the basis of published sources of both official and memoir nature, as well as some archival data. The myth created by Marxist historiography that the Grand Duke had a narrow outlook in military affairs, had neither combat experience nor experience in organizational work, was mediocre, incompetent, etc., is debunked. Meanwhile, Nikolai Nikolaevich received an excellent education, he was taught by the best specialists and professors of that era. He acquired his first practical knowledge of the war and experience as a military engineer in the Crimean War, during the defense of Sevastopol in 1854–1855. The subsequent activity of the Grand Duke in the field of army reform, primarily in engineering and cavalry service, convinces of his undoubted organizational abilities, deep knowledge, true state scope and innovation. He enjoyed great popularity among officers and soldiers of the Russian army, which was greatly facilitated by his character and attentive attitude to people. He knew the upcoming theater of military operations and the future enemy — the Turkish army, because he was able to combine a pilgrimage to the East and the Holy Land in 1872 with reconnaissance purposes. Alexander II, taking into account the totality of the merits of his younger brother, as well as being fully confident in his honest performance of duty, in 1876 appointed the Grand Duke as Commander-in-chief of the Danube Army. At that time, there was no personality equal to him or higher in his qualities as a military commander. The Grand Duke developed operations to force the Danube and the winter crossing of the Balkans and led Russian troops to Constantinople. He received the Field Marshal's baton and became the 25th and last full knight of the Order of St. George in the history of the Russian Empire.

Keywords

Russo-Turkish war of 1877–1878, Emperor Alexander II, Minister of War of Russia D. A. Milyutin, Grand Duke Nikolai Nikolaevich (the Elder) (1831–1891).

**Славянская взаимность Скопинского уезда:
военнопленные и переселенцы Первой мировой
в российской глубинке**

Борисёнок Юрий Аркадьевич
Кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект 27, корп. 4, Москва,
Российская Федерация
E-mail: rodina2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4958-2799

Дронов Михаил Юрьевич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Цитирование

Борисёнок Ю. А., Дронов М. Ю. Славянская взаимность Скопинского уезда: военнопленные и переселенцы Первой мировой в российской глубинке // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 69–79.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.04

Статья поступила в редакцию 10.01.2023.

Аннотация

Специфика ситуации военнопленных и переселенцев Первой мировой войны в далеких от фронта регионах России в последние десятилетия становится важной исследовательской проблемой. На материалах местных архивов постепенно разрабатываются важные аспекты темы, и в первую очередь те из них, что касаются особенностей повседневной жизни значительных контингентов людей, никогда не бывавших в тех губерниях и уездах, в которых им пришлось поселиться не по своей воле. Такие документы, еще не введенные в научный оборот, хранятся и в Государственном архиве Рязанской области. Среди них своей полнотой и оригинальностью выделяются материалы,

относящиеся к положению военнопленных и переселенцев в Скопинском уезде. Архивные свидетельства, в частности, позволяют скорректировать сложившуюся в историографии трактовку особенностей брачных отношений местных жителей с военнопленными. Большой интерес представляют сведения о межславянских контактах, которые сначала вынужденно, а затем и добровольно устанавливались в Скопине и уезде, где до 1914 г. приезд из других регионов Российской империи и тем более иностранные подданные составляли совсем небольшой процент населения.

Ключевые слова

Первая мировая война, военнопленные, переселенцы, история повседневности, Рязанская губерния, Скопинский уезд.

Хорошо известно, что на современной территории Российской Федерации, если не считать Калининградскую область, бывшую в начале XX в. частью Германской империи, никаких боевых действий в Первую мировую войну не велось. Историкам приходится довольствоваться обширной информацией источников о повседневности в тыловых губерниях, о существенных изменениях, которые неизбежно происходили с перемещением больших масс беженцев из западных регионов Российской империи и с появлением заметных контингентов военнопленных. К таким исследованиям, интенсивно ведущимся в последние десятилетия, привлечены еще далеко не все важные документы. Новые штрихи к переменам в жизни российской глубинки позволяют добавить материалы Государственного архива Рязанской области, впервые вводимые в научный оборот.

Старинный город Скопин Рязанской области расположен вдали от западных рубежей нашей страны. Несмотря на известность скопинской керамики и встречающееся применительно к Скопину претенциозное название «Рязанский Суздаль», этот райцентр (пускай и областного значения) с нынешним населением 25 тысяч жителей отнюдь не может похвастаться зашкаливающей туристической популярностью. Здесь, в настоящей русской глубинке, невольно создается впечатление, что Скопин всегда был на удалении от цивилизации, а население было сплошь великорусским.

Эта точка зрения опровергается историческими и статистическими данными. Уже в XVII веке в окрестностях Скопина отмечены переселенцы из Малороссии, появившиеся здесь после ужесточения

политики Речи Посполитой в отношении запорожских казаков, закрепленного Куруковским договором 1625 г.¹

В течение всего периода существования Российской империи иностранные подданные и иноверцы в некотором количестве встречались в православном скопинском обществе. К концу XIX столетия в «Рязанском Суздале» было восемь церквей: Троицкий собор, Входиерусалимская, Покровская, Казанская, Сретенская, Богоявленская, Вознесенская, Николаевская кладбищенская. И это не считая Александровской церкви в здании реального училища и Свято-Духова монастыря в полутора верстах от города². Сегодняшний Скопин, хотя и стал в 2011 г. центром отдельной епархии в рамках Рязанской митрополии, по степени формальной воцерковленности жителей несомненно отстает от дореволюционного уровня.

По данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., Скопинский уезд площадью 2434,8 квадратных версты превосходил все прочие уезды Рязанской губернии по плотности населения: она составляла 72,56 человека на квадратную версту. В уезде проживало 176 682 человека обоего пола — это второй по численности уезд после Рязанского, где перепись учла 212 683 жителя, из них 46 122 — в губернском городе. Уездный Скопин населяло 13 247 человек, в 1897 г. это был шестой по численности населения город губернии после Рязани, Егорьевска, Раненбурга (ныне Чаплыгин), Ряжска и Касимова. Население было в подавляющем большинстве местное: временно прибывших в место переписи в Скопинском уезде насчитали 2110 человек, в уездном городе — 380³.

По месту рождения столь же подавляюще преобладали скопинские уроженцы — в уезде перепись их насчитала 168 194, в Скопине — 9425. В 1897 г. только 4091 житель Скопинского уезда родился в других губерниях Российской империи, правда, 2683 из них осели в уездном городе. Родившихся в иностранных государствах жителей

---

1 Коростелев В. А. Скопин. Царская вотчина во второй половине XVII — в первой половине XVIII века: очерки. М., 2013. С. 22.

2 Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, с списками их настоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями / сост. свящ. И. Добролюбов. Рязань, 1885. Т. 2. С. 144–168.

3 Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кн. XXXV. Рязанская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1903. С. 1.

уезда было всего 17, в том числе четверо в Скопине⁴. Обладателей же зарубежных паспортов перепись в уезде насчитала 20 (всего в Рязанской губернии таковых было 228), из них в Скопине проживало десять иностранных граждан: пятеро германских подданных, двое французских, по одному носителю паспортов Австро-Венгрии, Великобритании и Швейцарии⁵.

Неправославное население было представлено обширнее: в Скопинском уезде насчитывалось 363 римокатолика, 251 иудей, 51 лютеранин и 24 магометанина⁶. Языковое разнообразие уездных жителей при подавляющем преимуществе носителей русского языка было еще больше: 368 человек родным назвали польский, 274 — малорусский (украинский), 223 — еврейский (идиш), 43 — немецкий, 42 — пермяцкий, 25 — татарский, 15 — белорусский, всего языков оказалось 18, включая единственного переписанного представителя чешского языка, проживавшего не в уездном городе⁷.

Обращает на себя внимание существенное преобладание мужского пола среди скопинских иностранцев, иноверцев и носителей других языков. Впрочем, в общей массе уездного населения они были едва заметны: преобладали православные по вере общим числом 175 821 человек (12 592 в Скопине), великороссы по языку (175 670 в уезде и 12 323 в городе) и крестьяне по сословиям (163 905 в уезде, 5065 в Скопине на 6644 городских мещан)⁸.

Отметим, что до 1914 г. скопинским жителям были неплохо знакомы родственные украинцы и белорусы, а также поляки и католики по вере. Невеликорусских славян, отмеченных в переписи 1897 г. общим числом 658 человек и в подавляющем большинстве мужского пола, можно было рассмотреть и установить с ними повседневные контакты различного рода. До начала Первой мировой войны принципиальных изменений в этой этноконфессиональной картине не произошло. Перемены военной поры отмечают метрические книги местных приходов, изученные нами за отдельно взятый 1916 год.

Большая война была в самом разгаре, от нее уже начала накапливаться усталость, и никто уже не распевал частушек, опубликованных в том же 1916-м в Костроме:

---

4 Там же. С. 2.

5 Там же. С. 82–83.

6 Там же. С. 84–85.

7 Там же. С. 86–89.

8 Там же. С. 2–3, 8.

Мы всю Австрию разрушим
И германцам не сдадим,
Мы сначала возьмем Краков,
А потом уже Берлин.

Мы австрийцев всех разобьем
И Германию возьмем:
Ружья, пушки отберем,
Потом налогом обведем⁹.

Конца войне было не видно, и в каждом рязанском уезде, не говоря о губернском городе, появлялись ее зримые приметы. Уездный Скопин стал одним из многочисленных ковчегов, в который по своей и по чужой воле устремились многочисленные беженцы из западных губерний Российской империи, а также военнопленные сразу нескольких неприятельских армий. Через пожелтевшие листы архивных дел проступают мозаики людских судеб, на первый взгляд не могущих иметь отношение к Рязанщине. Счет беженцев шел на миллионы, военнопленных было около двух миллионов, в том числе «1 736 764 военнослужащих австро-венгерской, 159 390 германской, 64 509 турецкой и 670 — болгарской армий»¹⁰.

Изменить традицию, предполагавшую нехватку прекрасного пола среди приезжих в Скопине и его окрестностях, помогло появление в уезде беженцев из западных регионов Российской империи. Любопытная информация о некоторых из них отразилась в метриках 1916 г. Например, 20 апреля в скопинской Вознесенской церкви свершилось таинство крещения над родившейся днем ранее Маврой — дочерью крестьянина деревни Лески Черкасского уезда Киевской губернии Дмитрия Давыдова Марштупова и его законной жены Аксиньи Евфимовой. Восприемниками младенца выступили местные жители — скопинский мещанин Иванов и крестьянка села Рождественна Скопинского уезда Архипова¹¹. Кто знает, что связывало последних с беженцами с Киевщины? Сейчас можно только гадать, предоставили ли эти скопинцы кров, дали работу,

---

⁹ Цит. по: *Александров Н.* «Мы сначала возьмем Краков, а потом уже Берлин». Костромская деревня в начале войны // *Родина*. 2014. № 8. С. 113.

¹⁰ *Белова И.* Подавать им по утрам кофе с сахаром? Военнопленные в Центральной России // *Родина*. 2014. № 8. С. 131.

¹¹ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 627. Оп. 274. Д. 429. Л. 19 об.–20.

просто поделились куском хлеба или как-то иначе сблизилась с людьми, вынужденно снявшимися с родных мест.

В той же метрической книге встречаем запись о крещении 28 июня 1916 г. Ольги, нареченной в честь благоверной княгини, одной из первых древнерусских христианок. Отец новорожденной не указан (впрочем, не наблюдается и однозначной записи, что девочка точно незаконнорожденная), мать же — Татиана Иосифова Пынчук, крестьянская девица деревни Олиля Бобруйского уезда Минской губернии. Восприемники — оказавшийся в Скопине крестьянин Стоянкин с Тамбовщины и крестьянка Анфимова с Рязанщины¹².

9 октября крестили другую новорожденную Ольгу — дочь крестьян Виктора Николаева и Анастасии Матвеевой Ярчуков из села Терebinь Грубешовского уезда Холмской губернии (ныне — в границах Польши). В отличие от предыдущих случаев, восприемниками выступили «свои»: крестьяне той же далекой деревни Антон Степанов Коречко и Пелагея Иванова Калищук¹³.

В соседнем приходе 21 июня 1916 г. состоялось крещение Нины, родившейся в семье почтальона эвакуированного почтового отделения из местечка Девенишек Виленской губернии Кирилла Андреева и Стефаниды Викентьевны Стасилевичей. Крестными девочки стали фельдшер и акушерка Скопинской уездной земской больницы¹⁴.

Эти скупые строчки метрических книг показывают, что вынужденные переселенцы, бежавшие от войны в рязанскую глубинку, неплохо устраивались на новом месте и заводили детей, причем по большей части появлявшихся на свет в законном браке.

Хорошо приспособились к условиям Рязанской губернии и многие попавшие сюда военнопленные. Условия содержания для солдат и офицеров были разными, но подчас одинаково вольготными. В 1915 г. на сельхозработы в губернию было прислано 3523 военнопленных солдат, это были в основном славяне из австро-венгерской армии, в 1916-м к ним добавились турецкие и германские пленные. Многие неплохо адаптировались в новых условиях, проживая вместе с рязанскими крестьянами, у которых они работали. Конфликтов было сравнительно немного: за весь 1916 г. в Рязанском уезде полиции пришлось наказывать арестом 16 отказавшихся заниматься деревенским трудом пленных, тогда как в губернском городе арестованных отказников, не желавших

12 Там же.

13 Там же. Л. 73 об.–74.

14 Там же. Л. 199 об.–200.

работать на свалках и в ассенизационном обозе, оказалось 36. Большинство же пленных оказалось без строгого надзора и внимания полиции — одному из пленных в Рязанском уезде ничто не мешало объявить себя «гадальщиком» и зарабатывать ремеслом экстрасенса¹⁵.

Офицерам жилось еще интереснее, ассенизационные обозы им не угрожали, изолировать от местного населения их особо и не пытались. В Рязани их размещали в центре города в лучших помещениях, обилие свободного времени позволяло подолгу гулять и привлекать внимание местных дам и девиц¹⁶. Правда, в историографии бытует мнение, что «запрет на браки между пленными и россиянками был снят лишь в середине 1917-го... узаконить свои отношения с гражданками Свободной России позволялось только пленным славянам, взятым на поруки или подавшим прошения о принятии в российское подданство. Только если дело доходило до появления детей, власти, похоже, были готовы уступить...»¹⁷.

Скопинские метрические книги наглядно показывают, что свадьбы военнопленных были легально возможны и до «Свободной России» в лице Временного правительства в условиях Российской империи. От пленных, и не только славян, требовалось только перейти в православие. Обилие храмов в «Рязанском Суздале» создавало благоприятные условия для новых семейных уз. Так, в конце июня 1916 г. в скопинской церкви через таинства покаяния и причащения был присоединен к православию католик по рождению Петр Сторожинский — военнопленный старший унтер-офицер 95-го пехотного полка австро-венгерской армии, очевидно, поляк. Православные священнослужители не стали менять ему имя — вероятно, учитывая общехристианское значение апостола Петра и близость по времени праздника этого святого¹⁸. А уже 22 июля, т. е. менее чем через месяц, 35-летний «Петр Михайлов Сторожинский, православного вероисповедания» сочетался законным браком с 20-летней дочерью скопинского мещанина Бокарева Наталией Сергеевой. Свидетелями («поручителями») этого радостного события со стороны как невесты, так и жениха выступили мещане Скопина¹⁹.

15 Белова И. Подавать им по утрам кофе с сахаром? С. 132–133.

16 Там же. С. 133.

17 Суржикова Н. «Теперь за мужей пошли в моду австрийцы...» Плен, любовь и мораль в российской провинции 1914–1917 годов // Родина. 2014. № 8. С. 137.

18 ГАРО. Ф. 627. Оп. 274. Д. 429. Л. 199 об.–200.

19 Там же. Л. 218 об.–219.

Любопытно, как сложилась судьба этой супружеской четы: многочисленные датируемые разными годами отметки о выдаче справок и наклеенная здесь же, у записи о венчании, гербовая марка намекают на повышенный интерес к семье Сторожинских со стороны государства. Но бракосочетание было вполне законным, что указывает на отсутствие строгих запретов в случае, если оба брачующихся исповедовали православие.

Есть в скопинских метрических книгах 1916 г. и более необычные крещения. Так, например, в апреле состоялось обращение в христианство двух «турецко-подданных» (вспомним отца Остапа Бендера) — уроженцев Османской империи, заброшенных на периферию Рязанской губернии благодаря войне. Этому событию посвящен целый разворот метрической книги. С разрешения Рязанской духовной консистории православную паству пополнили 32-летний Георгий (Али Мулла-Смайль-Оглы) и 21-летний Владимир (Аслан Хушут Хутоли), которые к тому же получили от своих крестных (псаломщиков церкви, где свершалось таинство) и новые русские фамилии. Георгий стал Пищулиным, а Владимир — Кузьминым. В рубрике «Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания» у обоих новокрещенных указано лишь: «Родители его живут в Турции»²⁰.

Обращенные в православие «турецко-подданные» не теряли понапрасну время и не проходили мимо девушек уездного города. Так, 10 февраля 1916 г. состоялось венчание свежееиспеченного христианина Николая Дмитриева Светлова (первоначальное имя не указано) и дочери скопинского мещанина Александра Григорьева Пантелеева Веры. В восприемниках — скопинские мещане и крестьяне Суздальского уезда Владимирской губернии и Рязанского уезда Рязанской²¹. Молодоженам было по 26 лет — для невесты в то время это критический возраст, в простонародье уже 22-летняя девушка именовалась «вековухой» и «перестарком».

10 сентября 1916 г. в соседнем приходе состоялось крещение новорожденного Сергия — сына проживавшего в Скопине военнообязанного турецко-подданного Махмета Али Уби Хауин Оглы, в крещении Александра Дмитриева Светлова, и его супруги Марии Александровой. Восприемниками младенца стал отставной капитан Барабанов и мещанка Щенова²². Любопытно, были ли Николай и Александр

20 Там же. Л. 195 об.–196.

21 Там же. Л. 25 об.–26.

22 Там же. Л. 46 об.–47.

Светловы родными братьями или же бравые турецкие парни вместе стали объектом прозелитического воздействия со стороны одного человека — предположительно Дмитрия Светлова, скорее всего подарившего им и отчество, и фамилию.

Но далеко не всем из вынужденных гостей Скопина посчастливилось креститься, жениться или родить детей. Кто-то нашел здесь вечное упокоение, как, например, 38-летний австрийский пленный Павел Щур — «греко-униат», очевидно, галицкий русин. Его похоронили на городском кладбище. Запись об этом печальном событии «по извещению конторы больницы № 932-м» находим в метрической книге больничного храма²³.

Основной же массив информации, укрытой в метриках Рязанщины, убедительно показывает, что удаленный от больших городов Скопинский уезд стал надежным пристанищем для беженцев и не слишком обременительным местом пребывания для пленных, часть которых даже получила возможность сочетаться законным браком. На уровне бытовой повседневности военной поры в удаленной от фронта российской глубинке самопроизвольно складывались любопытные проявления славянской взаимности. Весь «большой XIX век» о единении славян страстно повествовали теоретики и энтузиасты из образованных кругов, на практике же, как свидетельствуют архивные документы, в Скопине и уезде происходили разнонаправленные процессы взаимного узнавания, по большей части лишенные негативного контекста и сугубо отрицательных эмоций. Для непростых условий мировой войны подобные явления стоит признать факторами микроистории, облегчавшими участь как переселенцев с запада, так и военнопленных.

Источники и литература

Государственный архив Рязанской области (ГАРО).

Александров Н. «Мы сначала возьмем Краков, а потом уже Берлин». Костромская деревня в начале войны // *Родина*. 2014. № 8. С. 112–113.

Белова И. Подавать им по утрам кофе с сахаром? Военнопленные в Центральной России // *Родина*. 2014. № 8. С. 131–133.

Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, ныне существующих и упраздненных, с списками их на-

---

23 Там же. Л. 242 об.–243.

стоятелей за XVII, XVIII и XIX ст. и библиографическими указаниями / сост. свящ. И. Добролюбов. Рязань: Тип. наследников З. П. Позняковой, 1885. Т. 2. 368 с.

Коростелев В. А. Скопин. Царская вотчина во второй половине XVII — в первой половине XVIII века: очерки. М.: Сам Полиграфист, 2013. 302 с.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Кн. XXXV. Рязанская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Изд-е Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. 259 с.

Суржикова Н. «Теперь за мужей пошли в моду австрийцы...» Плен, любовь и мораль в российской провинции 1914–1917 годов // *Родина*. 2014. № 8. С. 137–138.

References

Aleksandrov, N. “«My snachala voz'mem Krakov, a potom uzhe Berlin». Kostromskaia derevnia v nachale voiny.” *Rodina*, 2014, no. 8, pp. 112–113.

Belova, I. “Podavat' im po utram kofe s sakharom? Voennoplennnye v Tsentral'noi Rossii.” *Rodina*, 2014, no. 8, pp. 131–133.

Korostelev, V. A. *Skopin. Tsarskaia votchina vo vtoroi polovine XVII — v pervoi polovine XVIII veka: ocherki*. Moscow: Sam Poligrafist Publ., 2013, 302 p.

Surzhikova, N. “«Teper' za muzhei poshli v modu avstriitsy...» Plen, liubov' i moral' v rossiiskoi provintsii 1914–1917 godov.” *Rodina*, 2014, no. 8, pp. 137–138.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.04

Yu. A. Borisyonok, M. Yu. Dronov

Slavic reciprocity of the Skopinsky district: Prisoners of war and migrants of the First World War in the Russian outback

Yuri A. Borisyonok

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Mikhail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Citation

Borisyonok Yu. A., Dronov M. Yu. Slavic reciprocity of the Skopinsky district: Prisoners of war and migrants of the First World War in the Russian outback // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 69–79 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.04

Received: 10.01.2023.

Abstract

The specifics of the situation with the prisoners of war and the migrants of the First World War in regions of Russia far from the front has become an important research problem in the recent decades. Based on the materials of local archives, important aspects of the topic are gradually being developed, and first of all, those that relate to the peculiarities of the daily life of numerous people who had never been to those provinces and counties in which they had to settle against their will. Such documents, which have not yet been introduced into scientific circulation, are also stored in the State Archives of the Ryazan Region. Among them, materials relating to the situation of prisoners of war and settlers in Skopinsky district stand out for their completeness and originality. Archival evidence, in particular, makes it possible to correct the interpretation that has developed in historiography of the peculiarities of the marital relations of local residents with prisoners of war. Of great interest is the information about inter-Slavic contacts, which were first forced, and then voluntarily established in Skopin and the county, where until 1914 visitors from other regions of the Russian Empire, and even more so foreign nationals, made up a very small percentage of the population.

Keywords

World War I, prisoners of war, settlers, history of everyday life, Ryazan province, Skopinsky district.

Споры о малороссах и Малороссии на Советской Украине в середине 1920-х гг.

Борисёнок Елена Юрьевна
Доктор исторических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: vostslav@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8642-0185

Цитирование

Борисёнок Е. Ю. Споры о малороссах и Малороссии на Советской Украине в середине 1920-х гг. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 80–99. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.05

Статья поступила в редакцию 18.01.2023.

Аннотация

Статья посвящена анализу семантического наполнения понятия «малоросс» и производных от него в межвоенной Украинской ССР. Несмотря на то, что большевики положили конец употреблению термина в официальной сфере, заменив его на этноним «украинец», из общественного лексикона наименование «малоросс» не исчезло полностью. В середине 1920-х гг. во время внутривластных дискуссий о путях развития советской украинизации слова «малоросс» и «Малороссия» употреблялись сторонниками активного проведения политики украинизации. В данной связи большой резонанс в партийной среде получили памфлеты Н. Г. Хвылевого и выступления А. Я. Шумского, ратовавшие за расширение прав Украины в союзном государстве, большую самостоятельность республики в национальных и культурных вопросах. «Малоросс» и «Малороссия» в их понимании становились синонимами провинциализма и второсортности. Рассуждая о перспективах развития украинской советской культуры, Хвылевой критиковал наследие русификаторской политики царского правительства – «малороссийщину», эпигонтство и безграмотность. Шумский настаивал на том, что Коммунистическая партия (большевиков) Украины «должна стать украинской по языку и по культуре». Он резко критиковал «безразличных ко всему украинскому» малороссов. Позиция

Хвылевого и Шумского подверглась резкой критике со стороны других членов ЦК КП(б)У, настаивавших на необходимости учитывать интересы и настроения представителей всех этносов, населявших Советскую Украину.

Ключевые слова

УССР, украинизация, Николай Хвылевой, Александр Шумский, национальная политика.

В современной отечественной историографии очевиден интерес к изучению различного рода номинаций, относящихся к отдельным частям восточного славянства. Несмотря на появление интересных публикаций¹, существует еще множество лакун в исследовании этнической терминологии восточноевропейского региона, в частности, касающихся украинских земель и их населения в межвоенный период XX в. В настоящей статье речь идет об Украинской ССР 1920-х гг., когда с появлением памфлетов прозаика, поэта и публициста Н. Г. Хвылевого и выступлениями народного комиссара просвещения УССР А. Я. Шумского наименование «малоросс» оказалось в центре внутрипартийных дискуссий о путях развития советской украинизации².

Большевики положили конец употреблению понятия «малоросс» / «малорус» в официальной сфере. При проведении переписи 1926 г. был составлен Перечень и словарь народностей, причем словарь содержал «чистые синонимы этих наименований народностей и, кроме того, названия частей народностей — географические

---

1 Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 9–27; Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / отв. ред. Е. Ю. Борисенко. М.; СПб., 2016; Лескинен М. В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016.

2 О месте понятий «малоросс» и «украинец» в идентификационной стратегии большевиков в целом см. Борисёнок Е. Ю. Из малороссов — в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 171–186; Борисёнок Е. Ю. Понятия «Украина» и «украинцы» в большевистской идентификационной стратегии // Имя народа... С. 229–249.

и местные». По словарю народностей «малорусы» относились к многочисленным конкретным наименованиям и должны были быть отнесены ко второму пункту Перечня, т. е. украинцам³. Таким образом большевистское руководство рассчитывало поставить точку в дискуссиях о малороссах / украинцах: следует заметить, что в эмигрантских кругах полемика велась по-прежнему. Из общественно-политического лексикона Советской Украины «малоросс», конечно, не исчез полностью. Однако в некоторых кругах употребление этого слова носило эмоциональную окраску, ведущую свое начало от «понятийной войны» предшествующего периода. В определенном смысле выступление А. Я. Шумского можно назвать эхом «борьбы украинца с малороссом» второй половины XIX — начала XX в.⁴

Различные варианты употребления наименования «малоросс» за пределами Советской Украины в интересующий нас период стали изучаться в современной литературе в связи с разработкой проблемы малороссийства. Украинские специалисты рассматривают комплекс малороссийства в качестве условного термина, «происходящего от слова “Малороссия” – официального названия Украины в Российской империи – для обозначения комплекса второсортности, неполноценности украинцев по сравнению с государственными нациями»⁵. Малороссийство трактуется обычно как «понятие, которое используют (часто в метафорическом смысле) для обозначения специфического социального, общественно-политического, духовного, этнопсихологического феномена в истории и современной жизни Украины, укорененного в ее длительном колониальном статусе в системе Российской империи, а впоследствии — СССР»⁶. К числу борцов с малороссийством причисляют Н. И. Костомарова,

---

3 См.: Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 года. Вып. VII. Перечень и словарь народностей. Издание ЦСУ Союза ССР. М., 1927. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/slovar/slovar_1926.pdf (дата обращения: 29.09.2022).

4 См.: *Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И.* «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны. С. 9–27.

5 Комплекс малороссийства // Мала енциклопедія етнодержавознавства / упоряд. Ю. І. Римаренко та ін. Київ, 1996. С. 702.

6 *Барабаш Ю. Я.* Малороссийство // *Енциклопедія сучасної України: електронна версія [онлайн] / гол. редкол.: І. М. Дзюба, А. І. Жуковський, М. Г. Железняк та ін. Київ, 2018.* URL: https://esu.com.ua/search_articles.php?id=63163 (дата обращения: 29.09.2022).

В. Б. Антоновича, Д. И. Багалея, М. С. Грушевского, Т. Г. Шевченко, И. С. Нечуй-Левицкого, Панаса Мирного, М. П. Старицкого, М. Коцюбинского, Лесю Украинку, Б. Гринченко и многих других⁷.

Современные исследователи феномена малороссийства традиционно обращаются к мнению писателя, публициста, культуролога и литературного критика, сотника армии УНР Е. Ф. Маланюка (1897–1968). «Что же такое малоросс? Это – тип национально-дефективный, искаленный психически, духовно, а – в результате, порою — и расово», — рассуждал он⁸. Проблему эту Маланюк связывал с проблемой государственности и называл малороссийство немощью, болезнью, внутринациональным увечьем⁹. Комплекс малороссийства укреплялся «систематическим впрыском комплекса неполноценности (“никогда не имели государства”, “темное крестьянство”, “глупый хохол” и т. п.), насмешливого отношения к национальным ценностям и святыням»¹⁰.

Схожую интерпретацию мы находим в высказывании А. Я. Шумского, но среди множества деятелей, причисляемых авторами современных энциклопедических статей к числу борцов с малороссийством, фамилия наркома просвещения не фигурирует, в отличие от таких представителей Советской Украины, как Н. Г. Хвылевой и Остап Вишня, а также диссидентов И. М. Дзюбы, В. С. Стуса, Е. А. Сверстюка и некоторых других¹¹. Тем не менее на употребление термина «малоросс» украинским советским деятелем обратил внимание Ю. И. Шаповал, опубликовавший в своей книге о Шумском подборку архивных материалов: из 742 страниц книги 535 отведено именно документам¹². Последнее обстоятельство представляет собой особую важность для отечественных специалистов, не имеющих в настоящее время доступа к украинским архивам. Украинский историк акцентирует внимание на борьбе Шумского с «антинациональной» большевистской властью и всячески подчеркивает, что концепция американского историка Терри Мартина о Советском Союзе как империи позитивного действия не вполне соответствует действительности. С точки зрения

7 Комплекс малоросійства. С. 702.

8 Маланюк Є. До проблеми етнопсихології малоросійства // Народна творчість та етнографія. 1997. № 1. С. 42.

9 Там же. С. 43.

10 Там же. С. 44.

11 См.: Барабаш Ю. Я. Малоросійство; Комплекс малоросійства. С. 702.

12 Шаповал Ю. І. Олександр Шумський. Життя, доля, невідомі документи: дослідження, архівні матеріали. Київ; Львів, 2017. 742 с.

украинского исследователя, «те “позитивные действия” или “национальное выравнивание” были весьма своеобразными, ограниченными и подчинялись безжалостной политической конъюнктуре»¹³. Шаповал делает следующий вывод: «Став в силу определенных обстоятельств частью антинациональной (в чем он был убежден) для Украины большевистской власти, Шумский решился на борьбу с ней, а тем самым на борьбу за напоминание об украинской идентичности. Недаром также много внимания он уделял феномену малороссийства, за что вызвал на себя шквал несправедливых нареканий, обид и погромной критики. Николай Скрыпник вполне справедливо в июне 1926 г. обозначил разницу в толкованиях понятия “малоросс” тогдашними деятелями и Шумским: “мы именуем малороссами русифицированных украинцев, а вы этим словом именуете определенную категорию”»¹⁴. Впрочем, несмотря на множество публикаций о Шумском, его «малороссийским» высказываниям уделяется незаслуженно мало внимания в современной историографии.

Стоит напомнить, что в период революции и гражданской войны отношение к «малороссийскому вопросу» было различным — от искренней защиты малороссийской идентичности до яростного ее неприятия. Многие разделяли мнение русского общественного деятеля, монархиста В. В. Шульгина, доказывавшего, что «значительная часть сознательного южнорусского населения определенно называет себя малороссами», причем значение последнего понятия он расшифровывает как «русские Малой Руси». С его точки зрения, малороссы привязаны «к этому русскому имени», гордятся им и будут оскорблены зачислением в украинцы¹⁵.

Для сторонников украинской идеи малороссы были результатом русификаторской политики царского правительства. Примером может служить фельетон «Малороссы», опубликованный в житомирской газете «Молот» в апреле 1918 г. По мнению Ю. И. Шаповала, под псевдонимом «Шакал» мог скрываться А. Я. Шумский¹⁶ — активный участник революционного движения, эсер, лидер партии боротьбистов. После роспуска последней он стал членом большевистской партии,

---

13 Там же. С. 729.

14 Там же.

15 Шульгин В. Протест против насильственной украинизации Южной Руси // Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края. 1917, 18 июля. № 170. С. 1–2.

16 Шаповал Ю. И. Олександр Шумський. С. 58.

причем в период украинизации возглавлял Наркомпрос УССР (1924–1927 гг.). «Это те люди, которых теперь больше всего среди интеллигенции на Украине. Они и в университете. И в средних школах. В адвокатуре и в магистратуре, чиновники всех рангов, офицеры и всякие другие – им же числа нет, – негодовал Шакал. – О них Гоголь писал, что они заполнили собой столичные департаменты, прибавляют к своей фамилии на “ко” – “в” и таким образом превращаются в настоящих великороссов. На Украине на это не было моды, и они, вышедшие из украинского народа и сами украинцы по происхождению, стали малороссами». Автор весьма экспрессивен и категоричен: «Это те люди, которые мало знают свой народ и совсем не знают своей истории. Русифицированные, они могут служить только Великороссии русификацией украинского народа». Фельетонист считал, что малороссы наносят больший вред украинскому движению, нежели русские: «От искренней любви Украины» они желали образования на Украине части России с русским правительством и языком»¹⁷.

Похожие мысли прозвучали уже в период советской украинизации. Начало полемике положили появившиеся в 1925–1926 гг. памфлеты Н. Г. Хвильевого. Рассуждая о перспективах развития украинской советской культуры, он резко осудил «малороссийщину, просвितяницину и другую бесперспективную узость»¹⁸, сердился «на недоумков, на “хохлов”, на “малороссийщину»»¹⁹. Он выразил надежду, что «наша страна наконец найдет свое предназначение и что это предназначение решительно и навсегда покончит с безграмотной “малороссийщиной»»²⁰. Русского советского критика и писателя А. К. Воронского он назвал сыном «той нации, которая не плетется в хвосте и ничего не имеет общего с “хохлами” и “малороссиянами»»²¹.

«Малороссийщина» у Хвильевого является синонимом провинциализма, эпигонства, второсортности. Как доказывал писатель,

---

17 Фейлетон «Малоросси» у газеті «Молот» (Житомир), автором якого ймовірно є Олександр Шумський // *Шаповал Ю. І. Олександр Шумський*. С. 545.

18 *Хвильовий М.* Про демагогічну водичку, або справжня адреса української воронщини, вільна конкуренція, ВУАН і т. д. // *Хвильовий М.* Твори в п'ятьох томах. Т. 4 / загаль. ред. Г. Костюка. Нью-Йорк; Балтімор; Торонто, 1983. С. 131–132.

19 *Хвильовий М.* Апологети писаризму // *Хвильовий М.* Твори в п'ятьох томах. Т. 4. С. 278.

20 *Хвильовий М.* Апологети писаризму. С. 250.

21 *Хвильовий М.* Про демагогічну водичку... С. 120–121.

«Малороссия уже отошла “в область предания”» и к литературе должна применяться не «славянофильская теория самобытности», а «теория коммунистической самостоятельности»: «Россия же самостоятельное государство? Самостоятельное! Ну и мы самостоятельное»²². В адрес одного из своих оппонентов Хвылевой бросил: «Дело в том, камраде Хвыля, что вы немного проспали: ложились – была Малороссия, поднялись — стоит Украина»²³. Следовательно, пришел конец «малороссийщине», «украинофильству», «просвитянству», «москвофильству»²⁴.

Памфлеты Хвылевого активно читались и обсуждались. Например, вице-президент Всеукраинской академии наук (ВУАН) С. А. Ефремов записал в своем дневнике в январе 1927 г.: «Перечитал в рукописи запрещенную статью Н. Хвылевого — “Украина или Малороссия?” — полемику против большевицких публицистов Юринца и Хвыли. Автор — тоже большевик, но здорово сыплет своим коллегам за “малороссиянство”. Потому-то статья и запрещена»²⁵.

Выступления Хвылевого оказались в центре внимания украинского республиканского руководства. Ситуация осложнялась тем, что Шумский, недовольный темпами украинизации, в апреле 1926 г. предложил Сталину заменить генерального секретаря Центрального комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины (ЦК КП(б)У) Л. М. Кагановича на В. Я. Чубаря (бывшего в то время главой украинского Совета народных комиссаров (СНК)), а председателем украинского Совнаркома сделать своего бывшего товарища по партии боротьбистов Г. Ф. Гринько (с января 1926 г. — заместителя председателя СНК УССР²⁶). Такой демарш не мог пройти незамеченным, и 12 мая украинское политбюро потребовало от Шумского объяснить свою позицию. Именно на этом заседании из уст наркома и прозвучали ставшие довольно известными слова о малороссах.

А. Я. Шумский высказал несколько соображений, настороживших многих членов политбюро. Нарком просвещения на вопрос, заговорила ли партия по-украински, ответил отрицательно. Он подчеркнул, что на недавнем партийном съезде «никто даже не говорил

22 *Хвильовий М.* Апологети писаризму. С. 315.

23 *Хвильовий М.* Україна чи Малоросія? // *Хвильовий М.* Твори: у 2 т. Т. 2. Київ, 1990. С. 593.

24 *Хвильовий М.* Апологети писаризму. С. 317.

25 *Ефремов С. О.* Щоденники (1923–1929). Київ, 1997. С. 453.

26 Осенью 1926 г. Гринько был направлен в Москву на работу в Госплан.

на украинском языке»²⁷. «А почему они не выступали? Потому, что они в партии забиты, загнаны и составляют меньшинство даже арифметическое, не говоря уже о влиянии, — негодовал Шумский. — Потому, что в партии господствует русский коммунист, с подозрительностью и недружелюбием, чтобы не сказать крепче, относящийся к коммунисту-украинцу. Господствует, опираясь на презренный шкурнический тип малоросса, который во все исторические эпохи был одинаково беспринципно лицемерен, рабски двоедушен и предательски подхалимен. Он сейчас щеголяет своим лже-интернационализмом, бравивирует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его (может иногда по-украински), если это дает возможность выслужиться и получить теплое местечко. Вот в чем дело. Дело в том, что наша партия должна стать украинской по языку и по культуре. Партия должна заговорить по-украински»²⁸. Своим оппонентам он ответил, что нельзя вместе с водой выплескивать «ребенка украинского национально-революционного освободительного движения» и сомневаться в том, «что это Украина, а не Малороссия, что есть украинский народ, который на протяжении веков боролся за свое освобождение, что это не выдумка интеллигентов, а серьезный исторический факт, с которым надо серьезно считаться»²⁹. Затронул Шумский и «русский вопрос»: «А вот т. Затонский имеет какую-то теорию, по которой русские не являются или даже не могут быть меньшинством на Украине потому-де, что рядом РСФСР и что русский язык является языком Ленина, а не потому ли, т. Затонский, что Украина была раньше Малороссией, что старая общероссийская инерция еще сильна здесь на Украине и имеет большой разгон из союзных аппаратов Москвы...»³⁰. В конце своей речи Шумский призвал рабочих «принимать активное участие и в украинском общественно-культурном строительстве», приобщаться к украинской культуре, влиять и руководить крестьянством³¹.

Затронул Шумский и вопрос о Хвылевом. По мнению наркома, Хвылевой — «тот тип молодого культурного пролетария, которого вынесла на верх Октябрьская революционная буря, тип закаленного

---

27 Виступ Олександра Шумського на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У // *Шаповал Ю.* Олександр Шумський. С. 609.

28 Там же. С. 610.

29 Там же. С. 611.

30 Там же. С. 615.

31 Там же. С. 616.

в боях революционера, который призван произвести культурную революцию»³². «Я этим вовсе не хочу сказать, что Хвильевого³³ не надо критиковать или что не за что критиковать», – рассуждал Шумский, объяснив «чисто юношеским задором» «такую логику, как: “Росія самостійна? Самостійна. Ну, так і Україна самостійна”»³⁴. С точки зрения Шумского, основное в статьях Хвильевого — «это вопрос о “просвита́нстве” и о вовлечении пролетариата в украинское культурное строительство»³⁵.

Между тем такой ответ не устроил главу украинской парторганизации Л. М. Кагановича. Последний обратил внимание на памфлет Хвильевого «Московские задрипанки» (*задрипанки* с укр. — захолюсте́), вошедший в цикл «Апологеты писаризма». Речь шла о выборе украинской литературой собственного пути развития. Писатель пришел к выводу, что надо «взять курс» не на русскую литературу, а на западноевропейскую: «Не надо путать нашего политического союза с литературой. От русской литературы, от ее стилей поэзия должна как можно скорее бежать. Поляки никогда бы не дали Мицкевича, если бы они не перестали ориентироваться на московское искусство. Дело в том, что русская литература тяготеет над нами в веках, как хозяин положения, который приучал нашу психику к рабскому подражанию»³⁶. Шумский заявил о своем согласии с основной мыслью Хвильевого о том, «какими путями должна развиваться украинская литература и каким материалом она должна питаться», но не был согласен с формой и «утрированно острыми формулировками». «Иногда можно услышать демагогические речи, что украинская литература должна ориентироваться на русскую пролетарскую литературу. Но ведь это лишь фраза, ибо никакой русской пролетарской литературы еще нет»³⁷, – рассуждал Шумский.

Выступая на заседании 12 мая, Каганович был довольно резок: «И когда т. Шумский здесь на закрытом заседании политбюро...

---

32 Там же. С. 617.

33 В документах 1920-х гг. на русском языке украинская фамилия «Хвильевий» иногда писалась через букву «и». В статье сохранена орфография документов.

34 Там же. С. 617.

35 Там же. С. 618.

36 *Хвильевий М.* Апологети писаризму. С. 315–316.

37 Виступ Олександра Шумського на засіданні Політбюро ЦК КП(б)У. С. 618.

вместо ясного и четкого анализа, вместо ясной постановки вопроса о том, согласен он или нет с позицией Хвылевого, пытается отделаться отговорками о будто бы неудачном выражении и проч., расценивая всю статью Хвылевого в целом и основном как положительную, то перед нами, с еще большей резкостью, встает опасность выступления Хвылевого. Как раз именно этот вопрос и положил начало тем разногласиям в основных принципиальных вопросах между политбюро и тов. Шумским, которые мы имеем сейчас³⁸. Украинский генсек не преминул уколоть наркома: «Наконец, тов. Шумский упрекает нас в том, что мы на IX съезде выступали не на украинском языке. Почему же т. Шумский, который язык знает в совершенстве, не выступал по-украински?»³⁹

Каганович таким образом транслировал мнение Сталина, высказанное в письме от 26 апреля 1926 г. членам украинского политбюро. В письме выступления Хвылевого оценивались как «смешная и немарксистская попытка оторвать культуру от политики»: «В то время как западноевропейские пролетарии и их коммунистические партии полны симпатий к “Москве”, к этой цитадели международного революционного движения и ленинизма, в то время как западноевропейские пролетарии с восхищением смотрят на знамя, развевающееся в Москве, украинский коммунист Хвилевой не имеет сказать в пользу “Москвы” ничего другого, кроме как призвать украинских деятелей бежать от “Москвы” “как можно скорее”». По мнению Сталина, Шумский не понимал, что «овладеть новым движением на Украине за украинскую культуру возможно лишь борясь с крайностями Хвилевого в рядах коммунистов»⁴⁰.

Как мы видим, глава КП(б)У, вслед за своим патроном в Москве, был особенно обеспокоен тем, что предложенная Хвылевым ориентация на Запад, хотя только в области литературы и искусства, может нанести урон братскому единству советских республик. Ситуация накалялась, и обсуждение выступлений Хвылевого и Шумского продолжилось на пленуме ЦК КП(б)У 2–6 июня 1926 г.

На этом партийном форуме Каганович счел нужным высказаться о «Малороссии или Украине». «Пригоден ли этот термин в современных

---

38 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 113. Л. 18.

39 Там же. Л. 23.

40 *Сталин И. В.* Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У // *Сталин И. В. Сочинения.* Т. 8. М., 1948. С. 153.

условиях? Я считаю, что нет», – заявил Лазарь Моисеевич⁴¹. Лидер КП(б) У подчеркивал, что нельзя противопоставлять Украину Москве, нельзя забывать, что строится украинская советская республика, а не Малороссия. «Когда на 9-м году революции, на 9-м году советской власти нам задают вопрос: “Малороссия или Украина?”; мы говорим: это неправильный, неверный подход, – настаивал Каганович. – Здесь не может быть никаких вопросов, здесь ясно для каждого, что у нас Украинская Социалистическая Республика, и всякий, кто осмелился бы в любой степени поставить вопрос об украинской советской республике как о “Малороссии”, получит с нашей стороны самый решительный большевистско-ленинский отпор, как и следует для большевистской партии»⁴². Каганович подчеркнул, что раньше говорили о русских, украинцах, евреях в партии, а теперь стали говорить о малороссах для того, чтобы оказать давление на «того или иного украинца» и терроризировать тех, кто не мог согласиться «с той или иной постановкой вопроса». Таких товарищей и называют малороссами, причем с некоторыми эпитетами, заявил Каганович⁴³.

Шумский на пленуме вновь попытался донести до присутствующих свою мысль о том, что партия должна стать руководителем украинского культурного процесса. «Было бы болото, а черти найдутся и уже находятся, – заявил нарком просвещения. — Вы посмотрите, как все эти Грушевские, Дорошкевичи, Гермайзе, Ефремовы, Никовские, Зеровы и другие им подобные, в 1919–1920 годах оборвавшие свои общественные связи с Украиной... как они теперь снова возобновляют эти оборванные связи и пытаются управлять новой советской общественно-культурной жизнью»⁴⁴. Шумский объяснил также свою позицию в отношении Хвелевого. С его точки зрения, «не важно то, что он (Хвелевой. — Е. Б.) хотел сказать, а важно то, как он сказал и как его понимают в массе». А «масса понимает его так, что он против Москвы, центра мирового революционного движения, столицы союза». Такой лозунг «вреден политически». Хвелевой свои правильные, с точки зрения Шумского, рассуждения об ориентации на Запад сформулировал неправильно. Хвелевой не хочет, «чтобы Украина стала буржуазной республикой и прошла путь капиталистически-национального

---

41 Промова Л. Кагановича на червневому Пленумі ЦК КП(б)У 1926 р. // *Хвильовий М.* Твори в п'ятьох томах. Т. 5. С. 532.

42 Там же. С. 536.

43 Там же. С. 537.

44 Виступ Олександра Шумського на червневому 1926 року пленумі ЦК КП(б)У. 5 червня 1926 р. // *Шановал Ю.* Олександр Шумський. С. 630.

возрождения», Хвылевой «хочет строить социализм». «Но я также знаю и то, что Хвылевой не имеет ясных, определенных партией перспектив по развитию украинской культуры, литературы, – объяснял Шумский. – Он душится в украинской просветительской ограниченности, он не видит широких путей для того молодого, буйного, культурного процесса и силится их наметить. И наделал ошибок»⁴⁵.

Однако самый напряженный спор пришелся на закрытую часть пленума, где вновь была затронута малороссийская тема. Поднял ее Д. А. Михеенко – член ЦК КП(б)У и ответственный секретарь Бахмутско-Артемовского окружкома партии: «Вы сказали, т. Шумский, что на Украине господствуют коммунисты-великороссы, вы говорите, что украинцы-коммунисты, честно проводящие линию партии, являются подхалимами, малороссами и т. д. Тов. Гринько по поводу т. Кагановича говорит, что он временный человек на Украине. Затем – что в орграспред⁴⁶ нужно дать чистокровных украинцев, что в ближайшее время нужно 5–6 секретарей заменить украинцами и т. д. <...> Скажите пленуму совершенно открыто, что вы напутали, пленум это обсудит и вынесет свое решение. Вы поставили под удар Политбюро, Центральный Комитет, всю партийную организацию Украины, – так заявите же, что вы ошибались, напутали»⁴⁷.

Шумский в ответ сослался на то, что ему было «чрезвычайно трудно работать, не лично, а политически». «Поскольку нельзя было работать, я делал ответственным за это генерального секретаря. Полагаю, так я и заявил т. Сталину, что я не могу оставаться на Украине работать при всех этих условиях, при оставлении т. Кагановича»⁴⁸, – объяснил нарком. На вопрос другого члена украинского ЦК, ответственного секретаря Сталинского окружкома К. В. Моисеенко, что Шумский может сказать «по существу», тот в сердцах бросил: «Не влазь же в душу. Я признаю свою ошибку в постановке вопроса. Далее, я считаю необходимым для того, чтобы окончательно ликвидировать все, здесь же выразить от имени пленума и от моего имени полное доверие тов. Кагановичу в его работе на дальнейший период. Я считаю, что это необходимо. Чего же тебе еще нужно, тов. Моисеенко?»⁴⁹

45 Там же. С. 631.

46 Организационно-распределительный отдел.

47 Стенограмма закрытой части пленума ЦК КП(б)У. 6 червня 1926 р. // Шановал Ю. Олександр Шумський. С. 643–644.

48 Там же. С. 646.

49 Там же.

Далее последовал вопрос с места: «А вот насчет малороссов?»⁵⁰ «По поводу малороссов я заявляю, что не хотел создавать каких-то осложнений. Я писал, формулировал это на колене, – принялся объяснять Шумский. – Потом я говорил с Лазарем Моисеевичем, я ему сказал, что если создается такое впечатление, то я готов это из стенограммы вычеркнуть, а когда поднялся затем разговор, и Григорий Иванович (Петровский. — *Е. Б.*), и Чубарь, сказали мне, что это вносит ненужный, раздражающий элемент, я просил политбюро задержать печатание моей речи, чтобы вычеркнуть это место, а мне сказали, что уже поздно, но что я могу написать письмо по этому поводу в том смысле, что я это место вычеркиваю. Значит, на самом деле мне отказали в возможности вычеркнуть это место. А, вообще, я должен сказать, что это не моя политическая позиция, а лишь ответ на реплику во время речи в горячей обстановке. Кажется, Николай Алексеевич (Скрышник. — *Е. Б.*) говорил о малороссах, и я это моментально сформулировал своей фразой»⁵¹. Далее последовал интересный обмен репликами:

«Скрышник: Мы именуем малороссами русифицированных украинцев, а вы этим словом именуете определенную категорию.

Шумский: Так я и просил политбюро вычеркнуть, но ничего не мог сделать.

Затонский: А в душе у вас что-нибудь есть?

Шумский: У меня это как-то случайно навернулось на язык. Насчет малороссов говорил не только я. Вот те заявления, которые я делаю; я заявляю, что мое указание Сталину, относительно снятия Кагановича и назначения Чубаря, признаю ошибочным и что я считаю необходимым выразить здесь доверие генеральному секретарю – Кагановичу»⁵².

Украинское политбюро сочло нужным объяснить Сталину свою позицию в специальном письме. В частности, речь шла и о том, кого можно было бы назвать украинцем. Политбюро настаивало, что «Шумский и его единомышленники часто склонны понимать под украинскими работниками только украинцев по национальности и то не всех, а фактически — людей, имеющих стаж пребывания в национально-социалистических партиях в прошлом», да и то лишь в том случае, если те разделяют позицию Шумского. С точки зрения авторов документа, «ряд других украинских работников не меньше право имеют зваться украинцами, чем Шумский и Гринько». «Кроме того, мы думаем,

50 Там же.

51 Там же. С. 646–647.

52 Там же. С. 647.

что вовсе не обязательно быть украинцем по крови»⁵³, – говорилось в письме. Харьковское руководство вынуждено было учитывать наличие этнокультурной специфики различных регионов Советской Украины, в частности Новороссии и Слобожанщины с ее сильным русским пролетариатом. Последний если не негативно, то явно настороженно относился к украинизаторским попыткам властей.

В дальнейшем слова о «шкурническом типе малоросса» не раз припоминались Шумскому. Так, выступая на февральско-мартовском пленуме ЦК КП(б)У 1927 г., Каганович не преминул остановиться «на последнем выпаде т. Шумского, который, по-моему, является попыткой замазать принципиальные политические ошибки личными мотивами, не выдерживающими никакой критики», и процитировал его слова на майском заседании политбюро 1926 г.⁵⁴ Шумский попытался напомнить: «Я тогда просил это вычеркнуть из стенограммы». На это Каганович заметил: «...когда стенограмма была уже набрана и напечатана и Шумскому указали на его слова, он засуетился. Но стенограмма уже была напечатана»⁵⁵.

Шумский, в свою очередь, вынужден был публично признать ошибки. В декабре 1929 г. в покаянном заявлении в Исполком Коминтерна, ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У Шумский среди наиболее важных своих ошибок признал «выступление о “малороссах” и снисходительную критику ошибок тов. Хвылевого»⁵⁶.

Судьба и Хвылевого, и Шумского сложилась трагически: в 1933 г. первый покончил жизнь самоубийством, а второй был арестован по делу «Украинской военной организации», отправлен на Соловки, а потом сослан в Красноярск. Однако Шумский не прекратил размышлять на малорусскую тему. 18 октября 1945 г. он написал Сталину⁵⁷.

---

53 Письмо членов Политбюро ЦК КП(б) Украины И. В. Сталину об обвинениях, выдвигаемых А. Я. Шумским, в адрес украинского руководства. Позднее 12 мая 1926 г. // ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. 1918–1933 гг. / сост. Л. С. Гатагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М., 2005. С. 400.

54 РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 107. Л. 159.

55 Там же. Л. 163–164.

56 Заява Олександра Шумського до Виконавчого Комітету Комінтерну, ЦК ВКП(б) і ЦК КП(б)У із запискою до Лазаря Кагановича. 20 грудня 1929 р. // *Шановал Ю.* Олександр Шумський. С. 704.

57 Видимо, под впечатлением от выступления первого секретаря ЦК КП(б)У Н. С. Хрущева на торжествах, посвященных годовщине освобождения Украины. См.: Лист О. Я. Шумського Й. В. Сталіну. 18 жовтня

«Люди малороссийского типа, о котором я имел случай говорить еще в 1926 г., всегда тянут раболепно-льстивую и вредную канитель о “старшем русском брате” и его помощи “младшему брату” – украинскому народу, – говорилось в письме. – Эта болтовня всегда вызывала чувство возмущения, потому что политический союз народов и дружественные их отношения нельзя строить на “старшинстве” одного и унижении другого народа. На таком принципиальном фундаменте строится подчинение и угнетение одного народа другим, а не их союз и равенство»⁵⁸. Особое негодование Шумского вызвал именно тогдашний глава украинской парторганизации: «Но Никита ХРУЩЕВ (выделено в тексте документа. — Е. Б.) в своем малороссийско-лирическом экстазе затаил уже не только о “старшинстве” русского народа над украинским и о помощи “младшему” украинскому народу, а завыл о благодарности украинского народа русскому, и за что же? Оказывается, за ясный ум, стойкий характер и твердую волю русского народа. В человеческих отношениях подобные речи считаются лестью и вызывают отвращение. Но в устах главы украинского правительства такая речь – это уже не личный припадок малороссийского раболепия. Это оскорбительно и унизительно для украинского народа»⁵⁹. Хрущева Шумский назвал малороссом: «Этот малоросс до того распоясался, что перешел все пределы допустимого»⁶⁰. Завершается письмо эмоциональным пассажем: «Но, к несчастью, это не случайность, не *lapsus linguae*⁶¹, это не результат усердия по разуму обнаглевшего малоросса. Это новая политическая линия в национальном вопросе. Это линия национально-политической кастрации украинского народа. Линия превращения Украины в политически аморфное тело – в Малороссию»⁶².

1945 р. // Національні відносини в Україні у ХХ ст. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1994. С. 277–278. В этом сборнике письмо опубликовано по копии, хранящейся в Центральном государственном архиве общественных организаций Украины. Ю. И. Шаповал опубликовал письмо по копии, хранящейся в Отраслевом государственном архиве СБУ. См.: Лист О. Шумського Й. Сталіну. 18 жовтня 1945 р. // *Шаповал Ю.* Олександр Шумський. С. 311–314.

58 Лист О. Шумського Й. Сталіну. 18 жовтня 1945 р. // *Шаповал Ю.* Олександр Шумський. С. 313.

59 Там же.

60 Там же.

61 *Lapsus linguae* – ошибка в разговоре, произвольное употребление одного слова вместо другого.

62 Лист О. Шумського Й. Сталіну. 18 жовтня 1945 р. С. 314.

В ссылке Шумский работал над рукописью под заглавием «Малороссы». В сохранившихся заметках к рукописи Шумский назвал работу монографией, в которой было дано «освещение общественно-политических отношений прошлого, приведших к инкорпорации Украины в рамках государства Российского». Впрочем, как признавал сам автор, «здесь и элементы политического памфлета, и психологические зарисовки»⁶³.

Родоначальником партии «малороссов» (Шумский употребляет это слово и в кавычках, и без кавычек) был Богдан Хмельницкий. Характеристика «малороссам» была дана весьма неблагоприятная: «Изменялась классовая структура украинского общества, восходили и нисходили классы, но существовала на Украине партия малороссов и идеология покорности Москве. Она укреплялась коррупцией и русским штыком (кнутом и пряником), а позже и влиянием все усиливающихся русских элементов на Украине и русификацией верхов украинского общества»⁶⁴. «Но малороссы – это не только политические предатели своего народа, добровольно и добросовестно укреплявшие на его шее ярмо московских царей, это также и беглецы от культуры своего народа, от его языка, как Гоголь, например. Они не только чуждались культуры, языка своего народа, но пытались изменить даже имя его, наклеивая ему ярлык “малороссы”»⁶⁵, — писал Шумский. Весьма суровой оценке подверглись и советские политические деятели: «Октябрьская революция родила на Украине коммунистических малороссов. Это те же малороссы, только перекрашенные в другой цвет и усвоившие другую фразеологию. Я отметил наиболее известных представителей коммунистической разновидности типа малороссов – ПЕТРОВСКОГО, ХРУЩЕВА»⁶⁶ (выделено в тексте документа. — *Е. Б.*). Коммунистами-украинцами Шумский назвал Хвылевого, Скрыпника и Любченко⁶⁷. Таким образом, резкой оценки, помимо Хрущева, был удостоен Г. И. Петровский, почти два десятка лет возглавлявший Всеукраинский центральный исполнительный комитет (1919–1938). Настоящими же украинцами Шумский назвал вышеупомянутого Н. Г. Хвылевого, активного проводника советской украинизации Н. А. Скрыпника и бывшего боротьбиста А. П. Любченко.

---

63 Нотатки О. Шумського про рукопис «Малоросси». До 19 червня 1946 р // *Шаповал Ю.* Олександр Шумський. С. 337.

64 Там же. С. 338.

65 Там же.

66 Там же.

67 Там же. С. 339.

Рукопись Шумского до нас не дошла, поскольку, как пишет Ю. И. Шаповал, была уничтожена автором⁶⁸. Тем не менее сохранившиеся документы позволяют сделать вывод о том, что с годами «антималороссийские убеждения» Шумского только усилились.

Итак, после официального закрепления номинации «украинец» в советской национальной политике понятие «малоросс» и производные от него какое-то время использовались в общественно-политической лексике. Утратив свою легитимность в качестве наименования одной из ветвей триединого русского народа, понятие «малоросс» продолжало использоваться для репрезентации негативного социально-психологического явления. В культурологических построениях «малороссийщина» стала синонимом неполноценности, второсортности, провинциализма, а в политических концепциях «малороссы» означали людей несамостоятельных, зависимых, безразлично относящихся к украинским национальным идеалам. На Советской Украине понятия «малоросс» и «малороссийщина» использовались национально настроенными коммунистами, сторонниками активного проведения политики украинизации и расширения прав республики в общесоюзном пространстве. Однако отнюдь не все республиканское руководство разделяло настроения А. Я. Шумского или Н. Г. Хвывелевого. Их противники настаивали на необходимости учитывать интересы и настроения самых различных групп населения Украины – населения неоднородного в этническом и культурном плане. Противники Шумского говорили о единстве населения жителей республики независимо от этнической принадлежности. Иными словами, чтобы «зваться украинцами», не обязательно было быть «украинцем по крови».

Источники и литература

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Барабаш Ю. Я. Малоросійство // Енциклопедія сучасної України: електронна версія [онлайн] / гол. редкол.: І. М. Дзюба, А. І. Жуковський, М. Г. Железняк та ін. Київ: Інститут енциклопедичних досліджень НАН України, 2018. URL: https://esu.com.ua/search_articles.php?id=63163 (дата обращения: 29.09.2022).

---

68 Шаповал Ю. Олександр Шумський. С. 183.

Борисёнок Е. Ю. Из малороссов — в украинцы: большевистская стратегия идентификации национальной принадлежности // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 171–186.

Борисёнок Е. Ю. Понятия «Украина» и «украинцы» в большевистской идентификационной стратегии // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / отв. ред. Е. Ю. Борисенок. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. С. 229–249.

Єфремов С. О. Щоденники (1923–1929). Київ: Газета «Рада», 1997. 848 с.

Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе / отв. ред. Е. Ю. Борисенок. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 320 с.

Комплекс малоросійства // Мала енциклопедія етнодержавознавства / упорядник Ю. І. Римаренко [та ін.]. Київ: Генеза; Довіра, 1996. С. 702.

Котенко А. Л., Мартынюк О. В., Миллер А. И. «Малоросс»: эволюция понятия до Первой мировой войны // Новое литературное обозрение. 2011. № 108. С. 9–27.

Лескинен М. В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. 680 с.

Лист О. Я. Шумського Й. В. Сталіну. 18 жовтня 1945 р. // Національні відносини в Україні у XX ст. Збірник документів і матеріалів. Київ: Наукова думка, 1994. С. 277–278.

Маланюк Є. До проблеми етнопсихології малоросійства // Народна творчість та етнографія. 1997. № 1. С. 41–52.

Письмо членов Политбюро ЦК КП(б) Украины И. В. Сталину об обвинениях, выдвигаемых А. Я. Шумским, в адрес украинского руководства. Позднее 12 мая 1926 г. // ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос»: сборник документов в 2 тт. / сост. Л. С. Гагагова, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. Т. 1: 1918–1933. М.: РОССПЭН, 2005. С. 397–402.

Программы и пособия к разработке Всесоюзной переписи населения 1926 года. Вып. VII. Перечень и словарь народностей. М.: ЦСУ СССР, 1927. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/slovar/slovar_1926.pdf (дата обращения: 29.09.2022).

Сталин И. В. Тов. Кагановичу и другим членам ПБ ЦК КП(б)У // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 8. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1948. С. 149–154.

Хвильовий М. Твори в п'ятьох томах / Загальна редакція Г. Костюка. Нью-Йорк; Балтимор; Торонто: Смолоскип, 1978–1986. Т. 4. 1983. 662 с.; Т. 5. 1986. 834 с.

Хвильовий М. Твори: у 2 т. / упоряд., передм. і прим. М. Г. Жулинського, П. І. Майдаченка. Київ: Дніпро, 1990. Т. 2. 925 с.

Шаповал Ю. І. Олександр Шумський. Життя, доля, невідомі документи: дослідження, архівні матеріали. Київ; Львів: Україна модерна, Українські пропілеї, 2017. 742 с.

Шульгин В. Протест против насильственной украинизации Южной Руси // Киевлянин: литературная и политическая газета Юго-Западного края. 1917, 18 июля. № 170. С. 1–2.

References

Barabash, Iu. Ia. “Malorosiïstvo.” *Entsyklopediia Suchasnoi Ukraïny*: online version, ed. by I. M. Dziuba, A. I. Zhukovs'kyï, M. H. Zhelezniak et al. Kyiv: Instytut entsyklopedychnykh doslidzhen' NAN Ukraïny, 2018. URL: https://esu.com.ua/search_articles.php?id=63163 (accessed: 29.09.2022).

Borisyonok, E. Yu. “Iz malorossov — v ukraintsy: bol'shevistskaia strategiia identifikatsii natsional'noi prinadlezhnosti.” *Slavianskii al'manakh*, 2014, no. 1–2, pp. 171–186.

Borisyonok, E. Yu. “Poniatiia «Ukraina» i «ukraintsy» v bol'shevistskoi identifikatsionnoi strategii.” *Imia naroda: Ukraina i ee naselenie v ofitsial'nykh i nauchnykh terminakh, publitsistike i literature*, ed. by E. Yu. Borisyonok (Managing Editor); M. E. Klopova, M. V. Leskinen. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016, pp. 229–249.

Imia naroda: Ukraina i ee naselenie v ofitsial'nykh i nauchnykh terminakh, publitsistike i literature, ed. by E. Yu. Borisyonok (Managing Editor); M. E. Klopova, M. V. Leskinen. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016, 320 p.

“Kompleks malorosiïstva.” *Mala entsyklopediia etnoderzhavoznavstva*, ed. by Iu. I. Rymarenko [et al.]. Kyiv: Heneza; Dovira, 1996, p. 702.

Kotenko, A. L., Martyniuk, O. V., Miller, A. I. “«Maloross»: evoliutsiia poniatiia do Pervoi mirovoi voiny.” *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2011, no. 108, pp. 9–27.

Leskinen, M. V. *Velikoross / velikorus. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. Vek XIX*. Moscow: Indrik Publ., 2016, 680 p.

Malaniuk, Ie. “Do problemy etnopsykholohii malorosiïstva.” *Narodna tvor-chist' ta etnohrafii*, 1997, no. 1, pp. 41–52.

Shapoval, Iu. *Oleksandr Shums'kyï. Zhyttia, dolia, nevidomi dokumenty: doslidzhennia, arkhivni materialy*. Kyiv; Lviv: Ukraïna moderna, Ukraïns'ki propileï, 2017, 742 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.05

E. Yu. Borisyonok

**Disputes about “Little Russians” and “Little Russia”
in Soviet Ukraine in the mid-1920s**

Elena Yu. Borisyonok

Doctor of History, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: vostslav@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8642-0185

Citation

Borisyonok E. Yu. Disputes about “Little Russians” and “Little Russia” in Soviet Ukraine in the mid-1920s // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 80–99 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.05

Received: 18.01.2023.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the semantics of the concept of *maloross* “Little Russian” and its derivatives in the Ukrainian SSR in the inter-war period. The Bolsheviks did not use this term in the official speech and replaced it with the ethnonym “Ukrainian.” However, the concept of “Little Russian” did not completely disappear from the public lexicon. During the internal Party discussions about the politics of the Soviet Ukrainization in the mid-1920s, the words “Little Russian” and “Little Russia” were used by supporters of active Ukrainization. The pamphlets of Mykola Khvylovy and the speeches of Olexandr Shums’kyi received great resonance. They defended the expansion of Ukraine’s rights within the Soviet state and claimed greater independence of the republic in national and cultural issues. For them, the concepts of “Little Russian” and “Little Russia” were synonymous with provincialism and second-class. Khvylovy spoke about the prospects for the development of the Ukrainian Soviet culture. He criticized the legacy of the Russification policy of the Tsarist government — *malorossijščina* “Little Russianness,” imitation and illiteracy. Shums’kyi believed that the Communist Party (Bolsheviks) of Ukraine “should become Ukrainian in language and culture.” He criticized the “Little Russians,” who were “indifferent to everything Ukrainian.” Other members of the Central Committee of the CP(b)U criticized the opinion of Khvylovy and Shums’kyi. They spoke of the need to take into account the interests and sentiments of representatives of all ethnic groups inhabiting Soviet Ukraine.

Keywords

Ukrainian SSR, Ukrainization, Mykola Khvylovy, Olexandr Shums’kyi, national politics.

**Обсуждение «венгерского вопроса» в ООН
и проблемы выхода Венгрии
из внешнеполитической изоляции (1957–1963 гг.)**

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. Обсуждение «венгерского вопроса» в ООН и проблемы выхода Венгрии из внешнеполитической изоляции (1957–1963 гг.) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 100–131.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.06

Статья поступила в редакцию 01.12.2022.

Аннотация

Мощнейшее восстание в Будапеште 23 октября 1956 г., сразу поставившее под угрозу существование коммунистического режима в Венгрии, и ввод советских войск в целях его подавления вызвали широкий международный резонанс, что привело 28 октября к постановке «венгерского вопроса» в повестку дня сначала Совбеза, а затем и Генассамблеи ООН. В ноябре, по мере ослабления напряженности на Ближнем Востоке, возникшей вследствие нападения Великобритании, Франции и Израиля на Египет, национализировавший Суэцкий канал, обсуждение положения в Венгрии вышло в ООН на первый план. В условиях противодействия СССР принятие Генассамблеей ООН в ноябре — декабре 1956 г. многочисленных резолюций по Венгрии не приносило реального эффекта, за исключением тех, что позволили улучшить положение 200 тыс. венгерских беженцев, устремившихся после подавления революции в Австрию и Югославию. В 1957 г. предметом обсуждения Генассамблеи становится отчет специального комитета ООН по Венгрии, образованного с целью изучения сложившейся вследствие советского военного вмешательства ситуации в стране. В последующие годы США и их союзники используют обсуждение «венгерского

вопроса» в ООН в пропагандистских целях, в стремлении к ослаблению советского влияния на страны пробуждающегося «третьего мира». При этом он с каждым годом занимал все более периферийное положение. Его последующая судьба находилась в прямой зависимости от дальнейшей эволюции режима Я. Кадара. Снятие этого вопроса с повестки дня ООН в 1963 г. стало откликом на объявленную всеобщую амнистию осужденным участникам восстания 1956 г. Оно окончательно вывело кадаровскую Венгрию из дипломатической изоляции, в которой страна оказалась после незаконной смены власти в ноябре 1956 г. при прямой советской военной поддержке.

Ключевые слова

Венгерский кризис 1956 г., Организация Объединенных Наций, Янош Кадар, внешняя политика СССР, внешняя политика Венгрии, восточноевропейская политика США, Суэцкий кризис 1956 г., антиколониальные движения в странах «третьего мира», советский блок, межблоковые отношения в условиях Ялтинско-Потсдамской системы.

Включение «венгерского вопроса» в повестку дня ООН, вызванное советской интервенцией в Венгрии осенью 1956 г., и бурные дискуссии вокруг положения в этой стране, происходившие сначала в Совбезе, а затем и на Генассамблее ООН с конца октября по середину декабря 1956 г., многократно привлекали внимание исследователей¹. Однако в нашей отечественной науке до сих пор остаются фактически не изученными мотивы, которые заставляли США и их

---

¹ Нам представляется важным сборник на венгерском языке под редакцией Ч. Бекеша и Г. Кечкеша, включающий в себя статьи, подборку ключевых документов и подробную хронологию событий: A Forradalom és a magyar kérdés az ENSZ-ben, 1956–1963. Tanulmányok, dokumentumok és kronológia / szerk. Békés Cs., Kecskés G. Budapest, 2006. Из англоязычных работ следует выделить монографию Д. Кэлхуна, в которой обсуждение «венгерского вопроса» в ООН поставлено в контекст урегулирования Суэцкого кризиса, также достигшего своей кульминации в конце октября 1956 г.: Calhoun D. F. Hungary and Suez, 1956. An Exploration of Who Makes History. Lanham, 1991. Из новейших публикаций см. нашу статью: *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис осени 1956 г. и дискуссии в ООН // Славяноведение. 2022. № 3. С. 32–51.

союзников удерживать вплоть до 1963 г. «венгерский вопрос» в качестве предмета обсуждения на сессиях Генассамблеи ООН несмотря на то, что уже к осени 1959 г. (ко времени известной сентябрьской поездки Н. С. Хрущева в США) он явно не относился к числу факторов, хоть сколько-нибудь осложнявших американо-советские отношения. Можно ли говорить только о нежелании Вашингтона отказываться от реального (пусть не слишком эффективного) рычага давления на кадаровскую Венгрию в целях дальнейшей либерализации ее внутривластного режима, или за этим стояли расчеты более общего порядка, связанные с острой конкуренцией сверхдержав за влияние в мире в условиях активизации антиколониальных движений в Азии и Африке?

Сколь ни было бурным обсуждение «венгерского вопроса» в ООН начиная с 28 октября 1956 г., когда Совбез ООН впервые со времен Корейской войны начала 1950-х гг. собрался даже в воскресный день, ни одна из принятых резолюций с осуждением силовой акции в Венгрии и требованием вывода советских войск из страны не имела эффекта. Гораздо более результативной оказалась деятельность структур, функционировавших под эгидой Верховного комиссара ООН по делам беженцев². Как бы то ни было, к концу декабря 1956 г. обсуждение на Генассамблее ООН «венгерского вопроса» зашло в тупик. Ведь в Будапеште не давали согласия ни на посещение страны генсеком ООН Дагом Хаммаршельдом, ни на присылку наблюдателей ООН. Причем мировое сообщество не обладало сколько-нибудь полной и объективной информацией о положении в стране, где с начала декабря происходило ужесточение внутренней политики режима Я. Кадара, установленного 4 ноября при прямой советской военной поддержке: силовой разгон протестных демонстраций, сопровождавшийся большими человеческими жертвами; запрещение деятельности рабочего совета Большого Будапешта, выступавшего в ноябре 1956 г. в качестве альтернативного органа

---

² В общей сложности из Венгрии бежало в Австрию около 180 тыс. человек, а около 20 тыс. — в титовскую Югославию. Массовый наплыв беженцев в Австрию создал трудности, которые были преодолены с подключением международных организаций и рассредоточением мигрантов по разным странам мира. См.: К истории решения одной международной гуманитарной проблемы. Венгерские беженцы и мировое сообщество, 1956–1957 // *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической перспективе. М., 2016. С. 287–340.

власти; несколько позже, в январе 1957 г., приостановка деятельности творческих союзов.

Очередная сессия Генассамблеи ООН возобновила работу после рождественских каникул, и 5 января 1957 г. Хаммаршельд информировал представителей международного сообщества о том, что венгерское правительство снова отказалось принять наблюдателей ООН, согласившись лишь на кратковременный приезд (без афиширования в прессе) делегации для обсуждения ряда конкретных вопросов оказания Венгрии гуманитарной помощи³. 10 января в целях прояснения положения в стране и тенденций его дальнейшего развития сессия Генассамблеи большинством голосов (59 за, 8 против и 10 воздержавшихся) учредила специальный комитет (или комиссию), которому было поручено углубиться в изучение «венгерского вопроса» и представить свой доклад на рассмотрение ООН осенью 1957 г.⁴ В комитет вошли представители пяти стран пяти континентов — Дании (ключевой фигурой, секретарем комитета, стал датский дипломат П. Банг-Йенсен), Туниса, Цейлона, Уругвая и Австралии⁵. В тот же день Генассамблея в своем обращении призвала СССР и Венгрию, как и другие страны, оказать комитету помощь в выполнении его задач, а 25 января Хаммаршельд передал официальным представителям СССР и Венгрии текст соответствующей резолюции, призвав их власти посодействовать приезду членов комитета в Венгрию, где были бы созданы нормальные условия для их работы⁶. 14 марта комитет обратился также к правительству Румынии с просьбой организовать встречу

---

3 Здесь и далее при датировке конкретных событий мы опираемся прежде всего на хронологию, опубликованную в вышеупомянутой книге: *A Forradalom és a magyar kérdés az ENSZ-ben, 1956–1963...*

4 Хотя было бы более правильно называть эту структуру «комитетом» (в англоязычном оригинале: *Committee*), в советских (русскоязычных) источниках, причем не только в выступлениях прессы, но даже в ведомственных документах МИД СССР, за ней довольно прочно закрепилось и другое наименование — «комиссия».

5 Дипломатия СССР и его союзников сочла неприемлемым невключение в комитет представителя наиболее «заинтересованной стороны», а именно кадаровской Венгрии. Необходимо при этом иметь в виду, что в силу непризнания на международной арене этого правительства, приведенного к власти в результате советской интервенции, полномочия представителя Венгрии в ООН были фактически приостановлены уже в ноябре 1956 г.

6 См.: Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 47. Оп. 4. Пор. 23. Папка 60. Л. 4–6.

с депортированным в эту страну главой свергнутого 4 ноября венгерского правительства Имре Надем⁷.

Поскольку и Венгрия, и Румыния категорически отказались принять членов комитета, изучение ситуации непосредственно на месте событий не представлялось возможным. Положение не изменилось и после 19 марта 1957 г., когда Хаммаршельд передал венгерскому представителю письмо специального комитета, в котором выражалась надежда на то, что венгерские власти все же пересмотрят свою позицию и помогут провести необходимое расследование. В этих условиях комитет стал использовать данные западных дипломатов, журналистов, представителей Международного Красного Креста, находившихся в Венгрии в дни революции и в первые недели после ее подавления. Вместе с тем не менее важным источником информации явились обработанные сведения, полученные от беженцев — как переправленных в США (таковых оказалось около 30 тыс.), так и осевших в Западной Европе, куда члены комитета также неоднократно выезжали в ходе работы. С начала 1957 г. в западных странах и прежде всего в США на базе Колумбийского университета при финансовой поддержке американских разведслужб осуществлялась программа интервьюирования венгерских беженцев. В этой работе участвовали видные социологи, в том числе выходцы из Германии, продолжавшие традиции Франкфуртского института социальных исследований. В результате был собран богатейший, хотя и нуждающийся в критическом осмыслении материал. Непосредственно в рамках работы комитета было интервьюировано 111 человек, людей разных возрастов, социальных страт, специальностей, резко различавшихся между собой по уровню образования и убеждениям. Были проведены обстоятельные беседы не только с рядовыми участниками и свидетелями венгерских событий⁸, но и с теми, кто

---

⁷ Там же. Л. 24.

⁸ В стремлении дискредитировать деятельность комитета официальные Москва и Будапешт указывали на неясность критериев отбора свидетелей, использование в качестве свидетелей только оппонентов режима, и в том числе лиц, с оружием в руках выступавших против действующего правительства. Еще одним пороком называли анонимность опубликованных свидетельств, затруднявшую перепроверку полученных данных. Причины анонимности вполне понятны ввиду опасений, что раскрытие имен свидетелей поставит их под угрозу спецслужб советского блока, а оставшихся в Венгрии родственников может сделать объектами преследований политической полиции в самой стране.

играл в них заметную роль, а потом сумел выехать на Запад (А. Кетли, Б. Кирай, Й. Кёваго).

Анна Кетли (1889–1976), ветеран и довольно видная фигура венгерской социал-демократии, была в числе тех деятелей своей партии, кто в июне 1948 г. выступил против слияния коммунистов и социал-демократов и не вошел в созданную таким образом Венгерскую партию трудящихся. Приговоренная режимом Ракоши к пожизненному заключению, она провела несколько лет под арестом и была освобождена уже после XX съезда КПСС под давлением западной социал-демократии. В революционной атмосфере последних дней октября 1956 г. венгерская Социал-демократическая партия начала восстанавливаться, ее актив делегировал А. Кетли в качестве представителя СДП в формирующееся коалиционное левоцентристское правительство. В начале ноября А. Кетли отбыла в Вену, где начала работу сессия Социнтерна, а оттуда должна была выехать в Нью-Йорк, чтобы представлять Венгрию на открывавшейся сессии Генассамблеи ООН и выступить там от имени правительства И. Надя с требованием обеспечения гарантий венгерского нейтралитета. Обратившись домой она до конца жизни так и не вернулась, поскольку правительство И. Надя было свергнуто уже 4 ноября. Позиционируя себя на Западе как министр незаконно низложенного венгерского правительства, А. Кетли в апреле 1957 г. адресовала в ООН меморандум. В нем было подчеркнуто, что сформированное в условиях венгерской революции коалиционное правительство И. Надя стремилось выражать волю народа, восставшего против диктатуры, и вплоть до проведения в стране свободных выборов только оно могло считаться носителем легитимной власти. Согласно меморандуму Кетли, к 3 ноября 1956 г. в стране начался процесс консолидации, пресеченный незаконным вмешательством извне, а после интервенции в качестве альтернативной власти, опиравшейся на народную поддержку, стали выступать рабочие советы.

Генерал Бела Кирай (1912–2009), прошедший в начале 1950-х гг. через репрессии режима Ракоши, был в конце октября — начале ноября 1956 г. военным комендантом Будапешта и командующим отрядами формировавшейся национальной гвардии. С началом советской интервенции он в течение нескольких дней пытался координировать вооруженное сопротивление повстанческих отрядов, по крайней мере в масштабе Будапешта и его окрестностей, а затем покинул страну, убедившись в бессмысленности дальнейшего кровопролития. В 1958 г. он был заочно приговорен в Венгрии к смертной казни. На Западе Кирай не только стал виднейшей фигурой венгерской политической

эмиграции, но получил известность как профессор военной истории, опубликовав множество работ, в том числе по истории венгерской революции 1956 г., особенно ее военных аспектов⁹.

Йозеф Кёваго (1913–1996), военный инженер, активный участник антинацистского сопротивления в венгерском офицерском корпусе в конце 1944 г., лишь по счастливому стечению обстоятельств избежавший тогда расстрела, после войны связал себя с Партией мелких хозяев, добившейся большого успеха на выборах в ноябре 1945 г. Будучи мэром Будапешта с декабря 1945 г. по июнь 1947 г., он руководил послевоенным восстановлением столицы, а затем был отстранен коммунистами, одержавшими верх во внутривластной борьбе. В 1950 г. арестованный, Кёваго находился в заключении до сентября 1956 г. С началом октябрьских событий он включился в восстановление Партии мелких хозяев, а 3 ноября (в самый канун советской интервенции) был избран ее генеральным секретарем. 1 ноября он вновь был утвержден правительством И. Надя в качестве мэра Будапешта, но фактически так и не успел приступить к этой работе, ушел в подполье со смелой властью, а 1 декабря нашел возможность покинуть страну.

Первый, предварительный доклад комитета был представлен Генассамблее ООН 20 февраля, более полный — обнародован 7 июня¹⁰, а 14 сентября одобрен специальной резолюцией на XI сессии Генассамблеи ООН¹¹. В документе объемом более 200 печат-

---

9 Не ограничиваясь военной историей, Кирай обращался и к дипломатическим аспектам тех событий. В целом ряде работ он касался и обсуждения в ООН венгерского вопроса. См., в частности, на английском языке коллективный труд под его редакцией: *The Ideas of the Hungarian Revolution, Suppressed and Victorious, 1956–1999* / ed. L. Congdon, B. Király. Boulder, CO; Highland Lakes, NJ; New York, 2002.

10 В МИД СССР неизменно связывали выбор дат со стремлением отвлечь внимание от обсуждения выдвинутых СССР инициатив в области разоружения, переключив его на «венгерский вопрос».

11 Текст резолюции от 14 сентября 1957 г. под номером 1133 доступен в официальной публикации материалов XI сессии Генассамблеи ООН: *United Nations. Resolutions adopted by the General Assembly from 10 to 14 September 1957 during its Eleventh Session*. New York: UN, 1957. Резолюция была принята большинством голосов (60 — за, 10 — против, 10 воздержавшихся). Выступая 8 сентября 1957 г. по американскому телевидению в связи с открытием XII сессии Генассамблеи ООН, постоянный представитель США при ООН К. Лодж вновь заверил СССР, что Соединенные Штаты, поддерживая борьбу венгров за свободу, отнюдь не рассматривают Венгрию в

ных страниц была предпринята попытка (одна из наиболее удачных из сделанных по свежим следам «будапештской осени») проанализировать причины венгерского восстания, подробно реконструировать ход событий начиная с 23 октября 1956 г., в том числе и на первом этапе кадаровской консолидации. Поскольку сведения, почерпнутые из бесед с беженцами, не всегда можно было подвергнуть должной верификации, в отчет, в целом отличавшийся относительно высоким уровнем анализа внутривосточных процессов, попала вместе с тем и непроверенная информация, искажавшая реальное положение дел. Это дало лишний повод для нападок в советской прессе: в «Правде», «Известиях», еженедельнике «Новое время», журнале «Международная жизнь» к концу лета — началу осени 1957 г. уделялось все большее внимание развязанной на Западе в связи с открытием очередной сессии Генассамблеи ООН новой «шумихе по венгерскому вопросу». Одним из характерных пропагандистских приемов было обвинение комитета в замалчивании якобы имевших место фактов массовой заброски в Венгрию в ноябре 1956 г. диверсантов и переправки оружия через австрийскую границу. В кадаровской Венгрии создавались коллективные письма протеста против продолжающегося вмешательства во внутренние дела ВНР. Так, под письмом, опубликованным в главной венгерской партийной газете «Népszabadság» 13 сентября 1957 г., стояли подписи более 200 литераторов, продемонстрировавших тем самым лояльность власти, надолго сломившей сопротивление немалой части творческой интеллигенции. Однако все это не оказало реального влияния на работу комитета. Его отчет, представленный Генассамблее и опубликованный большим тиражом, занял важное место в литературе своего времени, посвященной осмыслению венгерской революции¹².

качестве своего потенциального союзника, считают более реальным проведение свободной Венгрией политики нейтралитета. См.: *Borhi L. Az Egyesült Államok és a szovjet zona, 1945–1990. Kronológia.* Budapest, 1994. 161. old. Более того, ни в вышеупомянутой, ни в других резолюциях Генассамблеи во избежание усиления конфронтации с СССР не содержалось упоминаний о декларированном правительством И. Надя в начале ноября 1956 г. выходе Венгрии из Организации Варшавского договора.

12 United Nations. Report of the Special Committee on the Problem of Hungary. General Assembly. Official Records: Eleventh Session. Supplement No. 18 (A/3592). New York, 1957. В Москве для строго ограниченного служебного пользования был сделан в качестве сугубо секретного документа

В резолюциях XII сессии Генассамблеи вновь осуждались советская интервенция, массовое подавление в Венгрии демократических свобод, было выражено сожаление, что нынешние власти страны отказались каким-либо образом сотрудничать со специальным комитетом, не допустив в страну наблюдателей ООН. На основании доклада комитета подчеркивалось, что Советский Союз лишил Венгрию свободы в нарушение Устава ООН, в резолюциях содержались повторные требования к СССР о выводе советских войск из Венгрии, а к правительству Кадара — о прекращении репрессий, создании условий для проведения свободных выборов. Как и в случае с требованиями резолюций Генассамблеи ООН по «венгерскому вопросу», принятых на ее предыдущей, XI сессии, все эти призывы к Москве и Будапешту остались безответными. Устав ООН, на который охотно ссылалась каждая из сторон, вообще предоставлял поле для разных интерпретаций. Так, в совместной советско-венгерской декларации, обнародованной по итогам визита венгерской делегации во главе с Я. Кадаром в СССР 21–28 марта 1957 г., было сказано, что Советский Союз действовал в духе Устава ООН, когда воспрепятствовал реставрации «фашистских порядков» в Венгрии¹³. В попытках дискредитировать деятельность специального комитета по Венгрии пропаганда советского блока также постоянно ссылалась на Устав ООН, отдельные положения которого якобы ставили под сомнение легитимность комитета.

Критике с трибуны ООН подвергалось и сознательное стремление СССР уклониться от принятия на себя каких-либо обязательств по оказанию гуманитарной помощи беженцам, несмотря на то, что сама проблема массового исхода из Венгрии явилась следствием советской интервенции. Советский Союз, как известно, не подписал Женевскую конвенцию 1951 г., определявшую юридический статус беженцев. Этот принятый в условиях холодной войны документ

полный перевод доклада на русский язык (Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 49. Д. 2–3). На венгерском языке отчет впервые был опубликован в 1961 г. в Мюнхене усилиями эмиграции, а в 1983 г. впервые появился в самиздате в кадаровской Венгрии. Первое легальное издание в Венгрии пришлось на 1989 г. Под эгидой ООН был подготовлен также ряд изданий международного комитета юристов, в которых советские действия в Венгрии оценивались с точки зрения международного права. См., в частности: *The Hungarian Situation and the Rule of Law. The Hague, 1957.*

13 Правда. 1957. 29 марта.

подавался советской внешнеполитической пропагандой как инструмент проведения политики, направленной против СССР и его союзников. Непризнание Женевской конвенции проявилось и в советской официальной позиции при обсуждении в ООН проблемы венгерских беженцев. Однако полностью игнорировать призывы, звучавшие с трибуны ООН, в Москве не могли — это ударило бы по престижу Советского Союза. Постоянным представителем СССР при ООН А. А. Соболевым были получены циркулярное письмо и памятная записка Генерального секретаря ООН и Верховного комиссара ООН по делам беженцев от 11 марта 1957 г. по вопросу об оказании помощи беженцам. В письме содержался призыв к советскому правительству принять участие в международных усилиях по оказанию соответствующей помощи с тем, чтобы проблема могла быть разрешена в текущем году¹⁴. Хотя на письмо не был дан ответ, в МИД СССР предполагали не оставить это обращение без всякой реакции, а напомнить структурам ООН о советской экономической помощи Венгрии¹⁵.

На заседании Президиума ЦК КПСС 5 сентября 1957 г. при обсуждении проекта директив советской делегации на XII сессии Генассамблеи ООН было решено избрать и последовательно выдержать наступательную тактику¹⁶. Делегациям стран — членов ООН советской стороной был роздан контрпропагандистский документ: отчет делегации шотландских горняков, посетившей Венгрию в апреле — мае 1957 г. при содействии компартии Великобритании. В отчете не только нашли отражение положительные впечатления от хода «нормализации» в Венгрии, но и, по сути, был изложен официальный советский взгляд на истоки событий октября — ноября 1956 г.¹⁷

14 АВП РФ. Ф. 047. Оп. 3. Папка 52. Д. 17. Л. 1–8.

15 Показательна помета на составленной в аппарате МИД СССР записке по этому вопросу: «Венгрия от помощи ООН не отказывалась. Подумайте, не следовало ли бы сообщить ООН о размерах нашей помощи Венгрии» (подпись неразборчива). Там же. Л. 1.

16 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / гл. ред. А. А. Фурсенко. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записки заседаний. Стенограммы. С. 264. Как было записано в директивах, «делегация должна выступать против попыток использовать “венгерский вопрос” в ущерб социалистическому лагерю и отводить всякие попытки западных держав превратить предстоящую сессию Генеральной Ассамблеи в трибуну “холодной войны”» (Там же. С. 1012).

17 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 1010–1011; АВП РФ. Ф. 047. Оп. 3. Пор. 17. Папка 52. Л. 41–52.

С представлением своего доклада на сессии Генассамблеи ООН специальный комитет не завершил работу, продолжив изучать ситуацию в Венгрии, и в том числе собирать материал о репрессиях властей против участников революции. 20 декабря 1957 г. представитель спецкомитета обратился в МИД Венгрии с запросом о предоставлении разъяснений в связи с поступающими сообщениями о готовящихся в стране судебных процессах над лицами, причастными к восстанию 1956 г., включая тех, кто занимал высокие государственные должности¹⁸. Венгерская дипмиссия в США отказалась передать это письмо своему правительству, квалифицировав его как незаконное вмешательство во внутренние дела страны.

17 июня 1958 г. в газете «Правда», как и в прессе других социалистических стран, было опубликовано довольно пространное Сообщение министерства юстиции ВНР о состоявшемся судебном процессе по делу Имре Надя «и его сообщников». На закрытом суде, проходившем в Будапеште, в качестве главного обвиняемого выступал бывший премьер-министр, ветеран компартии, в октябре — ноябре 1956 г. поддержавший основные требования антитоталитарной революции и движения за национальный суверенитет и не воспрепятствовавший начавшемуся демонтажу однопартийной политической системы. Обнародованное заключение суда вменяло ему в вину организацию заговора и развязывание контрреволюционного мятежа, направленного на свержение законного строя в ВНР. Приговор был зачитан 15 июня и уже на рассвете следующего дня приведен в исполнение, о чем незамедлительно скупыми информационными сводками сообщили венгерская пресса и радио. Речь в данном случае шла не о полностью вымышленном, сфабрикованном деле (как это было в период больших московских процессов 1936–1938 гг. или в случае с «делом Райка» в Венгрии 1949 г.), а «всего лишь» о нарочитой попытке придать криминальную окраску реальным действиям облеченного властью политика, предпринятым в целях безотлагательного разрешения острого внутривнутриполитического конфликта, охватившего страну. Независимо от эффективности и результативности этих действий, которые и на Западе зачастую подвергались критике как тактически не оптимальные в сложившейся ситуации, многие западные комментаторы расценили дело И. Надя как первый в советской сфере влияния и, как потом оказалось, в сущности, последний громкий концепционный (т. е. искусственно сконструированный в соответствии с определенной схемой) судебный

18 АВП РФ. Ф. 047. Оп. 3. Пор. 17. Папка 60. Л. 23–26.

процесс, проведенный уже в несколько иной политической атмосфере, после XX съезда КПСС и разоблачения на нем Сталина и его политической практики.

Весть о казни Имре Надя, в считанные часы разнесенная мировыми информагентствами, вызвала в международном общественном мнении настоящий взрыв негодования (в том числе и в левых, близких к западным компартиям кругах)¹⁹. На сообщения из Будапешта не могла не последовать реакция и в ООН. Постоянный представитель США при ООН Г. К. Лодж в своем публичном заявлении сравнил казнь И. Надя с самыми жестокими злодеяниями сталинского режима, что нашло отражение и в американской дипломатической ноте, адресованной в Будапешт²⁰. 21 июня срочно собравшееся заседание специального комитета по венгерскому вопросу указало на грубое попрание решений ООН и вероломное нарушение прежних, обнародованных в прессе обязательств не привлекать И. Надя и его соратников к ответственности²¹. Комитет обратился ко всем делегациям стран — членов ООН с призывом предоставить в его распоряжение любую имеющуюся информацию о конкретных обстоятельствах ареста, суда и казни И. Надя. Его особое возмущение вызвал тот факт, что казненный вместе с И. Надем министр обороны в его правительстве генерал П. Малетер был, вопреки элементарным нормам международного права, арестован, пребывая в положении официального лица, в ходе советско-венгерских переговоров о выводе войск, при том, что сам факт переговоров получил подтверждение и с советской, и с венгерской стороны на заседании Совбеза ООН 3 ноября 1956 г. Отдельные письма были адресованы министерствам иностранных дел Венгрии, СССР, а также Румынии, куда И. Надя и ряд связанных с ним лиц, позже

---

19 См.: *Тыкалин А. С.* «Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // *Славяне и Россия в системе международных отношений* / отв. ред. С. И. Данченко. М., 2017. С. 275–295.

20 *Magyar-amerikai diplomáciai jegyzékváltás 1958 őszén* // *Múltunk*. 1996. № 1. 69–84 о.

21 *Yearbook of the United Nations 1958*. New York, 1959. P. 68. Такие обязательства давались представителями правительства Я. Кадара в ответ на обращения югославского правительства, предпринятые после выхода И. Надя и ряда его соратников из здания югославского посольства в Будапеште (где они нашли убежище ранним утром 4 ноября с началом советской интервенции), их последующего задержания и депортации 22 ноября в Румынию.

осужденных, были экстрадированы и где они находились в течение нескольких месяцев, причем сам факт их выезда оттуда так и не стал достоянием гласности вплоть до официального сообщения о казни И. Надя²². Эти письма, однако, не были приняты: советский представитель письмо отверг со ссылкой на то, что оно якобы содержит клеветнические измышления относительно роли СССР в вынесении этого приговора; кроме того, было заявлено, что необходимая информация содержится в опубликованных сообщениях венгерского министерства юстиции и других государственных структур ВНР. Специальный комитет ООН на своем заседании принял решение заняться подготовкой нового доклада для Генассамблеи, сосредоточившись на выявлении конкретных обстоятельств репрессий, вызвавших негодование во всем мире. Однако дефицит объективной информации о положении в Венгрии делал эту работу неперспективной.

Новая очередная, XIII сессия Генассамблеи, собравшаяся осенью 1958 г., резолюцией, принятой подавляющим большинством голосов, осудила жестокую расправу над И. Надем и другими оппонентами режима — с соответствующим докладом было поручено выступить видному новозеландскому дипломату Л. Мунро. Репрессии против участников революции 1956 г. продолжались и в дальнейшем, вплоть до 1961 г., хотя их размах заметно снизился. Специальный комитет функционировал до декабря 1958 г., собирая данные о новых политических преследованиях в Венгрии, а затем решением Генассамблеи его деятельность была приостановлена, одновременно учреждалась должность специального представителя ООН по венгерскому вопросу, ее занял Л. Мунро. Инициатива свертывания деятельности специального комитета могла исходить от Хаммаршельда²³. Можно допу-

---

22 АВП РФ. Ф. 047. Оп. 3. Папка 60. Д. 17. Л. 27–32. В письмах содержалась ссылка на то, что 3 декабря 1956 г. на заседании сессии Генассамблеи ООН министр иностранных дел Румынии Г. Преотьяса признал, что его страна приняла ряд венгерских граждан по просьбе правительства ВНР, и заверил, что их пребывание в Румынии «будет отмечено всеми правилами гостеприимства» и что будут приняты необходимые меры для обеспечения их личной безопасности, «соблюдены международные правила, относящиеся к предоставлению политического убежища».

23 Его личную роль в принятии этого решения акцентировал, в частности, и генерал Б. Кирай. См.: *Király B. Az ENSZ és a Magyar forradalom // A Magyar forradalom eszméi. Eltíráruk és győzelmük (1956–1999)*. Budapest, 2001. 139–143. old.

стить, что генеральный секретарь ООН, прилагавший со своей стороны усилия для налаживания советско-американского диалога на высшем уровне, не хотел, чтобы активное муссирование в ООН «венгерского вопроса» сорвало непосредственную встречу лидеров двух держав.

Уже после роспуска специального комитета не обошлось без громкого скандала. Датский дипломат П. Банг-Йенсен, секретарь комитета, игравший решающую роль в его работе и в подготовке доклада 1957 года, был найден мертвым в нью-йоркском парке в ноябре 1959 г. при не до конца проясненных обстоятельствах (по официальной версии ФБР, покончил жизнь самоубийством). Известно, что Банг-Йенсен не только был принципиальным противником роспуска спецкомитета, но и подвергался шантажу спецслужб советского блока, намеревавшихся овладеть списками тех, кто предоставлял комитету информацию (списки были им уничтожены, что в свою очередь вызвало недовольство и разбирательство в структурах ООН, поскольку он не передал эти списки в Секретариат ООН, опасаясь, что они окажутся в руках советских представителей и это повлечет за собой преследования в Венгрии родственников лиц, давших показания)²⁴.

Еще до суда по делу И. Надя, 5 апреля 1958 г., в дни визита Н. С. Хрущева в Будапешт, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко беседовал с недавно назначенным министром иностранных дел Венгрии Э. Шиком, на долю которого выпали поиски путей выхода страны из внешнеполитической изоляции, в которой она оказалась вследствие незаконной смены власти в ноябре 1956 г.²⁵ Речь зашла о том, что, поскольку положение в Венгрии при советской помощи заметно стабилизировалось и не дает оснований ожидать новых эксцессов, «венгерский вопрос» в ООН утратил свое прежнее значение, сохраняется больше по инерции, подпитываясь западной пропагандой. По мнению главы советской дипломатии, он не должен был

---

24 Обстоятельства его гибели попытались восстановить авторы некоторых работ, предложившие свои версии причин произошедшего: *Lidegaard B. A legmagasabb ár. Pólv Bang-Jensen és az ENSZ, 1955–1959. Budapest, 2000; Nagy A. A Bang-Jensen ügy 56 nyugati ellenszélben. Budapest, 2005.*

25 Эндре Шик (1891–1978) со времен пленения в ходе Первой мировой войны и до августа 1945 г. жил в России, затем в СССР, где стал ведущим экспертом Коминтерна по Африке и одним из признанных основоположников советской африканистики. В советской академической среде более известен как Андрей Александрович Шийк.

вызывать больших беспокойств: «Время — наш лучший союзник»²⁶. Тем не менее продолжавшееся включение «венгерского вопроса» в повестку дня каждой новой очередной сессии Генассамблеи ООН вызывало неудобства для правительства Кадара, поскольку мешало выведению страны из внешнеполитической изоляции, в которой она оказалась в связи с непризнанием или неполным признанием новой власти на международной арене: фактически у кадаровской Венгрии к весне 1958 г. не были сведены к минимуму дипломатические отношения только с узким кругом стран, строящих социализм. Определенную готовность к оживлению контактов демонстрировали некоторые страны «третьего мира» (в частности, Индия, Египет), а из европейских некоммунистических стран разве что Финляндия, находившаяся в особых отношениях с СССР. В случае же с другими государствами аккредитованные в Будапеште их диппредставительства (как правило, во главе с временными поверенными) были полномочны заниматься почти исключительно решением консульских вопросов.

Первые реальные шаги по прорыву дипломатической изоляции могли быть предприняты только после того, как несколько затихла международная кампания по осуждению режима Кадара, вызванная казнью И. Надя и поставившая этот режим в еще менее выгодное положение в глазах мирового общественного мнения. В Будапеште по согласованию с Москвой выработали соответствующий план действий. В ходе его реализации уже осенью 1958 г. были достигнуты некоторые успехи: посещение Э. Шиком в октябре Вены стало важным шагом к установлению полноценных дипломатических отношений с Австрией и признанию с ее стороны кадаровского правительства. К этому времени была полностью снята с повестки дня еще недавно острая проблема венгерских беженцев, а заинтересованность Вены в ослаблении напряженности на восточной границе Австрии оказалась самым действенным аргументом в пользу подвижек в ее политике на венгерском направлении.

В целях ускорения прорыва в дипломатических отношениях с другими западными странами Будапешт попытался воспользоваться нерешенной проблемой Миндсенти. Жесткий антикоммунист, глава католической церкви Венгрии кардинал Й. Миндсенти, освобожденный из заключения и активно включившийся в дни революции осени 1956 г. в политику на правом, консервативном фланге общественной жизни, в ночь на 4 ноября, с началом советской интервенции, нашел

---

26 Magyar Országos Levéltár. XIX-J-1-j-SzU-26/a — Szn-1958. I. 1–5.

убежище в здании дипломатической миссии США в центре венгерской столицы. Поскольку пребывание столь высокопоставленного иерарха на территории американской дипмиссии оставалось на протяжении многих месяцев тяготившим Вашингтон вопросом, требовавшим своего разрешения, дипломатия США должна была идти на контакт с венгерским правительством в деле Миндсенти. Зная о желании американцев снять с себя ответственность за кардинала, не прекратившего оппозиционной активности и в стенах миссии, настаивавшего на проведении пресс-конференций для своих публичных заявлений и т. д., правительство Кадара предпочло превратить дело Миндсенти в предмет торга с Вашингтоном. Для самих венгерских властей в любом другом статусе, кроме ампула политического беженца, укrywшегося в диппредставительстве США, кардинал был бы еще менее удобен. Ведь его арест вызвал бы новый всплеск негодования в мире и мог осложнить внутривполитическую консолидацию в Венгрии, оставление же его на свободе в самой стране сделало бы его центром притяжения оппозиции, а отъезд за границу создал бы кадаровским властям новые проблемы во взаимоотношениях как с католическим клиром, так и с венгерской паствой, лояльной своему законному иерарху. Помимо всего прочего, пребывание самого ярого врага режима под американским «крылышком» было удобно тем, что всегда могло дать повод для дежурных антиамериканских и вообще антизападных заявлений, когда в них появлялась бы необходимость.

Иными словами, в отношении Миндсенти венгерское правительство в сущности устраивало существующее положение, при котором кардинал фактически находился в изоляции, в отрыве от своих сторонников, а вся ответственность за его действия и публичные заявления ложилась на приютившую его американскую сторону, которой пребывание кардинала в миссии, напротив, доставляло неудобства. Исходя из этого, правительство Кадара попыталось не только резко завысить цену за свое разрешение на беспрепятственный выезд Миндсенти из страны, но и увязать саму эту проблему с перспективой снятия «венгерского вопроса» с повестки дня ООН. Повод представился с кончиной 9 октября 1958 г. римского папы Пия XII. Уже на следующий день посольство США в Италии отправило в Госдепартамент письмо, в котором предложило связаться со Святейшей коллегией, чтобы та настояла на выезде Миндсенти в Рим для участия в выборах нового понтифика. Не дожидаясь ответа из Вашингтона, посольство предприняло самостоятельные шаги. В результате из Ватикана в Будапешт было послано приглашение для Миндсенти.

Американская дипломатия прозондировала почву, не разрешит ли венгерское правительство примасу выехать, ограничившись лишь получением гарантий, что он не будет заниматься политической деятельностью. Однако правительство Кадара, переоценив свои силы, потребовало большего за уступку. Оно дало понять в ходе дипломатических контактов, что в обмен на право выезда кардинала из Венгрии ожидает от США инициативы по исключению «венгерского вопроса» из повестки дня ООН. А осознав, что этого не произойдет (ведь резолюция Генассамблеи с осуждением казни И. Надя была принята всего за месяц до этого), прервало переговоры, сославшись на то, что вопрос о Миндсенти — внутреннее дело Венгрии: его судьба как гражданина этой страны не может стать предметом внешнеполитической сделки, лишь венгерские компетентные органы вправе решать, надо ли его судить, можно ли выпустить за границу и т. д. Торг, таким образом, не состоялся. Возможность решения проблемы была упущена, само предложение позволить Миндсенти покинуть страну было использовано в пропагандистских целях для обвинений США во вмешательстве во внутренние дела суверенного государства. Кстати, и сам кардинал не очень-то хотел уезжать, согласившись с предложением лишь после долгих уговоров. Миссия США в Будапеште доносила в Вашингтон, что поведение гостя не облегчает решение проблемы и только Ватикан может повлиять на него²⁷. В Вашингтоне в результате пришли к выводу, что венгерское правительство в целом удовлетворено статус-кво в деле Миндсенти и считает, что для США оно создает больше неудобств, чем для Венгрии²⁸.

Что же касалось сохранявшегося присутствия «венгерского вопроса» в повестке дня ООН, то оно, напротив, доставляло неудобства именно кадаровской Венгрии, блокируя ее представительство в организации и мешая выходу страны из внешнеполитической изоляции. В декабре 1959 г. по нему была вынесена очередной, XIV сессией Генассамблеи новая резолюция, в которой было указано на сохранявшееся в Венгрии жестокое, вплоть до вынесения смертных приговоров, преследование политических оппонентов — участников событий

---

27 *Borhi L.* “We Hungarian Communists are Realists”: János Kádár’s Foreign Policy in the Light of Hungarian-US Relations, 1957–1967 // *Cold War History*. 2004. Vol. 4. № 2. P. 12–24.

28 *Foreign Relations of the United States (FRUS)*. 1958–1960 / general editor: G. W. LaFantasie. Washington, 1993. Vol. 10. Part 1. Eastern Europe Region; Soviet Union; Cyprus. P. 54–59.

1956 г. Режим Кадара был в очередной раз подвергнут критике за невыполнение резолюций ООН.

Между тем продолжавшаяся две недели поездка Н. С. Хрущева в США в сентябре 1959 г., его встречи с Д. Эйзенхауэром показали, что «венгерский вопрос» к этому времени явно не относился к числу факторов, оказывавших сколько-нибудь существенное влияние на отношения сверхдержав. Все меньшая внешнеполитическая значимость этого вопроса побуждала правительство Кадара к новым усилиям в целях добиться его снятия с повестки дня Генассамблеи. И в этой связи было признано необходимым заняться более активно решением проблемы Миндсенти. Предполагалось выступить перед США с соответствующей инициативой после встречи Хрущева и Эйзенхауэра, намеченной на май 1960 г. (венгерско-американские отношения находились в прямой зависимости от состояния советско-американских). В Будапеште, исходя из прошлого опыта, понимали, что просто занизить цену сделки (ограничившись лишь согласием на выезд Миндсенти) не получится, и в апреле 1960 г., чтобы улучшить климат предстоявших переговоров, объявили частичную амнистию осужденных за участие в событиях 1956 г., поданную как знак доброй воли. Однако встреча лидеров двух сверхдержав не состоялась (помешал американский самолет-разведчик, сбитый в небе над Уралом 1 мая 1960 г.), советско-американские отношения вновь ухудшились, и обращение Будапешта с инициативой к Вашингтону оказалось бы несвоевременным, тем более в свете предстоявших в США президентских выборов и ожидаемой смены администрации²⁹.

Решение ни одной из существовавших у Венгрии в ее отношениях с Западом проблем не продвинулось на открывшейся в сентябре 1960 г. в Нью-Йорке очередной, XV сессии Генассамблеи, в которой лично приняли участие как Хрущев, так и Кадар, получивший возможность с трибуны ООН изложить собственную версию происходившего в Венгрии и вокруг нее осенью 1956 г. и позже. К этому времени в Венгрии не только были объявлены две амнистии, но и репрессии

---

29 См. об этом также в более широком контексте венгерско-американских отношений с акцентом на роль Я. Кадара в их развитии: *Borhi L. Kádár és az Egyesült Államok // Múltunk*. 2012. № 1. 35–74 old. Для понимания общей позиции Кадара показательным его мнение, выраженное на заседании Политбюро ЦК ВСРП в мае 1965 г.: «Мы, венгерские коммунисты, реалисты и понимаем, что Соединенные Штаты никогда не станут социалистической страной, из этого мы и исходим в своей политике» (*Ibid.* 38. old.).

стали носить все более точечный характер, что отвечало новой идеологии кадаровских властей: «Кто не против нас, тот с нами». Стабильной была и экономическая ситуация в стране с тенденцией к повышению уровня жизни. Положение в Венгрии не привлекало столь же большого внимания мирового сообщества, как двумя годами ранее, тем не менее и осенью 1960 г. на сессии Генассамблеи была принята новая резолюция, напомнившая миру о нерешенности «венгерского вопроса» и указавшая, в частности, на продолжающееся пребывание в тюрьмах политических заключенных, осужденных за причастность к событиям октября — ноября 1956 г.

То же повторилось и годом позже: осенью 1961 г. в резолюции XVI сессии Генассамблеи было указано на невыполнение Венгрией требований предыдущих решений ООН. Более того, установление в августе 1961 г. берлинской стены дало американской дипломатии повод использовать на этой сессии «венгерский вопрос» в ряду инструментов давления на Москву в целях урегулирования нового берлинского кризиса. Таким образом, сохранялись многие прежние препятствия для активизации дипломатических отношений, а опосредованно и выгодных экономических связей Венгрии с некоммунистическими странами³⁰.

Вместе с тем приход к власти в США в январе 1961 г. президента Дж. Кеннеди, склонного к поискам путей решения унаследованных от «эпохи Эйзенхауэра» застарелых и не слишком существенных в глазах новой администрации международных проблем, в перспективе создавал более благоприятные условия для венгерско-американского диалога. Уже в течение 1961 г. Будапешт инициировал неформальные дипломатические контакты с Вашингтоном в целях выяснения условий пересмотра прежней жесткой линии правительства США по «венгерскому вопросу» в ООН. Все это делалось с ведома и при поддержке советской стороны. Так, 3 июня 1961 г., еще до установления берлинской стены, первый замминистра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов направил записку в ЦК КПСС, в которой излагалась просьба МИД Венгрии сообщить мнение Москвы относительно плана мероприятий, направленных на исключение «венгерского вопроса» из повестки дня ООН. В Будапеште исходили из того, что «венгерский вопрос», хотя и стоял в повестке дня завершившейся XV сессии Генассамблеи ООН, почти не обсуждался, что свидетельствовало о потере интереса к нему.

---

30 Что касается проблемы Миндсенти, то она была решена только в 1971 г., когда состоялся его выезд из Венгрии.

В Вашингтоне уже не настаивали на поездке в Венгрию курировавшего «венгерский вопрос» спецпредставителя ООН Л. Мунро, предложив пригласить в страну формально не связанного с резолюциями, принятыми по этой теме, председателя XV сессии Ф. Болэнда. По мнению МИД ВНР, согласие на приезд Болэнда не явилось бы принципиальной уступкой с венгерской стороны, но могло бы содействовать снятию всего вопроса с рассмотрения в ООН. Как отмечалось далее в записке В. В. Кузнецова, в МИД Венгрии, осознавая тесную связь «венгерского вопроса» в ООН с общим состоянием венгеро-американских отношений, хотели довести до сведения Госдепа США готовность ВНР обсуждать и принимать на основе взаимности меры, направленные на нормализацию отношений между двумя странами (первым шагом должно было стать смягчение режима пребывания дипломатических представителей США в ВНР). В ЦК КПСС поддержали усилия на этом направлении. Посольству СССР было поручено сообщить Э. Шикю мнение Москвы о целесообразности проведения мероприятий, направленных на снятие «венгерского вопроса» с обсуждения в ООН, как и вообще на нормализацию венгерско-американских отношений³¹.

С венгерской стороны с марта 1962 г. переговоры по всему комплексу венгеро-американских отношений вел Я. Радваньи, дипломат в то время в должности временного поверенного Венгрии в США³². В ходе своих контактов с представителями администрации Кеннеди он привел доказательства произошедшей в Венгрии внутривластной стабилизации, делавшей, по мнению венгерского правительства, еще более обоснованным обсуждение положения в стране на международных форумах³³. Поскольку любое напоминание о необходимости полной амнистии осужденных за участие в событиях 1956 г. как условия прекращения обсуждения в ООН «венгерского вопроса» вызывало отпор Будапешта, квалифицировавшего это не иначе как вмешательство во внутренние дела, с американской стороны предпочитали обходиться без прямого требования амнистии. Однако Вашингтон дал понять, что мировое сообщество ожидает от венгерских властей «некоторых жестов», которые засвидетельствовали бы, что теперь в Венгрии

31 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 12. Д. 925. Л. 253–256.

32 Впоследствии, в 1967 г., порвавший со своим правительством и ставший невозвращенцем.

33 Что касается экономической стабилизации в Венгрии, то ее первые признаки были отмечены самими американскими наблюдателями еще в 1959 г. См.: *Borhi L. Kádár és az Egyesült Államok...* 47. old.

проблема 1956 г. закрыта также во внутривнутриполитическом плане — только это даст основания правительству США инициировать процедуру снятия «венгерского вопроса» с повестки дня ООН или подключиться к соответствующей инициативе, исходящей от других стран. Венгерско-американские дипломатические контакты, направленные на прояснение комплекса условий нормализации двусторонних отношений, продолжались в течение всего 1962 г. Проработавшаяся в это время в США администрацией президента Дж. Кеннеди доктрина «наведения мостов» к странам Восточной Европы делала актуальным с точки зрения стратегии Вашингтона восстановление венгерско-американских отношений в более полном объеме.

Состоявшийся в Будапеште 20–25 ноября 1962 г. VIII съезд Венгерской социалистической рабочей партии вернулся к теме преступлений и злоупотреблений режима М. Ракоши в духе критики Сталина на XXII съезде КПСС. В своем отчетном докладе съезду Кадар заявил, что уже 95 % лиц, осужденных за участие в «контрреволюции» 1956 г., находится на свободе — коммунистическая власть достаточно сильна, чтобы провести самую широкую амнистию. Решения партсъезда были предварительно согласованы с Хрущевым в Москве, куда Кадар выезжал на торжества по случаю 45-летия Октябрьской революции 1917 г. в России. Этому предшествовал в октябре 1962 г. острый Карибский кризис, произведший сильное впечатление на элиты стран советского блока, продемонстрировав им реальную угрозу ядерной войны между сверхдержавами, чреватую вовлечением союзников Москвы в подобный конфликт. Неурегулированность отношений с США была в этих условиях совсем нежелательна. В свою очередь и в Вашингтоне демонстрировали готовность к встречным шагам при сохранении принципиального требования всеобщей амнистии. Венгерская сторона получила неофициальные заверения, что в случае выполнения этого требования Госдепартамент США приложит все усилия для того, чтобы венгерский вопрос был снят с повестки дня ООН.

Официально всеобщая амнистия для лиц, причастных к событиям 1956 г., была объявлена Госсобранием ВНР 21 марта 1963 г., однако, по сути, вопрос был решен уже вскоре после выступления Кадара на партийном съезде³⁴. Инициатива по исключению «венгерского

---

34 *Sipos L.* Az 1963-os általános közkegyelem // *Múltunk*. 2012. № 2. 150–190. old. На основе большого материала автор доказывает, что давление США не было определяющим фактором, повлиявшим на объявление всеобщей амнистии, иначе этот шаг был бы предпринят раньше: при

вопроса» из повестки дня ООН была проявлена специальным политическим комитетом Генассамблеи ООН 18 декабря 1962 г. и поддержана представителем США. 8 февраля 1963 г. были формально упразднены функции уполномоченного Генассамблеи ООН по венгерскому вопросу³⁵. «Венгерский вопрос» в ООН становился тем самым достоянием истории. Из принятых за шесть с половиной лет десятков резолюций Генассамблеи по этой теме реальный, а не только пропагандистский эффект имели только те, что касались решения проблемы беженцев и оказания им гуманитарной помощи.

Снятие «венгерского вопроса» с повестки дня автоматически привело к восстановлению в ООН приостановленных в ноябре 1956 г. полномочий венгерской делегации, представлявшей правительство Я. Кадара. Таким образом, к 1963 г. вопрос о легитимности кадаровской власти был урегулирован в международном плане. Это предопределило решающий прорыв в преодолении режимом дипломатической изоляции. В частности, уже в том же 1963 г. произошло повышение статуса дипломатических представительств (до уровня посольств) в отношениях Венгрии с Великобританией, Францией, Швецией и целым рядом других стран.

Что же касается поездки генерального секретаря ООН в Венгрию, то Д. Хаммаршельд, погибший в авиакатастрофе в Африке в сентябре 1961 г., так и не успел посетить Будапешт. Это сделал в начале июля 1963 г. его преемник бирманец У Тан. В беседе с Кадаром, о которой тот через неделю, 11 июля, информировал Хрущева во время своей поездки в Москву³⁶, У Тан заверил венгерского лидера в том, что приложит все усилия, чтобы «венгерский вопрос» не был включен в повестку дня следующей, открывавшейся в сентябре сессии Генассамблеи ООН, и вопрос этот действительно не рассматривался. Визит У Тана произвел на Кадара благоприятное впечатление, о чем он подробно говорил

принятии решения Кадар руководствовался прежде всего своей оценкой внутривнутриполитической ситуации. Соглашаясь с автором, можно говорить, однако, о том, что давние внутривнутриполитические цели, требовавшие достижения в интересах повышения устойчивости самого режима, находились в полном созвучии с задачами, актуальными для режима с точки зрения его внешней политики.

35 См. комментарии советской прессы: Конец «венгерского вопроса» (к упразднению поста представителя по венгерскому вопросу в ООН) // Новое время. 1963. № 3.

36 РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 35–63.

Хрущеву, в том числе о выступлении генерального секретаря ООН на митинге перед рабочими Чепеля. Особое удовлетворение венгерского лидера вызвал тот факт, что, «находясь в Венгрии, У Тан сделал одно очень важное заявление, которое от него не ожидали и у него, собственно говоря, не просили. Он сказал, что занимался юридической стороной пребывания советских войск на венгерской территории и пришел к выводу, что это пребывание является вполне законным»³⁷. Вместе с тем У Тан проявил большой интерес к делу И. Надя, пытавшись выяснить, почему была пересмотрена позиция официального Будапешта, в ноябре — декабре 1956 г. дававшего заверения Белграду, что И. Надя не будет предан суду. Кадар старался объяснить это тем, что якобы стали известны новые факты, заставившие «пересмотреть позицию венгерского правительства». Но главный акцент в разговоре с У Таном он сделал на том, что «ни Югославия, ни Венгрия об этом деле не упоминают и считают его закрытым, а значит, нет необходимости и в том, чтобы его ворошила какая-либо третья сторона»³⁸. К этому времени дело И. Нады действительно не относилось к числу факторов, сильно отягощавших динамично развивавшиеся отношения коммунистических режимов двух соседних стран. По возвращении в Нью-Йорк У Тан не делал критических в отношении венгерского руководства заявлений.

Подводя итоги, следует сказать: начиная с конца октября 1956 г., когда венгерский вопрос был включен в повестку дня Совета Безопасности ООН, а затем передан на рассмотрение чрезвычайной и, в конце концов, в середине ноября 1956 г. — очередной сессии Генассамблеи ООН, трибуна ООН на протяжении ряда лет выступала главной площадкой для публичной критики как советской интервенции в Венгрии, так и репрессий, осуществлявшихся правительством Я. Кадара против участников революции 1956 г., а резолюции ООН по «венгерскому вопросу» были одним из инструментов внешнеполитического давления на СССР и кадаровский режим в Венгрии. При этом реальный эффект резолюций по Венгрии был очень низок, поскольку никакими действенными механизмами влияния на положение в стране структуры ООН не обладали. Определенное практическое значение имели лишь резолюции, направленные на решение гуманитарных проблем, порожденных советским вмешательством в Венгрии, и прежде всего проблемы массового исхода населения из страны. В том,

37 Там же. Л. 42. Советско-венгерское соглашение об условиях пребывания на территории Венгрии советских войск было подписано в мае 1957 г.

38 Там же. Л. 41–42.

что она была в целом успешно разрешена к концу 1957 г., сыграла главную роль деятельность специальных структур ООН, призванных заниматься делами беженцев.

Советская акция октября — ноября 1956 г. в Венгрии не затрагивала непосредственным образом сферу геополитических интересов США и в силу этого не могла оказать долгосрочного влияния на состояние отношений двух сверхдержав — СССР и США, хотя, став своего рода пробным камнем ялтинско-потсдамской системы международных отношений, заставила и Вашингтон, и Москву учитывать «венгерский опыт» 1956 г. в своей последующей внешней политике. Она не явилась препятствием для проведения в сентябре 1959 г. встречи лидеров СССР и США на высшем уровне, а в ходе самих переговоров события осени 1956 г. в Венгрии не стали предметом обсуждения. Забота о собственном престиже периодически заставляла США демонстрировать с трибуны ООН свое неравнодушие к подавлению венгерского восстания и репрессиям против его участников, однако приоритетным для Вашингтона было стремление не сорвать переговорный процесс с Советским Союзом. Он представлялся особенно важным в условиях того вызова, который обозначился с запуском спутника и испытанием межконтинентальных ракет в 1957 г., наглядно продемонстрировавшими техническую мощь страны Советов, а значит, и ее военный потенциал.

В 1957–1958 гг. был в целом преодолен на основе сохранения доминанции КПСС вызванный XX съездом КПСС и усугубленный венгерскими событиями кризис мирового коммунистического движения. В ходе московских ноябрьских 1957 г. совещаний компартий хотя и обсуждались «уроки» венгерского восстания, с советской стороны (в том числе и в ходе контактов с венгерской делегацией) не выражалось какой-либо обеспокоенности по поводу текущего положения в Венгрии³⁹. Длительная поездка Хрущева в Венгрию в апреле 1958 г. лишь убедила его в том, что при интенсивной советской экономической поддержке и в условиях присутствия советских войск режим Кадара заметно консолидировался, так что сама эта страна уже не воспринималась им как слабое звено в советском блоке⁴⁰.

---

39 Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М., 2013.

40 *Стыкалин А. С., Джалилов Т. А.* «Думать, что коммунистическое общество будет в пределах границ Советского Союза, — это значит ничего не понимать в коммунизме». Неопубликованное выступление Н. С. Хрущева в Венгрии (апрель 1958 г.) // *Славянский альманах*. 2022. № 1–2. С. 389–419.

Соответственно, в Москве придавали все меньшее значение сохранявшемуся присутствию «венгерского вопроса» в повестке дня ООН. В свою очередь, и на Западе, осознавая реальный факт экономической и внутривнутриполитической консолидации кадаровского режима при советской помощи, не переоценивали влияние дальнейшего обсуждения этого вопроса в ООН, хотя и продолжали использовать его как один из инструментов давления на кадаровскую Венгрию в целях прекращения репрессий и либерализации внутренней политики режима. Это продолжалось до 1963 г., когда с объявлением режимом Кадара всеобщей амнистии участникам революции 1956 г. вопрос о репрессиях в целом утратил актуальность и вслед за этим «венгерский вопрос» был снят с повестки дня ООН.

Стремление выйти из внешнеполитической изоляции (а снятие «венгерского вопроса» с повестки дня ООН выступало важнейшей из предпосылок такого выхода) способствовало проведению режимом Кадара менее репрессивной внутренней политики, а с начала 1960-х гг. — формированию новой внутривнутриполитической платформы, которая в обмен на отказ от оппозиционной политической деятельности предоставляла гражданам Венгрии больше свобод и возможностей в сфере экономической активности, а венгерской интеллигенции — более широкие творческие свободы. Но сводить все к внешнему давлению через механизмы ООН было бы явным преувеличением. Секретные венгерско-американские контакты, происходившие в начале 1960-х гг., имели не меньший, а больший эффект, нежели шума в ООН, но и их значение не стоит преувеличивать. Режим Кадара пошел на всеобщую амнистию и ряд других мер по либерализации внутренней политики в условиях, когда напряженность в стране ослабла, а объективные интересы придания системе большей устойчивости и эффективности функционирования требовали изменения тактики. В стабилизации после 1956 г. венгерской экономики, что сделало возможным подготовку экономической реформы 1968 г. (так и не приведшей, впрочем, к глубокому обновлению системы, а к 1973 г. свернутой), сыграли большую роль советские финансовые вливания⁴¹.

Но важно помнить и о том, что в рассматриваемый исторический период, особенно вследствие Суэцкого кризиса осени 1956 г., трибуна ООН становится важнейшей ареной борьбы сверхдержав (и — шире — общественных систем) за влияние в мире, и прежде всего за влияние на страны пробуждающегося «третьего мира», что отчетливо видно

---

⁴¹ Советско-венгерские экономические отношения. 1948–1973. Документы. М., 2012.

на примере попыток как СССР, так и США заручиться поддержкой этих государств при обсуждении резолюций по «венгерскому вопросу» или (в случае с СССР) добиться их нейтрализации при вынесении на голосование невыгодных СССР резолюций по Венгрии. Не столько спутник, сколько решительная советская линия в защиту Египта во время Суэцкого кризиса сильно повысили престиж СССР в «третьем мире», со всей отчетливостью поставив перед «коллективным Западом» задачу сдерживания коммунизма в освободившихся странах Азии и Африки. Для Запада длительное присутствие «венгерского вопроса» в повестке дня ООН имело пропагандистское предназначение: оно должно было напоминать странам «третьего мира» о преимуществах прозападного выбора, ослабляя тем самым советское влияние. После отставки Хрущева советская политика в «третьем мире» стала менее наступательной, а притягательность советского опыта в этих странах к концу 1960-х гг. заметно снизилась. И весьма показательно, что «чехословацкий вопрос», хотя и вызвал в 1968 г. не менее бурное обсуждение, совсем недолго стоял в повестке дня ООН.

При этом страны «третьего мира» были не просто объектом влияния, они все активнее вели собственную игру, балансируя на противоречиях между Западом и Востоком, что особенно проявилось в создании в 1961 г. Движения неприсоединения (предвосхищенном еще решениями Бандунгской конференции 1955 г.)⁴². Можно во многом согласиться с мнением И. В. Гайдука о том, что именно Венгерский и Суэцкий кризисы осени 1956 г. знаменовали собой начало нового периода в истории ООН, когда в условиях системной трансформации международных отношений всемирная организация, хотя и продолжала оставаться ареной конфронтации между Востоком и Западом, вместе с тем постепенно все больше переключалась на проблемы, возникавшие в отношениях «между развитыми в индустриальном отношении странами и их бывшими колониями, обретшими независимость и претендовавшими на большее участие в судьбах мира»⁴³.

«Мы малая страна, нам не нужно к себе слишком большого внимания в мире», — этот тезис, с разными вариациями многократно

---

42 Показательна в этом плане история интенсивных советско-индийских контактов в рамках ООН в связи с разногласиями двух правительств в «венгерском вопросе» при обоюдном желании избежать его превращения в фактор ухудшения стабильных отношений между СССР и Индией.

43 *Гайдук И. В.* В лабиринтах холодной войны. СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М., 2012. С. 229.

формулировавшийся Яношем Кадаром и в записях заседаний его политбюро, и в источниках личного происхождения, очень резко контрастировал с тем, что часто можно было слышать из уст лидеров соседних коммунистических государств — союзнической Румынии и нейтральной Югославии. По сути та же мысль не раз звучала и с международных трибун — на большом совещании компартий в Москве в ноябре 1957 г., на Генассамблее ООН осенью 1960 г. В свете этих установок тем больший дискомфорт вызывало у Кадара и его окружения растянувшееся на несколько лет обсуждение венгерского вопроса в ООН, продолжавшееся и в начале 1960-х, когда режим прочно встал на ноги во внутривнутриполитическом плане, демонстрировал при помощи советских финансовых вливаний неплохие показатели экономического роста. Впрочем, не только Кадар, но и его злейшие противники хорошо осознавали, что чем дальше, тем меньше сохранение венгерского вопроса в повестке дня ООН имело отношение к самой Венгрии. Публицист реформаторского направления Тибор Мераи, бежавший в ноябре 1956 г. через Югославию на Запад, еще в 1958 г. обратил внимание на то, что по мере повышения международного интереса к событиям в Венгрии терялась их сугубо венгерская специфика, так что сама Венгрия благодаря своей «будапештской осени» еще отчетливее представляла всему миру в роли не более чем пешки на «международной шахматной доске»⁴⁴.

Использование любого пропагандистского инструмента и бренда имеет свои временные границы. Хотя задачи политико-идеологического соперничества за влияние в «третьем мире» не потеряли актуальности и после 1963 г., пример Венгрии осени 1956 г. утратил свою свежесть для демонстрации агрессивной советской политики, по мере эволюции кадаровского режима он был «переварен» самим ходом истории — но только если подходить к нему с мерками текущей мировой политики. Будучи выведенной из актуального внешнеполитического контекста и утратив сопровождавший ее пребывание в этом контексте «флёр», венгерская революция 1956 г. с тем большей отчетливостью обнажила свой ярко выраженный национальный характер. Если Венгерский кризис как привязанное к конкретно-исторической ситуации осени 1956 г. событие международных отношений получил окончательное разрешение к началу 1960-х гг., что нашло самое непосредственное выражение в исключении «венгерского вопроса» в 1963 г. из повестки дня

---

⁴⁴ Мераи Т. 13 дней. Имре Надь и венгерская революция 1956 года. М., 2007. С. 133.

ООН, то сама венгерская антитоталитарная революция октября — ноября 1956 г. явилась более масштабным феноменом и источником исторического опыта для последующих поколений. Ей предстояло оставить след в венгерской национальной памяти не в качестве довольно второстепенного инструмента противоборства двух сверхдержав за влияние в мире, а как именно венгерской «национальной трагедии», заняв свое почетное место в ряду наиболее культовых событий всей 1000-летней национальной истории, а день 23 октября с падением коммунизма в 1989–1990 гг. был объявлен на законодательном уровне национальным праздником Венгрии.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).
Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
Magyar Országos Levéltár.

Гайдук И. В. В лабиринтах холодной войны. СССР и США в ООН, 1945–1965 гг. М.: ИВИ РАН, 2012. 331 с.

Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М.: РОССПЭН, 2013. 624 с.

Мераи Т. 13 дней. Имре Надь и венгерская революция 1956 года. М.: Логос, 2007. 272 с.

Новое время. 1963.

Правда. 1957.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 / гл. ред. А. А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. 1344 с.

Советско-венгерские экономические отношения. 1948–1973. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2012. 576 с.

Стыкалин А. С. Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 720 с.

Стыкалин А. С. Венгерский кризис осени 1956 г. и дискуссии в ООН // Славяноведение. 2022. № 3. С. 32–51. DOI: 10.31857/S0869544X0019973-3.

Стыкалин А. С. «Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // Славяне и Россия в системе международных отношений / отв. ред. С. И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 275–295.

Стыкалин А. С., Джалилов Т. А. «Думать, что коммунистическое общество будет в пределах границ Советского Союза, — это значит ничего не

понимать в коммунизме». Неопубликованное выступление Н. С. Хрущева в Венгрии (апрель 1958 г.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 389–419. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.04.

A Forradalom és a magyar kérdés az ENSZ-ben, 1956–1963. Tanulmányok, dokumentumok és kronológia / szerk. Békés Cs., Kecskés G. Budapest: Magyar ENSZ Társaság, 2006. 239 o.

Borhi L. Az Egyesült Államok és a szovjet zona, 1945–1990. Kronológia. Budapest: MTA Történettudományi Intézete, 1994. 205 o.

Borhi L. Kádár és az Egyesült Államok // *Múltunk*. 2012. № 1. 35–74 o.

Borhi L. “We Hungarian Communists are Realists”: János Kádár’s Foreign Policy in the Light of Hungarian-US Relations, 1957–1967 // *Cold War History*. 2004. Vol. 4. № 2. P. 12–24.

Calhoun D. F. Hungary and Suez, 1956. An Exploration of Who Makes History. Lanham: University Press of America, 1991. 591 p.

Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958–1960 / general editor: G. W. LaFantasie. Washington: United States Government Printing Office, 1993. Vol. 10. Part 1. Eastern Europe Region; Soviet Union; Cyprus. 860 p.

Király B. Az ENSZ és a Magyar forradalom // A Magyar forradalom eszméi. Eltíprásuk és győzelmük (1956–1999). Budapest: Atlanti, 2001. 130–146 o.

Lidegaard B. A legmagasabb ár. Povl Bang-Jensen és az ENSZ, 1955–1959. Budapest: Magyar Könyvklub, 2000. 220 o.

Magyar-amerikai diplomáciai jegyzékváltás 1958 őszén // *Múltunk*. 1996. № 1. 69–84 o.

Nagy A. A Bang-Jensen ügy 56 nyugati ellenszélben. Budapest: Magvető Könyvkiadó, 2005. 400 o.

Sipos L. Az 1963-os általános közkegyelem // *Múltunk*. 2012. № 2. 150–190 o.

The Hungarian Situation and the Rule of Law. The Hague: International Commission of Jurists, 1957. 144 p.

The Ideas of the Hungarian Revolution, Suppressed and Victorious, 1956–1999 / Ed. L. Congdon, B. Király. Boulder, CO; Highland Lakes, NJ; New York: Columbia University Press, 2002. 352 p.

United Nations. Report of the Special Committee on the Problem of Hungary. General Assembly. Official Records: Eleventh Session. Supplement No. 18 (A/3592). New York: United Nations, 1957. 268 p.

United Nations. Resolutions adopted by the General Assembly from 10 to 14 September 1957 during its Eleventh Session. New York: United Nations, 1957. 4 p. URL: <https://www.un.org/disarmament/wp-content/uploads/2017/02/A-3572-Add1.pdf> (accessed: 10.02.2023).

Yearbook of the United Nations 1958. New York: United Nations — Office of the Public Information, 1959. 565 p. DOI: <https://doi.org/10.18356/9a48b9c8-en>.

References

Békés, Cs., Kecskés, G (Eds.). *A Forradalom és a magyar kérdés az ENSZ-ben, 1956–1963. Tanulmányok, dokumentumok és kronológia*. Budapest: Magyar ENSZ Társaság, 2006, 239 p.

Borhi, L. *Az Egyesült Államok és a szovjet zona, 1945–1990. Kronológia*. Budapest: MTA Történettudományi Intézete, 1994, 205 p.

Borhi, L. “Kádár és az Egyesült Államok.” *Múltunk*, 2012, no. 1, pp. 35–74.

Borhi, L. “«We Hungarian Communists are Realists»: János Kádár’s Foreign Policy in the Light of Hungarian-US Relations, 1957–1967.” *Cold War History* (London), vol. 4, no. 2 (January 2004), pp. 12–24.

Calhoun, D. F. *Hungary and Suez, 1956. An Exploration of Who Makes History*. Lanham, Maryland: University Press, 1991, 592 p.

Congdon, L., Király, B. (Eds.). *The Ideas of the Hungarian Revolution, Suppressed and Victorious, 1956–1999*. Boulder — Highland Lakes: University Press, 2002, 352 p.

Foreign Relations of the United States (FRUS). 1958–1960, ed. by G. W. La-Fantasia. Vol. 10. Part 1. Eastern Europe Region; Soviet Union; Cyprus. Washington: United States Government Printing Office, 1993, 860 p.

Gaïduk, I. V. *V labirintakh kholodnoi voiny. SSSR i SShA v OON, 1945–1965 gg*. Moscow: IGH RAS, 331 p.

Király, B. *Az ENSZ és a Magyar forradalom. A Magyar forradalom eszméi. Eltíprásuk és győzelmük (1956–1999)*. Budapest: Atlanti, 2001, pp. 130–146.

Lidegaard, B. *A legmagasabb ár. Povl Bang-Jensen és az ENSZ, 1955–1959*. Budapest: Magyar Könyvklub, 2000, 220 p.

“Magyar-amerikai diplomáciai jegyzékváltás 1958 őszén.” *Múltunk*, 1996, no. 1, pp. 69–84.

Mezhdunarodnyje soveshchaniia predstavitelei kommunisticheskikh i rabochikh partii v Moskve (noiabr' 1957 g.). Moscow: ROSSPEN, 2013, 624 p.

Méray, T. *13 dnei. Imre Nagy i vengerskaia revoliutsiia*. Moscow: Logos Publ., 2007, 272 p.

Nagy, A. *A Bang-Jensen ügy 56 nyugati ellenszélben*. Budapest: Magvető Könyvkiadó, 2005, 400 p.

Sipos, L. “Az 1963-os általános közkegyelem.” *Múltunk*, 2012, no. 2, pp. 150–190.
Sovetsko-vengerskije ekonomicheskije otnosheniia. 1948–1973. Dokumenty. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”, 2012, 576 p.

Stykalin, A. S. *Vengerskii krizis 1956 goda v istoricheskoi retrospektive*. Moscow: Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2016, 730 p.

Stykalin, A. S. “Vengerskii krizis 1956 goda i diskussii v OON.” *Slavianovedenie*, 2022, no. 3, pp. 32–51. DOI: 10.31857/S0869544X0019973-3.

Stykalin, A. S. “Delo Imre Nagya” v kontekste sovjetsko-jugoslavske i vengersko-jugoslavske otnoshenii 1950-kh godov.” *Slaviane i Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii*, ed. by S. I. Danchenko. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2017, pp. 275–295.

Stykalin, A. S., Dzhaliilov, T. A. “«Dumat', chto kommunisticheskoe obshchestvo budet v predelakh granits Sovetskogo Soiuz, — eto znachit nichego ne ponimat' v kommunizme». Neopublikovannoe vystuplenije N. S. Khrushcheva v Vengrii (aprel' 1958 g.)” *Slavianskii al'manakh*, 2022, no. 1–2, pp. 389–419. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.04.

Prezidium TsK KPSS. 1954–1964, ed. by A. A. Fursenko. Vol. 1. *Chernovyje protokol'nyje zapisi zasedanii. Stenogrammy*. Moscow: ROSSPEN, 2003, 1344 p.

The Hungarian Situation and the Rule of Law. The Hague: International Commission of Jurists, 1957, 144 p.

United Nations. Report of the Special Committee on the Problem of Hungary. General Assembly. Official Records: Eleventh Session. Supplement No. 18 (A/3592). New York: United Nations, 1957, 268 p.

United Nations. Resolutions adopted by the General Assembly from 10 to 14 September 1957 during its Eleventh Session. New York: United Nations, 1957, 4 p. URL: <https://www.un.org/disarmament/wp-content/uploads/2017/02/A-3572-Add1.pdf> (accessed: 10.02.2023).

Yearbook of the United Nations 1958. New York: United Nations — Office of the Public Information, 1959, 565 p. DOI: <https://doi.org/10.18356/9a48b9c8-en>.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.06

A. S. Stykalin

The discussion of the “Hungarian Question” in the UN and the problem of Hungary’s Exit from the political isolation, 1957–1963

Alexander S. Stykalin

Candidate of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. The discussion of the “Hungarian Question” in the UN and the problem of Hungary’s Exit from the political isolation, 1957–1963 // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 100–131 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.06

Received: 01.12.2022.

Abstract

The most powerful uprising in Budapest on October 23, 1956, which immediately threatened the existence of the communist regime in Hungary, and the entry of Soviet troops in order to suppress it caused a wide international resonance, which on October 28 led to the discussions on the Hungarian question at the UN Security Council, and later, in November, at the UN General Assembly. In November, as tensions in the Middle East following the British, French, and Israeli attacks on Egypt, which had nationalized the Suez Canal, eased, discussions of the situation in Hungary came to the fore at the UN. Facing the opposition from the USSR, the adoption by the UN General Assembly in November-December 1956 of numerous resolutions on Hungary did not bring any real effect, with the exception of those that made it possible to improve the situation of 200,000 Hungarian refugees who rushed to Austria and Yugoslavia after the suppression of the revolution. In 1957, the General Assembly discussed the report of the special UN committee on Hungary, formed to study the situation in the country that had developed as a result of the Soviet military intervention. In the subsequent years, the United States and their allies used the discussion of the “Hungarian question” in the UN for propaganda purposes, in an effort to weaken the Soviet influence on the countries of the awakening “Third World”. At the same time, it occupied an increasingly peripheral position every year. Its subsequent fate was directly dependent on the further evolution of the János Kádár regime. The removal of this issue from the UN agenda in 1963 was a response to the announced general amnesty for the convicted participants of the 1956’s uprising. It finally brought Kádár’s Hungary out of the diplomatic isolation, in which the country found itself after the illegal change of power with the direct Soviet military support in November 1956.

Keywords

Hungarian crisis of 1956, United Nations, János Kádár, foreign policy of the USSR, foreign policy of Hungary, US East European policy, Suez crisis of 1956, anti-colonial movements in the countries of the Third World, the Soviet Bloc, inter-bloc relations in the context of the Yalta-Potsdam systems.

**Основные тенденции развития
советско-румынских отношений на высшем уровне
во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг.**

Буга Василе

Доктор истории, профессор, посол в отставке

Национальный институт исследований тоталитаризма (Румыния)
Casa Academiei Române, Calea 13 Septembrie, No. 13, Sector 5, Bucharest, Romania, 050711

E-mail: vasilebuga@mail.com

Цитирование

Буга В. Основные тенденции развития советско-румынских отношений на высшем уровне во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 132–158.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.07

Статья поступила в редакцию 06.01.2023.

Аннотация

Проявившееся с начала 1960-х гг. во внешней политике Румынии стремление к проведению более самостоятельного курса, ставящего во главу угла не интересы всего советского блока, а национальные приоритеты, привело к осложнению отношений с Советским Союзом. Разногласия между двумя партиями с наибольшей остротой проявились в августе 1968 г., когда Румыния осудила интервенцию пяти своих союзников по Варшавскому договору в Чехословакию. В последующие годы с обеих сторон были приложены усилия по восстановлению дружеских отношений между двумя странами, что нашло проявление в подписании в 1970 г. нового советско-румынского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Следующей важной вехой в развитии двусторонних отношений стал обмен визитами на высшем уровне в 1976 г. В ходе регулярных встреч Л. И. Брежнева и Н. Чаушеску проявились не только разногласия по ряду ключевых вопросов международных отношений (проблемы разоружения, целесообразность советской военной акции 1979 г. в Афганистане), но и различия подходов к самим принципам взаимоотношений между социалистическими странами. Тем не менее сторонам удавалось избегать острых конфликтов.

В сравнении с Л. И. Брежневым его преемник Ю. В. Андропов занимал более жесткую позицию в вопросах, составлявших предмет советско-румынских противоречий. Новый позитивный поворот в советско-румынских отношениях наметился в 1984 г., в самый канун горбачевской перестройки. В советском руководстве к этому времени проявилось большее понимание мотивов румынской официальной позиции. Кроме того, ухудшение положения в румынской экономике усилило заинтересованность руководства Румынии в развитии тесных экономических связей с СССР.

Ключевые слова

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, Н. Чаушеску, Румыния, советско-румынские отношения, советский блок, Организация Варшавского договора.

Важной вехой в советско-румынских отношениях стал 1976 г., ознаменованный обменом визитами высших руководителей двух стран. В августе состоялась неофициальная, совмещенная с пребыванием на отдыхе, поездка в СССР генерального секретаря Румынской коммунистической партии (РКП), президента Социалистической республики Румыния (СРР) Николае Чаушеску, а 22–24 ноября Румынию официально посетил генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. В предшествующий период разногласия между Москвой и Бухарестом по проблемам отношений внутри социалистического лагеря и мирового коммунистического движения, как известно, наиболее отчетливо проявились в августе 1968 г., когда Румыния решительно не поддержала военную акцию пяти стран — членов Организации Варшавского договора (ОВД) в отношении Чехословакии. Знаком частичного преодоления разногласий и восстановления в целом дружеских отношений стало подписание 7 июля 1970 г. нового советско-румынского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи¹. Обмен визитами в 1976 г. предстал в качестве нового существенного шага на этом пути.

В ходе ноябрьской бухарестской встречи с Брежневым Чаушеску постарался уклониться от обсуждения спорных вопросов двусторонних

---

1 О развитии отношений между СССР и Румынией в 1968–1976 гг. см.: Buga V. Pe muchie de cuțit. Relațiile româno-sovietice, 1965–1989. București, 2013. P. 68–183.

отношений, исходя из своего желания сосредоточиться прежде всего на том, что могло служить углублению взаимопонимания и налаживанию сотрудничества между странами. Он выразил мнение румынского руководства о том, что сохраняющееся различие позиций по тем или иным вопросам не должно создавать препятствий для плодотворного развития двусторонних отношений. С этим согласился и Брежнев, расценив состоявшуюся встречу как «полезную и серьезную» и пригласив румынских партнеров посетить СССР с ответным официальным визитом. Румынский лидер высказался за расширение двусторонних контактов на всех уровнях, в том числе на уровне массовых общественных организаций. По итогам состоявшейся встречи 24 ноября была подписана Декларация о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества между двумя партиями и странами².

Свидетельством намерения румынской стороны развивать контакты с СССР в том числе и на уровне союзных республик стало приглашение нанести визит в Румынию делегации Молдавской ССР. В сущности, речь шла о продолжении контактов, начатых в августе 1976 г., когда в ходе поездки в СССР Н. Чаушеску впервые посетил и Советскую Молдавию (наряду с Грузией и Арменией). Визит в Румынию делегации Молдавской ССР во главе с первым секретарем компартии республики И. И. Бодюлом состоялся 3–7 декабря 1976 г. Гости из-за Прута посетили ряд промышленных и сельскохозяйственных объектов не только в Бухаресте, но также в Брашове и уезде Прахова, были приняты Чаушеску. Румынский лидер еще раз поблагодарил своих собеседников за предоставленную возможность ознакомиться в ходе его августовской поездки с достижениями «молдавских друзей в социалистическом строительстве», выразил от имени румынского народа желание развивать все более тесное сотрудничество с народами Советского Союза, и в том числе, в рамках советско-румынских отношений, «с нашими молдавскими друзьями и соседями». В свою очередь, Бодюл расценил августовское посещение румынской делегацией на высшем уровне Молдавской ССР как «мудрый шаг», «проявление политической дальновидности», которое, сказал он, открывает новые перспективы взаимоотношений между Румынией и непосредственно граничащей с ней частью «нашей большой советской родины». «Молдавский народ, как и весь советский народ», продолжал Бодюл, воспринял это с радостью, как знак расширяющегося сотрудничества «между нашими партиями, народами и странами». Члены делегации МССР выразили удовлетворение

---

2 Правда. 1976. 25 ноября.

и той, как было сформулировано, «искренностью и теплотой», с которой румынский трудовой народ принял гостей из Советской Молдавии³. Хорошая организация визита делегации во главе с Бодюлом в Румынию продемонстрировала не только особое внимание румынской стороны к приезду ближайших соседей, но и заботу о том, чтобы избежать каких-либо дискуссий по тем или иным спорным вопросам советско-румынских отношений, способным вызвать подозрения со стороны гостей в том, что с румынской стороны на них оказывается некое давление⁴. Вследствие достигнутых договоренностей о расширении советско-румынских связей в 1977–1979 гг. состоялся обмен многочисленными делегациями (партийными; по линии общественных организаций; молодежными; деятелей культуры и науки), в том числе представлявшими с советской стороны отдельные республики СССР — Молдавию, Украину, Грузию, Армению.

Несмотря на очевидный прогресс, достигнутый в процессе дальнейшего сотрудничества, существовал целый ряд проблем двусторонних отношений, требовавших своего решения. Они были затронуты в ходе рабочей поездки в Москву, которую совершил 14–15 февраля 1977 г. по поручению Н. Чаушеску кандидат в члены Политисполкома ЦК РКП, министр иностранных дел Штефан Андрей. Он провел переговоры с секретарем ЦК КПСС К. Ф. Катушевым, курировавшим отношения КПСС с компартиями социалистических стран, был принят членом Политбюро ЦК КПСС А. П. Кириленко, выразившим удовлетворение по поводу той, по его словам, «очень хорошей атмосферы», которая складывается в последнее время в двустороннем диалоге. В ходе переговоров обсуждался весь комплекс проблем советско-румынских отношений, включая экономические связи.

По возвращении в Бухарест Ш. Андрей докладывал об итогах поездки на заседании Политисполкома ЦК РКП. По его мнению, в Москве высоко оценили хороший прием, оказанный в Румынии делегации Молдавской ССР во главе с И. И. Бодюлом. Именно с учетом итогов этого визита был выработан план по дальнейшему расширению двусторонних контактов, что включало в себя, среди прочего, заключение, по взаимной договоренности, соглашения об упрощении порядка пересечения границы, об открытии новых пунктов пересечения

---

3 Scînteia. 1976. 7 decembrie.

4 О месте бессарабского вопроса в советско-румынских отношениях 1960-х — 1980-х гг. и существовавших по нему разногласиях, в том числе в трактовке истории этого края, см.: *Buga V. Pe muchie de cuțit...* P. 352–372.

границы, о регулировании общими усилиями течения вод по пограничной реке Прут. По оценке Ш. Андрея, новая встреча представителей двух партий прошла в наилучшей рабочей атмосфере⁵.

4 марта 1977 г. в Румынии произошло разрушительное землетрясение. Это трагическое событие сопровождалось проявлением солидарности СССР (как и других стран) с усилиями Румынии по преодолению его последствий: отправкой из Советского Союза бульдозеров и другой техники для восстановительных работ, строительных материалов, кабелей для скорейшего восстановления разрушенной инфраструктуры. Были ускорены также поставки в Румынию из СССР всего комплекса товаров в соответствии с действующим соглашением о товарообмене на 1977 г. Благодарность советской стороне за оказанную помощь выразил непосредственно Чаушеску в телефонной беседе с Брежневым⁶. В мае 1977 г. были на высшем уровне направлены советские поздравления Румынии в связи со 100-летием провозглашения ее независимости в условиях войны 1877–1878 гг. на Балканах, опубликованные затем в центральной прессе. Этот жест официальной Москвы не мог не вызвать позитивного отклика румынского руководства.

В июле 1977 г. посол СССР в Бухаресте В. И. Дрозденко передал Н. Чаушеску приглашение провести в начале августа часть своего отпуска на черноморском побережье СССР, в Крыму. Встреча отдохавших на Черном море лидеров двух стран состоялась 5 августа⁷. Л. И. Брежнев, ставший к тому времени также председателем Президиума Верховного Совета СССР, выразил удовлетворение конструктивным развитием двусторонних отношений во всех областях (поездка делегации МССР в Румынию в декабре 1977 г. неизменно выступала в качестве позитивного примера), высказался за дальнейшее поддержание межпартийных и межгосударственных связей на всех уровнях, в том числе на уровне отдельных областей и союзных республик. Новым знаком продолжавшегося улучшения двусторонних отношений стали посещение Н. Чаушеску во главе румынской партийно-правительственной делегации проведенных в Москве торжеств по случаю 60-летия Октябрьской революции 1917 г. в России и выступление с речью на торжественном заседании⁸.

---

5 Arhivele Naționale Istorice Centrale (ANIC). Fond Comitetul Central al Partidul Comunist Român (CC al PCR). Secție Cancelarie. 15/1977. F. 6.

6 Ibid. F. 13.

7 Правда. 1977. 6 августа.

8 Правда. 1977. 3 ноября.

Несмотря на проявившиеся в этот период на страницах печатных изданий новые расхождения между румынскими и советскими историками (не в последнюю очередь, историками из Молдавской ССР) в трактовке проблем общего прошлого соседних народов⁹, 7 августа 1978 г. на очередной неформальной встрече Брежнева и Чаушеску в Крыму советский лидер с удовлетворением констатировал продолжавшееся расширение сотрудничества в разных областях, и в том числе экономических связей как на двусторонней основе, так и в рамках СЭВ. Было отмечено также, что создание в 1977 г. межправительственной советско-румынской комиссии по культурному сотрудничеству способствовало интенсификации взаимных культурных связей. Вместе с тем Брежнев обратил внимание, что «по некоторым проблемам, не столь уж мелким, стали заметнее расхождения» между двумя странами. Советская сторона, продолжал он, исходит из того, что различия подходов, конечно, возможны, но если расхождения Румынии с СССР и другими союзниками по ОВД растут по принципиальным вопросам, возникает ситуация, когда именно особый румынский подход к большому количеству международных проблем тормозит проведение общей линии блока¹⁰. Конкретизируя, Брежнев сослался на некоторые заявления Чаушеску, сделанные во время его июньского визита в Китай, отметив, что они по ряду существенных пунктов не слишком отличались своим подходом от китайских заявлений. Он высказал также упреки в связи с особой позицией Румынии по проблемам ближневосточной политики — недаром во время поездки румынского лидера в США в апреле 1978 г. американцы прославляли посредническую роль румын в налаживании отношений между Израилем и Египтом. Советский лидер не обошел вниманием и критическое отношение Румынии к помощи, оказываемой Советским Союзом, Кубой, другими социалистическими государствами африканским народам в их борьбе за национальную независимость. Брежнев заметил при этом, что затронул лишь часть проблем, по которым

---

9 Так, например, в 1978 г. было приостановлено распространение в Румынии иллюстрированного издания «Советская Молдавия», поскольку в нем содержался ряд положений, слишком сильно расходившихся с румынским взглядом на свою национальную историю. Подробнее о разногласиях в трактовке советскими и румынскими историками проблем истории Бессарабии и российско-румынских, а также советско-румынских отношений см.: *Buga V. Pe muchie de cuțit... P. 326–339.*

10 ANIC. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe. 130/1978. F. 14.

существуют различия в позициях двух компартий. Он заверил румынского лидера, что у него нет намерений углубляться в суть этих проблем и во все то, что осложняет двусторонние отношения. Однако отметил, что в повестке дня сохраняются и сложности, связанные с публикацией новых материалов по истории общего прошлого двух народов, в которых вновь поднималась, по его выражению, «так называемая бессарабская проблема»¹¹.

В свою очередь, Чаушеску согласился с тем, что бухарестская встреча в декабре 1976 г. придала новые импульсы развитию двусторонних отношений. Одновременно он выразил сожаление в связи с нерешенностью ряда конкретных проблем и отметил заинтересованность румынского руководства в том, чтобы диалог развивался как можно лучше, при всех сохраняющихся различиях в подходах к некоторым вопросам. Чаушеску ответил и на прозвучавшие упреки в связи с публикацией в румынских изданиях некоторых статей по спорным вопросам истории двусторонних отношений, приведя примеры, по его словам, ложных трактовок румынской позиции советской прессой. Он заметил, что румынская сторона не раз открыто излагала свое понимание этих проблем и ее подход нельзя не принимать во внимание¹².

Резюмируя итоги беседы, Брежнев выразил заинтересованность советского руководства в поступательном развитии дружественных советско-румынских отношений и расширении сотрудничества в разных областях. Признавая довольно существенные различия в подходах отнюдь не только к историческим темам, но прежде всего к некоторым конкретным вопросам текущих международных отношений, он заметил, что «было бы крайне нежелательным, чтобы эти различия множились и приобретали перманентный характер»¹³. Обе стороны расценили обмен мнениями как полезный. Согласившись с тем, что существующие разногласия не должны стать препятствием для выстраивания нормального диалога, Чаушеску предложил провести более широкие встречи делегаций двух компартий для обсуждения всего этого комплекса проблем.

В соответствии с договоренностью, достигнутой на встрече в Крыму, 13 октября 1978 г. в Бухарест для обмена мнениями по самому широкому кругу вопросов прибыла советская делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР

---

11 Ibid. F. 16.

12 Ibid. F. 31–32.

13 Ibid. F. 36.

А. А. Громыко. В нее входили кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, курировавший в ЦК КПСС вопросы мирового коммунистического движения, и упоминавшийся выше секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев. С румынской стороны в переговорах участвовали член Политисполкома ЦК РКП П. Никулеску-Мизил, министр иностранных дел Ш. Андрей, секретарь ЦК В. Мушат. В переговорах принимали участие и послы двух стран — В. И. Дрозденко и Г. Бадрус.

Глава советской делегации допускал, что в рамках дискуссий могут проявиться различные подходы к некоторым обсуждаемым проблемам, и выразил пожелание, чтобы беседы проходили в дружеской атмосфере, позволяющей сторонам «найти общий язык». Он отметил, что встреча дает хорошую возможность для серьезного, искреннего и конструктивного разговора по всем проблемам, представляющим взаимный интерес. А. А. Громыко подчеркнул стремление советской стороны планировать отношения с Румынией на долгосрочную перспективу. Этому, по его признанию, способствовали и некоторые шаги, сделанные Румынией. Вместе с тем Громыко поднял вопрос, уже не раз всплывавший в ходе переговоров на высшем уровне. Речь идет о продолжавшемся распространении в Румынии материалов, в которых затрагивалась территориальная проблема, вследствие чего, по мнению советской стороны, в румынском народе воспитывалось недружественное отношение к Советскому Союзу, что не могло не сказываться на доверительности общения между странами¹⁴.

Министр иностранных дел СССР подверг также критике позицию Румынии в рамках ОВД: отказ от проведения совместных военных маневров на своей территории, несогласие с планами создания единой системы ПВО и единого черноморского флота на случай войны и т. д. Он выразил также отрицательное отношение Москвы к военному и оборонно-промышленному сотрудничеству Румынии со странами НАТО и Китаем, поскольку оно могло привести к утечке секретной информации о новейшей советской военной технике¹⁵. Не был обойден стороной и вопрос об особой позиции Румынии в рамках СЭВ, систематическом стремлении уклониться от проведения общей с другими странами линии¹⁶. Та же тенденция проявлялась и на международных форумах по проблемам европейской безопасности, где румынские представители довольно сдержанно реагировали на советские

---

14 Ibid. 180/1978. F. 5.

15 Ibid. F. 7–8.

16 Ibid. F. 9–10.

инициативы. Глава советской внешней политики счел не лишним упомянуть и поддержку Румынией «сепаратистского курса» в арабском мире президента Египта А. Садата, по мнению Москвы, склонного к «капитуляции перед лицом агрессоров»¹⁷.

Особо остановившись на позиции Румынии в советско-китайской полемике, Громыко упрекнул румынскую сторону за отсутствие реакции на нападки китайского руководства в адрес СССР. Он напомнил о визите в августе 1978 г. в Бухарест лидера КПК Хуа Гофэна, использовавшего поездку в своих политических целях и сделавшего антисоветские заявления, от которых так и не отмежевались хозяева, тем самым, по сути, солидаризировавшись с Пекином¹⁸. Глава советской дипломатии указал также на отклонения Румынии от общей линии социалистических стран в вопросах об отношении к Движению неприсоединения, к войне на Африканском роге между Эфиопией и Сомали, а также по некоторым проблемам мирового коммунистического движения.

Взявший ответное слово П. Никулеску-Мизил согласился с тем, что все дискуссии «должны проходить в конструктивном, искреннем и товарищеском духе». Общность подходов двух компартий к ключевым проблемам международных отношений отнюдь не исключает различия позиций по конкретным вопросам, что вполне понятно, ибо каждая партия представляет интересы своего народа и суверенного государства и действует в своих специфических условиях. Попытки сблизить позиции, продолжал он, должны строиться на основе взаимного доверия, а не подозрений, однако многие звучащие из уст советских представителей претензии в адрес Румынии не могут найти положительного отклика, ибо «вступают в противоречие с нормами дружеских отношений» между социалистическими странами¹⁹. С другой стороны, он отметил позитивную эволюцию в развитии двусторонних отношений под влиянием встреч Н. Чаушеску и Л. И. Брежнева, оживление контактов по всем линиям. Предметом плодотворного обсуждения стал широкий круг вопросов, представляющих взаимный интерес (о двойном гражданстве; о сфере полномочий генконсульства Румынии в Киеве; о совместных работах по спрямлению русла реки Прут; о демаркации границы в районе Черного моря; о модификации конвенции о режиме навигации по Дунаю; об обновлении ряда действующих

---

17 Ibid. F. 14, 16.

18 Ibid. F. 18.

19 Ibid. F. 31–32.

двусторонних соглашений и заключении соглашения об охране окружающей среды и биологических ресурсов Черного моря)²⁰.

Советскую делегацию принял Чаушеску, выразивший надежду на продуктивность встречи. При достигнутом уровне развития двусторонних отношений расхождения, по его мнению, не стоит преувеличивать, надо искать пути решения существующих проблем. Громыко заверил румынского лидера в намерении СССР развивать и далее всестороннее сотрудничество с соседним «братским» государством, отметив, что обе стороны должны прилагать усилия для «нахождения общего языка», смягчения и преодоления существующих разногласий в условиях, когда необходимо сплочение стран — участниц ОВД перед лицом наступательной политики НАТО. Он коснулся и вопроса о разногласиях двух партий в оценках политики КНР на международной арене, согласно представлениям руководства СССР, направленной на разжигание новых войн и тем самым противоречащей духу разрядки. Подводя итоги бесед, Громыко констатировал, что они прошли в искренней, товарищеской атмосфере, способствовали лучшему прояснению позиций друг друга²¹. Советская пресса, комментируя визит, отметила твердое желание обеих компартий успешно развивать в будущем двустороннее сотрудничество²². Как бы то ни было, в последующие месяцы сторонам не удалось избежать проявления новых серьезных разногласий. Так, 23 ноября 1978 г. в Москве на совещании Политического консультативного комитета (ПКК) ОВД румынская делегация не поддержала программу мер по увеличению оборонных расходов стран — участниц ОВД.

Следующая (неформальная) встреча Н. Чаушеску с Л. И. Брежневым состоялась 1 августа 1979 г. в Крыму. Советский лидер в ходе бесед неоднозначно оценил состояние двусторонних отношений: на некоторых направлениях они развивались, по его мнению, неплохо, тогда как применительно к другим едва ли было можно говорить о заметном прогрессе²³. Это касалось не только координации внешней политики Румынии с действиями СССР и других стран ОВД на международной арене, но и такой чувствительной проблемы, как запрещение публикаций на исторические темы, отражавших точки зрения, расходившиеся с официальной советской позицией. Брежнев сразу дал

---

20 Ibid. F. 36 etc.

21 Ibid. F. 77–79.

22 Известия. 1978. 16 октября.

23 ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. 128/1979. F. 5–6.

понять, что советский подход к существующим в отношениях двух стран проблемам не претерпел изменений со времени предыдущих встреч. При всем уважении к национальной специфике отдельных стран, говорил он, успехи социализма в каждой из них неотделимы от совместных усилий социалистического содружества. В свою очередь Чаушеску, заверив собеседника в настроенности Румынии на расширение многостороннего сотрудничества с СССР и другими социалистическими странами, заметил, что координация действий в рамках ОВД не должна вступать в противоречие с принципами равенства и суверенитета²⁴. В ходе беседы были сверены позиции сторон по проблемам разоружения и европейской безопасности, затронуты вопросы отношений с Китаем. Именно во время этой крымской встречи Л. И. Брежнев вручил Н. Чаушеску орден Ленина, которым тот был награжден в связи с 60-летием за заслуги в развитии дружбы и тесного сотрудничества советского и румынского народов, что было в ответной речи воспринято с благодарностью как знак высокой оценки всех достижений в отношениях двух партий, стран и народов, способных стать основой для их дальнейшего взаимодействия²⁵. Информирова на следующий день своих коллег по Политисполкому ЦК РКП о состоявшейся встрече с Брежневым, Чаушеску признал, что имел место полезный разговор, в целом прошедший «в хорошей атмосфере»²⁶.

Следующий повод для обмена мнениями по всем насущным вопросам выпал в конце ноября 1979 г. при посещении представительной делегацией КПСС во главе с членом Политбюро ЦК А. Я. Пельше XII съезда Румынской компартии. В ходе бесед стороны в целом выразили удовлетворение развитием отношений двух стран. Вместе с тем советские гости стали свидетелями незапланированного острого инцидента на съезде, когда ветеран румынского коммунистического движения Константин Пырвулеску выступил с трибуны с острой критикой политики Чаушеску²⁷.

---

24 Ibid. F. 11–12.

25 Ibid. F. 15. (В январе 1990 г., после румынской декабрьской революции 1989 г., свергнувшей власть Чаушеску, Президиум Верховного совета СССР принял указ о лишении его (правда, уже посмертном) советских государственных наград. См.: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Пер. 9. Док. 71. — *Прим. переводчика*.)

26 ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. 63/1979. F. 5.

27 Синхронный перевод на русский язык при этом прекратился, однако среди свидетелей острой ситуации были хорошо владевшие румынским

Через месяц после описываемых событий состоялся ввод советских войск в Афганистан; эта тема не могла не стать главным предметом обсуждения (в более широком контексте международных отношений) на встрече Н. Чаушеску с А. А. Громыко, посетившим по приглашению румынского лидера Бухарест 31 января — 2 февраля 1980 г. Стороны обошлись без острых дискуссий по вопросам, где у них не было единой точки зрения. Подводя итоги состоявшегося обмена мнениями, Чаушеску, получивший возможность лучше узнать советскую позицию по ключевым проблемам международных отношений в сложившейся очень непростой обстановке, констатировал, что отношения двух стран развиваются в целом неплохо²⁸. При этом он сослался на активизировавшийся обмен делегациями на разных уровнях²⁹.

4 августа 1980 г. в Крыму, по уже устоявшейся традиции, состоялась новая неформальная встреча первых лиц двух государств — это произошло на следующий день после успешного завершения в Москве летних Олимпийских игр. В центре внимания находились вопросы двусторонних связей. Л. И. Брежнев призвал к расширению контактов на всех уровнях, ибо это ведет к лучшему познанию друг друга, укрепляет чувства интернационализма в сознании людей и служит наилучшей «вакциной» против разного рода предубеждений³⁰. С ним согласился и Н. Чаушеску, заметив, что различия во мнениях не препятствуют нормальному сотрудничеству, в ходе которого решаются существующие проблемы двусторонних отношений. При любых условиях, продолжал он, Советский Союз и Румыния «останутся навсегда соседями», это реальность, не зависящая от того, что написал тот или иной историк по проблемам их общего прошлого³¹. Главным в отношениях

языком член делегации КПСС председатель Президиума Верховного Совета Молдавской ССР И. Калин и сопровождавший делегацию сотрудник аппарата ЦК КПСС В. И. Потапов. По окончании рабочего дня на съезде советские гости, не желая в сложившихся условиях отягощать хозяев, вежливо отказались от предложенного им осмотра новых районов Бухареста, построенных после землетрясения, предпочтя удалиться в посольство СССР. — Свидетельство автора, в то время сотрудника международного отдела ЦК Румынской компартии и переводчика Чаушеску.

28 ANIC. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe. 15/1980. F. 78.

29 См. конкретные данные об обмене партийными делегациями в 1975–1979 гг.: *Buga V. Pe muchie de cuțit...* P. 203.

30 ANIC. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe. 127/1980. F. 9.

31 Как раз в эти дни Бухарест готовился принять Всемирный конгресс историков, состоявшийся в августе 1980 г. и использованный хозяевами

между странами должно быть то, что объединяет, а не разъединяет соседние народы. А объединяют их прежде всего совместная борьба за мир, за предотвращение войны, противостояние в этом силам империализма, и в этой антиимпериалистической борьбе Румыния, подчеркнул Чаушеску, находится в одном ряду с Советским Союзом³².

В 1981 г. Н. Чаушеску возглавлял делегацию Румынской компартии на XXVII съезде КПСС, состоявшемся 22–27 февраля. В своем выступлении на съезде, опубликованном 25 февраля в прессе обеих стран, он отметил дружеский характер отношений двух партий и государств, основанный на верности марксизму-ленинизму, взаимном уважении, равноправии, невмешательстве во внутренние дела, глубокой заинтересованности во всестороннем сотрудничестве. Самым наглядным свидетельством углубления научно-технических связей между СССР и Румынией, продемонстрировавшим всему миру достигнутый уровень сотрудничества двух стран, стал совместный советско-румынский космический полет, состоявшийся 14–22 мая 1981 г. в рамках программы «Интеркосмос». На борту космического корабля «Союз-40» вместе с советским космонавтом полковником Леонидом Поповым находился румынский летчик, космонавт-исследователь Думитру Прунариу, прошедший подготовку в отряде космонавтов в СССР. С успешным завершением полета и выполнением его намеченной программы оба пилота были удостоены высших государственных наград обоих государств.

22 июня 1981 г. по инициативе румынской стороны в Москве прошли переговоры премьер-министров двух стран, нашедшие отражение в прессе. И. Вердец информировал Н. А. Тихонова о новых формах управления экономикой, практикуемых в Румынии. Диалог продолжился на высшем уровне 31 июля 1981 г., когда в Крыму состоялась новая

для того, чтобы изложить перед широкой международной общественностью свою позицию по ключевым вопросам румынской истории в более широком региональном контексте. — *Прим. переводчика.*

32 С конца августа 1980 г. внимание лидеров обеих стран было привлечено к развитию событий в Польше (массовые забастовки в Гданьске, создание независимого профсоюза «Солидарность»), которое постоянно становилось предметом дискуссии на совещаниях стран — участниц ОВД и СЭВ, рассматриваясь в широком контексте международных отношений. И далее, вплоть до введения военного положения в Польше в декабре 1981 г., ситуация в этой стране постоянно обсуждалась как на многосторонних совещаниях стран — участниц ОВД, так и в ходе двусторонних встреч.

встреча Л. И. Брежнева с Н. Чаушеску (это была их последняя крымская встреча). В ней участвовали и министры иностранных дел двух стран — А. А. Громыко и Ш. Андрей. В ходе беседы обсуждались разные аспекты двусторонних связей (особенно экономических), вопросы разоружения, советско-китайских отношений, ситуация в разных частях мира. Что касается советско-румынских контактов, то Брежнев напомнил о том, что их успешное развитие зависит от усилий обеих сторон, обратив внимание на необходимость поиска общих подходов. При этом он, по сути, выразил неудовлетворенность тем, что при всей интенсивности двусторонних отношений с СССР Румыния продолжает проводить независимую внешнюю политику³³. Оставив без реакции эти рассуждения, Н. Чаушеску от имени своей партии высказался за дальнейшее расширение контактов во всем их многообразии. О масштабах двустороннего сотрудничества свидетельствует то, что в 1980 — первой половине 1981 г. Советский Союз посетило около 90 делегаций из Румынии по линии межпартийных, экономических, культурных и научных связей³⁴.

В декабре 1981 г. Н. Чаушеску побывал в Москве на торжествах в связи с 75-летием Л. И. Брежнева, награжденного по этому случаю высшей государственной наградой СРР. Развитие контактов на всех уровнях продолжилось и в 1982 г. Можно упомянуть среди прочего о посещении Румынии в октябре 1982 г. в целях обмена опытом делегацией партийных работников во главе с Б. Н. Ельциным, в то время первым секретарем Свердловского обкома КПСС.

Уход из жизни Брежнева 10 ноября 1982 г. положил конец 17-летнему сотрудничеству лидеров двух стран. Отношения между Брежневым и Чаушеску едва ли можно было назвать очень теплыми, однако при этом они неизменно оставались корректными, во всяком случае, выглядели как строившиеся на взаимном уважении. Усилия глав двух стран позволяли не доводить дело до разрыва в моменты обострений вследствие принципиальных расхождений в подходах к решению ключевых международных проблем, а такая угроза возникала и в условиях ближневосточного 1967 г. и чехословацкого 1968 г. кризисов, и в связи с жесткой советско-китайской полемикой, и при установлении дипломатических отношений Румынии с ФРГ в 1967 г., а в определенной мере и позже, в частности после советской интервенции в Афганистан, негативно воспринятой в Румынии. Неконфликтный характер Брежнева и осторожность Чаушеску помогали сдерживать обе стороны

---

33 ANIC. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe. 176/1981. F. 3.

34 Buga V. Pe muchie de cuțit... P. 206.

при том, что на протяжении всех 17 лет между первыми лицами двух стран не прекращались дискуссии, обусловленные различием позиций по ключевым вопросам внешней политики³⁵.

11 ноября собравшийся Политисполком ЦК РКП наметил комплекс мер, посвященных памяти Л. И. Брежнева. Был официально объявлен 4-дневный траур, усопший был охарактеризован в официальных документах и румынской партийной прессе как выдающийся политик современности, крупный деятель международного коммунистического и рабочего движения и близкий друг румынского народа. Прошли траурные церемонии как в столице, так и по всем уездам страны, в том числе на предприятиях и в учреждениях. На похороны генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР отбыла румынская делегация во главе с Н. Чаушеску, куда входили председатель Совета министров СРР К. Дэскэлеску и министр иностранных дел Ш. Андрей. Вся церемония похорон транслировалась по румынскому телевидению. Так и не было воплощено на практике предложение назвать именем Брежнева одну из улиц Бухареста, также нашедшее отражение в партийных документах.

Преемником Л. И. Брежнева на постах генерального секретаря, а немного позже, с середины июня 1983 г., — и председателя Президиума Верховного Совета СССР стал, как известно, Ю. В. Андропов, с которым Н. Чаушеску был лично знаком более двух десятилетий³⁶. Первый короткий телефонный разговор между Чаушеску и Андроповым, теперь уже в качестве лидера КПСС, состоялся во второй половине дня 12 ноября, когда генеральный секретарь ЦК Румынской компартии поздравил своего собеседника с новой должностью и выразил надежду на то, что отношения двух партий и стран будут развиваться

---

35 И кажется не совсем объективной в свете имеющихся документов оценка, которую дал отношениям лидеров СССР и Румынии зять Брежнева генерал Ю. М. Чурбанов, имевший возможность наблюдать за их контактами только во время традиционных летних бесед в Крыму: Леонид Ильич «не любил Чаушеску, весь этот румынский социализм у него кроме резких комментариев никаких других эмоций не вызывал, но Чаушеску был вынужден терпеть критику Брежнева» (*Чурбанов Ю. Мой тесть Леонид Брежнев. М., 2007. С. 85*).

36 Как известно, Ю. В. Андропов в 1957 г. возглавил созданный в это время отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, а с 1962 г. курировал это направление уже в качестве секретаря ЦК КПСС.

в том же духе, в каком развивались прежде. «Я постараюсь работать так, чтобы вас не разочаровать», — ответил Андропов³⁷.

Непосредственные связи Чаушеску и Андропова были довольно спорадическими — надо иметь при этом в виду и болезнь нового советского лидера, и в силу этого кратковременность его пребывания во главе своей партии и государства. В дни участия румынской делегации в торжествах по случаю 60-летия СССР, состоявшихся 20–22 декабря 1982 г., состоялась беседа между ними, в ходе которой были затронуты разные аспекты двусторонних отношений. Вопрос о характере личных отношений между Чаушеску и Андроповым поднял в своих мемуарах бывший секретарь ЦК Румынской компартии С. Куртичану. Он приводит следующий пример. По свидетельству Куртичану, Чаушеску надеялся на возможность проведения встречи лидеров двух стран тет-а-тет в январе 1983 г. в Праге во время совещания ПКК ОВД, придавал ей большое значение и поручил министру иностранных дел Ш. Андрею договориться об этом через А. А. Громыко. Но румынской стороне пришлось натолкнуться на категорический отказ Андропова, который нравоучительно заявил, что в Праге планируется проведение многостороннего совещания, договоренность же о двусторонней советско-румынской встрече нарушит формат, ибо обяжет советскую сторону дать согласие на проведение аналогичных бесед с лидерами других партий, однако на это попросту нет времени³⁸. В конце концов Чаушеску удалось добиться встречи; можно предполагать, что советская сторона пошла на это, не желая публичного выражения румынским руководством своей особой позиции по вопросам, которые должны были найти отражение в опубликованном коммюнике.

Следует признать, что в сравнении со своим предшественником Брежневым новый советский лидер был более тверд и непримирим в отношениях с Чаушеску. Как пишет в этой связи современный российский дипломат и историк В. Л. Мусатов, при Брежневе в целях сохранения внешнего единства «социалистического содружества» «с Румынией терпеливо возились, убеждали румынского лидера» занять общую с другими странами позицию, Андропов же «перестал нянчиться с Чаушеску»³⁹.

---

37 ANIC. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe Alfabetice. 4U/1981-1982. F. 20.

38 *Curticeanu S. Mărturia unei istorii trăite. Imagini suprapuse.* București, 2000. P. 158.

39 *Мусатов В. Л. Венгрия и Румыния: два взгляда на «Пражскую весну» // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г. П. Мурашко. М., 2010. С. 325.*

На протяжении всего короткого времени пребывания Андропова во главе СССР румынско-советские отношения оставались холодными. Причем антипатию к Чаушеску Андропов проявлял и в предшествующие годы, в бытность его секретарем ЦК КПСС и председателем КГБ⁴⁰. Показательно, что в 1983 г. в СССР совсем не откликнулись на 65-летие образования единого румынского государства. С другой стороны, в Москве положительно оценили получение Обществом советско-румынской дружбы, в связи с 25-летием его создания, одной из высших государственных наград СРР⁴¹.

Независимо от личных отношений между лидерами двух партий существовала необходимость проведения консультаций по проблемам двустороннего и более широкого международного сотрудничества, и в том числе в вопросах европейской безопасности. Именно в этом контексте следует рассматривать визит А. А. Громыко в Румынию 30 января — 1 февраля 1984 г. Бывший зам. зав. управления МИД СССР Б. И. Поклад, сопровождавший министра иностранных дел СССР в Бухарест, свидетельствует, что отношение советских дипломатов и функционеров международных отделов ЦК КПСС к тогдашней политике Румынии было весьма критическим. Мы обвиняли, признает он, руководство Румынии и лично Чаушеску «во всех смертных грехах» и были уверены, что для этого имелись все основания. Неудовольствие в Москве, по словам Поклада, вызывали «националистические и сепаратистские тенденции» во внешней политике Румынии, ее особая позиция по целому ряду проблем международных отношений, стремление играть на мировой арене чуть ли не роль великой державы, недооценка решающего значения СССР в освобождении Румынии от фашизма, а также попытки в некоторых исторических работах предъявить, пусть в закамуфлированной форме, территориальные претензии к Советскому Союзу, возобновить дискуссии о принадлежности Бессарабии и Северной Буковины⁴².

Вместе с тем автор, по сути, признает: постепенно он начал убеждаться в том, что дипломаты в советском МИДе работали во многом

---

40 Американский исследователь деятельности спецслужб Л. Уоттс, еще с 1980-х гг. работавший в Румынии, связывает это с особыми отношениями Андропова и венгерских коммунистов, сложившимися в те времена, когда он был послом СССР в Венгрии (1954–1957). См.: *Watts L. L. Cei dintâi vor fi cei din urmă. România la sfârșitul războiului rece*. București, 2013. P. 381–383.

41 ANIC. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe. 89/1983. F. 28.

42 Поклад Б. И. Во власти дипломатии. М., 2008. С. 311.

по инерции, возлагая всю ответственность за неудачи на румынскую сторону и потеряв при этом веру в то, что можно достичь положительных результатов в отношениях с Бухарестом. Он вспоминает, насколько трудно было убедить коллег в целесообразности отказаться от некоторых привычных формулировок в телеграммах, адресованных румынскому руководству по случаю Дня независимости страны. Зачем надо было, например, по истечении стольких десятилетий после событий 23 августа 1944 г. по-прежнему использовать старые советские формулы типа «освобождение Румынии от фашистского ига» и игнорировать более новые, принятые в стране определения, такие как «антифашистская и антиимпериалистическая революция социального и национального освобождения»⁴³? Применять эти новые формулировки стали по взаимной договоренности только в 1986 г.

Б. И. Поклад был впечатлен компетентностью, проявленной румынским лидером в беседе с высокопоставленным советским гостем: «Он говорил, не имея перед собой никакой бумажки, свободно оперировал фактами и цифрами при обсуждении всех международных проблем, включая такую сложную тему, как разоружение. <...> Словом, иногда казалось, что выступает не президент страны, а заправский министр иностранных дел. И это впечатляло»⁴⁴. Советский дипломат в своих мемуарах не скрывает удовлетворения, которое он испытал в момент, когда в ходе непростых переговоров Громыко с Чаушеску румынское руководство в конце концов приняло советскую позицию в вопросе о размещении в Европе американских ракет средней дальности. Громыко, пишет Поклад, был весьма доволен и имел для этого все основания: страна, которая проводила на международной арене свой особый курс, открыто встала на сторону СССР в очень острый момент советско-американских отношений, когда потерпели неудачу двусторонние переговоры об ограничении ядерных вооружений в Европе⁴⁵.

Уход из жизни 9 февраля 1984 г. Ю. В. Андропова, человека, который предпринял попытки внутренних реформ в СССР, пусть и административными методами, нашел отклик и в Румынии, несмотря на холодные отношения между лидерами двух стран. В похоронах советского руководителя приняла участие румынская делегация во главе с самим Н. Чаушеску. В день похорон, 14 февраля, в Румынии объявили национальный траур, в Москву была направлена телеграмма

---

43 Там же. С. 312.

44 Там же. С. 315.

45 Там же. С. 315–317.

с выражением соболезнований от ЦК Румынской компартии, Государственного совета, правительства и Великого Национального собрания. Приняв участие в церемонии похорон Андропова в Москве, Чаушеску встретился с новым генеральным секретарем ЦК КПСС К. У. Черненко, относившимся на протяжении трех десятилетий к ближайшему окружению Брежнева. Как в ходе бесед, так и в поздравительной телеграмме по случаю избрания Черненко на высший пост было выражено убеждение, что отношения дружбы и тесного сотрудничества между странами будут развиваться еще интенсивнее⁴⁶.

Участие спортсменов Румынии в летних Олимпийских играх 1984 г. в Лос-Анжелесе в условиях, когда другие социалистические страны — союзники СССР решили бойкотировать эти соревнования, вызвало неудовольствие в Москве, хотя это не возымело слишком далеко идущих последствий для эволюции румынско-советских отношений. Документы, которые обнаружил румынский исследователь П. Оприш в Национальном архиве США, показывают, насколько важным американское руководство считало участие Румынии в этих играх. Так, в меморандуме от 22 мая 1984 г., адресованном президенту США Р. Рейгану, советник по вопросам национальной безопасности Р. Макфарлейн предложил направить Чаушеску письмо в поддержку его желания, чтобы Румыния участвовала в Олимпиаде. В письме было отмечено, что Румыния — единственная страна — член ОВД, которая решила не бойкотировать Олимпиаду, но оказалась при этом под сильным давлением Москвы, стремившейся подключить всех союзников к своему бойкоту⁴⁷. В соответствии с этим предложением президент США Р. Рейган направил 24 мая президенту СРР Н. Чаушеску письмо, в котором отметил, что американо-румынские отношения развиваются по восходящей линии, и это находит проявление как непосредственно в двусторонних связях, так и в консультациях по важным международным проблемам. Румынская сторона, в частности, поддержала скорейшее возобновление без каких-либо предварительных условий советско-американских переговоров и по ракетам среднего радиуса действия, и по стратегическим ядерным вооружениям⁴⁸.

---

46 ANIC. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe Alfabetic. 4U/1982. Vol. II. F. 112–113.

47 Declassified Documents Reference System. Farmington Hills, Mich.: Gale, 2012. № СК 3100547180.

48 Ibid. № СК 3100486678. Автор благодарит коллегу П. Оприша за предоставленные в его распоряжение документы.

Президент Рейган информировал румынского лидера о том, что озабоченность СССР, связанная с обеспечением безопасности как советских спортсменов, так и других участников Олимпиады, является преувеличенной. В этой связи он заверил Н. Чаушеску, что американская сторона примет все меры безопасности для участников Олимпийских игр, и выразил надежду на то, что румынские спортсмены будут участвовать в летней Олимпиаде⁴⁹.

Неудовлетворенный отсутствием прогресса в румынско-советских отношениях, особенно в экономическом плане, в момент, когда Румыния чувствовала себя все более изолированной от Запада и сталкивалась с большими трудностями, Н. Чаушеску принял решение проявлять больше твердости в отношениях с Москвой. Истекал срок действия Варшавского договора⁵⁰, необходимость его продления предоставила румынскому лидеру возможность занять почти ультимативную позицию в вопросе о перспективах румынско-советских отношений. Показательна в этом плане та атмосфера, в которой 1 июня 1984 г. проходило заседание Политисполкома ЦК Румынской компартии всего за три дня до рабочей поездки Чаушеску в Москву.

В своем вступительном слове Чаушеску отметил, что цель встречи с советской делегацией заключается в том, чтобы представить анализ двусторонних отношений (политических и экономических); в результате этой встречи предстояло определить проблемы, которые стоило бы включить в повестку дня совещания на высшем уровне представителей стран — членов СЭВ в Москве, намеченного на 12 июня, а также заседания ПКК ОВД, запланированного на весну 1985 г., — именно на нем предстояло решить вопрос о пролонгации Варшавского договора⁵¹.

По итогам этих переговоров, рассуждал Чаушеску, мы посмотрим, будем ли заявлять о пролонгации этого договора с нашей стороны или нет. Если в рамках этого договора мы не решим проблемы, которые стоят перед Румынией, продолжал он, то нам нет смысла оставаться в ОВД, «если там оказывают помощь тем, кто не являются членами этой организации, а нам не помогают... Так что все будет зависеть от решения этих проблем»⁵². По мнению Чаушеску, в ходе переговоров с Москвой

---

49 Ibid.

50 Срок действия Варшавского договора, заключенного в мае 1955 г., составлял 30 лет.

51 *Buga V. Controverse româno-sovietice privind prelungirea Tratatului de la Varşovia. 1984–1985 // Arhivele totalitarismului. 2012. № 3–4. P. 133–143.*

52 ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. 31/1984. F. 11.

румынской стороне надо сделать акцент на реальном, а не только декларативном развитии дружеских отношений, взаимовыгодном сотрудничестве с СССР, расширении экономических связей.

Согласно взаимной договоренности, в Москву прибыла очень представительная румынская делегация во главе с Н. Чаушеску. В переговорах участвовали и главы правительств обоих государств Н. А. Тихонов и К. Дэскэлеску, а также министры иностранных А. А. Громько и Ш. Андрей.

Переговоры, состоявшиеся 4 июня, позволили детально проанализировать основные направления развития двусторонних отношений в духе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи 1970 г., а также совместной декларации, подписанной в ноябре 1976 г. в Бухаресте. По случаю визита румынской делегации в Кремле состоялась церемония награждения Н. Чаушеску советским орденом Октябрьской революции за заслуги в развитии румынско-советских отношений и в связи с его 65-летием. Вручая награду, К. У. Черненко в качестве председателя Президиума Верховного Совета СССР выразил надежду на то, что отношения между двумя компартиями и странами будут и далее успешно развиваться. На обеде, организованном по случаю приезда румынской делегации, он, поднимая тост, оценил «стабильное развитие» советско-румынских отношений, выразив убеждение, что дискуссии между двумя делегациями продемонстрировали новые возможности плодотворного диалога в интересах развития двусторонних контактов в политической, экономической, идеологической, культурной сферах. Чаушеску в ответном слове подчеркнул общий вывод о том, что в ходе состоявшихся переговоров удалось договориться о поднятии двустороннего сотрудничества на новый, более высокий уровень. По мнению румынского лидера, стоило прилагать усилия, чтобы советско-румынские связи «стали во всех отношениях примером того, как должно развиваться сотрудничество между близкими соседними странами» в процессе создания нового строя⁵³.

Политисполком ЦК Румынской компартии, собравшись по возвращении делегации домой 5 июня, дал высокую оценку позиции, занятой Н. Чаушеску на переговорах в Москве, в результате чего они прошли конструктивно, приведя к позитивным для Румынии результатам⁵⁴. В то же время в ходе московских дискуссий, как отмечалось, проявилась и некоторая напряженность, в частности, когда

53 Scînteia. 1984. 5 iunie, 6 iunie; Правда. 1984. 5 июня, 6 июня.

54 ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. 32/1984. F. 2.

были затронуты вопросы о выполнении Румынией некоторых положений Варшавского договора, об отказе разрешить транзит через страну воинских частей стран ОВД, а также о том, что румынская сторона не спешила дать согласие на продление Варшавского договора. На заседании было выражено неудовольствие в связи с дискриминационным в сравнении с другими странами — членами СЭВ обхождением, когда речь заходила об удовлетворении румынских просьб экономического характера.

Из выступлений Дэскэлеску и Ш. Андрея на заседании Политисполкома стала очевидна настойчивость, проявленная румынским лидером в том, чтобы убедить своих советских собеседников возобновить переговоры с США по проблемам разоружения. Как позитивный факт было воспринято признание советской стороной права за каждым социалистическим государством на следование собственным концепциям при решении внутренних проблем. Особую важность московских переговоров отметил Ш. Андрей, который подчеркнул, что такой визит планировался Н. Чаушеску еще при жизни Ю. В. Андропова в целях прояснения некоторых конкретных проблем румынско-советских политических и экономических отношений. Д. Попеску увидел значение поездки в том, что Советы в преддверии важных совещаний по линии СЭВ и ПКС ОВД, итоги которых могут быть более или менее благоприятны для Румынии, были, кажется, в определенной мере вынуждены «отреагировать на поставленные проблемы, исходя из общей перспективы развития отношений между социалистическими странами». Он сослался также на большое внимание иностранной прессы к советско-румынской встрече на высшем уровне, что свидетельствовало о высокой оценке Румынии в противостоянии давлению советского руководства: хотя оно поначалу и пыталось возобновить свои прежние обвинения, но благодаря логическим доводам румын все же должно было признать (чего давно не было в ходе двусторонних дискуссий) естественные различия мнений между партиями и государствами и необходимость обсуждения этих различий. Способность Чаушеску дискутировать на равных с советской стороной, отмечая при помощи аргументов ложные обвинения в адрес Румынии, неизбежно вела, по мнению Попеску, к изменениям в самом мышлении и в аргументации советского руководства там, где дело касалось серьезных вопросов международной политики⁵⁵. В свою очередь, и П. Никулеску-Мизил посчитал, что советское

---

55 Ibid. F. 10–17.

руководство в ходе переговоров 4 июня с пониманием восприняло и взгляд Бухареста на механизмы принятия решений в рамках ОВД, и логику румынской позиции относительно принципов сотрудничества в рамках СЭВ, когда речь заходила о предоставлении стране необходимых энергоресурсов и сырья.

Н. Чаушеску также оценил состоявшийся визит в Москву и достигнутое в ходе переговоров взаимопонимание с советской стороной как важный момент в отношениях между двумя компартиями и странами, прежде всего с точки зрения подтверждения справедливости новых принципов сотрудничества в социалистическом лагере. Президент СРР напомнил, что встреча на высшем уровне, предлагавшаяся румынской стороной, не могла состояться в 1983 г. из-за болезни Ю. В. Андропова. Он указал на важность миссии А. А. Громыко в январе 1984 г. и подчеркнул, что инициатива встречи 4 июня принадлежала именно Москве. У генерального секретаря Румынской компартии сложилось впечатление о готовности обновленного советского руководства идти по пути улучшения двусторонних отношений, решения проблем, представляющих общий интерес, в том числе в более широком международном плане⁵⁶.

Мы отправлялись на переговоры, продолжал Чаушеску, чтобы найти оптимальные направления развития нашего сотрудничества, и при этом исходили из того, что нам не имеет смысла отказываться от своих принципиальных позиций даже ценой получения миллионов тонн нефти. Румынский лидер выразил удовлетворение результатами визита, как и атмосферой, в которой проходили переговоры, отметив стремление обеих сторон к взаимопониманию и конструктивную, по его мнению, позицию самого К. У. Черненко в этой связи, проявившуюся и на их встрече тет-а-тет⁵⁷.

---

⁵⁶ Он высказал также мнение о том, что в руководстве КПСС существовало крыло, издавна тормозившее позитивное развитие советско-румынских отношений. Чаушеску отнес к данной группе, сыгравшей в этом плане, на его взгляд, негативную роль, таких уже покойных к тому времени лидеров, как М. А. Суслов, А. Н. Косыгин и Ю. В. Андропов, который и в качестве председателя КГБ, и находясь на партийной работе, способствовал вытеснению из руководства лиц, которые придерживались иной концепции, имели свой, по словам Чаушеску, более справедливый взгляд на проблемы межпартийных отношений (ANIC. Fond CC al PCR. Cancelarie. 32/1984. F. 20).

⁵⁷ Ibid. F. 20–21.

Н. Чаушеску имел все основания быть довольным итогами встречи в Москве: позицию Румынии в вопросах сотрудничества в рамках СЭВ и ОВД и, соответственно, в вопросах разоружения приняли к сведению. Стороны договорились о поставке Советским Союзом Румынии 5 млн тонн нефти ежегодно, что было важно в условиях, когда страна столкнулась с немалыми экономическими трудностями. Завершая заседание Политисполкома, Чаушеску поручил партийно-государственным органам принять конкретные меры по достижению максимально благоприятных условий для налаживания взаимопонимания с КПСС. Вообще за недолгий период пребывания Черненко во главе КПСС отношения двух партий развивались нормально, хотя и не сопровождалась другими столь же значительными событиями, как встреча 4 июня. Продолжая традицию августовских крымских встреч, существовавшую при Брежневле, новый генеральный секретарь пригласил Чаушеску провести часть отпуска в СССР на Черном море. Правда, это приглашение так и не было принято по объективным причинам: занятость внутривнутриполитическими делами не позволила румынскому лидеру приехать в СССР. В то же время торжества в Бухаресте 23 августа 1984 г. по случаю национального праздника Румынии (40-летие разрыва с нацистской Германией и перехода на сторону антигитлеровской коалиции) посетила советская делегация во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, председателем Совета министров РСФСР В. И. Воротниковым, а в ноябре того же года в работе XIII съезда Румынской компартии приняла участие делегация КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК КП Украины В. В. Щербицким, в составе которой находился и секретарь ЦК КПСС по экономике, будущий председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков. На основе двусторонней договоренности 28 декабря 1984 г. в Москве состоялись переговоры, в которых участвовали с советской стороны делегация во главе с членом Политбюро, секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым (в нее входили секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков и председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков), с румынской стороны — член Политисполкома, секретарь ЦК РКП Э. Барбу и министр иностранных дел Ш. Андрей. В ходе переговоров были затронуты разные аспекты советско-румынских политических и экономических отношений⁵⁸. М. С. Горбачев от имени руководства КПСС заявил о серьезности намерений советской стороны действовать в духе взаимопонимания, проявившегося в ходе

---

58 Правда. 1984. 29 декабря.

встречи на высшем уровне 4 июня, в интересах расширения советско-румынского сотрудничества в разных областях и наполнения сложившихся связей новым качеством. Было предложено в ближайшие месяцы провести двусторонние консультации в целях совместного поиска новых подходов. Проблемы наших союзников по Варшавскому договору, заявил Горбачев, есть и наши проблемы, но, соответственно, мы ждем от наших союзников такого же отношения к проблемам, с которыми сталкивается в настоящее время СССР⁵⁹.

Наметившиеся к этому времени перспективы сотрудничества двух стран румынское руководство воспринимало как довольно многообещающие, особенно в экономической сфере. Однако жизнь внесла в них свои коррективы. 10 марта 1985 г. скончался генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель Президиума Верховного совета СССР К. У. Черненко, на его похороны отправилась и румынская делегация на высшем уровне во главе с президентом страны и генеральным секретарем ЦК компартии Н. Чаушеску. С приходом на высший пост в КПСС в марте 1985 г. М. С. Горбачева начался новый этап в развитии как двусторонних советско-румынских отношений, так и более общих процессов в рамках социалистического содружества. Однако это уже тема другого исследования⁶⁰.

Перевод с румынского А. С. Стыкалина

Источники и литература

Arhivele Naționale Istorice Centrale (ANIC).

Известия. 1978.

Мусатов В. Л. Венгрия и Румыния: два взгляда на «Пражскую весну» // 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива / отв. ред. Г. П. Мурашко. М.: РОССПЭН, 2010. С. 310–329.

Поклад Б. И. Во власти дипломатии. М.: Медиастарт, 2008. 408 с.

Правда. 1976, 1977, 1984.

Чурбанов Ю. Мой тесть Леонид Брежнев. М.: Алгоритм, 2007. 256 с.

Buga V. Controverse româno-sovietice privind prelungirea Tratatului de la Varșovia. 1984–1985 // Arhivele totalitarismului. 2012. № 3–4. P. 133–143.

59 ANIC. Fond CC al PCR. Secția Relații Externe. 26/1984. F. 50.

60 См.: *Buga V.* Pe muncie de cuțit... P. 222–325 (Раздел “Evoluția relațiilor româno-sovietice: martie 1985 — decembrie 1989”).

Buga V. *Pe muchie de cuțit. Relațiile româno-sovietice, 1965–1989*. București: Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2013. 424 p.

Curticeanu S. *Mărturia unei istorii trăite. Imagini suprapuse*. București: Albatros, 2000. 616 p.

Declassified Documents Reference System. Farmington Hills, Mich.: Gale, 2012. Știința. 1976, 1984.

Watts L. L. *Cei dintâi vor fi cei din urmă. România la sfârșitul războiului rece*. București: Editura Rao, 2013. 699 p.

References

Buga, V. “Controverse româno-sovietice privind prelungirea Tratatului de la Varșovia. 1984–1985.” *Arhivele totalitarismului*, București, 2012, no. 3–4, pp. 133–143.

Buga, V. *Pe muchie de cuțit. Relațiile româno-sovietice, 1965–1989*. București: Institutul Național pentru Studiul Totalitarismului, 2013, 424 p.

Churbanov, Iu. *Moi test' Leonid Brezhnev*. Moscow: Algoritm Publ., 2007, 256 p.

Curticeanu, S. *Mărturia unei istorii trăite. Imagini suprapuse*. București: Albatros, 2000, 616 p.

Musatov, V. L. “Vengriia i Rumyniia: dva vzgliada na ‘Prazhskuiu vesnu’” *1968 god. “Prazhskaia vesna”. Istoricheskaia retrospektiva*, ed. by G. P. Murashko. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010, pp. 310–329.

Poklad, B. I. *Vo vlasti diplomatii*. Moscow: Mediastart Publ., 2008, 408 p.

Watts Larry, L. *Cei dintâi vor fi cei din urmă. România la sfârșitul războiului rece*. București: Editura Rao, 2013, 699 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.07

V. Buga

The main trends in the development of the Soviet-Romanian relations at the highest level in the second half of the 1970s — the first half of the 1980s

Vasile Buga

Doctor of History, professor, retired ambassador

The National Institute of the Studies of Totalitarianism (Romania)

Casa Academiei Române, Calea 13 Septembrie, No. 13, Sector 5, Bucharest,

Romania, 050711E-mail: vasilebuga@mail.com

Citation

Buga V. The main trends in the development of the Soviet-Romanian relations at the highest level in the second half of the 1970s — the first half of the 1980s // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 132–158 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.07

Received: 06.01.2023.

Abstract

Since the beginning of the 1960s, in Romanian foreign policy, the desire to pursue a more independent course, which puts at the forefront not the interests of the entire Soviet Bloc, but national priorities, has led to a complication of relations with the Soviet Union. Differences between the two parties became most acute in August 1968, when Romania condemned the intervention of five of its Warsaw Pact allies in Czechoslovakia. In subsequent years, efforts were made from both sides to restore friendly relations between the two countries, which was manifested in the signing in 1970 of a new Soviet-Romanian treaty of friendship, cooperation and mutual assistance. The next important milestone in the development of the bilateral relations was the exchange of highest-level visits in 1976. During regular meetings, L. I. Brezhnev and N. Ceaușescu showed not only disagreements on a number of key issues of international relations (problems of disarmament, the question of the expediency of the Soviet military action of 1979 in Afghanistan), but also differences in approaches to the very principles of relations between Socialist countries. Nevertheless, the parties managed to avoid sharp conflicts. In comparison with L. I. Brezhnev, his successor Yu. V. Andropov took a tougher stance on issues that were the subject of Soviet-Romanian disagreements. A new positive turn in Soviet-Romanian relations took shape in 1984, on the very eve of Perestroika. By this time, the Soviet leadership showed a greater understanding of the motives of the Romanian official position. In addition, the deterioration of the situation in the Romanian economy increased the interest of the Romanian leadership in developing close economic ties with the USSR.

Keywords

L. I. Brezhnev, Yu. V. Andropov, N. Ceaușescu, Romania, Soviet-Romanian relations, Soviet Bloc, Warsaw Pact Organization.

Формирование современной исторической политики Польши (2000-е гг.)

Неменский Олег Борисович
Научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: nemenski@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0645-5423

Цитирование

Неменский О. Б. Формирование современной исторической политики Польши (2000-е гг.) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 159–192.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.08

Статья поступила в редакцию 01.02.2023.

Аннотация

Статья посвящена раннему этапу формирования в Польше концепции исторической политики как особой сферы государственного управления (2004–2007 гг.). Рассматриваются предпосылки ее появления, логика ее основных идеологов. Разбирается представленная в польской научной литературе типологизация этого явления. Дается характеристика ее основных особенностей, которые выводятся из идеологического своеобразия и характерных черт идентичности партии «Право и справедливость». Именно укрепившееся в этом движении представление о своих политических предшественниках и их месте в польской истории определило основные акценты исторической политики польских правительств в 2005–2007 гг. Уделяется внимание также критике этой политики со стороны основных оппонентов. Польская историческая политика рассматривается также на региональном уровне как закономерная реакция стран Центральной и Восточной Европы и на предыдущую систему, и на новые неолиберальные ценности, идущие с Запада. Распространение своего рода политической моды на политику памяти рассматривается как часть консервативного тренда в политике стран региона. При этом указывается на ряд специфически партийных черт исторической политики «Права и справедливости», которые препятствуют

осуществлению ее основной цели — консолидации нации — и превращают ее в средство внутривнутриполитической борьбы.

Ключевые слова

Историческая политика, политика памяти, партия «Право и справедливость», консерватизм, национализм, историческое самосознание, внешняя политика Польши, внутренняя политика Польши, Лех Качиньский, Ярослав Качиньский.

Польша является страной, проводящей очень активную историческую политику в международных отношениях. Именно здесь была сформулирована теория исторической политики (политики памяти) как особой отрасли государственного управления, разработаны основные ее понятия и создана развитая инфраструктура из административных органов и общественных организаций для ее проведения.

Такая политика в ее польской трактовке направлена на формирование исторического самосознания — как граждан своей страны, так и зарубежных государств, с тем чтобы выгодно использовать утверждаемые трактовки событий прошлого. Ее можно рассматривать как один из инструментов продвижения желаемого имиджа государства¹. По определению одного из ее ранних разработчиков, Марека Чихоцкого, она состоит в «укреплении общественного дискурса о прошлом как внутри страны, так и вне нее, посредством различных форм его институционализации»², что «с необходимостью должно включать государственные институты в процесс создания и передачи исторических знаний»³.

Именно внешнеполитическое направление нередко определяется как основная сфера исторической политики. Так, например, Дариуш Гавин, один из основных авторов этой концепции, отмечал, что она «касается прежде всего вопросов, связанных с внешней политикой»⁴.

---

1 *Wójcik A.* Polityka historyczna jako forma budowy wizerunku Polski na arenie międzynarodowej // *Świat Idei i Polityki*. 2016. Т. 15 (26). S. 443.

2 Polityka historyczna — za i przeciw. Dyskusja z udziałem P. Dukielskiego, M. Cichockiego, M. Kuli, A. Wernera, K. Mazura // *Mówią Wieki. Magazyn Historyczny*. 2006. Nr 8 (560). P. 10–17.

3 *Cichocki M.* Władza i pamięć. O politycznej funkcji historii. Kraków, 2005.

4 *Barszcz A., Piława K.* Polityka historyczna. Próba programu pozytywnego // *Pressje*. 2019. Nr 53: “Żyd–Polak”. URL: <https://klubjagiellonski.pl/2019/01/28/polityka-historyczna-proba-programu-pozytywnego/> (дата обращения: 16.09.2022).

Как сформулировал ее смысл исследователь Блажей Скшипулец⁵, «без активной государственной исторической политики трудно добиться хорошего результата в международной игре за ресурсы “морального капитала”, то есть за лучшее мнение различных политических акторов о польском государстве или нации»⁶.

Любая модель прочтения прошлого неизбежно основана на специальном отборе фактов в пользу общей задумки сюжета исторического нарратива, который должен быть довольно простым и понятным. «Особенностью любой исторической политики является обобщение и упрощение, обычно сопровождающееся радикализацией. А истины обычно сложны, других нет»⁷. Можно выделить ряд политических стилей этого отбора, формирующих различные подходы к политике памяти, свойственной тем или иным лидерам и партиям.

В Польше обыкновенно говорят о двух основных моделях исторической политики — либеральной и консервативной⁸. Первая предполагает принципиальную отстраненность государства от сферы управления общественным самосознанием⁹. Это идейно нейтральное отношение государства к управлению национальной памятью, своего рода пассивность в сфере исторической политики. Такая модель была представлена в основном посткоммунистическим лагерем польской политики и нередко иллюстрируется словами Александра Квасьневского, который перед парламентскими выборами 1993 г. обещал: «Уже сегодня мы как “Союз демократических левых сил” обещаем, что, если мы будем влиять на управление Польшей, не будет ни люстрации, ни каких-либо действий, предполагающих коллективную ответственность, мы не будем сносить памятники и не будем воздвигать новые,

---

5 Член идейно близкого к партии «Право и справедливость» «Ягеллонского клуба».

6 *Skrzypulec B.* W Polsce polityka historyczna nie może się udać // Klub Jagielloński. 08.12.2018. URL: <https://klubjagiellonski.pl/2018/12/08/w-polsce-polityka-historyczna-nie-moze-sie-udac/> (дата обращения: 16.09.2022).

7 *Janicki M., Władyka W.* Jak PiS wykorzystuje w swoich rządach politykę historyczną // *Polityka*. 2017. № 47 (3137). URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1728102,1,jak-pis-wykorzystuje-w-swoich-rzadach-polityke-historyczna.read> (дата обращения: 16.09.2022).

8 Авторство такого деления обыкновенно признается за Антонием Дудеком. См.: *Dudek A.* Bitwa o pamięć // *Rzeczpospolita*. 16.12.2006. S. A13.

9 *Dudek A.* Historia i polityka w Polsce po 1989 roku // *Historycy i politycy. Polityka pamięci w III RP* / ed. P. Skibiński. Warszawa, 2011. S. 35.

мы не будем менять названия улиц, потому что нас будет больше интересоваться, безопасны ли эти улицы, и нет ли на них ям. Это концепция, которую мы предлагаем»¹⁰. Одним из самых ярких защитников такой модели был Анджей Валицкий: «Либерально-демократическое государство должно оставаться беспристрастным в этом вопросе, в противном случае оно нарушило бы собственные принципы – свободу совести и идеологический нейтралитет. Законодательная и судебная власти демократического государства не могут принимать решения о том, что должно быть обязательной истиной о прошлом»¹¹. По мнению польских консерваторов, после 1989 г. именно эта модель получила статус де-факто официальной¹². Тем не менее, вернее было бы видеть в таком подходе не «модель исторической политики», а скорее просто отказ от ее проведения. Отказ, вряд ли осуществимый на практике, так как, осознанно или нет, свою историческую политику власть проводит в любом государстве и в любую эпоху. Но в данном случае речь скорее идет об осознанном стремлении к отказу от нее.

Консервативная модель предполагает активное участие государства в управлении народной памятью и идентичностью в целях достижения ее максимальной общности на основе позитивного самовосприятия. Только цельное общество обладает своей волей и может быть подлинно демократичным. Особое внимание при этом уделяется исторической памяти как способу передачи традиций и ценностей. «Доминирующим становится акцент на положительном образе истории нации и государства, прославление национальных героев и демонстрация смысла мученичества»¹³. И именно историческая политика, по мысли польских консерваторов, должна лежать в основе внешнеполитической деятельности государства.

Исследователь Эдвард Ольшевский выделяет больше моделей исторической политики — помимо либеральной и консервативной

---

10 *Kraśko N.* Sojusz Lewicy Demokratycznej — legitymizacja przeszłości // *O czasie, politykach i czasie polityków / pod red. E. Tarkowska.* Warszawa, 1996. S. 127–128.

11 *Walicki A.* Sprawiedliwość na pasku polityki // *Przegląd Polityczny.* 1999. Nr 40/41. S. 33.

12 См.: *Петровская О. В.* Модели исторической политики Третьей Речи Посполитой (1991–2013) // *Историки-слависты МГУ. Кн. 10. Славянский мир профессора Матвеева. М., 2013. С. 403–428.*

13 *Olszewski E.* Pamięć społeczna i polityka historyczna w programach polskich partii politycznych // *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne.* 2013. Nr 2. S. 67.

он говорит также о критической и тоталитарной. Согласно «критической модели», о которой также нередко идет речь в контексте либерального подхода, государство при формировании исторической политики должно стараться учитывать ответственность за «черные пятна» собственного прошлого. Такой подход уже предполагает активную позицию государственной власти. Акцент на исторической вине позволяет мобилизовать общество на решение задач по преодолению ее причин, что по-своему формирует единое самосознание и ощущение совместного духовного подвига, делающего народ морально чистым и ответственным.

Тоталитарное направление — это то, в чем польские левые 1990-х и видели основное проявление исторической политики — то есть государственную систему пропаганды. Разрыв с тоталитаризмом им виделся в том числе и в отказе государства от этой сферы управления. И новый тренд на систематизацию и нормализацию государственной политики памяти они критиковали именно как попытку вернуться к тоталитарному прошлому, пусть и на правоконсервативных основаниях.

Действительно, разделение между консервативной и тоталитарной моделью исторической политики носит, как представляется, скорее идеологический характер и призвано не допустить их отождествления на ценностном уровне. Если тоталитарной модели приписывается сознательное распространение лживых сведений о прошлом с целью порабощения населения, то в случае консервативной политики говорится о задаче раскрытия исторической правды с целью утверждения свободы и демократических ценностей. Как написал об этом один из идеологов польской исторической политики Павел Коваль: «Историческая политика не может, по понятным причинам, походить на государственную пропаганду, известную с коммунистического периода, которая искажает и инструментализирует прошлое»¹⁴. Однако каких-либо свидетельств, что власти т. н. тоталитарных режимов осознанно распространяли информацию о прошлом, которую при этом сами считали ложью, нигде не приводится. Скорее, характеристика их политики как основанной на лжи является внешней оценкой со стороны критически настроенных в отношении этих систем исследователей. Сама теория тоталитаризма предполагает этот предвзятый настрой, негативное восприятие предмета исследования через заранее принятую и имеющую вполне определенную политическую природу

---

¹⁴ Kowal P. Nie żegnajmy się z Giedroyciem // Rzeczpospolita. 3.10.2009. S. A4.

концепцию. Описание «тоталитарного» подхода как сознательно лживого дается с целью максимально отвести обвинения со стороны либеральных критиков в формальном подобии консервативной модели исторической политике и государственной пропаганде в тоталитарных системах.

Не работает и другой аргумент, согласно которому в демократическом государстве «историческая политика подчиняется инструментам гражданского контроля (общественное мнение, СМИ, гражданские институты, академическая наука и т. д.)¹⁵, а значит, не может быть отождествлена с тоталитарной. На него либеральные критики обыкновенно отвечают, что как раз роль этих институтов минимизируется в результате проведения государственной исторической политики, так или иначе ведущей общество к новому тоталитаризму¹⁶. Возможно, основной проблемой здесь является само оперирование очень спорным понятием «тоталитаризма», однако как раз польские консерваторы не могут от него отказаться из-за его центрального значения для их политики памяти.

Концепция исторической политики в польской науке начала формироваться с первой половины 2000-х гг. в основном в области анализа именно международных отношений. Ведущую роль в этих процессах изначально стала играть партия «Право и справедливость» (PiS). В близкой к ней интеллектуальной среде в первой половине 2000-х гг. созрела сама идея проведения такой политики и были разработаны ее важнейшие понятия. Понятие «исторической политики» в его польской редакции разработал в 2004–2006 гг. ряд консервативных публицистов, близких к партии «Право и справедливость», — Марек Чихоцкий, Дариуш Гавин, Томаш Мерта, Дариуш Карлович, Махал Мария Уяздовский,

---

15 Gawin D. Wspólnota przeszłości // Rzeczpospolita. 07.10.2006.

16 Вот некоторые примеры ранней критики предложенной право-консервативными мыслителями исторической политики: *Kilias J.* “Polityka historyczna”. Jej konteksty i mechanizmy // *Myśl Socjaldemokratyczna*. 2006. Nr 1/2; *Król M.* Nie zużywajmy historii do politycznych celów // *Dziennik*. 19.06.2006; *Kula M.* Lepiej nie nadużywać historii // *Przegląd Polityczny*. 2006. Nr 6; *Siemiątkowski Z.* Jakiego patriotyzmu nie potrzebujemy? Jakiej polityki historycznej nie akceptujemy? // *Myśl Socjaldemokratyczna*. 2006. Nr 1/2; *Werner A.* Pamięć i władza: komu służy polityka historyczna // *Przegląd Polityczny*. 2006. Nr 76; *Wiatr S.* Historia, która ma dzielić // *Myśl Socjaldemokratyczna*. 2006. № 1/2; *Wolff-Powęska A.* Państwo precz od historii // *Gazeta Wyborcza*. 2006. Nr 129.

Роберт Костро, Здислав Краснодембский и Павел Коваль¹⁷. Некоторые исследователи находят ее корни в деятельности краковского «Центра политической мысли» на рубеже 1990-х и 2000-х гг. Один из его представителей – Томаш Мерта – позже, в 2005–2007 гг., был заместителем министра культуры. Само выражение «историческая политика» стало актуальным в общественной сфере в 2004–2005 гг.¹⁸, и, как отмечают польские исследователи, ее «возникновение как отдельного явления совпало с приходом к власти PiS в 2005 г.»¹⁹.

Разработка этого понятия была в первую очередь реакцией правоконсервативной среды на идеи нейтрального и критического подхода государства к собственной истории. «По мнению консерваторов, историческая память была слишком важна для блага общества, чтобы ее можно было оставить свободной игре рынка. Необходимо было включить государственные институты в процесс создания и передачи исторических знаний. Историческая политика рассматривалась как естественное проявление деятельности государства в качестве военной, внешней или образовательной политики. Это был просто еще один инструмент, выполняющий его основную функцию, то есть реализацию общественных интересов»²⁰.

То же касалось и попыток критического взгляда на историю, поддерживаемых государством. Как писал об этом Д. Гавин: «Радикальная критика превратилась в интеллектуальную зависимость, умственную предрасположенность, предшествующую всякому мышлению. Велась борьба не только с вредными мифами и неправильными представлениями, со временем атака была также направлена против любого комплекса верований, считавшихся мифами, против любого

---

17 См., напр.: *Tokarz T.* Koncepcja “polityki historycznej” w myśli konserwatystów polskich // *Kultura i Historia*. 27.02.2011. URL: <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/pl/archives/2468> (дата обращения: 16.09.2022).

18 Приведу еще два важных издания 2005 г. по этой теме: *Polska polityka historyczna* // *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2006. No 5. S. 2–33; а также: *Polityka historyczna. Historycy — politycy — prasa* / red. A. Paneska. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005 (особенно статья М. Чихоцкого “Czas silnych tożsamości” и совместный текст Д. Гавина и П. Коваля “Polska polityka historyczna”).

19 *Graczyk R.* Historia, tylko jaka? // *Tygodnik Powszechny*. 07.11.2006. URL: <https://www.tygodnikpowszechny.pl/historia-tylko-jaka-130241> (дата обращения: 16.09.2022).

20 *Tokarz T.* Koncepcja “polityki historycznej” w myśli konserwatystów polskich.

коллективного воображения». В результате Польша «должна была превратиться в сообщество колебаний и сомнений», а также в «сообщество стыда». «Демифологизация и критика национальной традиции и национальной памяти проводились страстно и до такой степени хорошо, что от прежней модели коллективной идентичности поляков мало что осталось»²¹.

В связи с этим целью новой исторической политики стало выявление «тех нитей из прошлого, которые могли бы стать ориентирами и образцами для современных поляков»²². При этом «положительные переживания оказываются важнее, чем отрицательные и позорные, а герои — чем предатели и трусы»²³.

Благодаря формированию партией «Право и справедливость» правительств в 2005–2007 гг., а также занятию Лехом Качиньским президентского поста с 2005 по 2010 гг., только что разработанное понятие удалось сразу ввести в государственную политику.

Партийная идентичность «Права и справедливости»

«Право и справедливость» — партия правоконсервативная, склонная к традиционализму, клерикализму, неприятию неолиберальных ценностей, в связи с чем во внешней политике на западном направлении придерживается евроскептических позиций. На восточном направлении ее негативизм проявляется еще острее, что обусловлено историческим самосознанием этой партии, ее представлениями о той политической традиции, в которую она уходит своими корнями.

Братья Качиньские всегда видели себя продолжателями долгой линии польской подпольной политики, идущей от старых восстаний против (главным образом) Российской империи. Этот политический лагерь, традиционно именуемый в Польше как «niepodległościowy» (что с некоторой лингвистической натяжкой можно перевести как «независимостный»), находил свои дальнейшие воплощения в фигуре Юзефа Пилсудского, потом в антикоммунистическом подполье и позже в движении «Солидарность». История сопротивления коммунистам после окончания Второй мировой войны стала для PiS одной из важнейших тем для формирования партийной идентичности. Лех Качиньский так говорил о «Солидарности» в 2006 г.: «После введения военного

21 Gawin D. O pożytkach i szkodliwości historycznego rewizjonizmu // Pamięć i odpowiedzialność / red. R. Kostro, T. Merta. Kraków; Wrocław, 2005. S. 28.

22 Merta T. Polityka historyczna to obowiązek państwa // Dziennik. 29.06.2006.

23 Merta T. Pamięć i nadzieja // Pamięć i odpowiedzialność. S. 73.

положения она превратилась в большую конспиративную организацию. Она была еще одним крупным польским подпольем. Если считать со Второй мировой войны, то ее можно назвать третьим подпольем — с учетом Армии Крайовой и других организаций, Польского подпольного государства с 1939 по 1945 год, с учетом борьбы, которая велась после 1945 года. И, наконец, с 1976 года у нас было третье подполье, которое процветало в 1981–1989 годах»²⁴.

В отношении самого движения «Солидарность» PiS проводит открытую и вызывающую в польском обществе немало гневных комментариев политику по дискредитации лидерства Леха Валенсы и переводу в общественном восприятии статуса главного человека движения с него на Леха Качиньского. Помимо прямых обвинений Валенсы в сотрудничестве со спецслужбами ПНР, обоснованием этому служит и восприятие Третьей республики (после 1989 г.) как формы фальшивой независимости, основанной на сговоре посткоммунистов с подставной элитой из движения «Солидарность» во главе с Валенсой. Лидер PiS Ярослав Качиньский активно употреблял понятие «лжеэлиты», называя так представителей власти «Гражданской платформы» в период 2007–2015 гг., когда она якобы распространяла идеи, не свойственные польской культуре, и проводила «деконструкцию национальной идентичности»²⁵.

В связи с этим акцент делается на продолжении борьбы за независимость после 1989 г., которую осуществляли братья Качиньские. Так, например, выступая в школе о. Тадеуша Рыздыка, Ярослав Качиньский заявлял о своем движении как о «небольшой группе, которая боролась за суверенитет Польши и защищала польскую идентичность после 1989 года», в связи с чем «ее можно сравнить с проклятыми солдатами, потому что мы продолжали их борьбу»²⁶. Такой подход обусловил утверждаемый партией PiS культ «проклятых солдат» — бойцов антикоммунистического подполья в конце и после Второй

---

24 Przemówienie podczas uroczystych obchodów podpisania Porozumień Sierpniowych, Gdańsk, 31 VIII 2006 r. // *Kaczyński L.* Wystąpienia, listy, wywiady. Wybór / red. K. Janaszek, A. Fijewski. Warszawa, 2007. S. 88.

25 *Sadecki J.* Trzynastu: premierzy wolnej Polski. Kraków, 2009. S. 314 (интервью Я. Качиньского).

26 См.: *Michalski C.* PiS — polityka historycznego kłamstwa // *Newsweek Polska*. 22.06.2017. URL: <https://www.newsweek.pl/polska/polityka-historyczna-w-panstwie-pis-klamstwa-i-propaganda/tx9my1w> (дата обращения: 16.09.2022).

мировой войны. По инициативе Леха Качиньского был введен общегосударственный праздник День памяти проклятых солдат, который с 2011 г. празднуется все более масштабно и превратился уже в один из основных праздников Польши.

Несмотря на немногочисленность деятелей антироссийского подполья в разные годы, политики PiS пытаются сформировать на основе его традиций общенациональную идентичность. «Благодаря исторической политике, проводимой Лехом Качиньским, миф и этос “Солидарности” могут снова стать элементом идентичности многих различных сред, по сути, всей нации, а не только избранной группы “авторитетов”»²⁷. Лех Качиньский говорил: «История знает лишь несколько случаев – а возможно, кроме “Солидарности”, она не знает их вообще, – когда обществу удавалось почти полностью организовать себя против тоталитарного правления. И таким организованным движением в 1980–1981 годах была “Солидарность”»²⁸. Как пишет активно поддерживающий историческую политику PiS Адам Хмелецкий: «Это был переход от личного, элитарного видения движения “Солидарность”, доминировавшего в Третьей республике, к представлению этого феномена в контексте всего Восточного блока, каким оно было на самом деле — в качестве великого общенационального движения»²⁹.

При этом вне такого видения «общенациональности» оставались все те, кто принадлежал к другим движениям и партиям, в том числе и большая часть самой «Солидарности» как «предавшая» идеалы «независимостного лагеря» и пошедшая на сговор с посткоммунистами. В партии PiS возник даже своего рода историко-генетический критерий для отбора своих кадров. Как это сформулировал во время предвыборной кампании депутат от PiS Марек Суский: «Если семья кандидата боролась за Польшу, за независимость, дед был в Армии Крайовой, а прадед участвовал в январском восстании, то такой кандидат дает нам гарантии генетического патриотизма», — слова, которые приобрели большую известность в Польше и вызвали шквал критики со стороны политических оппонентов. Лех Качиньский

---

27 *Chmielecki A.* Polityka historyczna prezydenta Lecha Kaczyńskiego // *Przystanek Historia*. 09.04.2020. URL: <https://przystanekhistoria.pl/pa2/tematy/polityka-historyczna/38818,Polityka-historyczna-prezydenta-Lecha-Kaczynskiego.html> (дата обращения: 16.09.2022).

28 *Przemówienie podczas uroczystych obchodów podpisania Porozumień Sierpniowych*, Gdańsk, 31 VIII 2006 r. S. 88.

29 *Chmielecki A.* Polityka historyczna prezydenta Lecha Kaczyńskiego.

в президентской гонке 2005 г. сделал акцент на том, что его отец сражался в рядах Армии Крайовой. Это вначале было противопоставлено основному сопернику от посткоммунистов Владзимежу Чимошевичу, чей отец воевал в Армии Людовой, а потом и Дональду Туску, когда в самый разгар кампании были обнародованы данные о службе в Вермахте его деда (что прекрасно дополняло обвинения со стороны PiS в излишне прогерманском настрое «Гражданской платформы»). Однако на деле из такого подхода выпадает большая часть польского общества и большая часть польской политической традиции. По словам Марьюша Яницкого и Веслава Владыки, результатом является утрата «великих традиций польских политических движений той эпохи, хотя бы людового, социалистического, настоящего и местного, и даже хадецкого»³⁰. То есть можно сказать, что такая модель объединения нации на деле работает против своих целей, лишь углубляя ее прежние внутренние противоречия до положения глубоких расколов общества. Тем не менее с ее помощью удастся объединить и мобилизовать электорат, немного превышающий половину политически активных граждан Польши. А сама по себе попытка сформировать общенациональное самосознание на основе партийной идентичности весьма типична для крайне правых движений.

Отношение к посткоммунистической Польше было во многом определено отрицанием Польской Народной Республики как собственно польской государственности, как Речи Посполитой. Для PiS период ПНР стал чем-то вроде пустого времени, в которое поляки не добились никаких успехов, за исключением отдельных актов сопротивления властям³¹. «ПНР была временем, когда преемственность польской традиции была прервана — по крайней мере в ее официальном измерении. <...> Правда, существовали общественные группы, благодаря которым было возможно “возрождение” польской традиции после 1989 г.»³². Правительства PiS приложили немало усилий, чтобы «забыть польский октябрь 1956 года как “левое” событие с Гомулкой в качестве

---

30 Janicki M., *Władyka W.* Jak PiS wykorzystuje w swoich rządach politykę historyczną.

31 Habuda L. *Prawa i Sprawiedliwości Rzeczpospolita. Aksjologia, ustrój, uprawianie polityki, obywatelskie społeczeństwo.* Opole, 2010. S. 147.

32 Karnowska D. Rozliczenie z PRL-em jako przesłanka budowy wspólnoty ekskluzywnej w perspektywie komunitarystycznej (w koncepcjach Prawa i Sprawiedliwości) // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Politologica.* 2013. Nr X. S. 231–232.

его героя»³³. Большую известность также получило заявление премьер-министра Матеуша Моравецкого, сделанное им в феврале 2018 г. в Берлине, о том, что Польша не может нести ответственность за события марта 1968 г., потому что тогда она не была независимым государством. «Такой тезис, полезный, по мнению правительства, для педагогики, предполагающей отделение от ПНР, не может быть применен с точки зрения международного права, в котором Третья республика является прямым продолжением Народной Польши»³⁴. Однако поскольку такой подход вошел в польскую традицию еще в 1990-е гг. и был принят всем постсолидарностным лагерем, то его распространение на государственность после 1989 г. уже не кажется нелогичным. В отношении к наследию ПНР в PiS допускались только методы радикального отрицания, «декоммунизации» и люстрации, что политики PiS определяли как моральное обновление общества, но их оппонентами нередко описывается как политика «сведения счетов».

Третья Республика представляется при этом как очередная политическая форма, священная борьба против которой является основной задачей независимостного лагеря в наше время. Оппозиция ей как государственной и идеологической системе стала основным содержанием политической деятельности братьев Качиньских уже в 1990-е гг. и лицом партии «Право и справедливость» с начала ее существования в 2001 г. Это касалось как непризнания решений Круглого стола 1989 г., а соответственно и институционального продолжения форм Польской Народной Республики, так и, в не меньшей мере, исторической политики государства. «Почти с самого начала Третьей республики они находились в идеологическом споре с (тогда) мейнстримом мысли о Польше, нападая, по их мнению, также на аксиологическую аскетическую концепцию государства, недостаточное насыщение общественного дискурса национальными и религиозными символами, недостаточные ссылки на национальные традиции»³⁵.

Идея осуждения форм Третьей республики и событий 1989 г. напрямую отражается на отношении государства под властью PiS к дате 1989 г., которая уже не трактуется как годовщина обретения независимости. Как подчеркивает глава Института национальной

---

33 Ibid.

34 *Barszcz A., Pilawa K.* Polityka historyczna. Próba programu pozytywnego // *Pressje*. Nr 53 „Żyd-Polak”. URL: <https://klubjagiellonski.pl/2019/01/28/polityka-historyczna-proba-programu-pozytywnego/> (дата обращения: 16.09.2022).

35 *Graczyk R.* Historia, tylko jaka?

памяти Ярослав Шарек: «Институт не намерен отмечать годовщину частично свободных выборов»³⁶. Большое внимание политики PiS уделяют истории после 1980 г., «много усилий прилагается, чтобы рассказать ее по-своему, чтобы дискредитировать других и возвысить своих, чтобы устранить, казалось бы, уже утвержденную правду и заменить ее своей собственной»³⁷, в результате чего «история последних десятилетий подвергается глубочайшему переписыванию, а отсюда и проблема с моментом обретения Польшей независимости после падения коммунизма, вопрос оценки двадцати шести лет свободы»³⁸. Веслав Владыка пишет в «Политике»: «Третья Польская республика представляется как своего рода исторический ублюдок, которого смог прогнать только Ярослав Качиньский. Она видится больной от рождения, потому что начала свою жизнь со злополучного Круглого стола и предательских соглашений с коммунистами, которыми были, как выяснилось позже, годы спустя, и некоторые крипто-коммунисты из бывшего подполья»³⁹.

Лозунг создания IV Республики был представлен в ряде публицистических публикаций историком Рафалом Матыей, который понимал под ним идею построения государства, разрывающего преемственность с ПНР в сфере институтов, политической практики и символизма. Будучи кодифицирована в предвыборной программе PiS «IV Республика» 2005 г.⁴⁰, она подверглась жесткой критике со стороны оппонентов. Тем не менее, как отмечает А. Компа уже в 2017 г., «хотя теперь политики умело избегают концепцию, высмеянную в 2005–2007 гг., программа реконструкции реализуется гораздо шире, чем когда-либо. Переписываются символы, создается *Estado*

---

36 *Michalski C.* PiS — polityka historycznego kłamstwa.

37 *Janicki M., Władyka W.* Jak PiS wykorzystuje w swoich rządach politykę historyczną.

38 *Kompa A.* Polityka historyczna czasu dobrej zmiany // *Liberté*. 22.09.2017. URL: <https://liberte.pl/polityka-historyczna-czasu-dobrej-zmiany/> (дата обращения: 16.09.2022).

39 *Władyka W.* Cztery lata rządów PiS: Polityka historyczna w służbie polityki // *Polityka*. 13.09.2019. URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1924522,1,cztery-lata-rzadow-pis-polityka-historyczna-w-sluzbie-polityki.read> (дата обращения: 16.09.2022).

40 IV Rzeczpospolita. Sprawiedliwość dla Wszystkich / Prawo i Sprawiedliwość. PROGRAM 2005. Warszawa, 2005. URL: <http://www.wybory2005.pis.org.pl/program.php> (дата обращения: 16.09.2022).

Novo⁴¹»⁴². В историческом плане в этой программе можно усмотреть весьма традиционную для Польши еще с XVI в. заботу об «исправлении Речи Посполитой», предполагающую императив возвращения к ее идеальным формам времен давних предков⁴³.

Однако IV Речь Посполитая так и не объявлена даже спустя несколько лет пребывания PiS у власти после 2015 г. Борьба с III Республикой — это постоянный процесс сопротивления «колониальным элитам», удерживающим Польшу в зоне экономического и ментального влияния России. Так, даже в современных условиях, после вступления Польши в НАТО и ЕС, традиции антироссийского подполья наполняют смыслом политические практики партии «Право и справедливость».

Историческая политика правительств «Права и справедливости» 2005–2007 гг.

Придя к власти в 2005 г., партия «Право и справедливость» начала реализовывать свои программы по активной исторической политике. За два года деятельности правительств Ярослава Качиньского сеймом было принято около 60 постановлений, носящих мемориальный характер. В ноябре 2007 г. президент Лех Качиньский сказал во время встречи с сотрудниками краковского отделения Института национальной памяти: «Вы работаете над прошлым, но работаете для будущего. <...> Вы на первой линии фронта борьбы за правду и достоинство нашего народа»⁴⁴. Премьер-министр Казимеж Марцинкевич в 2005 г. в своем «экспозе» в сейме заявил о крайней важности «в современных формах вести политику, представляющую исторические заслуги Польши и наш вклад в историю Европы и мира»⁴⁵.

41 «Новое государство» (порт.) — обозначение правого политического режима и специфической социально-экономической системы в Португалии, связанной с личностью Антониу ди Салазара и обыкновенно датированной 1933–1974 гг.

42 *Kompa A.* Polityka historyczna czasu dobrej zmiany.

43 *Mikołajczyk M.* “Trzecia — niedoskonała”. Współczesne idee naprawy Rzeczypospolitej // Idee w procesie kształtowania współczesnej rzeczywistości polskiej. Nacjonalizm / red. E. Maj, M. Mikołajczyk, M. Śliwa. Kraków, 2010. S. 46.

44 См.: *Nowiński S.M.* Historycy czy architekci politycznej wyobraźni? // Gazeta Wyborcza. 19–20.03.2011.

45 Exposé Prezesa Rady Ministrów Kazimierza Marcinkiewicza, 10.11.2005 // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. 2005. URL: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata5.nsf/main/6925B14F> (дата обращения: 16.09.2022).

В программе PiS 2005 г. задачи по управлению национальной памятью были прописаны в целом ряде пунктов. Отправной была констатация «кризиса полонизма и патриотизма» как результат пережитых «нескольких лет кризиса ценностей, связанных с чувством национальной принадлежности»⁴⁶. Это было постоянным лейтмотивом выступлений политиков PiS. Например, министр культуры и национального наследия Казимеж Михал Уяздовский говорил в 2005 г., что для среды левых и либералов «с “Газетой выборчей” во главе» «патриотизм — это анахронизм, стоящий на пути европеизации и демократизации общества»⁴⁷.

В связи с этим в программе заявлялось о намерении партии «проводить активную историческую политику», которая в первую очередь должна «по-современному представить достижения Польши в борьбе с нацистским и коммунистическим тоталитаризмом»⁴⁸. В другом месте можно найти пояснение, что партии «надлежит вернуть обществу историческую память, разрушенную или деформированную 45 годами коммунизма и 16 годами посткоммунизма»⁴⁹. В пункте о декоммунизации «Очищение государства» давалось обещание «восстановить историческую память», выяснить, «кто кем был», а также «напомнить, в чем суть коммунизма и Польской Народной Республики»⁵⁰.

В разделе «Культура» содержался специальный пункт «Современная историческая политика» (с.110). В ней уже были четко разведены ее внутреннее и внешнее направления и декларировалось, что партия «будет проводить продуманную, эффективную историческую политику как внутри страны, так и за ее пределами».

К внешней исторической политике в программе партии были отнесены «все мероприятия, направленные на популяризацию особо важных фактов нашей истории за пределами Польши». При этом особое внимание было уделено трактовке событий Второй мировой войны: «Польша сыграла уникальную роль в истории борьбы XX века с преступными тоталитарными системами. Между тем в настоящее время мы имеем дело с попытками релятивизировать ответственность за развязывание

---

46 IV Rzeczpospolita. Sprawiedliwość dla Wszystkich / Prawo i Sprawiedliwość. Program 2005. S. 10.

47 *Kostro R., Ujazdowski K.M.* Odzyskać pamięć // Pamięć i odpowiedzialność / red. R. Kostro, T. Merta. Kraków; Wrocław, 2005. S. 44.

48 Ibid. S. 49.

49 Ibid. S. 18.

50 Ibid. S. 17.

Второй мировой войны и совершенные в ходе нее преступления». Это предполагало в первую очередь борьбу с отказом России признавать свою ответственность за соучастие в развязывании мировой войны, как и борьбу за признание ее ответственной за это на международном уровне. Кроме того, большое значение было придано политике в отношении польской диаспоры («полонии»), с особой заботой о возвращении ее представителям польского самосознания⁵¹.

В программе дается пояснение, что «внутренняя историческая политика предполагает постоянную заботу о качестве исторического образования в школах и средствах массовой информации, а также постоянную работу не только по увековечиванию истории нашего государства и народа, но и по сохранению ее живого присутствия в сознании граждан». Ярослав Качиньский в своем «экспозе» перед сеймом в 2006 г. заявил о целях такой политики: «Школа должна предоставить молодым полякам совокупность знаний, которые позволят им найти себя в национальном сообществе, понять польские символы, польские исторические и литературные отсылки»⁵². Примечательно понятие «историко-патриотического воспитания», которое предполагалось активно развивать⁵³. Таким образом, задачей исторического образования провозглашалось именно воспитание патриотизма, что аксиологически по логике партии должно быть тождественно «раскрытию правды».

В связи с этим давались обещания «совершенствовать качество исторического образования в школах», а также «укреплять программы и институты – как государственные, так и независимые, – документирующие и популяризирующие историю». Кроме того, декларировалось намерение создать «Музей Свободы — современное музейно-образовательное учреждение, показывающее историю Польши сквозь призму идеи свободы, которая всегда была так важна для поляков». Таким образом, открыто заявлялся чисто идеологический подход к национальному прошлому, описание которого должно быть средством утверждения выбранных партией ценностей.

Важнейшим тезисом, с которым выступали политики PiS, был призыв «отказаться от педагогики стыда», под которой они понимали

---

51 Ibid. S. 50, 111.

52 Expose Jarosława Kaczyńskiego, 21.10.2006 // Muzeum IV RP. 2006. URL: https://muzeum4rp iq.pl/wiki/index.php?title=Expose_Jaros%C5%82awa_Kaczy%C5%84skiego (дата обращения: 16.09.2022).

53 Ibid. S. 106, 109.

критичное описание истории Польши. «В PiS выдвигалось обвинение в том, что в 1990-е годы преобладали “критический патриотизм” или “критическая история”, чрезмерно – по мнению представителей исторической политики – обнажавшие вину Польши во Второй мировой войне, особенно по отношению к евреям»⁵⁴. Такой исторический нарратив признавался непригодным для задач по объединению общества и формированию патриотических настроений.

Первой инициативой в области исторической политики, которую предприняла партия «Право и справедливость», стало создание Музея Варшавского восстания. Этот проект был реализован в период пребывания Леха Качиньского на посту мэра Варшавы (2002–2004). История восстания 1944 г. привлекла внимание деятелей PiS по причине очень неоднозначного отношения к нему в польском обществе. Организаторы восстания традиционно обвинялись в поражении и связанном с ним отсутствии реалистического расчета, что привело к массовым жертвам и разрушению города. В связи с этим Музей Варшавского восстания создавался «с ясным политическим посланием: да, восстание было военным поражением, но оно стало великой моральной победой и источником национальной гордости»⁵⁵.

Именно эта трактовка во многом определила весь характер проводимой PiS исторической политики. Как пишет близкий к партии проф. Анджей Фришке (историк, бывший член Коллегии Института национальной памяти), историческая политика «была кодифицирована в Польше главным образом текстами Казимежа М. Уяздовского и Павла Ковалея, и это было связано с продвижением проекта и дискуссиями вокруг Музея Варшавского восстания»⁵⁶. В пропаганде PiS «поражения выглядят как моральные победы, согласно постромантическому нарративу»⁵⁷, и этот принцип применяется почти ко всей

---

54 *Leszczyński A.* PiS zdemolował polską historię. Kult bohaterstwa i męczeństwa przysłonił wszystko // OKO.press. 09.10.2019. URL: <https://oko.press/pis-zdemolowal-polska-historie/> (дата обращения: 16.09.2022).

55 Ibid.

56 Friszke: Samobójcza polityka historyczna PiS // Rzeczpospolita. 10.09.2017. URL: <https://www.rp.pl/Polityka/309109944-Friszke-Samobojcza-polityka-historyczna-PiS.html> (дата обращения: 16.09.2022).

57 PiS nie tworzy nowej historii. Lech M. Nijakowski w rozmowie z Łukaszem Bertramem i Izą Mrzygłód // Kultura Liberalna. 03.05.2016. URL: <https://kulturaliberalna.pl/2016/05/03/pis-nowa-historia-nijakowski-bertram-mrzyglod/> (дата обращения: 16.09.2022).

истории. По инициативе Леха Качиньского осенью 2009 г. был учрежден и новый государственный праздник — День памяти Варшавского восстания (1 августа)⁵⁸.

С целью реализации ряда партийных проектов, в том числе «Патриотизм завтрашнего дня»⁵⁹ (*Patriotyzm jutra*), по которому предполагалось в первую очередь «формировать позитивное отношение к собственной истории», в 2006 г. был создан Национальный центр культуры⁶⁰. Большое значение придавалось также т. н. наградной политике (*polityka orderowa*), в ходе проведения которой было награждено множество деятелей антикоммунистического сопротивления, и в то же время немало награжденных еще в ПНР были лишены своих наград и званий.

Еще одним побудительным моментом для постановки задачи преодоления «педагогике стыда» стало активное обсуждение в обществе польско-еврейских отношений в годы войны, и в первую очередь погромов еврейского населения с участием поляков в Едвабне (июль 1941) и Кельцах (1946). Дискуссии были вызваны публикацией в 2000 г. книги американского историка польского происхождения Яна Томаша Гросса «Соседи»⁶¹. В 2006 г. Гросс выпустил еще одну книгу, поднимающую тему послевоенного польского антисемитизма⁶². Обе книги были очень болезненно восприняты в польском обществе, так как сильно нарушали в целом господствовавшее позитивное самовосприятие и поднимали непривычные для поляков вопросы о вине перед другими народами. «Едвабне вызвало взрыв памяти и социальный шок. Дискуссия, инициированная “Соседями”, изменила наше общество. <...> Дело в том, что с тех пор простая стратегия отрицания, согласно которой поляки спасали евреев, не были коллаборационистами и не убивали меньшинства, стала невозможной. Необходимо было разработать

---

58 Ustawa Dz. U. z 2009 r. Nr 206, poz. 1588. z dnia 9 października 2009 r. o ustanowieniu Narodowego Dnia Pamięci Powstania Warszawskiego // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. 2009. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20092061588/T/D20091588L.pdf> (дата обращения: 16.09.2022).

59 *Patriotyzm jutra*. См. об этой программе на сайте Музея польской истории, URL: <https://muzhp.pl/pl/p/121/patriotyzm-jutra> (дата обращения: 16.09.2022).

60 *Narodowe Centrum Kultury*. URL: <https://www.nck.pl/> (дата обращения: 16.09.2022).

61 *Gross J. T. Sąsiedzi: Historia zagłady żydowskiego miasteczka*. Sejny: Fundacja Pogranicze, 2000. 164 s.

62 *Gross J. T. Fear: Anti-Semitism in Poland After Auschwitz*. New York, 2006.

другие стратегии рационализации, чтобы указать на давление обстоятельств, переложить вину на коллаборационистов, которые как таковые были исключены из нации»⁶³.

В 2001 г. Польша оперативно отреагировала на выход первой книги. Уже в июле того года представляющий левые (посткоммунистические) силы президент Александр Квасневский извинился за преступление в Едвабне, прочитав довольно большую речь по случаю 60-летней годовщины погрома. Однако партия PiS объявила о своем стремлении проводить политику в прямо противоположном духе. Как уже тогда сформулировал это идейно близкий к партии историк Анджей Новак: «Вы не можете создать сообщество стыда. Гордость со стыда — абсурд, который рано или поздно обнаруживается. Мы можем почувствовать гордость как сообщество у памятника героям Вестерплатте; у памятника в Едвабне мы не сможем почувствовать объединяющую гордость»⁶⁴. Как позже на съезде PiS в Сосновце в 2013 г. четко заявил председатель партии Ярослав Качиньский: «Формирование идентичности молодых поляков должно основываться не на стыде, как сегодня, а на достоинстве и гордости. Мы будем проводить последовательную историческую политику, последовательную защиту интересов Польши, правды о Польше»⁶⁵.

Политики «Права и справедливости» выдвинули на передний план истории поляков, признанных «праведниками народов мира», спасавших евреев во время Второй мировой войны, а по отношению к фактам погромов предпочли стратегию замалчивания. Впрочем, книги по польским погромам — и не только времен той войны — стали выходить все чаще. Например, в 2019 г. вышла в свет книга Гжегожа Гаудена «Львов. Гибель иллюзии. История ноябрьского погрома 1918 года»⁶⁶, в которой повествуется о еврейском погроме во Львове, осуществленном поляками уже после окончания Первой мировой войны.

Важнейшим музейным проектом стало строительство Музея истории Польши, однако замысел оказался слишком масштабным и его

---

63 PiS nie tworzy nowej historii. Lech M. Nijakowski w rozmowie z Łukaszem Bertramem i Izą Mrzygłód.

64 Nowak A. Westerplatte czy Jedwabne // Rzeczpospolita. 01.08.2001.

65 Kaczyński zapowiada aktywną politykę historyczną // Dzieje. 29.06.2013. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/kaczynski-zapowiada-aktywna-polityke-historyczna> (дата обращения: 16.09.2022).

66 Gauden G. Lwów kres iluzji: Opowieść o pogromie listopadowym 1918. Kraków, 2019.

реализация затянулась на многие годы. Акт о создании и устав музея были подписаны 2 мая 2006 г., но строительство в варшавской Цитадели здания с постоянной экспозицией до сих пор не завершено⁶⁷.

Риторически политика памяти, проводимая политиками «Права и справедливости», так или иначе сводится к требованиям признания «правды о прошлом» как необходимой базы для добрых отношений между поляками и другими народами. Лех Качиньский в своей статье, посвященной годовщине начала Второй мировой войны, сформулировал это так: «Полное примирение и взаимопонимание между европейскими народами возможно только на основе правды. Невозможно построить Европу общих ценностей, если мы все не отвергнем версию истории, когда-то написанную тоталитарными режимами, в соответствии с их целями и антиценностями»⁶⁸. Подобные заявления регулярно делаются и в отношении восточноевропейских стран. Например, Анджей Дуда так это описывал в интервью по польско-украинским отношениям: «Что касается отношений между польским и украинским народами, то здесь должно быть достигнуто взаимопонимание, но оно не может быть найдено вне исторической правды. Историческая правда должна быть раскрыта», а основой для примирения народов «является признание исторической правды, взаимопонимание как в отношении истории, так и в отношении тех чувств, которые существуют в обществе»⁶⁹. Так как правдой считаются именно принятые в Польше трактовки исторических событий, то эта политика состоит не в поиске компромиссов, а в навязывании внешним партнерам своих взглядов и обвинениях в сознательном отказе от истины. Это наложило сильный отпечаток на всю внешнюю политику Польши, особенно в отношениях с ее непосредственными соседями — как с востока, так и с запада.

«Право и справедливость» позиционирует себя как сила, которая ведет борьбу за преданную память предков, за честь поляков, защищая

---

67 См. сайт музея: <https://muzhp.pl/pl/> (дата обращения: 16.09.2022).

68 *Kaczyński L.* Pojednanie możliwe tylko dzięki prawdzie // Rzeczpospolita. 01.09.2009. URL: <https://www.rp.pl/kraj/art15439191-pojednanie-mozliwe-tylko-dzieki-prawdzie> (дата обращения: 16.09.2022).

69 Duda: “Pojednanie między narodami PL i UKR w oparciu o prawdę historyczną” // Prezydent.pl. 30.11.2016. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta-rp/wystapienia/andrzej-duda-pojednanie-miedzy-narodami-pl-i-ukr-w-oparciu-o-prawde-historyczna,3334> (дата обращения: 16.09.2022).

народ от любых обвинений⁷⁰. Такая позиция приводит к формированию особой психологической атмосферы окруженного врагами народа, чистота и невинность которого описываются почти так же, как это делали польские романтики XIX в. с их представлениями о поляках как о «Христе народов». Все это, как пишут польские критики таких взглядов, «служит для создания атмосферы опасности, усиления чувства несправедливости и позволяет представить Польшу как вынужденно полагающуюся исключительно на себя страну. Особенностью польских претензий (особенно со стороны правых) является прежде всего составление подсчетов собственных потерь, жалоб и требований с принципиальным нежеланием прислушиваться к голосам противоположных сторон. В результате историческая политика, вдохновленная PiS, начинает заменять внешнюю политику. Отсюда и требование репараций от немцев, связывание смоленской катастрофы с катынской резней, требование от Украины отречения от Бандеры⁷¹, напоминание французам, что они плохо повели себя после начала Второй мировой войны, так что пусть теперь не поучают, и т. п.»⁷².

Анджей Компа выделяет следующие черты польской исторической политики при PiS: полоноцентризм, сосредоточенность на мартирологии, мессианизм, поиски внешнего врага и представителей пятой колонны в стране, а также клерикализм в исторических трактовках. «Это вписывается в общее видение пострадавшей и преданной Польши»⁷³. Такой характер исторической политики обусловлен особенностями идеологии этой партии и ее определением своего места в польской истории.

* * *

В целом в результате недолгой работы ранних правительств «Права и справедливости» в 2005–2007 гг. историческую политику

70 PiS nie tworzy nowej historii. Lech M. Nijakowski w rozmowie z Łukaszem Bertramem i Izą Mrzygłód.

71 См. по этой теме: *Неменский О. Б.* «Волынская резня» и польско-украинские противоречия в исторической политике // Вопросы национализма. 2016. № 2 (26). С. 11–24; а также по более позднему периоду: *Неменский О. Б.* Память о Второй мировой войне и конфликты по исторической политике между Украиной и Польшей (2015–2019 гг.) // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 118–143.

72 *Janicki M., Władyka W.* Jak PiS wykorzystuje w swoich rządach politykę historyczną.

73 *Kompa A.* Polityka historyczna czasu dobrej zmiany.

удалось сделать фактом государственной жизни, провести ее институционализацию и дать ей направление дальнейшего развития. Она стала «полноценным элементом польской внутренней политики, наряду с экономической и социальной политикой, и важной составляющей внешней политики»⁷⁴. И, что примечательно, большинство поляков позитивно к ней отнеслись. В опросе, проведенном социологическим агентством «Pentag» для журнала «Wprost» в 2007 г., почти 65 % поляков заявило о поддержке исторической политики PiS⁷⁵.

Предложенная к середине 2000-х гг. новая историческая политика по сути являлась средством воссоздания единого национального самосознания обществ, прошедших многолетний травмирующий опыт и сохранявших довольно сильный внутренний раскол. Постановка властями задач по «строительству наций» в этих условиях представляется закономерным этапом трансформаций. Проведение исторической политики можно рассматривать как естественное явление для любого национального государства, особенно на этапе его формирования⁷⁶.

Неудивительно, что в течение буквально нескольких лет после формулирования определений и задач исторической политики в Польше свою инфраструктуру ее проведения стали создавать почти все страны региона Центральной и Восточной Европы. Польша смогла задать международную моду, которая постепенно превращается в нормальную отрасль политики современных государств. Это был не только ответ на польский вызов, но и сознательное воспроизведение политических инструментов, потребность в которых оказалась общей для всего региона.

Как и в Польше, в других странах именно правоконсервативные партии являются лидерами в формулировании содержания и проведении политики памяти. Ее расцвет в Центральной Европе сам по себе обусловлен также общим консервативным трендом в регионе, во многом являющимся реакцией как на предыдущую эпоху господства социалистов, так и на новые вызовы леволиберальных идей и ценностей, идущих с Запада.

---

74 *Sanecka J.* Polityka historyczna partii Prawo i Sprawiedliwość: założenia i realizacja // Athenaeum. 2008. Vol. 19. S. 65.

75 *Nowicka K.* Lista przebojów IV RP // Wprost. 2007. Nr 36. S. 31.

76 См.: *Неменский О. Б.* Сообщества памяти: Историческая политика как основа национальных форм государственности // Вопросы национализма. 2015. № 2 (22). С. 129–142.

Первоначальное формулирование новой исторической политики было своего рода реакцией на либеральный подход, бывший основным трендом в этой сфере в 1990-е гг. Как это описывал Дариуш Гавин: «Для идеологов трансформации прошлое было балластом, который нужно было отбросить, или же ненужным элементом публичных дебатов, которые следовало оставить профессиональным историкам»⁷⁷. Широко распространено было мнение, согласно которому «историческая политика демократического правового государства может быть только отсутствием политики»⁷⁸. В проведении такой политики консерваторы увидели угрозу для сохранения национального единства и консервативных ценностей.

Однако активное развитие исторической политики в регионе оказалось реакцией не только на либерализм посткоммунистических правительств, но и на новые вызовы современного западного неолиберализма. В отличие от старых лозунгов государственной нейтральности в управлении национальной памятью, неолиберализм, наоборот, очень насыщен историческими идеологиями и сознательной работой с историческим самосознанием граждан. В первую очередь это касается переосмысления расовых вопросов, колониальных практик и положения ущемленных меньшинств. Он культивирует чувство вины больших наций и во многом является воплощением «критического подхода к истории», который также активно критиковали идеологи PiS. Этот подход ни в коей мере не нейтрален к исторической политике, но он очень далек от настроений политических элит «новой Европы». Тем не менее неолиберальный идеологический вызов стал важным фактором общественно-политической жизни в регионе, и консервативная историческая политика нашла в нем новый системный вызов.

Особенностью Польши является также то, что в ней после 1989 г. так и не сложилось своего сильного либерального течения. На этом фоне польская историческая политика, опираясь на правоконсервативную программу, ведет к утверждению ценностного разрыва между современной Польшей и «старой» Европой с ее леволиберальными ценностями. И, несмотря на господство в стране консервативных настроений, сам по себе опыт новых конфликтов с Европой, причем в самой чувствительной — ценностной — сфере, не может не порождать новые противоречия в польском обществе.

⁷⁷ Gawin D. Wspólnota przeszłości.

⁷⁸ Merta T. Pamięć i nadzieja. S. 77–78.

Этим процессам способствует и то, что историческая политика, которую сформировала и стала проводить PiS, является не просто (право)консервативной. Эта партия представляет собой очень своеобразную традицию и является лишь одним из сегментов польского консерватизма. Ее основным соперник слева — либерально-консервативная «Гражданская платформа», ее соперник справа — целый набор движений «народовцев» и национал-радикалов, которые также являются частью польского консерватизма. Не лишены консервативных идей и посткоммунисты, что неудивительно — даже ПНР на фоне современных западных ценностей выглядит крайне консервативным обществом с традиционными ценностями. У всех этих движений есть много претензий к исторической политике авторства PiS. Ее трудно назвать общенациональной, это ярко выраженная партийная политика. И потому она не может быть объединяющей для всего общества.

В результате историческая политика стала для партии PiS важнейшим средством внутривнутриполитической борьбы. Как пишет проф. Католического Люблинского университета Конрад Словинский, «история становилась элементом агрессивного политического стиля, направленного как на клеймение политических противников из посткоммунистического лагеря, так и на тех, кто критиковал действия властей»⁷⁹.

Дополнительным фактором является отрицание ею целой эпохи польской истории, во время которой современная польская нация фактически сформировалась (ПНР). Люстрация и декоммунизация стали «инструментами унижения социальных групп, воспринимаемых властью имущими как угроза развитию их социальной, политической и культурной стратегии»⁸⁰. При этом такое отношение к большому периоду недавнего прошлого вошло в прямое противоречие с политикой по созданию позитивного восприятия своей истории. Для политиков PiS «ни один “истинный поляк” не должен гордиться достижениями ПНР, потому что это было время угнетения и безысходности, когда общество ничего не добилось, фактически такое время в истории Польши, которое могло бы быть стерто со страниц истории. Если же об этом и нужно говорить, то только в перспективе сведения счетов

---

⁷⁹ *Словински К.* Историческая политика партии «Право и справедливость» // Современная Европа. 2020. № 1. С. 109.

⁸⁰ *Koczanowicz L.* Polityka czasu. Dynamika tożsamości w postkomunistycznej Polsce. Wrocław, 2009. S. 146.

с прошлым»⁸¹. Понятно, что для значительной части польского общества такой взгляд на недавнее прошлое представляется неприемлемым.

Таким образом, оказалось, что далеко не все предложения наследников «независимостного» лагеря могут иметь общенациональный характер и способствовать внутреннему единству. Эта проблема польской исторической политики стала ее «родимым пятном», постоянным свойством, которое ярко проявляется и в наши дни.

Источники и литература

Неменский О. Б. «Волынская резня» и польско-украинские противоречия в исторической политике // Вопросы национализма. 2016. № 2 (26). С. 11–24.

Неменский О. Б. Память о Второй мировой войне и конфликты по исторической политике между Украиной и Польшей (2015–2019 гг.) // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 118–143.

Неменский О. Б. Сообщества памяти: Историческая политика как основа национальных форм государственности // Вопросы национализма. 2015. № 2 (22). С. 129–142.

Петровская О. В. Модели исторической политики Третьей Речи Посполитой (1991–2013) // Историки-слависты МГУ. Кн. 10. Славянский мир профессора Матвеева. М.: МГУ, 2013. С. 403–428.

Словински К. Историческая политика партии «Право и справедливость» // Современная Европа. 2020. № 1. С. 102–112.

Barszcz A., Piława K. Polityka historyczna. Próba programu pozytywnego // Pressje. Nr 53. “Żyd-Polak”. URL: <https://klubjagiellonski.pl/2019/01/28/polityka-historyczna-proba-programu-pozytywnego/> (дата обращения: 16.09.2022).

Chmielecki A. Polityka historyczna prezydenta Lecha Kaczyńskiego // Przystanek Historia. 09.04.2020. URL: <https://przystanekhistoria.pl/pa2/tematy/polityka-historyczna/38818,Polityka-historyczna-prezydenta-Lecha-Kaczynskiego.html> (дата обращения: 16.09.2022).

Cichocki M. Czas silnych tożsamości // Polityka historyczna. Historycy — politycy — prasa / ed. A. Panecka. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005. S. 15–21.

---

⁸¹ *Karnowska D.* Rozliczenie z PRL-em jako przesłanka budowy wspólnoty ekskluzywnej w perspektywie komunitarystycznej (w koncepcjach Prawa i Sprawiedliwości) // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Politologica. 2013. Nr X. S. 236.

Cichocki M. Władza i pamięć. O politycznej funkcji historii. Kraków, 2005. 274 s.

Duda: “Pojednanie między narodami PL i UKR w oparciu o prawdę historyczną” // Prezydent.pl. 30.11.2016. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta-rp/wystapienia/andrzej-duda-pojednanie-miedzy-narodami-pl-i-ukr-w-oparciu-o-prawde-historyczna,3334> (дата обращения: 16.09.2022).

Dudek A. Historia i polityka w Polsce po 1989 roku // Historycy i politycy. Polityka pamięci w III RP / ed. P. Skibiński, T. Wiścicki, M. Wysocki. Warszawa: Muzeum Historii Polski, 2011. S. 33–57.

Dudek A. Bitwa o pamięć // Rzeczpospolita. 16.12.2006. S. A12–A13.

Exposé Jarosława Kaczyńskiego, 21.10.2006 // Muzeum IV RP. 2006. URL: https://muzeum4rp.iq.pl/wiki/index.php?title=Expose_Jaros%C5%82awa_Kaczy%C5%84skiego (дата обращения: 16.09.2022).

Exposé Prezesa Rady Ministrów Kazimierza Marcinkiewicza, 10.11.2005 // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. 2005. URL: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata5.nsf/main/6925B14F> (дата обращения: 16.09.2022).

Friszke: Samobójcza polityka historyczna PiS // Rzeczpospolita. 10.09.2017. URL: <https://www.rp.pl/Polityka/309109944-Friszke-Samobojcza-polityka-historyczna-PiS.html> (дата обращения: 16.09.2022).

Gauden G. Lwów kres iluzji: Opowieść o pogromie listopadowym 1918. Kraków: Universitas, 2019. 616 s.

Gawin D. O korzyściach i szkodliwości historycznego rewizjonizmu // Pamięć i odpowiedzialność / red. R. Kostro, T. Merta. Kraków; Wrocław: Ośrodek Myśli Politycznej, Centrum Konserwatywne, 2005. S. 1–29.

Gawin D. Wspólnota przeszłości // Rzeczpospolita, 07.10.2006. Nr 235. S. A12–A14.

Gawin D., Kowal P. Polska polityka historyczna // Polityka historyczna. Historycy — politycy — prasa / ed. A. Panecka. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005. S. 11–13.

Graczyk R. Historia, tylko jaka? // Tygodnik Powszechny. 07.11.2006. URL: <https://www.tygodnikpowszechny.pl/historia-tylko-jaka-130241> (дата обращения: 16.09.2022).

Gross J. T. Fear: Anti-Semitism in Poland After Auschwitz. New York: Random House, 2006. XV+303 p.

Gross J. T. Sąsiedzi: Historia zagłady żydowskiego miasteczka. Sejny: Fundacja Pogranicze, 2000. 240 s.

Habuda L. Prawa i Sprawiedliwości Rzeczpospolita. Aksjologia, ustrój, uprawianie polityki, obywatelskie społeczeństwo. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2010. 225 s.

IV Rzeczpospolita. Sprawiedliwość dla Wszystkich / Prawo i Sprawiedliwość. Program 2005. Warszawa, 2005. URL: <http://www.wybory2005.pis.org.pl/program.php> (дата обращения: 16.09.2022).

Janicki M., Władyka W. Jak PiS wykorzystuje w swoich rządach politykę historyczną // *Polityka*. 2017. Nr 47 (3137). URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1728102,1,jak-pis-wykorzystuje-w-swoich-rzadach-polityke-historyczna.read> (дата обращения: 16.09.2022).

Kaczyński L. Pojednanie możliwe tylko dzięki prawdzie // *Rzeczpospolita*, 01.09.2009. URL: <https://www.rp.pl/kraj/art15439191-pojednanie-mozliwe-tylko-dziki-prawdzie> (дата обращения: 16.09.2022).

Kaczyński zapowiada aktywną politykę historyczną // *Dzieje*. 29.06.2013. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/kaczynski-zapowiada-aktywna-polityke-historyczna> (дата обращения: 16.09.2022).

Karnowska D. Rozliczenie z PRL-em jako przesłanka budowy wspólnoty ekskluzywnej w perspektywie komunitarystycznej (w koncepcjach Prawa i Sprawiedliwości) // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Politologica*. 2013. Nr X. S. 226–237.

Kiliński J. “Polityka historyczna”. Jej konteksty i mechanizmy // *Myśl Socjaldemokratyczna*. 2006. Nr 1/2. S. 30–41.

Koczanowicz L. *Polityka czasu. Dynamika tożsamości w postkomunistycznej Polsce*. Wrocław: Wydawnictwo Naukowe Dolnośląskiej Szkoły Wyższej, 2009. 173 s.

Kompa A. *Polityka historyczna czasu dobrej zmiany // Liberté*. 22.09.2017. URL: <https://liberte.pl/polityka-historyczna-czasu-dobrej-zmiany/> (дата обращения: 16.09.2022).

Kostro R., Ujazdowski K. M. *Odzyskać pamięć // Pamięć i odpowiedzialność / red. R. Kostro, T. Merta*. Kraków; Wrocław: Ośrodek Myśli Politycznej, Centrum Konserwatywne, 2005. S. 55–70.

Kowal P. Nie żegnajmy się z Giedroyciem // *Rzeczpospolita*. 3.10.2009. S. A4.

Kraśko N. *Sojusz Lewicy Demokratycznej — legitymizacja przeszłości // O czasie, politykach i czasie polityków / pod red. E. Tarkowska*. Warszawa: Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 1996. S.115–129.

Król M. Nie zużywajmy historii do politycznych celów // *Dziennik*. 19.06.2006.

Kula M. Lepiej nie nadużywać historii // *Przegląd Polityczny*. 2006. Nr 76. S. 39–48.

Leszczyński A. PiS zdemolował polską historię. Kult bohaterstwa i męczeństwa przysłonił wszystko // *OKO.press*. 09.10.2019. URL: <https://oko.press/pis-zdemolowal-polska-historie/> (дата обращения: 16.09.2022).

Merta T. *Pamięć i nadzieja // Pamięć i odpowiedzialność / red. R. Kostro, T. Merta*. Kraków; Wrocław: Ośrodek Myśli Politycznej, Centrum Konserwatywne, 2005. S. 87–113.

Merta T. Polityka historyczna to obowiązek państwa // *Dziennik*. 29.06.2006.

Michalski C. PiS — polityka historycznego kłamstwa // *Newsweek Polska*. 22.06.2017. URL: <https://www.newsweek.pl/polska/polityka-historyczna-w-panstwie-pis-klamstwa-i-propaganda/tx9mylw> (дата обращения: 16.09.2022).

Mikołajczyk M. “Trzecia — niedoskonała”. Współczesne idee naprawy Rzeczypospolitej // *Idee w procesie kształtowania współczesnej rzeczywistości polskiej. Nacjonalizm* / red. E. Maj, M. Mikołajczyk, M. Śliwa. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2010. S. 45–58.

Nowak A. Westerplatte czy Jedwabne // *Rzeczpospolita*. 01.08.2001. URL: <https://archiwum.rp.pl/artukul/347318-Westerplatte-czyJedwabne.html> (дата обращения: 16.09.2022).

Nowicka K. Lista przebojów IV RP // *Wprost*. 2007. Nr 36. URL: <https://www.wprost.pl/tygodnik/113136/Lista-przebojow-IV-RP.html> (дата обращения: 16.09.2022).

Nowiński S.M. Historycy czy architekci politycznej wyobraźni? // *Gazeta Wyborcza*. 19–20.03.2011. S. 17.

Olszewski E. Pamięć społeczna i polityka historyczna w programach polskich partii politycznych // *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*. 2013. Nr 2. S. 67–98.

PiS nie tworzy nowej historii. Lech M. Nijakowski w rozmowie z Łukaszem Bertramem i Izą Mrzygłód // *Kultura Liberalna*. 03.05.2016. URL: <https://kulturaliberalna.pl/2016/05/03/pis-nowa-historia-nijakowski-bertram-mrzyglod/> (дата обращения: 16.09.2022).

Polityka historyczna — za i przeciw. Dyskusja z udziałem P. Dukielskiego, M. Cichockiego, M. Kuli, A. Wenera, K. Mazura // *Mówią Wieki. Magazyn Historyczny*. 2006. Nr 8 (560). S. 10–17.

Polska polityka historyczna // *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*. 2006. Nr 5. S. 2–33.

Przemówienie podczas uroczystych obchodów podpisania Porozumień Sierpniowych, Gdańsk, 31 VIII 2006 r. // *Kaczyński L.* Wystąpienia, listy, wywiady. Wybór / red. K. Janaszek, A. Fijewski. Warszawa: Kancelaria Prezydenta RP, 2007. S. 88–89.

Sadecki J. Trzynastu: premierzy wolnej Polski. Kraków: TAiWPN Universitas, 2009. 334 s.

Sanecka J. Polityka historyczna partii Prawo i Sprawiedliwość: założenia i realizacja // *Athenaeum*. 2008. Vol. 19. S. 54–66.

Siemiątkowski Z. Jakiego patriotyzmu nie potrzebujemy? Jakiej polityki historycznej nie akceptujemy? // *Myśl Socjaldemokratyczna*. 2006. Nr 1/2. S. 42–49.

Skrzypulec B. W Polsce polityka historyczna nie może się udać // *Klub Jagielloński*. 08.12.2018. URL: <https://klubjagiellonski.pl/2018/12/08/w-polsce-polityka-historyczna-nie-moze-sie-udac/> (дата обращения: 16.09.2022).

Tokarz T. koncepcja “polityki historycznej” w myśli konserwatystów polskich // *Kultura i Historia*. 27.02.2011. URL: <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/pl/archives/2468> (дата обращения: 16.09.2022).

Ustawa Dz. U. z 2009 r. Nr 206, poz. 1588, z dnia 9 października 2009 r. o ustanowieniu Narodowego Dnia Pamięci Powstania Warszawskiego // *Sejm Rzeczypospolitej Polskiej*. 2009. URL: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20092061588/T/D20091588L.pdf> (дата обращения: 16.09.2022).

Walicki A. Sprawiedliwość na pasku polityki // *Przegląd Polityczny*. 1999. Nr 40/41. S. 12–33.

Werner A. Pamięć i władza: komu służy polityka historyczna // *Przegląd Polityczny*. 2006. Nr 76. S. 52–55.

Wiatr S. Historia, która ma dzielić // *Myśl Socjaldemokratyczna*. 2006. Nr 1/2. S. 58–67.

Władyka W. Cztery lata rządów PiS: Polityka historyczna w służbie polityki // *Polityka*. 13.09.2019. URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1924522,1,cztery-lata-rzadow-pis-polityka-historyczna-w-sluzbie-polityki.read> (дата обращения: 16.09.2022).

Wolff-Powęska A. Państwo precz od historii // *Gazeta Wyborcza*. 3–4.05.2006. Nr 129. S. 18.

Wójcik A. Polityka historyczna jako forma budowy wizerunku Polski na arenie międzynarodowej // *Świat Idei i Polityki*. 2016. T. 15 (26). S. 18–19.

References

Barszcz, A., Piława, K. “Polityka historyczna. Próba programu pozytywnego.” *Pressje*, no. 53, “Żyd-Polak”. URL: <https://klubjagiellonski.pl/2019/01/28/polityka-historyczna-proba-programu-pozytywnego/> (accessed: 16.11.2022).

Chmielecki, A. “Polityka historyczna prezydenta Lecha Kaczyńskiego.” *Przystanek Historia*, 09.04.2020. URL: <https://przystanekhistoria.pl/pa2/tematy/polityka-historyczna/38818,Polityka-historyczna-prezydenta-Lecha-Kaczynskiego.html> (accessed: 16.11.2022).

Cichoński, M. “Czas silnych tożsamości.” *Polityka historyczna. Historycy — politycy — prasa*, ed. by A. Panecka. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005, pp. 15–21.

Cichoński, M. *Władza i pamięć. O politycznej funkcji historii*. Kraków, 2005, 274 p.

Duda: “Pojednanie między narodami PL i UKR w oparciu o prawdę historyczną.” *Prezydent.pl*, 30.11.2016. URL: <https://www.prezydent.pl/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta-rp/wystapienia/andrzej-duda-pojednanie-miedzy-narodami-pl-i-ukr-w-oparciu-o-prawde-historyczna,3334> (accessed: 16.11.2022).

Dudek, A. "Historia i polityka w Polsce po 1989 roku." *Historycy i politycy. Polityka pamięci w III RP*, ed. by P. Skibiński, T. Wiścicki, M. Wysocki. Warszawa: Muzeum Historii Polski, 2011, pp. 33–57.

Dudek, A. "Bitwa o pamięć." *Rzeczpospolita*, 16.12.2006, pp. A12–A13.

"Exposé Jarosława Kaczyńskiego." *Muzeum IV RP*, 2006. URL: https://muzeum4rp.iq.pl/wiki/index.php?title=Expose_Jaros%C5%82awa_Kaczy%C5%84skiego (accessed: 16.11.2022).

"Exposé Prezesa Rady Ministrów Kazimierza Marcinkiewicza, 10.11.2005." *Sejm Rzeczypospolitej Polskiej*, 2005. URL: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata5.nsf/main/6925B14F> (accessed: 16.11.2022).

"Friszke: Samobójcza polityka historyczna PiS." *Rzeczpospolita*, 10.09.2017. URL: <https://www.rp.pl/Polityka/309109944-Friszke-Samobojcza-polityka-historyczna-PiS.html> (accessed: 16.11.2022).

Gauden, G. *Lwów kres iluzji: Opowieść o pogromie listopadowym 1918*. Kraków, 2019, 616 p.

Gawin, D. "O pożytkach i szkodliwości historycznego rewizjonizmu." *Pamięć i odpowiedzialność*, ed. by R. Kostro, T. Merta. Kraków; Wrocław: Ośrodek Myśli Politycznej, Centrum Konserwatywne, 2005, pp. 1–29.

Gawin, D. "Wspólnota przeszłości." *Rzeczpospolita*, 07.10.2006, no. 235, pp. A12–A14.

Gawin, D., Kowal, P. "Polska polityka historyczna." *Polityka historyczna. Historycy — politycy — prasa*, ed. by A. Panecka. Warszawa: Muzeum Powstania Warszawskiego, 2005, pp. 11–13.

Graczyk, R. "Historia, tylko jaka?" *Tygodnik Powszechny*, 07.11.2006. URL: <https://www.tygodnikpowszechny.pl/historia-tylko-jaka-130241> (accessed: 16.11.2022).

Gross, J. T. *Fear: Anti-Semitism in Poland After Auschwitz*. New York: Random House, 2006, XV+303 p.

Gross, J. T. *Sąsiedzi: Historia zagłady żydowskiego miasteczka*. Sejny: Fundacja Pogranicze, 2000, 240 p.

Habuda, L. *Prawa i Sprawiedliwości Rzeczpospolita. Aksjologia, ustroj, uprawianie polityki, obywatelskie społeczeństwo*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2010, 225 p.

"IV Rzeczpospolita. Sprawiedliwość dla Wszystkich." *Prawo i Sprawiedliwość. Program 2005*. Warszawa, 2005. URL: <http://www.wybory2005.pis.org.pl/program.php> (accessed: 16.11.2022).

Janicki, M., Władysław, W. "Jak PiS wykorzystuje w swoich rządach politykę historyczną." *Polityka*, 2017, nr. 47 (3137). URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1728102,1,jak-pis-wykorzystuje-w-swoich-rzadach-polityke-historyczna.read> (accessed: 16.11.2022).

Kaczyński, L. “Pojednanie możliwe tylko dzięki prawdzie.” *Rzeczpospolita*, 01.09.2009. URL: <https://www.rp.pl/kraj/art15439191-pojednanie-mozliwe-tylko-dzieki-prawdzie> (дата обращения: 16.11.2022).

“Kaczyński zapowiada aktywną politykę historyczną.” *Dzieje*, 29.06.2013. URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/kaczynski-zapowiada-aktywna-polityke-histeryczna> (accessed: 16.11.2022).

Karnowska, D. “Rozliczenie z PRL-em jako przesłanka budowy wspólnoty ekskluzywnej w perspektywie komunitarystycznej (w koncepcjach Prawa i Sprawiedliwości).” *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Politologica*, 2013, no. X, pp. 226–237.

Kilias, J. “Polityka historyczna. Jej konteksty i mechanizmy.” *Myśl Socjaldemokratyczna*, 2006, no. 1/2, pp. 30–41.

Koczanowicz, L. *Polityka czasu. Dynamika tożsamości w postkomunistycznej Polsce*. Wrocław: Wydawnictwo Naukowe Dolnośląskiej Szkoły Wyższej, 2009, 173 p.

Kompa, A. “Polityka historyczna czasu dobrej zmiany.” *Liberté*, 22.09.2017. URL: <https://liberte.pl/polityka-historyczna-czasu-dobrej-zmiany/> (accessed: 16.11.2022).

Kostro, R., Ujazdowski, K. M. “Odzyskać pamięć.” *Pamięć i odpowiedzialność*, ed. by R. Kostro, T. Merta. Kraków–Wrocław: Ośrodek Myśli Politycznej, Centrum Konserwatywne, 2005, pp. 55–70.

Kowal, P. “Nie żegnajmy się z Giedroyciem.” *Rzeczpospolita*, 3.10.2009, p. A4.

Kraśko, N. “Sojusz Lewicy Demokratycznej — legitymizacja przeszłości.” *O czasie, politykach i czasie polityków*, ed. by E. Tarkowska. Warszawa: Instytut Filozofii i Socjologii PAN, 1996, pp. 115–129.

Król, M. “Nie zużywajmy historii do politycznych celów.” *Dziennik*, 19.06.2006.

Kula, M. “Lepiej nie nadużywać historii.” *Przegląd Polityczny*, 2006, no. 76, pp. 39–48.

Leszczyński, A. “PiS zdemolował polską historię. Kult bohaterstwa i męczeństwa przysłonił wszystko.” *OKO.press*, 09.10.2019. URL: <https://oko.press/pis-zdemolowal-polska-historie/> (accessed: 16.11.2022).

Merta, T. “Pamięć i nadzieja.” *Pamięć i odpowiedzialność*, ed. by R. Kostro, T. Merta. Kraków–Wrocław: Ośrodek Myśli Politycznej, Centrum Konserwatywne, 2005, pp. 87–113.

Merta, T. “Polityka historyczna to obowiązek państwa.” *Dziennik*, 29.06.2006.

Michalski, C. “PiS — polityka historycznego kłamstwa.” *Newsweek Polska*, 22.06.2017. URL: <https://www.newsweek.pl/polska/polityka-historyczna-w-panstwie-pis-klamstwa-i-propaganda/tx9my1w> (accessed: 16.11.2022).

Mikołajczyk, M. “Trzecia — niedoskonała”. *Współczesne idee naprawy Rzeczypospolitej.* *Idee w procesie kształtowania współczesnej rzeczywistości polskiej. Nacjonalizm*, ed. by E. Maj, M. Mikołajczyk, M. Śliwa. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego, 2010, pp. 45–58.

Nemenskii, O. B. "Soobshchestva pamiati: Istoricheskaiia politika kak osnova natsional'nykh form gosudarstvennosti." *Voprosy natsionalizma*, 2015, no. 2 (22), pp. 129–142.

Nemenskii, O. B. "Pamiat' o Vtoroi mirovoi voine i konflikty po istoricheskoi politike mezhdou Ukrainoi i Pol'shei (2015–2019 gg.)." *Problemy natsional'noi strategii*, 2019, no. 6 (57), pp. 118–143.

Nemenskii, O. B. "«Volynskaia reznia» i pol'sko-ukrainskie protivorechii v istoricheskoi politike." *Voprosy natsionalizma*, 2016, no. 2 (26), pp. 11–24.

Nowak, A. "Westerplatte czy Jedwabne." *Rzeczpospolita*, 01.08.2001. URL: <https://archiwum.rp.pl/artykul/347318-Westerplatte-czyJedwabne.html> (accessed: 16.11.2022).

Nowicka, K. "Lista przebojów IV RP." *Wprost*, 2007, no. 36. URL: <https://www.wprost.pl/tygodnik/113136/Lista-przebojow-IV-RP.html>

Nowiński, S. M. "Historycy czy architekci politycznej wyobraźni?" *Gazeta Wyborcza*. 19–20.03.2011, p.17.

Olszewski, E. "Pamięć społeczna i polityka historyczna w programach polskich partii politycznych." *Środkowoeuropejskie Studia Polityczne*, 2013, no. 2, pp. 67–98.

Petrovskaia, O. V. Modeli istoricheskoi politiki Tre'tei Rechi Pospolitoi (1991–2013) // *Istoriki-slavisty MGU*. Kniga 10. Slavianskii mir professora Matveeva. Moscow: MGU, 2013, pp. 403–428.

"PiS nie tworzy nowej historii. Lech M. Nijakowski w rozmowie z Łukaszem Bertramem i Izą Mrzygłód." *Kultura Liberalna*, 03.05.2016. URL: <https://kulturaliberalna.pl/2016/05/03/pis-nowa-historia-nijakowski-bertram-mrzyglod/> (accessed: 16.11.2022).

"Polityka historyczna — za i przeciw. Dyskusja z udziałem P. Dukielskiego, M. Cichońskiego, M. Kuli, A. Wernera, K. Mazura." *Mówią Wieki. Magazyn Historyczny*, 2006, no. 8 (560), pp. 10–17.

"Polska polityka historyczna." *Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej*, 2006, no. 5, pp. 2–33.

"Przemówienie podczas uroczystych obchodów podpisania Porozumień Sierpniowych, Gdańsk, 31 VIII 2006 r." *Kaczyński L. Wystąpienia, listy, wywiady. Wybór*. Red. K. Janaszek, A. Fijewski. Warszawa: Kancelaria Prezydenta RP, 2007, pp. 88–89.

Sadecki, J. *Trzynastu: premierzy wolnej Polski*. Kraków: TAIWPN Universitas, 2009, 334 p.

Sanecka, J. "Polityka historyczna partii Prawo i Sprawiedliwość: założenia i realizacja." *Athenaeum*, 2008, vol. 19, pp. 54–66.

Siemiątkowski, Z. "Jakiego patriotyzmu nie potrzebujemy? Jakiej polityki historycznej nie akceptujemy?" *Mysł Socjaldemokratyczna*, 2006, no. 1/2, pp. 42–49.

Skrzypulec, B. W "Polsce polityka historyczna nie może się udać." *Klub Jagielloński*. 08.12.2018. URL: <https://klubjagiellonski.pl/2018/12/08/w-polsce-polityka-historyczna-nie-moze-sie-udac/> (accessed: 16.11.2022).

Slowinski, K. "Istoricheskaia politika partii «Pravo i spravedlivost'»." *Sovremennaiia Evropa*, 2020, nr 1, pp. 102–112.

Tokarz, T. "Koncepcja «polityki historycznej» w myśli konserwatystów polskich." *Kultura i Historia*, 27.02.2011. URL: <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/pl/archives/2468> (accessed: 16.11.2022).

"Ustawa Dz. U. z 2009 r. Nr 206, poz. 1588. z dnia 9 października 2009 r. o ustanowieniu Narodowego Dnia Pamięci Powstania Warszawskiego." *Sejm Rzeczypospolitej Polskiej*. 2009, URL: <http://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20092061588/T/D20091588L.pdf> (accessed: 16.11.2022).

Walicki, A. "Sprawiedliwość na pasku polityki." *Przegląd Polityczny*, 1999, no. 40/41, pp. 12–33.

Werner, A. "Pamięć i władza: komu służy polityka historyczna." *Przegląd Polityczny*, 2006, no. 76, pp. 52–55.

Wiatr, S. "Historia, która ma dzielić." *Myśl Socjaldemokratyczna*, 2006, no. 1/2, pp. 58–67.

Władyka, W. "Cztery lata rządów PiS: Polityka historyczna w służbie polityki." *Polityka*, 13.09.2019. URL: <https://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/1924522,1,cztery-lata-rzadow-pis-polityka-historyczna-w-sluzbie-polityki.read> (accessed: 16.11.2022).

Wójcik, A. "Polityka historyczna jako forma budowy wizerunku Polski na arenie międzynarodowej." *Świat Idei i Polityki*, 2016, t. 15 (26), pp. 18–19.

Wolff-Powęska, A. "Państwo precz od historii." *Gazeta Wyborcza*. 3–4.05.2006, no. 129, p. 18.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.08

O. B. Nemensky

The formation of Poland's Modern Historical Policy (2000s)

Oleg B. Nemensky

Research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: nemenski@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0645-5423

Citation

Nemensky O. B. The formation of Poland's Modern Historical Policy (2000s) // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 159–192 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.1.08

Received: 01.02.2023.

Abstract

The article is devoted to the early stage of the formation of the concept of historical politics as a special sphere of public administration in Poland (2004–2007). The prerequisites for its appearance, its background, the logic of its main ideologists are considered. The author analyzes the typology of this phenomenon presented in the Polish academic literature. It is pointed out that its main features are derived from the ideological originality and politic identity of the “Law and Justice” party. It was the notion of their political predecessors and their place in Polish history, which was strengthened in this movement, that determined the main accents of the historical policy of the Polish governments in 2005–2007. Attention in the article is also paid to the criticism of this policy by the main opponents. The Polish historical politics is also analyzed at the regional level as a natural reaction of the countries of Central and Eastern Europe both to the previous system and to the new neoliberal values coming from the West. The spread of a certain political fashion for the politics of memory is seen as part of the conservative trend in the politics of the countries within the region. At the same time, the author points out a number of specific partizan features of the historical policy of “Law and Justice”, which impede the implementation of its main goal — the consolidation of the nation — and turn it into a means of internal political struggle.

Keywords

Historical politics, politics of memory, “Law and Justice” party, conservatism, nationalism, historical identity, foreign policy of Poland, domestic policy of Poland, Lech Kaczyński, Jarosław Kaczyński.

УДК 811.161.2; 81'373.45
DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.01

Г. П. Пилипенко

**Адаптация заимствованных глаголов из испанского языка
в речи потомков украинских переселенцев
в Южной Америке**

Пилипенко Глеб Петрович
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: glebpilipenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5422-0039

Цитирование

Пилипенко Г. П. Адаптация заимствованных глаголов из испанского языка в речи потомков украинских переселенцев в Южной Америке // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 193–230. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.01

Статья поступила в редакцию 19.08.2022.

Аннотация

В статье обсуждаются модели и стратегии адаптации глаголов, заимствованных из испанского языка в переселенческие диалекты украинского языка в странах Южной Америки. Выделяются модели, при которых испанский глагол заимствуется с испанским инфинитивным показателем и без него. Исследуются причины выбора одной из моделей в речи потомков украинских переселенцев. Устанавливается, что правомерно говорить о совокупности критериев, влияющих на этот процесс (частотность лексем, их семантика, количество слогов и т. д.). В статье определены новые типы адаптации заимствованных глаголов, ранее не отмеченные в лингвистических работах. Анализируются также случаи неадаптированного использования глагольных лексем в речи информантов. Рассматриваются примеры образования видовых пар от заимствованных испанских глаголов. Данная категория находится в процессе грамматикализации. В отдельных случаях при образовании видовой пары при помощи префиксации информанты копируют приставки, свойственные глаголу-прототипу в своем родном диалекте. Также фиксируется копирование глагольного управления как из украинского, так и из испанского языка в случае употребления заимствованного глагола.

На примере существования украинско-испанского билингвизма в условиях переселенческого сообщества на протяжении чуть более века мы имеем возможность наблюдать изменения, которые происходят в славянской глагольной системе под влиянием доминирующего в окружении романского языка.

Ключевые слова

Глагол, адаптация, заимствование, украинский язык, испанский язык, Южная Америка.

1. Введение

В настоящей работе анализируются модели адаптации испанских глаголов, зафиксированных в речи потомков украинских переселенцев в Аргентине и Парагвае. Рассматриваются словообразовательные, морфологические, синтаксические и прагматические аспекты адаптации¹. Корпус обработанных текстов значительный по объему, речь идет о 150 часах интервью, собранных во время проведения полевых исследований с 2015 по 2019 г. от носителей поднепровского, южно-волынского говоров (отчасти также западнополесского говора) юго-западного наречия украинского языка, см. подробнее (Пилипенко 2017), главным образом пожилых людей, которые еще сохраняют язык. Кроме того, привлекается дневник переселенца с Волыни Кирилла Вознюка (далее — К. В.), написанный в 1970-х гг. и содержащий много заимствованных лексем. Этот источник позволяет ввести временную перспективу и посмотреть, какие заимствования использовались переселенцами первого поколения. Испанские глаголы в речи украинцев отбирались также из работы С. А. Рызванюка (Рызванюк 1974), материал для которой собирался в 1970-е гг., что дает нам возможность сопоставить наши собственные данные с записями устной речи полувековой давности от первого поколения мигрантов². Для типологического сопоставления привлекаются наши материалы интервью с носителями русских,

---

¹ Фонетическая адаптация на примере устных и письменных источников обсуждается в (Пилипенко 2021).

² Среди наших информантов преобладают информанты второго, третьего и четвертого поколения. Несколько интервью записано собеседниками, которых можно было бы назвать первым поколением, однако они переселялись в Аргентину и Парагвай вместе с родителями в очень раннем возрасте и в школу пошли уже в странах Южной Америки.

белорусских и польских говоров, проживающими в Аргентине, Парагвае и Уругвае, а также работы по языку потомков чешских (Halaštová 2021) и немецких переселенцев с Волги (Ladilova 2012). Данные немецкого языка оказываются особенно ценными, поскольку позволяют выявить в языке неславянской группы, находящемся в контакте с испанским, сходные и отличающиеся модели адаптации испанских глаголов при сопоставлении со славянскими языками.

Особенности заимствований из испанского языка в речи восточнославянских сообществ Южной Америки до сих пор пристально не рассматривалась лингвистами. Единственным исключением можно назвать упоминавшуюся выше работу С. А. Рызванюка, в которой анализируется адаптация разных частей речи, в том числе и глаголов, из испанского языка в речи украинских трудовых мигрантов в Аргентине. Частично эти вопросы рассматриваются в (Пилипенко 2021).

Сведения об украинских сообществах в странах Южной Америки можно найти преимущественно в работах исторической и антропологической тематики (Сапеляк 2008; 2010; Cірко Lehr 2000; 2006; Цірко 2013). Исследователи выделяют несколько волн миграции и определяют зоны их расселения (Цірко 2013: 203). Первая волна переселения приходится на конец XIX в., когда большинство составляли выходцы из украинских земель, находившихся в составе Австро-Венгрии, прежде всего из Галиции. Расселялись они на юге провинции Мисьонес, центром этой миграции считается город Апостолес. В межвоенный период наряду с продолжающейся миграцией из Галиции прибывает большое число выходцев с Волыни и западных областей Белоруссии, которые в то время находились в составе Польши. Эти мигранты поселяются в центральных и северных районах Мисьонеса, а также в соседнем с Аргентиной Парагвае. В первые две волны переселения приезжают в основном крестьяне и рабочие, происходит трудовая миграция. Некоторое количество мигрантов прибывает после окончания Второй мировой войны. Новый приток миграции связывается с распадом СССР, когда в Аргентину приезжают мигранты практически из всех регионов Украины. При проведении полевых исследований нас интересовали представители первой довоенной и второй межвоенной волны миграции, поскольку они проживают компактно, в том числе в сельских районах, занимаются сельскохозяйственной деятельностью, имеют свои небольшие предприятия, у них уже прошли первичные стадии адаптации, у второго и последующего поколений наблюдается утрата языка. Можно констатировать, что передача языка молодому поколению сейчас практически не фиксируется.

Специфике глагольной адаптации с типологической точки зрения посвящает свою работу Э. Моравчик (Moravcsik 1975), которая утверждает, что глагол вербализируется уже в языке-реципиенте, а первоначально заимствуются имена. Особенности адаптации заимствованных глаголов в языках мира подробно освещаются в монографии Я. Вольгемута (Wohlgemuth 2009). Автор выделяет следующие стратегии: прямое включение (*direct insertion*), когда глагол адаптируется без каких-либо показателей; не прямое включение (*indirect insertion*), когда глагол адаптируется с использованием особых показателей, например, вербализаторов; использование так называемых «легких глаголов» (*light verb strategy*) (например, «делать»), которые сочетаются с заимствованными глагольными формами; вставка парадигмы (*paradigm insertion*), когда заимствованный глагол функционирует в языке-реципиенте со свойственными ему флексиями из языка-донора. Следует отметить, что примеров на адаптацию глаголов, заимствованных из славянских языков (помимо русского), в этой работе приводится немного. Типологию заимствованных глаголов также находим в (Muysken 2000: 184–220). Изучению особенностей адаптации заимствованных глаголов на примере разных языковых ситуаций в последнее время посвящаются многочисленные публикации. Приведем лишь некоторые значимые работы, в которых на первый план выходит контактирование неродственных языков. Так, в статье (Морозова, Русаков 2021) изучается интеграция глаголов из албанского языка в славянских идиомах Албании, в (Arkhangelskiy 2019) исследуется адаптация в удмуртском языке глаголов, заимствованных из русского языка. В диссертации (Bittar Prieto 2021) анализируются глагольные заимствования из испанского языка в языке гуарани в Парагвае. Р. Бенаккьо обращается к проблеме интеграции заимствованных глаголов из итальянского языка в контактной словенско-романской зоне — в резьянском диалекте словенского языка (Бенаккьо 2018). В. В. Баранова на примере монгольских языков показывает специфику адаптации глаголов из окружающих языков, прежде всего из русского и китайского (Баранова 2020). В работах по описанию переселенческих говоров исследователи также уделяют особое место вопросам интеграции заимствованных глаголов в систему принимающего языка, как, например, в диссертации о языке ингерманландских переселенцев в Сибири (Сидоркевич 2014: 322–323). В частности, автор утверждает, что основная функция русских глаголов, которые получают морфологическое оформление, — заполнение лексических пробелов (Там же: 323).

2. Модель адаптации от испанского инфинитива

В корпусе украинских текстов нам удалось обнаружить несколько типов адаптации испанских глаголов. Первую стратегию можно назвать «стратегией адаптации от глагола с инфинитивным показателем»: за основу берется испанский инфинитив, к которому в украинском языке при помощи тематических гласных (поскольку испанские инфинитивы оканчиваются на согласный) присоединяется показатель инфинитива в исследуемых переселенческих украинских говорах (-*tu*, -*ть*). Приведем примеры из наших записей:

№	Пример от информанта	Перевод на русский	Испанский глагол	Информант
1.1	v'in molótsij, v'in máje <i>respetáryty</i> mené ³	он моложе, он должен меня уважать	<i>respetar</i> 'уважать'	(Л-А., К.)
1.2	péro čérys tógo pál'c'a <i>deskartáryly</i> mené	но из-за этого пальца меня исключили	<i>descartar</i> 'исключать'	(Г., А. М.)
1.3	tut jak vuný <i>aguantáryly</i> , ny znáju, ny buló durógiw	как тут они выдержали, я не знаю, не было дорог	<i>aguantar</i> 'выдерживать'	(О., М. Б.)
1.4	dóctor káže, e, grájite l'oter'iju, káže, porké ot týs'aču odné <i>sal'váryt</i> , a vy <i>sal'váryly</i> ws'u fam'íl'iju, káže	доктор говорит, вы играете в лотерею, говорит, потому что из тысячи один спасает, а вы спасли всю семью, говорит	<i>salvar</i> 'спасать'	(Э., П.)
1.5	góst'i <i>atendéryly</i>	гостей принимали	<i>atender</i> 'обслуживать, принимать'	(Л-А., К.)
1.6	jak zrubýty šob <i>mantenéryty</i> ?	как сделать, чтобы поддерживать?	<i>mantener</i> 'поддерживать'	(О., Н. В.)
1.7	to i xut'iw by <i>tradus'írty</i> to	и я хотел бы это перевести	<i>traducir</i> 'переводить'	(О., Н. В.)

В приведенных примерах можно наблюдать функционирование адаптированных глаголов, образованных от испанских глаголов всех

3 При транскрибировании украинских текстов принята запись на основе латиницы.

трех спряжений: с исходом на *-ar* (*respetar, descartar, aguantar, salvar*), *-er* (*atender, mantener*), *-ir* (*traducir*). При интеграции этих глаголов в глагольную систему рассматриваемых говоров украинского языка показатель инфинитива не устраняется, а составляет часть основы уже заимствованного глагола. Происходит, с одной стороны, десемантизация инфинитивного окончания, что и отмечает Я. Вольгемут для подобных случаев: при копировании полной формы инфинитива язык-реципиент воспринимает инфинитивный показатель как неотъемлемую часть заимствованной основы (Wohlgemuth 2009: 80). С другой стороны, если подходить формально, с точки зрения словообразовательных процессов в обоих языках, наблюдается «удвоение» инфинитивных окончаний в самих переселенческих говорах, когда к показателю испанского инфинитива прибавляется показатель украинского инфинитива (*manten-er — mantenér-ytu*). Ударение во всех случаях падает на тематический гласный испанского инфинитива, что, по мнению С. А. Рызванюка, создает ощущение большей связи с испанским прототипом (Рызванюк 1974: 75). Украинский исследователь также пишет, что образование глаголов от испанских инфинитивов является характерной особенностью разговорной речи в отличие от письменной, языка прессы (Там же: 74). Тематический гласный в приводимых примерах везде *-y*.

Если говорить о количественных параметрах, то глаголов на *-ar*, адаптируемых таким способом, в нашем корпусе гораздо больше: всего зафиксировано 30 глаголов, что составляет 79 % от общего числа. Три глагола образованы от инфинитивов на *-er*, 5 — от инфинитивов на *-ir*. В материалах С. А. Рызванюка обнаруживаем также преобладание глаголов, образованных от инфинитива на *-ar*: 75 примеров (83,33 %) против 9, образованных от инфинитива на *-ir*, и 6 инфинитивов на *-er*; при этом процентное отношение примерно совпадает (в обоих случаях глаголов на *-ar* — около 80 %)⁴. Ниже представлены случаи из (Рызванюк 1974), в том числе содержащие глаголы, совпадающие с глаголами из наших примеров (*salvar* (2.1), *atender* (2.2)), что может свидетельствовать в пользу устоявшегося характера подобных образований в речи потомков мигрантов, поскольку они функционируют у представителей разных поколений и на протяжении как минимум полувека.

---

4 Такие данные могут объясняться как большей распространенностью данной модели адаптации от глаголов на *-ar*, так и большим числом таких глаголов в самом испанском языке.

2.1	все ж таки його <i>сальварили</i> ⁵	все же его спасли	<i>salvar</i> ‘спасать’	(Ризванюк 1974: 273)
2.2	з ними ми <i>атендеримо</i> чотирнадцять верстатів	с ними мы обслуживаем четырнадцать станков	<i>atender</i> ‘обслуживать’	(Ризванюк 1974: 200)
2.3	телеграму я не <i>ресібірила</i>	телеграмму я не получила	<i>recibir</i> ‘получать’	(Ризванюк 1974: 271)

В дневнике К. В. обнаруживается 6 глаголов, образованных по этой модели, из них пять — от инфинитивов на *-ar* и один — на *-ir*, что также подтверждает большую распространенность этой модели адаптации от глаголов на *-ar*.

3.1	почали <i>подарити</i> чай ⁶	начали обрезать чай	<i>podar</i> ‘обрезать’	(Пилипенко 2021: 388)
3.2	ліду <i>асалтарили</i>	на Лиду напали	<i>asaltar</i> ‘нападать’	(Пилипенко 2021: 390)
3.3	замість <i>продусірути</i>	вместо того чтобы производить	<i>producir</i> ‘производить’	(Пилипенко 2021: 398)

В приводимых выше случаях речь идет о невозвратных глаголах. В корпусе анализируемых высказываний нам встретились также возвратные глаголы (см. ниже), которые образуются по той же модели с прибавлением возвратной частицы *-s'a*, *-s'*, *-s'i* (в зависимости от исходной диалектной основы). В дневнике К. В. возвратных глаголов, образованных по данной модели, не обнаружено.

4.1	ny xócu vas, e, šob vy ny <i>ofendérylys'</i>	я не хочу вас, э, чтобы вы обиделись	<i>ofenderse</i> ‘обижаться’	Л-А., Каз.
4.2	ja <i>opyrárylas'</i> na tévo yóko	я делала операцию на этот глаз	<i>operarse</i> ‘делать операцию’	Л-А., К.
4.3	jak prujdé portóna malóyo i wže vunó <i>aktiváryc'a</i>	как пройдет маленькую дверь, уже оно активизируется	<i>activarse</i> ‘активироваться’	Л-А., М.
4.4	pérša škóla šo, de ja rubýw i <i>xuvilárywša</i> ⁷	первая школа, где я работал и где вышел на пенсию	<i>jubilarse</i> ‘выходить на пенсию’	О., Н. В.

5 Запись приводится в соответствии с оригиналом в (Ризванюк 1974).

6 Примеры приводятся в авторской орфографии К. В.

7 Произношение возвратной частицы у данного информанта объясняется его индивидуальными артикуляционными особенностями.

4.5	я <i>асомбрарилась</i> , коли в Москві побачила знайомих	я удивилась, когда в Москве увидела знакомых	<i>asombrarse</i> 'удивляться'	(Ризванюк 1974: 200)
4.6	вони <i>касарились</i> вже в Аргентині	они поженились уже в Аргентине	<i>casarse</i> 'выходить за-муж / жениться'	(Ризванюк 1974: 232)
4.7	якраз тут <i>чокарились</i> дві машини	как раз тут столкнулись две машины	<i>chocarse</i> 'сталкиваться'	(Ризванюк 1974: 293)

Образованию подобных глаголов способствует изоморфизм возвратных глаголов в испанском и украинском языках: например, исп. *ofend-er-se*, укр. исп. *ofend-er-yty-s'*; укр. *ображ-ати-ся* 'обижаться'. Возвратная частица может отделяться от глагола и располагаться на удалении от него, что сближается с функционированием этой частицы в западных диалектах украинского языка, в частности, в поднестровском, носители которых являются предками переселенцев первой и второй волны миграции из Галиции (АУМ 1988: 359).

Еще одной особенностью, на которую следует обратить внимание, является тематический гласный, который располагается между испанским и украинским показателями инфинитива. В анализируемых выше случаях и в большинстве примеров корпуса это гласный *-u-*. В соответствии с этим все глаголы данной модели будут изменяться по второму спряжению, ср. *я консидерару її за свою дочку* («я считаю ее своей дочкой») от исп. *considerar* 'рассматривать, считать' (Ризванюк 1974: 238); *що-небудь калентарить* («что-нибудь разогревает») от исп. *calentar* 'подогревать, разогревать' (Там же: 227). Однако среди выявленных заимствованных глаголов можно найти такие, в которых выступает тематический гласный *-a-*.

5.1	ws''o <i>polvorisarajut</i> báʏac'ko	все опрыскивают много	<i>polvorisar</i> 'распылять, опрыскивать'	Г., М. М.
5.2	<i>jak torméнта my</i> <i>pulyvájim i palmerity</i> <i>šo bát'uš'ka</i> <i>bendesiraje</i>	когда непогода, мы поливаем веточки пальмы, которые батюшка благословляет [сжигаем]	<i>bendecir</i> 'благословлять'	О., Ч.
5.3	<i>tak šukály i rubýly</i> <i>šob mantenératy</i> <i>tradysjón</i>	так искали и делали, чтобы поддерживать традицию	<i>mantener</i> 'поддерживать'	О., Ч.

5.4	to vós'im'is'at l'it <i>kumplírala</i>	восемьдесят лет мне исполнилось	<i>complir</i> 'исполнять'	О., Т. М.
5.5	<i>záwše toj šo nal'eváje</i> <i>máje servíraty es</i> <i>cierto</i>	всегда тот, кто наливает, должен подавать, это правда	<i>servir</i> 'обслуживать'	О., Ч. П.
5.6	<i>i ws'i festexárajut</i> ', <i>xto xóčy</i>	и все празднуют, кто хочет	<i>festejar</i> 'праздновать'	О., Г. Б.
5.7	<i>woný slúxajut do</i> <i>mené, respetárajut</i>	они слушают меня и уважают	<i>respetar</i> 'уважать'	А., А. П.
5.8	<i>ty mené ny</i> <i>upxudérajíš</i>	ты меня не проведешь	<i>joder</i> 'использовать кого-то, насмехаться' (груб. разг.)	О., Ю.

В примерах с глаголами *mantener-a-ty* (5.3) и *servir-a-ty* (5.5) можно увидеть тематический гласный *-a-* после испанского показателя инфинитива перед украинским показателем. Мы наблюдаем изменение глаголов в настоящем времени по первому спряжению, где этот гласный выступает перед окончанием; в приводимых примерах также представлены формы глаголов в прошедшем времени (5.4). Стоит отметить, что среди заимствованных глаголов данной модели у С. А. Рызванюка тематический гласный *-a-* не встречается, хотя в наших примерах он обнаруживается часто. Поскольку мы фиксируем глаголы как с тематическим гласным *-у-*, так и с тематическим гласным *-а-*, в том числе от одних и тех же основ, возникает вопрос, какова закономерность их появления. Возможно ли усматривать видовое противопоставление, когда в идиолекте одного информанта сосуществуют обе модели образования? Тогда можно было бы предположить наличие видовых пар по типу укр. *вивчити* — *вивчати*, *ступити* — *ступати*, *заявити* — *заявляти*, в которых глаголы с гласным *-у-* являются глаголами СВ, тогда как глаголы с гласным *-а-* — НСВ. Таким образом, *mantenér-y-ty* (1 л. ед. ч. *mantenéru*) соответствовал бы глаголу СВ («поддержать»), а *mantenér-a-ty* (1 л. ед. ч. *mantenérajú*) — глаголу НСВ («поддерживать»). Однако существующих примеров очевидно недостаточно для подобного заключения, с этой целью нужно проводить отдельное специальное обследование. О видовом противопоставлении заимствованных глаголов см. также раздел 10.

В терминологии Я. Вольгемута рассматриваемую модель адаптации можно отнести как к «прямому включению», когда глагольный

показатель присоединяется непосредственно к заимствованному элементу, так и к «непрямому включению», когда между заимствованным глаголом и глагольным показателем имеются другие элементы. Двойственность подобной трактовки заключается в статусе тематических гласных (в нашем случае *-a-*, *-y-*): считать ли их частью инфинитивного показателя или отдельным элементом? Т. Архангельский затрагивает эту проблематику на материале глагольных заимствований в ситуации удмуртско-русского языкового контакта (Arkhangelskiy 2021: 523–524): исследователь полагает, что случаи адаптации с тематическими гласными, которые обладают немотивированной семантикой, будут считаться прямым включением. Я. Вольгемут, приводя в пример адаптацию английского глагола *to film* в итальянском языке – *filmare*, — относит гласный *-a-* к показателям глагольного класса, а сам случай — к прямому включению (Wohlgemuth 2009: 92).

Подобный способ образования глаголов характерен также для переселенческого южнорусского говора в Уругвае, фиксируется он и в русском говоре старообрядцев-часовенных:

6.1	а сяс назна <i>дупликарисль</i> , там уже назна тоже дуже много ⁸	а сейчас, наверное, увеличилось вдвое, там уже, наверное, тоже очень много	<i>duplicarse</i> ‘удваиваться’	С-Х., Г. К.
6.2	а потом оне <i>попильярились</i> мы с имя, а оне нас <i>аттахарили</i> и опеть начали <i>пильярить</i>	а потом они подрались мы с ними, а они нас поймали и опять начали драться	<i>pelear(se)</i> ‘драться’, <i>atajar</i> ‘ловить’	(Ровнова 2022: 52)

Удивительно, что в материалах из речи чехов в аргентинской провинции Чако не обнаружено такого способа адаптации глаголов (см. подробнее Nalaštová 2021: 90)⁹, тогда как в немецком языке поволжских немцев в Аргентине (как и в украинских примерах) он является

⁸ Примеры из русского языка в нашем корпусе приводятся в орфографической записи с отражением некоторых наиболее ярких фонетических изменений.

⁹ На наш взгляд, это утверждение автора требует дополнительной проверки на материале чешского языка, находящегося в контакте с испанским в странах Южной Америки, поскольку модель образования глаголов от испанских инфинитивов отмечается в славянских и неславянских языках региона.

одним из распространенных. Приведем примеры из немецких материалов: в форме инфинитива – *apoyaren* (< исп. *apoyar* ‘поддерживать’), в форме причастий – *extrañart* (< исп. *extrañar* ‘скучать’), *salvart* (< исп. *salvar* ‘спасать’), *unidos sentirt* (< исп. *sentir* ‘чувствовать’), в форме наст. вр. – *sich jubilarre will* (< исп. *jubilarse* ‘выходить на пенсию’) (Ladilova 2012: 177). По последнему примеру видно, что возвратные глаголы образуются в полном соответствии с правилами немецкого языка. Следует отметить, что в немецком языке этот способ конкурирует с типичной для него моделью адаптации иноязычных глаголов (данные глаголы имеют показатель *-ieren*): *aprovechiert* (< исп. *aprovechar* ‘использовать’), ср. также (Wohlgemuth 2009: 230–231). Интересно, что в языке гуарани, находящемся в контакте с испанским, используется «сокращенная» форма испанского инфинитива без конечного *-r* (Ibid.: 81) в качестве базовой основы для дальнейшего глагольного образования. Подобная модель характерна и для других языков Южной Америки, находящихся в контакте не только с испанским, но и с португальским (Ibid.: 171). Такие примеры наводят на мысль об универсальном характере образования адаптированных глаголов от испанского инфинитива.

3. Модель адаптации с суффиксом *-ова-/-ува-*

Распространенным способом адаптации испанских глаголов является присоединение суффикса *-ова-/-ува-* к испанской основе глагола без инфинитивного окончания *-ar, -er, -ir*.

7.1	my pusadýly ž'érbu na tómu m'isc'i, i kos'icújemo ž'érbu	мы посадили йерба мате на том месте, и теперь собираем урожай	<i>cosechar</i> ‘собирать урожай’	Г., А. М.
7.2	jak tútaj zvonýty to týko točovó número, <i>markújte</i>	если тут звонить, то только этот номер, записывайте	<i>marcar</i> ‘записывать’	О., Э. Ф.
7.3	tud'í jak užé, e, <i>regal'uvály</i> mladým	тогда когда уже, э, дарили подарки молодым	<i>regalar</i> ‘дарить’	Л-А., К.
7.4	to vuná beré i <i>karyúje</i> na kamjóny totó	и она берет и грузит на грузовики это	<i>cargar</i> ‘грузить’	О., Г. Б.
7.5	mujá žyná máje s'imnácyt' e, šo <i>alkel'úje</i> pjésu	у моей жены семнадцать [нанимателей], кто арендует комнату	<i>alquilar</i> ‘арендовать’	О., Г. Б.

7.6	zajíxaw w port Brazyl'ju to <i>karguávaw banány</i>	[корабль] зашел в порт в Бразилию и грузил бананы	<i>cargar</i> 'грузить'	О., Н. Вас.
7.7	woný <i>kubríjut</i> mil peso' por cada criatura	они получают тысяче песо за каждого ребенка	<i>cobrar</i> 'получать деньги'	А., А. П.
7.8	to tam <i>p'intújut</i> , pýsanky róbl'at'	и там раскрашивают, делают пасхальные яйца	<i>pintar</i> 'рисовать'	О., Т. М.

Во всех примерах без исключения глаголы образованы от испанских инфинитивов на *-ar*. В материалах С. А. Рызванюка также численно преобладают образования от основ инфинитивов на *-ar*, обнаруживается всего четыре примера от других основ. Однако утверждать, что испанские глаголы с инфинитивом на *-ar* чаще адаптируются при помощи суффиксов *-ова/-ува-*, мы с уверенностью не можем, поскольку таких глаголов в принципе больше употребляется в устной испанской речи¹⁰.

9.1	мабуть вже <i>арепентувався</i> що так зробив	может быть, он уже пожалел, что так сделал	<i>arrepentirse</i> 'жалеть о чем- то'	(Ризванюк 1974: 198)
9.2	<i>інтервенювати</i> в конфлікті	вмешаться в конфликт	<i>intervenir</i> 'вмешиваться'	(Ризванюк 1974: 225)
9.3	вони <i>компроміту-</i> <i>вались</i> не виступати на страйк	они обязались не бастовать	<i>comprometerse</i> 'обязаться'	(Ризванюк 1974: 237)
9.4	управа фабрики ... недавно <i>суспендувала</i> усіх своїх робітників	управление фабрики ... недавно уволило всех своих рабочих	<i>suspender</i> 'прекращать, увольнять'	(Ризванюк 1974: 281)

Из приводимых примеров только первый зафиксирован в устной речи информанта, остальные три взяты из аргентинской украиноязычной прессы. С. А. Рызванюк утверждает, что образование глаголов с указанным суффиксом больше характерно для официального стиля речи, в том числе для языка прессы (Ризванюк 1974: 73). Их большая степень адаптации к славянской языковой системе проявляется в том, что ударение падает на украинский глагольный суффикс, тогда

¹⁰ Данное заключение мы сделали исходя из статистики употребления глаголов в нарративах наших информантов на испанском языке.

как при использовании первой модели адаптации ударение приходится на испанские показатели инфинитива (Там же). Относительно легкая интеграция по данной модели поддерживается, с одной стороны, распространенностью этого способа при включении иноязычных глаголов в украинский язык (СГРУЯ 2003: 358), с другой стороны, наличием в польском языке подобной модели адаптации иноязычных глаголов и заимствованием их в свою очередь из польского языка в говоры украинского языка¹¹ (ср. пол. *molestować* ‘беспокоить’, *kompromitować* ‘компрометировать’, которые могут служить прототипом для оформления глаголов, образованных от исп. *molestar*, *comprometerse*). В ситуации украинско-английского языкового контакта в Канаде заимствованные глаголы также адаптируются при помощи этого суффикса: *я киную капусту* («я мариную капусту») (< англ. *to kin* ‘мариновать’), *ти мусиш поклінувати собі шуси* («ты должен почистить себе ботинки») (< англ. *to clean* ‘чистить’) (Struk 2000: 74). Кроме того, этот суффикс фиксируется при славянско-албанском билингвизме (Морозова, Русаков 2021: 120), где он, однако, поддерживается определенными глагольными формами в самом албанском языке, что облегчает их вхождение. Об этом способе адаптации заимствованных глаголов в русском языке пишет Я. Вальгемут (Wohlgemuth 2009: 57), при этом он относит суффикс *-ova-* к вербализаторам, таким образом показывая, что речь идет о «непрямом включении». Подобные же случаи находим у П. Мэйскена (Muysken 2000: 195).

Обратим также внимание, что возвратные глаголы образуются так же, как и в предыдущей модели: возвратная частица следует после украинского глагольного суффикса. Изменяются эти глаголы в украинском языке по первому спряжению. Что касается распространенности данного вида глагольной адаптации, то следует обратиться к анализу частотности употребления подобных глаголов. На примере идиолекта К. В. мы можем наблюдать, что наиболее часто используемые им заимствованные глаголы адаптированы при помощи суффикса *-ова-/ува-*. Так, глагол *косічо/увати* (< исп. *cosechar* ‘собирать урожай’) и производные от него глагольные формы употреблены 14 раз, *плянтувати* (< исп. *plantar* ‘сажать’) — 7 раз, *коумпано/увати* (< исп. *acompañar* ‘сопровождать’) — 4 раза, *ранкувати* (< исп. *arrancar* ‘запускать, заводить двигатель’) — 3 раза (Пилипенко 2021: 375, 377, 381, 383). Остальные

¹¹ Многие информанты первого поколения мигрантов владели польским языком. Речь идет прежде всего о мужчинах, которые служили в польской армии.

глаголы употребляются гораздо реже, в том числе глаголы, образованные по первой модели, фиксируются в единственном употреблении. Возможно, данная модель для самых частотных глаголов выбирается в идиолекте переселенцев и их потомков как наиболее близкая распространенная в украинском языке при адаптации иноязычных глаголов. Для украинцев важной сферой деятельности является сельское хозяйство, поэтому глаголы, связанные с этой сферой, становятся наиболее частотными из тех, которые адаптируются по описываемой модели. Менее частотные глаголы будут скорее адаптироваться по первой модели. Однако здесь мы можем говорить больше о тенденции (с возможными отступлениями) в идиолекте каждого отдельного информанта, чем о четком правиле¹². Анализ интервью с сыном К. В. также подтверждает эту тенденцию: глаголы *kusyčuvaty*, *pl'antuvaty*, относящиеся к сельскому хозяйству, употреблены с украинским суффиксом, тогда как все остальные глаголы адаптируются по первой модели (Пилипенко 2021: 476). У других информантов такими частотными глаголами оказываются *kubruvaty* (< исп. *cobrar* 'получать деньги'), *brutuvaty* (< исп. *brotar* 'расцветать, прорасти'). Первый относится к экономической деятельности, второй — к сельскому хозяйству.

Вместе с тем С. А. Рызванюк отмечает и смешение типов адаптации, когда от одного испанского глагола в украинском языке переселенцев образуются глаголы по разным моделям (в его материалах обнаруживается 14 таких глаголов). Интересно, что эти разные типы иллюстрируются примерами от разных информантов, то есть можно предположить, что в одном идиолекте адаптация глаголов по разным моделям крайне редка. Если же рассматривать примеры смешения адаптационных моделей отдельно в речи каждого из информантов, то окажется, что у пяти из них (см. табл. 1) обнаруживается только один доминирующий тип без исключений (например, информант А. Р. использует только модель образования от инфинитива, А. К. — с использованием украинского суффикса), тогда как в речи четверых находим конкурирующие модели (например, А. А. два раза употребил глагол, образованный от основы с показателем испанского инфинитива, и один раз глагол, образованный с украинским суффиксом). В нашем корпусе устных текстов, а также в дневнике К. В. смешение типов адаптации не обнаруживается.

---

12 С другой стороны, в южнорусском говоре Уругвая мы встречаем глагол, оформленный по первой модели: *они ни селую неделю не попогуляли, не покосечарили* (С-Х., Д. К.).

Для нас остается пока открытым вопрос, влияет ли грамматическая форма глагола на тип модели адаптации. Отметим, что глаголы в повелительном наклонении (форма 2 л. ед. ч.) встречаются один раз в нашем корпусе (*markujte* < исп. *marcar* 'записать') и один раз в материалах С. А. Рызванюка (*афлохуй* < исп. *aflojar* 'ослабить') (Рызванюк 1974: 201); эти глаголы присоединяют исключительно суффикс *-ова/-ува-*. Ниже приведем таблицу частотности грамматических форм по устному корпусу и дневнику К. В.

Таблица 1. Зависимость модели адаптации от выбора грамматической формы глагола

	Устный корпус		Дневник К. В.	
	глаголы от инфинитива	глаголы с укр. суффиксом	глаголы от инфинитива	глаголы с укр. суффиксом
Наст. время	19	14	1	5
Прош. время	24	11	3	17
Инфинитив	10	3	2	8
Повелит. накл.	0	1	0	0
Причастие	0	0	2	0

В таблице подсчитаны все словоупотребления адаптированных глагольных форм. В трех случаях отмечается бо́льшая доля форм прошедшего времени, чем форм настоящего времени: они преобладают в устном корпусе при образовании от испанских инфинитивов, а также в рамках обеих моделей адаптации в идиолекте К. В. Значительное преобладание форм прошедшего времени в дневнике (17 против 5) можно объяснить особенностями жанра и повествовательной структуры источника: автор излагает события, произошедшие за день. В устном корпусе глаголы, образованные при помощи украинского суффикса, чаще употребляются в настоящем времени, однако разница здесь не слишком велика. Вероятно, для установления более четкой корреляции необходимо расширить список глагольных заимствований. На данном этапе можно продемонстрировать лишь некоторые тенденции.

Глаголы, образованные при помощи суффикса *-ова/-ува-*, были зафиксированы нами и в других славянских языках: в польском, в белорусском, в южнорусском говоре в Уругвае, а также в говоре староверов Южной Америки.

10.1	žeby ten, trigo jak? pšen'icy! <i>kosyčovač'</i>	чтобы этот, trigo как? Пшеницу! Собирать	<i>cosechar</i> 'собирать урожай'	А., Ю.
10.2	они, э, <i>практиковали</i> , э тансы	они практиковали танцы	<i>practicar</i> 'практиковать'	М., Б. Д.
10.3	<i>i kas 'ačújuc', ýéto</i> <i>kas 'ačújuc' i z ýétoγo</i> <i>rób'ac' čaj</i>	и собирают, это собирают и из этого делают чай	<i>cosechar</i> 'собирать урожай'	Л., А. Ч.
10.4	<i>загравовать</i>	снять, записать (на аудио)	<i>grabar</i> 'записывать (на аудио)'	(Ровнова 2022: 397)

Интересно, что в языке потомков чешских переселенцев провинции Чако исследователи фиксировали только модель с суффиксом *-ova-*, отмечая при этом, что все они относятся к СВ: *alkiloval sem barák* («я арендовал барак»), исп. *alquilar* «арендовать»; *kúrovali se sami* («вы лечились сами»), исп. *curarse* «лечиться» (Halaštová 2021: 90).

4. Нечастотные модели адаптации

В следующую группу мы включаем маргинальные модели адаптации, которые встречаются в наших материалах всего лишь несколько раз. Они заслуживают внимания, поскольку ранее не были отмечены в исследованиях, в том числе в классификации С. А. Рызванюка.

11.1	<i>šob ny tuwkáty, ny</i> <i>mácaty rukámy, šob</i> <i>kol'óg ny tapiw</i>	чтобы не толкать, не трогать руками, чтобы он цвет не закрывал	<i>tapar</i> 'закрывать'	Л-А., К.
11.2	<i>jak u l'íto, pjatnácyt'</i> <i>šo dvácyt' dniw máje</i> <i>koséčaty</i>	как летом, а летом каждые пятнадцать- двадцать дней должен собирать урожай	<i>cosechar</i> 'собирать урожай'	О., Г. Б.
11.3	зним мало <i>аредля</i> [ε]	с ним немного чинил	<i>arreglar</i> 'исправлять, чинить'	(Пилипенко 2021: 390)
11.4	там иде ты <i>абáxал</i> с дороуи, то Пейсото сделал	там, где ты спустился с дороги, это Пейсото сделал	<i>bajar</i> 'спускать(ся)'	С-Х., С. К.
11.5	<i>токали</i> гопачок	играли гопачок	<i>tocar</i> 'играть (мелодию)'	С-Х., С. К.

В данном случае мы встречаем модель, которую можно назвать «промежуточной» между первой и второй моделью адаптации. Здесь глагольное окончание с тематическим гласным прибавляется к основе испанского глагола без показателя инфинитива и без украинского глагольного суффикса *-ова/-ува-*: *koseč-a-ty*. Отмечены они как в устном корпусе, так и в дневнике К. В. Показательно, что если в рамках двух рассмотренных моделей мы не наблюдали случаев параллельного образования от одного и того же испанского глагола, то здесь мы встречаем один такой пример от наиболее употребительного глагола *cosechar*. Конкуренция при этом будет происходить со способом образования глаголов с украинским суффиксом в идиолекте одного информанта (О., Г. Б.), у которого отмечаются обе формы. Для сравнения мы привели в таблице два примера, записанные нами от потомков южнорусских переселенцев в Уругвае (11.4, 11.5). Отметим, что в корпусе русских текстов из Уругвая эта модель также редко встречается. Что касается тематического гласного, то только в одном случае (11.1) мы находим *-i-* (*tapiw* от глагола *tapar*), во всех остальных *-a-*. Ударение в примерах может приходиться как на основу испанского глагола, так и на тематический гласный. Примеров, которые помогли бы нам понять, является ли этот способ образования неким шагом к развитию бесприставочного видового противопоставления (например, к глаголам с украинским суффиксом, которые могли бы быть глаголами НСВ, а данные глаголы — СВ; напр. *kosyčuvaty* ‘собирать урожай’, *kosyčaty* ‘собрать урожай’), мы не имеем. Вопрос, считать ли этот гласный суффиксом, остается открытым (как, например, *vinikati*, *направляти*)¹³. Интересно, что в материалах С. А. Рызванюка подобной модели адаптации не выявлено. Также не совсем понятно, по какому типу спряжения изменяются эти глаголы в настоящем времени, так как зафиксированы только примеры их использования в формах инфинитива и прошедшего времени. В резьянском диалекте, который находится в контакте с романскими языками уже несколько столетий, фиксируется именно этот способ образования глаголов: *ačētāt* (ит. *accettare* ‘принимать’), *rivināt* (ит. *rovinare* ‘портить’), *binidyт* (ит. *benedire* ‘благословлять’) (Бенаккьо 2018: 13–14). Эти глаголы принадлежат СВ, и они образуют видовые

13 Также не совсем понятно, является ли здесь *-a-* остаточным явлением от испанской глагольной основы с инфинитивом на *-ar*, либо произошла контаминация этого испанского элемента с тематическим гласным на украинской почве.

пары НСВ с суффиксами *-awa-*, *-iwa-*: *aĉetawat*, *rivinawat*, *binidiwat*, что теоретически закладывает основу на более длительной временной дистанции для подобного развития в других контактных славянско-романских зонах, в том числе и для украинских говоров в странах Южной Америки.

Один нетипичный случай адаптации находим в работе С. А. Рызванюка. Сам исследователь никак не комментирует особенности этого примера.

12.1	у нас допіру не <i>дисфрасаруються</i>	у нас только не наряжаються	<i>disfrazarse</i> 'наряжаться'	(Рызванюк 1974: 216)
------	---	--------------------------------	------------------------------------	-------------------------

Для глагола С. А. Рызванюк восстанавливает инфинитив *дисфрасаритись*. Однако это противоречит тому, что мы находим в качестве иллюстрации употребления 3 л. мн. ч. от глагола *десарожаритись* (исп. *desarollarse* 'развиваться'): *в тих країнах діти десарожаряться хутко* («в тех странах дети развиваются быстро») (Рызванюк 1974: 214). Глагол здесь изменяется по первому спряжению. С большой долей вероятности можно восстановить инфинитив в форме *дисфра-сар-ува-ти-сь*, от которого закономерно образуется та форма, которая приводится в примере. Таким образом, этот глагол будет представлять собой контаминированную форму — сочетать в себе особенности двух моделей адаптации: к испанскому инфинитиву (первая модель) прибавляется украинский глагольный суффикс и возвратная частица (вторая модель). Характерно, что у другого информанта фиксируется этот же глагол, образованный при помощи украинского глагольного суффикса: *хлопці дисфрасуються* («парни наряжаются») (Там же).

Необычный тип адаптации обнаруживается и в дневнике К. В.:

13.1	будиш трохі <i>комеркати</i> , то будиш крешні (20)	будеш мало есть, будеш крешче	<i>comer</i> 'есть'	(Пилипенко 2021: 394)
------	---	----------------------------------	---------------------	--------------------------

Здесь мы можем наблюдать, как к испанскому глаголу с показателем инфинитива прибавляется элемент *-к-*, после которого следует тематический гласный и показатель инфинитива в украинском языке. Этот единичный пример, по всей вероятности, отражает особенности идиолекта автора дневника, который таким образом хотел привнести экспрессивный оттенок в значение глагола.

14.1	на <i>кардавою</i> що поттібіне на дорогу ¹⁴	нагружают, что необходимо в дорогу	<i>cargar</i> ‘грузить’	(Пилипенко 2021: 396)
------	--	---------------------------------------	-------------------------	--------------------------

Также единичный пример (14.1) из дневника К. В. может иметь в качестве инфинитива формы *накаргоувати* либо *накаргавати*. Однако в первом случае мы получим форму 1 л. ед. ч. *накарговую*, что не соотносится с указанным примером.

Необычный случай адаптации обнаружен в интервью с информантом Н. В.:

15.1	<i>péro ja хот'íw by zabráty šob myn'í straduktyryly</i>	но я хотел бы забрать, чтобы мне перевели	<i>traducir</i> ‘переводить’, <i>traductor</i> ‘переводчик’	О., Н. В.
------	--	---	--	-----------

С точки зрения адаптационных моделей он соответствует «стратегии полного инфинитива». Однако вопросы вызывает основа глагола, которая напоминает основу существительного с добавленным показателем испанского инфинитива: *straduktyryty* — *traductor*. Такой случай можно назвать вербализацией по аналогии.

В речи Н. В. до этого два раза встречался глагол *tradus'iryty*, образованный от испанского инфинитива *traducir*. Можно предположить, что на отождествление в языковом сознании информанта испанского глагола и существительного могло повлиять подобие исхода слов: *-ir* (в глаголе) и *-or* (в существительном). В нашем корпусе это единственный случай образования глагола от основы имени существительного, в котором наблюдается процесс вербализации испанских лексических элементов. Связан ли выбор основы существительного с приставочной перфективацией, сказать трудно. У других информантов, когда мы находим приставку *c-* у заимствованных глаголов, глагольная основа не меняется.

Все приводимые случаи глагольной адаптации находятся на периферии, если говорить о частотности моделей, и отражают альтернативные пути освоения глагольной лексики у потомков украинских переселенцев.

¹⁴ Пример приведен в оригинальной записи К. Вознюка, автора дневника.

5. Употребление испанской глагольной формы

Одним из самых распространенных способов интеграции заимствованных глаголов в украинские переселенческие говоры является перенос грамматической формы, характерной для испанского языка. Такие по большей части одиночные вкрапления могут рассматриваться как случаи переключения кода (подробнее о проблеме отнесения подобных явлений к переключению кода или к заимствованию см. в (Морозова, Русаков 2021: 113–116)). Похожее явление Я. Вольгемут именует вставкой парадигмы (Wohlgemuth 2009: 118), однако автор приводит и ограничения: вставкой парадигмы не являются случаи смешения языков, особенно в ситуации угасания языковой активности, когда один язык вытесняет другой (Ibid.: 122–123). Вероятнее всего, одной из причин появления таких форм в речи наших информантов является как раз недостаточная языковая компетенция.

16.1	po i š p á n s 'k'i t ó že <i>hablás?</i> ¹⁵	по-испански ты тоже говоришь?	<i>hablar</i> 'говорить'	О., Г. Б.
16.2	m y n' <i>no me</i> <i>interesaba samul'ót</i>	меня не интересовал самолет	<i>interesar</i> 'интересовать'	О., Г. Б.
16.3	i d ú t du c é r k vy y <i>rezabamos jak to bulý</i>	они идут в церковь, и мы молились, как это были	<i>rezar</i> 'молиться'	О., М. Б.
16.4	b á t'ko, m i j č olov'ík, <i>filmaba</i> , ja t u p'íro pok á zuvala sus'íc'i	отец, мой муж, снял на камеру, я теперь показывала соседке	<i>filmar</i> 'снимать (на камеру)'	О., П.
16.5	n á ši m u l u dý n á it' sl ú xaty ny x ó č ut', jak u ž é <i>no saben</i> ny š o vuný	наши молодые даже слушать не хотят, как уже они не знают, кто они есть	<i>saber</i> 'знать'	Э., Н. Б.
16.6	tr y m á jemo, a ot é c'' n á š <i>bendice</i> , i to ws'ó	мы держим, а отец наш благословляет и это всё.	<i>bendecir</i> 'благословлять'	П., О. Х.
16.7	to w ž e otro modelo, š o my t ú tka <i>pegamos</i> , b á č y š?	это уже другая модель, которую мы тут приклеиваем, видишь?	<i>pegar</i> 'клеить'	П., О. Х.
16.8	ja ne x ó č u <i>mentir</i>	я не хочу врать	<i>mentir</i> 'врать, лгать'	О., Н. В.

¹⁵ Неадаптированные элементы из испанского языка передаются в традиционной орфографии.

16.9	i xt'iw <i>conocer</i> Misjones	и он хотел посмотреть Мисьонес	<i>conocer</i> 'узнавать, осматривать'	А., А. П.
------	------------------------------------	--------------------------------------	--	-----------

Обратим внимание на то, что присутствуют как формы настоящего времени (причем форма 2 л. ед. ч. соответствует феномену *voseo* (использование местоимения 2 л. ед. ч. *vos* и особых окончаний у глаголов в 2 л. ед. ч.), распространенному в Аргентине (Нарумов 2001: 459)) (пример 16.1), прошедшего времени (имперфект) (примеры 16.2, 16.3, 16.4), также встречаются инфинитивы (16.8, 16.9). При отрицательной форме отрицательная частица также заимствуется из испанского языка (16.2, 16.5). В случае размещения краткой формы личного местоимения между отрицательной частицей и глаголом целый комплекс заимствуется из испанского языка (то же актуально и для возвратных глаголов) (16.2). Такие случаи распространены в устном корпусе, в работе С. А. Рызванюка подобных примеров мы не обнаружили. В дневнике К. В. такие случаи также не отмечены. Отсутствие адаптации у глаголов может быть либо дополнительной стратегией в идиолекте информанта, либо основной, когда отсутствуют другие способы интеграции глагольной лексики. Для двуязычных информантов, следует полагать, такой способ интеграции глаголов является самым легким, поскольку не ставит говорящего перед выбором, по какой модели адаптировать испанское заимствование. Обычно вставка неадаптированного элемента из L2 в L1 влечет за собой полное переключение кода, однако в приведенных случаях такие элементы не провоцируют дальнейшее использование испанского языка. Пример 16.1 примечателен еще тем, что употребление испанского глагола говорения *hablar* призвано подчеркнуть внимание информанта к способности собеседника общаться на испанском языке.

Похожие вставки мы наблюдаем также в ситуации контакта южнорусского говора с испанским языком в Уругвае:

17.1	низины, грязь там, <i>me escapé</i> , не знаю, как меня они не попорезали	низины, грязь там, я сбежал, не знаю, как меня они не порезали	<i>escaparse</i> 'сбегать'	С-Х., Г. К.
------	--	---	-------------------------------	-------------

Широко используется эта стратегия и в ситуации удмуртско-русского языкового контакта (Arkhangelskiy 2021: 527–529). В случае же славянско-албанского билингвизма таких примеров отмечается

немного (Морозова, Русаков 2021: 124), в основном в металингвистических комментариях. Д. В. Сидоркевич, описывая русские глаголы, которые не получают морфологического оформления принимающих ингерманландских говоров, отмечает, что они придают высказыванию особую стилистическую и эмоциональную окраску (Сидоркевич 2014: 323), что проявляется в том числе в изменении интонации.

В пределах одного высказывания у одного информанта данная стратегия может сочетаться с другими моделями адаптации, причем даже в случае, когда употребляется один и тот же глагол.

18.1	ja máju kartočký, jak v'in <i>fil'máraje</i> , i jak na rudýn'i <i>filmaba</i>	у меня есть фотографии, как он снимает, и как в семье снимает	<i>filmar</i> 'снимать на камеру'	О., П.
------	--	---	-----------------------------------	--------

Это наводит на мысль о существовании в сознании информантов сразу нескольких моделей адаптации, к которым они прибегают в ходе построения высказываний в зависимости от целей сообщения, языковой компетенции в конкретной сфере общения и в конкретный момент говорения, собственных лингвистических ассоциаций. При этом все же следует учитывать, что последней стадией включения будет употребление в речи неадаптированных глаголов, так как оно может повлечь за собой переключение кода.

Явление подобного рода — конкуренция между исконным и заимствованным глаголом — может наблюдаться в идиолекте одного информанта, что типологически сближает его с вышеописанным случаем. Можно предположить, что у информантов с низкой языковой компетенцией адаптация испанских глаголов может отсутствовать и замещаться сразу вставкой парадигмы испанского глагола. Ниже приведем пример использования глаголов в одном и том же контексте.

19.1	to <i>karguváw</i> banány / v'in tam maw <i>γruzúty</i> banány	и грузил бананы / он там должен был грузить бананы	<i>cargar</i> 'грузить'	О., Н. Вас.
------	--	--	-------------------------	-------------

В дневнике К. В. мы также находим глагол с этим значением в конкурирующих формах (Пилипенко 2021: 450): *нагружати*, *грузити*, *вгрузити* / *накардавати*; кроме того, конкурирует заимствованный глагол *плантувати* и глаголы с корнем *сад-/саж-*, что позволяет сделать прогнозы, как будет развиваться вытеснение глаголов с тем или иным значением.

5.1. Использование неадаптированного испанского инфинитива

Некоторой разновидностью данной модели интеграции глаголов можно назвать использование инфинитива вместо согласованных глагольных форм. Ниже приведены примеры из высказываний украинского и белорусского информантов.

20.1	to <i>brindar</i> , na <i>śást'a</i> blayoslovl'ály	это чокаться бокалами (чокались), на счастье, благословляли	<i>brindar</i> 'чокаяться бокалами'	Э., П. П.
20.2	máju kaválak, tak zavjázano ¹⁶ , n'e mašýnaju. <i>Ÿéto telar, telar</i>	у меня есть кусок, так завязано, не машиной. Это шить (шили), шить	<i>telar</i> 'шить'	Л., А. Ч.

Таких примеров численно гораздо меньше, чем включений согласованных испанских глагольных форм. В самом употреблении инфинитива нет ничего необычного, однако здесь он не согласуется, информанты, по всей видимости, подчеркивают таким образом трудности в своей языковой компетенции и маркируют иносистемный характер данной лексемы выбором инфинитивной формы.

6. Сочетание «робити + имя существительное»

Стратегия, которая обнаруживается только в нашем устном корпусе, представляет собой сочетание украинского глагола *робити* 'делать' и испанского существительного. Данная модель напоминает четвертую стратегию Я. Вольгемута, названную исследователем «стратегией использования легких глаголов». Распространена она во многих языках мира, например, в албанском переселенческом говоре Украины (Морозова, Русаков 2021: 116). Наш случай отличается использованием существительного, а не глагольной формы. Такая конструкция позволяет информанту избежать употребления неадаптированного глагола, не проводить интеграцию испанского глагола в украинский язык, информант также избегает необходимости использовать украинский глагол, который нет возможности вспомнить в момент речи. Подобная стратегия также отмечается при адаптации иноязычных элементов в монгольских языках, хотя там она функционирует наряду с сочетанием глагола *делатъ* с заимствованными

¹⁶ В говоре информанта представлено частичное оканье, аканье не фиксируется в заударной позиции.

глаголами (Баранова 2020: 13). П. Мэйскен рассматривает такие случаи особо и называет их номинализацией, когда заимствованная лексема ведет себя как имя в конструкции «*hacer* + существительное» (Muysken 2000: 206–220).

21.1	zrobúly šob, <i>robúw</i> tu, <i>pozo</i>	они сделали так, чтобы он копал колодец	<i>pozo</i> ‘колодец’	О., Н. В.
21.2	jak nymá tak šob <i>reunión robúty</i>	если нет возможности устраивать собрания	<i>reunión</i> ‘собрание’	О., Г. Б.
21.3	<i>vencimiento robúla, zabubóny tam</i>	она заговаривала, предрассудки там	<i>vencimiento</i> ‘заговор’	О., Г. Б.
21.4	я дуже мало <i>роблю касо</i> мовчу бо знаю що нічого ни поможе	я очень мало обращаю внимание, молчу, потому что знаю, что ничего не поможет	<i>hacer caso</i> ‘обращать внимание’	(Пилипенко 2021: 404)

Отдельно в рамках этой стратегии могут быть рассмотрены явления частичного калькирования глагольных выражений с глаголом *hacer*. Аналогом *hacer caso* ‘обращать внимание’ в идиолекте К. В. является сочетание *робити касо*, с заимствованным именем и калькированным глаголом *робити*.

7. Пропуск глагола

Следующий случай непосредственно не относится к примерам адаптации глаголов, поскольку самого глагола имплицитно нет в высказывании, однако он подразумевается. В данном случае смысловой глагол опущен, но его значение понятно из контекста, его дополнительно уточняет заимствованное испанское существительное. На наш взгляд, пропуск глагола также можно считать одной из стратегий, которую чаще всего используют собеседники с неполной языковой компетенцией, в том числе в случае использования нечастотных глаголов.

22.1	i <i>tóju matryl'jadóroju, tam ...</i>	и этим пулеметом, там [расстрелял]	<i>ametraladora</i> ‘пулемет’	О., Н. В.
------	--	------------------------------------	-------------------------------	-----------

8. Метаязыковые комментарии при глагольных формах

В высказываниях информантов можно найти метаязыковые комментарии, которыми снабжаются заимствованные глаголы. Чаще всего заимствование происходит без подобных указаний, однако таким

образом информанты отмечают, что они осознают чуждый характер этих лексем и что они могут быть непонятны тем собеседникам, которые владеют испанским языком, но не привыкли к «смешанной» речи украинцев в странах Южной Америки. Приведем некоторые примеры:

23.1	nalyvály takú kópku ɣor'ílki i-i jak to kážit' ? <i>se saludaban</i> <i>no, i pós'l'a výrje</i>	наливали такую рюмку водки и, как это говорят? <i>se saludaban</i> , не так ли, и после выпивает	<i>saludarse</i> 'приветствовать друг друга'	Л-А., Каз.
23.2	М. Б.: <i>wže mály kúry, swýn'i, e, krijáryly, jak skazáty?</i> П.: <i>ruzvódyly</i>	М. Б.: уже у них были куры, свиньи, и, э, <i>krijaryly</i> , как сказать? П.: разводили	<i>criar</i> 'разводить, выращивать'	О., М. Б., П.
23.3	ja polučýw, ja wse polučýw, to ja <i>skubruwáw</i> , a, <i>zafrenuwáw, to znáčyt'</i> <i>zatormozýw</i>	я получил [деньги], я все получил, это я <i>skubruwaw</i> , а я <i>zafrenuwaw</i> , это значит затормозил	<i>cobrar</i> 'получать деньги', <i>frenar</i> 'тормозить'	А., Н.

Как видно из примеров, комментировать могут как неадаптированные вставки из испанского языка (23.1), так и глаголы, прошедшие адаптацию (23.2). Информанты маркируют эти глаголы вопросами (*как это говорят / сказать?*), которые являются либо показателем собственной недостаточной коммуникативной компетенции, либо непосредственным обращением к более компетентному участнику интервью. Заметны также хезитации, которые выражаются в растягивании гласных, заминках. В нашем случае показательно, что они сопровождают в том числе уже адаптированные глаголы. Еще один тип комментариев характерен для информантов с высокой языковой компетенцией (23.3), которые могут «перевести» адаптированные глаголы на украинский язык. Такие высказывания происходят не спонтанно, а во время разговоров об особенностях речи местных украинцев, то есть на их появление влияет тема, заданная интервьюером.

9. Зависимость моделей адаптации от количества слогов в глаголе

В таблице 2 представлены результаты наших подсчетов, иллюстрирующие выбор модели адаптации глагола в зависимости от количества слогов в испанском инфинитиве (по устному корпусу, материалам С. А. Рызванюка и дневнику К. В.).

Таблица 2. Зависимость модели адаптации от количества слогов в испанском инфинитиве

Кол-во слогов	Устный корпус		Данные С. А. Рызванюка			Дневник К. В.	
	Испанский инфинитив	Суффикс -ova-/ -uva-	Испанский инфинитив	Суффикс -ova-/ -uva-	Глаголы с двумя моделями	Испанский инфинитив	Суффикс -ova-/ -uva-
2	29 %	41,6 %	33,3 %	7 %	7,14 %	16,6 %	14,28 %
3	52,63 %	58,3 %	51,3 %	61,4 %	52,94 %	66,6 %	71,42 %
4	18 %	0 %	15,38 %	31,5 %	21,42 %	16,6 %	14,28 %
Итого	38	12	78	57	14	6	7

В нашем устном корпусе выбор украинского суффикса в качестве модели адаптации несколько более частотен у двусложных слов, тогда как у четырехсложных глаголов он отсутствует. В материалах С. А. Рызванюка данные противоположны: здесь двусложные основы чаще адаптируются по модели полного испанского инфинитива, а четырехсложные глаголы чаще принимают украинский глагольный суффикс. В связи с этими данными нужно сделать одну оговорку: результаты не вполне могут отражать данные устной речи, поскольку С. А. Рызванюк в большой мере привлекал письменные источники, прессу на украинском языке. Исследователь делает вывод, что эта модель чаще используется в официальном стиле. Для всех случаев примерно один и тот же результат (в диапазоне 50–70 %) будут демонстрировать трехсложные глаголы: от них чаще всего и примерно в равной степени адаптируются глаголы по двум моделям. Данные дневника К. В. близки к показателям из устного корпуса, однако и их нужно воспринимать с оговоркой: в каждой группе число адаптированных глаголов невелико — 7 и 6.

Сказать, насколько достоверно отражают эти данные зависимость выбора модели адаптации от количества слогов, мы не можем. Вероятно, их нужно рассматривать во взаимодействии с другими факторами, о которых мы говорили выше (частотность использования конкретных лексем, грамматических форм и т. д.). Существует также возможность того, что эти данные отражают не конкретное использование испанских глаголов в речи украинцев, а частотность использования тех или иных многосложных глаголов в испанском языке. Однако если мы сравним данные по двусложным и трехсложным глаголам (см. табл. 3), мы сможем увидеть определенную тенденцию в выборе модели адаптации, лишенную привязанности к частотности употребления этих глаголов.

Таблица 3. Зависимость моделей адаптации у двусложных и трехсложных испанских глаголов

	Устный корпус		Данные С. А. Рызванюка		Дневник К. В.	
	Испанский инфинитив	Суффикс -ova-/ -uva-	Испанский инфинитив	Суффикс -ova-/-uva-	Испанский инфинитив	Суффикс -ova-/-uva-
Двусложные глаголы	86,6 % (26)	13 % (4)	80 % (20)	20 % (5)	33,3 % (1)	66,6 % (2)
Трехсложные глаголы	38,8 % (7)	61,1 % (11)	53,3 % (40)	46,6 % (35)	50 % (4)	50 % (4)

Двусложные глаголы показывают отчетливую тенденцию выбора модели адаптации от испанского инфинитива в обоих корпусах, тогда как данные по трехсложным глаголам расходятся: в устном корпусе они чаще адаптируются с суффиксом, а в материалах С. А. Рызванюка находим модели образования от испанского инфинитива. Тем не менее разница между ними не достигает тех значений, которые мы наблюдали у двусложных глаголов, а в данных украинского ученого различие между ними совсем небольшое. Материалы дневника К. В. приведены для сравнения, использовать их можно с той оговоркой, что количество примеров небольшое. Тем не менее мы видим, что трехсложные глаголы ведут себя похожим образом: равно предпочитают обе модели. У двусложных наблюдается перевес в сторону использования суффикса.

10. Видовое противопоставление у заимствованных глаголов

Еще один аспект, который мы рассмотрим в этой статье, – это развитие видового противопоставления и выражение способов глагольного действия у заимствованных глаголов. Приведем примеры приставочных глаголов из нашего устного корпуса.

24.1	i puǰhala kul'iktývom, i mené z-opyráriw	и я поехала на автобусе, и меня прооперировали	<i>operar</i> 'оперировать'	Л-А., К.
24.2	na v'is'il'ji zdýbajuc'a, i pu- namorárylys'	на свадьбе встретятся, и влюбятся	<i>enamorarse</i> 'влюбляться'	Л-А., М.
24.3	pósl'a jak prodás' toj tabák, č'i ž'ěrбу, s-kubrújš, pojídyš' i zaplátyš'	потом, как продашь этот табак или йербу, получишь деньги, поедешь и заплатишь	<i>cobrar</i> 'получать деньги'	Л-А., Ш.

24.4	to po nýn'i m'ix zrubýty, <i>z-gastuváty</i>	и до сих пор мог сделать, потратить	<i>gastar</i> 'тратить'	О., Н. Вас.
24.5	to bát'uška <i>po-bendesiraje</i> , my prybjémo, c'ilyj r'ik trymajimo	и баюшка благословит [ветку пальмы], мы приедем, целый год держим	<i>bendecir</i> 'благословлять'	О., Ч.
24.6	<i>zára po-vis'itáraje</i> , a w nyd'il'u vže róbl'at' yub'ít	сразу посетит, а в воскресенье уже готовят обед	<i>visitar</i> 'посещать'	О., Т. М.
24.7	i <i>na-kryáraly</i> , tak bába, mujá mamba	и развели [животных], так бабушка, моя бабушка	<i>criar</i> 'разводить'	О., Т. М.
24.8	zakázujem ot, i <i>vy-kobríjim</i> potom s kážnyo ze teje	заказываем вот и потом с каждого берем деньги за это	<i>cobrar</i> 'получать деньги'	Э., П. П.
24.9	i máju tup'iru <i>s-kubruváty</i> yróšej	я должен только получить деньги	<i>cobrar</i> 'получать деньги'	О., Ю.
24.10	c'oj d'át'ko buw péršyj šo <i>na-pl'antuváv</i>	этот мужчина был первый, кто посадил [чай]	<i>plantar</i> 'сажать'	О., Н. В.

Ниже укажем примеры из дневника К. В.:

25.1	хтіли <i>z-аранкувати</i> авто	хотели завести машину	<i>arrancar</i> 'заводить, запускать двигатель'	(Пилипенко 2021: 383)
25.2	міні бракуе мей старой щоб <i>по-кумпанювала</i> пити мату	мне не хватает моей жены, чтобы составила компанию пить мате	<i>acompañar</i> 'сопровождать, провожать'	(Пилипенко 2021: 381)
25.3	бо був мал <i>на-косічовані</i>	потому что был плохо собран урожай [чая]	<i>cosechar</i> 'собирать урожай'	(Пилипенко 2021: 375)

Ниже следуют примеры с приставочными глаголами, взятые из материалов С. А. Рызванюка:

26.1	він <i>z-апровечарився</i> випадком	он воспользовался случаем	<i>aprovecharse</i> 'воспользоваться'	(Рызванюк 1974: 197)
26.2	ми <i>z-арожарили</i> каблі	мы свернули кабели	<i>arrollar</i> 'сворачивать'	(Рызванюк 1974: 198)

26.3	звичайно, <i>з-асустарилась</i>	конечно, испугалась	<i>asustarse</i> ‘пугаться’	(Ризванюк 1974: 200)
26.4	я вже <i>по-</i> <i>калентувала</i> суп	я уже разогрела суп	<i>calentar</i> ‘разогревать’	(Ризванюк 1974: 227)
26.5	<i>с-комунікуватись</i> з центральним комітетом	общаться с центральным комитетом	<i>comunicarse</i> ‘общаться’	(Ризванюк 1974: 237)
26.6	я все <i>з-конфундирила</i>	я уже перепутала	<i>confundir</i> ‘путать’	(Ризванюк 1974: 239)
26.7	я дуже <i>з-костумбра-</i> <i>рилась</i> до неї	я очень привыкла к ней	<i>acostumbrarse</i> ‘привыкать’	(Ризванюк 1974: 241)
26.8	дуже багато <i>з-лімарив</i> я цей зуб в колесі	очень много шлифовал я этот зубец в колесе	<i>limar</i> ‘шлифовать’	(Ризванюк 1974: 244)
26.9	а як треба було <i>по-</i> <i>лучарити</i> за кусок хліба в Парагваї	а как нужно было побороться за кусок хлеба в Парагвае	<i>luchar</i> ‘бороться’	(Ризванюк 1974: 246)
26.10	я міг <i>з-орарити</i> немало	я мог сэкономить немало	<i>ahorrar</i> ‘экономить’	(Ризванюк 1974: 255)
26.11	де ти так <i>по-</i> <i>рахунярилась</i>	где ты так поцарапалась	<i>rasguñarse</i> ‘царапаться’	(Ризванюк 1974: 269)
26.12	треба було <i>по-</i> <i>сударити</i> щоб хоть трохи заробити	нужно было попотеть, чтобы хоть немного заработать	<i>sudar</i> ‘потеть’	(Ризванюк 1974: 280)

Появление приставки у глаголов, независимо от способа их образования в украинском говоре информантов, свидетельствует о сильной степени их интеграции в новую систему, поскольку таким образом появляются дополнительные оттенки значения и намечается видовое противопоставление, по сути, образуются видовые пары. Чаще всего нам встретились глаголы с приставками *з-/с-*, *по-/пу-*, *на-*, *ви-*, *за-* (см. пример 23.3). Наиболее продуктивны в украинском языке видовые приставки *з-*, *в-*, *за-*, *на-* (СГРУЯ 2003: 355–356). По нашим наблюдениям, приставка никак не влияет на выбор модели адаптации глагола, а прибавляется уже к адаптированной лексеме. И наоборот, выбор приставки никак не зависит от адаптационной модели. Иногда наблюдается изоморфизм в выборе приставок с украинским аналогом, как будто говорящий имеет в своем сознании представление о морфемном составе украинского глагола, но вместо этого вводит в речь заимствованный глагол с украинской приставкой, ср. *по-рахуняритись* — *по-дряпатися* ‘поцарапаться’, *по-сударити* — *по-потіти* ‘попотеть’, *по-лучарити* — *по-боротися* ‘побороться’,

za-frenuvaty — *за-тормозити* (*за-гальмувати*) ‘затормозить’. В том, что при присоединении приставки образуется видовое противопоставление, не приходится сомневаться, поскольку на это указывают сами информанты, когда переводят заимствованные глаголы с префиксами на украинский язык (см. высказывание 23.3). Могут ли приставочные глаголы одновременно быть и СВ, и НСВ, предстоит еще выяснить, но очевидна тенденция производить более глубокую адаптацию глаголов, когда различными способами словообразования уже на украинской почве возникает свойственное славянским языкам видовое разграничение, а также появляются дополнительные значения в способах глагольного действия. Подобные приставочные образования обнаруживаются и в переселенческих русских говорах Южной Америки (см. сноску 10, а также пример 6.2). В ситуации контакта режыанского диалекта с романскими языками исследователи отмечают незначительную роль префиксации в процессе грамматикализации глагольного вида у заимствованных глаголов (Бенаккьо 2018: 14), тогда как глаголы германского происхождения склонны к префиксации в большей степени (Там же: 16).

11. Сочетаемость глагольных форм в предложении: калькирование, нарушение согласования

Процесс интеграции заимствованных глаголов не заканчивается выбором той или иной стратегии морфологической адаптации, но также состоит в том, что глагол встраивается в систему синтаксических отношений языка-реципиента. Синтаксические особенности могут либо переноситься из испанского языка, либо повторять свойства украинского глагола-прототипа. Большая часть глаголов в анализируемых корпусах – переходные как в испанском, так и в украинском языках. К сожалению, если встречается непереходный глагол, информанты в устной речи не всегда реализуют все возможные варианты его сочетаемости. Ниже представлены глаголы, которые не являются переходными хотя бы в одном из языков.

27.1	šo užé <i>molestúje</i> ýóči (вин. п.), ср. укр. <i>заважати кому /</i> <i>чому</i> (дат. п.)	что уже мешает глазам	<i>molestar algo</i> ‘мешать кому- то’	Л-А., Каз.
27.2	Pól’s’a jix (вин. п.) <i>domynárylas</i> ’, ср. укр. <i>володіти чим</i> (тв. п.)	Польша ими владела	<i>dominarse</i> ‘господствовать’	Г., А. М.

27.3	<i>i to mnógo tŷxvo okupárylos 'a vŷyl'a</i> (род. п.), ср. укр. <i>займатися чим</i> (тв. п.)	и много тех занималось углем	<i>ocuparse de algo</i> 'заниматься чем-то'	Г., А. М.
27.4	<i>regal 'uvály mluludím</i> (дат. п.), ср. укр. <i>дарувати кому</i> (дат. п.)	дарили молодым	<i>regalar a alguien</i> 'дарить кому-то'	Л-А., К.
27.5	<i>vín zaprovечарився</i> випадком (тв. п.), ср. укр. <i>користуватися</i> <i>чим</i> (тв. п.)	он воспользовался случаем	<i>aprovecharse de algo</i> 'пользоваться чем-то'	(Ризванюк 1974: 197)
27.6	<i>його брат диріхрив</i> оброю (тв. п.), ср. укр. <i>керувати чим</i> (тв. п.)	его брат руководил работами	<i>dirigir algo</i> 'управлять чем-то'	(Ризванюк 1974: 216)
27.7	<i>кемувала собі ноги</i> окріпом (тв. п.), ср. укр. <i>обпикати чим</i> (тв. п.)	обожгла себе ноги кипятком	<i>quemar con algo</i> 'обжигать что- то чем-то'	(Ризванюк 1974: 233)
27.8	<i>я консидерару її за</i> свою дочку (за + вин. п.), ср. укр. <i>вважати за</i> <i>кого</i> (за + вин. п.)	я считаю ее своей дочерью	<i>considerar algo a alguien / como algo a alguien</i> 'считать кого-то кем-то'	(Ризванюк 1974: 238)
27.9	<i>Ніна не контестуе</i> на мої листи (на + вин. п.), ср. укр. <i>відповідати на</i> <i>листи</i> (на + вин. п.)	Нина не отвечает на мои письма	<i>contestar</i> 'отвечать'	(Ризванюк 1974: 238)
27.10	<i>мати конформаритсья</i> моєю робо- тою (тв. п.), ср. укр. <i>бути задоволеним</i> <i>чим</i> (тв. п.)	мать довольна моей работой	<i>conformarse con algo</i> 'быть довольным'	(Ризванюк 1974: 239)
27.11	<i>я дуже зкостумбра-</i> <i>рилась</i> до неї (<i>до</i> + род. п.), ср. укр. <i>зви-</i> <i>кати до чого</i> (<i>до</i> + род. п.)	я очень привыкла к ней	<i>acostumbrarse a algo</i> 'привыкать к чему-то'	(Ризванюк 1974: 241)
27.12	<i>я вже давно</i> <i>кумпірила</i> 55 років	мне уже давно исполнилось 55 лет	<i>cumplir</i> 'исполняться [о возрасте]'	(Ризванюк 1974: 242)
27.13	<i>як треба було</i> <i>получарити</i> за кусок хліба (<i>за</i> + вин. п.), ср. укр. <i>боротися за</i> <i>що</i> (<i>за</i> + вин. п.)	как нужно было побороться за кусок хлеба	<i>luchar por algo</i> 'бороться за что-то'	(Ризванюк 1974: 246)

27.14	кто за нього буде <i>преокупуватись</i> (за + вин. п.) ср. укр. <i>турбуватися за</i> <i>кого</i> (за + вин. п.)	кто о нем будет беспокоиться	<i>preocuparse</i> <i>por algo</i> 'беспокоиться о чем-то'	(Ризванюк 1974: 265)
-------	--	---------------------------------	---	-------------------------

Можно утверждать, что адаптация глагола неразрывно связана с синтаксическими отношениями в принимающем языке. Создается впечатление, что в большинстве случаев у информантов существует заранее заготовленная схема, оставшаяся от исконного глагола, которая впоследствии заполняется лишь заимствованными лексическими элементами. Сохранению такой схемы может способствовать определенный изоморфизм в предложном управлении между контактирующими языками. В ситуации ограниченной языковой компетенции эта схема может нарушаться, результатом чего являются необычные предложно-падежные сочетания при глаголах. Так, в примере 27.3 используется беспредложный род. п., тогда как при этом глаголе ожидается тв. п. В примере 27.12 мы можем наблюдать калькирование сочетаемости из испанского языка, ср. исп. *yo he cumplido 30 años*, укр. *мені сповнилося 30 років*, рус. *мне исполнилось 30 лет*. В примерах 27.4, 27.9, 27.13, 27.14 можно видеть совпадающую (в рамках соответствия предлогов и семантических свойств глаголов) сочетаемость в контактирующих языках. В случаях 27.5, 27.6, 27.8, 27.10, 27.11 очевидно сохранение синтаксических свойств глаголов-прототипов в украинском языке, тогда как в соответствии с испанскими аналогами можно было бы ожидать другие конструкции.

12. Заключение

В процессе адаптации испанских глаголов в украинских говорах стран Южной Америки наблюдаются все четыре модели, распространенные в языках мира и выделяемые Я. Вольгемумом: непрямая вставка, прямая вставка, неадаптированная вставка парадигмы и стратегия с использованием «легкого глагола» и существительного. В дополнение к существующим моделям предлагается выделить тип неадаптированного инфинитива, а также значимое отсутствие конкретной глагольной формы, обусловленное недостаточной языковой компетенцией в украинском языке. Следует учитывать одновременно несколько факторов при выборе информантом модели адаптации: частотность и семантику глаголов, принадлежность глаголов

к лексико-семантической группе «Сельское хозяйство», очень актуальной для изучаемого сообщества, частые грамматические формы, формальные показатели, например, количество слогов в исходном испанском глаголе. Думается, что изучение сочетания этих факторов позволит лучше понять выбор определенного адаптационного механизма. Не замечено корреляции между исходным говором информантов (поднепровский диалект / южноволынские диалекты) и способами интеграции глаголов. Показательно, что среди заимствованной глагольной лексики есть как лексемы, которые не имеют аналогов в говорах информантов, так и аналоги базовой повседневной лексики, которые функционируют как синонимы¹⁷. Однако ни в одном из корпусов нами не было обнаружено ни бытийного глагола (*бути*), ни глагола обладания (*мати*), ни модальных глаголов (*мати, могли / мочи*). В говоре информантов может существовать сразу несколько моделей одновременно, находящихся на разных стадиях: с одной стороны находится исконный глагол, на другой – неадаптированная испанская глагольная одиночная форма. Тем не менее у многих информантов в принципе отсутствуют случаи заимствования глаголов. Прежде всего это пожилые люди, у которых супруг / супруга также владеет украинским языком. Включение расшифрованных материалов от польских информантов, имеющих в распоряжении автора, позволит расширить типологическую перспективу исследования и понять, актуальны ли выявленные закономерности для близкородственного польского языка. Также представляется перспективным изучение адаптации глаголов из другого близкородственного языка-источника, португальского, в речи потомков украинских переселенцев в Бразилии. Конкуренция адаптационных моделей испанских глаголов не является типичной только для украинского языка, отмечена она и в других близкородственных славянских языках, а также в немецком языке (в каждом из них с опорой на собственные ресурсы). На примере испанско-украинского взаимодействия можно видеть систему в становлении: какие изменения происходят в языковой системе (у глаголов) за сравнительно короткий с лингвистической перспективы временной отрезок.

---

¹⁷ Что является достаточно распространенным явлением в ситуации языковых контактов, например, в монгольских языках распространено заимствование уже существующих глаголов, в результате чего возникают дублиеты (Баранова 2020: 14).

Информанты

- Л-А., К. — Леандро-Алем, Аргентина, ж., 83 г.
 Г., А. М. — Гуарани, Аргентина, м., 79 л.
 О., М. Б. — Обера, Аргентина, ж. 85 л.
 Э., П. — Энкарнасьон, Парагвай, ж., 80 л.
 О., Н. В. — Обера, Аргентина, м., 78 л.
 Л-А., Каз. — Леандро-Алем, Аргентина, м., 85 л.
 Л-А., М. — Леандро-Алем, Аргентина, м., 84 г.
 Г., М. М. — Гуарани, ж., Аргентина, 75 л.
 О., Ч. — Обера, Аргентина, ж., 59 л.
 О., Ч. П. — Обера, Аргентина, м., 83 г.
 О., Т. М. — Обера, Аргентина, ж., 81 г.
 О., Г. Б. — Обера, Аргентина, м., 72 г.
 О., Ю. — Обера, Аргентина, ж., 85 л.
 О., Э. Ф. — Обера, Аргентина, ж., 79 л.
 О., Н. Вас. — Обера, Аргентина, м., 86 л.
 А., А. П. — Апостолес, Аргентина, ж., 73 г.
 А., Ю. — Апостолес, Аргентина, ж., 92 г.
 Л., А. Ч. — Ланусе, Аргентина, м., 74 г.
 О., П. — Обера, Аргентина, ж., 74 г.
 Э., Н. Б. — Энкарнасьон, Парагвай, ж., 76 л.
 П., О. Х. — Посадас, Аргентина, ж., 65 л.
 Э. П. П. — Энкарнасьон, Парагвай, м., 80 л.
 А., Н. — Апостолес, Аргентина, м., 85 л.
 Л-А., Ш. — Леандро-Алем, Аргентина, ж., 64 г.
 М., Б. Д. — Монтевидео, Уругвай, ж., 92 г.
 С-Х., Г. К. — Сан-Хавьер, Уругвай, м., 74 г.
 С-Х., С. К. — Сан-Хавьер, Уругвай, м., 92 г.

Источники и литература

АУМ 1988 — Атлас української мови. Том другий. Волинь, Надністрянщина, Закарпаття і суміжні землі / ред. Я. В. Закревська. Київ: Наукова думка, 1988. 522 с.

Баранова 2020 — *Баранова В. В.* Адаптация глагольных заимствований в монгольских языках // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 7–18. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-7-18.

Бенакцьо 2018 — *Бенакцьо Р.* Интеграция заимствованных глаголов в славянскую видовую систему: резьянский диалект // Славистика. 2018. No XXII (I). С. 9–20.

Морозова, Русаков 2021 — *Морозова М. С., Русаков А. Ю.* Албанские глаголы в славянской билингвальной речи: между переключением кодов и адаптацией заимствований // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 113–129. DOI: 1017223/19986645/74/7.

Нарумов 2001 — *Нарумов Б. П.* Испанский язык // Языки мира. Романские языки / отв. ред. И. И. Чельшева, Б. П. Нарумов, О. И. Романова. М.: Academia, 2001. С. 411–462.

Пилипенко 2017 — *Пилипенко Г. П.* Экспедиция к славянам в Южную Америку // Славянский альманах. 2018. № 1–2. С. 289–300.

Пилипенко 2021 — *Пилипенко Г. П.* Южноволынский диалект украинского языка в Аргентине: дневник переселенца из межвоенной Польши Кирилла Вознюка. М.: Индрик, 2021. 512 с.

Ризванюк 1974 — *Ризванюк С. О.* Испанізми в мовленні української трудової імміграції Аргентини: дис. ... канд. філол. наук. Київ, 1974. 294 с.

Ровнова 2022 — *Ровнова О. Г.* Старообрядцы Южной Америки. Очерки истории, культуры, языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 608 с.

Сапеляк 2008 — *Сапеляк О.* Українська спільнота в Аргентині: історико-етнологічний аспект. Львів: Червона Калина, 2008. 286 с.

Сапеляк 2011 — *Сапеляк О.* Парагвайці українського походження: церковно-громадське життя. Львів: Інститут народознавства НАН України, 2011. 160 с.

СГРУЯ 2003 — Сопоставительная грамматика русского и украинского языков / отв. ред. Н. Г. Озерова. Киев: Наукова думка, 2003. 534 с.

Сидоркевич 2014 — *Сидоркевич Д. В.* Язык ингерманландских переселенцев в Сибири (структура, диалектные особенности, контактные явления): дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2014. 380 с.

Ціпко 2013 — *Ціпко С.* Історія досліджень про українців Аргентини // Мовознавство. 2013. № 1. С. 203–205.

Arkhangelskiy 2019 — *Arkhangelskiy T.* Russian verbal borrowing in Udmurt // Folia Linguistica. 2019. No 53 (3). Pp. 519–552. DOI: 10.1515/flin-2019-2019.

Bittar Prieto 2021 — *Bittar Prieto J.* Spanish-Origin Verbal and Grammatical Borrowing in Paraguayan Guaraní. Albuquerque: University of New Mexico, 2021. 175 p.

Cipko, Lehr 2000 — *Cipko S., Lehr J. C.* Contested identities: Competing articulations of the national heritage of pioneer settlers in Misiones, Argentina // Prairie Perspectives: Geographical Essays, Winnipeg. 2000. No 3. Pp. 165–180.

Cipko, Lehr 2006 — *Cipko S., Lehr J. C.* Ukrainian settlement in Paraguay // Prairie Perspectives: Geographical Essays, Winnipeg. 2006. No 9. Pp. 31–46.

Halaštová 2021 — *Halaštová A.* Moravská nářečí u nejstarší generace mluvčích v argentinské provincii Chaco. Diplomová práce. Praha: Univerzita Karlova, 2021. 131 s.

Ladilova 2012 — *Ladilova A.* Kollektive Identitätskonstruktion in der Migration. Eine Fallstudie zur Sprachkontaktsituation der Wolgadeutschen in Argentinien. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie. Gießen, 2012. 228 s.

Moravcsik 1975 — *Moravcsik E.* Verb borrowing // *Wiener Linguistische Gazette*, No 8. 1975. Pp. 3–30.

Muysken 2000 — *Muysken P.* Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p.

Struk 2000 — *Struk D.H.* Between Ukish and Oblivion: The Ukrainian Language in Canada Today. 2000. Pp. 67–74. URL: www.utoronto.ca/elul/Struk-mem/Works/Between-Ukish.pdf (accessed: 12.08.2022).

Wohlgemuth 2009 — *Wohlgemuth J.* A Typology of Verbal Borrowings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 459 p.

References

Arkhangelskiy, T. “Russian verbal borrowing in Udmurt.” *Folia Linguistica*. 2019, no. 53 (3), pp. 519–552. DOI: 10.1515/flin-2019-2019.

Atlas ukrains'koi movy. Tom drugyi. Volyn', Naddnistrianshchyna, Zakarpattia i sumizhni zemli, ed. by Ia. V. Zakrevs'ka. Kyiv: Naukova dumka, 1988, 522 p.

Baranova, V. V. “Adaptatsiia glagolnykh zaimstvovaniu v mongol'skikh iazykakh.” *Uralo-altaiskie issledovaniia*, 2020, no. 3 (38), pp. 7–18. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-38-3-7-18.

Benakk'o, R. “Integratsiia zaimstvovannykh glagolov v slavianskuiu vidovuiu sistemuu: rez'ianskii dialekt.” *Slavistika*, 2018, no. XXII (I), pp. 9–20.

Bittar Prieto, J. Spanish-Origin Verbal and Grammatical Borrowing in Paraguayan Guaraní. Albuquerque: University of New Mexico, 2021, 175 p.

Cipko, S., Lehr, J. C. “Contested identities: Competing articulations of the national heritage of pioneer settlers in Misiones, Argentina.” *Prairie Perspectives: Geographical Essays*, Winnipeg, 2000, no. 3, pp. 165–180.

Cipko, S., Lehr, J. C. “Ukrainian settlement in Paraguay.” *Prairie Perspectives: Geographical Essays*, Winnipeg, 2006, no. 9, pp. 31–46.

Halaštová, A. *Moravská nářečí u nejstarší generace mluvčích v argentinské provincii Chaco. Diplomová práce*. Praha: Univerzita Karlova, 2021, 131 s.

Ladilova, A. *Kollektive Identitätskonstruktion in der Migration. Eine Fallstudie zur Sprachkontaktsituation der Wolgadeutschen in Argentinien. Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie*. Gießen, 2012, 228 s.

Moravcsik, E. “Verb borrowing.” *Wiener Linguistische Gazette*, 1975, no. 8. pp. 3–30.

Morozova, M. S., Rusakov, A. Iu. “Albanskije glagoly v slavianskoi bilingval'noi rechi: mezhdru perekliucheniem kodov i adaptatsiei zaimstvovaniu.” *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, 2021, no. 74, pp. 113–129. DOI: 10.17223/19986645/74/7.

- Muysken, P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000, 306 p.
- Narumov, B. P. "Ispanskii iazyk." *Iazyki mira. Romanskije iazyki*, ed. by I. I. Chelysheva, B. P. Narumov, O. I. Romanova. Moscow: Academia, 2001, pp. 411–462.
- Pilipenko, G. P. "Ekspeditsiia k slavianam v Iuzhniuu Ameriku." *Slavianskii Almanakh*, 2018, no. 1–2, pp. 289–300.
- Pilipenko, G. P. *Iuzhnovolynskii dialekt ukrainskogo iazyka v Argentine: dnevnik pereselentsa iz mezhoennoi Pol'shi Kirilla Vozniuka*. Moscow: Indrik Publ., 2021, 512 p.
- Rovnova, O. G. *Staroobriadtsy Iuzhnoi Ameriki. Ocherki istorii, kul'tury, iazyka*. Moscow: Izdatel'skii dom IaSK, 2022, 608 p.
- Ryzvaniuk, S. O. *Ispanizmy v movlenni ukraïns'koï trudovoï immigratsii Argentyny: dys. ... kand. filol. nauk*. Kyïv, 1974, 294 p.
- Sapeliak, O. *Ukraïns'ka spil'nota v Argentyni: istoryko-etnologichnyi aspekt*. L'viv: Chervona Kalyna, 2008, 286 p.
- Sapeliak, O. *Paragvaïtsi ukraïns'koho pokhodzhennia: tserkovno-gromads'ke zhyttia*. L'viv: Instytut narodoznavstva NAN, 2011, 160 p.
- Sidorkevich, D. V. *Iazyk ingermanlandskikh pereselentsev v Sibiri (struktura, dialektnye osobennosti, kontaktnye iavleniia). Dissertatsiia na soiskanie ichenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. St Petersburg, 2014, 380 p.
- Sopostavitel'naia grammatika russkogo i ukrainskogo iazykov*, ed. by N. G. Ozerova. Kyïv: Naukova dumka, 2003, 534 p.
- Struk, D. H. "Between Ukish and Oblivion: The Ukrainian Language in Canada Today." 2000, pp. 67–74. URL: www.utoronto.ca/elul/Struk-mem/Works/Between-Ukish.pdf (accessed: 12.08.2022).
- Tsipko, S. "Istoriia doslidzhen' pro ukraïntsiiv Argentyny." *Movoznavstvo*, 2013, no. 1, 2013, pp. 203–205.
- Wohlgemuth, J. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009, 459 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.01

G. P. Pilipenko

**Adaptation of verbs borrowed from Spanish in the speech
of descendants of Ukrainian immigrants living in South America**

Gleb P. Pilipenko

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: glebpilipenko@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5422-0039

Citation

Pilipenko G. P. Adaptation of verbs borrowed from Spanish in the speech of descendants of Ukrainian immigrants living in South America // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 193–230 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.01

Received: 19.08.2022.

Abstract

The paper discusses models and strategies for the adaptation of verbs borrowed from Spanish into the migrant dialects of the Ukrainian language spoken in South American countries. There are models in which the Spanish verb is borrowed with the Spanish infinitive ending and without it. The reasons behind choosing one of the models in the speech of descendants of Ukrainian immigrants are investigated. It is stated that one must take into account a set of criteria that affect this process (the frequency of lexemes, their semantics, the number of syllables, etc.). The paper identifies new types of adaptation of borrowed verbs that have not been previously discussed in linguistic publications. The cases of bare use of verbal lexemes in the speech of informants are also analyzed. Examples of the aspect pairs from borrowed Spanish verbs are discussed. This category is in the process of grammaticalization. In some cases, when forming an aspect pair with a prefix, informants apply prefixes inherent to the respective verbal prototypes in their native dialect. The copying of verb control from both Ukrainian and Spanish when using a borrowed verb is also attested. Using the example of the Ukrainian-Spanish bilingualism in the migrant community living in South American countries for a little more than a century, we have the opportunity to observe the changes that occur in the Slavic verbal system under the influence of the dominant Romance language.

Keywords

Verb, adaptation, borrowing, Ukrainian language, Spanish language, South America.

**Чехи среди сербов и хорватов:
обзор социолингвистической экспедиции 2022 г.**

Борисов Сергей Александрович
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: borisovsergius@gmail.com
ORCID: 0000-0002-2321-9983

Цитирование

Борисов С. А. Чехи среди сербов и хорватов: обзор социолингвистической экспедиции 2022 г. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 231–248. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.02

Финансирование

Статья подготовлена в рамках проекта РФФ 20-78-10030.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023.

Аннотация

В августе 2022 г. проводилось полевое исследование в чешских диаспорах Сербии и Хорватии. Речь идет о потомках переселенцев из Богемии и Моравии, прибывавших на пограничные с Османской империей земли в течение XIX в. Чешские сообщества в этих регионах контактируют не только с мажоритарными этносами, сербским и хорватским, но также с другими меньшинствами, среди которых в Сербии — венгры, румыны; в Хорватии — сербы, венгры, словаки, украинцы, итальянцы. В населенном пункте Чешко-Село в Воеводине автором впервые был посещен гастрономическо-музыкальный фестиваль «Сербский Банат», в котором ежегодно принимают участие представители чешского меньшинства и гости из Чешской Республики. За время экспедиции было записано более 30 часов интервью. В беседах с чехами обсуждались традиции и обряды, связанные с праздниками и важными событиями календарного и семейного цикла, а также вопросы языковой и культурной политики государств, в которых они проживают. Интервью с сербами и хорватами были посвящены восприятию чешских диаспор «извне». Было задокументировано 5 кладбищ, планируется оцифровка надписей на надгробных памятниках для проведения последующего комплексного лингвистического анализа.

Ключевые слова

Социолингвистика, контактная лингвистика, полевое исследование, чехи, сербы, хорваты, Банат, эпиграфика.

Сотрудником Института славяноведения РАН С. А. Борисовым с 11 по 21 августа 2022 г. проводилось полевое исследование среди чехов в Сербии и Хорватии. В Сербии были обследованы населенные пункты Южнобанатского округа автономного края Воеводина: Бела-Црква (Bela Crkva, чеш. Bílý Kostel), Крушчица (Kruščica, чеш. Kruščice), Чешко-Село (Češko Selo, чеш. Ablián), Калуджерово (Kaludegovo). В Хорватии исследование проводилось в пунктах Бьеловарско-Билогорской жупании: Дарувар (Darugar), Горни-Дарувар (Gornji Darugar, чеш. Horní Darugar), Кончаница (Končanica, чеш. Končenicе); Пожегско-Славонской жупании: Каптол (Kaptol); Сисакско-Мославинской жупании: Меджурич (Međurić, чеш. Mezurač), Липовляни (Lipovljani, чеш. Lipovlanu). Часть населенных пунктов автор посетил во второй раз спустя три года после экспедиций сезона 2019 г.¹ Основной целью экспедиции было социолингвистическое обследование областей и населенных пунктов, в которых компактно проживают представители чешского меньшинства. Названные регионы отличаются большим этническим разнообразием. Так, в Воеводине в непосредственной близости от сел, где проживают чехи, расположены населенные пункты с румынским (Войводинци, Стража, Гребенац, Куштиль, Орешац) и венгерским (Добричево, Шушара, Шумарак) большинством. В Хорватии соседями чехов являются сербы (Дарувар, Кутина, Пакрац, Гарешница), венгры (Дарувар, Дежановац, Грубишно-Поле), словаки (Нашице, Липовляни, Кутина, Липик), украинцы (Липовляни, Кутина), итальянцы (Пакрац, Липик, Кутина).

Социолингвистическое исследование проводилось, прежде всего, в форме записи интервью с представителями как миноритарных чешских сообществ (на чешском языке), так и мажоритарных этносов (на сербском и хорватском языках соответственно). Основу опросника составляли вопросы, касающиеся обрядов календарного и семейного цикла. Отправной точкой во время данной экспедиции служили

¹ Борисов С. А., Пилипенко Г. П. Полевое исследование среди венгров и чехов в Центральной Хорватии // Zbornik Janković. 2019. Br. 4. S. 593–604; Борисов С. А. Чешский язык и традиционная культура в полиэтничном окружении (результаты полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 290–309.

вопросы о праздновании Вознесения Девы Марии / Успения Богородицы (чеш. *Nanebevzetí Panny Marie*, хорв. *Velika Gospa*, 15 августа; серб. *Velika Gospojina, Uspenje Presvete Bogorodiце*, 15 (28) августа), Рождества Богородицы (чеш. *Narození Panny Marie*, хорв. *Mala Gospa*, 8 сентября; серб. *Mala Gospojina, Рођење Пресвете Богородице*, 8 (21) сентября), так как они были ближе всего к датам поездки. Нас интересовала форма бытования обрядов в прошлом, а также то, как они сохраняются сейчас. Также были заданы вопросы о погодных приметах, связанных с днями гражданского и церковного календаря, о персонажах низшей демонологии (напр., вампирах и ведьмах). Социолингвистическая часть опросника включала в себя вопросы о языковой и культурной политике государств в отношении чешского меньшинства (наличие возможности получать образование на чешском языке, статус чешского языка в конкретных муниципальных образованиях), особое внимание уделялось фактам переключения кода и заимствованиям из сербского и хорватского языков. Обсуждалось функционирование неофициальных топонимов и этнонимов в повседневной речи чехов и представителей мажоритарных этнических групп. В беседах с представителями мажоритарных этносов автор стремился зафиксировать взгляд «извне» на чешское меньшинство: выявить существующие этностереотипы (положительные и отрицательные), степень закрытости миноритарной общины, вовлеченности сербов и хорватов в культурную жизнь чехов и наоборот. Общий объем записанных интервью, в которых участвовали 33 собеседника, составляет около 30 часов (из них в Сербии — 16 часов, в Хорватии — 14 часов). В качестве примера приведем нарратив на чешском языке, в котором собеседник рассказывает об эпизоде масленичного обхода (чеш. *maškari²*, хорв. *maškare*), а именно о поиске «медведя» (*medvj³et*) и его бое с «трубочистом» (*komin'ik*) в селе Кончаница (Хорватия).

Tak se de hledat medvj³et. Tak maj se medvj³et sxovat den p³set t'im nebo večir <...> ve dvje ve tři ráno³. A kluci ho skovaj. De se uš ve kerem dvo-

---

2 Ср. Валенцова М. М. Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М., 2016. С. 144–145. В селе Кончаница так называют не только ряженных, но и масленичную процессию, а также сам день, когда устраивают карнавал.

3 В исследованных идиомах наблюдается повсеместное сокращение долгих гласных, особенно во флексиях. Корневые долготы встречаются чаще, однако их употребление бывает непоследовательным, в том числе

ře bude skovavat, to se dicki skovava tam, de je, je volna holka. F kući kerej bidli holka tak se tam sxovává⁴ medvjed u n'i. No i potom ráno maškari ho hledaji. Dok ne najdou medvjeda, nemužou n'ikam jit, musej ho najit. A jako odehrajou se tři pism'ički, dvje pism'ički i na třet'i pism'ičku jesi ho nenajdou, tak na třet'i on vixazi ven sam. I potom se komin'ik a ten medvjed musej prat. <...> I jesi pobjed'i medvjed, tag znamena, že rok bude špatni, a jesi komin'ik pobjed'i, tak bude dobrej⁵.

«Идут искать медведя. Медведь должен спрятаться за день до этого или вечером, в два-три утра. А парни его прячут. Идут туда, на каком дворе будут прятать, всегда прячут там, где есть незамужняя девушка. В доме, где живет девушка, там прячется медведь, у нее. Ну и потом с утра ряженные его ищут. Пока не найдут медведя, они не могут никуда пойти, они должны найти его. А если сыграют три песни, две песни, и на третью если его не найдут, то на третью он выходит наружу сам. И потом трубочист с этим медведем должны драться. И если победит медведь, то это значит, что год будет плохой, а если трубочист победит, то будет хороший» (Б. К., 1990 г. р., муж., Кончаница, Хорватия⁶).

Помимо записи интервью, во время экспедиции автором были сделаны фотографии, позволяющие проследить изменение языкового ландшафта во времени (новые мультязычные дорожные знаки, появление чешских блюд в меню ресторана и т. п.), были задокументированы надгробные памятники на кладбищах, которые не были посещены ранее.

В Сербии чехи, румыны и венгры являются признанными меньшинствами⁷, имеют право на использование своего языка и письменности в качестве официальных в регионах, где доля представителей меньшинства достигает не менее 15 %, либо если такое право специально прописано в статуте соответствующей единицы местного

в рамках одного и того же нарратива. См. об этом: *Mirković D. Govori Šeha u Slavoniji (Darugar i okolina)*. Beograd, 1968. S. 176–181.

4 Колебания произношения *k/x* в словоформах данной лексемы индивидуальны для информанта.

5 Для записи нарративов на чешском языке используется упрощенная транскрипция. Палатальные *t', d', n'* всегда обозначены апострофом, глухой велярный спирант обозначен символом *x*.

6 Указаны инициалы, год рождения, пол собеседника и место записи.

7 Националне мањине // Влада Републике Србије. URL: <http://www.arhiva2.srbija.gov.rs/pages/article.php?id=41> (дата обращения: 31.01.2023).

самоуправления⁸. В статуте общины Бела-Црква указано, что «в официальном употреблении находятся [помимо сербского] также румынский язык и латиница, чешский язык и латиница и венгерский язык и латиница»⁹. В частности, на миноритарных языках разрешено указывать «названия субъектов местного самоуправления, населенных пунктов, площадей и улиц, а также других топонимов <...> в устоявшейся форме и в соответствии с орфографией данного языка»¹⁰. При посещении упомянутых областей это заметно прежде всего на многоязычных дорожных знаках, обозначающих границы населенных пунктов.

Наиболее ярким примером такого многоязычия служат знаки при въезде в г. Бела-Црква, на одном из которых указано: *Бела Црква* (серб. кирилл.) / *Bela Crkva* (серб. лат.)¹¹ / *Biserica Albă* (рум.) / *Fehértemplom* (венг.) / *Bílý Kostel* (чеш.). Чешский вариант появился относительно недавно, так как в 2019 г. он отсутствовал. В речи представителей меньшинства указанный чешский топоним встречается реже, чем формы, образованные от сербского названия *Бела Црква* и немецкого *Weißkirchen* (примеры из интервью 2015 г.¹²: *do Bilej Crkvi, ze*

8 Закон о заштити права и слобода националних мањина // Министарство државне управе и локалне самоуправе. URL: <https://mduls.gov.rs/wp-content/uploads/ZAKON-O-ZASTITI-PRAVA-I-SLOBODA-NACIONALNIH-MANJINA040718.pdf> (дата обращения: 31.01.2023). С. 4.

9 Статут општине Бела Црква // Општина Бела Црква: Разна документа. URL: <http://belacrkva.rs/wp-content/uploads/2015/05/Статут-општине.pdf> (дата обращения: 31.01.2023).

10 Закон о заштити... С. 4.

11 На фото, сделанном автором статьи, надпись на сербской латинице отсутствует, однако знак с шестью вариантами наименования также существует, но находится у въезда в город с другой стороны. См.: *Ћoban R. Multijezične table: Riznica jezika i pisama // Nedeljnik Vreme. 20.02.2022. URL: https://www.vreme.com/vesti/vojvodina-o-cemu-govore-table-sa-nazi-vima-naselja/* (дата обращения: 31.01.2023).

12 Автор выражает благодарность д-ру Биляне Сикимич (Институт балканистики САНИ, Белград) и коллективу неправительственной

Beli Cirkve; do Vajskirxu). Спонтанное употребление топонима *Bílý Kostel* нам встретилось в одном из интервью также 2015 г.: *Pšesel do Vajskirxu... do Biliho kostelu, jag žikaji. Vajskirxen n'emecki a Bilej Kostel na česki* («Он перешел в Вайскирх... в Белый Костел, как говорят. Вайскирхен — по-немецки, а Белый Костел на чешском»; Й. Т., 1957 г. р., муж., Гай, Сербия). Однако в этом примере топоним *Bílý Kostel* употреблен не самостоятельно, а в рамках дискурсивной стратегии «перевода», актуализация которой могла быть вызвана присутствием исследователя. Обновленный знак с названием населенного пункта стоит также на въезде в Чешко-Село: *Чешко Село* (серб. кирилл.) / *Češko Selo* (серб. лат.) / *Ablián* (чеш.). Чешко-Село является населенным пунктом с самым высоким процентом чешского населения (более 80 %¹³), хотя абсолютная численность населения составляла на 2011 г. 40 чел.¹⁴ В качестве чешского варианта названия села было выбрано историческое *Ablián*, данное ему при основании в 1837 г.¹⁵ Данный топоним встречается в речи сербских чехов, однако в присутствии исследователя он дублируется вариантом *Чешко Село* (прилагательное *česko* при этом обычно приспосабливается к чешской фонетике: *ve českim, česko*), причем «перевод» может производиться как в одну сторону, так и в другую: *rozenej sem ve Českim Selu, Ablijanu* («Я родился в Чешко-Село, Аблиане»; Й. И., 1947 г. р., муж., Вршац, Сербия); *bili tadi ve- na Ablijan'e, ja mu ržikam na Ablijan'e, ale jen tet' ti*

организации «Школа Плюс им. Досифея Обрадовича» (Бела-Црква) за предоставленные интервью 2015 г.

13 Попис становништва, домаћинства и станова у 2002. Становништво, национална или етничка припадност, подаци по насељима. Београд: Републички завод за статистику, 2003. URL: <https://publikacije.stat.gov.rs/G2002/Pdf/G20024001.pdf> (дата обращения: 31.01.2023). С. 32–33. В связи с изменением методологии проведения переписи населения в Сербии, начиная с 2011 г. меньшинства, составляющие менее 2000 чел., не учитываются отдельно, а попадают в категорию «остальные», кроме того, минимальной территориальной единицей учета стали город и община, поэтому в сводных таблицах также отсутствуют данные по отдельным населенным пунктам (селам, деревням), входящим в состав городов и общин. Поэтому здесь приводятся данные более подробной переписи 2002 г.

14 *Češko Selo, broj stanovnika // Broj stanovnika Srbije*. URL: <https://brojstanovnika.cu.rs/naselje/cesko-selo> (дата обращения: 31.01.2023).

15 *Pavlásek M. Exkurs do historie Banátské vojenské hranice s přihlédnutím k vzniku českých enkláv na jejím území // Slovanský přehled. Review for the History of Central, Eastern and Southeastern Europe, 2010. R. 96. Č. 3–4. S. 259.*

fšichn'i vjed'i, fšeno Česko Selo ne («были здесь на Аблиане, я о нем говорю “на Аблиане”, но только теперь все знают, что это Чешко-Село»; Р. Б, 1938 г. р., жен., Вршац, Сербия). Как уже было сказано, чешский, венгерский и румынский языки являются официальными на всей территории общины Бела-Црква, поэтому мультязычные надписи встретились даже в таких моноэтнических сербских населенных пунктах, как Калуджерово и Банатска-Паланка. В первом из них при въезде читаем: *Калуђерово* (серб. кирилл.) / *Kaludjerovo* (серб. лат.) / *Szólóshegy* (венг.) / *Kaludjerovo* (чеш./рум.¹⁶); во втором: *Банатска Паланка* (серб. кирилл.) / *Palank* (венг.) / *Banátská Palanka* (чеш.). В Калуджерово на здании местной администрации закреплены таблички с названием учреждения также на сербском, чешском, румынском и венгерском.

В Чешко-Село мы посетили ежегодный фестиваль «Сербский Банат» (серб. *Festival Srpski Banat*), который организуется при поддержке Чешской Республики. Фестиваль состоял из двух частей: конкурса по приготовлению блюда паприкаш (серб. *paprikašijada*), в котором приняли участие команды из Сербии и Чехии, и рок-концерта. Целями данного мероприятия являются, с одной стороны, поддержка чешского миноритарного сообщества в качестве важного субъекта культурной жизни региона, а с другой — продвижение исполнителей чешского происхождения из Чехии, Сербии и других стран. Стоит также отметить, что через два дня данный фестиваль продолжился в чешском селе Эйбенталь в Румынии. Нам также удалось посетить местный музей (чеш. *Etno muzeum Česko Selo*, серб. *Etno muzej Češko Selo*), экспозиция которого посвящена истории переселения чехов в Банат и жизни сообщества на протяжении XX в. Современное Чешко-Село само по себе является своего рода музеем под открытым небом. Упомянутый крупный фестиваль там проходит один раз в год, однако круглогодично там можно увидеть «туристические» достопримечательности: сделанные вручную красочные указатели, направленные в сторону крупных городов мира, стенд с перечнем всех чешских населенных пунктов в сербском и румынском Банате, барные столы с выложенными мозаикой флагом Чехии и гербом села; работает сувенирная лавка и кафе. Среди самых частых посетителей — участники групповых экскурсий из Чехии в Банат «к землякам», а также

---

16 Данную форму сложно интерпретировать однозначно, поскольку употребление чехами данного топонима в речи зафиксировано не было. В стандартной чешской орфографии такая запись должна читаться как [kaludjerovo], в румынской — [kaluđerovo].

велосипедисты и мотоциклисты, проезжающие через общину Бела-Црква по пути в Румынию и обратно.

В селе Калуджерово, расположенном на самой границе с Румынией, состоялась беседа с местными жителями (сербам). Были записаны представляющие интерес с этнолингвистической точки зрения нарративы о погребальной обрядности, ходячих мертвецах (серб. *упир, вампир*) и ведьмах (серб. *вештица*). В качестве примера приведем отрывок нарратива о том, как молодые девушки по ночам катаются верхом на навое.

С1¹⁷: U Kaluđerovu recimo ima velike priče o jahanju vratila [...] To je jedan deo razboja za tkanje [...] I navodno su žene uzimale, dakle mlade žene su uzimale to vratilo i onda kad pospe celo selo, one su onda jahale to vratilo¹⁸.

С2: Kao na metli veštica

С1: Kao na metli veštica. One su, one imale tako zvane natprirodne moći.

С. Б.¹⁹: I što radile?

С1: Svašta su radile.

С3: Ali to samo noću.

С1: Noću su to jedino.

С3: U ponoć.

С1: Od ponoći.

С2: Kažu skinu se gole, tako?

С1: Tako. Skinu se gole, uzjašu vratilo i ovo.

С2: Znaju i tu po Kaluđerovu ovo jašu.

«– В Калуджерово, скажем, есть целая история о катании верхом на навое. Это часть ткацкого станка. И, говорят, женщины брали, молодые женщины брали этот навой и, когда все село засыпало, они катались верхом на этом навое.

– Как ведьма на метле.

– Как ведьма на метле. У них были так называемые сверхспособности.

– И что они делали?

– Чего только не делали.

– Но только ночью.

17 В диалоге помимо автора участвовало три собеседника, все жители Калуджерово, возрастная группа: 60–70 лет.

18 Нарративы на сербском языке приведены в стандартной орфографии латиницей.

19 С. Б. — Сергей Борисов.

- Только ночью.
- В полночь.
- После полуночи.
- Говорят, раздевались догола, так?
- Так. Разденутся догола, сядут верхом на навой, и вперед.
- Они и здесь, в Калуджеро, на нем верхом катаются».

Также обсуждалась история села как пограничного пункта, информанты рассказали, что в какой-то момент Калуджеро и Крушчица соперничали за право разместить у себя таможеню. Последний сюжет в дальнейшем был использован нами во время разговоров с чехами из Крушчицы.

В Хорватии официальное употребление миноритарного языка гарантируется на территории тех административных единиц, где данное миноритарное сообщество составляет одну треть населения²⁰. Официальный статус может быть также присвоен миноритарному языку по усмотрению конкретной общины или города, где проживает соответствующее меньшинство, что должно быть отражено в статуте данного населенного пункта²¹. Актуальность двуязычных дорожных знаков с названиями населенных пунктов как маркеров национальной идентичности подтверждают возникающие в прессе дискуссии о правомерности их установки в населенных пунктах, где количество проживающих представителей меньшинства меньше порогового²². Во время экспедиции 2019 г. мы уже наблюдали таблички

---

20 *Ustavni zakon o pravima nacionalnih manjina od 13.12.2002; pročišćeni tekst (NN 155/02, 47/10, 80/10, 93/11, 93/11 na snazi od 06.07.2010) // Zakon.hr. URL: <https://www.zakon.hr/z/295/Ustavni-zakon-o-pravima-nacionalnih-manjina> (дата обращения: 31.01.2023).*

21 *Zakon o uporabi jezika i pisma nacionalnih manjina u Republici Hrvatskoj od 27.05.2000 (NN 51/00, 56/00) // Zakon.hr. URL: <https://www.zakon.hr/z/1851/Zakon-o-uporabi-jezika-i-pisma-nacionalnih-manjina-u-Republici-Hrvatskoj> (дата обращения: 31.01.2023).*

22 *Trgovac Martan S. Načelnik ogorčen zbog postavljanja dvojezičnih tabli: 'To je terorizam!' // Klikni.hr. 2022. 31. siječnja. URL: <https://www.klikni.hr/aktualno/2022/01/31/nacelnik-ogorcen-zbog-postavljanja-dvojezicnih-tabli-to-je-terorizam/> (дата обращения: 31.01.2023); *Trgovac Martan S. Načelnik ne govori istinu, imamo pravo na dvojezične natpise. Tužili smo ga Ministarstvu! // Klikni.hr. 2022. 1. veljače. URL: <https://www.klikni.hr/aktualno/2022/02/01/nacelnik-ne-govori-istinu-imamo-pravo-na-dvojezicne-natpise-tuzili-smo-ga-ministarstvu/> (дата обращения: 31.01.2023).**

на хорватском и чешском языке на административных зданиях и двуязычные дорожные знаки в общинах Бьеловарско-Билогорской жупании, поэтому особый интерес для нас представлял лингвистический ландшафт в населенных пунктах Каптол (община Каптол, Пожегско-Славонская жупания) и Меджурич (город Кутина, Сисакско-Мославинская жупания), в которых доля чехов составляет около 1 %, однако представители меньшинства активно участвуют в мероприятиях, посвященных чешской культуре и традициям хорватских чехов. В центре Каптола, где по данным на 2021 г.²³ проживает 27 чехов (ср. 64 чел. в 2011 г.²⁴), на ул. Чешской (*Češka*) стоит отремонтированный дом местной чешской беседы²⁵. На фасаде — крупная надпись на хорватском и чешском языках: *DOM ČEŠKE BESEDE / KAPTOL / DŮM ČESKÉ BESEDY*; а также три памятные доски: две на чешском языке (1969 г. и 1974 г.) и одна на чешском и хорватском (1978 г.). Указатель в сторону дома чешской беседы также присутствует на навигационном столбе, установленном при въезде в центр города, где перечислены все достопримечательности Каптола и окрестностей. Что касается знаков на въезде и выезде из населенного пункта, водителей встречает табличка с приветствием ‘добро пожаловать’ на 5 языках: хорватском, английском, немецком, итальянском и чешском (*Vítáme Vás!*); а провожает аналогичная табличка фразой ‘до свидания’, на которой также есть чешский вариант (*Naschledanou!*). Первая из указанных надписей выполнена в соответствии со стандартной чешской орфографией, а во второй мы можем наблюдать два отклонения: слитное написание с предлогом *na*, а также сочетание *sch* (ср. чеш. станд. *Na shledanou!*). По словам председателя чешской беседы в Каптоле Зденко Тауша, надписи на чешском удалось согласовать с администрацией региона совсем недавно. Присутствие чешского языка в лингвистическом ландшафте Каптола, таким образом, делает миноритарное сообщество заметнее в городе.

---

23 Все данные переписи населения Хорватии 2021 г. по населенным пунктам указаны по: Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2021. — Stanovništvo po naseljima // Državni zavod za statistiku. URL: https://podaci.dzs.hr/media/rqybclnx/popis_2021-stanovnistvo_po_naseljima.xlsx (дата обращения: 31.01.2023)

24 Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2011. Stanovništvo prema državljanstvu, narodnosti, vjeri i materinskom jeziku. Statistička izvešća. Zagreb: Državni zavod za statistiku, 2013. URL: https://web.dzs.hr/Hrv_Eng/publication/2012/SI-1469.pdf (дата обращения: 31.01.2023).

25 Чешская беседа (чеш. *česká beseda*, серб./хорв. *češka beseda*) — название культурных центров у представителей чешских сообществ за рубежом.

Была также совершена поездка в населенные пункты Меджурич и Липовляни, находящиеся к юго-западу от Дарувара. Село Меджурич административно относится к городу Кутина, в котором по данным переписи 2021 г. проживает 218 чехов (1,11 %). Чешский язык в лингвистическом ландшафте этого населенного пункта присутствует лишь на мемориальной доске, установленной на доме, в котором в 1920 г. было основано местное чехословацкое общество, и в виде чешских имен и фамилий на памятнике воинам, погибшим в годы Второй мировой войны. В общине Липовляни, где проживает 46 чехов (1,64 %), 65 словаков (2,32 %), а также существует диаспора украинцев (96 чел., 3,42 %), в религиозном плане относящихся к грекокатолической церкви, нас интересовали прежде всего надписи на надгробных памятниках на местном кладбище, о чем будет сказано ниже.

В Даруваре, который является фактическим и административным центром чешского меньшинства в Хорватии, двуязычные таблички присутствуют на стенах мэрии, резиденции Союза чехов в Хорватии (хорв. *Savez Čeha*, чеш. *Svaz Čechů*), чешской школы и детского сада. Также о присутствии меньшинства напоминает Чешский национальный дом (*Český národní dům*), находящийся на улице Томаша Гаррига Масарика. Даруварская пивоварня, существующая с 1840 г., производит пиво под маркой «Старочешское» (*Staročeské*). Интервью с хорватами из Дарувара показали, что чешская диаспора воспринимается местными жителями как неотъемлемый субъект социальной, культурной и политической жизни города и региона, хотя и считается относительно закрытым сообществом. Отношение к меньшинству положительное, чехов воспринимают как хороших хозяйственников, музыкантов, инженеров. Один из собеседников, который занимается в том числе развитием культурных и туристических проектов Дарувара, поделился своим мнением о том, что присутствие в городе чешского меньшинства является интересным фактом для туристов, и поэтому он предложил включить в меню одного из ресторанов блюда чешской кухни. Так в меню появились вырезка на сливках (*svíčková na smetane*), свиное колено (*svinjska koljenica*), дрожжевые кнедлики на пару (*dizane knedle na pari*), кнедлики с капустой (*knedle s kupusom*). Интересно, что в меню все названия даны на хорватском, за исключением *svíčková na smetane*, что является дословным заимствованием, у которого не соблюдена чешская диакритика (ср. чеш. *svíčková na smetaně*). В сувенирной лавке города, где в основном продаются изделия из меда и фруктовые ликеры, на подарочных бутылках присутствуют надписи-пожелания не только на хорватском, но и на чешском языке.

В последние годы активно исследуется эпиграфика в мультиэтнических регионах²⁶, поэтому отдельной задачей экспедиции, которую ставил перед собой автор, было документирование надписей на надгробных памятниках для их последующего лингвистического анализа. В Сербии было полностью задокументировано кладбище в Чешко-Село, в Хорватии — кладбища в населенных пунктах Горни-Дарувар, Каптол, Меджурич, Липовляни. На кладбище в Чешко-Село преобладают чешские захоронения с эпитафиями на чешском языке, встретились единичные сербские надгробия и некоторое количество памятников, на которых указаны имена членов смешанных семей. Эпитафии на большей части памятников соответствуют формуле: «Здесь покоится почивший в бозе — имя, дата рождения и смерти, либо возраст — мир праху его» (приведем ее в стандартной чешской орфографии: *zde odpočívá v Pánu zesnulý — klid popelu jeho*). Универсальность данной формулы позволяет провести статистическое исследование встречающихся орфографических вариаций. Приведем несколько примеров: опущение диакритических знаков (*odpociva*), написание фонетического *t* на месте орфографического *d* (*otpočívaji*)²⁷, неразличение орфографических вариантов *y/i* (*klid/klyd, popeli/popely*), неразличение *ř* и *ž* (*zemžel*).

На кладбище в населенном пункте Горни-Дарувар похоронены хорваты, чехи, часто члены смешанных семей. Эпитафии выполнены на хорватском и чешском языках. Часто встречаются надгробные памятники, где указаны чешские имя и фамилия, но обрамляющая надпись выполнена на хорватском: *OVDJE POČIVA / DRAGUTIN HORAK / SPOMEN PODIŽE TUGUJUĆA SUPRUGA I DJECA*.

26 Скорвид С. С. О вариативности фамильных именовании потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 63–74; Сикимић Б., Номаћи М. Језички пејзаж меморијалног простора вишејезичних заједница: банатски Бугари / Палћани у Србији // Јужнословенски филолог. 2016. LXXII. Св. 1–2. С. 7–31; Ващенко Д. Ю. К специфике варьирования в структуре надгробных надписей у градишанских хорватов Южной Словакии и Венгрии (по материалам полевых исследований) // Slavica Slovaca. 2020. R. 55. № 3. S. 359–367; Tesarř Š. České náhrobní nápisy v lokalitách Bela Crkva, Kruščica a Češko Selo v srbském Banátu. Magisterská diplomová práce. Masarykova univerzita. Filozofická fakulta. Ústav slavistiky. Brno, 2020; Белова О. В., Ясинская М. В. Антропонимия и топонимия в мемориальной эпиграфике Подляшья // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 62–84.

27 Данное явление может быть отнесено к влиянию сербской орфографии.

На кладбище г. Каптол надписи выполнены на чешском и хорватском языках, встречаются хорватские, чешские, венгерские, немецкие фамилии. Особое внимание автора привлекла следующая эпитафия: *HAMŘIK / ZDRAVKO-PEMAC / REZA-TEA / POČIVALI U MIRU BOŽJEM*. Завершающая надпись выполнена на хорватском языке, при этом в написании фамилии сохранен *ř*, а имя мужчины дано вместе с прозвищем *Pemac*²⁸.

Кладбище в населенном пункте Меджурич разделено на две части: первая относится собственно к Меджуричу, а вторая — к соседнему селу Банова-Яруга (Banova Jaruga). Были задокументированы обе части. На этих двух кладбищах преобладают чешские и хорватские захоронения, встретились также захоронения сербов. Кладбище в населенном пункте Липовляни представляло особый интерес, так как, как уже было сказано, в этом городе помимо хорватов проживает украинская грекокатолическая диаспора,

а также чехи, словаки и сербы. Эпитафии на украинских захоронениях выполнены латиницей и кириллицей, причем последние в нескольких случаях — с использованием букв церковнославянского алфавита.

В данный момент предстоит работа по дигитализации и каталогизации данных эпитафий, сведение их в разрабатываемый корпус. В дальнейшем планируется на основе созданного корпуса провести комплексное исследование особенностей эпиграфики контактных зон. Осуществляется работа по расшифровке записанных в экспедиции интервью, которые составляют материал лингвистического исследования чешских идиомов в сербском и хорватском языковом окружении.

Pemac — распространенный «неофициальный этноним», однако до сих пор нам не встречались случаи его использования на надгробных памятниках.

28 Производные от нем. *Böhme* «выходец из Богемии» этнонимы распространены в местах компактного проживания чехов в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Сербии (*pemac/pemuch, pemkinja/pemka, pemci*), Румынии (*pem, petoaiță, peti*). См. об этом: Борисов С. А., Пилипенко Г. П. *Pemî / Pemci* в румынско-сербском окружении: село Златица в Банате // Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание / отв. ред. И. А. Седакова. М., 2021. С. 49–53.

Источники и литература

Белова О. В., Ясинская М. В. Антропонимия и топонимия в мемориальной эпиграфике Подляшья // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 62–84. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.002.

Борисов С. А. Чешский язык и традиционная культура в полиэтничном окружении (результаты полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2. С. 290–309. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.02.

Борисов С. А., Пилипенко Г. П. Реті / Ретсі в румынско-сербском окружении: село Златица в Банате // Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание / отв. ред. И. А. Сёдакова. М.: Институт славяноведения РАН: Индрик, 2021. С. 49–53. DOI: 10.31168/2618-8597.2021.16.07.

Борисов С. А., Пилипенко Г. П. Полевое исследование среди венгров и чехов в Центральной Хорватии // Zbornik Janković. 2019. Вр. 4. С. 593–604.

Валенцова М. М. Народный календарь чехов и словаков. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2016. 616 с. DOI: 10.47325/zj.4.4.21.

Ващенко Д. Ю. К специфике варьирования в структуре надгробных надписей у градищанских хорватов Южной Словакии и Венгрии (по материалам полевых исследований) // Slavica Slovaca. 2020. R. 55. № 3. С. 359–367.

Закон о заштити права и слобода националних мањина // Министарство државне управе и локалне самоуправе. URL: <https://mduls.gov.rs/wp-content/uploads/ZAKON-O-ZASTITI-PRAVA-I-SLOBODA-NACIONALNIH-MANJINA040718.pdf> (дата обращения: 31.01.2023).

Националне мањине // Влада Републике Србије. URL: <http://www.arhiva2.srbija.gov.rs/pages/article.php?id=41> (дата обращения: 31.01.2023).

Попис становништва, домаћинства и станова у 2002. Становништво, национална или етничка припадност, подаци по насељима. Београд: Републички завод за статистику, 2003. URL: <https://publikacije.stat.gov.rs/G2002/Pdf/G20024001.pdf> (дата обращения: 31.01.2023).

Сикимић Б., Номаћи М. Језички пејзаж меморијалног простора вишејезичних заједница: банатски Бугари / Палћани у Србији // Јужнословенски филолог. 2016. LXXII. Св. 1–2. С. 7–31.

Скорвид С. С. О вариативности фамиљних именованих потомков чешких переселенцев на Северном Кавказе и в Западној Сибири // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 63–74.

Статут општине Бела Црква // Општина Бела Црква: Разна документа. URL: <http://belacrква.rs/wp-content/uploads/2015/05/Статут-општине.pdf> (дата обращения: 31.01.2023).

Češko Selo, broj stanovnika // Broj stanovnika Srbije. URL: <https://broj-stanovnika.cu.rs/naselje/cesko-selo> (дата обращения: 31.01.2023).

Čoban R. Multijezične table: Ríznica jezika i pisama // Nedeljnik Vreme. 20.02.2022. URL: <https://www.vreme.com/vesti/vojvodina-o-cemu-govore-table-sa-nazivima-naselja/> (дата обращения: 31.01.2023).

Mirković D. Govori Čeha u Slavoniji (Daruvar i okolina). Beograd: Filološki fakultet Beogradskog Univerziteta, 1968. 390 s.

Pavlásek M. Exkurs do historie Banátské vojenské hranice s přihlédnutím k vzniku českých enkláv na jejím území // Slovanský přehled. Review for the History of Central, Eastern and Southeastern Europe. 2010. R. 96. Č. 3–4. S. 243–262.

Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2011. Stanovništvo prema državljanstvu, narodnosti, vjeri i materinskom jeziku. Statistička izvešća. Zagreb: Državni zavod za statistiku, 2013. URL: https://web.dzs.hr/Hrv_Eng/publication/2012/SI-1469.pdf (дата обращения: 31.01.2023).

Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2021. — Stanovništvo po naseljima // Državni zavod za statistiku. URL: https://podaci.dzs.hr/media/rqybclnx/popis_2021-stanovnistvo_po_naseljima.xlsx (дата обращения: 31.01.2023).

Tesař Š. České náhrobní nápisy v lokalitách Bela Crkva, Kruščica a Češko Selo v srbském Banátu. Magisterská diplomová práce. Masarykova univerzita. Filozofická fakulta. Ústav slavistiky. Brno, 2020. 113 s.

Trgovac Martan S. Načelnik ne govori istinu, imamo pravo na dvojezične natpise. Tužili smo ga Ministarstvu! // Klikni.hr. 2022. 1. veljače. URL: <https://www.klikni.hr/aktualno/2022/02/01/nacelnik-ne-govori-istinu-imamo-pravo-na-dvojezicne-natpise-tuzili-smo-ga-ministarstvu/> (дата обращения: 31.01.2023).

Trgovac Martan S. Načelnik ogorčen zbog postavljanja dvojezičnih tabli: ‘To je terorizam!’ // Klikni.hr. 2022. 31. siječnja. URL: <https://www.klikni.hr/aktualno/2022/01/31/nacelnik-ogorcen-zbog-postavljanja-dvojezicnih-tabli-to-je-terorizam/> (дата обращения: 31.01.2023).

Ustavni zakon o pravima nacionalnih manjina od 13.12.2002; pročišćeni tekst (NN 155/02, 47/10, 80/10, 93/11, 93/11 na snazi od 06.07.2010) // Zakon.hr. URL: <https://www.zakon.hr/z/295/Ustavni-zakon-o-pravima-nacionalnih-manjina> (дата обращения: 31.01.2023).

Zakon o uporabi jezika i pisma nacionalnih manjina u Republici Hrvatskoj od 27.05.2000 (NN 51/00, 56/00) // Zakon.hr. URL: <https://www.zakon.hr/z/1851/Zakon-o-uporabi-jezika-i-pisma-nacionalnih-manjina-u-Republici-Hrvatskoj> (дата обращения: 31.01.2023).

References

Belova, O. V., Iasinskaia, M. V. "Antroponimii i toponimii v memorial'noi epigrafike Podliash'ia." *Voprosy onomastiki*, 2021, vol. 18, no. 1, pp. 62–84. DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.002.

Borisov, S. A. "Cheshskii iazyk i traditsionnaia kul'tura v polietnichnom okruzenii (rezul'taty polevogo issledovaniia 2019 goda v Serbii, Rumynii, Bosnii i Gertsegovine)." *Slavianskii al'manakh*, 2021, no. 1–2, pp. 290–309. DOI: 10.31168/2073-5731.2021.1-2.3.02.

Borisov, S. A., Pilipenko, G. P. "Pemi / Pemci v rumynsko-serbskom okruzenii: selo Zlatitsa v Banate." *Strategii mezhbalkanskoj komunikatsii: Perevod. Pereskaz. Umolchanije*, ed. by I. A. Sedakova, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN: Indrik, 2021, pp. 49–53. DOI: 10.31168/2618-8597.2021.16.07.

Borisov, S. A., Pilipenko, G. P. "Polevoje issledovanie sredi vengrov i chekhov v Tsentral'noi Khorvatii." *Zbornik Janković*, 2019, no. 4, pp. 593–604. DOI: 10.47325/zj.4.4.21.

"Češko Selo, broj stanovnika." *Broj stanovnika Srbije*. URL: <https://brojstanovnika.cu.rs/naselje/cesko-selo> (accessed: 31.01.2023).

Čoban, R. "Multijezične table: Riznica jezika i pisama." *Nedeljnik Vreme*. 20.02.2022. URL: <https://www.vreme.com/vesti/vojvodina-o-cemu-govore-tablesa-nazivima-naselja/> (accessed: 31.01.2023).

Mirković, D. *Govori Čeha u Slavoniji (Darugar i okolina)*. Beograd, 1968, 390 p.

"Nacionalne manjine." *Vlada Republike Srbije*. URL: <http://www.arhiva2.srbija.gov.rs/pages/article.php?id=41> (accessed: 31.01.2023).

Pavlásek, M. "Exkurs do historie Banátské vojenské hranice s přihlédnutím k vzniku českých enkláv na jejím území." *Slovanský přehled. Review for the History of Central, Eastern and Southeastern Europe*, 2010, R. 96, no. 3–4, pp. 243–262.

Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2011. Stanovništvo prema državljanstvu, narodnosti, vjeri i materinskom jeziku. Statistička izvešća. Zagreb: Državni zavod za statistiku, 2013. URL: https://web.dzs.hr/Hrv_Eng/publication/2012/SI-1469.pdf (accessed: 31.01.2023).

"Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2021. — Stanovništvo po naseljima." *Državni zavod za statistiku*. URL: https://podaci.dzs.hr/media/rqybclnx/popis_2021-stanovnistvo_po_naseljima.xlsx (accessed: 31.01.2023).

Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 2002. Stanovništvo, nacionalna ili etnička pripadnost, podaci po naseljima. Beograd: Republički zavod za statistiku, 2003. URL: <https://publikacije.stat.gov.rs/G2002/Pdf/G20024001.pdf> (accessed: 31.01.2023).

Sikimić, B., Nomaći, M. “Jezički pejzaž memorijalnog prostora višejezičnih zajednica: banatski Bugari / Palčani u Srbiji.” *Južnoslovenski filolog*, 2016, LXXII, sv. 1–2, pp. 7–31.

Skorvid, S. S. “O variativnosti famil'nykh imenovanii potomkov cheshskikh pereselentsev na Severnom Kavkaze i v Zapadnoi Sibiri”. *Voprosy onomastiki*, 2014, no. 1 (16), pp. 63–74.

“Statut opštine Bela Crkva.” *Opština Bela Crkva: Razna dokumenta*. URL: <http://belacrkva.rs/wp-content/uploads/2015/05/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%82-%D0%BE%D0%BF%D1%88%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B5.pdf> (accessed: 31.01.2023).

Tesař, Š. *České náhrobní nápisy v lokalitách Bela Crkva, Kruščica a Češko Selo v srbském Banátu*. Magisterská diplomová práce. Masarykova univerzita. Filozofická fakulta. Ústav slavistiky. Brno, 2020, 113 p.

Trgovac Martan, S. “Načelnik ne govori istinu, imamo pravo na dvojezične natpise. Tužili smo ga Ministarstvu!” *Klikni.hr*, 2022, 1. veljače. URL: <https://www.klikni.hr/aktualno/2022/02/01/nacelnik-ne-govori-istinu-imamo-pravo-na-dvojezicne-natpise-tuzili-smo-ga-ministarstvu/> (accessed: 31.01.2023).

Trgovac Martan, S. “Načelnik ogorčen zbog postavljanja dvojezičnih tabli: ‘To je terorizam!’” *Klikni.hr*, 2022, 31. siječnja. URL: <https://www.klikni.hr/aktualno/2022/01/31/nacelnik-ogorcen-zbog-postavljanja-dvojezicnih-tabli-to-je-terorizam/> (accessed: 31.01.2023).

“Ustavni zakon o pravima nacionalnih manjina od 13.12.2002; pročišćeni tekst (NN 155/02, 47/10, 80/10, 93/11, 93/11 na snazi od 06.07.2010).” *Zakon.hr*. URL: <https://www.zakon.hr/z/295/Ustavni-zakon-o-pravima-nacionalnih-manjina> (accessed: 31.01.2023).

Valentsova, M. M. *Narodnyi kalendar' chekhov i slovakov. Etnolingvističeskii aspekt*. Moscow: Indrik, 2016, 616 p.

Vashchenko, D. Iu. “K spetsifike var'jirovanii v strukture nadgrobnnykh nadpisei u gradishchanskikh khorvatov Iuzhnoi Slovakii i Vengrii (po materialam polevykh issledovanii)”. *Slavica Slovaca*, 2020, R. 55, no. 3, pp. 359–367.

“Zakon o uporabi jezika i pisma nacionalnih manjina u Republici Hrvatskoj od 27.05.2000 (NN 51/00, 56/00).” *Zakon.hr*. URL: <https://www.zakon.hr/z/1851/Zakon-o-uporabi-jezika-i-pisma-nacionalnih-manjina-u-Republici-Hrvatskoj> (accessed: 31.01.2023).

“Zakon o zaštiti prava i sloboda nacionalnih manjina.” *Ministarstvo državne uprave i lokalne samouprave*. URL: <https://mduls.gov.rs/wp-content/uploads/ZAKON-O-ZASTITI-PRAVA-I-SLOBODA-NACIONALNIH-MANJINA040718.pdf> (accessed: 31.01.2023).

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.02

S. A. Borisov

**Czechs among Serbs and Croats:
An overview of a sociolinguistic expedition in 2022**

Sergej A. Borisov

Junior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: borisovsergius@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2321-9983

Citation

Borisov S. A. Czechs among Serbs and Croats: An overview of a sociolinguistic expedition in 2022 // Slavic Almanac. 2023. No 1–2. P. 231–248 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.2.02

Received: 02.02.2023.

Acknowledgements

The paper was funded by the Russian Science Foundation, project number 20-78-10030.

Abstract

In August 2022, the author conducted a second field study in the Czech diasporas of Serbia and Croatia. It focused on the descendants of the settlers from Bohemia and Moravia, who arrived to the lands bordering the Ottoman Empire during the 19th century. The Czech communities in these regions are in contact not only with the majority ethnic groups, Serbian and Croatian, but also with other minorities, among which in Serbia are Hungarians and Romanians; and in Croatia Serbs, Hungarians, Slovaks, Ukrainians, Italians. In the village of Češko Selo in Vojvodina for the first time the author visited the annual gastronomic and musical festival “The Serbian Banat”, which is attended by representatives of the Czech minority and guests from the Czech Republic. Over 30 hours of interviews were recorded during the expedition. In conversations with the Czechs, traditions and rituals associated with holidays and important events of the calendar and family cycle were discussed, as well as issues of the language and cultural policy of the states in which they live. Interviews with Serbs and Croats were devoted to the perception of the Czech diasporas “from outside”. Five cemeteries were documented, and it is planned to digitalize the epitaphs for further complex linguistic analysis.

Keywords

Sociolinguistics, contact linguistics, field research, Czechs, Serbs, Croats, Banat, epigraphy.

УДК 821.163.6 (82-1)
DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.01

Н. Н. Старикова

Словенский поэтический неоавангард 1960–1970-х гг. как манифестация свободы

Старикова Надежда Николаевна
Доктор филологических наук, зав. отделом, профессор
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: nstarikova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1230-2244

Цитирование

Старикова Н. Н. Словенский поэтический неоавангард 1960–1970-х гг. как манифестация свободы // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 249–267. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.01

Статья поступила в редакцию 16.02.2023.

Аннотация

В статье рассматривается развитие неоавангардного направления словенской поэзии периода «оттепели» и «свинцового» десятилетия. Художественная практика его представителей И. Гайстера, А. Кермаунера, Ф. Загоричника, В. Ковача-Чабби, М. Ханжека, Т. Шаламуна, основанная на радикальном лингвистическом и визуальном эксперименте как форме эстетического свободомыслия, развивалась в русле реизма («веществования»), освобождающего предмет от его функции, слово от определенного значения, человека от ограничения социальными ролями. Знаковой для неоавангарда стала коллективная творческая деятельность художественно-поэтической группы ОХО (ОНО), идейно связанной со студенческим оппозиционным движением. Концептуальные основы программы группы были изложены в манифесте, опубликованном на страницах газеты «Трибуна». В нем идет речь о применении в искусстве таких инновационных компонентов поэтики, как линия, буква, звук, слог, слово, геометрическая фигура, повторяемость, цикличность. Объединяя звуковое и визуальное, авторы манифеста — художник и поэт — подчеркивали материально-чувственную сторону поэзии, ее воплощение через слушание, видение и движение, привлекали внимание к новому способу создания произведения искусства — принципу вербо-вока-визуализации.

Этот принцип лежит в основе коллективных сборников «оховцев» «ЕВА» (1966), «Каталог I» (1968), «Каталог II» (1969) и др.

Ключевые слова

Словенская поэзия, неоавангард, визуальная поэзия, языковой эксперимент, реизм, вербо-вока-визуализация.

*Основополагающей для языка является проблема
человеческой свободы, освобождения человека в духовном
и общественном смысле.*

Борис Патерну¹

Первая волна авангарда пришлась в словенском искусстве на 1920-е гг., в поэзии она была связана с творчеством А. Подбевшека и С. Косовела, двух выдающихся поэтов-экспериментаторов, вклад которых в развитие национального и европейского стихосложения весьма существенен². В середине 1960-х, уже в социалистической Югославии, словенскую поэзию «накрыла» новая, более радикальная неоавангардная волна, ее ядром стала художественно-поэтическая группа ОХО (ОНО). В 1966 г. команда молодых художников и литераторов из города Крань, в состав которой входили Марко Погачник, Изток Гайстер, Марьян Циглич, Нашко Крижнар, объединилась с представителями люблянкой творческой молодежи Алешем Кермаунером, Андражем и Томажем Шаламунами, Воином Ковачем-Чабби, Матьяжем Ханжеком, чтобы совместно развивать и воплощать в жизнь радикальные лингвистические и визуальные эксперименты как форму дерзкого, на грани провокации, эстетического свободомыслия. В определенной степени эти бунтарские творческие настроения были следствием «либеральной атмосферы второй половины шестидесятых годов, когда политическая и экономическая оттепель в бывшей Югославии совпала с тектоническими изменениями системы ценностей во всем мире: под музыку “Битлз” и “Роллинг Стоунз” проснулась новая чувствительность, благодаря свежим культурным

¹ Paternu B. Od ekspresionizma do postmoderne: študije o slovenskem pesništvu in jeziku. Ljubljana, 1999. S. 243.

² См. об этом: Старикова Н. Н. Словенский поэтический авангард 1920-х гг. Антон Подбевшек и Сречко Косовел // Искусство Сербии, Хорватии и Словении в 20 веке. М., 2019. С. 331–358.

и ценностным моделям в людях возникло острое недовольство заржавевшей традиционной культурой, критические общественные идеи международного студенческого движения подняли ветер перемен и в душевной словенской провинции»³. Они ускорили процесс идейной эмансипации молодежи⁴ и способствовали тому, что энергия молодежного студенческого протеста трансформировалась в энергию художественную.

В 1967–1969 гг. к движению охоевцев присоединились члены группы теоретиков философии и искусства «Каталог» Томаж Брейц, Надежда Чачинович, Растко Мочник, Ладо Краль, Брацо Ротар, Славой Жижек и прозаики Руди Шелиго, Димитрий Рупел, Марко Швабич, а также вольный поэт Франци Загоричник. Событиями в культурной жизни Словении тех лет становятся антологии и коллективные сборники ОХО «Ева» (1966), «Пегам и Ламбергар» (1968), «Каталог I» (1968), »Pericarežeracirep« (1969), «Каталог II» (1969). В 1971 г. группа самораспускается: в условиях «свинцового» десятилетия часть участников отходит от творческой практики, начинает искать альтернативные способы существования в социалистической действительности и, организовав коммуну «Семья», находит их в жизни на природе, в йоге и медитации.

Концептуальные основы программы группы ОХО, заложенные уже в самом ее названии («ОНО есть медиальная форма между ОкО и иНо, видимым и слышимым»⁵), были изложены в манифесте, написанном И. Гайстером и М. Погачником и опубликованном на страницах газеты «Трибуна». В нем идет речь об исследовании и применении в искусстве таких инновационных компонентов поэтики стиха, как линия, буква, звук, голос, слог, слово, геометрические фигуры, повторяемость, цикличность. Объединяя вербальное, звуковое и визуальное, авторы манифеста — художник и поэт — подчеркивали материально-чувственную сторону поэзии, ее воплощение через слушание, видение и движение, привлекали внимание к новому способу создания произведения искусства — принципу

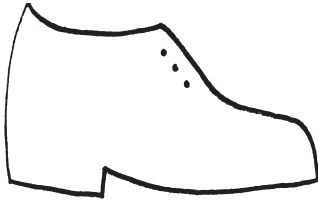
---

3 *Новак Борис А.* Портрет Милана Есиха, или если бы Пьер Безухов писал сонеты // Есих М. Стихи. Ljubljana, 2009. S. 102.

4 *Juvan M.* Modernistična estetika emocij in lirski diskurz: pesniška evokacija izgube v slovenskih »svinčenih« sedemdesetih letih // Slavistična revija. 2010. Let. 58, št. 1. S. 162.

5 *Pogačnik M.* Uvod v spomin ОНО // Brejč T. ОНО: 1966–1971. Ljubljana, 1978. S. 3–9.

вербо-вока-визуализации. Эти идеи продвигались ими в контексте эстетики реизма⁶ («веществования»), освобождающего предмет от его функции, слово от определенного значения, человека от ограничения социальными ролями, художника от излишней субъективности⁷.

Илл.1. Эмблема группы ОХО.

В реистическом пространстве человек теряет свое привилегированное положение, предметы же становятся самостоятельными сущностями, не случайно эмблемой группы ОХО был выбран башмак.

«Вещи реальны. Мы приближаемся к реальности вещей, принимая их такими, какие они есть. Какова вещь?

Первое, что мы замечаем, — вещь молчит. Но вещи есть что сказать! Словом мы вызываем неслышимый голос вещей. Только слово слышит этот голос. Слово фиксирует и воплощает неслышимый голос вещей»⁸.

Экспериментальная художественная практика охоевцев была следствием того, что изменились представления о самом предмете поэзии, которая, «за исключением попыток сознательного возвращения к традиции, не является более “линейной” последовательностью знаков — это сеть, где слова создают узлы смысла и раскрывают новые смысловые отношения между ними, которые привычная последовательность не может обнаружить»⁹. Литература и само понятие литературности / художественности демократизировались, на смену чувственному опыту пришло восприятие мира как совокупности вещей, понятий, знаков, постижения текста как структуры. «Теперь стихотворением может быть провозглашен абсолютно

⁶ Реизм (от лат. *res* — вещь) — философская концепция, согласно которой реально существуют только вещи; реизм отрицает самостоятельное существование психологического начала, «событий», «отношений», «свойств» и т. п.

⁷ Заслуга в разработке концепта «реизм» в словенском литературоведении принадлежит Т. Кермаунеру (1930–2008), автору монографии »Na poti k niču in reči: Porajanje reizma v povojni slovenski poeziji« (1968).

⁸ *Geister-Plamen I., Pogačnik M.* ОНО // Slovenski literarni programi in manifesti. Fanfare in tihotapci. Ljubljana, 1990. S. 153–154.

⁹ *Poniž D.* Antologija konkretne in vizualne poezije. Ljubljana, 1978. S. 147–148.

любой текст: написанный заново или переписанный, художественный или прикладной»¹⁰. Важным средством в расширении семантического поля поэтического спектра становится для представителей словенского неоавангарда преобразование традиционного стихотворения в стихотворение-изображение, в котором словесный материал распределяется интуитивно, не подчиняется устоявшимся правилам и существующей литературной традиции. Так, в русле движения группы ОХО новый импульс получает визуально-конкретная поэзия. Визуальная эстетика выражается в обращении к повторяющимся приемам, пространственному оформлению слов и других знаков и символов на странице. Используя опыт представителей первой авангардной волны (цветность полиграфии, геометричность графики, приемы коллажа, привлечение цифр и формул), а также европейские и американские модернистские образцы, например творческое наследие Т. С. Элиота¹¹, И. Гайстер, Ф. Загоричник, М. Ханжек, В. Ковач-Чабби, А. Кермаунер и Т. Шаламун начинают экспериментировать со знаками препинания (тире, точками, восклицательными и вопросительными знаками, кавычками, скобками, даже пробелами), конструируя из них разнообразные формы, играют со звуками, порядком слов, фонемами, графемами, формой букв, повторами, шрифтом, оттисками и фотографиями. Получают распространение сделанные ими вручную книги-инсталляции, в которых текст значительно редуцирован или полностью отсутствует, но сохранены такие атрибуты, как название, автор и сам пространственный объем. Таковы артефакты «Два стихотворения» (1966) И. Гайстера и М. Погачника, где из 28 цветных печатных карточек с буквами, закрепленных на кольце, можно составить две поэтических фразы, «Опус ничто» (1967) Ф. Загоричника и др. До югославских студенческих волнений 1968 г. в распоряжении охоевцев были публикационные площадки газеты «Трибуна» и журнала «Проблемы», где увидели свет многие их литературные опусы и фотоколлажи.

Судьбы поэтов-охоевцев сложились по-разному: А. Кермаунер (1946–1966) и В. Ковач-Чабби (1949–1985) рано ушли из жизни; И. Гайстер (р. 1945) и М. Ханжек (р. 1949) расширили поле деятельности, связав свою профессиональную стезю первый с экологией и орнитологией,

¹⁰ *Novak Popov I. Sprehodi po slovenske poezije. Maribor, 2003. S. 363.*

¹¹ И. Гайстер прямо упоминает о влиянии на его поэтическое мировосприятие поэмы Т. С. Элиота «Бесплодная земля» (1922). См.: *Pibernik F. Med modernizmom in avantgardo. Ljubljana, 1981. S. 189.*

второй с социологией и политикой; Ф. Загоричник (1933–1997) и Т. Шаламун (1941–2014), оставшись верными поэтическому слову, прошли каждый свой, достойный путь стихожития. Лингвистическая дерзость, поиск абсолютной языковой свободы, художественный авантюризм, присущие их творчеству периода ОХО, существенно «освежили» атмосферу словенской литературы рубежа 1960–1970-х гг.

Для поэтики И. Гайстера (писал также под псевдонимом Пламен) характерна ярко выраженная саморефлексия (экспериментальная поэзия, как отмечал Д. Пирьевец, всегда саморефлексивна, обращена к «самой себе»¹²), выведение лирического героя за пределы пространства стиха. Нарративное целое распадается в его текстах на фрагменты, эпизоды, вспышки впечатлений, как правило, соединяемые алогично, часто используется прием пермутации — последовательной перестановки определенного количества заданных смысловых элементов, жонглирование значениями слов, их транспозицией. Показателен цикл «Германские имена», построенный на ассоциативной игре с этимологией иностранных выражений. Сборник «Соединение башмаков» (1977), написанный двустихиями, иллюстрирует последовательную приверженность автора минимализму.

Muha

lepota sira
mine, ko muha sir zapusti

lepota muhe
mine, ko ta izgine v siru

dve muhi na mah
sedeta

ena muha na drugi
počiva

ubil sem muho
kdo bo mene ubil

biti muha
živeti posmrtno življenje

Муха

красота сыра
проходит, когда муха покидает сыр

красота мухи
проходит, когда она исчезает в сыре

две мухи на мох
салятся

одна муха на другой
отдыхает

я убил муху
кто меня убьет

быть мухой
жить загробной жизнью

¹² Pirjevec D. Pitanja poezije i nauka o književnosti. Beograd, 1983. S. 133.

<...>

muha obiskuje
razli ne stvridotakneš se muhe
čprav nisi muhapremišljevanje o muhi
muhi daljša življenje¹³

<...>

муха навещает
разные вещиты трогаешь муху
хоть ты и не мухаразмышления о мухе
мухе удлиняют жизнь

Такая миниатюрная стихотворная форма сродни головоломке, которая провоцирует читателя отказаться от упрощенного восприятия реальности. Гайстер, отвечая на вопросы литературоведа Ф. Пиберника, прокомментировал свою работу со словом следующим образом: «Мой подход методологически можно объяснить “переносимостью смысла” ... я следую <...> принципу *герметичности*: прямой связи между значениями двух слов без внешнего посредничества»¹⁴.

Стихотворный опус М. Ханжека отличается последовательной деструктивностью: шаг за шагом этот автор преобразует традиционную стихотворную форму в изображение, экспериментируя со словами и буквами, их формой, размером, компактностью, расположением на странице, последовательностью, повторяемостью, деформацией.

*pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem
pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem
pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem
pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem
pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem
pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem
pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem
pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem
pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem
pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem*

¹³ Sončnice poldneva: antologija slovenske poezije. Ljubljana, 1993. S. 558–559. Здесь и далее, если переводчик не указан, перевод стихотворных цитат сделан автором статьи.

¹⁴ *Pibernik F. Med modernizmom in avantgardo. S. 198.*

pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem
 pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem
 pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem pesem¹⁵

Инновационным можно считать его прием зачеркивания, при котором смысловые комбинации оставшихся слов звучат неожиданно и могут вызвать разнообразные эмоции. Перестановка букв и слогов, освобождая слово от идеологических коннотаций, расширяет его художественное, семиотическое и семантическое поле, создавая эффект дополнительных смыслов: »vi-de-ti / vi-di-te / ve-di-te / ve-de-ti«¹⁶. Буквы, строки и слова могут располагаться вертикально, по диагонали, треугольником, полукругом, быть вписаны в прямоугольник. В сборнике «Мы ищем стихи, где они» (1971) автор экспериментирует со словообразованием, порядком слов, однокоренными словами. Число смысловых комбинаций растет, монотонность повторения компонентов развенчивает стереотип о мгновенном творческом озарении — его заменяет концептуальная матрица. Опираясь на идею В. Кандинского об обмене техниками между разными видами искусств, из отдельных букв, слов и словосочетаний Ханжек строит сюрреалистические структурные изображения: «мост», «лицо», «автопортрет». Графически обработанная буква превращается у него в «самодостаточный элемент, освобождающийся от маркирующей функции»¹⁷.

Следуя концепции практической эстетики, Ханжек стремился также переосмыслить функционирование печатной книги как объекта культуры: используя книги как конструктивный материал, он создавал из них функциональные вещи: сумку из книжных обложек, холст для рисования, переплет для блокнота, раму для картины. В таком же практическом ключе поэт подходил к своим сочинениям, априори видя в них не произведение искусства, а конкретный текст, которому, возможно, еще будет найдено художественное измерение.

Скромное по объему литературное наследие А. Кермаунера — публикации в газете «Трибуна», в сборнике «Ева» и сохранившиеся

15 Pesem (словен.) — стихотворение, песня. Цит. по: Локар М. Образы (словенской) визуальной поэзии // Филологические заметки. Пермь, 2003. Ч. 2. Вып. 2. С. 62.

16 Цит. по: Novak Popov I. Heterogenost slovenske pesniške neoavantgarde // Med majem '68 in novembrom '89: Transformacije sveta, literature in teorije. Ljubljana, 2021. S. 269.

17 Novak Popov I. Heterogenost slovenske pesniške neoavantgarde. S. 269.

рукописи — отредактированное и опубликованное в «Книге» (1966) М. Погачником тематически, а также по жанру и стилю довольно разнообразно и затрагивает аспекты философии, модернизма в искусстве, саркастической саморефлексии. В «сценарии хеппинга» («О роли поэзии сегодня») обыватели и репрессивная власть сводят счеты с молодыми вольномыслящими поэтами, длинноволосыми хиппи, которые не верят в «положительные ценности поэзии». Враждебный нарратив выражается в сленге, обсценной лексике, оскорблениях. Молодой автор не приемлет консюмеризм и потребление современного ему общества, высмеивает их, пародируя рекламу и разоблачая методы достижения популярности в массовой культуре. При этом сам активно использует ее словарь: транскрипцию песни «Роллинг Стоунз» “(I Can’t Get No) Satisfaction”¹⁸, гимна тогдашней европейской неконформистской молодежи, хит-парад песен (“top pops”), собственные переводы модных дзен-буддийских текстов. Остроумны и ироничны пародии на рекламные ролики, привлекающие внимание к ненужным предметам (сломанным гвоздям и вилкам, протертым подошвам и — стихам!), брачные объявления и списки «любимых» произведений. Стихотворение «Дырка в монете», подавшее редактору «Книги»

Илл. 2. М. Ханжек. «Писать автопортрет».

¹⁸ (I Can’t Get No) Satisfaction (англ.) — (Я не могу получить) удовлетворение.

идею перфорировать несколько чистых страниц, чтобы передать ощущение пустоты после самоубийства его автора, дало название ее переизданию в 2003 г.¹⁹ Стихотворение начинается с цитации надписей на американской монете “Liberty”, “In God we trust”²⁰. Далее продырявленная монета перестает быть измерителем стоимости и становится просто кулоном на цепочке, самым важным в ней оказывается отверстие, оно бездонно как черная дыра и для поэта символизирует «пражизнь». Дырка в десятицентовике наделяет его эстетической функцией, подрывая веру в священную основу товарообмена, в идею финансовой свободы. Издание 2003 г. содержит также необычный визуальный ряд — оттиски различных предметов, среди которых фрагменты решеток водоотводных каналов, вилки, гвозди, плоскогубцы, гаечные ключи, подошвы, веревки. Некоторые имеют названия («гвозди “homo mensura”²¹», «веревка “hrepeneŋje”²²»), снабжены рекламными аннотациями или комментариями.

Сходная ситуация сложилась с сочинениями В. Ковача-Чабби, снижавшего лавры главного хулигана группы ОХО (его прогулка в пижаме по Титовой улице Любляны в 1967 г. считается первым словенским хеппенингом). Так же как А. Кермаунер, Чабби был автором «Трибуны», участвовал в коллективных сборниках »Pericarererezacerper« и «Каталог II». В 1987 г. Ханжек собрал, отредактировал и выпустил посмертную книгу произведений друга, назвав ее “Chubby was here”²³ (такую надпись оставил тот когда-то на стене бистро «Шуми», которое в 1960-е было культовым местом встреч люблянской богемы, хиппи и активистов студенческого движения). При жизни Чабби много шума наделали его тексты-провокации «Манифест культурной революции», пропагандирующий насильственные меры ее проведения, «Ода культурной революции», построенная на диалогах проституток с клиентами разного социального происхождения, и «Презервативы», содержащие подробное описание упаковок семи видов «изделия номер два». Содержание стихов и манера письма Чабби нарочито провокационны, основаны на радикальном протесте как в проблемно-тематическом дискурсе, так и на уровне литературного языка (пренебрежение орфографией, сленг, вульгаризмы). Мишенями для критики становятся мораль, политика,

19 Kermauner A. Luknja v novcu. Ljubljana, 2003.

20 Liberty (англ.) — свобода; In God we trust (англ.) — В Бога мы веруем.

21 Homo mensura (лат.) — Человек — мера вещей.

22 Hrepeneŋje (словен.) — тоска по недостижимому.

23 Chubby was here (англ.) — Чабби был здесь.

образование, социальная иерархия, религия, поэзия (мировых классиков он сравнивает с современными битниками, причем не в пользу первых), музыкальная поп-культура. Объявив себя «поэтом-лауреатом культурной революции», Чабби заявляет, что отказывается от канонических правил создания стихотворения, чтобы «оживить поэзию», при этом уход от поэтической традиции означает для него уход в свой внутренний мир («Мой мир — только мой / потому что тебе он чужд»²⁴), где граница между вымыслом и реальностью размыта.

Визуальные поэтические опыты Чабби основаны на комбинациях мелких графических элементов и символов, уложенных в прямые или волнистые линии. На пересечении семантического и визуального создано стихотворение «Фиалки» (с ироническим подзаголовком «свободное сочинение»), в котором строки поделены на равные по длине горизонтальные сегменты. Простая история о красоте фиалок и происхождении их названия от обозначения цвета служит декоративным узором: двухбуквенные элементы строк составлены произвольно, некоторые гласные редуцированы, поэтому смысл отдельных сочетаний лишь угадывается:

jo ce st op oi hi rt ih
 Vi li ra ej op ji nv ov
 aj hi iv ah ev ol ou ga
 gm na nl ad Č ij ic tr š
 jo šv zo en Če jo co rg
 in da va ov i. vi li ut aš
 je da va šep jo ni
 in ne šv zo re ve²⁵

Неординарность, стремление превратить свою жизнь в художественный артефакт и одновременно типичность Воина Ковача-Чабби как представителя нонконформизма и альтернативной культуры сделали его героем словенской литературы: в 1987 г. вышел роман П. Божича «Chubby was here: записки по памяти», в название которого автор также выносит вышеупомянутый автограф Чабби, а в 2009 г. в Словенском молодежном театре была поставлена его же пьеса «Шуми», одним из действующих лиц которой является Чабби.

24 Цит. по: Локар М. Образы (словенской) визуальной поэзии. С. 59.

25 Цит. по: Novak Popov I. Heterogenost slovenske pesniške neoavantgarde. S. 266.

Существенный вклад в расширение палитры художественных средств за счет первичных языковых элементов — букв и знаков — внес Ф. Загоричник, в послужном списке которого помимо коллективных сборников ОХО более десяти книг стихов. Будучи старше других членов группы, он принадлежал к кругу «перспективовцев» — литераторов, объединившихся вокруг либерального литературно-критического ежемесячника «Перспективы» (1960–1964), начавшего «пересмотр господствующих представлений и стереотипов мышления, отстаивая право художника на индивидуальное критическое отношение к действительности»²⁶, и стал для охоевцев своеобразным связующим звеном между поколениями вольнодумцев от литературы. Уже в своей первой книге стихов «Агамемнон» (1965), формулируя экзистенциальные вопросы свободы, воли, смысла жизни, Загоричник активно использует технику разделения слов на слоги или морфемы, повторы, пермутации, играет с расположением строк на пространстве страницы:

na poti za dajlo
                   kdo si
                   kaj si
 kakšen kakšna kakšno

čemu
 iščem te
 hočem te
 neznano je

da bodi
 dan bodi
 dana bodi
 danaida bodi²⁷

Следуя традиции С. Косовела, он много экспериментирует с коллажной техникой, включает в свои тексты газетные вырезки, фрагменты заголовков, рекламные объявления, политические лозунги,

²⁶ Старикова Н. Н. «Журнальный зал» инакомыслия: вольное словенское слово в эпоху СФРЮ // Литературно-критическая периодика в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: структура, типология, социокультурный контекст. М., 2020 (серия «Современные литературы стран ЦЮВЕ»). С. 175.

²⁷ Цит. по: Hribar T. Sodobna slovenska poezija. Ljubljana, 1984. S. 71.

знаки препинания «!» и «?», наделяя их признаками эмоциональных, интонационных и ценностных оппозиций и компенсируя семантическую редукцию полифонией изобразительного ряда. На этом принципе построен сборник «Инструкции по применению» (1972), где стихотворные строки представляют собой декоративные узоры из тысяч разных напечатанных знаков препинания:

!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
 !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
 !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
 !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
 !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

!!!!!!?!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!
 !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!?!!!!!!
 !!!!!!!!!!!!!!!?!!!!!!!!!!!!!!
 !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!?!!!!

!!?!!!!!!!!!!?!!!!!! !!!!!!
 !!!!!!?!!!!!!!!?!!!!!!
 !?!!!!!!?!!!!!! !!!!!!
 !!!!!!!?!!!!!!!!?!

!?! ?!?!?!
 !?! ?! !!!
 ! ? ! !??
 ? ? ?

(«Инкубация станка»²⁸).

Используемые поэтом приемы языковой игры (палиндромы, тавтограммы, мультиплицирование букв слов-антонимов, синсемантические слова, сравнение фонетически близких слов из разных языков и пр.), по мнению ряда критиков, наглядно продемонстрировали продуктивные возможности словенского литературного языка и способствовали модернизации его поэтической модели²⁹.

28 Sončnice poldneva: antologija slovenske poezije. S. 481.

29 Hribar T. Sodobna slovenska poezija. S. 206; Đurić D. Poetry in an Expanded Field: Franci Zagoričnik and Nina Dragičević // Obdobja 40. Slovenska poezija. Ljubljana, 2021. S. 23–29.

Сотрудничество в группе ОХО оказало принципиальное влияние на формирование эстетических взглядов Т. Шаламуна, в дальнейшем самого известного и плодовитого среди ее участников³⁰. Уже в первом опубликованном стихотворении «Я устал от образа своего племени // и переселился...» (1963) поэт бросает вызов существующей поэтической традиции, противопоставляя «поэзию смысла» «поэзии абсурда». В дальнейшем эпатажность, стремление ниспровергать художественные авторитеты и «демонтировать» святыни надолго станут его визитной карточкой (как скандальное стихотворение «Дума 64», пародирующее одноименную патриотическую поэму классика национальной литературы О. Жупанчича). В дебютном сборнике «Покер» (1966) лирический герой Шаламуна иронично разоблачает не только социалистическое общество «равных возможностей», но и непреложность национальных мифов в целом. В стихотворении «Затмение III» принципиальной является мысль о том, что для осуществления партийных репрессий вполне достаточно ограниченного интеллекта обывателя:

никогда не ходила по этой траве,
и не думай.
Всегда только вдоль забора.
Вдоль забора туда.
Вдоль забора сюда.
Вдоль забора налево.
Вдоль забора направо.

Всегда только вдоль забора³¹.

(«Затмение III», перевод Ж. Перковской).

Образы в стихотворениях Шаламуна охоевского периода то крайне реалистичны, то символичны, часто сюрреалистичны, причинно-следственные связи внутри предложений заменяются ассоциативной звуковой игрой, свободной метафоричностью, он широко использует просторечие, низкую табуированную и обсценную лексику. К этому же времени относится появление в ткани стиха первых интертекстуальных пассажей — фрагментов из чужих произведений, газетных статей, интервью, а также иноязычной лексики.

30 См.: Лексикон южнославянских литератур. М., 2012. С. 522–523.

31 Из века в век. Словенская поэзия. М., 2008. С. 253.

Томаж Шаламун кошмарен.
 Томаж Шаламун — как мчащаяся пуля
 с искаженной траекторией-орбитой
 в наплывающей страшной тьме размытой.
 Ахаю с людьми: ах, черт возьми!
 Но надеюсь: может, обойдется?..
 Или это — божье наказание,
 камень межевой, делящий мирозданье?
 Или — точка в космосе, которой
 предназначено наш истощенный шар
 обеспечивать зерном, железом, нефтью?
 <...>
 Где застанет нас очередное лето?
 В Любляне? Нет, на Гавайях, там тепло —
 так тепло, что люди босиком
 ходят в университет. А волны
 высоченные вокруг. А землю
 беспрестанно сотрясает. А по городу
 шастают дельцы. Для любви —
 рай: соленый воздух, мягкий ветер...
 <...>
 And that's history³².

(“History”, перевод В. Корчагина).

По мысли старейшины словенского литературоведческого цеха Я. Коса (р. 1931), художественная неоавангардная практика Шаламуна — яркий пример того, как художник может выразить себя не только в самом литературном произведении, но и «в способе его создания, <...> в манифестации эстетической позиции»³³.

Анализируя поэтическую ситуацию рубежа 1960–1970-х гг., другой видный исследователь словенской поэзии Д. Пониж обращает внимание на три принципиальных момента: в этот период была восстановлена прерванная в годы социалистического строительства связь с национальной поэтической традицией 1950-х гг., давшей Словении своих авангардистов — футуриста А. Подбевшека и конструктивиста С. Косовела; именно поэты-шестидесятники начали активный

³² Поэзия Словении. XX век. М., 1989. С. 243–244.

³³ Kos J. K vprašanju o bistvu avant-garde // Sodobnost. 1980. Let. 28. Št. 3. S. 369.

творческий диалог с современной им мировой поэзией в лице самых выдающихся ее представителей; наконец, как раз в эти годы был достигнут паритет в сосуществовании разных художественных принципов и созданы предпосылки для развития в литературе и искусстве эстетического плюрализма³⁴. Существенный вклад в эти процессы внесли поэты словенского неоавангарда, входившие в группу ОХО.

Источники и литература

Из века в век. Словенская поэзия / сост. С. Н. Гловюк и др. М.: Пронат, 2008. 496 с.

Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. М.: Индрик, 2012. 592 с.

Локар М. Образы (словенской) визуальной поэзии // Филологические заметки. Пермь, 2003. Ч. 2. Вып. 2. С. 53–64.

Новак Борис А. Портрет Милана Есиха, или если бы Пьер Безухов писал сонеты // Есих М. Стихи. Ljubljana: Drustvo slovenskih pisateljev, 2009. С. 101–112.

Поэзия Словении. XX век / сост. А. Романенко. М.: Художественная литература, 1989. 288 с.

Словенская литература XX века / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Индрик, 2014. 325 с.

Старикова Н. Н. «Журнальный зал» инакомыслия: вольное словенское слово в эпоху СФРЮ // Литературно-критическая периодика в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: структура, типология, социокультурный контекст. М.: ИСл РАН, 2020 (серия «Современные литературы стран ЦЮВЕ»). С. 171–190.

Старикова Н. Н. Словенский поэтический авангард 1920-х гг. Антон Подбевшек и Сречко Косовел // Искусство Сербии, Хорватии и Словении в 20 веке / отв. ред. и сост. Н. В. Злыднева. М.: Индрик, 2019. С. 331–358.

Durić D. Poetry in an Expanded Field: Franci Zagoričnik and Nina Dragičević // *Obdobja* 40. Slovenska poezija. Ljubljana: Znanstvena založba FF, 2021. S. 23–29.

Geister-Plamen I., Pogačnik M. ОНО // Slovenski literarni programi in manifesti. Fanfare in tihotapci. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1990. S. 151–155.

Hribar T. Sodobna slovenska poezija. Ljubljana: Založba Obzorja, 1984. 286 с.

---

34 Словенская литература XX века. М., 2014. С. 165–166.

Juvan M. Modernistična estetika emocij in lirski diskurz: pesniška evokacija izgube v slovenskih »svinčenih« sedemdesetih letih // *Slavistična revija*, 2010. Let. 58. Št. 1. S. 157–169.

Kermauner A. *Luknja v novcu*. Ljubljana: Društvo Apokalipsa, 2003. 55 s.

Kermauner T. *Na poti k niču in reči: Porajanje reizma v povojni slovenski poeziji*. Maribor: Obzorja. 1968. 230 s.

Kos J. K vprašanju o bistvu avant-garde // *Sodobnost*, 1980. Vol. 28. Št. 3. S. 361–370.

Novak Popov I. Heterogenost slovenske pesniške neoavantgarde // *Med majem '68 in novembrom '89: Transformacije sveta, literature in teorije / ur. M. Juvan*. Ljubljana: Založba ZRC, 2021. S. 255–275.

Novak Popov I. *Sprehodi po slovenske poezije*. Maribor: Litera, 2003. 549 s.

Paternu B. *Od ekspresionizma do postmoderne: študije o slovenskem pesništvu in jeziku*. Ljubljana: Slovenska matica, 1999. 263 s.

Pibernik F. *Med modernizmom in avantgardo*. Ljubljana: Slovenska Matica, 1981. 336 s.

Pirjevec D. *Pitanja poezije i nauka o književnosti*. Beograd: Vuk Karadžić, 1983. 195 s.

Pogačnik M. *Uvod v spomin OHO // Brejc T. OHO: 1966–1971*. Ljubljana: Študentski kulturni center, 1978. S. 3–9.

Poniž D. *Antologija konkretne in vizualne poezije*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1978. 83 s.

Sončnice poldneva: antologija slovenske poezije. Ljubljana: Mihelač, 1993. 674 s.

References

Durić, D. "Poetry in an Expanded Field: Franci Zagoričnik and Nina Dragičević." *Obdobja 40. Slovenska poezija*. Ljubljana: Znanstvena založba FF, 2021, pp. 23–29.

Geister-Plamen, I., Pogačnik, M. "OHO." *Slovenski literarni programi in manifesti. Fanfare in tihotapci*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1990, pp. 151–155.

Hribar, T. *Sodobna slovenska poezija*. Ljubljana: Založba Obzorja, 1984, 286 p.

Iz veka v vek. Slovenska poezija. Moscow: Pranat, 2008, 496 p.

Juvan, M. "Modernistična estetika emocij in lirski diskurz: pesniška evokacija izgube v slovenskih »svinčenih« sedemdesetih letih." *Slavistična revija*, let. 58, št. 1, 2010, pp. 157–169.

Kermauner, A. *Luknja v novcu*. Ljubljana: Društvo Apokalipsa, 2003, 55 p.

Kermauner, T. *Na poti k niču in reči: Porajanje reizma v povojni slovenski poeziji*. Maribor: Obzorja, 1968, 230 p.

Kos, J. "K vprašanju o bistvu avant-garde." *Sodobnost*, vol. 28, št. 3, 1980, pp. 361–370.

Leksikon uzhnoslavianskikh literatur, ed. by G. Ia. Il'ina. Moscow: Indrik, 2012, 592 p.

Lokar, M. "Obrazy (slovenskoi) vizual'noi poezii". *Filologicheskije zametki*, 2003, part 2, no. 2, pp. 53–64.

Novak, Boris A. "Portret Milana Jesikha, ili esli by P'er Bezukhov pisal sonety." Jesih, M. *Stihi*. Ljubljana: Drustvo slovenskih pisateljev, 2009, pp. 101–112.

Novak Popov, I. "Heterogenost slovenske pesniške neoavantgarde." *Med majem '68 in novembrom '89: Transformacije sveta, literature in teorije*, ed. by M. Juvan. Ljubljana: Založba ZRC, 2021, pp. 255–275.

Novak Popov, I. *Sprehodi po slovenske poezije*. Maribor: Litera, 2003, 549 p.

Paternu, B. *Od ekspresionizma do postmoderne: študije o slovenskem pesništvu in jeziku*. Ljubljana: Slovenska matica, 1999, 263 p.

Pibernik, F. *Med modernizmom in avantgardo*. Ljubljana: Slovenska Matica, 1981, 336 p.

Pirjevec, D. *Pitanja poezije i nauka o književnosti*. Beograd: Vuk Karadžić, 1983, 195 p.

Poeziia Slovenii XX vek. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1989, 288 p.

Pogačnik, M. "Uvod v spomin OHO." Brejc, T. *OHO: 1966–1971*. Ljubljana: Študentski kulturni center, 1978, pp. 3–9.

Poniž, D. *Antologija konkretne in vizualne poezije*. Ljubljana: Mladinska knjiga, 1978, 83 p.

Slovenskaia literatura XX veka, ed. by N. N. Starikova. Moscow: Indrik, 2014, 325 p.

Sončnice poldneva: antologija slovenske poezije. Ljubljana: Mihela, 1993, 674 p.

Starikova, N. N. "«Zhurnal'nyi zal» inakomysliia: vol'noe slovenskoe slovo v epokhu SFRY." *Literaturno-kriticheskaia periodika v stranakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy: struktura, tipologii, sotsiokul'turnyi kontekst*, ed. by L. F. Shirokova (seriia «Sovremennye literatury stran TsIUVE»). Moscow: Institutue of Slavic Studies of the RAS, 2020, pp. 171–190.

Starikova, N. N. "Slovenskii poeticheskii avangard 1920-kh gg. Anton Podbevšek i Srečko Kosovel." *Iskusstvo Serbii, Khorvatii i Slovenii v 20 veke*, ed. by N. V. Zlydneva. Moscow: Indrik, 2019, pp. 331–358.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.01

N. N. Starikova

**The Slovenian poetic Neo-avant-garde of the 1960s–1970s
as a manifestation of freedom**

Nadezhda N. Starikova

Doctor of Letters, head of the Department, professor

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: nstarikova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1230-2244

Citation

Starikova N. N. The Slovenian poetic Neo-avant-garde of the 1960s–1970s as a manifestation of freedom // *Slavic Almanac*. 2023. № 1–2. P. 249–267 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.01

Received: 16.02.2023.

Abstract

The article deals with the development of the Neo-avant-garde movement within Slovenian poetry during the “Thaw” and the “Lead” decade. The artistic practice of its representatives I. Geister, A. Kermauner, F. Zagoričnik, V. Kovač-Chubby, M. Hanžek, T. Šalamun, based on radical linguistic and visual experiments as a form of aesthetic freethinking, developed in line of the reism (reificationism), freeing an object from its function, a word from the meaning, a person from being limited by social roles. Significant for the Neo-avant-garde was the collective creative activity of the artistic and poetic group OHO, ideologically connected with the student opposition movement. The conceptual foundations of the group’s program were outlined in a manifesto published on the pages of the *Tribuna* newspaper. It deals with the study and application in art of such innovative components of poetics as line, letter, sound, syllable, word, geometric figure, repeatability, cyclicity. Combining the sound and the visual, the authors of the manifesto — an artist and a poet — emphasized the material and the sensual side of poetry, its embodiment through listening, vision and movement. They also drew attention to a new way of creating a work of art — the principle of verbo-voca-visualization. This principle is at the core of the collective works by “ohoevites” *EVA* (1966), *Katalog I* (1968), *Katalog II* (1969).

Keywords

Slovenian poetry, Neo-avant-garde, visual poetry, language experiment, reism, verbo-voca-visualization.

Город и горожане в романе Данило Киша «Сад, пепел»

Сагалович Елена Владимировна
Соискатель
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: 79857601842@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1235-7413

Цитирование

Сагалович Е. В. Город и горожане в романе Данило Киша «Сад, пепел» // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 268–286.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.02

Статья поступила в редакцию 20.01.2023.

Аннотация

Роман сербского Данило Киша (1935–1989) «Сад, пепел» (1965) – его первое крупное произведение. Роман демонстрирует окончательно сформировавшийся стиль писателя, модели и приемы, ключевые темы и понятия. Топосы и локусы города, а также социально-антропологические типы горожан представлены через призму «детской перспективы» в воспоминаниях героя-рассказчика, окрашенных горькой иронией взрослого. Город предстает наполненным звуками, красками, запахами, а детская память фиксирует городские легенды, слухи и повседневные практики горожан (загородные прогулки по воскресеньям). В романе также присутствуют особые пространства (гетеротопии) — комната в доме на Улице конских каштанов, купе поезда, гетто, куда отправляют отца, – где герой-рассказчик переживает особый опыт. Роман опирается на факты биографии писателя, тесно связанные с трагическими событиями XX в. (Вторая мировая война, гибель отца в Аушвице).

Ключевые слова

Данило Киш, топос, локус, гетеротопия, экфрасис, социально-антропологический тип.

*Психологическим основанием, на котором
покоится тип индивидуальности,
характерный для большого города,
является усиление нервной деятельности,
происходящее от быстрой и
непрерывной смены впечатлений¹*

Вынесенное в эпиграф наблюдение Георга Зиммеля (1858–1918), немецкого философа и социолога, можно отнести практически к любому персонажу любого литературного произведения, действие которого происходит в большом городе. Взрывной рост городов в эпоху промышленной революции не мог не отразиться в художественной литературе, а антропологический поворот в социальных науках в начале XX в. не мог не затронуть понимание города как особой среды. Г. Зиммель, возможно, первым фиксирует тектонические сдвиги в эпоху индустриально-конвейерного производства и сосредоточивается на человеке, уделяя особое внимание повседневному существованию, особым практикам и ритуалам горожан. По Зиммелю, горожанин — существо рассудочное, в отличие от жителя деревни, который «ориентирован скорее на сердце, на отношения, основанные на чувствах»², так как для него это способ противостоять агрессии внешней среды и защищаться от ее противоречий. Однако с утверждением о рассудочности городского жителя и противопоставлением ее «чувствительности» сельского можно будет поспорить; в частности, такой материал исследователю предоставляет роман Данило Киша «Сад, пепел» (1965).

Данило Киш (1935–1989) – выдающийся сербский писатель второй половины XX в. За прошедшие тридцать с небольшим лет его творчество стало частью национального и общекультурного канона. Произведения Д. Киша включены в школьную программу («Ранние горести» в Сербии, «Сад, пепел» и «Ранние горести» в Республике Сербской БиГ), переведены на множество языков.

Роман Д. Киша «Сад, пепел» – это первое крупное произведение писателя, составившее впоследствии со сборником рассказов «Ранние горести. Для детей и чувствительных»³ (1970) и романом «Песочные

1 Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М., 2018. С. 76–77.

2 Там же. С. 78.

3 Подзаголовок сборника — аллюзия на книги для детей и трагическую судьбу (погиб в концлагере Дранси) французского поэта и художника Макса Жакоба (1876–1944).

часы» (1972) трилогию «Семейный цикл», названную самим автором «в духе лирической иронии»⁴ «Семейным цирком».

Именно произведения «Семейного цикла» демонстрируют окончательно сформировавшийся стиль писателя, модели и приемы, ключевые темы и понятия: образ отца, документ и воспоминания, сны и явь, смысл и бессмысленность жизни, изгнание и страдание изгнанника, чувства и послания преследуемой жертвы – складываются в коллаж и становятся константами повествовательной манеры, для которой характерно отсутствие линейного сюжета, фрагментарность и циклическая структура, поток сознания, постоянная рефлексия автора и его персонажей. Несмотря на использование постмодернистских приемов, Д. Киш не был носителем постмодернистского сознания или философии, и литературная игра никогда не была для него самоцелью. Один из ведущих исследователей творчества Киша М. Пантич в предисловии к академическому изданию пишет так: «Творчество Киша, если смотреть на него в целом, в найденном равновесии вымышленного ответа на многие труднейшие вопросы, заданные эпохой, и сопровождающего, также обязующего, убедительного и суггестивного обоснования взглядов писателя на поэтику со временем стало образцовым, эстетически реализованным примером воплощения идей высокого модернизма в сербской литературе второй половины XX века»⁵.

Роман «Сад, пепел», как и все произведения «Семейного цикла», почти документально опирается на биографию писателя. Данило Киш родился 22.02.1935 г. в городе Суботица (Королевство Югославия), в семье Эдуарда Кона (Киша), венгерского еврея, и Милицы Драгичевич, уроженки Черногории. В 1936 г. семья перебирается в Нови-Сад. После принятия Венгрией в 1939 г. антиеврейских законов Данило и его старшая сестра Даница были крещены в Успенской православной церкви, что позже спасло им жизнь. В апреле 1941 г., после раздела Югославии между гитлеровской Германией и ее союзниками, часть Воеводины с городом Нови-Сад отходит к Венгрии. Начинается применение антиеврейских законов. После «холодных дней» января 1942 г.⁶, когда произошло массовое убийство евреев,

---

4 *Пантич М.* Још једном о Данилу Кишу // Данило Киш. Нови-Сад, 2018. С. 7. Здесь и далее перевод Е. В. Сагалович.

5 Там же. С. 7–8.

6 23–26 января 1942 г. в результате рейдов и облав оккупантов было убито более 3 000 человек. Тела убитых были брошены в Дунай. Это

сербов, цыган и русинов, семья перебирается в северную Венгрию к родственникам отца. В 1944 г. Эдуарда Кона (Киша) и почти всех его родственников угоняют в Освенцим. Выжили немногие, о чем свидетельствует фрагмент письма, полученного Д. Кишем от венгерского кузена Банди в середине 50-х гг. К письму была приложена родословная, которую кузен сопроводил комментарием: «Прилагаю родословную, надеюсь, ты сумеешь разобраться. Те, рядом с именами которых я ставлю два креста (++) , погибли в Аушвице, а те, где стоит один крест (+), умерли естественной смертью. <...> Надеюсь, ты мной доволен, что я так хорошо знаю семейную историю, напиши, что еще ты хотел бы узнать, и я с удовольствием тебе сообщу»⁷.

О городе, с которым так тесно связана судьба и самого писателя, и персонажей «Семейного цикла», следует сказать более подробно. Нови-Сад сложился и вырос на месте древнейших поселений. Только в отличие, например, от Белграда (города, исключительно важного для истории сербов и сербской литературы), когда город складывался рядом с укреплениями, позже – крепостью Калемегдан⁸, Нови-Сад располагался на противоположном от Петроварадинской крепости (левом) берегу Дуная. Одно из прежних названий города — Рацка (Ratzcenstadt, т. е. Сербский город⁹), потому что его населяли

событие известно под названиями «Облава в Южной Бачке» или «холодные дни».

7 *Kiš D. Iz prepiske. Beograd, 2021. S. 53.* Кузен Банди — один из тех старших кузенов, о которых в романе устами Анди Сама сказано так: «... щеголи, которые из Будапешта, где они учились, привезли венскую моду и плоды западного декаданса: серебряные мундштуки и ботинки на высоких каблуках. Принадлежащая им библиотека, занимающая в комнате целую стену, сверху донизу забита авантюрными романами в стиле “нуар”» (*Киш Д. Сад, пепел / перевод Е. Сагалович. М., 2022. С. 66*).

8 Философ и социолог Макс Вебер (1864–1920), в фундаментальном труде «Город», опубликованном посмертно (1921), одним из первых пытается сформулировать, каким образом возникает город как социальный институт в точке пересечения экономических, политических и военных функций человеческого поселения, каковы основополагающие признаки города. По Веберу, город — это ограниченная территория, центр ремесла и торговли; в городе обязательно наличие некоего войска, которое его охраняет, а сам город — крепость. (См.: *Вебер М. Город. М., 2018*).

9 Название (экзотопоним) восходит к названию одной из сербских исторических областей, как и этноним «расциане», который использовался в позднее Средневековье и раннее Новое время в монархии Габсбургов.

в основном сербы, но в нем также было много немцев, венгров, евреев, болгар, валахов и греков.

Что же касается литературы, а именно художественной прозы, то, по мнению исследователя Зорана Джерича, высказанному в монографии «Использование города» (2014)¹⁰, понятие «нови-садский роман» включает в себя целый круг произведений авторов разных поколений, для которых Нови-Сад — это не только «пространство, в котором они живут (жили) и пишут, но и пространство, которое они описывают»¹¹. Вопрос только в том, насколько город, описываемый ими, реален или воображаем.

В романе «Сад, пепел», истории, рассказанной мальчиком Андреасом Самом, город одновременно реален и воображаем, настолько, насколько его зафиксировала детская память и насколько способен «взрослый рассказчик вызвать воспоминания о детском опыте»¹². Это история о том, как отец семейства, следуя за своей мечтой создать идеальное «*Расписание движения автобусного, судоходного, железнодорожного и авиасообщения*»¹³ (здесь и далее курсив авто-

---

В 1702 г. поселение становится частью Военной границы империи Габсбургов, а в 1748 г. несколько богатых горожан, преимущественно сербов, отправляются в Вену, где подают императрице Марии-Терезии прошение о присвоении поселению статуса «вольного королевского города». Прошение было удовлетворено, и 1 февраля 1748 г. Мария-Терезия издала эдикт, согласно которому город получил название Neoplanta (на латыни), Neusatz an der Donau (на немецком), Újvidék (на венгерском), Нови-Сад (на сербском) и Млада Лоза (на болгарском). На протяжении XIX в. судьба города переживала взлеты и падения, но к концу столетия Нови-Сад называли «сербскими Афинами», потому что он стал признанным центром духовной и культурной жизни сербов, как в Австро-Венгрии, так и за ее пределами. Военная граница — полоса укрепленных поселений на границе империи Габсбургов и Османской империи; в том или ином виде существовала с середины XVI в. по 1881 г. С 1745 г. по 1881 г. Петроварадинская крепость с приписанным к ней Петроварадинским полком была частью Славонского округа Военной границы.

10 *Берућ З.* Употреба града. Нови Сад, 2014. (Название книги — отсылка к названию романа А. Тишмы «Использование человека», действии которого происходит в Нови-Саде.)

11 Там же. С. 7.

12 *Tompson M.* Izvod iz knjige rođenih. Priča o Danilu Kišu. Beograd, 2014. S. 158.

13 *Киш Д.* Сад, пепел. С. 21–22.

ра), вложив в это начинание все семейные сбережения, оказывается банкротом. «Улица с конскими каштанами»¹⁴, где семья живет до банкротства отца, прекрасна, это мир благополучного детства Анди и благополучного быта семьи: «На нашей улице стволы конских каштанов соприкасались кронами, образуя что-то вроде перголы. Между могучими аркадами воздвигались своды, покрытые листвой, как плющом. В дни равноденствия или в обычные безветренные дни все это архитектурное творение стояло неподвижно и незыблемо, воплощенное в смелых конструкциях, только солнце время от времени пронзало густую листву своими не достигающими цели бандерильями. Пробившись сквозь ветви, кривые и сцепившиеся друг с другом, они некоторое время по инерции вибрировали, а потом таяли и капали на турецкую булыжную мостовую, как жидкое серебро»¹⁵. Подробное и поэтическое описание каштанов в благополучной части города резко контрастирует с описанием растительности в железнодорожном тупике, где семья оказывается после очередной смены квартиры, потому что после банкротства приходится все время переезжать, меняя дешевые кварталы на совсем скверные. Так, спасаясь от кредиторов и судебных исполнителей, семейство Сам уезжает с Улицы с конскими каштанами сначала «в низкий домик в самой бедной части города, точнее в какой-то дикий поселок, населенный цыганами, бродягами и люмпен-пролетариатом, как их называл мой отец»¹⁶. Домик стоит у железнодорожной насыпи, грохот поездов заглушает все, и даже самые простые разговоры превращаются в жестокие ссоры. А потом они и вовсе оказываются в предместье, рядом с железнодорожным тупиком, где «колея заросла бурьяном и черной крапивой... бурьян и трава, изуродованные наследственными болезнями крови, разрастались в каких-то нелепых формах»¹⁷. Смена растительности и то, как ее увидел маленький мальчик, не только оказывается изменением городского и пригородного ландшафта, но и становится маркером социальной деградации семьи. В конце концов, все

---

14 Эта реальная улица, которая до Второй мировой войны носила имя польского военачальника, героя венгерской революции 1848 г. Юзефа Бема (Бемова улица), после Второй мировой войны была переименована, сейчас называется Чипранова. В романе улица не названа, но известна из биографии писателя и названа в сборнике рассказов «Ранние горести».

15 Киш Д. Сад, пепел. С. 6–7.

16 Там же. С. 50.

17 Там же. С. 55.

они – Анди, старшая сестра Анна, мать и отец – оказываются в богатом имении родственников отца, в сельской местности, где из милости живут в садовом флигеле. И Улица с конскими каштанами, и даже уютный флигель — это Сад, райский сад детства. Но если в Саду еще можно укрыться от судебных исполнителей, то от антиеврейских законов Венгрии укрыться нельзя: и отца, и его родственников сначала переселяют в гетто, а потом они навсегда исчезают в печах Освенцима. На долю Анди, а потом взрослого Андреаса навсегда остается Пепел (метафора Ада), поиски отца, потому что могилы его нет, и поверить в смерть невозможно.

В романе «Сад, пепел» Нови-Сад накануне и в первые дни Второй мировой войны не назван, но абсолютно узнаваем. В первой части романа (до исчезновения отца) мы наблюдаем город глазами маленького Анди — Улицу с конскими каштанами, где живет семья Сам, вдыхаем запахи и слушаем звуки, наблюдаем за жизнью города, знакомимся с некоторыми его обитателями, отправляемся на загородную прогулку, слушаем (подслушиваем) вместе с Анди страшные городские легенды, слухи и сплетни. На Улице с конскими каштанами семья ведет обычный для своего круга образ жизни, и мальчик постепенно знакомится с городом. А на загородной прогулке, куда он с мамой и старшей сестрой воскресным утром отправляется на красном паровозике (новое в городской жизни — организованные поездки на природу по выходным¹⁸), герой впервые сталкивается с буйством природы (под конец прогулки разразилась страшная гроза, дождь изменил ландшафт, мама с детьми заблудились, но сумели выйти к поезду), а вернувшись в город, узнает: «...езде уже объявили о наступлении осени. Большие желтые плакаты призывали граждан к порядку и послушанию, а с аэроплана разбрасывали агитационные листовки, желтые и красные, в которых надменным языком победителей говорилось о предстоящем возмездии»¹⁹. Началась не только осень, но и Вторая мировая война, но уезжавшие на отдых

---

18 Система организованного социального туризма. По-видимому, была позаимствована в Германии, где в период 1933–1938 гг., до начала Второй мировой войны, была создана система организованных путешествий национал-социалистическим союзом «Сила через радость» (“Kraft und Freude”). В речи чиновника Дунайской Бановины, которую он произносит по случаю закрытия сезона, слышатся отголоски лозунгов о «спасительной гигиене» и «новой традиции».

19 *Книг Д.* Сад, пепел. С. 13.

горожане заметили это только в воскресенье²⁰. Горожанин, в отличие от сельского жителя, зависящего от природы и смены времен года, живет по формальному календарю²¹.

Город раннего детства Анди Сама (отчасти *alter ego* писателя), открытое пространство, *топос*, сливается с предместьями, куда можно приехать на том самом маленьком красном поезде, «который летом отвозит купальщиков на пляжи, а в другие времена года, кроме зимы, спешит в леса, в поля, и это уж по своему капризу и настроению»²². Сойдя с поезда, можно оказаться у ограды заброшенного имения и Графского сада. Это пространство, *локус*, закрытое в прямом смысле слова – за ограду заходить нельзя, но можно полюбоваться оленем и косулей, не нарушая «целостность одиночества и достоинства» пространства, но можно его присвоить, говоря «наш замок», «наш сад», «наши олени»²³.

Особый мир Анди — комната в квартире на Улице конских каштанов, обладающая всеми признаками *гетеротопии*, пространства, в котором герой переживает особый опыт. Здесь Анди впервые услышал от мамы о смерти: «“Умер твой дядя“, – сказала мама. <...> Слово “смерть“, это божественное семя, которое тем утром моя мать заронила в почву моего любопытства, вдруг начало вытягивать все соки из моего сознания. <...> Последствия этой слишком ранней обремененности мыслью о смерти проявились очень быстро: головокружение и рвотные позывы»²⁴. Если тема смерти — это «константа всего творчества Д. Киша» (см. также циклы рассказов «Гробница для Бориса Давидовича», «Энциклопедия смерти»), то осмысление маленьким мальчиком феномена смерти — «лирический вариант этой константы»²⁵. В этой же комнате Анди переживает и нечто сродни мистическому опыту, молясь перед сном, «засмотревшись на лик ангела, что бдит над детьми, переходящими через мост. Это была такая дешевая литография, цветная, в узкой позолоченной раме, мама получила ее в подарок, когда родилась Анна»²⁶. Мальчик читает «Отче наш», потом еще одну молитву, потом начинает считать, потому

20 Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г., в пятницу.

21 Более подробно о связи городского пространства и календарных ритуалов см.: Душечкина Е. В. «Строгая утеха созерцанья». М., 2022. С. 428–558.

22 Киш Д. Сад, пепел. С. 9–10.

23 Там же. С. 10–11.

24 Там же. С. 13–14.

25 Пантй М. Жош једном о Данилу Кишу. С. 16.

26 Киш Д. Сад, пепел. С. 17.

что детский счет — это своеобразная форма заклинания от всех напастей. Помимо приема «детской перспективы», здесь Д. Киш виртуозно применяет прием экфрасиса, подробно описывая литографию: «По мосту идет девочка, с букетом полевых цветов в руках, и мальчик в коротких штанишках. Мост трухлявый, часть досок выпала, а под мостом внизу, в пропасти, бурлит и пенится ручей. Смеркается, собирается гроза. Девочка одной рукой придерживает соломенную шляпку, мальчик прижимается к накренившейся ограде моста. А над ними, над их неуверенными шагами, над лиловой тьмой парит ангел-хранитель с распростертыми крылами. Нимфа из детских снов, женщина-бабочка...». Литография — одновременно и примета городского быта: Такие литографии с популярными сюжетами дарили родственникам и друзьям, ими украшали жилище. Эпизод с литографией — аллюзия на известный мистический опыт французского поэта и художника Макса Жакоба, узревшего ангела на фоне обоев своей комнаты и уверовавшего (правда, поэт в тот момент был взрослым мужчиной 33 лет).

В квартире на Улице конских каштанов есть все признаки и предметы, свидетельствующие о некотором достатке и благополучии: швейная машинка «Зингер», настольная лампа, буфет со стеклянной посудой, стол, накрытый скатертью из венгерского кружева, старинная оттоманка с обивкой «цвета подгнившей вишни»²⁷, — сфера удобной повседневности²⁸. У благополучия есть и запах — запах свежего постельного белья и запах отцовских сигарет «Симфония», который у маленького Анди ассоциируется с мужским началом в доме.

В благополучной жизни семья Сам еще путешествует на поезде дальнего следования²⁹. Накануне мама печет маковый рулет, пахнущий ванилью, вещи упакованы в чемодан из свиной кожи, пахнущий нафталином и одеколоном, а в утро начала путешествия «лошади пахнут сеном и сиренью»³⁰. Нови-Сад — город относительно небольшой,

---

27 Там же. С. 29, 34, 205–206.

28 Подробно о важности таких элементов повседневности, как вещь, интерьер, костюм, см., например: *Махлина С. Т.* Семиотика культуры повседневности. СПб., 2009.

29 Тема железной дороги исключительно важна для романов и рассказов «Семейного цикла». Подробнее об этом: *Делић Ј.* Воз и возни ред у “Породичном циркусу” Данила Киша // Данило Киш. Нови-Сад, 2018. С. 417–426.

30 *Киш Д.* Сад, пепел. С. 26.

в конце тридцатых годов здесь еще, кажется, нет таксомоторов, для ближних и дальних поездок нанимают извозчиков. Сейчас путешествие по железной дороге – приключение и радость, но потом, когда придется переехать и жить в «диком поселке» у насыпи, железная дорога превратится в кошмар. Но пока еще семейство Сам путешествует в вагоне первого класса, горожанин (и малыш Анди) восхищается, «уткнувшись носом в окно, игрой китайского домино пейзажей, темными прямоугольниками вспаханных полей, зелеными ромбами лугов и желтыми квадратами пшеницы, сияющими и болезненно дрожащими в мареве послеполуденного солнца»³¹. Купе первого класса — это тоже особое пространство, с особым светом и цветом, «где сияет кобальтовый свет ацетиленовых ламп, <...> сиденья из зеленого бархата, на которых растет миниатюрная, густая английская трава. Над сиденьями, как в садах, живая изгородь — из роз. <...> Внутри тепло <...> кобальтовая лампочка и аквамариновые глубины ее света, – все это превращало путешествие в тихий праздник <...>»³².

Как любой город, Нови-Сад у Киша изобилует разнообразными социально-антропологическими типами³³. Не будем забывать, что Нови-Сад всегда был городом многонациональным. И вот как Д. Киш описывает, например, *фольксдойче*: «... в коротких кожаных штанах и с рюкзаками на спинах они отправляются куда-то на выходные. На их крепких ногах подрагивают золотистые волоски, а за поясами — прекрасные скаутские ножи с рукоятками из розового дерева³⁴. Они играют на губных гармошках, подражая сверчкам. На углу у кондитерской с хлопком откупоривают бутылки с розовым клакером, пахучим, как одеколон. Потом опять подносят к своим рыбьим ртам губные гармошки и вгрызаются в них одним-единственным сжатием

31 Там же. С. 27.

32 Там же. С. 27, 29.

33 О социально-антропологических типах см.: *Белик А. А.* Культурная (социальная) антропология. М., 2009; *Ильмухин В. Н.* Городская среда как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации // Вестник РУДН. Серия Социология. 2014. № 3. С. 87–98; *Шабаетов Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н.* Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 248–267.

34 Точно такой же нож позже появится в «Гробнице для Бориса Давидовича» и сделает свою убийственную работу.

своих крепких челюстей»³⁵. Из других национальностей, населяющих город, упоминаются только цыгане, которые живут в своем поселке за железнодорожной насыпью.

Особый социальный тип, характерный даже для небольших городов, – это *городской сумасшедший*. Если взрослые достаточно индифферентны к таким проявлениям, то на городского ребенка эксцентричное поведение производит сильнейшее впечатление и остается в памяти на всю жизнь. Такова фрейлейн Вайс, старуха-немка, продающая леденцы на палочке, и она запомнилась Анди Саму. Одержимая манией самоубийства, фрейлейн Вайс пыталась совершить его в гостиничном номере, убранном цветами, в подражание какой-то столичной кинозвезде. «Потом она, несостоявшаяся жертва цветочных богов, падала под автомобили и трамваи, по ней проезжали крестьянские телеги и быстрые пролетки, а фрейлейн Вайс всякий раз выбиралась из-под колес, раненая, но живая, и так, в этом страстном соприкосновении со смертью, она познала тайну вечности. Стеная и издавая какие-то болезненные гортанные звуки, подобные плачу, проходит рядом с нами, словно переворачиваются грязные, пожелтевшие страницы какого-то зачитанного романа... *Gut'n Morgen, Fräulein Weiss. Küß die Hand!*»³⁶. Фрейлейн Вайс безобидна и описана с симпатией и легкой иронией, ее образ важен для раскрытия темы смерти.

Поражает детское воображение и господин Гаванский, близкий друг отца и партнер по игре в шахматы, прежде всего тем, что он был *вегетарианцем*, то есть «человеком, имевшим тесную связь с растениями»³⁷ (так городской ребенок понимает связь с природой³⁸ и трактует вегетарианство), а еще он умел показывать фокусы и всегда приносил детям гостинцы. У господина Гаванского был реальный прототип. В 60-е годы Д. Киш состоял в переписке и встречался с его вдовой, Терезией Гавански. После выхода в свет романа «Сад, пепел» он отправил ей экземпляр книги, и госпожа Гавански ответила, в частности, следующее: «Книгу, которую Вы мне любезно послали, с благодарностью получила и сразу открыла на 42-й странице!

---

35 *Киш Д.* Сад, пепел. С. 9.

36 Там же. С. 8.

37 Там же. С. 38.

38 «Уже самого по себе факта, что господин Гаванский был вегетарианцем, то есть человеком, имевшим тесную связь с растениями, было достаточно, чтобы максимально возбудить мое любопытство» (*Киш Д.* Сад, пепел. С. 38).

(Предположительно в посвящении Киш обозначил страницу, где упоминается господин Гаванский. — Е. С.) Да, да! Они часто играли в шахматы, очень дружили. <...> Прекрасный текст, но как же это больно читать»³⁹.

Время от времени госпожу Сам посещает барышня Эдит. Она поражает детское воображение своей профессией *модистки*, изготавливающей только венчалные шляпки. Барышня Эдит страдает эпилепсией, «господской болезнью», и приносит в дом Самов «краски экзотики и *Weltschmerz*⁴⁰, мрачные и плотные ароматы своей женственности, какую-то странную, изысканную, я бы даже сказал, благородную атмосферу <...>, столичный сплин»⁴¹. Нови-Сад в описываемое время, несомненно, — город провинциальный, а история барышни Эдит — из разряда «страшных» и «столичных». Такие *истории и легенды* — обязательный элемент городской жизни, они могут быть очень похожи на правду, но при этом остаются выдумкой. «Барышня Эдит была помолвлена с одним венгерским графом, который оставил ее накануне свадьбы. Вместо свадебного подарка он прислал сверток, большую коробку, на которой большими буквами было написано название знаменитого одеколona *Chat noir*⁴². Когда барышня Эдит открыла коробку, из нее выскочила черная кошка, или только выпала черная кошка, задушенная проволокой»⁴³. Тогда-то с барышней и случился первый припадок. История о неудавшемся самоубийстве фрейлейн Вайс — из того же ряда похожих на правду, но недоказанных легенд. В этой истории также слышны отголоски *большого города*, потому что фрейлейн Вайс пытается повторить сценарий самоубийства столичной (Вена, Будапешт — непонятно) кинозвезды, который она вычитала в иллюстрированном журнале.

Еще одна подслушанная «*страшная*» история всплывает в памяти Анди уже в деревне, когда в имении родственников появляется щенок Динго. «Самое удивительное в щенке было то, что выражением глаз и морщинками вокруг пасти он невероятно походил на старую госпожу Книппер, деревенскую повитуху⁴⁴». При этом Анди более чем смущает такая ассоциация, ведь он давно, еще в городе,

39 *Kiš D.* Iz prepiske. S. 58–59.

40 Мировая скорбь (*нем.*).

41 *Киш Д.* Сад, пепел. С. 35.

42 Черный кот (*франц.*).

43 *Киш Д.* Сад, пепел. С. 32.

44 Там же. С. 169.

подслушал разговор мамы с госпожой Розикой, прачкой, о том, «что в Нови-Саде одна благородная дама родила шесть щенков, плод ее грешной связи с псом, немецкой овчаркой, которому еще при жизни завещала все свое богатство. Если раньше я воспринимал эту историю достаточно сдержанно, то теперь, глядя на щенка у нашего порога, убедился, что те рассказы не были выдумками госпожи Розики, и мама не воспротивилась сплетне не потому, что не хотела бы любой ценой доказать простоватой прачке, что это выдумки, а потому, что и сама верила в возможность такой связи и такого ее исхода»⁴⁵. Высказанная Анди гипотеза о возможном происхождении собачки вызывает у старшего кузена приступ гомерического хохота, потому что щенка отдала как раз акушерка, госпожа Книппер.

Тема *большого города*, по-настоящему большого, столичного, упоминается вскользь. Это, например, *столичный «сплин»* барышни Эдит и ее *венская элегантность*, сценарий самоубийства фрейлейн Вайс. От сельской местности Вена очень далека, *венскую моду* и *«декаданс»* привозят с собой старшие кузены Анди из Будапешта (или Пешты, как его здесь называют), а выписанные оттуда же тетушкой Ребеккой иллюстрированные журналы завершают свой славный путь разрезанными на кусочки, в деревенском нужнике, где становятся для Анди источником разнообразных, но бессистемных знаний, которые служат, в частности, и для того, чтобы произвести впечатление на одноклассницу Юлию.

Примерно в середине романа, как уже было сказано, история маленького Анди превращается в историю повзрослевшего Андреаса, который ищет и не может найти своего отца. История Сада становится историей Пепла. «Вот так, совсем неожиданно и непредвиденно, эта история, эта сказка, все больше превращается в историю моего отца, в историю гениального Эдуарда Сама»⁴⁶. Его отсутствие, его лунатизм, его миссионерство, все понятия, лишённые земного и, если угодно, повествовательного контекста, материя хрупкая, как сны, отмеченная прежде всего своими первичными отрицательными свойствами, — все это становится какой-то плотной, тяжелой тканью, материей совершенно неизвестного удельного веса. На ее фоне в тени оказываются личные истории, о матери, о сестре и обо мне самом, истории времен года и пейзажей. Все эти рассказы, отмеченные земными знаками и определенным историческим контекстом, становятся второстепенными, как исторические факты, судьба которых нас больше

---

45 Там же.

46 Эдуард Сам — тезка отца писателя.

не волнует, – мы их зафиксируем без спешки, в любой момент»⁴⁷. И так, в этом романе природа повествователя двойственна: он одновременно «лирически наивен и поэтически пронизателен»⁴⁸. Реальный отец и его реконструированные копии сливаются, становятся неуловимыми, скрываются от повзрослевшего Андреаса в «лабиринте города», который одновременно и бесконечно открыт, и герметически запечатан. Андреас не может поверить, что отца больше нет, отца, который одновременно Агасфер, Моисей, Иеремия, Христос и даже библейский Ной, гротескная фигура и страдалец одновременно. Последняя встреча с реальным отцом происходит в *гетто*. «Я едва его узнал»⁴⁹. Гетто — это тоже *гетеротопия*, место-гетероклит, почти кладбище, здесь остановилось время, хотя и присутствуют внешние проявления жизни (например, запахи подгоревшего гусяного жира и смолы, игры детей, женщины, развешивающие выстиранное белье, древние старцы во дворе). Гетто — это не город и не деревня, это место принудительного проживания, отсюда нельзя просто так уйти. Уйти из гетто — это (почти) всегда уход в смерть. А отец «и сам горько осознавал окончательность своего ухода и факт, что мы его навещаем, собственно говоря, как давнего знакомого, которому все простили, что мы приходим, как на могилу, один раз в год, в День всех святых»⁵⁰.

Детская психика отличается гибкостью, дети с легкостью принимают правила новой среды, поэтому и в деревне Анди не тоскует по городу. Но что происходит с горожанином до мозга костей Эдуардом Самом, отцом мальчика? В одном из последних разговоров отец, который оказался в сельской местности, по сути, случайно, не утрачивает своих городских привычек, продолжает носить городскую одежду и аксессуары — сюртук, полуцилиндр, галстук, целлулоидный воротничок⁵¹,

---

47 Киш Д. Сад, пепел. С. 121.

48 Пантйћ М. Још једном о Данилу Кишу. С. 15.

49 Киш Д. Сад, пепел. С. 143.

50 Там же.

51 Эдуард Сам не изменяет себе даже в мелочах, фактически на пороге смерти: «Письмо, точнее, обрывок конверта, он выбросил из опечатанного фургона и просил нашедшего передать по указанному адресу. Своим разборчивым, четким почерком, который почти не выдавал нервозности, по диагонали разорванного конверта он написал карандашом: «Воротнички совсем засалились. Это начинает действовать мне на нервы. Я сообщу вам адрес, куда вы мне их пришлете. Отечески люблю и волнуюсь за всех вас...» (Киш Д. Сад, пепел. С. 145).

серебряный портсигар, трость, – пеняет сыну: «Ты никогда не понимал своего отца. <...> А все это — влияние убогой, провинциальной среды, весьма неблагоприятной для твоего характера». При этом однажды, наблюдая отца, возвращающегося домой после очередного загула, мальчик видит, что тот, «лишенный барочного обрамления городских ворот и ярко освещенных вестибюлей отелей, <...> сейчас явился в свою натуральную величину, полностью утратив способность к мимикрии. Ведь он был неспособен к такому усилию — начать играть — он, шахматный ас, писатель, путешественник по миру и апостол, — роль какого-то крестьянина или дровосека»⁵². Казалось бы, такой персонаж в сельской местности должен занять нишу социального типа *деревенского дурачка*, но он остается *городским сумасшедшим*, и эта социальная роль для сельской местности неприемлема, в отличие от *деревенского дурачка*, который «свой» и понятный. Одинокие прогулки и жаркие монологи Эдуарда Сама вызывают подозрение крестьян и местных властей. Поэтому крестьянки неутомимо выслеживают его по окрестным полям и рощам, в надежде доказать, что он причастен к подрывной деятельности. «Вскоре все заботы по слежке за отцом взяли на себя “женщины третьего ордена”⁵³, полумные деревенские богомолки, носившие в знак своих заслуг веревку с тремя большими узлами, повязанную вокруг талии, набожные вдовы, гасившие адский жар своих чресл молитвой и постом, озабоченные и истеричные бабы, сублимирующие свою похоть в религиозный транс и суеверия»⁵⁴. Сцена поимки «опасного преступника» и попытки его распять, как Иисуса Христа, — одновременно горькая, трагическая и смешная. Эдуарду Саму, выходцу из еврейского местечка, в его молодые годы «урбанизация» далась непросто (к этому выводу приходит взрослый Андреас в попытках реконструировать образ отца) – это воплощение безрассудства, и тот факт, что он живет своими идеями, не отменяет чувств, порыв для него всегда на первом месте, что опровергает, по крайней мере в этом случае, тезис Г. Зиммеля о рассудочности горожан. И дело в не в том, что он не хочет сливаться с новой / старой средой, а в том, что для него, приложившего массу усилий, чтобы создать себя — горожанина, компромисс невозможен. Исчезая, Эдуард Сам превращается в миф и городскую легенду⁵⁵.

52 *Кииш Д.* Сад, пепел. С. 102.

53 Монахини в миру.

54 *Кииш Д.* Сад, пепел. С. 111.

55 Там же. С. 159.

Перед нами проходит череда второстепенных (по объему описания, но не по значению в жизни Анди и его семьи) персонажей — сельский священник, учительница, капитан жандармерии, чиновник жупании и т. д. Родственники Самов — особый типаж, характерный для этих краев (северо-западная Венгрия), — деревенские лавочники, но не чуждые городских манер еврейские торговцы, как и их сосед, господин Рейнвейн, отбывающий в гетто со всеми чадами, домочадцами и складскими запасами, почти как Ной на своем ковчеге.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что образ города, его топосы, локусы и гетеротопии в романе «Сад, пепел» — это та внутренняя среда, то художественное пространство, которое создано Кишем для персонажей романа; они прочно привязаны к месту своего обитания, за исключением отца, который постепенно превращается в почти мифическую фигуру. Позже Д. Киш разовьет эти темы в рассказах цикла «Ранние горести» и в романе «Песочные часы», где будут описаны примерно те же события, но в «Ранних горестях» увиденные глазами Анди, а в «Песочных часах» — глазами Э. С., Эдуарда Сама, отца. Город в описании Киша обладает рядом обязательных признаков с точки зрения восприятия его как персонажами, так и читателем. Это звуки, запахи, цвет и свет, вкус домашних завтраков, засахаренных фруктов, которым угощает господин Гаванский, и макового рулета, испеченного матерью для путешествия на поезде. Цветом и запахами наделены и комната в доме на Улице конских каштанов, и купе в вагоне первого класса, а ужасными звуками наполнен домишко у насыпи. Город предстает как в единстве социокультурного пространства, так и в виде индивидуального авторского концепта, реализующегося посредством комплекса визуальных, акустических, ольфакторных и вкусовых признаков.

Город — это место, где обитают представители разных социокультурных и антропологических типов. Описанию города и живущих в нем людей присущи динамика и психологизм. Внутренние монологи Анди и «детская перспектива» придают этим описаниям объем и создают особую атмосферу. Следует подчеркнуть реалистичность описаний города, его узнаваемость⁵⁶, присутствие исторического фона. Все события

---

56 Например, описание трамваев: «...голубые, желтые и зеленые <...>. В Нови-Саде до Второй мировой войны были две трамвайные линии, а сами трамваи были раскрашены в разные цвета» (Киш Д. Сад, пепел. С. 9).

в романе четко привязаны к определенным моментам истории XX в., как объективной (Вторая мировая война, оккупация Нови-Сада, погромы и облава января 1942 г.), так и субъективной (семьи Сам), то есть творческому методу Д. Киша свойственен историзм и объективность.

Созданное Д. Кишем в романе «Сад, пепел» художественное пространство города и отчасти сельской местности, которая в большей степени служит фоном страданий Эдуарда Сама и взросления Анди, а также метафорой утраченного счастья (слова матери в финале «Господи, как здесь быстро темнеет»⁵⁷, потому что в городе никогда не бывает так темно, как в деревне), характеризуется, при всей условности образов, конкретностью и узнаваемостью, оно наполнено воздухом, светом, запахами и звуками и раскрывает внутренний мир персонажей.

Источники и литература

- Белик А. А.* Культурная (социальная) антропология. М.: РГГУ, 2009. 613 с.
- Вебер М.* Город. М.: Strelka Press, 2018. 252 с.
- Делић Ј.* Воз и возни ред у “Породичном циклусу” Данила Киша // Данило Киш. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2018. С. 417–426.
- Душечкина Е. В.* «Строгая утеха созерцанья». М.: НЛЮ, 2022. С. 428–558.
- Берић З.* Употреба града. Савремени новосадски роман. Нови Сад: Сајнос, 2014. 138 с.
- Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018. 112 с.
- Ильмухин В. Н.* Городская среда как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации // Вестник РУДН. Серия Социология. 2014, № 3. С. 87–98.
- Киш Д.* Сад, пепел / перевод Е. Сагалович. М.: Инфинитив; Центр книги Рудомино, 2022. 208 с.
- Махлина С. Т.* Семиотика культуры повседневности. СПб.: Алетейя, 2009. 230 с.
- Пантић М.* Још једном о Данилу Кишу // Данило Киш. Нови Сад: Издавачки центар Матице српске, 2018. С. 7–32.
- Чиркович Сима М.* История сербов. М.: Весь мир, 2009. 448 с.
- Шабает Ю. П., Садохин А. П., Лабунова О. В., Сазонова Н. Н.* Антропологическое понимание города и методология урбанистического изучения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 248–267.

⁵⁷ Там же. С. 207.

- Kiš D. *Iz prepiske*. Beograd: Arhipelag, 2021. 631 s.
- Tompson M. *Izvod iz knjige rođenih. Priča o Danilu Kišu*. Beograd: Clio, 2014. 613 s.

References

- Belik, A. A. *Kul'turnaia (sotsial'naia) antropologija*. Moscow: RGGU, 2009, 613 p.
- Čirković S. *Istorija serbov*. Moscow: Ves' mir, 2009, 448 p.
- Delić, J. "Voz i vozni red u „Porodičnom ciklusu“ Danila Kiša." *Danilo Kiš*. Novi Sad: Izdavački centar Matice srpske, 2018, pp. 417–426.
- Dushechkina, E. V. *Strogaia utekha sozertsan'ia*. Moscow: NLO, 2022, pp. 428–558.
- Đerić, Z. *Upotreba grada. Savremeni novosadski roman*. Novi Sad: Sajnos, 2014, 138 p.
- Ил'мухин, V. N. "Gorodskaja sreda kak faktor determinatsii povedencheskikh praktik: varianty sotsiologicheskoi kontseptualizatsii." *Vestnik RUDN, serija Sotsiologija*, 2014, no. 3, pp. 87–98.
- Kiš, D. *Sad, pepel*. Moscow: Infinitiv: Tsentr knigi Rudomino, 2022, 208 p.
- Kiš, D. *Iz prepiske*. Beograd: Arhipelag, 2021, 631 p.
- Makhlina, C. T. *Semiotika kul'tury povsednevnosti*. St Petersburg: Aleteia, 2009, 230 p.
- Pantić, M. "Još jednom o Danilu Kišu." *Danilo Kiš*. Novi Sad: Izdavački centar Matice srpske, 2018, pp. 7–32.
- Shabaev, Yu. P., Sadohin, A. P., Labunova, O. V., Sazonova, N. N. "Antropologicheskoe ponimanie goroda i metodologija urbanisticheskogo izucheniia." *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskije i sotsial'nyje peremeny*, 2018, no. 3, pp. 248–267.
- Simmel, G. *Bol'shije goroda i dukhovnaia zhizn'*. Moscow: Strelka Press, 2018, 112 p.
- Tompson, M. *Izvod iz knjige rođenih. Priča o Danilu Kišu*. Beograd: Clio, 2014, 613 p.
- Weber, M. *Gorod*. Moscow: Strelka Press, 2018, 252 p.

The town and the townspeople in the novel “Garden, Ashes” by Danilo Kiš

Elena V. Sagalovich

Aspirant

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: 79857601842@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1235-7413

Citation

Sagalovich E. V. The town and the townspeople in the novel “Garden, Ashes” by Danilo Kiš // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 268–286 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.02

Received: 20.01.2023.

Abstract

The novel by Serbian author Danilo Kiš (1935–1989) “Garden, Ashes” (1965) is his first major work. The novel demonstrates the writer’s completely formed style, models and techniques, as well as his key themes and concepts. The topoi and loci of a relatively small provincial town, as well as the socio-anthropological types of the townspeople are presented through the prism of a “child’s perspective” in the memoirs of the narrator-hero, colored by the adult bitter irony. The town appears full of sounds, colors, smells, and the child’s memory captures urban legends, rumors, and everyday practices of townspeople (country walks on Sundays). In the novel there are also special spaces (heterotopia) — a room in a house on the Horse Chestnut Street, a train compartment, a ghetto where the father is sent— where the hero-narrator gets a special experience. The novel is based on the facts of the writer’s biography, closely related to the tragic events of the twentieth century (the World War II and the death of his father in Auschwitz).

Keywords

Danilo Kiš, topos, locus, heterotopia, ekphrasis, socio-anthropological type.

Феномен поэта с гитарой Карела Крыла в чешской культуре

Герчикова Ирина Александровна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: geririna@inbox.ru
ORCID: 0000-0003-1009-9182

Цитирование

Герчикова И. А. Феномен поэта с гитарой Карела Крыла в чешской культуре // *Славянский альманах*. 2023. № 1–2. С. 287–302.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.03

Статья поступила в редакцию 27.02.2023.

Аннотация

В статье освещается творческий путь Карела Крыла (1944–1994), чешского барда, певца и поэта, и рассматривается авторская песенная поэзия как явление культуры. С середины 1960-х гг. («счастливый век литературы») он выступал с песнями собственного сочинения, опираясь на традиции чешских деятелей межвоенного периода Я. Вериха, И. Восковца, Я. Ежека, поэзию П. Безруча. Представляя первое поколение чешского фолка, находясь под значительным влиянием Б. Дилана и американской традиции песенной поэзии, Крыл расширил жанр популярной песни. Он стал легендарным голосом протеста и голосом своего народа. Крыл прославился после августа 1968 г., когда за одну ночь написал песню «Братишка, закрывай калитку». Поэт с гитарой провел двадцать лет в Германии. Его судьба складывалась непросто, как в эмиграции, так и после «бархатной революции», когда он, вернувшись на родину, не принял новой реальности. Он тяжело переносил разделение Чехословакии на два государства и столкнулся с непониманием. Вечный диссидент и бунтарь, Крыл вошел в историю как самобытный поэт, использовавший разнообразные средства художественной выразительности, сложную метафорику. Он стал символом чешской музыки и поэтической культуры второй половины XX в. Его значение для Чехии сопоставимо с В. Высоцким и А. Галичем для нашей страны. О К. Крыле есть много исследований на родине, однако

масштаб и грани его дарования, пророческие видения, особенности творческой манеры еще ожидают открытия в России.

Ключевые слова

Карел Крыл, поэт-бард, Чехословакия, альтернативная культура, золотые шестидесятые, авторская песня, фолк-музыка, песни протеста, символ эпохи, В. Высоцкий, А. Галич, Б. Дилан.

Карел Крыл (1944–1994) — легендарный чешский поэт, прозаик и певец, бард, яркий автор-исполнитель, голос антикоммунистической протестной песни, поэт с гитарой. Его называют чешским Бобом Диланом и чешским же Владимиром Высоцким. Все трое почти ровесники, пик их популярности пришелся на конец 60-х — начало 70-х гг.

Б. Дилан (1941 г. р., американский музыкант, автор песен, актер, художник и писатель, культовая фигура рок-сцены, основатель течения «кантри-рок», один из негласных символов левого антивоенного американского движения) в 2016 г. получил Нобелевскую премию по литературе с формулировкой «за создание новых поэтических форм в рамках великой американской песенной традиции». Получение награды вызвало неоднозначную реакцию. Премия расширила пространство литературы и как бы легитимизировала жанр популярной песни.

В СССР авторская песня (она же бардовская, поэтическая) приобрела широкую популярность с середины 1950-х гг., но в силу стилового и жанрового многообразия не имела до недавнего времени четких определений и границ. Узкое и однозначное определение «авторской песни» было предложено в 2002 г. И. А. Соколовой. По ее мнению, это «тип песни, который сформировался в среде интеллигенции в годы так называемой оттепели и отчетливо противопоставил себя песням других типов. В этом виде творчества один человек сочетает в себе автора мелодии, автора стихов, исполнителя и аккомпаниатора. Доминантой при этом является стихотворный текст, ему подчинены и музыкальная сторона, и манера исполнения...»¹. В 2019 г. вышла книга Н. А. Богомолова, где автор попытался разобраться с терминологией (одна из глав книги названа «Попытки теории»), отделяя песню авторскую от песни самодеятельной, все вместе называя бардовской песней. Соотношение между этими понятиями он видит таким образом: самодеятельная песня — явление сравнительно массовое,

¹ Соколова И. А. Авторская песня: от фольклора к поэзии. М., 2002. С. 52.

близкое к фольклору; авторская же — явление «штучное», вершина айсберга. На этой вершине располагается творчество трех крупнейших советских бардов — Окуджавы, Высоцкого, Галича; «промежуточное» положение занимают Визбор, Городницкий и некоторые другие авторы. О связи самодетельной песни с фолк-музыкой, «кантри» говорит, по мысли Богомолова, присущее ей — и фольклору в целом — «осуществление связи частного индивидуума с чем-то внеличным»².

Исполнители фолк-музыки, развившейся в середине XX в. из интереса к музыке народной, «деревенской», в 1960-е гг. сначала обращаются к прошлому, особенно Средневековью, но постепенно все более тяготеют к современным социальным вопросам. И здесь текст приобретает уже гораздо большее значение и становится одним из главных инструментов, определяющих смысловую нагрузку. Когда говорят о поющих поэтах, нередко возникает вопрос: а кем они, собственно, были и есть, что главное в их творчестве: тексты песен, стихи и живущие в них мысли и образы? Или же инструментальное сопровождение? Песня всегда была одним из тех жанров, образцы которого можно найти у большинства крупных поэтов. Но никогда до Окуджавы и Высоцкого авторская песня не занимала центрального положения в творчестве поэтов. Благодаря нескольким выдающимся фигурам жанр, всегда находившийся на периферии высокой поэзии, в силу своей демократичности и спроса эпохи на неофициальную, альтернативную культуру выдвинулся в определенный период на первый план. Можно вспомнить и литературные дискуссии в конце XX в., когда участвовавшие в них литературоведы, поэты, писатели и простые читатели поделились на две группы. Одни считали Высоцкого гением, любая строчка которого — верх поэтического мастерства, другие называли «хрипуном с гитарой», который мог воздействовать на примитивные человеческие рефлексy. Его поэзию постоянно сопоставляли с внелитературными фактами. Пропась между двумя группами казалась непреодолимой. Высоцкий, отвечая на вопрос, кто же он, отвечал: «Я думаю, что сочетание тех жанров и элементов искусства, которыми я занимаюсь и пытаюсь создать их синтез, — может быть, это какой-нибудь новый вид искусства <...> Может быть, все это будет называться в будущем каким-то одним словом, но пока его нет»³.

---

2 Богомолов Н. А. Бардовская песня глазами литературоведа. М., 2019. С. 39.

3 Демидова А. С. Он жил так и писал так: Из воспоминаний о Владими́ре Высоцком // Литературное обозрение. 1987. № 1. С. 93.

Бардовская песня стала достаточно массовым явлением не только в СССР, она получила развитие и в странах Восточной Европы. Но связана была не с походной романтикой, пафосом свершений, фестивалями поэзии на природе, а имела конкретную социальную направленность и отражала прежде всего протестные настроения общества. Учеником Высоцкого называют польского «поэта с гитарой» Яцек Качмарского (1957–2004). Хорошо известен легендарный польский поэт и автор песен Эдвард Стахура (1937–1979), а также бард и диссидент из ГДР Вольф Бирман (род. в 1936 г.). Уникальное явление чешской культуры — Карел Крыл.

Масштаб и место «барда-интеллектуала»⁴ К. Крыла в чешской литературе и музыке обсуждается давно. Крыл начинал как художник. Он родился в 1944 г., переехал в Прагу в 1967-м. Работал там на телевидении, писал песни, иногда выступал в студенческих клубах, был одним из многих чешских бардов. В это время на чешской музыкальной сцене появляются Ярослав Гутка, Властимил Тршешняк, Владимир Мерта, Петр Каландра, Илья Бартошек и другие. Все они, включая Крыла, принадлежали к так называемому первому поколению чешского фолка⁵ и находились под значительным влиянием Б. Дилана. Пик популярности фолк-музыки на Западе пришелся на середину 1960-х, когда отмечались стремления к возрождению англо-американских народных песен. Но музыка и поэзия менялись, создавались новые смешанные жанры, становясь все более стилистически разнообразными. В середине 60-х годов в Чехословакию пришли и Б. Окуджава с В. Высоцким. А еще, с конца 1950-х в Чехии активно начали развиваться клубные сцены и театры малых форм. Именно здесь джазовая песня, которая через несколько лет стала весьма популярной, дополнялась фолком и кантри, пришедшим, как и джаз, главным образом из США. Песенная поэзия привнесла экспрессию, легкость, простоту. Причина ее популярности была и в изменении восприятия культуры, которая могла использовать актуальные в социальном и политическом плане темы. Кроме того, чешские авторы лирики могли опираться на деятелей культуры межвоенного периода: Иржи Восковца и Яна Вериха, создавших в 1927 г. Освобожденный театр в Праге, театр-буфф, театр импровизации с цирком,

---

⁴ Horáček F. Karel Kryl // Rock & Pop: časopis pro rock, pop, folk, jazz a jiné. 1990. Č. 6. S. 25.

⁵ Vondrák J., Skotal F. Legendy folku & country: jediný téměř úplný příběh folku, trampské a country písně u nás. Brno, 2004. S. 75; Prokeš J. Česká folková píseň v kontextu 60.–80. let 20. století. 2 vydání. Brno, 2011. S. 17.

фейерверками, куплетами, джазом и балетом, открытым общением с залом, стихами и драматургией, а также Ярослава Ежека, создававшего музыкальное сопровождение для их пьес.

В 1960-е возникает так называемая альтернативная чешская культура. Время «золотых шестидесятых» — период ее расцвета, совпавший с «оттепелью» в общественной жизни, перешедшей затем в «пражскую весну». Цензура существовала, но действовала еще не очень активно. Литературная жизнь буквально бурлила. На тот момент сформировалось молодое поколение «шестидесятников», в которое входили не только певцы, но и писатели (Йозеф Шкворецкий, Богумил Грабал, Владимир Парал), режиссеры (Милош Форман, Иржи Менцл), деятели театра (Иржи Сухи, Иржи Шлитр), музыкальные коллективы и другие. Это время позже назовут «счастливым веком литературы»⁶.

Начало творческой карьеры Крыла связано как раз с выступлениями на малых сценах в Оломоуце и Оставе. После приезда в Прагу он стал сотрудничать с театром «Семафор». О барде Кареле Крыле публика впервые услышала в программе Чехословацкого радио, проводившего в 1964–1969 гг. хит-парад «Двенадцать на качелях» (*Dvanáct na houpačce*). В апреле 1968 г. прозвучали песни Крыла «Печальное утро» (*Smutné ráno*), «Поэт» (*Pieta*), «Король и клоун» (*Král a klaun*). Хотя они заняли в хит-параде последние места, музыкальный критик, легенда чешского радио Иржи Черны (род. в 1936 г.) пришел в восторг от того, что наконец-то появился бард, творчество которого было значительно больше, чем просто развлечение публики.

В середине 60-х Крыл писал и сатирические песни, и философско-медитативные, и баллады. Его волновали проблемы экологии, любовь; он весьма вольно интерпретировал библейские сюжеты. В целом его лирика была светлой и легкой. Настоящий успех и признание пришли к двадцатичетырехлетнему Крылу 22 августа 1968 г., когда И. Черны поставил на радио его знаковую песню «Братишка, закрывай калитку!» (*Bratříčku, zavírej vrátka*), которую музыкант написал за одну ночь, сразу после оказания «братской помощи» жителям Чехословакии. «Не плачь, братишка... / Это не бродяги / Это всего лишь солдаты / Они приехали в железных квадратных киби́тках / <...> Идет дождь, и на улице стемнело / Эта ночь не будет короткой / Волку захотелось ягненка / <...> Братишка, не плачь, не трать слезы / Проклятья подави и береги силы <...> / Закрывай, братишка,

⁶ Lejár J., Stich A., Janáčková J., Holý J. Česká literatura od počátků k dnešku. Praha, 2002. S. 782.

калитку!»⁷. Песня, отсылавшая к сказке о трех поросятах, была символом неприятия чехами оккупации. Тихий голос совсем молодого человека, без всякого пафоса и воинствующих призывов не смиряться, сказал об огромной боли и отчаянии всех жителей страны, оказавшихся беззащитными перед лицом темной страшной силы.

9 сентября 1969 г. Крыл выехал из Чехословакии на музыкальный фестиваль в Германии. Спустя две недели он попросил политического убежища. В эмиграции бард провел двадцать лет. Крыл обосновался в Мюнхене, сотрудничал с радиостанцией «Свободная Европа», где ему предложили место всего лишь спортивного комментатора, не используя весь его богатый потенциал. Дело было также в непростом характере Крыла, не желавшего подчиняться, следовать цензурным соображениям. А в 1974 г. во время очередного концерта в Мюнхене оказался Александр Галич (1918–1977), чья песня «Когда я вернусь» стала гимном всех изгнанников советской эпохи. Галич получил от местного отделения радиостанции «Свобода» приглашение возглавить русскую секцию и был назначен начальником отдела культуры («Радио Свобода» и «Радио Свободная Европа» объединились в 1976 г.). Так оказались рядом два барда с похожей судьбой. Галич не был так известен в Чехословакии, как Высоцкий и Окуджава. Хотя его тексты, например, «Сердце мое заштопано / В серой пыли виски / Но я выбираю Свободу / И — свистите по все свистки! / <...> Я выбираю Свободу / Но не из боя, а в бой, / Я выбираю свободу / Быть просто самим собой»⁸, были абсолютно созвучны со стихами Крыла. Философские воззрения обоих поэтов-бардов нашли преломление в их произведениях. Путь Галича сопоставляется, например, с судьбой пророка Исаяи, а Крыла называли пророком и визионером все без исключения исследователи его творчества. И Крылу, и Галичу в эмиграции не хватало главного — зрителя и слушателя; оба были лишены главного — родины. Как и Крыла, Галича на радио, где ему довелось работать, угнетала существовавшая там цензура. Он уехал от давления и к нему же вернулся, только уже в чужой стране. Галич надеялся на возвращение при условии каких-либо изменений в СССР. Но его мечтам не было суждено сбыться. Это был «протестующий человек с гитарой — пожалуй, символ свободы не только в СССР, но и во всем мире... Не пафосный,

⁷ Kryl K. Texty písní. Spisy I. Praha, 1998. S. 112. Здесь и далее подстрочный перевод стихотворных цитат сделан автором статьи.

⁸ Галич А. Я выбираю свободу // Глагол: Литературно-художественный журнал. 1991. № 3. С. 205.

но запоминающийся до боли»⁹. Отсутствие пафоса при мощном эмоциональном воздействии на слушателя роднит двух этих поэтов, которые никогда не встретились, находясь рядом. Они оба — создатели песенно-поэтического эпоса, в котором соединилась философская глубина с освещением болезненных моментов истории и современности, представители «трагедийно-сатирического направления в авторской песне, которое в полноте выразило вольный, неподцензурный дух бардовского искусства»¹⁰.

Крыл провел в эмиграции нелегкие годы — он остро переживал одиночество, чувствовал себя потерянным в чужой культуре и чужом языке. Осуждение не только оккупации, но и насилия во имя великой цели, протест против любой несвободы и лицемерия, воспевание мужества, честности, любви — это стало главным содержанием творчества Крыла и в годы эмиграции. Он продолжал писать книги, стихи, песни, выступал перед такими же, как он, изгнанниками из ЧССР и Польши, гастролируя по Западной Европе, Америке, Канаде, Австралии. Его пластинки выходят за границей, проникая в ЧССР в виде магнитофонных записей, их подпольно переписывают, передавая из рук в руки как символ сопротивления режиму. Первая пластинка К. Крыла (*Bratříčku, zavírej vrátka*, 1969, LP, Panton, ČSSR) вышла еще в ЧССР через полгода после вторжения войск Варшавского договора. Ее подготовил Иржи Черны. Она разошлась на хиты, цитаты и стала крупнейшим событием в социально-политической жизни Чехословакии конца 1960-х — начала 1970-х гг.

Помимо «Братишки» еще один текст с этого диска — «Вот вы и здесь, братья» (*Tak vás tu máme, bratři*) — классическая протестная песня. «Вы, братья, принесли нам сталинскую ночь / И теперь мы уже не встречаем вас с букетами сирени <...> Благодарим вас, железные голуби мира / Спасибо вам за поцелуй с привкусом горького миндаля <...> Можете забрать себе наши дома / А нам остается только надежда / Ведь мы всегда были и всегда будем!». Заключительные слова Крыл произносит по-русски: «Спасибо вам большое, братья-захватчики. Спасибо большое, никогда не забудем»¹¹.

---

⁹ Кедров К. А. Человек с гитарой против человека с ружьем // Известия. 13.12.2007. С. 6.

¹⁰ Ничипоров И. Б. «И на жалость я их брал да испытывал...». Образ советского обывателя в песенной поэзии Александра Галича // Историк и художник. 2004. № 2. С. 33.

¹¹ Kryl K. *Ostrov pokladů*. Vyd. 1. Praha, 2005. S. 34–35.

Крыл во многом опирался на чешскую культурную традицию и редко говорил об этом времени прямо, «в лоб». В песне «Его Величество Палач» (*Veličenstvo Kat*) описывается некая страна, и хотя Крыл здесь использует разнообразные метафоры и библейские аллюзии, в его средневековом государстве легко угадывается родина поэта в эпоху «нормализации».

Byl hrozný tento stát
když musel jsi se dívat
jak zakázali psát
a zakázali zpívat
a bylo jim to málo
Poručili dětem
modlit se jak si přálo
veličenstvo kat
S úšklebkem ďábel viděl
pro každého podíl
Syn otce nenáviděl
Bratr bratru škodil
Jen motýl smrtihlav
se nad tou zemí vznáší
kde v kruhu tupých hlav
dlí — veličenstvo kat ¹²

Ужасным было это государство
когда ты должен был наблюдать
как запретили писать
и запретили петь
но этого показалось мало
Детям предписали
как надо молиться
по прихоти Его Величества Палача
С ухмылкой он наблюдал
как каждый исполнял свою часть
Сын ненавидел отца
А братья ненавидели друг друга
Только бабочка-траурница порхает
над этой несчастной страной
где в кругу тупоголовых
управляет Его Величество Палач.

Второй альбом Крыла — «Рак» (*Rakovina*, 1969, LP, Primaphon, ФРГ). В песне «Что они скажут?» (*Co řeknou?*) речь идет о том, что будут говорить коллаборанты, всевозможные «подпевалы» коммунистической власти после того, как эта власть изменится. «Что скажут эти господа, сидящие в оцепенении / Плюя на тех, кто покинул родину / Опять будут молчать, как молчали и раньше / Трястись от страха и потихоньку красть / А что скажут дамы в театре с биноклями / <...> Опять охотно будут слушать сказки / О том, что правды надо бояться...»¹³. О том же пел и Галич: «Промолчи — попадешь в богачи. Промолчи, промолчи, промолчи! И не веря ни сердцу, ни разуму, Для надежности спрятав глаза, Сколько раз мы молчали по-разному, Но не против, конечно, а за...»¹⁴.

Следующий альбом Крыла вышел в 1970 г. и назывался «Ряженые» (*Maškary*, 1970, LP, Caston, ФРГ). Это были сатирические песни,

12 Kryl K. Krylogie. Praha, 1994. S. 86.

13 Kryl K. Krylogie: Půlkacíř. I. soubor. vyd. Praha, 2000. S. 120.

14 Галич А. Я выбираю свободу. С. 76.

но Крыл критиковал уже не родную Чехословакию. Он был во многом разочарован и в германской действительности, в частности, не находил понимания с немецкими левыми и социал-демократами, с которыми он в то время много общался.

От чехословацкого гражданства Карел Крыл никогда не отказывался и, как только появилась возможность, вернулся на родину. 3 декабря 1989 г. Карел Крыл выступил перед публикой на знаменитом «Концерте для всех приличных людей». Его голос продолжал звучать мощно, а стихи не перестали быть острыми и после восстановления в Чехословакии демократии. В 1990 г. появилась песня «Бархатная весна» (*Sametové jaro*), где он критиковал политическую реальность, после первых восторгов лишившись иллюзий относительно нового режима. Затем появилась «От Чадци к Дунаю» (*Od Čadce k Dunaju*). «От Чадци до Дуная странные звуки раздаются / Границу строят из колючей проволоки / Друг — сепаратист / Новый паралич / Из Моравии в Братиславу требуется виза»¹⁵. Крыл болезненно переносил разделение Чехословакии на два государства, став одним из немногих, кто открыто протестовал против этого. «Новая граница между Моравией и Словакией причиняет мне боль. Ведь волны эфира не имеют границ; моя публика есть здесь и там. Эта граница как будто принуждает меня стать одноногим. Но я не дамся. Для того, чтобы ходить прямо, мне нужны обе ноги»¹⁶, — говорил он в те дни. Ему казалось, что новое — это просто замаскированное старое, он превратился в критика либеральной власти, в том числе Вацлава Гавела. Крыл с его поэтической интуицией чувствовал не слишком радужное будущее, коррупцию, стал вновь исполнять песни, исполненные горечи. Многие тогда считали, что Крыл это делает от оскорбленного самолюбия, оттого, что его не пригласили в большую политику. Но дело было в том, что просто не было такой реальности, которая не вызвала бы у него отторжения. Уехавший как антикоммунист, он вернулся и был обвинен в пропаганде коммунизма. Крыл остался вечным диссидентом, так и не научившись ходить в ногу со всеми.

Большой карьеры в посткоммунистической Чехословакии он не сделал. В 1990 г. вышел его последний альбом «Зыбучие пески»

---

¹⁵ Kryl K. Texty písní. S. 348.

¹⁶ Айзнуэвит К. Аккорды протеста Карела Крыла // Radio Prague International. 03.03.2019. URL: <https://ruski.radio.cz/akkordy-protesta-karela-kryla-8137304> (дата обращения: 22.02.2023).

(*Tekuté písky*). Пророческая песня «Демократия», от которой бард много ждал, успеха в Чехии, не имела. «Демократия расцветает, только с косметическим дефектом / Те, что воровали годами, крадут сегодня в разы больше / Кто нас годами преследовал, сегодня нас гонят с работы / А тех, кто пел о правде, сделали предателями»¹⁷. Поэт во второй раз уехал в Германию, где и умер в Мюнхене в марте 1994 г. Скептические взгляды Крыла после «бархатной революции» публика не принимала. А он, «закончивший период диссидентства, разочарованный в новой действительности и не разделявший постреволюционной эйфории, не выдержал, и его сердце разорвалось»¹⁸.

Почему Крыл стал символом эпохи и чем его песни отличались от других? Если бы они звучали как песни протеста, важные своим содержанием и антитоталитарным пафосом, о них бы быстро забыли. Но, в отличие от других голосов, выступавших против оккупации, как отмечал И. Черный, эти песни несли в себе гордый дух, вселяли тихий ужас и в то же время какое-то острое предвидение будущего. Каждая песня отличалась запоминающейся мелодией, точной поэтической формой, богатством метафоры, безупречной рифмой. «Барочный смысловой диапазон между словесным выражением и душой, пафос, соответствующий исторической травме нации, сжатость содержания и рифмовки, отсутствие каких-либо инструментальных аранжировок, непосредственная авторская интерпретация — все это предопределило уникальность и значимость Крыла»¹⁹.

Тот же вопрос, что задавали и Высоцкому, и Дилану, другим бардам, постоянно обращали и Крылу. Автор песен — это меньше, чем поэт? Кто первый, а кто второй? «Когда Крыл держал в руках гитару, у него была довольно большая аудитория, но некоторые критики считают, что он был больше чем певец. И наоборот, при идентификации текстов его песен со стихами или вылавливая в его поэзии не самое

17 Kryl K. Ostrov pokladů. S. 246–247.

18 Rochovanská M. Krylovy protestsongy zazní v Zemi Lhostejnost // PraKultura. 07.10.2013. URL: <https://www.prakultura.cz/2013/10/07/novinkave-svandaku-krylovy-protestsongy-zazni-v-zemi-lhostejnost/> (дата обращения: 20.02.2023).

19 Černý J. Karel Kryl byl první velká osobnost sólového českého folku // Aktuálně.cz. 12.04.2019. URL: <https://magazin.aktualne.cz/kultura/hudba/karel-kryl-75-bratricku-zavirej-vratka-jiri-cerny-hudba/r-fc03b41c5cfb11e9ad610cc47ab5f122/> (дата обращения: 22.02.2023).

качественное по уровню — тут сразу выносился приговор: ему среди настоящих поэтов места нет. Ведь он просто исполнитель песен. Здесь нет более спорной фигуры, чем К. Крыл»²⁰, — отмечает один из биографов Крыла М. Гувар. Как и Высоцкий, Крыл говорил о симбиозе поэзии и музыки: «Люди спрашивают меня, считаю ли я себя больше автором песен или поэтом, и я говорю им: я и то, и другое. Мою популярность создали не мои стихи, а песни “о чем-то таком особом”, и эти песни поэтичны. Хорошее стихотворение — в отличие от своего близкого родственника, песенной лирики — в своей миниатюрной форме может сказать в два раза больше, чем рассказ»²¹.

Крыл сразу стоял несколько особняком. Он не соглашался, когда о нем говорили как о певце. Параллельно с написанием песен он занимался поэзией как ремеслом и знал об этом ремесле практически все. Он не был лишь автором песен протеста, хотя и не потерявших свою актуальность, когда изменилась политическая ситуация. Он писал печальные философские баллады со сложной структурой. Его мелодии были выверены и отточены. Уникальна его любовная лирика, исторические экскурсы с библейскими мотивами. Находясь в долгой эмиграции, Крыл накупил словарей, пособий и учебников по чешскому языку, чтобы не потерять контакт с родиной. Он обогатил родной язык неологизмами, много работал с текстом, считая совершенно необходимым изучать основы стихосложения и теорию стиха, а потом уже пробовать на практике. Крыл создал «креативную модель синтетического поэтического спектра, где все компоненты сильны и равноценны»²². Исследователи отмечают близость поэтики Крыла и поэта Силезии Петра Безруча (1867–1958), чешского классика, прославленного автора «Силезских песен» (1911). Оба они слили свою индивидуальную судьбу с судьбой целого народа, символически говоря от его имени. Их бунт был и личным, и коллективным, был привязан к конкретному времени и в то же время направлен как бы за пределы пространства и времени. Пафос обоих поэтов был не в показном позерстве, а в искренней эмоциональности, глубоко проживаемой и любви, и ненависти.

Вышло несколько сборников стихов и текстов песен: «Книжка Карела Крыла. Песни и избранная поэзия 1960–1971» (*Kniška Karla*

20 *Huvar M.* Kryl: k nedožitým šedesátinám. Brumovice, 2004. S. 8.

21 *Kryl K.* Rozhovory. Praha, 2006. S. 113.

22 *Kovářík M.* Karel Kryl. Sebrané spisy // Tvar. 14.5.1998. Č. 10. S. 22.

Kryla, 1972, Index, Кельн); сборник любовной лирики «Семь стихов на зеркало» (*Sedm básniček na zrcadlo*, 1974, Мюнхен); юмористические стихи с неологизмами «Из моей ползучей жизни» (*Z mého plíživota*, 1986, 68 Publishers, Торонто); «Знак эпохи» (*Znamení doby*, 1996, Прага) и др. Крыл писал не только песни, стихи, но и прозу. Издан сборник «Прозы» (*Prózy*, 2017, Torst, Прага), куда вошли рассказы, сказки, фельетоны, неоконченный роман «Человек» (*Člověk*); нестихотворные политические комментарии «Страна Равнодушные» (*Země Lhostejnost*, 2012, Torst, Прага). Последняя книга — сборник эссе 1990–1993 гг. — была положена в основу театральной постановки 2013 г. режиссера Додо Гомбара в Швандовом театре в Праге (*Švandovo divadlo*). О Крыле много исследований, о нем пишут дипломные работы, проходят в чешских школах. Есть планета его имени. Много записей, воспоминаний. Ему присуждают престижные звания in memoriam. Его песни продолжают слушать, о нем говорят друзья и критики. Вспоминают его как необыкновенно искреннего, ранимого человека с даром настоящего пророка. В 2016 г. вышел документальный фильм «Братишка Карел» польского режиссера Кристины Краузе (*Bratříček Karel*, Krystyna Krauze), в котором впервые заговорили о малоизвестных событиях жизни Крыла. Автора фильма занимает главный вопрос: что было так притягательно в нем, раз и по прошествии 20 лет после смерти люди постоянно поют его песни, и как получилось, что поэт, обожаемый народом, умирал в тоске и одиночестве.

Крыл получил официальное признание и награды только после своей смерти: в 1995 г. он был занесен в «Зал славы Грэмми», в том же году получил премию Франтишека Кригля и медаль «За заслуги». В 2014 г. к наградам добавился орден Масарика. В отличие от Высоцкого Крыл не был популярным актером, не играл в театре, не снимался в кино. Он был современником Высоцкого и близким ему по духу и мировидению. Значение Крыла для чехов сопоставимо и с Высоцким, и с Галичем для России. К. Крыл был первой великой личностью чешского фолка. Дагмар Вонькова, Ярослав Гутка, Иржи Дедечек, Ян Буриан, Петр Лутка, Олдржих Янота, Карел Плихал и многие другие чешские барды, можно сказать, вошли в мир, который он открыл. Крыл оказал огромное влияние на Яромира Ногавицу (род. в 1953), самого известного, наверное, современного чешского барда, композитора, мультиинструменталиста, награжденного за заслуги в укреплении дружбы между народами в 2018 г. государственной наградой РФ — медалью Пушкина.

В историю современной чешской культуры Крыл вошел как вечный бунтарь, как один из лучших и наиболее чутких поэтов Чехии второй половины XX в. Он — феномен, символ эпохи, заслуживающий самого серьезного исследования и представления российскому читателю и слушателю, который о нем практически ничего не знает.

Источники и литература

Айзпурвит К. Аккорды протеста Карела Крыла // Radio Prague International. 03.03.2019. URL: <https://ruski.radio.cz/akkordy-protesta-karela-kryla-8137304> (дата обращения: 22.02.2023).

Богомолов Н. А. Бардовская песня глазами литературоведа. М.: Азбуковник, 2019. 528 с.

Галич А. Я выбираю свободу // Глагол: Литературно-художественный журнал. 1991. № 3. 256 с.

Демидова А. С. Он жил так и писал так: Из воспоминаний о Владимире Высоцком // Литературное обозрение. 1987. № 1. С. 93–96.

Кедров К. А. Человек с гитарой против человека с ружьем // Известия. 13.12.2007.

Ничипоров И. Б. «И на жалость я их брал да испытывал...». Образ советского обывателя в песенной поэзии Александра Галича // Историк и художник. 2004. № 2. С. 33–42.

Соколова И. А. Авторская песня: от фольклора к поэзии. М.: Комитет по культуре Москвы; Государственный культурный центр-музей В. С. Высоцкого, 2002. 292 с.

Černý J. Karel Kryl byl první velká osobnost sólového českého folku // Aktuálně.cz. 12.04.2019. URL: <https://magazin.aktualne.cz/kultura/hudba/karel-kryl-75-bratricku-zavirej-vratka-jiri-cerny-hudba/r-fc03b41c5cfb11e9ad610cc47ab5f122/> (дата обращения: 22.02.2023).

Huvar M. Kryl: k nedožítým šedesátinám. Brumovice: Carpe diem, 2004. 157 s.

Horáček F. Karel Kryl // Rock & Pop: časopis pro rock, pop, folk, jazz a jiné. 1990. Č. 6. S. 25–27.

Kovářík M. Karel Kryl. Sebrané spisy // Tvar. Č. 10. 14.5.1998. S. 22.

Kryl K. Krylogie. Praha: Academia, 1994. 309 s.

Kryl K. Krylogie: Půlkacíř. 1. soubor. vyd. Praha: Torst, 2000. 560 s.

Kryl K. Ostrov pokladů. Vyd. 1. Praha: Levné knihy KMa. 2005. 263 s.

Kryl K. Rozhovory. Praha: Torst, 2006. 820 s.

Kryl K. Texty písní. Spisy I. Praha: Torst, 1998. 526 s.

Lehár J., Stich A., Janáčková J., Holý J. Česká literatura od počátků k dnešku. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002. 2. dopl. vyd. 1078 s.

Prokeš J. Česká folková píseň: v kontextu 60.–80. let 20. století. Vyd. 2. Brno: Masarykova univerzita, 2011. 168 s.

Rochovanská M. Krylovy protestsongy zazní v Zemi Lhostejnost // Pra-Kultura. 07.10.2013. URL: <https://www.prakultura.cz/2013/10/07/novinka-ve-svandaku-krylovy-protestsongy-zazni-v-zemi-lhostejnost/> (дата обращения: 20.02.2023).

Vondrák J., Skotal F. Legendy folku & country: jediný téměř úplný příběh folku, trampské a country písně u nás. Brno: Jota, 2004. 560 s.

References

Aizpurvit, K. “Akkordy protesta Karela Kryla.” *Radio Prague International*. 03.03.2019. URL: <https://ruski.radio.cz/akkordy-protesta-karela-kryla-8137304> (accessed: 22.02.2023).

Bogomolov, N. A. *Bardovskaia pesnia glazami literaturoveda*. Moscow: Azbukovnik, 2019, 528 p.

Černý, J. “Karel Kryl byl první velká osobnost sólového českého folku.” *Altuálně.cz*. 12.04.2019. URL: <https://magazin.aktualne.cz/kultura/hudba/karel-kryl-75-bratricku-zavirej-vratka-jiri-cerny-hudba/r~fc03b41c5cfb11e9ad610cc47ab5f122/> (accessed: 22.02.2023).

Demidova, A. S. “On zhil tak i pisal tak: Iz vospominanii o Vladimire Vysotskom.” *Literaturnoe obozrenie*, 1987, no. 1, pp. 93–96.

Galich, A. “Ja vybiraiu svobodu.” *Glagol: Literaturno-khudozhestvennyi zhurnal*, 1991, no. 3, 256 p.

Horáček, F. “Karel Kryl.” *Rock & Pop: časopis pro rock, pop, folk, jazz a jiné*, 1990, no. 6, pp. 25–27.

Huvar, M. *Kryl: k nedožítým šedesátinám*. Brumovice: Carpe diem, 2004, 157 p.

Kedrov, K. A. “Chelovek s gitaroi protiv cheloveka s ruzh'em.” *Izvestiia*. 13.12.2007.

Kovářík, M. “Karel Kryl. Sebrané spisy.” *Tvar*, no. 10, 14.5.1998, p. 22.

Kryl, K. *Krylogie*. Praha: Academia, 1994, 309 p.

Kryl, K. *Krylogie: Půlkacíř*. Praha: Torst, 2000, 560 p.

Kryl, K. *Ostrov pokladů*. Praha: Levné knihy KMa, 2005, 263 p.

Kryl, K. *Rozhovory*. Praha: Torst, 2006, 820 p.

Kryl, K. *Texty písní. Spisy I*. Praha: Torst, 1998, 526 p.

Lehár, J., Stich, A., Janáčková, J., Holý, J. *Česká literatura od počátků k dnešku*. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002, 2nd ed., 1078 p.

Nichiporov, I. B. “‘I na zhalost' ia ikh bral da ispytyval...». *Obraz sovetskogo obyvatelia v pesennoi poezii Aleksandra Galicha.* *Istorik i khudozhnik*, 2004, no. 2, pp. 33–42.

Prokeš, J. *Česká folková píseň: v kontextu 60.–80. let 20. století*. Brno: Masarykova univerzita, 2011, 168 p.

Rochovanská, M. “Krylový protestsongy zazní v Zemi Lhostejnost.” *Pra-Kultura*. 07.10.2013. URL: <https://www.prakultura.cz/2013/10/07/novinka-ve-svan-daku-krylovvy-protestsongy-zazni-v-zemi-lhostejnost/> (accessed: 20.02.2023).

Sokolova, I. A. *Avtorskaia pesnia: ot fol'klora k poezii*. Moscow, 2002, 292 p.

Vondrák, J., Skotal, F. *Legendsy folku & country: jediný téměř úplný příběh folku, trampské a country písně u nás*. Brno: Jota, 2004, 560 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.03

I. A. Gerchikova

The Phenomenon of Karel Kryl, The Poet with the Guitar, in the Czech Culture

Irina A. Gerchikova

Candidate of Letters, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: geririna@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-1009-9182

Citation

Gerchikova I. A. The Phenomenon of Karel Kryl, The Poet with the Guitar, in the Czech Culture // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 287–302 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.03

Received: 28.02.2023.

Abstract

The article describes the work of Karel Kryl (1944–1994), a Czech singer-songwriter and poet. Author’s musical poetry as a cultural phenomenon is considered. From the mid-1960s (“The Happy Age of Literature”) he performed songs of his own composition, based on the traditions of Czech artists of the interwar period J. Werich, J. Voskovec, J. Ježek, and the poetry of P. Bezruč. Kryl, belonging to the first generation of the Czech folk, was heavily influenced by Bob Dylan and the American tradition of song poetry. He expanded the popular song genre and became

a legendary voice of protest and the voice of his people. He earned fame after August 1968, when he wrote the song “Bratříčku zavírej vrátka” (“Keep the Gate Closed, Little Brother”) in one night. The Poet with a Guitar spent twenty years in Germany. His life path was not easy both in the emigration as well as upon his returning back home, since he could not accept the new reality after the Velvet Revolution. He had a hard time enduring the division of Czechoslovakia into two states and therefore faced misunderstanding. An eternal dissident and a rebel, Kryl went down in history as an original poet who used a variety of means of artistic expression and complex metaphors. He became a symbol of the Czech music and poetic culture in the second half of the 20th century. His significance for the Czech Republic is comparable to that of V. Vysotsky and A. Galich for Russia. There are many studies about Kryl in Czechia but the scale and facets of his talent, his prophetic visions, and the individual style of his creative manner deserve attention and are waiting to be discovered in Russia.

Keywords

Karel Kryl, poet-bard, Czechoslovakia, alternative culture, golden sixties, author's song, folk music, protest songs, symbol of the era, V. Vysotsky, A. Galich, B. Dylan.

**Особенности репрезентации
региональной идентичности персонажей А. Н. Карпюка
в романе «Вершалинский рай» и повести «Данута»**

Ламм Мария Андреевна
Независимый исследователь
Москва, Российская Федерация
E-mail: lamm.maria@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3643-5052

Цитирование:

Ламм М. А. Особенности репрезентации региональной идентичности персонажей А. Н. Карпюка в романе «Вершалинский рай» и повести «Данута» // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 303–313. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.04

Статья поступила в редакцию 27.01.2023.

Аннотация

В пограничном регионе возникают условия для формирования особого типа мировосприятия, выражением которого становится появление самобытной региональной идентичности. Для творчества белорусского писателя А. Н. Карпюка характерно осмысление специфики регионального восприятия и последующий переход его на общенациональный уровень. Тексты произведений проанализированы с помощью основных структурных категорий пространственного мифа: свободы передвижения, социальной мобильности, логики восприятия персонажами пейзажа. По сюжету обоих произведений в ситуации неоднократной смены государственной принадлежности происходит становление местной и, позднее, национальной интеллигенции: учителя и священника. Баланс национального и регионального во многом определяется опорой на историческую традицию и современность. Вероятно, по идеологическим причинам эти сюжеты описаны автором по-разному, но структурное сходство двух историй позволяет проанализировать окружающее персонажей пространство с точки зрения особенностей выражения в художественном тексте мифа пограничья и специфики его восприятия.

Ключевые слова

Пограничье, фронтир, Кресы, тутейише, идентичность, национальный миф, миф Фронтира.

Пограничье — зона, где национальное самоопределение осложнено в силу историко-культурных и социальных факторов: постоянное взаимодействие с представителями другой культуры и смена государственной принадлежности создают предпосылки для формирования эклектичной национальной идентичности. В условиях идеологического давления у жителей пограничных регионов возникает феномен альтернативной идентичности: целостный и логически непротиворечивый вариант национального или регионального мифа, противопоставленный варианту национального мифа, продиктованного центром. Подобные процессы многогранно описаны в творчестве А. Н. Карпюка, действие произведений которого разворачивается в регионе, где отнесение к тому или иному варианту национального мифа часто предполагает также выбор идеологической модели.

Местом действия произведений писателя стали родные для него земли польско-белорусского пограничья, где выбор национальной, религиозной или этнической идентичности сложен для каждого персонажа, а потому особенно интересен. Подобные проблемы поднимаются в большинстве произведений Карпюка, наиболее характерны с этой точки зрения повесть «Данута» и роман «Вершалинский рай», оба произведения были переведены на русский язык¹. Необходимо сразу отметить тот факт, что восприятие пограничья, пространства, удаленного от центра, а потому априори периферийного, возможно в двух направлениях: как Провинции или как Фронтира. В категориях провинциального мифа пограничный регион развивается как замкнутый и самодостаточный, в категориях фронтирного мифа, напротив, жизнь региона стремится вовне, происходит развитие межнациональных и межкультурных отношений. Эти два мифа противопоставляются друг другу на самых разных уровнях. По мнению В. Н. Топорова, «граница определяется точкой схождения-пересечения двух направлений (“своего” и “чужого”), сходящих на нет при неблагоприятных обстоятельствах и, напротив, сводящих “свое”

---

¹ Тексты на русском и белорусском языках имеют некоторые различия, однако с точки зрения стратегии выбора идентичности они несущественны, поэтому в данной статье использован перевод.

с “чужим”, открывающих друг другу путь внутрь себя при благоприятных условиях². Условия в повести «Данута» и романе «Вершалинский рай» сходны, сходны и модели взаимодействия персонажей разных национальностей; в данном случае рассмотрим эти тексты с точки зрения причастности персонажей тому или иному типу пространственного мифа.

Место действия произведений — Западная Белоруссия, хотя государственная принадлежность региона на протяжении повествования меняется. Действие романа «Вершалинский рай» происходит в Российской империи (начало XX в.), а после — в Польше (20-е — 30-е гг.) и завершается в БССР (1939–1941), действие повести «Данута» — в Польше (1930-е гг.), после 1939 г. — в БССР. Вероятно, именно расхождение времени действия обеспечивает различие самоидентификационных стратегий — у персонажа повести «Данута» они меняются после Второй мировой войны. Главный герой этих произведений — юный белорусский крестьянин в новой для себя социальной роли или нетипичных обстоятельствах. Сюжеты романа «Вершалинский рай» и повести «Данута» посвящены становлению национальной интеллигенции в поликультурном пространстве: священника и учителя. Фактически основной темой произведений являются две реальности воплощения национального и, одновременно, две мировоззренческие парадигмы³.

Вариант мифа пограничья в конкретном художественном произведении определяется по таким критериям, как мобильность населения, восприятие национальной истории и пейзажа. Еще одним критерием является тип границы, ее закрытость или открытость, но в данном случае он слабо применим, поскольку на этапе закрытых границ как Аляш (главный герой романа «Вершалинский рай»), так и Янка Бартошевич (герой повести «Данута») слишком заняты собственной деятельностью: один — строительством церкви, другой — учебой в Вильне. Можно также предположить, что именно закрытость польско-советской границы и сделала церковь Аляша,

2 *Топоров В. Н.* Функция границы и образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-балтийская перспектива) // *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. М., 2010. Т. 4: Балтийские и славянские языки. Кн. 1. С. 155.

3 Необходимо подчеркнуть, что процесс становления белорусской интеллигенции не был простым. Об этом подробнее см.: *Робинсон М. А.* Заявление профессора Н. Н. Дурново // *Славяноведение*. 2011. № 2. С. 86–100.

во-первых, возможной и, во-вторых, настолько популярной: на фоне «идеологического и бытового разрыва пастыря и паствы, порождающего потребность в местном пророке, децентрализации культурной жизни»⁴ происходит попытка поиска духовной альтернативы. В «Дануте» стремление к русскому языку и России выступает как способ противопоставления колонизации, но с ситуацией закрытости границ и транспортной недоступности персонаж практически не сталкивается, лишь с материальной и культурной пропастью. Тема закрытых границ возникает ближе к финалу, когда высланный в Казахстан поляк приезжает в Гродно, чтобы добиться репатриации в Польшу. Это событие становится отправной точкой для посещения главным героем Вильнюса — мест своей юности — ради собственного удовольствия.

С точки зрения мобильности населения различие этих двух произведений очень характерно. Деревенский пророк Аляш в «Вершалинском раю», перед началом строительства своей церкви, отправляется в Санкт-Петербург к Иоанну Кронштадтскому, его путешествие за благословением очень символично и накладывается на несколько архетипических образов: религиозного паломничества как процесса, ходока как персонажа, одураченного крестьянина как выразителя социальной проблематики. Главный герой повести «Данута» Янка Бартошевич отправляется не в общенациональный центр, а в региональный — Вильну, чтобы получить там образование, которое в итоге завершает в Гродно после 1939 г. В начале действия он находится в Вильне, а в путешествие отправляется уже в финале повести, в зрелом возрасте. Пройдя войну и остепенившись, он возвращается в места своей юности, чтобы найти ответы на так и не ушедшие из памяти вопросы, и видит уже новый, послевоенный литовский Вильнюс. Таким образом, как это ни парадоксально, наиболее свободны в своих перемещениях герои оказываются до революции и после Второй мировой войны, в межвоенный период один из них слишком занят строительством церкви, а другой — учебой.

Интересно, что с точки зрения социальной мобильности пространство в обоих произведениях изображается более или менее

---

4 Ламм М. А. Миф пограничья как художественная основа романа «Вершалинский рай» и пьесы «Конец света» А. Н. Карпюка. URL: http://samlib.ru/l/lamm_marija_andrewna/mifpogranichxjakakhudozhestwennajao_snowaromanawershalinskijrajipxesykonecswetaankarpjuka.shtml (дата обращения: 29.07.2022).

равнозначно. Главный герой повести «Данута» живет в Польше межвоенного периода, учится в Вильне, хотя и осознает себя переростком. Теоретически ему закрыт доступ в элитарные заведения, но его односельчанин — полонизированный белорус Станевский — в подобные заведения попадает через смену идентичности и усвоение новых обычаев. Герой романа «Вершалинский рай» — пророк Аляш — едет в Петербург за благословением Иоанна Кронштадтского, а после встречается с региональными католическими и православными иерархами. Один из односельчан заработал на дом и хозяйство за время службы в армии, хотя выше денщика не поднялся. Таким образом, как в дореволюционной России, так и в межвоенной Польше белорусский крестьянин относительно свободен в передвижении и в способах самовыражения, хотя переезд в город требует от него усвоения новых норм, а тема закрытых границ практически не поднимается. Новые модели социальной мобильности описаны в повести «Данута», действие которой продолжается после Второй мировой войны.

Осознание персонажами национальной и региональной истории происходит по различным моделям. В «Вершалинском рае» восприятие основывается на суевериях и местных легендах, одну из которых и создает главный герой: «Вскоре Аляш стал говорить, что когда пас в ночном коней, его внезапно осенил неземной свет, в небе появилась Богородица и объявила, что Бог повелевает на том взгорке, где он родился, построить церковь. Еще Богородица сказала, что место это будет святым, а он станет пророком-чудотворцем. Утром на дереве Аляш увидел якобы иконку Ченстоховской божьей матери. Испугавшись, он ее закопал, но на следующий день иконка оказалась на той же ветке»⁵. Мистическое, иррациональное мировоззрение определяет деятельность персонажей — на первый взгляд созидательную, но фактически лишённую смысла. Исторические вставки и ремарки, часто подкрепленные ссылками на документы или газетные публикации, вносит повествователь, но не герои романа. В повести «Данута», напротив, восприятие исторического подчеркнуто индивидуально и рационально. Помогая создателю и смотрителю виленского белорусского музея, Янка Бартошевич узнает немало нового, а также воссоздает орудия труда древнего человека. Постижение национальной истории в его случае происходит путем экспериментальной реконструкции. Такое документальное

---

⁵ Картюк А. Н. Вершалинский рай. Мінск, 1986. С. 43.

отношение к истории, в принципе не особенно свойственное художественной литературе, является одной из характерных особенностей творчества Карпюка⁶.

Восприятие исторического плана героями произведений детерминировано их отношением к идеальному, представленному в художественном пространстве текстов Православием и Революцией. Это тождественные явления в том смысле, что оба ориентированы на построение утопического пространства всеобщего благоденствия — невозможного на земле в принципе в случае христианского рая и практически реализуемого в концепции коммунистической утопии. Для главных героев обоих произведений идеальное имеет определяющее значение, хотя понимание идеального в обоих случаях довольно наивно: вера пророка Аляша и знание основ революционных идей Янки Бартошевича как минимум неполны. Тем не менее, жизнь героев подчиняется этим идеям — один строит церковь на свои средства, а позднее — на пожертвования верующих, другой разносит листовки и принимает участие в революционных собраниях. Различие очевидно в эпизодах, касающихся помощи семье: узнав о болезни матери, Янка продает свой наган, который ранее подарил ему соратник. Аляш отказывается помочь дочери, которая нуждается в деньгах для лечения мужа. Насколько ситуации идентичны? Если рассматривать их как ресурс, переданный единомышленниками для служения общему делу, то они идентичны. Продавая наган, герой повести «Данута» ограничивает свои возможности участия в революционных событиях, поставив человеческую жизнь — жизнь своей матери — выше материального. Аляш, отказываясь помочь дочери, сохраняет деньги, которые были пожертвованы верующими на богоугодные дела, не совершая тем самым богоугодного дела, поскольку помощь больным считает менее значимым явлением, чем развитие территории и строительство новых зданий, а также сохранение церковной казны.

Восприятие пейзажа является еще одним критерием разграничения мифологических систем. На наиболее общем художественном уровне лес — основная доминанта регионального

---

⁶ Ламм М. А. Персонический концепт Пилсудского в творчестве А. Н. Карпюка // Беларуская літаратура і літаратуразнаўства: зборнік навуковых артыкулаў: да 90-годдзя Інстытута літаратуразнаўства імя Янкі Купалы / Нац. акад. навук Беларусі [і інш.]; уклад. Н. В. Якавенка; навук. рэд. І. В. Саверчанка. Мінск, 2022. С. 123–128.

пейзажа — в «Вершалинском рае» изображен в фольклорных категориях, как место дикое или диковинное, возможно опасное, пристанище разбойников, метафизическая граница, отделяющая локальный мир от огромной цивилизации. В повести «Данута» появляется новый вариант осмысления леса как партизанского дома и безопасного укрытия. Лес становится одной из форм обжитого и обитаемого пространства, где существует своя иерархия, налаженный быт и способы связи с большой землей, отсутствующие в открытом пространстве. Описания пейзажа подчеркивают сюжетную канву и выстроены в логике этого мифа. В «Вершалинском рае» «неожиданно сверкнула белая в дневном свете молния, осветила фиолетовые края неприметной до сих пор серой тучи, и сразу же заблестела косая стена стеклянных нитей. Упругий дождь хлынул, как обвал; он искрился на солнце, сверкал и радовал глаза. <...> Очередь к знахарке вмиг разлетелась. В преувеличенной панике девчата бросились под пиджаки к парням. Те охотно пускали их и вместе убежали, якобы спасаясь от теплого, как чай, дождя»⁷. Дождь начинается внезапно, последующие события воспринимаются как развлечение.

В повести «Данута» большинство описаний пейзажа связано с партизанской деятельностью главного героя: «В лесу еще лежал мокрый снег, и тяжелые капли, срываясь с веток, пробивали его до мха. Поля уже чернели. Стыли лужи мутной студеной воды, отовсюду тянуло такой сыростью, что нас пронизывало до костей. На землю не то опускался туман, не то упала туча. Было такое впечатление, что где-то в небе зима вступила с весной в смертельную схватку, а земля брошена на произвол судьбы и не знает, что ей делать, все ждет не дождется исхода этой схватки»⁸. Интересное отличие заключается в том, что в повести «Вершалинский рай» пейзаж обычно показывается глазами повествователя или периферийных персонажей, не вовлеченных в деятельность новой церкви, в то время как в «Дануте» пейзаж чаще показан глазами главного героя. Это словно усиливает дистанцию между читателем и персонажем «Вершалинского рая» и, напротив, сближает читателя с главным героем «Дануты».

Сюжет и осмысление пространства в целом в «Вершалинском рае» разворачиваются по типу Провинции, а в «Дануте» — по типу Фронттира, хотя формально именно «Вершалинский рай» должен быть реализован в категориях пограничья. Фронттир предполагает

⁷ Картюк А. Н. Вершалинский рай. С. 86.

⁸ Картюк А. Н. Данута. Повесть. Минск, 1989. С. 206 и сл.

открытость границ и свободу передвижения; как пишет Ф. Дж. Тёрнер, рассуждая об американском фронтире, «мобильность населения — это смерть для провинциализма»⁹. Он же подчеркивает, что Фронтир, по сути, представляет собой полную децентрализацию. В «Вершалинском рае» безразличие «царских властей» к судьбе региона показано на примере деятельности бандитской шайки, в то же время в «Дануте», во время войны, регион если не находится в центре внимания советской власти, то, во всяком случае, не отрезан от цивилизации: партизанские аэродромы широко используются для снабжения всем необходимым, а также в транспортных целях. Интересно и различное отношение к воровству. Рассуждая о местном бандите, Карпюк в романе «Вершалинский рай» отмечает, что, «как ни удивительно, но в отдаленных селах людям хотелось видеть в Полтораке героя»¹⁰. Писатель вводит в текст романа одобрительные отзывы односельчан, в которых жестокий грабитель Полторак, которому отказали в службе в армии, предстает благородным разбойником, что отбирает сокровища у богатых и раздает их бедным. Аналогичная мировоззренческая модель встречается в повести «Данута», где главный герой в качестве акта протеста против социального неравенства пытается украсть из ресторана нож: «Моей бы хозяйке хоть один такой нож, вот была бы радость в доме»¹¹, однако нож приходится вернуть, поскольку в том же ресторане официантом подрабатывает его литовский приятель.

Герой обоих рассматриваемых произведений — местные, «тутейшие». Это довольно распространенное на польско-белорусском пограничье слово нехарактерно для творчества Карпюка, оно встречается лишь в романе «Вершалинский рай», перевод которого на русский язык выполнил сам автор:

...говорили на белорусском диалекте, с сильным влиянием украинского и польского языков с примесью германизмов. На вопрос же, белорусы они или поляки, люди уверенно отвечали:

— Не, мы тутэйшыя! Ни по польску, ни по белоруску даже и говорить не умеем! По простому разговарываем! Это при королях нас писали поляками, при царях — русскими. Холера их бери, нехай себе пишуць, только бы нас не чапали!¹²

---

9 Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009. С. 34.

10 Карпюк А. Н. Вершалинский рай. С. 132.

11 Карпюк А. Н. Данута. С. 39.

12 Карпюк А. Н. Вершалинский рай. С. 163.

Одна из центральных тем творчества писателя — это становление национальной идентичности, для героев его произведений более характерно самоопределение «белорус». И этот переход очень важен, учитывая, что в творчестве писателей Гродненщины следующего поколения произошла обратная романтизация местной самоидентификации. Однако на примере этих двух произведений отчетливо виден переход от одной мировоззренческой модели к другой. Действие романа «Вершалинский рай» начинается в Российской империи и завершается в начале Второй мировой войны. Действие повести «Данута» начинается в межвоенный период и завершается в 1960-е. Один сюжет остается в прошлом, другой устремляется в будущее.

Таким образом, действие разворачивается в одном и том же пространстве: Российской империи, межвоенной Польше, в довоенной и послевоенной БССР, однако в романе «Вершалинский рай» развитие действия и, соответственно, становление героя происходит по модели Провинции, а в «Дануте» — по модели Фронттира. Время действия художественных произведений подчеркивает открытые перед ними возможности для становления и принятия решений. Отсюда и переход уже к национальному самоопределению и к одной из важнейших категорий белорусского национального мифа — Второй мировой войне. Как рассуждает Бартошевич в финале повести: «Помню, когда-то завидовал болгарам, что у них есть Димитров, а датчанам — что у них есть Андерсен, и очень переживал, что белорусы так бедны. Сейчас и я могу гордиться. В войну гитлеровцы из белорусов не смогли сколотить ни одной воинской части, зато в наших лесах обитало четыреста тысяч партизан. <...> Конечно, погибшими не хвалятся, но о них и не забывают!»¹³ Вторая мировая война, мировая и региональная память о ней определила тот вариант национального мифа, который представлен в творчестве Карпюка. Вероятно, это событие также определяет вариант территориального мифа, реализованный по типу Фронттира в «Дануте», хотя логичнее было бы увидеть его реализацию в «Вершалинском рае».

Источники и литература

Карпюк А. Н. Данута. Повесть. Минск: Юнацтва, 1989. 319 с.

Карпюк А. Н. Вершалинский рай. Мінск: Мастацкая літаратура, 1986. 352 с.

---

¹³ Карпюк А. Н. Данута. С. 298.

Ламм М. А. Миф пограничья как художественная основа романа «Вершалинский рай» и пьесы «Конец света» А. Н. Карпюка. URL: http://samlib.ru/l/lamm_marija_andreewna/mifpogranichxjakakhudozhestwennajaosnowaromanawershalinskijrajipxesykonecswetaankarpjuka.shtml (дата обращения: 29.07.2022).

Ламм М. А. Персонический концепт Пилсудского в творчестве А. Н. Карпюка // *Беларуская літаратура і літаратуразнаўства: зборнік навуковых артыкулаў: да 90-годдзя Інстытута літаратуразнаўства імя Янкі Купалы / Нац. акад. навук Беларусі [і інш.]; уклад. Н. В. Якавенка; навук. рэд. І. В. Саверчанка. Мінск: Беларуская навука, 2022. С. 123–128.*

Робинсон М. А. Заявление профессора Н. Н. Дурново // *Славяноведение*. 2011. № 2. С. 86–100.

Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.

Топоров В. Н. Функция границы и образ «соседа» в становлении этнического самосознания (русско-балтийская перспектива) // *Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4: Балтийские и славянские языки. Кн. 1. (Opera etymologica. Звук и смысл). С. 154–167.*

References

Karpiuk, A. N. *Danuta. Povest'*. Minsk: Iunatstva, 1989, 319 p.

Karpiuk, A. N. *Vershalinskii rai*. Minsk: Mastatskaia litaratura, 1986, 352 p.

Lamm, M. A. "Mif pogranich'ia kak khudozhestvennaia osnova romana "Vershalinskii rai" i p'jesy "Konets sveta" A. N. Karpiuka." *Trassa 60*. URL: http://samlib.ru/l/lamm_marija_andreewna/mifpogranichxjakakhudozhestwennajaosnowaromanawershalinskijrajipxesykonecswetaankarpjuka.shtml (accessed: 29.07.2022).

Lamm, M. A. "Personicheskie kontsept Pilsudskogo v tvorcestve A. N. Karpiuka." *Belaruskaia litaratura i litaraturaznaŭstva: zbornik navukovykh artykulaj: da 90-goddzia Instytuta litaraturaznaŭstva imia Ianki Kupaly*; uklad. N. V. Iakavenka; navuk. red. I. V. Saverchanka. Minsk: Belaruskaia navuka, 2022, pp. 123–128.

Robinson, M. A. "Zaiavlenie professora N. N. Durnovo." *Slavianovedenie*, 2011, no. 2, pp. 86–100.

Toporov, V. N. "Funktsiia granitsy i obraz "soseda" v stanovlenii etnicheskogo samosoznaniia (russko-baltiiskaia perspektiva)." *Issledovaniia po etimologii i semantike*, vol. 4: *Baltiiskie i slavianskie iazyki*, b. 1. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2010, pp. 154–167.

Turner, F. J. *Frontir v amerikanskoi istorii*. Moscow: Ves' mir, 2009, 304 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.04

M. A. Lamm

**Some features in the representation of the regional identity
of the characters in the novel “The Vershalin Paradise”
and the novella “Danuta” by A. N. Karpyuk**

Maria A. Lamm
Independent researcher
Moscow, Russian Federation
E-mail: lamm.maria@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3643-5052

Citation

Lamm M. A. Some features in the representation of the regional identity of the characters in the novel “The Vershalin Paradise” and the novella “Danuta” by A. N. Karpyuk // *Slavic Almanac*. 2023. № 1–2. P. 303–313 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.04

Received: 27.01.2023.

Abstract

In the borderland region, conditions arise for the formation of a special type of worldview. It is expressed in the emergence of a distinctive regional identity. For the work of the Belarusian writer A. N. Karpyuk characteristic is the understanding of the specifics of regional perception and its subsequent upgrade to the national level. The texts of the works are analyzed using the main structural categories of the spatial myth: Freedom of movement, social mobility, the logic of perception of the landscape by the characters. According to the plot of both works, in a situation of repeated changes of state affiliation, the formation of a local and, later, a national intelligentsia takes place: Teachers, and Priests. The balance of the national and the regional is largely determined by the specifics of relying on historical tradition and modernity. Probably due to ideological reasons, these plots are described by the author in different ways. However, the structural similarity of the two stories allows us to analyze the space surrounding the characters through the frontier myth, the peculiarities of its expression and perception.

Keywords

Borderland, frontier, Kresy, tutaishe, identity, national myth, frontier myth.

**Опыт художественной инфантилизации войны:
«Мифогенная любовь каст» С. Ануфриева
и П. Пепперштейна и «Achtung, Zelig! Вторая война»
К. Гавронкевича и К. Розенберга**

Адельгейм Ирина Евгеньевна
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: adelgejm@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5208-0848

Цитирование

Адельгейм И. Е. Опыт художественной инфантилизации войны: «Мифогенная любовь каст» С. Ануфриева и П. Пепперштейна и «Achtung, Zelig! Вторая война» К. Гавронкевича и К. Розенберга // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 314–337. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.05

Статья поступила в редакцию 20.01.2023.

Аннотация

В статье анализируются роман представителей младшего поколения московского концептуализма Сергея Ануфриева и Павла Пепперштейна «Мифогенная любовь каст» (1999–2002) и комикс польских авторов Кшиштофа Гавронкевича и Кристиана Розенберга «Achtung, Zelig! Вторая война» (2004) с точки зрения специфики обращения в этих текстах к военному прошлому (повествование на грани реального и фантастического, взрослого и детского, фактографии и гротеска). Особый интерес представляет психологически-эстетическая мотивация российских и польских авторов. Повествование представляет собой попытку выразить поколенческий опыт детей 1970-х гг.: одновременно непредставимость войны (и Холокоста в случае польского комикса) и перенасыщенность сознания приблизительным и фрагментарным, но идеологизированным и мифологизирующим знанием о ней. Военные мифологемы вводятся в круг «детских», концепт войны связывается с дискурсом детства и инфантильным поведением. При помощи совмещения перспектив *взрослое-реальное / детское-сказочное* обыгрываются

официальные стереотипы, индоктринированные в массовое историческое сознание через литературу, кино, плакаты, школу, комикс, политическую карикатуру. Происходит, с одной стороны, буквализация «детского» неточного, сказочного / фантастического, фрагментарного представления о войне, с другой — совершается взрослая игра с военными мифологемами: авторы выступают в роли интерпретаторов мифа, используя при этом шаблоны, присутствующие в сознании любого представителя их поколения. Оба текста представляют собой воплощение поколенческого опыта существования внутри идеологии, оказываясь также попыткой достичь единства детского и взрослого, наивного и искусенного, социалистического и постсоциалистического.

Ключевые слова

Пепперштейн, Гавронкевич, комикс, сказка, игра, психоделический реализм, мифологема Второй мировой войны, дискурс детства.

Психоделический¹ роман Сергея Ануфриева и Павла Пепперштейна «Мифогенная любовь каст» (1999–2002²) — проект арт-группы «Инспекция “Медицинская герменевтика”» (1987–2001), созданной П. Пепперштейном, С. Ануфриевым и Юрием Лейдерманом — младшим (или, по выражению Лейдермана, «третьим с половиной»³) поколением московских концептуалистов. Большая часть повествования представляет собой «длительный, фантазмагорический сон»⁴: главный герой романа парторг Владимир Дуна-

---

1 Гланц Т. Психоделический реализм. Поиск канона // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51/glanz.html> (дата обращения: 07.12.2022); Чупринин С. И. Психоделическая литература, галлюцинозный или галлюцинаторный реализм. URL: <https://lit.wikireading.ru/11683> (дата обращения: 07.12.2022).

2 Т. I — 1999 (оба автора), т. II — 2002 (П. Пепперштейн).

3 Юрий Лейдерман про концептуализм, «Медгерменевтику» та власні літературні твори. Інтерв'ю. URL: <https://supportyourart.com/conversations/yuriy-leiderman-text/?rq=%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%20> (дата обращения: 07.12.2022).

4 Штейнбук Ф. М. Засади тілесного міметизму у текстових стратегіях постмодерністської літератури кінця ХХ — початку ХХІ століття. Київ, 2007. С. 66.

ев, контуженный в самом начале войны при эвакуации завода, оказывается в лесу, где пробует галлюциногенные грибы, в результате чего не попадает на реальную войну, а лишь участвует в ней в своих видениях («Он воевал в бреду, он жил в бреду и даже приобрел в глубинах бреда друзей»⁵). «Achtung, Zelig! Вторая война» (2004⁶) Кшиштофа Гавронкевича (художник) и Кристиана Розенберга (автор сценария) — комикс о Второй мировой войне и Холокосте, которые изображаются в онирической, гротескной, абсурдной перспективе: немецкий отряд под предводительством бывшего клоуна — карлика-астролога — задерживает в польской провинции двух евреев, выглядящих как инопланетяне.

Огромный роман и небольшой комикс объединяют не только очевидная специфика обращения к военному прошлому (повествование на грани реального и фантастического, взрослого и детского, фактографии и гротеска), визуальность и событийность (по словам самого Пепперштейна, «“Мифогенная любовь каст” не роман, это фильм. Причем такого типа, как “Властелин Колец”: наполовину компьютерная анимация, наполовину игровой, бюджетный и все такое прочее»⁷; добавим, что позже по роману были сделаны комиксы⁸), а также фрагментарность (роман, подобно комиксу, «строится как большой паззл, на кусочках которого нарисованы целостные, самодостаточные, независимые рисунки, обладающие собственным значением, которое образуется в мозаике и получает новую семиотическую ценность»⁹). Общность можно уви-

5 Ануфриев С., Пепперштейн П. Мифогенная любовь каст. М., 2022. С. 656.

6 Комикс создавался на протяжении 11 лет.

7 Данилкин Л., Брашинский М. Волхв // Афиша. 20.01.2003. URL: <http://www.guelman.ru/culture/reviews/20030131/brashanilkin200103/> (дата обращения: 07.12.2022).

8 «Будет еще очень много неожиданных появлений “Мифогенной любви каст” в абсолютно разных воплощениях». Интервью с Павлом Пепперштейном. URL: <https://nakovalnya.gallery/mag/ppstein-interview> (дата обращения: 07.12.2022); «Синяя вызывает у Дунаева двойственные и очень сложные чувства». Таня Пёникер — о работе над главой «Мифогенной Любви Каст в комиксах». URL: <https://nakovalnya.gallery/mag/peniker> (дата обращения: 07.12.2022); «Ключевое слово романа — любовь». Иван Разумов — о работе над «МЛК в комиксах» и роли графических романов в современной культуре. URL: <https://nakovalnya.gallery/mag/razumov-mlk> (дата обращения: 07.12.2022).

9 Кусовац Е. Концептуальное искусство Павла Пепперштейна. Докторская диссертация. Белград, 2017. С. 167.

деть и на уровне психологически-эстетической мотивации российских и польских авторов, связанной с их поколенческим опытом.

В «Мифогенной любви каст» война принимает облик игры сказочных персонажей. С русской стороны это герои народных сказок (Колобок, Избушка, Гуси-лебеди, Скатерть-Самобранка, Курочка Ряба, Кощей Бессмертный, Снегурочка, Мышка-норушка, Лисонька, Заяц и пр.). С немецкой — герои западноевропейских литературных сказок («Алиса в стране чудес», «Винни-Пух и все-все-все», «Мэри Поппинс», «Пеппи Длинныйчулок», «Малыш и Карлсон», серия сказок о муми-троллях и пр.) или западных сказок, пересказанных советскими авторами («Доктор Айболит», «Золотой ключик, или Приключения Буратино», «Волшебник Изумрудного города»). Это столкновение бессознательного коллективного и индивидуального, «противостояние анонимного фольклорного мира и более позднего постромантического мира авторской сказки»¹⁰.

Главный герой переживает множество метаморфоз — главным образом связанных с хлебо-солярной символикой: он превращается в колобок, бублик, плюшку («Дунаев почувствовал, что тело его округляется, исчезают, словно глупые помехи, ноги, плечи, руки, все сливается в горячий, твердый, стремительный шар»; «В центре его мучнистого тела зияла круглая дыра»¹¹), наконец, в Вечный огонь у кремлевской стены. Сталкивается со множеством волшебных реалий, вписанных в пространство реального («Возле Переяславля-Залеского, за Плещеевым озером, есть вход в Залесье. Так зовется прослойка, где проходит туннель в давно забытое Царство Царя Гороха. Оно окружено стеной Гороха, охраняемой Гороховым Шутом. В центре царства простирается Главный Стручок, а за ним возвышается Пасленовый холм...»), овладевает различными умениями: «Дунаевым теперь владело ощущение, что тело его упразднено, а на его месте существует одинокий набор волшебных умений, приемов и техник — результат обучения у колдуна Холеного. Все эти “приближения”, “перескоки во времени”, “просачивания сквозь стены”, три добавочных вида зрения (“исступленное”, “ночное” и “кочующее”), все эти “летания” и “прыжки”, все эти “боевые изыски засранной древности” — все это существовало теперь на месте его исчезнувшего сознания,

---

¹⁰ Интервью с П. Пепперштейном. «В России тайны больше нет» // НГ Ex libris. 2003. 24 июля. № 25. URL: http://exlibris.ng.ru/printed/person/19991104/1_nomorenigma.html (дата обращения: 07.12.2022).

¹¹ Ануфриев С., Пепперштейн П. Мифогенная любовь... С. 273, 600.

действовало помимо его воли...»¹². Получает волшебные предметы (как и полагается в сказке, при этом происходит смена функции предмета с профанной на сакральную) и учится ими пользоваться: «... чтобы Трофей стал твоим Атрибутом, а впоследствии Сувениром. Для этого не пользуйся им, не думай о нем, ничего с ним не делай...»¹³. Постоянно разгадывает загадки, решает все новые задачи (роман можно назвать своего рода квестом). По словам Е. Кусовац, герой «течет» сквозь текст, и, «благодаря этой текучести, плавности, колобковости, видоизменяемости, становится возможным его <...> приспособление к <...> волшебным обстоятельствам...»¹⁴. Само сознание парторга словно бы постепенно насыщается сказочным. Становлению «колдовской» личности Дунаева способствуют сказочные персонажи («Именно Заек преподавал ему урок <...>. А после Зайка сразу же подоспел новый учитель — Мишутка <...> А дальше... Пошло-поехало»¹⁵), сложно связанные друг с другом и выполняющие традиционные для волшебной сказки функции, связанные с запретами, обманами, дарением и пр.

Персонажи польского комикса словно бы выхвачены из разных историй. Главные герои — отец и сын Зелиги, евреи, имеющие весьма сюрреалистический вид: отец напоминает Чужого и героя комикса Режи Луазеля «В поисках птицы времени», у сына — лягушачья голова. Фамилия Зелиг отсылает к одноименному фильму Вуди Аллена, герой которого приспособливается к любой ситуации, постоянно меняя свой облик и поведение, что в конце концов приводит к потере собственно-го «я». Герои польского комикса, напротив, выглядят столь отличными от окружающих, что чувствуют себя изгоями даже среди соотечественников, однако парадоксальным образом именно это свойство помогает им уцелеть. Как и в «Мифогенной любви каст», утрата человеческого тела дает персонажам определенную свободу в фантазмагорических обстоятельствах. Возглавляемый бывшим австрийским клоуном Эмилем (карликом-астрологом в длинном плаще и остроконечной шляпе, украшенной свастиками) нацистский отряд, с которым сталкиваются Зелиги, занят ловлей польских котов: животных отправляют в Рейх,

12 Там же. С. 235, 329.

13 Там же. С. 465.

14 Кусовац Е. Психоделическая революция в России — фантазмагорические девяностые // Искусство и революция — сто лет спустя. Белград, 2019. С. 409.

15 Ануфриев С., Пеннерштейн П. Мифогенная любовь... С. 1006.

где будущие эсэсовцы отрабатывают на них навыки выполнения преступных приказов. Фигурирующие в комиксе бойцы реальной Армии Людовой, чтобы обмануть фашистов, переодеваются: поручик Мурлыка облачается в плюшевый костюм Винни-Пуха и маску косоглазого кота, а капрал Мяу надевает костюм супергероя и кошачьи уши. Борьба, которую ведут польские партизаны с немцами, абсурдна и загадочна: они декламируют стихи, а отсутствие амуниции считают преимуществом, поскольку, в отличие от немецких солдат, их не обременяют котелки и противогазы, сам же «бой» происходит под аккомпанемент аккордеона, на котором играет один из бойцов, и т. д.

Сказочное противоборство в «Мифогенной любви каст» фантазмагорически отражает основные вехи реального исторического события. Так, например, Фея Убивающего Домика, т. е. Элли, обманом забирает у Дунаева скатерть-самобранку и таким образом уничтожает Черноморский флот СССР в 1941 г.: «...Только проиграли мы сражение-то. Узелок с нашими моряками у девчонки остался. У феи»¹⁶. Герой ведет словно бы галлюцинаторную, параллельную войну, оказываясь тем не менее в реальных ключевых ее точках — в Бресте, Смоленске, Киеве, Москве, Ленинграде, на Кавказе, Дону и Украине, обеспечивает перелом в Сталинградской битве, «участвует» в событиях на Курской дуге, освобождает от фашистов Европу и наконец попадает в Берлин.

Польский комикс, в отличие, например, от «Мауса» Шпигельмана, минимально отсылает к фактографии¹⁷. Так, в нем отсутствуют

16 Там же. С. 228.

17 При этом характерна история создания этого комикса: «У Кристиана есть такая привычка: разговаривая в кафе, он дорисовывает что-нибудь на газетных фотографиях. <...> В тот день перед нами лежал журнал “Фильм”. В конце номера была реклама с отцом и сыном, держащимися за руки. Голову отца Кристиан переделал так, что тот стал похож на Чужого, а ребенку пририсовал лохматую морду чертенка <...>. Я тогда был под впечатлением <...> от прочитанных воспоминаний о том, как мать с дочерью во время оккупации пытались ускользнуть от отряда немцев. <...> эти два сюжета связались у меня воедино. Я нарисовал несколько кадров. <...> Решил, что лохматый малыш — мать (чтобы было еще более странно), а большой, с лицом Чужого, — дочь. Нарисовал кадр: Зелиги стоят перед появляющимся из тумана немецким отрядом. Диалоги из тех воспоминаний я потом вписал в облачка. Показал Кристиану. Он прямо на моем рисунке переделал малышу голову — она стала лягушачьей <...>. Дочь и мать в тех воспоминаниях были еврейками,

архивные документы — за одним исключением: это, как и в «Мифогенной любви каст», исходная, отсылающая к реальности точка: напоминающий вырезанное из газеты нечеткое фото кадр с депортацией евреев из местечка. Время действия условно обозначено в подзаголовке как «Вторая война», однако в сюжете фигурируют отряды Армии Людовой, т. е. его можно предположительно датировать первой половиной 1944 г. Отсылки к отдельным общеизвестным историческим фактам — увлечению Гитлера оккультизмом и присутствию астрологических и эзотерических элементов в нацистской идеологии, «двойственной» природе нацистских руководителей (добрый семьянин, ценитель искусства / садист-убийца), рассуждениям об ограниченной ответственности за преступления, к расизму, вывозу в Рейх и экспериментам над людьми и пр. — переосмысляются в сказочном или гротескном духе.

Таким образом, и там, и там изображаемая реальность предстает в перспективе «комплементарного единства естественного и сверхъестественного миров...»¹⁸ (характерный пример: герой «Мифогенной любви каст» одновременно пишет два доноса — на Лубянку и в сказочную Избушку, подписываясь в одном случае «Верный до конца родной стране и партии коммунист Дунаев», а во втором «Нареченный Сокрушительный Колобок Дунаев»¹⁹). Т. Гланц называет Дунаева потомком героя «Каширского шоссе» А. Монастырского, представителя предшествующего поколения московского концептуализма: это «запредельный агент»²⁰, «онтологический шпион», в самом начале текста «попадающий в альтернативную реальность»²¹, «посредник, обитатель двух миров, пересекающий непреодолимую границу между посясторонним и потусторонним»²². Пепперштейн «проводит

так что и наши герои сразу получили повязки с желтой звездой» (Wizja wojny nieprawdziwej. [Z Krzysztofem Gawronkiewiczem rozmawiał Marcin Herman] URL: <http://esencja.stopklatka.pl/komiks/wywiady/tekst.html?id=664&strona=1#strony>). (дата обращения: 07.12.2022).

18 *Плахова О. А.* Сущность мифологического сознания как интегративного элемента народного художественного сознания // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 132.

19 *Ануфриев С., Пеннерштейн П.* Мифогенная любовь... С. 359.

20 *Гланц Т.* СССР как прием в художественной практике Павла Пепперштейна. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/155_nlo_1_2019/article/20650/ (дата обращения: 07.12.2022).

21 *Гланц Т.* Психоделический реализм...

22 *Гланц Т.* Искусство как шпионаж // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. Номер четырнадцать. М., 2003. С. 20, 22.

инспекцию политических фигур, событий, идеологических систем и столкновений, толкуя их не изнутри их собственной риторики и аргументации и не в полемическом, критическом ключе — а как бы из другой системы координат»²³. Его герой — одновременно субъект и объект: «...кое-что ты начинаешь воспринимать как бы сквозь призму выполнения, наподобие футбольного мяча, скачущего по полю чужих задач. Мяча, который постепенно начинает догадываться, где он скачет и в чем именно он принимает участие»²⁴.

«Мифогенная любовь каст» — «роман концептуалистский и постмодернистский одновременно. <...> Миф о Великой Отечественной войне <...> не разрушается, а лишь рассматривается с излюбленной точки зрения постмодернистов <...>: “как это могло бы быть”»²⁵ — или, точнее, *как это могло бы быть на самом деле*: «...человеческое существование держится на темных местах, на невыясненных обстоятельствах. Одним из невыясненных обстоятельств остается вопрос, является ли это существование и в самом деле человеческим или же нечто разворачивается, едет, заполняя собой так называемый “жизненный путь”»²⁶.

При помощи совмещения этих перспектив — взрослое-реальное /детское-сказочное — обыгрываются официальные стереотипы, индоктринированные в массовое историческое сознание через литературу, кино, плакаты, школьное образование, комиксы, политическую карикатуру (характерны воспоминания Пепперштейна о впечатлениях советского детства, в которых, например, образ Холодной войны — «синей старой ведьмы»²⁷ — очевидно перекликается с еще молодой героиней романа, главным воплощением вражеских сил). О том же говорит Гавронкевич: «...эта история — война, увиденная нашими глазами — людей тридцати с лишним лет, которые знают ее исключительно по пропагандистским фильмам, сериалам, которые когда-то очень нам нравились и по-прежнему нравятся, например, “Четыре танкиста и собака” или “Ставка больше, чем жизнь”. В комиксе множество отсылок такого рода»²⁸.

---

23 Гланц Т. СССР...

24 Ануфриев С., Пепперштейн П. Мифогенная любовь... С. 327.

25 Новохатский Д. В. Любовь и война в романе П. Пепперштейна и С. Ануфриева «Мифогенная любовь каст». URL: <https://dogmon.org/mifogennaya-lyubove-kast.html> (дата обращения: 07.12.2022).

26 Ануфриев С., Пепперштейн П. Мифогенная любовь... С. 380.

27 Пепперштейн П. Эксгибиционист. Германский роман. М., 2020. С. 329.

28 Wizja...

Военные мифологемы вводятся в круг «детских», концепт войны связывается с дискурсом детства и инфантильным поведением, война превращается в игру. Отсылая к фразе из «Жизни и необычайных приключений солдата Ивана Чонкина» («для детского воображения на свете нет ничего веселее войны»²⁹), повествователь «Мифогенной любви каст» замечает: «Война, как и совокупление, являет собой, в сущности, детское дело. И то, и другое ставит взрослых в инфантильное положение. <...> Во время войны взрослым приходится быть детьми <...>. И взрослый Дунаев теперь ощущал себя ребенком. Сквозь суровые тучи души “настоящего человека” проникла радость детства: парторг в душе ликовал, ужасался, восхищался, рыдал. В нем бушевала сила»³⁰. Сказочный мир является словно бы уснувшей, но легко пробуждающейся частью сознания Дунаева, и именно поэтому ему удается в фантазмагорической реальности выполнить свои функции главного героя волшебной сказки. Неслучайно спустя десятилетия, попав в комнату своей внучки, Дунаев ощущает, что «...детство здесь отступило, как преступник в засаде, но оно пристально смотрело на Дунаева из всех углов. <...> Вместо детской комнаты <...> Дунаев вдруг увидел зал штаба, сверкающий Координационный центр, откуда велось управление его видениями, его бредом»³¹. Врагов Дунаев не убивает, а «перешелкивает» — отвлекает от одной игры, переключая, словно детей, на другую. После битвы на Орловско-Курской дуге, которая предстает битвой немецкого Орла и русской Курочки Рябы, Дунаев втыкает в волосы перья Орла и Курицы — словно играет в индейцев. В польском комиксе вместо изображения борьбы и жертв — восторженный «детский» интерес к оружию, мундирам, планам битв и военной технике. Партизанским отрядом руководит толстый усатый мужчина, переодетый в маскарадный плюшевый костюм, убегающий карлик Эмиль передразнивает польских солдат. Да и сама битва поляков и немцев происходит бескровно, больше напоминая детскую потасовку.

Персонажам обоих произведений свойственны «склонность к озорству, чувство юмора, немотивированная веселость»³². Детство оказывается не безвозвратно миновавшим прошлым, а вечным, вневременным

---

29 *Войнович В.* Жизнь и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина. М., 2000. С. 104.

30 *Ануфриев С., Пенперштейн П.* Мифогенная любовь... С. 98.

31 Там же. С. 1097.

32 *Кусовац Е.* Концептуальное искусство... С. 112.

настоящим, сродни галлюцинозу или сну. Оба текста отсылают к тому, что «медгерменевты» определили как фонд «Коллективного Дискурса Детства», т. е. детству как общей «культурной нише»³³. Для Пепперштейна, для которого немаловажную роль сыграла также специфика его собственного детства (профессиональные занятия родителей)³⁴, особенно характерны обращения к топосу детского. Отсюда проходящий через роман лейтмотив детской комнаты, детской спальни, детских снов, детского голоса, детского тела, различных атрибутов детства, детской печали (вплоть до ошеломляющего определения фашизма, данного Дунаевым: «Так вот что такое фашизм! Фашизм — это печаль. Фашизм — это глубокое отчаяние потерянного ребенка»), но главное — детства как времени любви: «Все здесь было пропитано любовью...»³⁵. Неслучайно наблюдение Л. Данилкина о погружении в детство также и читателя: «Эта сказочная военная эпопея оказывает какое-то необычайно благостное, мирное воздействие: во время чтения ты чувствуешь себя маленьким Пушкиным, которому рассказывает сказки светлая Арина Родионовна»³⁶.

В романе есть и «взрослые» игры, отсылающие к идее релаксирующего искусства младших концептуалистов. Это, во-первых, ироническая зашифрованность (полная или частичная) вражеских сказочных персонажей. Так, «Фея Убивающего Домика» с заводным песиком — это Элли с Тотошкой. Ржавый «железный истукан» с топором — Железный Дровосек; «соломенное существо, похожее на драный мешок, из которого во все стороны торчали какие-то иглы и колосья», «Мягкий» со «стальными мозгами» — Страшила

---

33 Словарь терминов московской концептуальной школы / составитель и автор предисловия А. Монастырский. М., 1999. С. 48. По словам М. Рыклина, «если русская литература вышла из гоголевской Шинели, так московский концептуализм во многом вышел из иллюстрирования детских книжек» (*Рыклин М.* Пешки, Ложки, Кресты. URL: <http://www.tamastar.com/russia/pepper-1/ryklin-1.sht> (дата обращения: 07.12.2022)).

34 «Я бы сравнил Достоевского с семьей Ланнистеров, а Толстого — с Баратеонами». Художник и писатель Павел Пепперштейн о сказках, «Эммануэли» и чтении как трипе. URL: <https://gorky.media/intervyu/ya-by-sravnil-dostoevskogo-s-semej-lannisterov-a-tolstogo-s-barateonami/> (дата обращения: 07.12.2022).

35 *Ануфриев С., Пепперштейн П.* Мифогенная любовь... С. 581, 1100.

36 Любовь к родине — страшная сила: Лев Данилкин о «Мифогенной любви каст». URL: <https://daily.afisha.ru/brain/22932-lyubov-k-rodine-strashnaya-sila-lev-danilkin-o-mifogennoy-lyubvi-kast/> (дата обращения: 07.12.2022).

Мудрый; Бакалейщик с «ярко-зелеными, сверкающими глазами», надевающий на Дунаева зеленые очки, постоянно меняющий облик («То являлся <...> томной девушкой, то прохаживался по кругу морщинистым крокодилычиком, то раскидывался по ярусу белым пламенем, то проливался печальным дождем, то возникал самим собой — омерзительным балагуром в несвежей одежде»³⁷) — Гудвин, Великий и Ужасный. «Священная пара» — обтянутое «темным коричневым войлоком» «Верховное Божество», которое издавало «свежий запах древесной муки и сильный, сладкий запах меда», «громко пыхтело, ворчало, пело и бормотало», и «Богоносец колоссальных размеров», переносящий Божество с места на место, причем так, что порой «голова Божества волоклась по ступеням лестницы, падая со ступеньки на ступеньку с <...> тяжелым и мягким стуком»³⁸ — Винни-Пух и Кристофер Робин. Поросенок с «несоразмерно большой головой» — Пятачок (характерно, что попаданию Дунаева в пространство аллюзий на сказку Милна предшествует пребывание в «колоссальном необозримом массиве <...> пуха»³⁹, а проводником становится антропоморфный персонаж — ожившая монетка, Пятачок). Обитающая в Дупле Премудрость — Мудрая Сова. Петька Самописка — Питер Пен. Толстячок штандартенфюрер со «светлыми свиными полупрозрачными глазками», у которого под кителем обнаруживается «красная клетчатая рубашка», а из спины «торчит пропеллер»⁴⁰, — Карлсон. Боковая в «цветастом платье», «фартуке с оборками», с тройным подбородком и «волосыным пучком на голове», вызывающая «изумление с привкусом корицы»⁴¹, — Фрекен Бок. «Гнилой деревянный колосс, у которого вместо носа торчал острозаточенный осиновый кол» — Буратино, девочка «с темно-синими волосами»⁴² — Мальвина. Девочка, которая держит «в одной руке ежа, в другой — фламинго», — Алиса, «рыжая, с двумя косичками» девочка, которой Дунаев вручает старинную карту⁴³, — Пеппи Длинныйчулок. «Ласковые эмбриончики счастливой Карелии», обитающие в уютном Доме в Долине⁴⁴, — муми-тролли.

37 Ануфриев С., Пенперштейн П. Мифогенная любовь... С. 187, 578–579.

38 Там же. С. 444–446, 458.

39 Там же. С. 438, 443.

40 Там же. С. 125.

41 Там же. С. 581.

42 Там же. С. 578, 616–617.

43 Там же. С. 278, 369.

44 Там же. С. 469, 582.

Доктор Арзамасов, который «раньше лечил людей», но теперь ему «приятнее лечить животных»⁴⁵, — Доктор Айболит. Наконец, главный вражеский персонаж, Синяя с «гладкими темными волосами», «синим ослепительно чистым и бездонным взглядом» и «слегка вдернутым надменным подбородком», одетая в «строгую синюю юбку и синий приталенный пиджачок», бросающая знаменитую реплику «Ветер переменялся» и улетающая вместе с вертящейся каруселью, — Мэри Поппинс (отсылающая одновременно к Снежной королеве⁴⁶).

В романе есть и другие «взрослые» игры. Это характерные для концептуализма псевдоинтерпретации понятий, абсурдные цепочки-нагромождения, переосмысление идеологических клише при помощи деконструкции частей слова, «обременение» их новыми значениями на основе омонимической тождественности, формирование неологизмов, семиотизация топонимов и имен, обыгрывание ассонансов и аллитераций и пр.: «Над Вечным покоем! В картине Левитана открылся вдруг перед Дунаевым смысл слова “левитация”»; «Засмолили. Засмолили с молитвой»; «ЗАПАД — это ЗАПАСНОЙ АД! — осенило его. <...> Должны тут быть ЗАПАСЫ. “ЗАПАСНЫЕ АСЫ!” — Дунаев все теперь расшифровал»⁴⁷. На этом принципе строятся некоторые сюжетные элементы: «С высоты он увидел в последний раз уютное кладбище и свою растерзанную могилу. <...> “адвокат Ян Блок (1861–1919)”. И тут пронзительное понимание рассекло надвое тьму его ума: “Я Блок! Вот, оказывается, кто я! Как я раньше не догадывался?! <...> Она же ясно мне сказала: “Вы узнаете эти стихи? Это Блок“. А я, дурак, не понял ничего. И потом в Ленинграде все это... Блокада. БЛОК АДА. Вот кто я — БЛОК АДА. Я Аду не даю осуществиться, не пускаю его в жизнь, сдерживаю его... Я все адское на себя принимаю. <...> Поручик прямо сказал “Тебе блок поставили... Заблокировали тебя...” <...> Я — Блок! Я — Блок! О-ооо, я — блок! О, я — блок! — пело что-то в захлебывающемся уме. Скоро он уже лепетал, проваливаясь все глубже в бред: “Яблоко. Яблоко. Яблоко. Вот оно, дело-то, в чем — в Яблоке. В Яблоке-то дело все. <...> Я же сам и есть яблоко. Я же король этого рая, а что в раю главное? Яблоко. Яблоко от яблони, как говорится, далеко падает. Я в Раю — единственное яблочко. Я — БЛОК АДА, Я — РАЙСКОЕ ЯБЛОЧКО!” И он заголосил внутри своего сознания разбитым голосом блаженного:

45 Там же. С. 842, 848.

46 Там же. С. 97, 579, 661, 994, 1087.

47 Там же. С. 105, 976, 1000.

БЛОК АДА — ЛЕНИН АДА, / БЛОК АДА — СТАЛИН АДА, / А Я ЯБЛОЧКО РАЙСКОЕ! / А Я ЯБЛОЧКО РАЙСКОЕ!»; «Над городом Орлом по-прежнему висел Фашистский Орел, который подло воспользовался названием старинного русского города, чтобы угнездиться здесь»; «Дунаев сосредоточился на участке неба над городом Курском. Благодаря его усилиям над Курском быстро начал формироваться другой птичий силуэт, соответствующий по размерам фигуре Орла. Силуэт Курицы. Дунаев воспользовался <...> названием города Курска, точнее сходством слов “Курск” и “Курица”. Это была Курочка Ряба <...> Сила Курицы была <...> равна силе Орла. <...> облако “Ряба” <...> изнутри наполнилось рябью»⁴⁸.

Это ернически-абсурдные аллюзии на «детскую» литературу («“Я так скучал... — послышался шепот. — Я скучал по тебе всю жизнь. В детстве у меня была любимая черная курица. Я ходил за ней на цыпочках. А потом... потом в школе... учитель вызвал меня к доске... И я ничего не смог ответить ему, понимаешь?” — Алешенька! Родной мой! Не трави ты так свое сердце...»); «...упоминалось в разговоре о ком-то, охваченном глубокой печалью, об испорченном празднике, о дружеской пирушке или сабантуйчике, затеянном на свежем воздухе, о гвоздях, о меде, о чем-то лопнувшем с треском, о воде, песнях, ворах, керамике...»), зачастую включающие в себя контаминации с «взрослыми» реалиями советской жизни или парафразом литературы «взрослой»: «А ты почему не Поскребышев? Сам говорил: по сусекам поскребли, по амбарам намели...»; «Заячья Нора <...> где туннели мраморные, рельсы проложены. Не иначе в метро попал. Всюду дверцы стальные, запертые. Заглянул в одну замочную скважину: там сталинский садик, розы обугленные»; «Айболитом его окрестил старичок, / Живущий на даче с большою и сложной семьею, / Только сам Айболит одинок, одинок, / И качает седою своей головою. / И белеет он чистым и твердым халатом, / Где болят животы у животных, где хворает жирафик у озера Чад. / Он несет утешенье звериным ребятам, / И лекарство в душе превращается в яд, / Чтобы в рай превратить этот скаредный ад»; «“Премудрость! Где ты, Премудрость!” — позвал мягкий голос Верховного Божества. В глубине Дупла, в темноте, что-то заворчалось <...> Затем прозвучал голос <...>: “Будьте любезны, приподнимите мне, пожалуйста, веки”»; «Это не просто Рай [пространство Винни-Пуха и пр. — И. А.], это еще и как бы “потерянный Рай”, точнее “потерявшийся Рай” или “Рай, потерявший сам

48 Там же. С. 598, 746–747, 748.

себя”, “Рай, потерявший память о том, что он является Раем”»; «Смоленск. Смольный. Смоляное чучелко. “Моя душа проста, соленый ветер и смольный дух сосны ее питал...”»⁴⁹. Имя Блока, а также цитаты и парафразы на его стихи вообще проходят через весь роман, участвуя в ряде метаморфоз и инициаций («Вы узнаете эти стихи? Это Блок. — Блок? — мутно переспросил парторг. — Это Блок? Почему то его пробила дрожь, и он понял, что это была подсказка»⁵⁰). Присутствуют в романе и аллюзии одновременно на тексты Гоголя и Некрасова («...колоссальный ярко-красный курносый нос, занявший весь дверной проем и часть комнаты»⁵¹), и обширный парафраз на поэму Некрасова «Мороз, Красный нос».

Это обыгрывание советских мифологем о руководящей роли партии (главный герой) и о бессмертии Ленина: он — одно из воплощений Кашея Бессмертного — пациента санаторного отделения больницы Кащенко, кроме того, предстает Мертвой Царевной, причем этот микросюжет отсылает к модели волшебной сказки, согласно ей иронически осмысляя ощущение незавершенности официального образа вождя-аскета (отраженное, в частности, в анекдотах) — рядом с Лениным в двуспальном хрустальном гробу лежит девушка: «Сто лет они будут спать поодиночке. Затем встретят друг друга и обвенчаются там же, в царстве сна»⁵²). И, прежде всего, обыгрывание мифологемы о великой любви советского народа к Родине, а вождя и партии — к народу как о главных факторах победы. С этими аллюзиями связан мотив оживающих памятников «как символов памяти, коллективного прошлого (будущего) и триумфа»⁵³. Особенно характерен неоднократно возникающий в романе образ скульптуры «Родина-мать зовет!», «перенесенной» из послевоенного Волгограда в военный Сталинград и являющейся одновременно матерью младшего союзника Дунаева Максимки, сына скульптора. Это воплощение материнской любви, вдохновляющей на подвиги и способствующей победе: «Гиганты Любви раздвинулись, и между ними хлынул ослепительный свет. В лучах этого света показалась колоссальная женская фигура — она двигалась вперед сквозь сбитые ветром складки своего одеяния, в высоко поднятой руке сжимая огромный сверкающий меч. <...> — Мамка!

49 Там же. С. 238, 444, 459, 634, 738, 904, 1005.

50 Там же. С. 397.

51 Там же. С. 378.

52 Там же. С. 631.

53 Кусовац Е. Концептуальное искусство... С. 50.

Мамочка родная! — радостно заорал <...> Максимка...»⁵⁴. Из меча Родины-матери Дунаев смотрит на горящий Сталинград, тень меча указывает на дом, в котором спит генерал Паулюс (при помощи изменения сна которого парторгу предстоит повлиять на ход войны).

Это и аллюзии на идеологическую борьбу («...настоящий Убийца В Белом Халате»; «Они же ничего не знают! Надо донести наверх, на самый верх... Но кому? Сталину? Нет, надо на Лубянку идти, там только могут это вот... пресечь все это. На Лубянку, срочно! <...> В Избушку! <...> В Избушку Лубяную, в Избушку-Лубянку!»⁵⁵) и на саму специфику существования (пост)советского человека: «...ритм усталостей, падений и подъемов, в котором мы все здесь живем. <...> На этом уровне наш роман об этой чудовищной тряске. <...> этот перечень состояний как раз постоянно присутствует в романе»⁵⁶.

По словам Е. Кусовац, «Мифогенная любовь каст» — «онейророман, в котором постоянно переплетаются бессознательное индивидуума, коллектива, народа, государства, эпохи, языка»⁵⁷. Утвердившиеся в советской реальности дискурсы в романе обращаются в «гнилые тексты», т. е., по определению В. Сорокина, «тексты (семиотические объекты), не способные засохнуть во временном пространстве»⁵⁸, — отсюда мотив гниения, разложения, вязкого болота, трухлявых кочек, тухлой дыры и пр. и, наконец, в финале ощущение ужаса (при виде черетелиевских скульптур на Манежной площади) от неискоренимости этой «монументальной плесени»⁵⁹.

В романе любовь выступает ведущей, едва ли не сверхъестественной силой, определяющей поведение героев и повороты сюжета. Это высокая любовь, вдохновляющая советский народ и его представителя парторга Дунаева на подвиг и победу, и бесконечные физические сексуальные контакты, с помощью которых также моделируется результат как всей войны, так и отдельных ее сражений. Эти обличья любви переплетаются, сливаясь в кульминационной сцене венчания и брачной ночи героя Синеи. Характерный для постмодернизма «телоцентризм» принимает в романе облик ритуализированной физиологичности

54 Ануфриев С., Пенперштейн П. Мифогенная любовь... С. 584.

55 Там же. С. 283, 902.

56 Интервью с П. Пенперштейном.

57 Кусовац Е. Психоделическая революция... С. 410–411.

58 Словарь... С. 35.

59 Ануфриев С., Пенперштейн П. Мифогенная любовь... С. 1022.

и отсылает к бахтинскому «гротескному реализму»⁶⁰, образной системе народной смеховой культуры.

Любовь к врагу и оказывается главным оружием в борьбе против него («Вы, Дунаев, подточили ее [Синюю. — И. А.] своей любовью. Поэтому мы выиграли Сталинградскую битву»⁶¹). Большая Карусель, по которой поднимается Дунаев, населена существами, которым любовь безразлична, — детьми (Элли, Мальвина, Алиса, Питер Пэн, Малыш) и волшебными существами (Страшила Мудрый, Железный Дровосек, Буратино). В этом секрет непобедимости (до поры до времени) немецкой магической армии. Советские силы вооружены любовью («...есть у нас оружие страшнее танков. Это любовь... наша великая и страшная любовь к Родине»⁶²), отраженной в символике СССР. Во время Сталинградской битвы серп и молот предстают в своем «истинном» облике — мужского и женского начал, воплощающих всепобеждающую любовь: «Гиганты Любви слились и стали тенью Аси Каменной, падающей от ее огромного тела на истерзанную землю. Прикрытые этой гигантской тенью, двинулись в контрнаступление советские войска. <...> Лавиной шла одетая в броню новая боевая техника, превосходящая скоростью, неуязвимостью и маневренностью немецкую»⁶³. Реальные сражения, победы и поражения представлены как отголоски главной битвы — тепла и холода, любви и нелюбви. Таким образом обыгрываются еще две мифологемы сталинского времени — движение вверх («...мифологический размах лозунга эпохи: “Путь наибольшего сопротивления, большевистский, сталинский путь неуклонного нашего движения вперед и выше”») и символическое противопоставление («На одной стороне — теплая забота родины, народа, “отца”-вождя, на другой — холод буржуазного общества...»⁶⁴).

В польском комиксе пародируются стереотипы из популярных польских кинофильмов 1960–1970-х гг. и серий комиксов «Капитан Клосс» и «Подземный фронт» с их образами «лесных братьев»,

---

60 Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

61 Ануфриев С., Пеннерштейн П. Мифогенная любовь... С. 729.

62 Там же. С. 729.

63 Там же. С. 584.

64 Гюнтер Х. «Сталинские соколы» (Анализ мифа 30-х годов) // Вопросы литературы. 1991. № 12. URL: <https://voplit.ru/article/stalinskiesokoly-analiz-mifa-30-h-godov/> (дата обращения: 07.12.2022).

распевающих партизанские песни у костра, то и дело устраивающих нападения на фашистов и пр. Комиксы — идеальная форма для разделения на хороших и плохих — служили в ПНР одним из средств идеологической пропаганды среди молодежи. У Гавронкевича нарушается устоявшаяся оппозиция: евреи-жертвы и немцы-палачи. Герои вступают в приятельские отношения, едят и пьют за одним столом, Эмиль идентифицирует себя с пойманными евреями, поскольку сам испытывает чувство отверженности и неприкаянности (признается, что в армии оказался не по собственной воле, его место — в венских цирках и кабаре), и Зелиги его утешают. Узнав о вывозе животных в Рейх, они начинают грозить карлику, затем освобождают кошек, а после нападения на фашистов отряда Армии Людовой вступаются за врагов. Подобная — отсылающая к сказочной модели — игра с нарушением однозначности разделения на светлые и темные силы наблюдается и в «Мифогенной любви каст»: по словам автора, там «только на первый взгляд все делится на врагов и помощников», «Дунаев постоянно находится в проблематичной ситуации опознания тех и других»⁶⁵.

Это попытка выразить поколенческий опыт: одновременно непредставимость войны (и Холокоста в случае польского комикса) и перенасыщенность сознания приблизительным и фрагментарным, но идеологизированным и мифологизирующим знанием о ней. Миф о войне, зафиксированный в литературе, кино, плакатах, рассказах взрослых и пр., разыгрываемый в дворовых играх, воспринимался советским и польским ребенком 1970-х гг. наравне со сказочными образами и сюжетами. Неслучайно среди «сказочных» фрагментов романа можно внезапно обнаружить фразы-клише, как из советских учебников, фильмов, плакатов (подобным образом в польском комиксе встречается схема рукопашного боя), и целые фрагменты, словно бы выдернутые из какого-нибудь документального фильма о войне или напоминающие пересказ ребенком героического фильма⁶⁶.

Можно увидеть несколько взаимосвязанных плоскостей адекватности темы и избранной авторами перспективы повествования.

1. *Война и сказочное*. Официальный, особенно сталинский, миф о войне сам по себе включал в себя многочисленные чудеса и элементы сказки, это составная часть сталинской мифологии. «В великую

65 Интервью с П. Пепперштейном.

66 *Ануфриев С., Пенперштейн П.* Мифогенная любовь... С. 246–247, 463 и т. д.

эпоху, когда невозможное возможно, чудо стало повседневностью. “Советский человек — это сказочный богатырь, живущий в наши дни. Для него не существует препятствий... Уж не в сказках, а наяву происходят чудесные дела”. Вся история Советского Союза рассматривается как цепь следующих друг за другом чудес...»⁶⁷ — пишет исследователь дискурса сталинской периодики 1930-х гг. Х. Гюнтер.

В сказочном дискурсе реализуются коллективные смыслы. Следует заметить, что аллюзии на сказку характерны также для других концептуалистских произведений. Так, по наблюдению Е. Кусовац, в одной из инсталляций из серии О. Зиангаровой и М. Чуйковой «Оборона Москвы» (1992–1993) линия обороны Москвы 1941 г. представлена при помощи образов персонажей русской народной сказки. По словам авторов, сказка «описывает реальные события, происходящие со всем народом, и его общий мистический опыт одновременно; в ней неуловимо разделение на реальное и нереальное. <...> обращение к фольклору было <...> сложной и многосоставной работой по наложению структур архаичного сказочного (и сакрального) и современного военного мифа»⁶⁸.

2. *Война и мифологическое.* Обыденный уровень исторического сознания характеризуется расплывчатой картиной мира; особенностью же мифологического сознания является установление мнимых связей между различными явлениями.

3. *Война и комикс.* Как отмечает Эдвард Саид, «комикс сокращает последовательную логику “a+b+c+d” и подталкивает думать не так, как просит учитель или требует история»⁶⁹. Это позволяет выйти за рамки схемы.

5. *Война и психodelия.* Война и психodelия «обладают одной общей существенной характеристикой — измененным состоянием сознания. <...> цепь “причина-следствие” теряет свою закономерность...»⁷⁰.

В обоих текстах призрачность причинно-следственных связей «отпускается» (это и свидетельство «вектора освобождения» 1990-х гг.: слова Пепперштейна о том, что эта тенденция заключалась прежде

---

67 Гюнтер Х. «Сталиньские соколы».

68 Зиангарова О., Чуйкова М. Оборона Москвы // Место печати. 1994. № 5. С. 76–77.

69 Цит. по: Гуцина А. Мыши и люди: комикс как актуальный медиум для репрезентации и интерпретации трагических событий прошлого // Изотекст. Сборник материалов конференции исследователей комиксов 19–20 мая 2016 г. М., 2016. С. 38.

70 Кусовац Е. Концептуальное искусство... С. 264.

всего в «свободе в отношении к собственным фантазмам»⁷¹, можно отнести и к польскому художественному сознанию), визуализируется, «закрепляется». Таким образом, с одной стороны, происходит буквализация «детского» неточного, сказочного, фрагментарного представления о войне, с другой — совершается взрослая игра с мифами о войне: авторы выступают в роли интерпретаторов мифа, используя при этом шаблоны, присутствующие в сознании любого представителя их поколения. Оба текста представляют собой воплощение поколенческого опыта «существования внутри идеологии»⁷², оказываясь в определенной степени попыткой достичь единства детского и взрослого, наивного и искушенного, социалистического и постсоциалистического. Это одновременно (как в детских анекдотах про сказочных персонажей и исторических деятелей) групповое, совместное профанирование, осмеяние наивного, предельно вовлеченного восприятия (что служит развитию сознания и освобождению от магии), — и переживание мифа заново — при помощи этой доступной детской формы.

Источники и литература

Ануфриев С., Пепперштейн П. Мифогенная любовь каст. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 1124 с.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.

«Будет еще очень много неожиданных появлений “Мифогенной любви каст” в абсолютно разных воплощениях». Интервью с Павлом Пепперштейном. URL: <https://nakovalnya.gallery/mag/ppstein-interview> (дата обращения: 07.12.2022).

Ванишенкина Е., Каспэ И., Кукулин И. Война — место присутствия. Тема «Война и литература» // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 224–234.

Войнович В. Жизнь и необыкновенные приключения солдата Ивана Чонкина. М.: Эксмо, 2000. 320 с.

Гланц Т. Искусство как шпионаж // Место печати. Журнал интерпретационного искусства. Номер четырнадцать. М., 2003. С. 20–40.

⁷¹ Гланц Т. Психоделический реализм...

⁷² Ванишенкина Е., Каспэ И., Кукулин И. Война — место присутствия. Тема «Война и литература» // Новое литературное обозрение. 2002. № 55. С. 224–234.

Гланц Т. Психоделический реализм. Поиск канона // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 63–79. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51/glanz.html> (дата обращения: 07.12.2022).

Гланц Т. СССР как прием в художественной практике Павла Пепперштейна. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/155_nlo_1_2019/article/20650/ (дата обращения: 07.12.2022).

Гущина А. Мыши и люди: комикс как актуальный медиум для репрезентации и интерпретации трагических событий прошлого // Изотекст. Сборник материалов конференции исследователей комиксов 19–20 мая 2016 г. М., 2016. С. 36–47.

Гюнтер Х. «Сталинские соколы» (Анализ мифа 30-х годов) // Вопросы литературы. 1991. № 12. С. 122–141. URL: <https://voplit.ru/article/stalinskie-sokoly-analiz-mifa-30-h-godov/> (дата обращения: 07.12.2022).

Данилкин Л., Брашинский М. Волхв // Афиша. 20.01.2003. URL: <http://www.guelman.ru/culture/reviews/20030131/brashanilkin200103/> (дата обращения: 07.12.2022).

Зиангарова О., Чуйкова М. Оборона Москвы // Место печати. 1994. № 5. С. 76–77.

Интервью с П. Пепперштейном. «В России тайны больше нет» // НГ Ex libris. 2003. 24 июля. № 25. URL: http://exlibris.ng.ru/printed/person/19991104/1_nomorenigma.html (дата обращения: 07.12.2022).

«Ключевое слово романа — любовь». Иван Разумов — о работе над «МЛК в комиксах» и роли графических романов в современной культуре. URL: <https://nakovalnya.gallery/mag/razumov-mlk> (дата обращения: 07.12.2022).

Кусовац Е. Концептуальное искусство Павла Пепперштейна. Докторская диссертация. Белград: Филологический факультет Белградского университета, 2017. 253 с.

Кусовац Е. Психоделическая революция в России — фантазмагорические девяностые // Искусство и революция — сто лет спустя. Белград: Филологический факультет Белградского университета, 2019. 445 с.

Любовь к родине — страшная сила: Лев Данилкин о «Мифогенной любви каст». URL: <https://daily.afisha.ru/brain/22932-lyubov-k-rodine-strashnaya-sila-lev-danilkin-o-mifogennoy-lyubvi-kast/> (дата обращения: 07.12.2022).

Новохатский Д. В. Любовь и война в романе П. Пепперштейна и С. Ануфриева «Мифогенная любовь каст». URL: <https://dogmon.org/mifogennaya-lyubove-kast.html> (дата обращения: 07.12.2022).

Пепперштейн П. Эксгибиционист. Германский роман. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2020. 628 с.

Плахова О. А. Сущность мифологического сознания как интегративного элемента народного художественного сознания // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С.130–132.

Рыклин М. Пешки, Ложки, Кресты. URL: <http://www.tamastar.com/russia/pepper~1/ryklin~1.sht> (дата обращения: 07.12.2022).

«Синяя вызывает у Дунаева двойственные и очень сложные чувства». Таня Пёникер — о работе над главой «Мифогенной Любви Каств в комиксах». URL: <https://nakovalnya.gallery/mag/peniker> (дата обращения: 07.12.2022).

Словарь терминов московской концептуальной школы / составитель и автор предисловия А. Монастырский. М.: Ad Marginem, 1999. 226 с.

Чупринин С. И. Психоделическая литература, галлюцинозный или галлюцинаторный реализм. URL: <https://lit.wikireading.ru/11683> (дата обращения: 07.12.2022).

Штейнбук Ф. М. Засади тілесного міметизму у текстових стратегіях постмодерністської літератури кінця ХХ — початку ХХІ століття. Київ: Освіта, 2007. 278 с.

Юрій Лейдерман про концептуалізм, «Медгерменевтику» та власні літературні твори. Інтерв'ю. URL: <https://supportyourart.com/conversations/yuriy-leiderman-text/?rq=%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%20> (дата обращения: 07.12.2022).

«Я бы сравнил Достоевского с семьей Ланнистеров, а Толстого — с Баратеонами». Художник и писатель Павел Пепперштейн о сказках, «Эммануэли» и чтении как трипе. URL: <https://gorky.media/intervyu/ya-by-sravnil-dostoevskogo-s-semej-lannisterov-a-tolstogo-s-barateonami/> (дата обращения: 07.12.2022).

Wizja wojny nieprawdziwej. [Z Krzysztofem Gawronkiewiczem rozmawiał Marcin Herman]. URL: <http://esencja.stopklatka.pl/komiks/wywiady/tekst.html?id=664&strona=1#strony> (дата обращения: 07.12.2022).

References

Anufrijev, S., Peppershtein, P. *Mifogennaia liubov' kast*. Moscow: Al'pina non-fikshn, 2022, 1124 p.

Bakhtin, M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kultura srednevekov'ia i Renessansa*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1990, 543 p.

“Budet eshche ochen' mnogo neozhidannykh poiavlenii «Mifogennoi liubvi kast» v absolutno raznykh voploshcheniakh”. *Interv'iu s Pavlom Peppershteinom*. URL: <https://nakovalnya.gallery/mag/ppstein-interview> (accessed: 07.12.2022).

Chuprinin, S. I. *Psikhodelicheskaia literatura, galliutsinozni ili galliutsinatornyi realizm*. URL: <https://lit.wikireading.ru/11683> (accessed: 07.12.2022).

Danilkin, L., Brashinskii, M. "Volkhv." *Afisha*. 20 Jan. 2003. URL: <http://www.guelman.ru/culture/reviews/20030131/brashanilkin200103/> (accessed: 07.12.2022).

Giunter, Kh. "«Stalinskije sokoly» (Analiz mifa 30-kh godov)." *Voprosy literatury*, 1991, no. 12, pp. 122–141. URL: <https://voplit.ru/article/stalinskije-sokoly-analiz-mifa-30-h-godov/> (accessed: 07.12.2022).

Glants, T. "Iskusstvo kak shpionazh." *Mesto pechati. Zhurnal interpretatsionnogo iskusstva. Nomer chetyrnadtsat'*. Moscow, 2003, pp. 20–40.

Glants, T. "Psikhodelicheskii realizm. Poisk kanona." *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 51, pp. 63–79. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2001/51/glanz.html>. (accessed: 07.12.2022).

Glants, T. *SSSR kak priem v khudozhestvennoi praktike Pavla Peppershteina*. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/155_nlo_1_2019/article/20650/ (accessed: 07.12.2022).

Gushchina, A. "Myshi i liudi: komiks kak aktual'nyi medium dlia reprezentatsii i interpretatsii tragicheskikh sobytii proshlogo." *Izotekst. Sbornik materialov konferentsii issledovatelei komiksov 19–20 maia 2016 g.* Moscow, 2016, pp. 36–47.

"*Ia by sravnil Dostojevskogo s sem'ei Lannisterov, a Tolstogo — s Barateonami*". *Khudozhnik i pisatel' Pavel Peppershtein o skazkakh, "Emmanueli" i chtenii kak tripe*. URL: <https://gorky.media/intervyu/ya-by-sravnil-dostoevskogo-s-semej-lannisterov-a-tolstogo-s-barateonami/> (accessed: 07.12.2022).

"Interv'iu s P. Peppershteinom. «V Rossii tainy bol'she net»." *NG Ex libris*. 24 Jul. 2003. no 25. URL: http://exlibris.ng.ru/printed/person/19991104/1_nomorenigma.html (accessed: 07.12.2022).

Iurii Leiderman pro kontseptualizm, «Medhermenevtyku» ta vlasni literaturni tvory. Interv'iu. URL: <https://supportyourart.com/conversations/yuriy-leiderman-text/?rq=%D0%BB%D0%B5%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%20> (accessed: 07.12.2022).

"*Kliuchevoe slovo romana — liubov*". *Ivan Razumov — o rabote nad "MLK v komiksakh" i roli graficheskikh romanov v sovremennoi kul'ture*. URL: <https://nakovalnya.gallery/mag/razumov-mlk> (accessed: 07.12.2022).

Kusovats, Je. *Kontseptual'noe iskusstvo Pavla Peppershteina*. Doctoral Thesis. Belgrad: Filologicheskii fakul'tet Belgradskogo universiteta, 2017, 253 p.

Kusovats, Je. "Psikhodelicheskaia revoliutsiia v Rossii — fantasmagoricheskie devianostye." *Iskusstvo i revoliutsiia — sto let spustia*. Belgrad: Filologicheskii fakul'tet Belgradskogo universiteta, 2019, 445 p.

Liubov' k rodine — strashnaia sila: Lev Danilkin o "Mifogennoi liubvi kast". URL: <https://daily.afisha.ru/brain/22932-lyubov-k-rodine-strashnaya-sila-lev-danilkin-o-mifogennoy-lyubvi-kast/> (accessed: 07.12.2022).

Novokhatskii, D. V. *Liubov' i voina v romane P. Peppershteina i S. Anufrijeva "Mifogennaia liubov' kast"*. URL: <https://dogmon.org/mifogennaya-lyubove-kast.html> (accessed: 07.12.2022).

Peppershtein, P. *Eksgibitsionist. Germanskii roman*. Moscow: Muzei sovremennogo iskusstva "Garazh", 2020, 628 p.

Plakhova, O. A. "Sushchnost' mifologicheskogo soznaniia kak integrativnogo elementa narodnogo khudozhestvennogo soznaniia." *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2019, vol. 8, no. 1(26), pp.130–132.

Ryklin, M. *Peshki, Lozhki, Kresty*. URL: <http://www.tamastar.com/russia/pepper~1/ryklin~1.sht> (accessed: 07.12.2022).

Shteinbuk, F. M. *Zasady tilesnogo mimetyzmu u tekstovykh stratehiakh postmodernists'koi literatury kintsia XX — pochatku XXI stolittia*. Kyiv: Osvita, 2007, 278 p.

"Siniaia vyzivaet u Dunaeva dvoistvennye i ochen' slozhnye chuvstva". Tania Pëniker — o rabote nad glavoi "Mifogennoi Liubvi Kast v komiksakh". URL: <https://nakovalnya.gallery/mag/peniker> (accessed: 07.12.2022).

Slovar' terminov moskovskoi kontseptual'noi shkoly. Sostavitel' i avtor pre-disloviia A. Monastyrskii. Moscow: Ad Marginem, 1999, 226 p.

Vanshenkina, Je., Kaspe, I., Kukulin, I. "Voina — mesto prisutstviia. Tema «Voina i literatura»." *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2002, no. 55, pp. 224–234.

Voinovich, V. *Zhizn' i neobyknovennye prikliucheniia soldata Ivana Chonkina*. Moscow: Eksmo, 2000, 320 p.

Wizja wojny nieprawdziwej. [Z Krzysztofem Gawronkiewiczem rozmawial Marcin Herman]. URL: <http://esencja.stopklatka.pl/komiks/wywiady/tekst.html?id=664&strona=1#strony>. (accessed: 07.12.2022).

Ziagarova, O., Chuikova, M. "Oborona Moskvy." *Mesto pechati*, 1994, no. 5, pp. 76–77.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.05

I. Ye. Adelgeim

An artistic infantilisation of war:

„The Mythogenic Love of Casts” by S. Anufriev and P. Pepperstein and „Achtung, Zelig! The Second War” by K. Gawronkiewicz and K. Rosenberg

Irina Ye. Adelgeim

Doctor of Letters, leading research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: adelgejm@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5208-0848

Citation

Adelgeim I. Ye. An artistic infantilisation of war: „The Mythogenic Love of Casts” by S. Anufriev and P. Pepperstein and „Achtung, Zelig! The Second War” by K. Gawronkiewicz and K. Rosenberg // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 314–337 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.05

Received: 20.01.2023.

Abstract

The paper examines the novel “The Mythogenic Love of Casts” (1999–2002) by Sergey Anufriev and Pavel Pepperstein, both from the younger generation of the Moscow Conceptualists, and the comic strip “Achtung, Zelig! The Second War” (2004) by the Polish authors Krzysztof Gawronkiewicz and Krystian Rosenberg from the perspective of a specific representation of the Second World War (a narrative on the border between the reality and fantasy, adulthood and childhood, historical facts and grotesque). Of particular interest is the psychological and aesthetic motivation of the Russian and the Polish authors. The texts are an attempt to capture the experience of children of the 1970s: Both the unimaginable nature of war (and the Holocaust in the case of Polish comic strips) and the oversaturation of consciousness with approximate and fragmented, yet ideologized and mythologized knowledge of the former. The mythologemes of war are brought into the circle of “childhood discourse” and the concept of war is associated with the discourse of childhood and infantile behavior. By combining adult-real and children-fairytale perspectives, the official stereotypes indoctrinated into the mass historical consciousness through literature, film, posters, school, comic strips and political cartoons are reconsidered. On the one hand, the “childish”, inaccurate, fabulous, or fantastic, fragmentary idea of the war is literalized. On the other hand, adult play with the war mythologemes takes place: The authors act as interpreters of the myth using the templates present in the minds of any representative of their generation. Both texts are embodiments of generational experience of existence within the ideology, they are also an attempt to achieve a unity between childhood and adulthood, naive and sophisticated, Socialism and Post-Socialism.

Keywords

Pepperstein, Gawronkiewicz, comic strip, fairytale, psychedelic realism, war mythologemes, discourse of childhood.

**Языковые маркеры словацкого культурного кода
в переводе немецкоязычного романа Ирены Брежной
«Неблагодарная чужестранка» на русский язык**

Князькова Виктория Сергеевна
Кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Университетская наб. 7-9-11, Санкт-Петербург,
Российская Федерация
E-mail: v.knyazkova@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-2542-227X

Цитирование

Князькова В. С. Языковые маркеры словацкого культурного кода в переводе немецкоязычного романа Ирены Брежной «Неблагодарная чужестранка» на русский язык // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 338–348. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.06

Статья поступила в редакцию 09.02.2023.

Аннотация

Словацко-швейцарская писательница Ирена Брежна в романе «Неблагодарная чужестранка», написанном на немецком языке, демонстрирует путь поиска национальной идентичности. Через размышления о языке, культуре, ментальности двух народов автору удается найти некоторые опорные точки определения национального самосознания. Идентифицируя коллективное самосознание с индивидуальным, писательница выстраивает в романе дихотомию личной национальной идентичности эмигранта через гендерное, возрастное и языковое самоопределение. Эта работа осуществляется И. Брежной посредством художественного языка, через ткань которого проходит столкновение двух культурных кодов: родного и принимающего. В романе прослеживаются описания словацкого и немецкого языков, сравнения их грамматической структуры, особенно лексического состава, нюансы и различия в использовании тех или иных языковых единиц. Изучая языковые особенности новой культуры, главная героиня проходит путь принятия новой для нее страны. Отталкиваясь от различий в двух языках, героиня И. Брежной выстраивает новую двойную идентичность

эмигранта. Она подчеркивает, что именно через «встречу с другим» можно увидеть скрытое лицо собственной идентичности, таким образом не только приняв новую родину, но и не утратив свою первоначальную.

Ключевые слова

Словацкая литература, словацкий язык, идентичность, художественный перевод, Ирена Брежна, культурные коды.

Художественные произведения словацко-швейцарской писательницы Ирены Брежной написаны на немецком языке, но их тематика всегда затрагивает болезненные стороны жизни в родной для нее Словакии, вопросы эмиграции и отношений между народами. Ирена Брежна родилась в Словакии в 1950 г., а в 1968 г. эмигрировала с родителями в Швейцарию. Она изучала славистику, философию и психологию в университете Базеля. Сейчас она известная журналистка, чьи очерки, эссе и репортажи удостоены множества международных премий. Она писала о правозащитном движении в Восточной Европе, позже о политических переменных в бывших социалистических странах, о войне на Балканах и в Чечне. На данный момент (2023 г.) последней опубликованной книгой является сборник эссе, рассказов, репортажей (Eseje, prózy, reportáže), вышедший в переводе на словацкий в 2017 г. под названием “Postrehy emigrantky”¹, т. е. «Наблюдения эмигрантки».

Творчество Ирены Брежной признано как в немецкоязычном пространстве, так и в Словакии. В 2016 г. она стала первым «иностранным» лауреатом престижной в Словакии литературной премии им. Доминика Татарки за книгу “Nevďačná ná cudzinka” (2012)². Эта же книга на немецком языке “Die undankbare Fremde”³ в 2012 г. получила Литературную премию Швейцарской Конфедерации. С немецкого языка на русский она была переведена в 2014 г. и вышла под названием «Неблагодарная чужестранка»⁴. Рассказывая об опыте эмиграции в этом романе, писательница много размышляет о языках (в особенности словацком и немецком), менталитете народов, противопоставляет родину и чужбину, характеризует идентичность жителей страны и эмигрантов.

1 Brežná I. Postrehy emigrantky: eseje, prózy, reportáže. Bratislava, 2017.

2 Brežná I. Nevďačná cudzin(k)a. Bratislava, 2014.

3 Brežná I. Die undankbare Fremde. Berlin, 2016.

4 Брежна И. Неблагодарная чужестранка. М., 2014.

В эмиграции и в поездках Ирена Брежна продолжает поиск своей идентичности, в частности национальной: «Я начала переходить границы, чтобы впитывать больше чужестранного, меняя языки, расширяла кругозор»⁵. В романе «Неблагодарная чужестранка» мы можем проследить этот путь, все его стадии от отрицания до принятия.

Интересно обратить внимание на название романа в оригинале и переводах. Немецкое слово *Fremde* может означать как чужестранку, так и чужое, незнакомое, постороннее. Это совмещение смыслов подчеркивается в словацком издании, где название может быть прочитано, как “*Nevďačná cudzinka*”, т. е. «неблагодарная иностранка», так и “*Nevďačná cudzina*”, т. е. «неблагодарная чужбина». В русском переводе двойственный смысл утерян.

Первой встречей с новой культурой и первым отрицательным впечатлением юной эмигрантки стало языковое противопоставление:

In der Kaserne verhörte uns ein Hauptmann, der mehrere Sprachfehler hatte. Er konnte kein r rollen, weder ž, l', t', dž, ň noch ô aussprechen und betonte unseren Namen falsch, sodass ich mich nicht wiedererkannte. Er schrieb ihn auf ein Formular und nahm ihm alle Flügel und Dächlein weg: »Diesen Firlelfanz brauchen Sie hier nicht.« Er strich auch meine runde, weibliche Endung, gab mir den Familiennamen des Vaters und des Bruders»⁶.

V kasárňach nás vypočúval kapitán, ktorý mal viacero rečových chýb. Ráčkoval a nevedel poriadne vysloviť ž, l', t', dž, ň, ba ani ô, a nesprávne prízvukoval naše meno, takže som nespoznávala samu seba. Napísal meno na formulár a vzal mu všetky krídelká a striešky: „Takéto čačky tu nebudete potrebovať.“ Preškrtol aj moju okrúhlu ženskú koncovku, dal mi priezvisko môjho otca a brata»⁷.

В казарме нас допрашивал капитан, лишенный всяких языковых способностей. Он едва картавил «р», не мог выговорить ни «ж», ни «дж», ни мягких «ль», «ть», «нь», ни «уо» и настолько неправильно расставлял ударения, что я даже не узнала свою фамилию. Записав ее в анкете, он убрал все диакритические крылышки и домики: — Эта чепуха вам здесь не понадобится. Еще он убрал мое округлое женское окончание, дав мне фамилию отца и брата»⁸.

5 Там же. С. 167.

6 *Brežná I.* Die undankbare Fremde. S. 5–6.

7 *Brežná I.* Nevďačná cudzin(k)a. S. 7–8.

8 *Брежна И.* Неблагодарная чужестранка. С. 5–6.

В словацком переводе здесь перечисляются все специфические словацкие буквы и звуки, в немецком оригинале мы также видим их в оригинальной словацкой графике. Здесь, в этой цитате, противопоставление языков является иллюстрацией культурного противопоставления. Автор на протяжении повествования подчеркивает женское начало идентичности ее родной страны и мужское начало — страны эмиграции. Это противопоставление слышится и в сравнении национальных кухонь, где акцентируется женский характер родных блюд, тех, что готовят бабушки:

Die Nationalgerichte der Großmutter galten hier als ungesund⁹.

Vydatné jedlá starej mamy sa tu považovali za nezdravé¹⁰.

Национальные блюда наших бабушек считались здесь нездоровой пищей¹¹.

Языковая идентичность главной героини сталкивается с иной языковой реальностью в стране эмиграции, и путь принятия этой реальности проходит через значительные трудности. Автор вместе с своей героиней пытается осмыслить философскую основу языкового самосознания. Эта черта — безусловно, одна из важных характеристик транснационального романа, к коим мы безусловно относим и данное произведение, и все творчество Ирены Брежной в целом. Следующая цитата иллюстрирует такие метаязыковые рассуждения, встречающиеся на протяжении всего повествования:

Mein Name gehörte mir nicht mehr. Stotternd sprach man ihn aus, falsch klang er, schwerfällig. Ein stetiger Anlass, mich unpassend zu fühlen. Und meine Sprechweise in der neuen Sprache war verdächtig zerklüftet. Ein Fehler geschah, ein Loch tat sich auf. Die Einheimischen mochten geglättete Verhältnisse, zubetonierte Löcher¹².

Moje meno mi už nepatrilo. Ludia ho vyslovovali zajakavo, znelo falošne a ťažkopádne. Trvalý dôvod, aby som sa cítila nemiestne. A môj spôsob hovorenia v novom jazyku bol podozrivo hrboľatý. Urobila som chybu, roztvorila sa diera. A tunajší mali radi uhladené pomery, zabetónované diery¹³.

9 Brežná I. Die undankbare Fremde. S. 7.

10 Brežná I. Nevďačná cudzin(k)a. S. 9.

11 Брежна II. Неблагодарная чужестранка. С. 8.

12 Brežná I. Die undankbare Fremde. S. 22.

13 Brežná I. Nevďačná cudzin(k)a. S. 25–26.

Мое имя больше не принадлежало мне. Выговаривали его с трудом, запинаясь, и звучало оно фальшиво. Постоянный повод чувствовать себя не в своей тарелке. Моя манера изъясняться на новом языке тоже была подозрительно обрывиста. Каждая ошибка походила на разверстую дыру. А здесь ценили гладкие отношения, любые дыры тщательно бетонировались¹⁴.

Языковые противопоставления для автора являются противопоставлениями культурной идентичности и маркируют разницу социальных отношений в родной стране и стране эмиграции:

Die Einheimischen wussten nicht, dass das Leben ein Kampf ist, sie hatten eine sanfte Mitbürgerin erwartet, die auf ihre ständigen Ermahnungen unentwegt Entschuldigung murmelte würde. <...> Statt: »Mach das Fenster zu«, sagten sie: »Entschuldigung, würde es dir etwas ausmachen, wärst du vielleicht so liebenswürdig und könntest du bitte das Fenster schließen? Das ist aber sehr nett von dir, merci vielmal, und ich wünsche dir ein recht schönes Wochenende. « <...> Was für ein Luxus hier herrschte! Für alltägliche Belange bediente man sich einer konjunktivreichen höfischen Sprache. Bei uns dehnten wir das Private ungebührlich ins Öffentliche aus, hier fraß sich das Offizielle ins Private hinein¹⁵.

Tunajši nevedeli, že život je boj, očakávali privetivú spoluobčianku, ktorá by na ich neustále napomínanie bez prestania mrmotala ospravedlnenia. <...> Namiesto: „Zavri okno“ povedali: „Prepáč, nevedilo by ti, bola by si prípadne taká láskavá a mohla by si, prosím, zavrieť okno? To je ale od teba veľmi milé, mnohonásobná vďaka a prajem ti naozaj pekný víkend.“ <...> Aký tu len panoval luxus! Na každodenné veci ľudia používali dvornú reč bohatú na kondicionál. U nás sme súkromnú sféru nemiestne rozširovali do verejnej, tu sa oficiálna sféra zažrala do súkromnej¹⁶.

Местные не ведали, что жизнь — это борьба, им хотелось видеть кроткую соотечественницу, которая на любое замечание непременно пробормочет «простите» <...> Вместо «закрой окно» слышалось «простите, не затруднит ли тебя, не будешь ли ты столь любезен и не прикроешь ли, пожалуйста, окно? Ты очень добр, большое спасибо, хороших выходных». <...> Как же роскошно здесь жилось!

14 Брежна И. Неблагодарная чужестранка. С. 30.

15 Brežná I. Die undankbare Fremde. S. 92–93.

16 Brežná I. Nevďačná cudzin(k)a. S. 103–104.

*Для повседневных нужд использовался богатый сослагательными наклонениями придворный язык. У нас личное неподобающим образом вторгалось в общественное, а здесь официоз норвил оттяпать последний кусок личной жизни*¹⁷.

Взаимосвязь языка и самосознания, взаимовлияние языка и социума автор понимает в концепции идей Вильгельма фон Гумбольдта, интерпретировавшего роль речевой деятельности как связующего звена между социумом и человеком, а именно того, что язык «есть орган, образующий мысль, следовательно, в становлении человеческой личности, в образовании у нее системы понятий, в присвоении накопленного поколениями опыта языку принадлежит ведущая роль»¹⁸.

Это восприятие Брежной демонстрируется, в частности, в следующей цитате:

*Da waren sie konsequent. Dieses Wort genoss hohes Ansehen. Ich hielt sie für verklemmt, sie mich für unberechenbar*¹⁹.

*V tom boli dôslední. Toto slovo požívalo veľkú vážnosť. Ja som ich považovala za punktičkárske, oni mňa za nevypočítateľnú*²⁰.

*Тут люди были последовательны. И само это слово пользовалось большим почетом. Я считала их зажатыми, а они меня — непредсказуемой*²¹.

Противопоставление исходной и принимающей культуры дается автором не только с точки зрения языкового сознания, но и с точки зрения возраста:

*Zu jung war ich für dieses erwachsene, vernünftige Land*²².

*Bola som prímladá pre túto dospelú, rozumnú krajinu*²³.

*Я была слишком юной для этой взрослой и рассудительной страны*²⁴, — пишет она.

17 Брежна И. Неблагодарная чужестранка. С. 116–117.

18 Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 2000. С. 49.

19 Brežná I. Die undankbare Fremde. S. 54.

20 Brežná I. Nevďačná cudzin(k)a. S. 61.

21 Брежна И. Неблагодарная чужестранка. С. 79.

22 Brežná I. Die undankbare Fremde. S. 33.

23 Brežná I. Nevďačná cudzin(k)a. S. 38.

24 Брежна И. Неблагодарная чужестранка. С. 47.

Мысль о том, что словацкая идентичность близка детскому самознанию, звучит и в других произведениях современной словацкой литературы, в частности в романе Петера Криштуфека, также уделяющего значительное внимание поиску словацкой национальной идентичности, “*Dom hluchého*”: “*Slovensko je detská krajina*”²⁵ («Словакия — это детская страна»).

Противопоставляя языковые и культурные различия двух народов, главная героиня романа Ирены Брежной постепенно осваивает новую реальность и, став переводчиком, помогает другим эмигрантам приблизиться к новой для них стране, а принимающей стороне — понять эмигрантов.

Встречу с Другим можно считать основной темой всех произведений Брежной. По мнению философа Юлии Кристевой, в «другом / чужом» мы видим «скрытое лицо нашей идентичности»²⁶. Исследования текстов, отражающих взаимосвязи между народами, подчеркивают, что, бесспорно, путешественники и эмигранты, знакомясь с другими народами, познают себя, на фоне «другого» пытаются постичь свою идентичность. Идет ли речь о травелогах (исследования А. Г. Бодровой²⁷), романах эмигрантов (исследования М. Ю. Котовой²⁸), драматических произведениях, написанных в результате международного взаимодействия (исследования А. Ю. Песковой²⁹), — в любых таких текстах путь познания другого ведет к цели познания себя. Ирена Брежна описывает этот процесс в духе философии Юлии Кристевой:

25 *Krištúfek P. Dom hluchého*. Bratislava, 2012.

26 *Kristeva J. Étrangers à nous-mêmes*. Paris, 1988. P. 9.

27 *Бодрова А.* «В первую очередь патриотка, а затем феминистка»: нация и гендер в травелогах сербской писательницы Елены Димитриевич // *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований*. 2022. Т. 7. № 1. С. 85–99; *Bodrova A.* “*Der Fremde*” als krank in jugoslawischen Reiseberichten der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts // *Philological Class*. 2021. № 26/1. S. 264–272.

28 *Котова М. Ю.* Специфика инокультурного кода в транснациональном романе (на материале прозы Марины Левицкой) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 106–108; *Князькова В. С., Котова М. Ю.* Языковые средства передачи чешской и словацкой идентичностей в тексте транснационального романа и его переводе // *Славянский сборник: язык, литература, культура*. М., 2019. С. 73–80.

29 *Пескова А. Ю.* Словацко-русские связи в области драматургии и театра. Первая половина XX века // *Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований*. М., 2021. С. 290–302.

*Seine Abgrenzung von den Fremden erinnert mich daran, dass das Fremdsein eine Identität ist*³⁰.

*Jeho vymedzovanie sa voči cudzincom mi pripomenulo, že byť cudzí je identita*³¹.

*Его отгораживание от чужестранцев напоминает мне, что чужеродность создает новую идентичность*³².

Пройдя этот путь, героиня романа Брежной приобретает новую для нее национальную идентичность, не потеряв своей:

*Ich habe mich mit meiner Leistung hier eingebürgert, in diesem Land für Erwachsene. So wurde ich erwachsen. Im Gerichtssaal, im Ritual um Recht und Unrecht, bekam ich ein Vaterland. Mein Mutterland hatte ich verlassen müssen, aber es lebte in mir weiter, ich habe es nie verloren*³³.

*Svojím výkonom som sa stala občiankou v tejto krajine pre dospelých. Tak som dospela. V tejto súdnej sieni, v rituáli o práve a neprávne som získala otcovskú zem. Materskú domovinu som musela opustiť, ale žila vo mne ďalej, nikdy som ju nestratila*³⁴.

*Благодаря своему достижению я натурализовалась в этой стране взрослых. И выросла сама. В зале суда, в ритуальном процессе выбора между правдой и ложью я обрела отчизну. Родину мне пришлось покинуть, но она продолжала жить во мне, я никогда ее не потеряла*³⁵.

К данной цитате в русском переводе сделана сноска: здесь автор разделяет Vaterland («отчизна», «страна отца») и Mutterland («родина», «страна матери»).

В этой заключительной мысли автор снова возвращается к тем рассуждениям, которые были озвучены в самом начале, о воплощении национальной идентичности в таких чертах индивидуальной идентичности, как пол (женское начало страны происхождения и мужское начало страны эмиграции), возраст (детское самосознание родины и взрослое самосознание новой страны) и язык (отдаленный, этически и социально строго выверенный язык страны эмиграции и более искренний прямой и непосредственный родной язык).

30 Brežná I. Die undankbare Fremde. S. 128.

31 Brežná I. Nevďačná cudzin(k)a. S. 143.

32 Брежна II. Неблагодарная чужестранка. С. 169.

33 Brežná I. Die undankbare Fremde. S. 12.

34 Brežná I. Nevďačná cudzin(k)a. S. 140.

35 Брежна II. Неблагодарная чужестранка. С. 165.

Источники и литература

Бодрова А. «В первую очередь патриотка, а затем феминистка»: нация и гендер в травелогах сербской писательницы Елены Димитриевиц // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 1. С. 85–99.

Брежна И. Неблагодарная чужестранка. М.: Эксмо, 2014. С. 169.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.

Князькова В. С., Котова М. Ю. Языковые средства передачи чешской и словацкой идентичностей в тексте транснационального романа и его переводе // Славянский сборник: язык, литература, культура / отв. ред. Н. Е. Аханьева, О. А. Остапчук, Е. И. Якушкина. М.: МАКС Пресс, 2019. С. 73–80.

Котова М. Ю. Специфика инокультурного кода в транснациональном романе (на материале прозы Марины Левицкой) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 106–108.

Пескова А. Ю. Словацко-русские связи в области драматургии и театра. Первая половина XX века // Межславянские культурные связи. Результаты и перспективы исследований / отв. ред. Л. Н. Будагова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 290–302.

Bodrova A. “Der Fremde” als krank in jugoslawischen Reiseberichten der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts // *Philological Class*. 2021. № 26/1. S. 264–272.

Brežná I. Die undankbare Fremde. Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 2016. 140 s.

Brežná I. Nevďačná cudzin(k)a. Bratislava: Aspekt, 2014. 160 s.

Brežná I. Postrehy emigrantky: eseje, prózy, reportáže. Bratislava: Aspekt, 2017. 246 s.

Kristeva J. Étrangers à nous-mêmes. Paris: Éditions Fayard, 1988. 294 p.

Krištúfek P. Dom hluchého. Bratislava: Marenčin PT, 2012. 547 s.

References

Bodrova, A. “«Der Fremde» als krank in jugoslawischen Reiseberichten der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts.” *Philological Class*, 2021, no. 26/1, pp. 264–272.

Bodrova, A. “«V pervuiu ochered' patriotka, a zatem feministka»: natsiia i gender v travelogakh serbskoi pisatel'nitsy Jeleny Dimitrijevich.” *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy*, 2022, vol. 7, no. 1, pp. 85–99.

Brežná, I. *Die undankbare Fremde*. Berlin: Kiepenheuer & Witsch, 2016, 140 p.
Brežná, I. *Neblagodarnaia chuzhestranka*. Moscow: Eksmo Publ., 2014, 192 p.
Brežná, I. *Nevďačná cudzin(k)a*. Bratislava: Aspekt, 2014, 160 p.
Brežná, I. *Postrehy emigrantky: eseje, prózy, reportáže*. Bratislava: Aspekt, 2017, 246 p.

Gumboldt, V. fon. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu*, transl. from German, ed. by G. V. Ramishvili. Moscow: Progress, 2000, 400 p.

Kniaz'kova, V. S., Kotova, M. Iu. “Iazykovye sredstva peredachi cheshskoi i slovatskoi identichnosti v tekste transnatsional'nogo romana i ego perevode.” *Slavianskii sbornik: iazyk, literatura, kul'tura*, ed. by N. E. Anan'eva, O. A. Ostapchuk, E. I. Iakushkina. Moscow: MAKS Press, 2019, pp. 73–80.

Kotova, M. Iu. “Spetsifika inokul'turnogo koda v transnatsional'nom romane (na materiale prozy Mariny Levitskoi).” *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov: Gramota, 2016, no. 11 (65): in 3 parts, part 2, pp. 106–108.

Kristeva, J. *Étrangers à nous-mêmes*. Paris: Éditions Fayard, 1988, 294 p.

Krištúfek, P. *Dom hluchého*. Bratislava: Marenčin PT, 2012, 547 p.

Peskova, A. Iu. “Slovatsko-russkie sviazi v oblasti dramaturgii i teatra. Per-vaia polovina XX veka.” *Mezhslavianskie kul'turnye sviazi. Rezul'taty i perspektivy issledovaniia*, ed. by L. N. Budagova. Moscow, 2021, pp. 290–302.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.06

V. S. Kniazkova

**Language markers of the Slovak cultural code in the translation
of the German-language novel by Irena Brežná
“The Thankless Stranger” into Russian**

Viktoria S. Kniazkova

Candidate of Letters, Associate Professor

Saint Petersburg State University

199034, Universitetskaya nab. 7-9-11, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: v.knyazkova@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-2542-227X

Citation

Kniazkova V. S. Language markers of the Slovak cultural code in the translation of the German-language novel by Irena Brežná “The Thankless Stranger” into Russian // *Slavic Almanac*. 2023. № 1–2. P. 338–348 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.3.06

Received: 09.02.2023.

Abstract

In the novel “The Thankless Stranger”, written in German, the Slovak-Swiss writer Irena Brežná demonstrates the path of the search for national identity. Through reflections on the languages, cultures, and mentalities of the two peoples, the author manages to find some reference points to define national identity. Identifying the collective self-consciousness with the individual one, in the novel the writer builds a dichotomy of the emigrant’s personal national identity through gender, age and language self-determination. This work is carried out by means of artistic language, through the fabric of which two cultural codes collide: The native and the host. The novel traces descriptions of the Slovak and the German languages, comparisons of their grammatical structure, features of their lexicons, nuances and differences in the use of certain language units. Studying the linguistic features of a new culture, the main character follows the path of accepting a new country. Starting from the differences in the two languages, the heroine of Brežná develops a new double identity of an emigrant. Brežná emphasizes that it is through “meeting with another” that one can see the hidden face of one’s own identity, thus accepting a new homeland, without losing her original one.

Keywords

Slovak literature, Slovak language, identity, literary translation, Irena Brežná, cultural code.

УДК 94 (929)
DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.4.01

И. И. Баринов

Академик поневоле: две жизни Михаила Гредингера

Баринов Игорь Игоревич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Цитирование

Баринов И. И. Академик поневоле: две жизни Михаила Гредингера // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 349–368. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.4.01

Статья поступила в редакцию 17.01.2023.

Аннотация

Статья посвящена личности Михаила Осиповича Гредингера (1864–1936), известного белорусского правоведа, одного из создателей белорусского советского законодательства и единственного юриста — члена Академии наук советской Белоруссии. Окруженный почетом при жизни, после смерти Гредингер стал героем комплиментарных публикаций. Тем не менее, как показывают документы, ранее неизвестные биографам, будущий академик сильно скорректировал свою официальную биографию и занялся наукой во многом под давлением обстоятельств. Помимо реконструкции подлинной жизни и деятельности Гредингера до революции в России, статья дает глубокий экскурс в историю его семьи, призванный показать, как передавались из поколения в поколение модели приобретения и закрепления социального статуса. На обширном материале семейной истории Гредингеров также можно проследить, как инструментальный подход к лояльности позволял легко приспосабливаться к новым условиям в меняющейся политической ситуации. Кроме того, случай Гредингера позволяет по-новому взглянуть на природу конформизма в Советском Союзе и генетически связать его с аналогичными практиками в Российской империи.

Ключевые слова

Российская империя, Советский Союз, Белорусская ССР, конформизм.

Имя Михаила Осиповича Гредингера (1864–1936), профессора Белорусского государственного университета, было одним из символов новой «советской законности» в начале существования Белорусской ССР. Гредингер стал одним из разработчиков законодательства молодой советской республики и главным белорусским правоведом своего времени. Помимо этого, он являл собой образцовый в политическом отношении пример, когда заслуженный «старый специалист» согласился сотрудничать с «народной властью», был принят ею и получил все полагающиеся ему привилегии.

По прошествии многих десятилетий трудно судить, насколько искренне Гредингер принял произошедшие в стране перемены. В любом случае из имеющихся документов следует, что он, становясь советским гражданином, достаточно сильно изменил и приукрасил свою биографию. В изменившихся обстоятельствах Гредингер, в каком-то смысле вынужденно, вернулся в науку, которую оставил еще в молодости ради чиновничьей карьеры. Природный ум, амбициозность и гибкость позволили ему преуспеть и в этой сфере. Изучение поздних публикаций Гредингера показывает, что бывший царский чиновник быстро перевоплотился в советского гуманитария, включая такие характерные атрибуты профессионального сообщества, как насмешливый и развязный по отношению к «буржуазным специалистам» тон.

Подобное поведение, на первый взгляд, воспринимается как банальное приспособленчество. Отчасти это действительно было так. Вместе с тем, изучение семейной истории Гредингера показывает, что стратегия, включавшая глубокую аккультурацию, фактически растворение в главенствующей культурно-политической среде, передавалась из поколения в поколение. Чуткое реагирование на изменение ситуации определяло выбор актуальной идентичности, а хорошо знакомый нам по советской и постсоветской реальности конформизм имеет куда более глубокие корни, чем мы привыкли думать.

Первым известным представителем семьи в России был митавский купец Лазарь Гредингер¹. Его сын, Йозеф Максимилиан, в 1844 г. получил степень лекаря в Дерпте² и сделал успешную врачебную карьеру — сперва в качестве городского врача в Вилькомире и Вильне, а затем старшего врача Виленской еврейской больницы. Летом 1862 г. семья

---

1 *Amburger E.* Protestantische und katholische Familien jüdischer Herkunft in Rußland // *Genealogisches Jahrbuch*. Bd. 30 (1990). S. 35.

2 *Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat*. Dorpat, 1889. S. 230.

Гредингер по неизвестной причине выехала в Дрезден, где Йозеф Максимилиан открыл частную практику, оставаясь при этом на русской службе³. Весной 1866 г. Гредингеры вернулись в Россию и поселились в Риге. Отец семейства при этом резко сменил сферу деятельности: в апреле того же года он был зачислен на службу в Главное управление по делам печати и занял должность цензора Рижской губернской почтовой конторы. За год до смерти, в 1885 г., Гредингер-старший вышел в отставку в чине действительного статского советника⁴.

Вопросы к самоидентификации Гредингеров начинаются уже на уровне основателя династии, Лазаря. Судя по его имени и фамилии, он происходил из курляндских евреев. Это была особая категория еврейского населения России. Долгое время, проведенное в немецком окружении, способствовало глубокой инкорпорации этой части еврейства в германо-балтийскую культуру. Прежде всего это касалось религии (лютеранства) и жизненного уклада. В частности, по этой причине евреи Курляндии, в отличие от своих собратьев из бывшей Речи Посполитой, избегали большинства ограничений, свойственных «черте оседлости». Изредка попадавшиеся религиозные ортодоксы, воплощавшие стереотип о «восточном еврее», воспринимались местными жителями как некая экзотика⁵.

В этом отношении неудивительно, что Йозеф Максимилиан Гредингер сперва довел стратегию аккультурации в немецком сообществе до логического завершения. Долгое время было непонятно, родился ли он в лютеранстве или в какой-то момент перешел в него, поскольку присутствовали заметные разночтения (до четырех лет!) в дате его рождения⁶. Свет на этот вопрос пролили документы из его личного студенческого дела в Дерптском университете. В своей автобиографии, написанной по-латыни, Йозеф Гредингер указывал, что родился в Митаве в декабре 1816 г. После смерти отца его опекали учителя местной гимназии⁷, которая и много лет спустя, даже во времена повальной русификации, оставалась оплотом «немецкости» в крае.

---

3 Adreß- und Geschäftshandbuch der königlichen Haupt- und Residenzstadt Dresden für das Jahr 1866. S. 80.

4 РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 910. Л. 78–79.

5 *Goercke E.* Heimat in uns. Baltische Erinnerungen. Hannover-Döhren, 1959. S. 68.

6 ЕАА. F. 402. N. 7. S. 67. L. 8; LVVA. F. 3142. Apr. 3. L. 161. Lp. 187; РГВИА. Ф. 400. Оп. 14. Д. 11323. Л. 7 об.–8.

7 ЕАА. F. 402. N. 2. S. 7757. L. 8.

При этом, согласно справке, выданной митавским магистратом, еще в 1840 г. Гредингер был приписан к еврейской общине⁸, откуда, очевидно, впоследствии вышел. Образование он получил в Дерпте, главном центре по воспитанию немецкой элиты на Балтике. Его жена, Эльвира Мария Шмеман, тоже происходила из германизированной еврейской семьи. Будто окончательно отказываясь от еврейских корней, доктор Гредингер стал писаться «Иосиф Максимилианович», хотя еще в студенческих документах он фигурировал как «Иосиф Лазаревич».

Следует отметить, что до определенного момента «немецкая стратегия» давала свои плоды. Восприятие властью балтийских немцев как наиболее лояльного элитного слоя продолжалось достаточно долго. Вместе с тем фактическая административно-правовая автономия остзейских губерний перестала устраивать имперский центр уже в либеральные времена Александра II. Окончательно отношение к балтийским немцам изменилось после прихода к власти его преемника, Александра III. Попытки русификации края, до этого спорадические и оттого безуспешные, теперь стали более методичными. В частности, почти все образовательные учреждения края были переведены на русский язык преподавания. Также планировалось продвижение русских культурных инициатив и укрепление позиций православия.

Новая правительственная политика расколола германо-балтийское общество. Его консервативная часть перешла к пассивному сопротивлению и переориентации на «германское отечество». Напротив, те, кто вырос в пореформенную эпоху, отнеслись к переменам более спокойно и попытались использовать их. Здесь разница была лишь в степени аккультурации отдельно взятого человека. Некоторые сохраняли прежнюю ментальность, становясь «русскими» лишь в публичном пространстве. Другие же отходили от прежней немецкой идентичности и русифицировались не только в государственно-политическом, но и в культурно-бытовом смысле. Это означало глубокое личное восприятие (вплоть до ассимиляции) актуальной повестки со всеми ее духовными особенностями и повседневными практиками.

Так произошло и с Гредингерами. Очевидно, отец семейства неслучайно выбрал чиновничью службу. Будучи местным уроженцем, он не мог не знать неписанные корпоративные законы балтийско-немецкого сообщества. Согласно им член корпорации, ставший представителем русского правительства в крае, фактически воспринимался как ренегат. Примечательно, что Гредингер, помимо прочего, выбрал

---

8 ЕАА. F. 402. N. 2. S. 7756. L. 2.

то ведомство, которое и в самой России традиционно выступало в качестве символа имперского «охранительства». При этом, судя по документам, он исполнял свои должностные обязанности со всем рвением. Так, среди бумаг 3-го отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии сохранилось письмо с характеристикой Гредингера, написанное в декабре 1868 г. Как следовало из текста, новый цензор действовал настолько предупредительно, что это часто вызывало «раздражение общественного мнения, давая повод к предположению, что все стеснения печати исходят от высшего правительства, вследствие сложившегося сильного недоверия к немецкому населению края»⁹.

Вслед за Иосифом Гредингером «обрусили» себя и его дети. Франц Иосиф, который во время жизни в Дрездене посещал старейшую в городе «Гимназию у Святого Креста»¹⁰, начал было изучать право в Дерптском университете, оставил его и переехал жить и учиться в Петербург. Впоследствии он сделал карьеру в судебных органах, дослужившись до тайного советника и сенатора. Рихард, как и отец, изучал медицину в Дерпте. После этого он был уездным врачом в Риге, однако вскоре покинул Остзейский край, и остальная его практика проходила за его пределами. Оба брата стали писаться в документах соответственно Федор и Роман Осиповичи. Старший из братьев, Федор, воспринял не только русскую культуру, но и особенности консервативного дискурса того времени. В своих мемуарах известный в ту пору адвокат Оскар Грузенберг отмечал, что сенатор Гредингер своим антисемитизмом стремился «затушевать свое еврейское происхождение»¹¹. Примечательно, что все 11 детей доктора Гредингера вступили в брак с лицами нелютеранского исповедания, что стало окончательным разрывом с балтийско-немецким обществом.

Аналогичной стратегии придерживался и Михаил Александр. Он появился на свет 16 июля 1864 г. в Дрездене¹² и был самым младшим ребенком в семье. По непонятной причине он не фигурирует ни в одном послужном списке отца, в отличие от своих братьев и сестер, родившихся в России. В июне 1883 г. Михаил Гредингер окончил с двумя четверками в аттестате Рижскую городскую гимназию, самую престижную немецкую школу края, где на тот момент еще

9 РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 910. Л. 48.

10 Programm des Gymnasiums zum Heiligen Kreuz in Dresden. Dresden, 1864. S. 57.

11 Грузенберг О. О. Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944. С. 13.

12 ЕАА. F. 402. N. 7. S. 177. L. 207.

сохранялся немецкий язык обучения¹³. Сразу после окончания гимназии он, по примеру старшего брата, поступил на юридический факультет Петербургского университета, который успешно окончил в 1888 г. со званием кандидата¹⁴. О карьеризме молодого Гредингера и его желании укорениться в русско-имперской элите говорит хотя бы тот факт, что он совершил неслыханный для балтийского немца поступок, перейдя из лютеранства в православие. Много лет спустя, уже в советской анкете, в разделах «национальность» и «родной язык» Гредингер указывал «русский», а в графе «среднее образование», словно желая забыть свою немецкую школу, и вовсе поставил прочерк¹⁵.

Сегодня, по прошествии многих лет, мы можем верифицировать основные этапы жизненного пути будущего академика. Первое, что бросается в глаза, — это возраст: при поступлении на работу в БГУ Гредингер омолодил себя почти на три с половиной года. Новая дата рождения (16 декабря 1867 г.) с этого момента стала канонической и попала в большинство биографических публикаций. Далее он указывал, что окончил университет в 1891 г. с медалью за сочинение «История и система преторского эдикта»¹⁶. Однако, как следует из университетского отчета, за данную работу Гредингер получил награду еще в 1888 г., вскоре после завершения учебы¹⁷. Успешное окончание университета, как следовало из анкеты, позволило выпускнику остаться при кафедре гражданского права, где он три с половиной года был «профессорским стипендиатом». Совпадение данного срока с аналогичным приуменьшением Гредингером своего возраста вряд ли является случайным — вероятно, оно было призвано легитимировать начало его академической карьеры. При этом стипендиатом Гредингер действительно был, но в студенческие годы, и получал деньги не из казны, а из капитала промышленника Павла Демидова¹⁸.

---

13 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 23123. Л. 2–2 об.; *Гельд Г. Г.* Краткая летопись Рижской городской гимназии со времени ее зарождения до наших дней. 1211–1911. Рига, 1911. С. 101.

14 Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1888 г. СПб., 1889. С. 82.

15 НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2136. Л. 15.

16 Там же. Л. 38.

17 Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1887 г. СПб., 1888. С. 126.

18 Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1890 г. СПб., 1891. С. 18.

Как следует из дальнейшей автобиографии, «по выдержании устного испытания на звание магистра» Гредингер стажировался в Берлинском университете. По возвращении в Россию он, по собственным словам, был назначен приват-доцентом в Ярославль (имелся в виду Демидовский лицей), а затем стал преподавателем правовых дисциплин в Рижском политехническом институте¹⁹. Однако его имя не обнаруживается среди сотрудников этих учебных заведений²⁰. В приват-доцентскую должность Гредингер, очевидно, «превратил» Демидовскую стипендию, которую получал в университете.

Между тем сохранился послужной список Михаила Осиповича Гредингера, составленный в мае 1914 г. Согласно ему, 5 декабря 1889 г. он поступил на службу в департамент неокладных сборов Министерства финансов в чине коллежского секретаря (его получали после окончания высшего учебного заведения с отличием). В сентябре 1891 г. Гредингер был переведен в Лифляндское губернское акцизное управление и служил сначала в Риге, а с июля 1893 г. — в Пернове. В августе 1898 г. Гредингер был уволен со службы «по домашним обстоятельствам». Тем не менее уже через два месяца он занял должность комиссара по крестьянским делам сначала в Феллинском уезде, а в январе 1903 г. перешел в Дерптский уезд. Параллельно Гредингер много лет исполнял обязанности почетного мирового судьи и в итоге перешел на аналогичную штатную должность в Риге. С декабря 1907 г. и до своей отставки Гредингер был членом Рижского окружного суда. За время службы Гредингер получил два ордена Св. Анны: 3-й (в декабре 1903 г.) и 2-й (в январе 1912 г.) степеней. В браке с Марией Ильиничной Добровольской у него появилась дочь Анна (родилась 18 февраля 1892 г.)²¹. В документах 1920-х гг. Гредингер указывал, что у него двое детей, в том числе «несовершеннолетняя иждивенка» Наталия Колотова²².

Как можно видеть, служба Гредингера была тесным образом связана с его исторической родиной — Остзейским краем. Политика русификации, в это время набиравшая обороты на Балтике, сделала востребованными специалистов по местному праву. Каждые

---

19 НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2136. Л. 38.

20 Юбилейный сборник Рижского политехнического института. 1862–1912. Рига, 1912. С. XXVI–XXVII; Биографический сборник Демидовского университета / сост. Е. В. Гущина и др. Ярославль; Рыбинск, 2008. С. 250.

21 РГИА. Ф. 1405. Оп. 522. Д. 1564. Л. 1 об.–3 об.

22 НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2136. Л. 15, 36.

3–4 года он стабильно рос в чинах, пока в мае 1907 г. не был произведен в статские советники. Важно отметить, что он не был обычным технократом, а, напротив, участвовал в организации «русской жизни» на Балтике. В частности, по его инициативе были открыты русские библиотеки в Пернове и Феллине²³.

После революции Гредингер остался в советской России. Несмотря на свою принадлежность к интеллектуальной части имперской бюрократии и определенный либерализм, по тогдашним представлениям он, несомненно, был бы квалифицирован как «слуга царизма» и «великодержавный шовинист». Из-за этого Гредингеру пришлось скорректировать свою официальную биографию. Теперь он представлялся работником высшей школы, аполитичным интеллигентом, который сразу и безоговорочно принял новую власть. Из потомственного дворянина Гредингер превратился в «сына врача»²⁴. Свою прежнюю деятельность Гредингер лаконично характеризовал как «учено-учебную»²⁵, хотя документально она прослеживается лишь с 1919 г. Перечисляя свои публикации, Гредингер путался в их количестве. Определить их число затрудняются и биографы ученого — называются различные цифры вплоть до 400 печатных трудов, больше половины из которых якобы было выпущено уже в минские годы²⁶. В любом случае, нередко приведенные Гредингером выходные данные оказываются либо неточными, либо вовсе не соответствующими действительности (как в случае с берлинской *Deutsche Juristen-Zeitung* или ярославской «Юридической библиотекой»)²⁷.

Стоит заметить, что большинство дореволюционных публикаций Гредингера были скорее актуальными комментариями, в которых отражались его текущие должностные занятия. Так, монография «Основы питейной монополии в России» (1895) была опубликована в годы его службы в акцизном управлении (сбор с алкогольной продукции составлял значительную часть тогдашних поступлений в казну). Работа «К характеристике гражданского права лифляндских крестьян» (1904) появилась в ходе работы Гредингера в качестве крестьянского комиссара.

---

23 Рижский вестник. № 165. 29.07.1898. С. 2; Рижский вестник. № 135. 23.06.1899. С. 2.

24 РГИА. Ф. 1405. Оп. 522. Д. 1564. Л. 2 об.; НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2136. Л. 15.

25 НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2136. Л. 15.

26 Интеллектуальная элита Беларуси. Минск, 2017. С. 140.

27 НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2136. Л. 7, 15, 45–47.

Опыт работы с местным правом остзейских губерний был отражен им в серии статей для «Юридической газеты» (1903–1906) и «Журнала Министерства юстиции» (1907–1912). Сугубо научные работы до революции Гредингер публиковал сравнительно редко и по большей части в начале своей карьеры, когда он еще пытался совмещать государственную службу с академической деятельностью. Постепенное исчезновение его имени из академической периодики, очевидно, связано с тем, что в ту пору основной костяк правоведов был представлен университетской профессурой. Хотя Гредингер иногда выступал в печати с публикациями по истории права, он не принадлежал к данному кругу.

Насколько можно судить, бывшему статскому советнику помогли легализоваться в новом облике особенности того времени. С одной стороны, одним из первых декретов советского правительства была уничтожена старая паспортная система. Для подтверждения личности использовались самые разные документы, включая всевозможные справки. Самым главным на тот момент было показать свое отношение к труду, поскольку это определяло место человека в новой общественной структуре²⁸. Одна из таких справок сохранилась в личном деле Гредингера. Согласно ей, уже в начале 1918 г. при установлении советской власти в Крыму он стал заведующим отделом высшей школы в местном комиссариате народного просвещения. На этой должности, как следовало из документа, Гредингер продемонстрировал «полное понимание задач и духа советского строительства»²⁹. В дальнейшем он постоянно делал упор на свой многолетний личный труд, чтобы его не отнесли к категории «лишенцев» (представителей «чуждых» классов, ограниченных в правах).

Вместе с тем Гредингер относился к так называемым «старым специалистам». Те из них, кто пережил потрясения гражданской войны и не оказался в эмиграции, смогли продолжить работу по специальности в советской стране. В этом случае возраст, научный авторитет, личные связи и известности за границей могли обеспечить ученому определенный иммунитет. Более того, пытаясь создать коммунистическую научную элиту, власти фактически способствовали формированию новой сословности, где подобные специалисты пользовались привилегиями³⁰.

---

28 Байбурин А. К. Советский паспорт: история, структура, практики. СПб., 2017. С. 70–82.

29 НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2136. Л. 3.

30 Долгова Е. А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М., 2020. С. 11–12, 23–29.

Все это в полной мере касалось и Гредингера. Как и прежде, им двигали соображения социального и карьерного характера. Хотя он в 1923 г. и был приглашен на должность профессора в Харькове, но не поехал в столицу советской Украины, поскольку там уже существовал старый университет со своими традициями. Вместо этого Гредингер отправился в Минск — там высшие учебные заведения создавались с нуля, и у него не было конкурентов. Эта ставка оказалось верной: здесь Гредингер сделал еще более впечатляющую карьеру, чем до революции, став директором Института советского строительства и права и единственным юристом-академиком в БССР. Как впоследствии отмечалось в его некрологе, свои знания и талант он отдал «подготовке пролетарских специалистов и научной деятельности на благо социализма»³¹.

Следует отметить, что случай Гредингера показателен сразу по нескольким причинам (его личный конформизм в рамках советского режима на поверку оказывается самым верхним и незначительным слоем). В первую очередь, семейная история Гредингеров демонстрирует, что при наличии четких критериев инклюзивности, таких как религия и язык, и готовности принимающего сообщества давать привилегии в обмен на лояльность, выходцы из социально незащищенной группы в условиях старой России могли войти сначала в местную (немецкую), а затем и общегосударственную (русско-имперскую) элиту. Вместе с тем у подобной практики изначально был серьезный изъян, поскольку она сама по себе давала широкое пространство для инструментализации лояльности и, как следствие, развития двоемыслия. Симптоматично, что в 1917 г. мало кто стремился спасти монархию, которая из действующего института давно превратилась в адресата формальных деклараций преданности.

В этом отношении Гредингер, в очередной раз стремясь адаптироваться к новым условиям, вольно или невольно привнес эту традицию с собой. При этом, если он и представители его поколения еще могли сохранять, в том или ином виде, свободу суждений, то их наследники зачастую делали указанный инструментальный принцип своим *modus vivendi*. В конечном итоге это привело к глубокому кризису в области советского гуманитарного знания и, в свою очередь, к резкому снижению качества советской элиты.

---

31 Фронт науки и техники. 1936. № 1. С. 128.

Библиография М. О. Гредингера

(рус. Гредингер, нем. Grödinger, бел. Грэдзінгер/Грэдынгер)
Псевдонимы: М. Г.; М. О. Г.; М. Гр-ъ; М. Гр-р.

ВСЮ — «Вестник советской юстиции» (Харьков)

ЖМЮ — «Журнал Министерства юстиции» (Санкт-Петербург)

РЭО — «Русское экономическое обозрение» (Санкт-Петербург)

ЮВ — «Юридический вестник» (Москва)

ЮГ — «Юридическая газета» (Санкт-Петербург)

ЮИ — «Юридические известия» (Юрьев)

ZfO — Zeitschrift für Ostrecht (Breslau)

Опубликованные труды

1885

Письмо А. Смита // ЮВ. 1885. № 5. С. 183–185.

Письмо Родбертуса к Шмоллеру // ЮВ. 1885. № 6–7. С. 557–560.

1886

Деятельность крестьянского поземельного банка // ЮВ. 1886. № 2. С. 411.

Хроника экономического законодательства // ЮВ. 1886. № 11. С. 579–583.

Вынужденное объяснение (ответ проф. Сокальскому) // ЮВ. 1886. № 11. С. 608–616.

1888

Крестьянский земельный банк // ЮВ. 1888. № 2. С. 284–296.

Высота процента в античном мире // ЮВ. 1888. № 9. С. 131–138.

1891

По поводу отчета государственного дворянского земельного банка за 1889 год // ЮВ. 1891. № 1. С. 165–168.

1893

Опыт исследования безымянных договоров. Рига: типография Л. Бланкенштейна, 1893. — 132 с.

1895

Основы питейной монополии в России. Рига: типография А. И. Липинского, 1895. — 82 с.

1896

К вопросу о винной монополии // ЮГ. 1896. № 24. С. 3; № 25. С. 2–3; № 26. С. 3.

О некоторых привилегиях владельцев дворянских имений в губерниях прибалтийских // ЮГ. 1896. № 68. С. 2.

Die Prinzipien des Getränkemonopols in Russland. Pernau: Laakmann, 1896. — 96 s. [немецкий перевод русскоязычной работы]

1897

Основы питейной монополии в России. Пернов: Э. Трейфельдт, 1897. — 139 с. [2-е издание, дополненное и пересмотренное]

[Рец. на кн.:] Белявский, Н. Н. Сберегательные кассы. СПб.: паровая скоропечатня И. А. Богельман, 1896. — 217 с. // РЭО. 1897. № 4. С. 149–150.

Экстерриториальность как источник международного взаимного шпионажа (по поводу дела офицера французской службы Дрейфуса) // ЮГ. 1897. № 88. С. 2.

К вопросу о значении квартирного налога для местного финансового хозяйства // ЮГ. 1897. № 90. С. 1–3; № 91. С. 1–3; № 92. С. 1–3.

1901

Симптомы прогресса в науке русского торгового права // ЮГ. 1901. № 39. С. 2.

1902

Лишний балласт в гражданском кодексе прибалтийских губерний // ЮГ. 1902. № 31. С. 2; № 32. С. 2.

Охрана авторского права по прибалтийскому гражданскому кодексу // ЮГ. 1902. № 71. С. 2–3.

Несколько слов по поводу книги III проекта гражданского уложения // ЮГ. 1902. № 72. С. 2–3.

Новое издание прибалтийского гражданского кодекса // ЮГ. 1902. № 75. С. 2.

Памяти профессора В. В. Ефимова // ЮГ. 1902. № 90. С. 3.

[Рец. на кн.:] Franz, R. Die landschaftlichen Kreditinstitute in Preussen. Ihre rechtlichen und finanziellen Verhältnisse und ihre geschichtliche Entwicklung. Berlin: Schneider, 1902. — 401 S. // РЭО. 1902. № 12. С. 235–241.

1903

К истории прибалтийского права // ЮГ. 1903. № 9. С. 2.

К вопросу об объединении гражданского права в России // ЮГ. 1903. № 36. С. 2–3.

Заметка об обязательном праве лифляндских крестьян // ЮГ. 1903. № 42. С. 2–3.

Несколько слов относительно желательной постановки нашего юридического образования // ЮГ. 1903. № 51. С. 2.

Опека и попечительство по лифляндскому крестьянскому праву // ЮГ. 1903. № 60. С. 2–3.

Столетний юбилей господствующей теории владения и наш проект гражданского уложения // ЮГ. 1903. № 61. С. 2–3; № 62. С. 2–3.

К вопросу о том, необходима ли отдельная кодификация гражданского права крестьян прибалтийских губерний // ЮГ. 1903. № 68. С. 2; № 69. С. 2.

О находке по проекту гражданского уложения // ЮГ. 1903. № 78. С. 2–3.

[Письмо в редакцию] // ЮГ. 1903. № 82. С. 3.

Заметка о положении внебрачных детей по лифляндскому крестьянскому праву // ЮГ. 1903. № 86. С. 2–3.

1904

К характеристике гражданского права лифляндских крестьян. Юрьев: типография К. Маттисена, 1904. — 41 с.

Договорная неустойка по гражданскому праву прибалтийских губерний // ЮГ. 1904. № 1. С. 2; № 2. С. 2; № 3. С. 2.

Принцип тождества в праве на фирму // ЮГ. 1904. № 9. С. 3–4.

К вопросу о значении намерения сторон при толковании договоров // ЮГ. 1904. № 23. С. 3–4.

Законы и факты (из области прибалтийских аграрных отношений) // ЮГ. 1904. № 32. С. 2.

[Рец. на кн.]: Бордонос, Н. Н. Основы поземельных отношений в Лифляндской губернии. Могилев-на-Днепре: типо-литография Я. Н. Подземского, 1904. — 189 с. // ЮГ. 1904. № 33. С. 2–3.

Так называемая «*quaesita Domitiana*» в проекте гражданского уложения // ЮГ. 1904. № 38. С. 2–3.

Новая теория права собственности // ЮГ. 1904. № 43. С. 2–3.

Еще об унификации гражданского права в России // ЮГ. 1904. № 45. С. 2–3.

Сравнительный метод в юриспруденции и кодификации гражданского права // ЮГ. 1904. № 47. С. 2–3.

«*Actio ad exhibendum*» в Своде гражданских узаконений губерний прибалтийских // ЮГ. 1904. № 50. С. 2–3.

Основные черты финляндского судоустройства и гражданского судопроизводства по проекту редакционной комиссии // ЮГ. 1904. № 55. С. 2–3; № 56. С. 2–3.

По поводу наступающего сорокалетия Свода гражданских узаконений губерний прибалтийских // ЮГ. 1904. № 62. С. 2–3.

О влиянии уничтожения производства на перерыв земской давности // ЮГ. 1904. № 69. С. 2.

К вопросу о праве залогопринимателя на дополнительное удовлетворение при недостаточности вырученной от продажи заложенного имущества суммы // ЮГ. 1904. № 75. С. 2–3.

К пересмотру кодифицированного частного права // ЮГ. 1904. № 80. С. 2–3.

Прекариум по Своду гражданских узаконений губерний прибалтийских // ЮГ. 1904. № 89. С. 2–3.

К вопросу о сокращении родовой лестницы в порядке наследования по закону // ЮГ. 1904. № 92. С. 2–3.

1905

К характеристике гражданского права лифляндских крестьян // Сборник учено-литературного общества при Юрьевском университете. 1905. Т. 9. С. 61–99.

Наука права и академическая свобода в России // ЮГ. 1905. № 7. С. 1–2. [Рец. на кн.:] Катков, В. Д. Общее учение о векселе. Харьков: печатня С. П. Яковлева, 1904. — 351 с. // ЮГ. 1905. № 21. С. 2–3.

Очерки по догме гражданского права прибалтийских губерний // ЮГ. 1905. № 23. С. 2–3.

Сделки на разность по проекту гражданского уложения // ЮГ. 1905. № 31. С. 2; № 32. С. 2–3.

К характеристике юридической природы заключаемых при посредстве телефона сделок // ЮГ. 1905. № 41. С. 1–2.

Указ 18 февраля и балтийские фантазии // ЮГ. 1905. № 54. С. 2–3.

Статья 2095-ая Свода гражданских узаконений губерний прибалтийских // ЮГ. 1905. № 60. С. 2–3.

1906

К учению о перерыве исковой давности по Своду гражданских узаконений губерний прибалтийских // ЮГ. 1906. № 4. С. 1–2.

Оценочный договор по римскому праву и в Своде гражданских узаконений губерний прибалтийских // ЖМЮ. 1906. № 4. С. 194–208.

Комментарий к ст. 3473 Свода гражданских узаконений губерний прибалтийских // ЖМЮ. 1906. № 7. С. 153–164.

1907

Льгота посильной ответственности должника по прибалтийскому праву // ЖМЮ. 1907. № 2. С. 209–225.

О пересмотре некоторых постановлений устава гражданского судопроизводства применительно к губерниям прибалтийским // ЖМЮ. 1907. № 6. С. 120–135.

Естественные обязательства в теории и в Своде гражданских узаконений губерний прибалтийских // ЖМЮ. 1907. № 10. С. 32–57.

Einige Worte zur Frage über die für die Ostseeprovinzen erwünschten Abänderungen der russischen Zivilprozessordnung // *Baltische Monatschrift*. 1907. Bd. 63. S. 374–383.

1908

По поводу предположенной отмены ст. 2095 Свода гражданских узаконений губерний прибалтийских // *ЖМЮ*. 1908. № 10. С. 119–130.

Эрдман, К. Э. Обязательственное право губерний прибалтийских: (из курса Эрдмана). Перевод и дополнительные примечания М. О. Гредингера. Рига: типография Л. Бланкштейна, 1908. — 638 с.

1909

Авторское право по прибалтийским гражданским узаконениям // *ЖМЮ*. 1909. № 1. С. 81–102.

1910

[Рец. на кн.:] Буковский, В. Гражданские законы губерний прибалтийских, с разъяснениями. Рига, 1909. — 935 с. // *ЖМЮ*. 1910. № 8. С. 277–293.

1912

К учению о закладе долговых требований по прибалтийскому праву // *ЖМЮ*. 1912. № 7. С. 1–34.

1913

Судейское усмотрение и его роль в прибалтийском праве // *ЮИ*. 1913. № 1. С. 11–17; № 3. С. 87–90; № 4. С. 112–115.

[Рец. на кн.:] «Юридические исследования и статьи» проф. А. Х. Гольмстена // *ЮИ*. 1913. № 9. С. 239–242.

1914

[Рец. на кн.:] Нольде, А. Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. Выпуск второй. Кодификация местного права прибалтийских губерний. СПб.: Сенатская типография, 1914. — 668 с. // *ЖМЮ*. 1914. № 8. С. 285–298.

Завещательное право лифляндских крестьян // *ЖМЮ*. 1914. № 10. С. 131–156.

1921

Основы гражданского права. [Симферополь], 1921 [литографированные лекции, читанные в Таврическом университете].

1925

Проблема возложения обязанности загладить вред и отношение ее к обязательству возмещения причиненного вреда // *Труды Белорусского государственного университета*. 1925. № 6/7. С. 283–292 [оттиск: Минск: [б. и.], 1925. — 12 с.].

1926

Брак и закон // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. 1926. № 11. С. 49–64.

Думкі аб неабходнасці выдання грамадзянска-працэсуальнага кодэкса для Беларусі // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. 1926. № 11. С. 65–75.

Критика белорусского проекта Кодекса законов о браке, семье и опеке // Советское строительство. 1926. № 8/9. С. 154–166 [оттиск: Минск: [б. и.], 1926. — 15 с.].

[Рец. на кн.:] Гордон, В. М. Вексельное право. Сущность векселя, его составление, передача и протест. Харьков: Юридическое изд-во Наркомата юстиции УССР, 1926. — 106 с. // Советское строительство. 1926. № 7. С. 203–204.

1927

Вокруг вопроса об общих началах землепользования и землеустройства // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. 1927. № 14/15. С. 30–43 [оттиск: Минск: Белорусский государственный университет, 1927. — 16 с.].

Договор комиссии в белорусском законодательстве // ВСЮ. 1927. № 6/7. С. 194–197.

Гражданский кодекс БССР // ВСЮ. 1927. № 16. С. 551–554.

Наша гражданская судебная практика и вопрос о склонении сторон к миру // Вёсці Народнага камісарыята юстыцыі БССР. 1927. № 4/5. С. 4–8.

Zur Reform des Familienrechts in der UdSSR // ZfO. 1927. Heft 1. S. 33–41.

Das bürgerliche Gesetzbuch Weißrußlands // ZfO. 1927. Heft 5/6. S. 718–728.

1928

[Рец. на кн.:] Малицкий, А. Гражданский кодекс советских республик: текст и практический комментарий / под ред. проф. А. Малицкого. Харьков: Юридическое изд-во Наркомата юстиции УССР, 1927. — 384 с. // Право и жизнь. Кн. 1. М., 1928. С. 79–81.

Erbrechtsnovellen in den Sowjet-Republiken // ZfO. 1928. Heft 10. S. 1321–1331.

Значэнне пастаноў найвышэйшага суда і права насяледвання так званых фактычных супругаў // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. 1928. № 21. С. 31–47.

К вопросу о праве наследования фактических супругов // ВСЮ. 1928. № 5. С. 133–135.

1929

Наша права на спадчыну, якім пажадана яго мець // Працы катэдраў сучаснага права / пад рэд. М. Грэдынгера. Кн. 1. Менск: Выдавецтва Беларускай акадэміі навук, 1929. С. 36–52.

[Предисловие к кн.:] Гуткоўскі, М. М. Сістэматычны паказчык (спроба сістэматыкі) заканадаўства Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі за 1919—1928 гг. з алфавітна-прадметным паказчыкам і спісам чынных на 1 студзеня 1929 г. законаў. Менск: Выдавецтва кіраўніцтва спраў СНК, 1929. С. 4–5.

1930

Да пытання аб аўтэнтычнасці тэксту закона пры раўнапраўнасці дзвух ці некалькі моў // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. 1930. № 25. С. 77–90 [оттиск: Менск, 1930. — 13 с.].

1931

Задачы кадыфікацыі ў галіне грамадзянскага працэсу і ГПК БССР // Працы Інстытута савецкага будаўніцтва і права. Менск: [б. в.], 1931. С. 3–47.

Што значыць гаспадарча-адміністрацыйнае права і дзе яго межы? // Там же. С. 129–145.

[Рец. на кн.:] Стучка, П. И. Курс советского гражданского права. Ч. 2: Общая часть гражданского права. М.: Изд. Комакадемии, [1931]. — 366 с. // Там же. С. 211–218.

[Рец. на кн.:] Gabain, K. E. v. Das Erbrecht in Sowjetrussland. Seine Entwicklung und heutige Geltung. Berlin-Leipzig: Haupt, 1929. — 78 s. // Там же. С. 219–223.

1932

Пра агульнасаюзныя падставы гаспадарчага права. Мінск: [б. в.], 1932. — 59 с.

Das wirtschaftliche Verwaltungsrecht — eine neue Disziplin im Recht der Sowjetunion // ZfO. 1932. Heft 6. S. 161–172.

1933

Да дзясяцігоддзя грамадзянскага кодэкса ў БССР. Мінск: Выдавецтва Беларускай акадэміі навук, 1933. — 75 с.

1935

Дапаможнік па грамадзянскаму працэсу БССР. Мінск: Выдавецтва Беларускай акадэміі навук, 1935. — 220 с.

Заявленные, но не обнаруженные публикации

О подоходном налоге

Забытая реформа (вопрос об освидетельствовании душевнобольных)

[Рец. на кн.:] Невзоров, А. Опекa над несовершеннолетними. Исторический очерк института и положение его в действующем русском законодательстве. Ревель: тип. «Колывани», 1892. — 246 с.

[Рец. на кн.:] Якоби, Е. В. Положение о ливляндских крестьянах. Рига: Ливлянд. губ. тип., 1903. — 434 с.

Рукописи

Историко-догматический очерк о вакуфах. [Симферополь], 1918.

История и система преторского эдикта. [СПб., 1888].

Проблема безыменных договоров. Симферополь, 1919/1920 — 180 с. (докторская диссертация, защищенная в Таврическом университете).

Источники и литература

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб).

Eesti Ajaloarhiiv (EAA).

Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA).

Байбурин А. К. Советский паспорт: история, структура, практики. СПб.: Издательство Европейского университета, 2017. 486 с.

Биографический сборник Демидовского университета / сост. Е. В. Гущина и др. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2008. 252 с.

Гельд Г. Г. Краткая летопись Рижской городской гимназии со времени ее зарождения до наших дней. 1211–1911. Рига: типография Гердера, 1911. 107 с.

Грузенберг О. О. Очерки и речи. Нью-Йорк: б. и., 1944. 248 с.

Долгова Е. А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 471 с.

Интеллектуальная элита Беларуси: основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941). Минск: БГУ, 2017. 302 с.

Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1887 г. СПб.: типолитография Вольфа, 1888. 140 с.

Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1888 г. СПб.: типолитография Вольфа, 1889. 215 с.

Отчет о состоянии и деятельности Императорского Санкт-Петербургского университета за 1890 г. СПб.: типолитография Вольфа, 1891. 169 с.

Юбилейный сборник Рижского политехнического института. 1862–1912. Рига: типография Геккера, 1912. 280 с.

Adreß- und Geschäftshandbuch der königlichen Haupt- und Residenzstadt Dresden für das Jahr 1866. 382 s.

Album academicum der Kaiserlichen Universität Dorpat. Dorpat, 1889.

Amburger E. Protestantische und katholische Familien jüdischer Herkunft in Rußland // *Genealogisches Jahrbuch*. Bd. 30 (1990). S. 27–60.

Goercke E. Heimat in uns. Baltische Erinnerungen. Hannover-Döhren: Hirschheydt, 1959. 106 s.

Programm des Gymnasiums zum Heiligen Kreuz in Dresden. Dresden, 1864. 61 s.

References

Amburger, E. “Protestantische und katholische Familien jüdischer Herkunft in Rußland.” *Genealogisches Jahrbuch*, 1990, no. 30, pp. 27–60.

Baiburin, A. K. *Sovetskii pasport: istoriia, struktura, praktiki*. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2017, 486 p.

Biograficheskii sbornik Demidovskogo universiteta. Yaroslavl: Iaroslavskii gosudarstvennyi universitet im. P. G. Demidova; Rybinsk: Rybinskii Dom pečati, 2008, 252 p.

Dolgova, E. A. *Rozhdenie sovetskoi nauki: uchenyye v 1920–1930-e gg*. Moscow: RGGU, 2020, 471 p.

Gel'd, G. G. *Kratkaia letopis' Rizhskoi gorodskoi gimnazii so vremeni ee zarozhdeniia do nashikh dnei. 1211–1911*. Riga: tipografii Gerdera, 1911, 107 p.

Goercke, E. *Heimat in uns. Baltische Erinnerungen*. Hannover-Döhren: Hirschheydt, 1959, 106 p.

Gruzenberg, O. O. *Ocherki i rechi*. New York: s.n., 1944, 248 p.

Intellektual'naia elita Belarusi: osnovopolozhniki belorusskoi nauki i vysshego obrazovaniia (1919–1941). Minsk: BGU, 2017, 302 p.

Iubileinyi sbornik Rizhskogo politekhnicheskogo instituta. 1862–1912. Riga: Tipografii Gekkera, 1912, 280 p.

Forced to become an academic: Two lives of Mikhail Groedinger

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Citation

Barinov I. I. Forced to become an academic: Two lives of Mikhail Groedinger // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 349–368 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.4.01

Received: 17.01.2023.

Abstract

The article is devoted to the study of the personality of Mikhail Osipovich Groedinger (1864–1936), a famous Belarusian legal scholar, one of the creators of the Belarusian Soviet legislation and the only jurist member of the Academy of Sciences of Belarus during its Soviet period. Highly honored in his lifetime, Groedinger became the subject of the various complementary publications after his death. However, according to the documents, previously unknown to the biographers, the future member of the Academy had significantly edited his official biography and had become a researcher largely due to circumstances. Besides the reconstruction of Groedinger's true life and work before the Russian revolution, the article suggests a deep exploration of his family history, aiming to represent the models of acquiring and securing of the social status passed from generation to generation. The extensive material related to the Groedinger family also makes it possible to trace how the instrumentalization of the loyalty made it easy to adapt to the new conditions in a perpetually changing political situation. Furthermore, the Groedinger case provides a new approach to the study of the conformal behavior in the Soviet Union, genetically linking it to the similar practices in the Russian Empire.

Keywords

Russian Empire, Soviet Union, Belarusian SSR, conformism.

**Ленинградский Институт славяноведения Академии наук
(к вопросу об истории изучения)**

Аржакова Лариса Михайловна
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: larjak@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8260-4101

Цитирование

Аржакова Л. М. Ленинградский Институт славяноведения Академии наук (к вопросу об истории изучения) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 369–388. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.4.02

Статья поступила в редакцию 07.03.2023.

Аннотация

В статье представлена эволюция изучения истории ленинградского Института славяноведения АН СССР (1931–1934). Начало этому процессу было положено в 1979 г. исследованием К. И. Логачева, рассмотревшим деятельность ленинградского Инслава в контексте первого этапа становления и развития советского славяноведения (1917–1934). Последовавшие затем архивные разыскания М. А. Робинсона, Е. П. Аксеновой и др. позволили значительно расширить проблемное поле исследований, в ходе которых были выявлены и проанализированы структура, персональный состав Института, основные принципы и результаты его научной и научно-педагогической работы, причины его ликвидации. Подчеркивая очевидные успехи, достигнутые в деле изучения истории ленинградского периода Института славяноведения, следует отметить, что более пристального внимания ожидает исследование академического славяноведения XX в. как единого целого. Это: ленинградский Инслав, сектор славяноведения в ЛОИИ АН СССР (1938), сектор славяноведения в Институте истории АН СССР (1939), Институт славяноведения АН СССР (1947), включая ленинградскую группу Инслава (1950), особенно учитывая, что во главе ленинградских академических структур стоял один и тот же человек, академик Н. С. Державин.

Ключевые слова

*Н. С. Державин, советское славяноведение в 1931–1934 гг.,
Институт славяноведения.*

В минувшем 2022 г. Институт славяноведения Российской академии наук отметил 75-летний юбилей. Свой отсчет времени Инслав ведет¹ от датированного 20 сентября 1946 г. Постановления Президиума АН СССР, предусматривавшего **создание** Института славяноведения в Москве при Отделении исторических наук АН СССР², которому предстояло заняться научной разработкой истории, языка и культуры славянских народов, а также подготовкой квалифицированных специалистов-славяноведов³.

Вместе с тем, памятуя о ленинградском Институте славяноведения АН СССР, период существования которого оказался чрезвычайно краток (1931–1934), в настоящее время принято считать, что в 1947 г. Институт славяноведения АН СССР был именно **воссоздан**. Это обстоятельство акцентируется, в частности, в статье К. В. Никифорова, приуроченной к 70-летию Института славяноведения РАН, где немало места (во всяком случае, по сравнению со статьей по случаю 65-летия Института⁴) было уделено ленинградскому периоду деятельности Института славяноведения⁵.

Таким образом, была отдана дань предшественникам, внесшим посильный вклад в становление и развитие отечественного

---

1 О предшествовавших постановлению Президиума Академии наук решениях, в частности принципиальном решении Президиума АН СССР от 30 мая 1946 г. и постановлении Совета Министров СССР о создании Института славяноведения, см.: *Аксенова Е. П.* 50 лет Института славяноведения и балканистики РАН // *Славяноведение*. 1996. № 6. С. 26–44. Ср.: *Аксенова Е. П.* Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // *Институт славяноведения и балканистики РАН. 50 лет*. М., 1996. С. 33–62.

2 *Институт славяноведения и балканистики. 1947–1977 (справочно-информационный обзор)*. М., 1977. С. 3.

3 *Досталь М. Ю.* Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // *Славяноведение*. 1996. № 6. С. 22.

4 *Никифоров К. В.* Историческая славистика в системе Академии наук (к 65-летию Института славяноведения РАН) // *Славянский альманах* 2011. М., 2012. С. 14.

5 *Никифоров К. В.* Центру российской славистики — 70 лет // *Славянский альманах*. 2017. № 1–2. С. 13–15.

славяноведения в 1920–1930-е гг.⁶ Однако подобное толкование бывало в нашей литературе отнюдь не всегда: на протяжении долгого времени история ленинградского Института славяноведения оставалась в тени, будучи почти не связанной с историей послевоенного академического Института славяноведения. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к справочно-информационному обзору⁷, выпущенному в 1977 г. по случаю 30-летия Института славяноведения и балканистики АН СССР (наименование с 1968 по 1998 г.). «Краткая историческая справка»⁸, ставшая традиционным разделом в изданиях, приуроченных к очередному юбилею Института, не содержит даже краткого упоминания о существовании с 1931 по 1934 г. в Ленинграде Института славяноведения АН СССР. Такое замалчивание может иметь то объяснение, что Институт славяноведения в 1947 г. создавался⁹, как было зафиксировано в официальных документах, «на базе сектора славяноведения Института истории, сектора славянского языка Института русского языка и Славянской комиссии АН»¹⁰.

6 См. подробнее, например: *Аксенова Е. П.* «Изгнанное из стен Академии» (Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 69–71, 75; *Аксенова Е. П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000. С. 59–60. О стараниях Группы по языковедению и литературе по созданию Института славяноведения подробнее: *Робинсон М. А.* К истории создания Института славяноведения в Ленинграде (1931–1934 гг.) // Славянский альманах. 2004. М., 2005. С. 211–214, 218–220.

7 Институт славяноведения...

8 *Аксенова Е. П., Васильев С. В.* Краткая историческая справка // Институт славяноведения... С. 3–14.

9 В тексте некролога Н. С. Державина присутствует многозначительная оговорка по поводу того, что с 1947 г. Славянская научная комиссия «влилась во вновь созданный Институт славяноведения АН СССР», хотя о ленинградском Институте славяноведения речи не было. См.: *Николай Севастьянович Державин* // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 11. М., 1953. С. 85.

10 Из Протокола № 23 распорядительного заседания Президиума АН СССР от 20 сентября 1946 г. // *Досталь М. Ю.* Неизвестные документы... С. 22; *Аксенова Е. П.* 50 лет Института... С. 26. О протестах, с которыми выступили филологи, несогласные с ликвидацией Славянской комиссии в связи с предполагавшимся на рубеже 1920–1930-х гг. образованием Института славяноведения в Ленинграде, см. подробнее: *Робинсон М. А.* К истории создания... С. 217.

Что касается Славянской комиссии АН, в 1920–1930-х гг. имевшей непосредственное отношение к предыстории ленинградского Института славяноведения, то изучение обстоятельств, с ней связанных, тогда было еще впереди¹¹.

Не вызывает сомнения, что за тридцатилетие своей активной деятельности Институтом славяноведения Академии наук был не только накоплен значительный опыт в организации и проведении славистических исследований, но и собран внушительный багаж печатной продукции. Принимая во внимание, что 1971–1975 гг. были ознаменованы «значительными результатами по утверждению балканистики как комплексной науки»¹², сюжет, связанный с ленинградским периодом Института славяноведения, пожалуй, на самом деле заметно бы выбивался из общего контекста юбилейного отчета 1977 г. о достигнутых Институтом славяноведения и балканистики впечатляющих успехах. Хотя всего пятью годами ранее в «Краткой исторической справке» по случаю 25-летия Института славяноведения подчеркивалось, что «попытка создать специальный славистический центр была предпринята задолго до названной даты» (январь 1947 г.), после чего естественно следовала необходимая (поневоле лапидарная) информация о ленинградском Институте славяноведения (1931–1934) во главе с Н. С. Державиным¹³.

Уже на этом основании можно констатировать, что историография истории ленинградского Института славяноведения АН СССР складывалась несколько хаотично, временами ситуативно, в общем, не без трудностей. Но эти трудности лишь отчасти — и, конечно, весьма отдаленно — можно сравнивать с теми трудностями, точнее — испытаниями, которые выпали на долю отечественной славистики¹⁴, неизмеримо пострадавшей в период развернувшейся на рубеже 1920–1930-х гг. кампании против «реакционного панславизма» (славянская филология тогда была названа «лженаукой»¹⁵, а ряд славистов вскоре были подвергнуты арестам по прочим «делам»)...

В то же время, учитывая, что одной из задач, поставленных перед послевоенным академическим Институтом славяноведения,

---

11 Робинсон М. А. К истории создания...

12 Подробнее об этом: Институт славяноведения... С. 10–14.

13 Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971. С. 3.

14 Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.

15 Досталь М. Ю. Известные документы... С. 4.

была координация всесоюзных славистических исследований, вскоре становится очевидным, что «назрела необходимость создания группы Института славяноведения в Ленинграде»¹⁶.

Но, как известно, понадобился еще не один год, прежде чем, согласно постановлению Президиума Академии наук от 7 июня 1950 г., была создана ленинградская группа Института славяноведения АН СССР (как позднее будет отмечено, «активная деятельность группы продолжалась недолго»¹⁷), возглавляемая академиком Н. С. Державиным (1877–1953). Однако в «Краткой исторической справке» образца 1977 г. — в отличие от «Краткой исторической справки» 1971 г. — не сообщалось, что поставленный во главе ленинградской группы академик Н. С. Державин с 1931 по 1934 гг. был директором Института славяноведения АН СССР в Ленинграде.

Не будет большим преувеличением сказать, что начало изучению истории ленинградского Института славяноведения АН СССР было положено В. А. Дьяковым (1919–1995), когда он предложил своему ученику К. И. Логачеву новаторскую, ранее не привлекавшую специального внимания исследователей, тему диссертационного исследования, звучавшую следующим образом: «Первый этап развития советского славяноведения: Славистические учреждения Академии наук в 1917–1934 гг.»¹⁸. Отдельная глава диссертации К. И. Логачева была посвящена пусть весьма непродолжительной, но по-своему насыщенной научно-исследовательской и научно-педагогической работе Института славяноведения АН СССР в Ленинграде, во многом с акцентом на роли Н. С. Державина в становлении советского славяноведения в условиях жестких идеологических ограничений.

Попутно отметим, что спустя десятилетие свою версию характеристики научной деятельности Н. С. Державина и современного ему академического славяноведения представила Е. П. Аксенова¹⁹. После своей статьи 1990 г. исследовательница еще не раз обращалась

---

16 Институт славяноведения... С. 3; Ср.: Аксенова Е. П. 50 лет Института... С. 27; Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971. С. 5.

17 Аксенова Е. П. 50 лет Института... С. 27.

18 Логачев К. И. Первый этап развития советского славяноведения: Славистические учреждения Академии наук в 1917–1934 гг. Автореферат дисс. ... к. и. н. М., 1979.

19 Аксенова Е. П. «Изгнанное из стен Академии»... С. 69–81. Ср.: Николай Севастьянович Державин (1877–1953). К 140-летию со дня рождения. Каталог выставки (Серия «Славянский фонд». Вып. 5). СПб., 2018.

к судьбам академического славяноведения 1930–1940-х гг., не обходя вниманием ленинградский Институт славяноведения²⁰, а также судьбы отдельных его представителей²¹.

В историографии истории ленинградского Института славяноведения, которая в конце 1970-х гг. пребывала на стадии становления, К. И. Логачев во многом выступал пионером. Так, он настойчиво (надо полагать, не без влияния В. А. Дьякова) проводил мысль о том, что послевоенный Институт славяноведения АН СССР следует воспринимать преемником довоенного, ленинградского Института славяноведения. Сделав поправку на то, что избранный Логачевым термин («довоенный») вряд ли вполне удачен (хотя по смыслу верен), поскольку ленинградский Институт славяноведения был ликвидирован еще до середины 1930-х гг., следует отметить и другое наблюдение молодого ученого. Дело в том, что кропотливое изучение фондов Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР (ныне — СПбФ АРАН²²), касающихся истории Института славяноведения (1931–1934), позволило Логачеву сделать вывод, что «целый ряд проблем, работа над которыми разворачивалась в 1947–1957 гг., был намечен еще в программе работ Института довоенного»²³.

Даже если намеренно не стремиться удревнять историю Института славяноведения Академии наук, можно, наверное, задуматься над тем, чтобы ради подтверждения либо опровержения тезиса К. И. Логачева провести исследование составленных «на вырост»²⁴ планов академика Н. С. Державина, последовательно сравнивая их с теми, что были реализованы в академическом Институте славяноведения в 1947–1957 гг.

---

20 *Аксенова Е. П.* Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 83–93; *Аксенова Е. П.* Академическое славяноведение в предвоенный период (Документальные этюды из истории славяноведения в конце 1930-х — начале 1940-х годов) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века. М., 1992. С. 3–27; *Аксенова Е. П.* 50 лет Института славяноведения и балканистики РАН // Славяноведение. 1996. № 6. С. 26–44; *Аксенова Е. П.* Очерк 4. Институт славяноведения АН СССР // *Аксенова Е. П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.

21 См., например: *Аксенова Е. П., Горяинов А. Н., Молок Ф. А.* Константин Алексеевич Пушкаревич // Славяноведение. 1993. № 6. С. 84–97.

22 С декабря 2022 г. Читальный зал СПбФ АРАН возобновил обслуживание читателей, теперь — в новом здании.

23 *Логачев К. И.* Первый этап... С. 20.

24 *Аксенова Е. П.* Очерки из истории... С. 66.

Однако этот тезис, явно указывавший на высокую степень взаимозависимости двух академических институций (где история первого нуждалась в детальной разработке), действовавших на разных стадиях развития советской славистики, похоже, был воспринят коллегами без особого энтузиазма. Пожалуй, приходится признать, что ленинградский Институт славяноведения в контексте отечественного славяноведения XX в. как воспринимался ранее, так и теперь воспринимается несколько обособленно. Не без сожаления надо отметить, что весьма позитивная оценка недолгой и во многих отношениях небезуспешной деятельности ленинградского Института славяноведения²⁵, которая была дана в кандидатской диссертации К. И. Логачева, сразу не получила большого отклика в славистической среде и, соответственно, отнюдь не сразу явилась стимулом для дальнейшего развития историографии предмета. Прямым или косвенным подтверждением тому может служить, в частности, биобиблиографический словарь-справочник «Историки-слависты СССР», если точнее — предварявший его словарную часть содержательный очерк «Вклад советской науки в изучение истории зарубежных славян»²⁶. Что здесь, прежде всего, обращает на себя внимание?

Составители данного очерка, и среди них видим В. А. Дьякова²⁷, под научным руководством которого К. И. Логачевым было выполнено основательное исследование, касавшееся не только истории ленинградского Института славяноведения, но и положения отечественной славистики в целом, пребывавшей в послереволюционные годы в состоянии трансформации, сочли возможным ограничиться максимально кратким заявлением. Заявление сводилось всего лишь к констатации того, что на начальном этапе развития советского

---

25 См. подробнее о «Трудах Института славяноведения АН СССР» (Вып. I и II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1932, 1934): *Аксенова Е. П.* Очерки из истории... С. 77–85; *Робинсон М. А.* К истории создания... С. 229–234.

26 Вклад советской науки в изучение истории зарубежных славян // *Историки-слависты СССР. Биобиблиографический словарь-справочник.* М., 1981. С. 7–42.

27 В 1975 г. В. А. Дьяков возглавил созданное в Институте «специальное подразделение, занимавшееся историей славяноведения и в целом вопросами историографии». См.: *Никифоров К. В.* Историческая славистика... С. 18. Подробнее об этом: *Аксенова Е. П.* У истоков историографического направления (к истории создания в Институте славяноведения сектора историографии) // *Славянский альманах.* 2016. № 3–4. С. 397–411.

славяноведения «определенную роль» сыграл академический Институт славяноведения в Ленинграде²⁸. Уточнение этого лаконичного заключения, выразившееся в двух фразах: в Институте «изучались преимущественно проблемы современного славянства, вопросы новой истории славянских народов, а также история славистики. Указанные направления нашли отражение в двух томах “Трудов” института, вышедших в 1932–1934 гг.»²⁹, было способно дать только самое общее представление об Институте, сыгравшем «определенную роль». Еще большее недоумение вызывает последовавшее затем в очерке на удивление нейтральное по тональности сообщение, гласившее, что «новый импульс развитию славистических исследований на основе марксистско-ленинской теории дало принятое в 1934 г. постановление ЦК ВКП (б) и Совнаркома СССР “О преподавании гражданской истории в школах СССР”»³⁰.

При этом о ликвидации в том же 1934 г. ленинградского Института славяноведения не было ни слова. В то же время известие о создании в Институте истории АН СССР сектора славяноведения³¹ сопровождалось весьма оптимистичным комментарием: «С 1939 г. изучение славянской истории поднялось на новую ступень»³². Даже если бы у читателя возник вопрос, так ли было необходимо открывать сектор славяноведения в рамках Института истории АН СССР, ведь о закрытии Института славяноведения в Ленинграде сказано не было, этот вопрос так бы и остался без ответа. Причем, заявив о создании в 1939 г. сектора славяноведения в академическом институте в Москве, составители очерка сочли излишним здесь же сообщить, что годом ранее, в 1938 г. сектор славяноведения был открыт в Ленинградском отделении Института истории АН СССР.

Вместе с тем справедливости ради надо сказать, что настоятельная потребность прояснить историю ленинградского Института славяноведения становилась все ощутимее — по всему видно, старания К. И. Логачева даром не пропали. Так, с начала 1990-х гг. ленинградский Институт славяноведения все чаще оказывался в контексте разработки

---

28 Вклад советской науки... С. 8.

29 Там же.

30 Там же. С. 9.

31 Подробнее о секторе славяноведения см.: *Досталь М. Ю.* Сектор славяноведения Института истории АН СССР // *Славянский альманах* 2002. М., 2003. С. 253–290.

32 Вклад советской науки... С. 15.

истории отечественного славяноведения 1920–1930-х гг., а порой становился предметом специального исследования. Так что в настоящее время есть все основания говорить, что общая канва истории ленинградского Института славяноведения более или менее воссоздана, более или менее определены его место и роль в историографии истории отечественного славяноведения XX столетия. И, конечно, следует отметить, что главными летописцами ленинградского Института славяноведения по праву можно считать Елену Петровну Аксенову и Михаила Андреевича Робинсона. Благодаря их кропотливым архивным разысканиям — не в последнюю очередь, в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива академии наук — восстановлена череда событий, предшествовавших созданию, а затем связанных с деятельностью, пусть непродолжительной, Института славяноведения в Ленинграде. При этом ни Е. П. Аксенова, ни М. А. Робинсон, разумеется, не ограничивались исследованием исключительно ленинградского периода Института славяноведения, — они скорее вписывали историю ленинградского Института славяноведения в общий контекст истории отечественного (не обязательно советского) славяноведения, нередко выходя за пределы XX в., дабы найти наиболее удачный ракурс для сравнения попавшего в немилость «старого» славяноведения и его «нового» собрата³³.

Нельзя также не подчеркнуть, что немалую лепту в разработку истории ленинградского Института славяноведения как составной части отечественного славяноведения в свое время внесли М. Ю. Досталь, А. Н. Горяинов и другие сотрудники Института славяноведения Академии наук.

Несмотря на очевидные успехи в деле изучения истории ленинградского Института славяноведения (создается впечатление, что действовавший неполные три года Институт был возвращен из небытия), вряд ли можно считать, что теперь не осталось вопросов, что знатоки предмета достигли полного единодушия в расстановке акцентов и сошлись во мнениях, особенно что касается уровня исследований, проводимых в Институте. Показательна, например, оценка, данная некоторым его сотрудникам в монографии М. А. Робинсона со ссылкой на письмо П. А. Лаврова (1856–1929): «... вместе работать трудно

---

33 См. подробнее: Аксенова Елена Петровна // Сотрудники Института славяноведения Российской Академии наук. Биобиблиографический словарь. М., 2012. С. 15–17; Робинсон Михаил Андреевич // Сотрудники Института... С. 358–360.

с такими, как Держ[авин], Корабл[ев], которые заодно с-»³⁴. Весьма скептически отзывался о «слависте широкого профиля»³⁵ В. Н. Кораблеве (1873–1936), занимавшем в ленинградском Институте славяноведения должность научного сотрудника I разряда, Г. А. Ильинский (1876–1937), признаваясь в своем письме Б. М. Ляпунову (1862–1943): «В успехи занятий Кораблева славистикой я не верю»³⁶...

Так или иначе, приведенный ранее тезис К. И. Логачева о том, что «целый ряд проблем, работа над которыми разворачивалась в 1947–1957 гг., был намечен еще в программе работ Института довоенного»³⁷, требует верификации. Не исключено, что когда в своей статье 2005 г. М. А. Робинсон констатировал, что в «истории Института славяноведения остались вопросы, требующие ответа, а некоторые положения <...> нуждаются в уточнении и пересмотре»³⁸, он имел в виду, в том числе, этот тезис К. И. Логачева.

Казалось бы, теперь нам стали известны самые разные стороны проблемы, связанной с планами учреждения Института славяноведения, известно о сложностях организационного характера, которые сопровождали процесс формирования новой славистической институции, известно о содержании проектов создания Института и о приверженцах разных его версий — обстоятельства подобного рода максимально подробно изложены в трудах М. А. Робинсона. К настоящему времени сложилось достаточное представление о структуре Института и его сотрудниках, о поставленных перед Институтом задачах и результатах решения этих задач, что детально описано в работах Е. П. Аксеновой. Однако все это вместе взятое, тем не менее, не позволяет в полной мере представить картину институтской жизни и совместной работы малочисленного (сплоченного ли?) коллектива...

В ходе кропотливой реконструкции чрезвычайно краткого прошлого ленинградского Института славяноведения, в те годы, когда болезненно происходило утверждение «новой религии» вместо науки»³⁹, без должного внимания порой остаются судьбы самих

34 Робинсон М. А. Судьбы академической элиты... С. 46.

35 Аксенова Е. П. Очерки из истории... С. 66.

36 Робинсон М. А. Судьбы академической элиты... С. 47.

37 Логачев К. И. Первый этап... С. 20.

38 Робинсон М. А. К истории создания... С. 223–224.

39 Робинсон М. А. Слависты и «новая религия» вместо науки (1920-е — начало 1930-х годов) // Славянский альманах 2003. М., 2004. С. 204–243.

сотрудников Института, которых, как известно, было буквально наперечет, всего-то не более десяти душ. В этом смысле, наверное, следует признать целесообразным исследовательский подход, которого предпочитает придерживаться М. А. Робинсон, фокусируя внимание на человеке (например, в своих статьях о В. Н. Перетце)⁴⁰.

Явно недостаточно известно о том, какие взаимоотношения сложились между столь малочисленным коллективом и директором Н. С. Державиным, ведь, судя по всему, как раз по его замыслу «институт создавался как бы “на вырост”»⁴¹. Правда, времени на рост отпущено не было. И теперь остается все меньше уверенности в том, что в нашем распоряжении могут оказаться источники, которые бы позволили реконструировать научную повседневность ленинградского Института славяноведения. Тем более что необъяснимые проблемы обнаруживаются даже там и тогда, где, казалось бы, всё должно быть максимально выверено. Так, в некрологе Н. С. Державина нет ни строчки о ленинградском Институте славяноведения, о том, что он был его директором. Зато сказано, что, «учитывая его большие заслуги в развитии советского славяноведения»⁴², Н. С. Державин в 1931 г. был избран действительным членом Академии наук СССР (никак не связывая факт избрания с ожидавшейся Державиным со дня на день директорской должностью⁴³).

Если под историей ленинградского Института подразумевать историю идей и историю людей, возникает вопрос, по какой причине постепенно переставшая быть terra incognita история ленинградского Института славяноведения не повлекла за собой подобного же исследовательского интереса к истории сектора славяноведения, в 1938 г. созданного в Ленинградском отделении Института истории АН СССР. Приходится констатировать, что создание этого сектора до сих пор преподносится как свершившийся факт, так что остается довольствоваться лишь общими представлениями об изменившейся для советского славяноведения в конце 1930-х гг. ситуации, когда замещение

---

40 Робинсон М. А. Академик В. Н. Перетц — ученик и учитель // Славянский альманах 2002. М., 2003. С. 178–236; Робинсон М. А. Руководство В. Н. Перетца своими учениками в Киеве (после его переезда в Петроград) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 279–334.

41 Аксенова Е. П. Очерки из истории... С. 66–67.

42 Николай Севастьянович Державин // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. С. 84–86.

43 Робинсон М. А. К истории создания... С. 219, 222.

одной идеологии другой в основном было завершено, что обусловило создание славистического сектора в ЛОИИ.

Вместе с тем необходимо учитывать, что двое историков-полонистов из числа бывших сотрудников (не более десяти!) ленинградского Института славяноведения — М. В. Джервис-Бродский⁴⁴ (1899–1942) и У. А. Шустер⁴⁵ (1907–1997) — вошли в состав сектора славяноведения, который возглавил академик Н. С. Державин. Представить, что Державин оказался непричастен к подобному назначению, невозможно. Коллегой Джервиса-Бродского и Шустера по сектору славяноведения стала Л. В. Разумовская (1897–1969), работавшая в ЛОИИ с 1936 г. Впоследствии (с 1950 г.) Разумовская и Шустер были включены в ленинградскую группу Института славяноведения, воссозданного в Москве. Недаром В. Д. Королюк счел нужным подчеркнуть в некрологе, что Разумовская была старейшим сотрудником Института славяноведения АН СССР. Он будто связывал воедино весь период ее научной деятельности (а заодно ленинградской и московской славистики), напоминая, что как сотрудник ЛОИИ (с 1936 по 1950 гг.) она поддерживала научные контакты с московскими коллегами, и в частности с В. И. Пичетой, еще в бытность сектора славяноведения в составе Института истории АН СССР⁴⁶.

Обращает на себя внимание то, что долгое время было характерно и для советской славистики в целом: все трое — М. В. Джервис-Бродский, У. А. Шустер и Л. В. Разумовская — были полонистами. Что касается Джервиса-Бродского и Шустера, то впоследствии они не раз выступали соавторами. К слову сказать, другим соавтором Шустера однажды выступил В. И. Пичета (1878–1947): их совместная статья «Славяноведение в СССР за 25 лет» вошла в сборник 1942 г. «Двадцать пять лет исторической науки в СССР»⁴⁷.

44 *Ганелин Р. Ш.* М. В. Джервис (Бродский) — сотрудник Ленинградского отделения института истории // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 534–538.

45 Сначала Шустер был аспирантом Джервиса-Бродского, а после защиты диссертации вошел в немногочисленный штат ленинградского Института славяноведения. См.: *Аксенова Е. П.* Очерки из истории... С. 66–67.

46 *Королюк В. Д.* Любовь Вячеславовна Разумовская // Советское славяноведение. 1970. № 1. С. 134.

47 *Пичета В. И., Шустер У. А.* Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л., 1942. С. 222–235.

Отдельные штрихи к коллективному портрету ленинградских сотрудников Института славяноведения, вошедших затем в сектор славяноведения, понадобились для того, чтобы отметить безусловные заслуги Державина не только и не столько перед славяноведением, сколько перед конкретными людьми, своими коллегами и во многом единомышленниками. «Судите по делам их»... Понадобились ради того, чтобы признать очевидное — что академик Державин, в свое время вызывавший немало нареканий (зачастую справедливых) со стороны приверженцев старых академических традиций, в тяжелейших для Академии наук условиях сначала собрал (как сумел) в стенах ленинградского Института славяноведения вполне работоспособный коллектив, а затем, после закрытия (точнее ликвидации) Института, способствовал созданию в ЛОИИ сектора славяноведения. В результате были трудоустроены некоторые из бывших его сотрудников по Институту из числа тех, кому посчастливилось уцелеть в годы гонений. Одним из свидетельств энергичной деятельности коллектива ленинградских славистов, можно счесть два выпуска «Трудов Института славяноведения АН СССР», на страницах которых получили возможность печатать свои статьи как корифеи славяноведения, так и молодые слависты. Так, может, не настолько велика была пропасть, их разделявшая?

Кстати, завершая краткие заметки об эволюции изучения истории ленинградского Института славяноведения, даже точнее — об истории знакомства с ним коллег по славистическому цеху, несколько слов о стенах Института. Где же, собственно, — возникает вопрос — располагался этот Институт, краткий период существования которого в большей или меньшей степени заложил основы академического советского (отечественного XX столетия) славяноведения? (Недаром ведь теперь принято говорить о воссоздании Инслава в 1947 г., а не о создании нового Института.)

Если в поисках ответа на вопрос, где Институт располагался, обратиться к имеющейся (признаться, скудной) литературе, то можно не раз встретить утверждение, что кров Институту славяноведения обеспечила Библиотека Академии наук. Хотя добиться в БАН четкого ответа на вопрос, где же именно он располагался, не удалось. В то же время определенные сомнения вызывает и уверенное заявление З. К. Шановой⁴⁸, какое находим в ее статье с обнадеживающим

---

48 Зоя Кузминична Шанова — болгаристка, работает на кафедре славянской филологии СПбГУ, является главным организатором ежегодных Международных Державинских чтений.

названием «Институт славяноведения (1934–1934) в стенах Библиотеки Академии наук»⁴⁹. Ссылаясь на архивные документы СПбФ АРАН, З. К. Шанова пишет, что Институт действительно располагался в здании Библиотеки Академии наук. Добавляя при этом, что Инславу «были переданы вместе с необходимым штатным обслуживающим персоналом книгохранилище, читальный зал и справочно-библиографический отдел бывшего Славянского отделения Академической библиотеки»⁵⁰. Но где именно? Ответа нет. Как видно, придется смириться с тем, что более четких координат местонахождения Института в помещении БАН, вероятнее всего, выявить не удастся.

Между тем привлекает к себе внимание представленная в статье «Памятная записка» от 24 апреля 1934 г., которая была отправлена Н. С. Державиным непременно секретарю академику В. П. Волгину. Текст «Записки» обнаруживает, насколько твердую позицию занимал Н. С. Державин, несмотря на то, что судьба Института была к тому времени предрешена. И тем не менее Державин продолжал настаивать на том, что необходимо «сохранить временно в составе Академии наук хотя бы Кабинет славяноведения». Державин прямо и четко излагал последствия, которые окажутся в таком случае неизбежными. Он настойчиво разъяснял, что «с закрытием Инслава СССР действительно и надолго выпадает из международного культурного общения и обмена по линии славяноведных изучений, как он уже выпал по линии классической филологии, византиноведения и западноевропейских литератур и языков»⁵¹. Однако разъяснения действия не возымели. Известно, что 10 июня 1934 г. было вынесено постановление о ликвидации Института как самостоятельного учреждения. Тогда же было решено сохранить «особый кабинет по языкам и литературам и истории славянских стран в составе фундаментальной библиотеки Академии наук»⁵². Но Кабинет славяноведения, созданный сразу после ликвидации Инслава, «как последняя ячейка славяноведных изучений в АН и в СССР» просуществовал всего два года, в 1936 г. был закрыт и он⁵³...

---

49 Шанова З. К. Институт славяноведения (1934–1934) в стенах Библиотеки Академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 4 (52). С. 59–63.

50 Там же. С. 61.

51 Цит. по: Там же. С. 62.

52 Цит. по: Там же.

53 Там же. С. 63. Об этом см. также: Аксенова Е. П. Очерки из истории... С. 92–95.

Подводя промежуточные итоги, отметим, что с точки зрения перспективы дальнейших изысканий в сфере истории ленинградского периода Института славяноведения весьма плодотворным может оказаться изучение трудов, вышедших из-под пера его бывших научных сотрудников. Прежде всего это печатные (и не только) труды М. В. Джервиса-Бродского⁵⁴, последовательно проявлявшего интерес к одной из сложнейших проблем польской истории, к эпохе разделов Речи Посполитой и причинам ее падения. Небезынтересными могут быть наблюдения над творческим наследием У. А. Шустера, особенно учитывая его долгий путь в науке. Постепенное оживление в наши дни исследовательского интереса к аграрной (крестьянской) тематике лишней раз подталкивает к анализу трудов Л. В. Разумовской, признанного специалиста в этой области.

Что касается пересмотра и уточнения ряда положений (вспоминаем слова М. А. Робинсона), то это, пожалуй, в большей мере относится к творческому наследию Н. С. Державина. Любопытная деталь: в некрологе (в тексте которого по непонятной причине выпал период его директорства в Институте славяноведения) подчеркнуто, как в последние годы жизни он «показал пример критического отношения к своим работам», отправив в редакцию «Вопросов истории» письмо по поводу допущенных им ранее марровских ошибок⁵⁵...

Так что история ленинградского Института славяноведения (вобравшая в себя время и человека во времени) и приобретенный поколениями славистов опыт ее изучения способны доставить немало сюжетов для дальнейших изысканий, в том числе с использованием новейших подходов и методологических принципов.

Источники и литература

Аксенова Е. П. «Изгнанное из стен Академии» (Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы) // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 69–81.

Аксенова Е. П. Из истории советской славистики в 1930-е годы // Советское славяноведение. 1991. № 5. С. 83–93.

---

54 В Научно-историческом архиве СПбИИ РАН отложился фонд М. В. Джервиса-Бродского, но в настоящее он для использования недоступен.

55 Николай Севастьянович Державин // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. С. 85.

Аксенова Е. П. Академическое славяноведение в предвоенный период (Документальные этюды из истории славяноведения в конце 1930-х — начале 1940-х годов) // Славистика СССР и русского зарубежья 20–40-х годов XX века. Сб. статей и материалов / отв. ред. М. А. Робинсон. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. С. 3–27.

Аксенова Е. П., Горяинов А. Н., Молок Ф. А. Константин Алексеевич Пушкиревич // Славяноведение. 1993. № 6. С. 84–97.

Аксенова Е. П. 50 лет Института славяноведения и балканистики РАН // Славяноведение. 1996. № 6. С. 26–44.

Аксенова Е. П. Институт славяноведения и балканистики РАН за 50 лет (1947–1997). Краткий исторический очерк // Институт славяноведения и балканистики РАН. 50 лет. М.: Индрик, 1996. С. 33–62.

Аксенова Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М.: Институт славяноведения РАН, 2000. 222 с.

Аксенова Е. П. У истоков историографического направления (к истории создания в Институте славяноведения сектора историографии) // Славянский альманах. 2016. № 3–4. С. 397–411.

Вклад советской науки в изучение истории зарубежных славян // Историки-слависты СССР. Биобиблиографический словарь-справочник. М.: Наука, 1981. С. 7–42.

Ганелин Р. Ш. М. В. Джервис (Бродский) — сотрудник Ленинградского отделения института истории // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали / отв. ред. Р. Ш. Ганелин. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 534–538.

Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М.: Наука, 1971. 141 с.

Досталь М. Ю. Неизвестные документы по истории создания Института славяноведения АН СССР // Славяноведение. 1996. № 6. С. 3–25.

Досталь М. Ю. Сектор славяноведения Института истории АН СССР // Славянский альманах 2002. М.: Индрик, 2003. С. 253–290.

Институт славяноведения и балканистики. 1947–1977 (справочно-информационный обзор). М.: Наука, 1977. 116 с.

Королюк В. Д. Любовь Вячеславовна Разумовская // Советское славяноведение. 1970. № 1. С. 133–134.

Логачев К. И. Первый этап развития советского славяноведения (славистические учреждения Академии наук в 1917–1934 гг.). Автореферат дисс. ... к. и. н. М., 1979.

Никифоров К. В. Историческая славистика в системе Академии наук (к 65-летию Института славяноведения РАН) // Славянский альманах 2011. М.: Индрик, 2012. С. 14–31.

Никифоров К. В. Центру российской славистики — 70 лет // Славянский альманах. 2017. № 1–2. С. 13–26.

Николай Севастьянович Державин (1877–1953). К 140-летию со дня рождения. Каталог выставки (Серия «Славянский фонд». Вып. 5). СПб.: БАН, 2018. 63 с.

Николай Севастьянович Державин // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 11. М., 1953. С. 84–86.

Пичета В. И., Шустер У. А. Славяноведение в СССР за 25 лет // Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1942. С. 222–235.

Робинсон М. А. Академик В. Н. Перетц — ученик и учитель // Славянский альманах 2002. М.: Индрик, 2003. С. 178–236.

Робинсон М. А. К истории создания Института славяноведения в Ленинграде (1931–1934 гг.) // Славянский альманах. 2004. М.: Индрик, 2005. С. 210–239.

Робинсон М. А. Руководство В. Н. Перетца своими учениками в Киеве (после его переезда в Петроград) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 279–334. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.02

Робинсон М. А. Слависты и «новая религия» вместо науки (1920-е — начало 1930-х годов) // Славянский альманах 2003. М.: Индрик, 2004. С. 204–243.

Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 432 с.

Сотрудники Института славяноведения Российской Академии наук. Библиографический словарь / отв. ред. М. А. Робинсон, А. Н. Горяинов. М.: Индрик, 2012. 528 с.

Шанова З. К. Институт славяноведения (1934–1934) в стенах Библиотеки Академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 4 (52). С. 59–63.

References

Aksenova, E. P. “Akademicheskoe slavianovedenie v predvojnyy period (Dokumental'nye etudy iz istorii slavianovedeniia v kontse 1930-kh — nachale 1940-kh godov).” *Slavistika SSSR i russkogo zarubezh'ia 20–40-kh godov XX veka*. Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN, 1992, pp. 3–27.

Aksenova, E. P. “Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN za 50 let (1947–1997). Kratkii istoricheskii ocherk.” *Institut slavianovedeniia i balkanistiki RAN. 50 let*. Moscow: Indrik, 1996, pp. 33–62.

Aksenova, E. P. “Iz istorii sovetskoi slavistiki v 1930-e gody.” *Sovetskoe slavianovedenie*, 1991, no. 5, pp. 83–93.

Aksenova, E. P. “«Izgnannoe iz sten Akademii» (N. S. Derzhavin i akademicheskoe slavianoovedenie v 30-e gody).” *Sovetskoe slavianoovedenie*, 1990, no. 5, pp. 69–81.

Aksenova, E. P. *Ocherki iz istorii otechestvennogo slavianoovedeniia. 1930-e gody*. Moscow: Institut of Slavic Studies of the RAS, 2000, 222 p.

Aksenova, E. P. “U istokov istoriograficheskogo napravleniia (k istorii sozdaniia v Institute slavianoovedeniia sektora istoriografii).” *Slavianskii al'manakh*, 2016, no. 3–4, pp. 397–411.

Aksenova, E. P. “50 let Instituta slavianoovedeniia i balkanistiki RAN.” *Slavianoovedenie*, 1996, no. 6, pp. 26–44.

Aksenova, E. P., Goriainov, A. N., Molok, F. A. “Konstantin Alekseevich Pushkarevich.” *Slavianoovedenie*, 1993, no. 6, pp. 84–97.

Dostal', M. Ju. “Neizvestnye dokumenty po istorii sozdaniia Instituta slavianoovedeniia AN SSSR.” *Slavianoovedenie*, 1996, no. 6, pp. 3–25.

Dostal', M. Ju. “Sektor slavianoovedeniia Instituta istorii AN SSSR.” *Slavianskii al'manakh 2002*. Moscow: Indrik, 2003, pp. 253–290.

Dvadsat' piat' let deiatel'nosti Instituta (1947–1972). Moscow: Nauka, 1971, 141 p.

Ganelin, R. Sh. “M. V. Dzhervis (Brodskii) — sotrudnik Leningradskogo otdeleniia instituta istorii.” *Otechestvennaia istoriia i istoricheskaiia mysl' v Rossii XIX–XX vekov. Sbornik statei k 75-letiiu Alekseia Nikolajevicha Camutali*. St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2006, pp. 534–538.

Institut slavianoovedeniia i balkanistiki. 1947–1977 (spravochno-informatsionnyi obzor). Moscow: Nauka, 1977, 116 p.

Koroliuk, V. D. “Liubov' Viacheslavovna Razumovskaia.” *Sovetskoe slavianoovedenie*, 1970, no. 1, pp. 133–134.

Logachev, K. I. *Pervyi etap razvitiia sovetskogo slavianoovedeniia (slavisticheskie uchrezhdeniia Akademii nauk v 1917–1934 gg.)*. Avtoreferat diss. ... k. i. n. Moscow, 1979.

Nikiforov, K. V. “Istoricheskaiia slavistika v sisteme Akademii nauk (k 65-letiiu Instituta slavianoovedeniia RAN).” *Slavianskii al'manakh 2011*. Moscow: Indrik, 2012, pp. 14–31.

Nikiforov, K. V. “Tsentru rossiiskoi slavistiki — 70 let.” *Slavianskii al'manakh*, 2017, no. 1–2, pp. 13–26.

Nikolai Sevast'ianovich Derzhavin (1877–1953). K 140-letiiu so dnia rozhdeniia. Katalog vystavki (Seriia “Slavianskii fond”). Vyp. 5. St Petersburg: BAN, 2018, 63 p.

“Nikolai Sevast'ianovich Derzhavin.” *Kratkie soobshcheniia Instituta slavianoovedeniia AN SSSR*. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1953, pp. 84–86.

Picheta, V. I., Shuster, U. A. “Slavianoovedenie v SSSR za 25 let.” *Dvadsat'*

piat' let istoricheskoi nauki v SSSR. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1942, pp. 222–235.

Robinson, M. A. “Akademik V. N. Peretts — uchenik i uchitel'.” *Slavianskii al'manakh 2002*. Moscow: Indrik, 2003, pp. 178–236.

Robinson, M. A. “K istorii sozdaniia Instituta slavianovedeniia v Leningrade (1931–1934 gg.)” *Slavianskii al'manakh 2004*. Moscow: Indrik, 2005, pp. 210–239.

Robinson, M. A. “Rukovodstvo V. N. Perettsa svoimi uchenikami v Kieve (posle ego pereezda v Petrograd).” *Slavianskii al'manakh*, 2022, no. 3–4, pp. 279–334. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.02

Robinson, M. A. “Slavisty i «novaia religiiia» vmesto nauki (1920-e — nachalo 1930-kh godov).” *Slavianskii al'manakh 2003*. Moscow: Indrik, 2004, pp. 204–243.

Robinson, M. A. *Sud'by akademicheskoi elity: otechestvennoe slavianovedenie (1917 — nachalo 1930-kh godov)*. Moscow: Indrik, 2004, 432 p.

Shanova, Z. K. “Institut slavianovedeniia (1934–1934) v stenakh Biblioteki Akademii nauk.” *Peterburgskaia bibliotechnaia shkola*, 2015, no. 4 (52), pp. 59–63.

Sotrudniki Instituta slavianovedeniia Rossiiskoi akademii nauk. Biobibliograficheskii slovar'. Moscow: Indrik, 2012, 528 p.

“Vklad sovetskoii nauki v izuchenie istorii zarubezhnykh slavian.” *Istoriki-slavisty SSSR. Biobibliograficheskii slovar'-spravochnik*. Moscow: Nauka, 1981, pp. 7–42.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.4.02

L. M. Arzhakova

The Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences in Leningrad (on the history of the research)

Larisa M. Arzhakova

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: larjak@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8260-4101

Citation

Arzhakova L. M. The Institute of Slavic Studies of the Academy of Sciences in Leningrad (on the history of the research) // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 369–388 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.4.02

Received: 07.03.2023.

Abstract

The article presents the evolution in the research on the history of the Institute of Slavic Studies (Academy of Sciences of the USSR) in Leningrad (1931–1934). This process began in 1979 with a study by K. I. Logachev, who focused on the activities of the Institute of Slavic Studies in Leningrad in the context of the first stage of the formation and development of Slavic Studies in Soviet Russia (1917–1934). Subsequent archival investigations by M. A. Robinson, E. P. Aksenova, and others have considerably expanded the field of research, during which the structure, the staff of the Institute, the basic principles and results of its academic and pedagogical work, and the reasons for its liquidation have been revealed and analyzed. While stressing the obvious advances made in the study of the history of the Leningrad period of the Institute of Slavic Studies, it should be noted that the analysis of the academic Slavic Studies in the 20th century as a whole awaits more careful attention. The main organizations that worked in this field were the Institute of Slavic Studies in Leningrad; the Department of Slavic Studies at the Leningrad Branch of the Institute of History, Academy of Sciences of the USSR (1938); the Department of Slavic Studies at the Institute of History, Academy of Sciences of the USSR (1939); the Institute of Slavic Studies, Academy of Sciences of the USSR (1947), including the Leningrad group of the Institute (1950). The integral approach especially makes sense, considering that the same person, the member of the Academy N. S. Derzhavin, was the head of the academic structures in Leningrad.

Keywords

N. S. Derzhavin, Soviet Slavic Studies, 1931–1934, The Institute of Slavic Studies.

УДК 94(47).05
DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.01

К. А. Кочегаров

**Новые документы о жизни бывшего гетмана
Петра Дорошенко в России.
Материалы из записной книги Малороссийского приказа.
1691–1696 гг.**

Кочегаров Кирилл Александрович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9877-7381

Цитирование

Кочегаров К. А. Новые документы о жизни бывшего гетмана Петра Дорошенко в России. Материалы из записной книги Малороссийского приказа. 1691–1696 гг. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 389–409. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.01

Статья поступила в редакцию 21.01.2023.

Аннотация

Публикуемый документ значительно дополняет и расширяет наши сведения о московском периоде жизни известного политического и военного деятеля Правобережной Украины — гетмана Петра Дорошенко, который в 1676 г. капитулировал перед войском князя Г. Г. Ромодановского и левобережного гетмана Ивана Самойловича, выдал знаки гетманской власти и был под конвоем препровожден в Москву. В столице Дорошенко был пожалован двор, а в Подмоскovie — богатое дворцовое имение Ярополец. В записной книге судных дел Малороссийского приказа сохранилось немало записей за 1691–1696 гг. о содержании различных документов, касающихся главным образом исков, поданных против Дорошенко. Эти документы очерчивают характер тех конфликтов, которые существовали между бывшим гетманом и соседними подмосковными помещиками (владение спорными землями, укрывательство беглых крестьян), а также дают представление о его взаимодействии с волоколамскими воеводами и имущественных отношениях с другими представителями дворянского сословия.

Ключевые слова

П. Д. Дорошенко, Малороссийский приказ, Яропolec, русско-украинские отношения, приказное судопроизводство.

В последние годы историческая наука значительно продвинулась в реконструкции жизни гетмана Петра Дорошенко в русском государстве после его отречения от гетманства на Правобережной Украине в 1676 г. Изучение подробностей жизни Дорошенко в период конца 1670-х — 1680-х гг. не только дает нам любопытные подробности биографии этого крупного военно-политического деятеля эпохи Руины, ценные сами по себе, но и позволяет сделать важные наблюдения касательно конкретной практики царского правительства по нейтрализации своих политических противников путем принудительной интеграции их в ряды русского господствующего класса¹. В ходе одного из указанных исследований, среди прочего, были введены в оборот столбцы, касающиеся судебных дел бывшего гетмана, сохранившиеся в составе описи № 5 фонда 229 (Малороссийский приказ) Российского государственного архива древних актов². Они вместе с другими делами были выделены из россыпи и описаны сотрудниками архива в 1960–1970-х гг.³

Новые материалы, относящиеся к судебным делам Петра Дорошенко за 1690-е гг., как уже известным, так и неизвестным ранее,

---

1 *Таирова-Яковлева Т. Г.* Отправка бывшего гетмана Петра Дорошенко в Москву // *Terra Cossacorum: студії з давньої і нової історії України. Науковий збірник на пошану доктора історичних наук професора Валерія Степанкова* / відп. ред. В. А. Смолій. Київ, 2007. С. 223–232; *Кочегаров К. А.* Гетман Петр Дорошенко в России. 1677–1682 // *Кочегаров К. А.* Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М., 2019. С. 250–273; *Кочегаров К. А.* Гетман Петр Дорошенко как великороссийский помещик // Там же. С. 280–355. В ближайшее время в Вятке должна также выйти статья Н. Е. Завойской «Гетман Петр Дорошенко на Вятском воеводстве» (благодарю автора за возможность ознакомиться с рукописью).

2 *Кочегаров К. А.* Гетман Петр Дорошенко как великороссийский помещик. С. 280–355.

3 *Эскин Ю. М.* Архив Малороссийского приказа. История описания // *Малороссийский приказ. Описи фонда № 229 Российского государственного архива древних актов* / отв. ред. Т. Г. Таирова-Яковлева. М., 2012. С. 12.

были обнаружены в записной книге «челобитным и приставным памятям», сохранившейся в фонде 137 РГАДА («Боярские и городовые книги») в разделе «Посольский приказ» первой описи. В книгу первоначально заносились документы, связанные с судебными делами Донского монастыря (отсюда заголовок, данный составителями: «Книга записная 198-го году челобитным и приставным памятям Донскаго монастыря»⁴), а затем — материалы судебных дел, которые разбирал Малороссийский приказ. Среди них записи о содержании подлинных челобитных, приставных памятей, сказок, поручных записей, касающиеся судебных тяжб, которые велись от имени П. Д. Дорошенко, либо иных претензий юридического характера в адрес бывшего гетмана за 1691–1696 гг. Как видно, в этот период, после короткого времени, когда Дорошенко был подсуден Приказу Великой России⁵, его дела вновь рассматривались Малороссийским приказом. Представителем (стряпчим) гетмана по ним неизменно выступал Иван Ляпунов («человек, которой за дела ходит»), помогал ему, видимо по причине неграмотности, Матюшка Соколов.

Некоторые материалы книги касаются двух уже известных тяжб П. Д. Дорошенко с окольным Ф. Т. Зыковым и князем И. С. Шаховским. В первом случае дело шло о возврате укрывшегося в вотчине Дорошенко беглого крестьянина Анисима Евдокимова⁶, который был «вынят», отправлен во Владимирский судный приказ в Москву и отдан «на росписку человеку» Зыкова. Однако в том, что касалось пожилых денег за период, который беглец жил в Ярополецкой вотчине, и избения искавшего его П. Буслаева, слуги окольного Зыкова, дело тянулось далее, о чем свидетельствует ряд записей. Более того, Зыков, судя по всему, предъявил права и на тещу Евдокимова — крестьянку Катерину Данилову с детьми Ганкой и Стенькой. От Дорошенко требовали «посавить» их «к розыску». В обеспечение этого иска приказные приставы

---

4 Позднее, уже, видимо, в XVIII в., книге был дан еще один, более точный заголовок: «Со 197 по 205 год. Посольского приказу записная всяким челобитным делам и приставным памятям, тут же Донскаго и протчих монастырей челобитным» (РГАДА. Ф. 137. Посольский приказ. Кн. 10. Л. 2). Если же исходить из содержания, то перед нами записная книга Малороссийского приказа, который был подчинен Посольскому. Так она и именуется в настоящей статье.

5 Кочегаров К. А. Гетман Петр Дорошенко как великороссийский помещик. С. 286–287.

6 См. подробнее: Там же. С. 312–316.

Константин Алексеев и Иван Башмаков арестовали у московского двора Дорошенко одного из его людей, некоего Афоньку Самойлова (записи № 8, 10, 15, 16). Дело Дорошенко с князем Иваном Шаховским о спорной пустоши Алексейково тянулось с сентября 1689 г. Шаховской обвинял крестьян Дорошенко в захвате земли, ведении на ней хозяйственной деятельности и требовал компенсации убытков в размере 350 руб. Судебное заседание по этому делу состоялось в декабре 1692 г.⁷ В августе — сентябре того же года ему предшествовала выдача приставной памяти в отношении стряпчего Дорошенко — Ивана Ляпунова и составление поручной записи о его явке в суд (записи № 17, 18, 19).

Другие записи в книге № 10 свидетельствуют о неизвестных ранее столкновениях Дорошенко с подмосковными помещиками. Один из них, Иван Сосницкий, обвинял бывшего гетмана в укрывательстве беглого крестьянина Гришки Никифорова. Крестьянин был возвращен, но Сосницкий еще пытался отсудить пожилые деньги. В ноябре 1691 г. истец и ответчик договорились о переносе разбирательства на 8, а затем на 11 января 1692 г., а затем и вовсе заключили внесудебное соглашение (записи № 1, 4, 5). Помещик Антон Данилов сын Губин судился с Дорошенко из-за «свозного сена», которое крестьяне бывшего гетмана якобы похитили из его имения. Стоимость похищенного оценивалась истцом в 70 руб. с полтиной. В ноябре 1692 г. дело было «отсрочено» до 20 декабря, затем судебное заседание по обоюдному согласию перенесли еще на два дня (записи № 2 и 3). А. Д. Губин предъявлял претензии и по поводу захвата крестьянами принадлежавшей Дорошенко деревни Телегино его «поместной пустоши» Гилдыкино в Клинском уезде с санными покосами и лесными угодьями. С целью возмещения причиненных убытков он 4 июля 1692 г. подал иск против Дорошенко на 85 руб. с полтиной (запись № 14). Окончание обоих указанных дел остается неизвестным. Дьяк Каменного приказа Иван Климентьев сын Владиславлев (умер ок. 1696 г.)⁸ обвинял крестьян бывшего гетмана из деревни Кузяево «в насилном земляном владеньи» принадлежавшей ему пустошью Чирьево в Сологинской волости Клинского уезда. Спорная земля была захвачена якобы еще в марте 1689 г., но иск от имени дьяка о ее возвращении и взыскании убытков в размере 166 руб. с полтиной был подан только в феврале 1692 г. 6 мая того же года заседание по делу было отсрочено

⁷ Там же. С. 321–322.

⁸ См. о нем: *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник / отв. сост. Г. А. Иванова. М., 2011. С. 115.

на 14 мая, а затем сдвинуто еще на десять дней и наконец перенесено аж на 9 сентября 1692 г. (записи № 7, 9, 11, 12, 13). В 1693 г. крупный землевладелец, боярин князь В. Д. Долгоруков подал против Дорошенко иск в Московский судный приказ с требованием выдачи его беглой крестьянки Марины и всей ее семьи — мужа, сына и дочери с зятем. В обеспечение иска по приставной памяти в Москве был арестован человек Дорошенко Федор Хижняк (судя по фамилии, выходец с Украины). 3 ноября 1693 г. бывший гетман подал челобитную с просьбой перенести дело из Московского судного приказа в Малороссийский приказ, освободив из-под стражи его подданного. Ведомство, которому был подсуден Дорошенко, истребовало и получило дело 10 ноября, но Хижняк остался сидеть «за решеткой», пусть теперь уже в Приказе Малой России (запись № 21).

Административно-хозяйственная деятельность Дорошенко в пожалованной ему Ярополецкой волости нередко приводила к столкновениям и конфликтам с волоколамскими воеводами. Гетман при этом апеллировал к своей неподсудности воеводскому суду и во всех известных случаях требовал переноса разбирательства в Москву. По его требованию из столицы в Волоколамск высылались грамоты «с прочетом», запрещавшие местным воеводам вмешиваться в дела хозяина Яропольца. Дорошенко широко пропагандировал это свое право, распорядившись читать соответствующие объявления в центре своей вотчины по торговым дням⁹. Однако с назначением нового воеводы ему нередко приходилось возобновлять хлопоты, чтобы напомнить местной администрации о своем судебном иммунитете. 24 февраля 1692 г. бывший гетман подал челобитную в Малороссийский приказ с жалобой, что очередной воевода Волоколамска — Дмитрий Коровин — проигнорировал посланные к нему аж три царских грамоты «с прочетом», запрещавшие ему «ведать» людей и крестьян Дорошенко «судом и расправою». В связи с какими-то неизвестными нам делами Коровин посылал в имение бывшего гетмана своих людей, которые якобы «деревни ево разорили без остатку и людей ево, и крестьян многих перебили и перерубили, и многие животы побрали». Дорошенко заявлял, что намерен судиться с Д. Коровиным о возмещении убытков, после того как тот «будет с Волока Ламского переменен» (запись № 6).

Особняком стоят две записи челобитных, касающиеся операций П. Д. Дорошенко и его супруги, Агафьи Борисовны (в девичестве — Еропкиной) с движимым имуществом. 15 декабря 1692 г.

---

⁹ См. подробнее: *Кочегаров К. А.* Гетман Петр Дорошенко как великороссийский помещик. С. 284–287.

на Дорошенко бил в приказ челом лекарь Роман Николаев сын Петелинг (немец на русской службе, между прочим лечивший в 1688 г. гетмана И. С. Мазепу¹⁰). Согласно его челобитной, в 198 (1689/1690) г. Агафья Дорошенко приобрела у супруги лекаря немецкие полотна, золотые кружева и ленты на 75 руб. с лишним, отдав вместо денег в залог шубу и серьги. Прошло два года, Агафья не выкупала заложенное имущество, и теперь Петелинг официально сообщал о намерении реализовать его, чтобы покрыть хотя бы часть понесенных расходов. В случае недостачи он собирался подавать против Дорошенко и его жены иск о выплате остальных денег (запись № 20). 14 июля 1696 г., за два с небольшим года до смерти старого гетмана, в приказ подал челобитную стряпчий боярина Б. Г. Юшкова Ефимко Кобяков. В 203 (1694/1695) г. Дорошенко заложил его хозяину другую шубу своей жены Агафьи. Деньги бывший гетман вернуть не смог или не хотел, и в 1696 г. стороны договорились, что Юшков возьмет в вотчине Дорошенко «хлебом против закладу». Последнему была выдана расписка, что «тот заклад отдать ему, Петру, на Москве». То есть стороны договорились, что Юшков, получив выданную под залог сумму хлебом, вернет заложенную шубу позже. Но Дорошенко не шел на контакт и по каким-то причинам отказывался принимать ее обратно. Это встревожило Кобякова, и он на всякий случай подал в приказ челобитную с разъяснениями, что не понимает, по какой причине бывший гетман не желает взять обратно выкупленный заклад (запись № 22). Свидетельствовали ли две указанные записи о финансовых проблемах семьи Дорошенко в последние годы его жизни либо нежелание бывшего гетмана выкупать заложенные вещи имело конкретные практические мотивы, до конца не ясно. Так или иначе, документальное свидетельство о его отношениях с боярином Б. Г. Юшковым является на сегодняшний день самым поздним упоминанием о П. Д. Дорошенко в актовых материалах русского делопроизводства.

В публикации приведены все двадцать две записи книги № 10, которые касаются П. Д. Дорошенко. Они даны без заголовков, с одной архивной легендой в конце, но пронумерованы для лучшей ориентации в материале. Передача текста осуществлена с опорой на рекомендацию «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

---

¹⁰ *Станіславський В.* Лікарі Івана Мазепи // Сіверянський літопис. 2009. № 6. С. 77. Текст этот включен в обширное предисловие к изданным автором письмам И. С. Мазепы. См.: *Листи Івана Мазепи. Т. 2. 1691–1700 / упор. та авт. вступн. дослідж. В. Станіславський.* Київ, 2010. С. 249–250.

[№ 1]

(л. 37 об.) 7200-го ноября в 7 день били челом великим государем Иван Сосницкой да Петров человек Дорошенка Ивашко Ляпунов. В нынешнем двусотом году октября в четвертый на десят день по ево, Иванову, челобитью Сосницкого собрана по нем, Ивашке, в ыску ево в пожилых денгах за беглова ево крестьянина за Гришку Никифорова¹¹. И он де, Иван, поговоря полюбовно, не дожидаясь по той поручной записи месячного сроку, отсрочили генваря до осмаго числа нынешняго ж двусотого, а хто из них на тот вышеписанной срок к суду не станет, и тот без суда виноват.

(л. 38) И великие государи пожаловали б их, велели челобитье их записать.

На той челобитной помета дьяка Василья Посникова такова: 7200-го ноября в 7 день записать челобитье, освидетельствовав челобитчиковы руки допросом.

Да к той челобитной Микита Тавалов вместо Ивана Сосницкова по ево веленью руку приложил.

А вместо Петра Дорошенка человек ево Матюшка Соколов вместо человека ж ево Ивашки Ляпунова по ево веленью руку приложил.

[№ 2]

(Л. 38) 7200-го ноября в 25 день в Приказе Малыя России перед думным дьяком перед Емельяном Инатъевичем Украинцовым с товарищи истец Антон (л. 38 об.) Данилов сын Губин, ответчик Петра Дорошенка человек Ивашко Ляпунов сказали, что они по порушной записи, какова собрана по нем, Ивашке, в ыску ево Антонове, в свозном сене по цене в семидесят рублех с полтиною, став к суду, отсрочили декабря до двадесятого числа нынешняго ж 200-го году. А буде кто из них того 20-го числа к суду не станет, и тот из них виноват по указу великих государей и по новоуказным статьям.

На той скаске помета дьяка Андрея Виниюса: записать в книгу и взять к делу.

(Л. 39) Да к той скаске вместо Антона Губина сын ево Алексей Губин руку приложил.

А вместо Петрова человека Дорошенка Ивашки Ляпунова ево ж, Петров человек Дорошенка, Матюшка Соколов руку приложил.

---

¹¹ Возможно, пропущено словосочетание «поручная запись».

[№ 3]

(Л. 41) 7200-го декабря в 21 день в Приказе Малыя Росии перед думным дьяком перед Емельяном Игнатъевичем Украинцовым с товарищи истец Антон Данилов сын Губин, ответчик Петра Дорошенка человек Ивашко Ляпунов сказали, что они по пору[чной]¹² своей скаске в ыску ево, Антонове, в свозном сене по цене в семидесят рублех с полтиною, став к суду, отсрочили декабря до двадесят втораго числа нынешняго 200-го году, а буде кто из них того 22-го числа к суду не станет, и тот из них виноват по указу великих государей указы¹³ и по новоуказным статьям.

На той скаске помета дьяка Андрея Виниюса: записать в книгу и взять к делу.

Да к той скаске вместо отца своего, Антона Даниловича, сын ево, Алексей Губин, руку приложил. Да к той же скаске Петра Дорошенка человек ево, Матюшка Соколов, вместо человека ж ево, Ивашки Ляпунова, по ево веленью руку приложил.

[№ 4]

(Л. 42) 7200-го генваря в 8 день бил челом великим государем Петр Дорошенко да Иван Сосницкой. В нынешнем де в 200-м году собрана по человеку ево, по Ивашке Ляпунове (л. 42 об.), по ево, Иванову, челобитью к суду поручная запись в ыску ево, Иванове, в пожилых денгах. И по той де поручной записи в месечное число человек ево Ивашка Ляпунов, с ним, Иваном, став к суду, отсрочили генваря 8-го числа нынешняго двусотого году. И ныне человек ево Ивашка Ляпунов и он, Иван, по той отсрочной челобитной став к суду, отсрочили генваря ж до первого на десят числа нынешняго году. А буде¹⁴ из них на тот вышеписанной срок не станет, и тот без суда виноват. И великие государи пожаловали б, велели челобитье их записать.

На челобитной помета дьяка Алексея Никитина: 200-го генваря в 8 день записать в книгу.

Да к той челобитной Петра Дорошенка человек ево Матюшка Соколов по приказу ево руку приложил.

Да к той же челобитной Яков Самарин вместо Ивана Сосницкого руку приложил.

12 Слово недописано.

13 Так в рукописи.

14 Возможно, пропущено слово «кто».

[№ 5]

(Л. 43) Генваря в 11 день¹⁵ били челом великим государем Петр Дорошенко да Иван Сосницкой. Бил челом им, великим государем, он, Иван, на него, Петра, за беглого своего крестьянина за Гришку Никифорова о пожилых денгах, и потому де ево челобитью собрана по ево, Петрове, человеке к суду поручная запись. И ныне они, поговоря меж себя полюбовно, в том деле меж себя, не ходя в суд, учинили зделку, и впредь им по тому делу великим государем друг на друга не бить челом.

И великие государи пожаловали б их, велели челобитье их записать. Да к той челобитной Петр Дорошенко руку приложил.

К той же челобитной Яков Самарин вместо Ивана Сосницкого по ево веленью руку приложил.

На той же челобитной помета дьяка Алексея Никитина такова: 200-го генваря в 11 день записать в книгу и допросить челобитчиков.

[№ 6]

(Л. 46 об.) Февраля в 24 день¹⁶ бил челом великим государем Петр Дорошенко. По их де, великих государей, указу дана ему их, великих государей, дворцовая Ерополчская волость, и той ево Ерополчской (л. 47) волости людей и крестьян ево судом и росправою и всякими делами на Волоку Ламском воеводам ведать не велено, и о том посланы на Волок Ламской к воеводе к Дмитрею Коровину ис Приказу Малыя Росии их, великих государей, три грамоты с прочетом, а судом и росправою и всякими делами велено ведать в Приказе Малыя Росии. И затем де их, великих государей, указом и за грамотами он, воевода Дмитрий Коровин, посылал многожды в деревни ево, и посыльные люди по тем ево воеводским посылкам деревни ево разорили без остатку и людей ево и крестьян многих перебили и перерубили, и многие животы побрали. И великие государи пожаловали б ево, велели челобитье ево записать. А как он, воевода Дмитрий Коровин, будет с Волока Ламского переменен, и он де о том людей своих и крестьян разоренье на него, Дмитрея, что он, Дмитрий, посылал в деревни ево за их, великих государей, указом и за грамотами, будет им, великим государем, бить челом.

На челобитной помета дьяка Алексея Никитина: 200-го февраля в 26 день записать в книгу.

---

15 1692 г.

16 1692 г.

[№ 7]

(Л. 47 об.) 200-го февраля в 29 день дана приставная память приставу Ивану Башмакову Петра Дорофеева сына Дорошенка по человеку ево, которой за дела ходит, от дьяка от Ивана Климонтова сына Владиславлева в насилном земляном владенье, что завладели крестьяне ево Волоцкого уезду Ерополческой волости деревни Кузыевой Ивашко Фатеев, Федка Семенов сын Пуза, Федка Григорьев прозвище Козел с товарищи Клинского уезду Сологинской волости помесную ево землю пустошью Чирьевою со 197-го году марта с третьяго числа по нынешней 200-й год февраля по 29 число по цене во сте во штидесят во шти рублех с полтиною по челобитной к суду. Подписана.

[№ 8]

(Л. 48) Марта в 18 день¹⁷ дана приставная память приставу Ивану Башмакову Петра Дорофеева сына Дорошенка по человека ево, которой за дела ходит, от околничего Федора Тихановича Зыкова беглово крестьянина Дмитревской ево вотчины селца Хметева Анисимки Овдокимова, которой крестьянин у него, Петра, вынят в Волоцком уезде Ламского (л. 48 об.) в селе Ераполче и с отпискою с Волока Ламского прислан тот крестьянин з женою в Судной Володимерской приказ. А из Судного Володимерского приказу тот крестьянин отдан на росписку человеку ево в ево крестьянских животах и в пожилых денгах против указу великих государей и новоуказных статей со 192-го году по нынешней 200-й год да в бою и в увечье человека ево, Пронки Буслаева. По челобитной к суду та приставная память за рукою человека ево Ивашка Буянова. *Ся приставная память з [за]пискою¹⁸ сходна. Ивашка Буянов руку приложил¹⁹.*

Подписана.

[№ 9]

(Л. 48 об.) Апреля в 7 день²⁰ подана поручная запись по Петрове человеку Дорошенка по Ивашке Ляпунове по приставной памяти в ыску дьяка Ивана Владиславлева, бутто завладели крестьяня государя моего Волоцкого уезду деревни Кузыевой Ивашко Фатеев, Федка Пуза, Федка Казел с товарищи Клинского уезду Сологинской волости

17 1692 г.

18 Слог недописан.

19 Выделенный курсивом текст — автограф И. Буянова.

20 1692 г.

будто поместною ево землею пустошью Чиревою со ста девяноста седмаго году марта с 3 числа по нынешний 200-й год февраля по 29 число по цене во сте во штидесят во шти рублех с полтиною. К суду.

[№ 10]

(л. 49) Апреля 5-го дня²¹ подана поручная запись по Петрове чело-
веке Дорошенка по Ивашке Лепунове, а в поручной записи написано,
подад пристав Иван Бошмаков.

Се аз столники князь Иван княж Григорьев сын Шаховской да яз,
Иван Парфеньев сын Неболсин, да яз, Дмитрий Андреев сын Безсту-
жев, да яз, князь Алексей княж Григорьев сын Шаховской, да яз, Васи-
лей Семенов сын Васильчиков, да яз, Иван Иванов сын Тихменев, да яз,
Григорей Семенов сын Васильчиков, все мы порутчики, поручилися
есми Приказу Малыя Росии приставу Ивану Башмакову Петра Дорофе-
евича Дорошенка по человеке ево по Иване Лепянове в том, что ставит-
ца ему за нашею порукою в Приказе Малыя Росии перед думным дья-
ком перед Емельяном Игнатъевичем Украинцовым с товарищи к суду
по вся дни в ыску околничего Федора Тихоновича Зыкова беглово ево
крестьянина Дмитровской вотчины ево селца Хметева Анисимки Евдо-
кимова, которой крестьянин у него, Петра, вынят в Волоцком уезде
Ламского (л. 49 об.) в селе Ерополче, и с отпискою с Волока Ламско-
го прислан тот крестьянин з женою в Судной Володимерской приказ,
и з Судного Володимерского приказу тот крестьянин отдан на роспи-
ску человеку ево околничеву Федора Тихоновича в крестьянских ево
животах и в пожилых денгах против указу великих государей и ново-
указных статей со 192-го году по нынешней 200-й год, да в бою и в уве-
чье человека ево, Пронки Буслаева. И без указу с Москвы ему никуды
не ехать. А буде он, Иван Лепунов, за нашею порукою в том вышпи-
санном иску в Приказе Малыя Росии ставитца не учнет по вся дни
и без указу с Москвы куды съедет, и на нас, на порутчиках, исцов иск
весь сполна. А у сей записи послуши Василей Семенов. А поручную
запись писал Посолского приказу площадной подьячей Сенка Игна-
тьев, лета 7200-го апреля в 5 день.

У подлинной поручной записи назади написано: 7200-го году
марта в 24 день Петра Дорофеевича Дорошенка человека ево, Иваш-
ку Лепунова, (л. 50) к суду в статье по приставной памяти околниче-
го Федора Тихоновича Зыкова бутто беглово ево крестьянина Дми-
тровской ево вотчины селца Хметева Анисимка Евдакимова, которой

---

21 1692 г.

крестьянин взят у государя моего в Волоцком уезде в селе Ерополче и с отпискою прислан к Москве в Володимерской судной приказ и отдан на росписку человеку ево в ево крестьянских животах и в пожилых бутто денгах против указу великих государей и новоуказных статей со 192-го году по нынешней 200-й год, да в бою и в увечье человека будто²² ево Прокофья Буслаева. А в ево место писал Посолского приказу площадной подьячей Ивашко Иванов. Князь Иван Шаховской ручал и руку приложил. Иван Неболсин ручал и руку приложил. Дмитрий Бестужево ручал и руку приложил. (Л. 50 об.) Князь Алексей Шаховской ручал и руку приложил. Василей Василчиков ручал и руку приложил. Иван Тихменев ручал и руку приложил. Григорей Васильчиков ручал к суду в статье и руку приложил.

Полсух Данилко руку приложил.

На той же записи написано выше тех рук: ся приставная память с поручною записью сходна. Околничего Федора Тихоновича Зыкова человек ево Андрюшка Благочинной руку приложил.

Ся поручная запись с приставною памятью сходна. Вместо Петра Дорофеевича Дорошенка человека ево, Ивашки Ляпунова, по ево велестью Посолского приказу площадной подьячей Ивашко Иванов руку приложил.

На той же поручной записи помета дьяка Алексея Никитина такова: 200-го апреля в 5 день, буде по указу собрана, вымотря, записать в книгу.

[№ 11]

(Л. 51) 7200-го мая в 6 день в Приказе Малыя Росии перед думным дьяком перед Емельяном Игнатьевичем Украинцовым с товарищи истец дьяк Иван Владиславлев, ответчик Петра Дорошенка человек Матюшка Соколов сказали, что они по поручной записи в срочное число в ыску ево Иванове во владенье Клинского уезду пустоши Чиревой по цене во сте во штидесят во шти рублях с полтиною, став ку суду, отсрочили мая до четвертаго на десят числа нынешняго двусотого году. А буде хто из них того четвертого на десят числа к суду не станет, и тот из них виноват по указу великих государей и по новоуказным статьям.

Да к той скаске дьяк Иван Владиславлев руку приложил.

Петра Дорошенко человек ево Матюшка руку приложил.

На скаске помета дьяка Ивана Волкова такова: записать в книгу.

22 Слово вписано над строкой.

[№ 12]

(Л. 51 об.) Мая в 14 день подана отсрочная сказка, а в ней пишет: 7200-го мая в 14 день в Приказе Малыя России истец дьяк Иван Владиславлев, ответчик Петров человек Дорошенка Матюшка Соколов сказали, что им по отсрочной сказке стать к суду по полюбовному их договору в ыску ево, Иванове, во владенье Клинского уезду пустоши Чиревой по цене во сте во штидесят во шти рублех с полтиною по приставной ево памяти и по поручной записи на срок мая в два десят четвертый день нынешняго ж 200-го году. А буде хто из них на тот вышеписанной срок к суду не станут, и истец иску своего без суда лишен, а ответчик в том ево иску по новоуказным статьям без суда виноват.

Назади у той росписки написано: Иван Владиславлев руку приложил.

Матюшка Соколов руку приложил.

(Л. 52). На той же росписке помета дьяка Андрея Виниуса такова: записать в книгу и взять к делу.

[№ 13]

(Л. 53 об.) Мая в 24 день²³ подана челобитная, а в ней пишет.

Великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексевиичю, Петру Алексевиичю, всеа Великия и Малыя, и Белья России самодержцем, бьют челом холопи ваши Петрушко Дорошенко да Ивашко Владиславлев. В нынешнем, государи, в 200-м году приставил я, холоп ваш Ивашко, к нему, Петру, во владенье Клинского уезду Сологинской волости поместной своей пустоши Чиревой по цене во сте во штидесят во шти рублех с полтиною, и по той, государи, приставной моей памяти собрана по человеке ево Петрове к суду поручная запись. И по той поручной записи суда у нас, холопей ваших, не было для того, что отсрочили мы, холопи ваши, мая до 24-го числа. И ныне мы, холопи ваши, не ходя в суд, в том деле ж полюбовно, поговоря меж себя, отсрочили сентября до 9 числа 7201-го году. Милосердые великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексевиич, Петр Алексевиич, всеа Великия и Малыя, и Белья России самодержцы, (л. 54) пожалуйте нас, холопей своих, велите, государи, сие наше челобитье записать. Великие государи, смилуйтеся.

У той челобитной назади написано: Ивашко Владиславлев руку приложил.

К сей челобитной по приказу государя своего Петра Дорофеевича Дорошенка человек ево Матюшка Соколов руку приложил.

На той ж челобитной помета дьяка Алексея Никитина такова: 200-го мая в 24 день записать в книгу.

[№ 14]

(Л. 55) Июля в 4 день²⁴ бил челом великим государем Антон Губин. В нынешнем де в 200-м году июня в 2 день Волоцкого уезду деревни Телегина крестьяня Петра Дорошенка завладели у него насилством своим Клинского уезду поместной ево пустоши Гилдыкино, землю ево и санными покосы и лесное угодье по цене на восемьдесят на пять рублей с полтиною. И чтоб великие государи пожаловали ево, велели челобитье ево и явку записать.

На челобитной помета дьяка Ивана Волкова: 200-го июля в 4 день записать челобитье.

[№ 15]

(Л. 57) Июля в 25 день²⁵ привел в Приказ Малыя Росии по сыскной памяти пристав Иван Башмаков Петрова человека Дорошенка, которой сказался крестьянином, Афонкою зовут Самойлов, которого взял он ево, Афонку, вышеимянованного числа у двора ево, Петрова, потому что иных людей в то число не было, и ево, Афонку, привел он, Иван, с товарищем своим с приставом с Костянтином Алексеевым в приказ того ж числа.

Да июля ж в 28 день пристав Иван Башмаков привел в Приказ Малыя Росии в поставке жонки ж Катеринки з детми, Петрова ж человека Дорошенка Федку Семенова.

[№ 16]

(Л. 58 об.) Августа в 10 день²⁶ бил челом великим государем околничей Федор Тихонович Зыков. По их де, великих государей, указу, по судному ево делу с Петром Дорофеевым сыном Дорошенком в Приказе Малыя Росии, велено ему, Петру, поставить по тому делу к розыску беглова ево крестьянина Анисимки Овдокоимова тещу, Вологоцкого²⁷ уезду Ламского села Ерополча крестьянку вдову Кате-

24 1692 г.

25 1692 г.

26 1692 г.

27 Должно быть «Волоцкого».

ринку с детьми Ганкою да с Стенкою Даниловыми. И в поставке той крестьянки з детми взяты в Приказ Малыя Росии ево, Петровы, человек да крестьянин и сидят за решеткою, и по се число той крестьянки з детми не поставили, и поручной записи в поставке не собрали. А как крестьянин ево, Петров, по тому делу взят в Приказ Малыя Росии, (л. 59) тому ныне тридесятый день августа двадесят третье число.

И великие государи пожаловали б ево, велели челобитье ево записать.

На челобитной помета дьяка Алексея Никитина такова: 200-го августа в 23 день записать в книгу.

И челобитье их записано.

[№ 17]

(Л. 59) Августа в 25 день²⁸ дана приставная память приставу Костентину Алексееву по Петра Дорошенка от столника князь Ивана Шеховского, что владели насилством крестьяне ево, Петровы, Волоцкаго уезду села Ераполча деревни Сыркова Мишка Зеленок, Бориско Расторгуй с товарищи (л. 59 об.) и иных ево, Петровых, деревень крестьяне ж вотчинною моею пустошью Алексейковою, пашнею и санными покосы, и лес на той моя пустоши насилством хороменной и дровяной секли, всего в трехстах в пятидесят рублех к суду по челобитной.

[№ 18]

(Л. 59 об.) Августа в 27 день дана приставная память пристава Костянтину Алексееву по Петрова человека Дорошенка, которой за дела ходит, от столника князь Ивана Шаховского, что владели насилством крестьяне ево, Петровы, Волоцкаго уезду села Ераполча деревни Сыркова Мишка Зеленок, Бориско Расторгуй с товарищи и иных ево, Петровых, деревень крестьяня ж (л. 60) вотчинную ево пустошью Алексейковою, пашнею и санными покосы, и лес на той ево пустоши насилством хороменной и дровяной секли, и всего в трехстах в пятидесят рублех к суду по челобитной. Подписана.

[№ 19]

(Л. 60 об.) Сентября в 7 день²⁹ в Приказе Малыя Росии подал поручную запись пристав Костентин Алексеев по Петрове человеке Дорошенка по Ивашке Ляпунове. А в порушной записи написано:

---

28 1692 г.

29 1692 г.

Се аз, столники Алексей Алексеев сын Блохин, да яз, Василей Семенов сын Василчиков, да яз, Иван Ильин сын Тихменев, да яз, Григорей да Лука Степановы дети Чириковы, да яз, Иван Иванов сын Ловчиков, все мы порутчики, поручилися есми Приказу Малыя Росии приставу Костянтину Алексееву по Петрове человеке Дорошенка, которой за дела ходит, по Ивашке Ляпунове, в том, что ему, Ивашку, за нашею порукою ставитца в Приказе Малыя Росии перед думным дьяком, перед Емельяном Игнатъевичем Украинцовым (л. 61) с товарищи к суду по вся дни по приставной памяти в ыску столника князь Ивана Шаховского, что владели насилством крестьяне ево, Петровы, Волоцкаго уезду села Ерополча деревни Сыркова Мишка Зеленко, Бориска Расторгуй с товарищи и иных ево, Петровых, деревень крестьяня ж вотчиною моею пустошью Алексейковою, пашнею и санными покосы, и лес на той моей пустоши насилством хороменной и дровяной секли, и всего в трехстах в пятидесят рублех, и с Москвы ему, Ивашку, без указу великих государей никуда не съехать. А буде он, Ивашко, за нашею порукою к суду по вся дни ставитца не учнет или без указу великих государей с Москвы куда съедет, и на нас, на порутчиках, (61 об.) исцов иск весь весь сполна. А проесть и волокита против указу великих государей и новоуказных статей. А у сей записи послух Иван Иванов, а поручную запись писал Посолского приказу площадной подьячей Афонка Захаров лета 7201-го сентября в 6 день.

У подлинной поручной записи назади написано:

7201-го сентября в 3 день Петра Дорофеевича Дорошенка человека ево Ивашку Ляпунова ручали к суду в статье против приставной памяти в ыску столника князь Ивана Шаховского, бутто в насилном земляном владенье крестьян государя моего Волоцкаго уезду (л. 62) села Ерополча деревни Сыркова Мишки Зеленкова, Бориска Расторгуева с товарищи и бутто и иных деревень государя моего крестьяне ж вотчиною ево пустошью Алексейковою, пашнею и санными покосы, и лес бутто на той пустоши ево насилством хоромной и дровяной секли. Всего по цене бутто в трехстах в пятидесят рублех. А в ево, Ивашково, место по ево веленью описал Посолского приказу площадной подьячей Сенка Игнатъев. Алексей Блохин ручал и руку приложил. Василей Василчиков ручал и руку приложил. Иван Тихменев ручал к суду в статье и руку приложил. Григорей Чириков ручал и руку приложил. Лука Чириков ручал и руку приложил. Иван Ловчиков³⁰ и руку свою писал. Послух Ивашко руку приложил.

30 Возможно, пропущен глагол «ручал».

(Л. 62 об.) На приставной памяти и на поручной записи на склейке написано: ся приставная память с порушною записью сходна, столника князя Ивана Степановича человек ево Афонка Буслаев руку приложил.

Ся поручная запись с приставною памятью сходна. Вместо ответчика Ивана Ляпунова Посолского приказу площадной подьячей, он же Сенка Игнатъев руку приложил.

На порушной записи помета дьяка Ивана Волкова такова: 201-го сентября в 7 день собрана, по указу высмотря, записать в книгу.

[№ 20]

(Л. 68) Декабря в 15 день³¹ бил челом великим государем лекарь Раман Николаев сын Путелинг. В прошлом де во 198-м году купила у жены ево Петрова жена Дорошенка Агафья товару: полотен немецких, кружев золотых и линтов всего на семьдесят на пять рублей на четыре гривны, и в тех денгах заложила она, женишка ево, шубу, объярь голубая с кружевом золотым, испод горносталей, опушка хвостов соболных, на ней две пугвицы серебряные золоченые да полторы серги двойчатые с каменьи и з зерны, и по се число тот свой заклад она, Агафья, не выкупает, и того закладу ему болши держать у себя не мочно. И хочю тое шубу и серги продать, а что возму денег, и то зачту. А чего не достанет, и о том он на него, Петра, и на жену ево Агафью впредь челобитчик. И великие государи пожаловали б ево, велели челобитье ево и явку записать.

(Л. 68 об.) Да к той челобитной рука приложена по-немецки.

На челобитной помета дьяка Василья Бобинина: 201-го декабря в 15 день записать челобитье ево и явку в книгу.

[№ 21]

(Л. 78 об.) 202-го году ноября в 3 день бил челом великим государем Петр Дорошенко. В нынешнем де в 202-м году приставил к человеку ево, которой за дела ходит, из Московского судного приказу боярина князя Володимера Дмитриевича Долгорукого человек ево, которой за дела ходит, в беглой будто крестьянке Маринке да в сыне ее Юдке, да в муже ее, Маринкине, и в животах их, да в дочери ее, Маринкине, Аринке, и в зяте ее, Кирюшке, и по той де приставной памяти взят человек ево Федка Хижняк и сидит в Московском судном приказе за решеткою. И великие государи пожаловали б ево, велели ту приставную память и привод, и роспросные речи того крестьянина

Юдки (л. 79) из Московского судного приказа взять в Приказ Малыя Росии потому, что он по их, великих государей, имянному указу всякими делами ведом в Приказе Малыя Росии, а человека ево, Федку, из Московского судного приказа свободить.

На ней помета думного дьяка Перфилья Федоровича Оловеникова: 202-го ноября в 2 день великие государи пожаловали, велели по-прежнему своему, великих государей, указу ту приставную память и привод, и роспросные речи взять в Приказ Малыя Росии и указ учинить думному дьяку Емельяну Игнатъевичю Украинцову с товарищи, а человека ево освободить на росписку.

На той же челобитной помета³² дьяка Ивана Волкова: (Л. 79 об.) 202-го ноября в 3 день записать в книгу и учинить по сему великих государей указу.

И ноября в 10 день прислана в Приказ Малыя Росии из Судного Московского приказа приставная память по челобитью боярина князя Володимера Дмитриевича Долгоруково человека ево, ко[торый]³³ за дела ево³⁴ ходит к Петрову человеку Дорошенка, которой за дела ево ходит, в беглой бутто крестьянке Маринке, да в сыне ее Юдке, да в муже ее, Маринкине, и в животах их, да в дочери ее, Маринкине, Аринке и в зяте ее Кирюшке и привод и роспросные речи крестьянина Юдки, и человек Петра Дорошенка Федка Хижняк, и ево допрос приняты, и он, Федка, с вышеписанного числа посажен в Приказе Малыя Росии за решетку.

[№ 22]

(Л. 96 об.) Июля в 14 день³⁵ бил челом великому государю боярина Бориса Гавриловича Юшкова человек ево Ефимко Кобяков. В прошлом де в 203-м году заложил ему под заклад в денгах Петр Дорофеев сын Дорошенко (л. 97) жены своей, Агафьи Борисовой дочери, шубу объяринную. И в нынешнем де в 204-м году против того закладу взял он в ево, Петровой, вотчине хлебом против закладу и в том взятье хлеба дал ему, Петру, росписку. А в росписке написал, что тот заклад отдать ему, Петру, на Москве. И он де росписки своей ему, Петру, приносил по многое время, и он де, Петр, того³⁶ закладу своего

32 Слово вставлено над строкой.

33 Часть слова недописана.

34 Слово вписано над строкой.

35 1696 г.

36 Слово написано два раза, в конце строки и в начале следующей.

не принимает, а для чего не принимает, и он де того не ведает. И в том де ево неприеме он, Ефимко, опасен. И великий государь пожаловал бы ево, Ефимка, велел в том ево, Петрове, закладу своего неприеме челобитье и явку записать.

К той челобитной боярина Бориса Гавриловича Юшкова человек ево Гришка Сургучев вместо Ефимка Кобякова по ево веленью руку приложил.

На челобитной помета дьяка Василья Бобинина: 204-го июля в 14 день записать челобитье ево и явку в книгу.

РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Посольский приказ. Д. 10.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник / отв. сост. Г. А. Иванова. М.: Памятники исторической мысли, 2011. 720 с.

Кочегаров К. А. Гетман Петр Дорошенко в России. 1677–1682 // Кочегаров К. А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. С. 250–273.

Кочегаров К. А. Гетман Петр Дорошенко как великороссийский помещик // Кочегаров К. А. Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. С. 280–355.

Листи Івана Мазепи. Т. 2. 1691–1700 / упор. да авт. вступн. дослідж. В. Станіславський. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2010. 752 с.

Станіславський В. Лікарі Івана Мазепи // Сіверянський літопис. 2009. № 6. С. 77–79.

Таирова-Яковлева Т. Г. Отправка бывшего гетмана Петра Дорошенко в Москву // Terra Cossacorum: студії з давньої і нової історії України. Науковий збірник на пошану доктора історичних наук професора Валерія Степанкова / відп. ред. В. А. Смолій. Київ: Інститут історії України НАНУ, 2007. С. 223–232.

Эскин Ю. М. Архив Малороссийского приказа. История описания // Малороссийский приказ. Описи фонда № 229 Российского государственного архива древних актов / отв. ред. Т. Г. Таирова-Яковлева. М.: Древлехранилище, 2012. С. 8–12.

References

Demidova, N. F. *Sluzhilaia biurokратиia v Rossii XVII veka (1625–1700). Biograficheskii spravochnik*, ed. by G. A. Ivanova. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2011, 720 p.

Eskin, Iu. M. “Arkhir Malorossiiskogo prikaza. Istoriia opisaniia.” *Malorossiiskii prikaz. Opisi fonda № 229 Rossiiskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov*, ed. by T. G. Tairova-Iakovleva. Moscow: Drevlekhranilishche, 2012, pp. 8–12.

Kochegarov, K. A. “Getman Petr Doroshenko v Rossii. 1677–1682.” *Ukraina i Rossiia vo vtoroi polovine XVII veka: politika, diplomatiia, kul'tura. Ocherki*. Moscow: Kvadriga, 2019, pp. 250–273.

Kochegarov, K. A. “Getman Petr Doroshenko kak velikorossiiskii pomeschik.” *Ukraina i Rossiia vo vtoroi polovine XVII veka: politika, diplomatiia, kul'tura. Ocherki*. Moscow: Kvadriga, 2019, pp. 280–355.

Lysty Ivana Mazepy, vol. 2, 1691–1700, ed. by V. Stanislavs'kyj. Kyiv: Instytut istorii Ukraïny NANU, 2010, 752 p.

Stanislavs'kyj, V. “Likari Ivana Mazepy”. *Siverians'kyj litopys*, no. 6, 2009, pp. 77–79.

Tairova-Iakovleva, T. G. “Otppravka byvshego getmana Petra Doroshenko v Moskvu.” *Terra Cossacorum: studii z davn'oï i novoï istorii Ukraïny. Naukovyj zbirnyk na poshanu doktora istorychnyh nauk profesora Valeriia Stepankova*, ed. by V. A. Smolij. Kyiv: Instytut istorii Ukraïny NANU, 2007, pp. 223–232.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.01

K. A. Kochegarov

**New documents on the life
of the former Hetman Petr Doroshenko in Russia.
Materials from the register book of the Little Russia office, 1691–1696**

Kirill A. Kochegarov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9877-7381

Citation

Kochegarov K. A. New documents on the life of the former Hetman Petr Doroshenko in Russia. Materials from the register book of the Little Russia office, 1691–1696 // *Slavic Almanac*. 2023. No. 1–2. P. 389–409 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.01

Received: 21.01.2023.

Abstract

The publication significantly widens our knowledge on the Moscow period of life of the prominent political and military leader of the Right-Bank Ukraine Hetman Petr Doroshenko, who capitulated to the army of prince Grigory Romodanovsky and the Hetman of the Left-Bank Ukraine Ivan Samoylovych. Doroshenko handed them over the Hetman's regalia and was sent to Moscow under the military escort. There he was granted the profitable estate of Jaropolets. In the register book of court cases of the Little Russia office there were a lot of notes for 1691–1696 about documents, presented to the office, that concerned mainly different lawsuits against Doroshenko. Those materials reveal characteristics of conflicts between the former hetman and his neighbors, Podmoskovye landlords, which concerned some disputable lands and harboring of fugitive peasants as well as shed light on interactions between Doroshenko and the voivodes of Volokolamsk and his property relations with other noblemen.

Keywords

Petr Doroshenko, Little Russia office, Jaropolets, Russian-Ukrainian relationships, the history of legal proceedings.

**Письма карпаторусских деятелей
Дмитрия и Ольги Вислоцких
к Е. К. Брешко-Брешковской**

Дронов Михаил Юрьевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

199334, Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: mikhaildronov@ Rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Цитирование

Дронов М. Ю. Письма карпаторусских деятелей Дмитрия и Ольги Вислоцких к Е. К. Брешко-Брешковской // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 410–421. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.02

Текст поступил в редакцию 01.12.2022.

Аннотация

В публикации представлены письма известного лемковского активиста Дмитрия Вислоцкого и его жены Ольги (в девичестве — Бурик), адресованные «бабушке русской революции» Е. К. Брешко-Брешковской, которая принимала участие в общественно-культурной жизни межвоенной Подкарпатской Руси. Вислоцких с Брешко-Брешковской связывали как деловые, так и неформальные отношения. Примечательно, что в условиях конкуренции в Карпатском регионе различных этнонациональных идеологий и Брешко-Брешковская, и супруги Вислоцкие (по крайней мере, в начале 1920-х гг.) рассматривали русинское население как часть единого русского (общевосточнославянского) народа.

Ключевые слова

Е. К. Брешко-Брешковская, Д. Вислоцкий, О. Вислоцкая, русины.

Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (урожденная Вериго; 1844–1934) принадлежит к числу наиболее ярких женских персоналий в истории политической жизни Российской империи, а позже в эмиграции. Народница, каторжанка, одна из создателей

и лидеров Партии социалистов-революционеров (эсеров) известна как «бабушка русской революции». Последние полтора десятилетия ее жизни прошли в Чехословакии, только что возникшей на обломках Габсбургской монархии. Первым местом пребывания Брешко-Брешковской в новом славянском государстве стал г. Ужгород, превратившийся в столицу составной части Чехословацкой республики — Подкарпатской Руси. Позже, однако, в связи с ухудшением здоровья «Бабушка» переселилась на окраину Праги.

Семейные корни, детство и юность Брешко-Брешковской были связаны с Белоруссией и Малороссией. Несмотря на знакомство не понаслышке с их этнокультурной спецификой, по убеждению революционерки, всё восточнославянское население Российской империи и соседней Австро-Венгрии составляло единый русский народ. Поэтому, оказавшись в Чехословакии, «Бабушка» сразу же живо включилась в национально-языковую борьбу в среде русинов Подкарпатской Руси и Пряшевщины (русинских этнических территорий, оказавшихся в административных границах Словакии). Естественно, Брешко-Брешковская посильно поддерживала здесь этнонациональное русофильство (отождествление местных русинов с русскими, принятие русского языка как литературного) в пику украинофильству и едва зарождавшемуся русинофильству. Так, она принимала непосредственное участие в создании Карпато-русской трудовой партии и Русского народного банка. Ведущую роль Брешко-Брешковская сыграла в учреждении благотворительной организации «Школьная помощь», предназначавшейся для поддержки русинской молодежи и воспитания ее в русском национальном духе. Под эгидой «Школьной помощи» было открыто несколько «интернатов» (общежитий) для малообеспеченных учащихся, действовали своя типография (по сути издательство) и публичная библиотека в Ужгороде. Успеху этих начинаний способствовал международный авторитет Брешко-Брешковской, привлекавшей их финансирование из-за рубежа.

В личном фонде Е. К. Брешко-Брешковской в Государственном архиве Российской Федерации (Р5975) из приблизительно тысячи дел, на наш взгляд, не менее сотни позиций можно смело отнести к компетенции русинистики. Значительную часть составляет корреспонденция: письма, полученные «Бабушкой» от самого широкого круга ее знакомых — от амбициозных политических лидеров до бедных воспитанников «интернатов» «Школьной помощи». Думается, материалы данного фонда еще ожидают своих исследователей и публикаторов.

Сегодня мы представляем вниманию читателей адресованные Е. К. Брешко-Брешковской письма супругов Дмитрия и Ольги Вислоцких. Чем примечательны данные корреспонденты «Бабушки»? Хотя бы тем, что Вислоцкие, особенно Дмитрий, связаны не столько с территорией Подкарпатской Руси (ныне — украинского Закарпатья), сколько с более широкими пространствами никогда не получившей административно-политического оформления Руси Карпатской, включающей также малые родины Дмитрия, галицкую Лемковщину в Польше, и Ольги, Пряшевщину.

Журналист и писатель Дмитрий Вислоцкий (псевд. *Ваньо Гунянка*; 1888–1968) — один из крупнейших общественно-культурных деятелей галицких русинов-лемков, первоначально в Европе, а затем в Северной Америке. Хотя его взгляды, особенно применительно к первым десятилетиям XX в., характеризуются как русофильские, именно Вислоцкий был одним из тех, кто заметно способствовал этнокультурной эмансипации лемков в восточнославянском мире. Его литературно-публицистическая деятельность, ориентированная на лемковскую диалектную речь (при формальном признании значения русского языка для всех восточных славян), с пиететом оценивается современными лемками-русинофилами, отмечающими вклад Вислоцкого в формирование ныне почти общепризнанного лемковского литературного языка (или, иначе, лемковского варианта карпаторусинского литературного языка)¹.

Еще до Первой мировой войны Вислоцкий успел потрудиться в первой в истории лемкоязычной газете «Лемко» (1912–1913), а в годы военного лихолетья, как и многие другие консервативные лемки, сочетавшие свой региональный патриотизм с идеей единого русского народа, был интернирован в концлагерь Талергоф². После развала Австро-Венгрии принимал участие в создании Русской народной республики лемков с центром в селе Флоринка, участвовал в работе Карпаторусинской народной рады в Прешове (1918) и Центральной русской народной рады в Ужгороде (1919), добиваясь политического

---

¹ См., например: *Duś-Fajfer H. Literatura łemkowska w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku*. Kraków, 2001 (Prace Komisji wschodnioeuropejskiej. T. VII). S. 68.

² Лемковщина въ Талергофъ // Талергофскій альманахъ. Пропамятная книга австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и насилій надъ карпато-русскимъ народомъ во время всемірной войны 1914–1917 г.г. Львовъ, 1930. Выпускъ третій. Талергофъ. Часть первая. С. 107.

соединения лемковских территорий в Галиции с русинскими землями на южных склонах Карпат. В 1922 г. Вислоцкий эмигрировал в Канаду, а через несколько лет перебрался в Соединенные Штаты. Здесь в 1928 г. Д. Вислоцкий стал редактором-основателем газеты «Лемко» (названной так же, как довоенное издание), а в 1929 г. — соучредителем Лемко-Союза США и Канады, ставшего крупнейшей общественно-культурной организацией лемковских иммигрантов в Новом свете. После войны Вислоцкий вернулся в Польшу, в родное село Лабова, затем переехал в СССР: первоначально проживал в Ужгороде, но со временем перебрался во Львов. Несмотря на многочисленные заслуги Д. Вислоцкого, его личность часто оценивается и критически — с учетом поддержки коммунистической политики по переселению лемков с родных земель, оставшихся в границах ПНР, на советскую Украину. В последнее время отмечается рост интереса к публицистическому наследию лемковского лидера³.

Ольга Вислоцкая (в девичестве Бурик; 1888–1970), верная соратница своего мужа, родилась в селе Збудска Бела на Пряшевщине. Карпатоведам хорошо известна деятельность ее родной старшей сестры Ирины (Ирены) Невицкой (Бурик; 1886–1965) — писательницы и общественно-культурной активистки украинофильской ориентации. Семьи отца сестер (Бурики), их матери (Ковалицкие) и мачехи (Ханаты) принадлежали к кругу немногочисленной русинской интеллигенции региона, даже в условиях государственной мадяризации конца XIX — начала XX в. отстаивавшей славянские идеалы⁴.

Публикуемые три письма, набранные нами по рукописным оригиналам, относятся к началу 1922 г. Мы расположили их в хронологическом порядке. Письмо Д. Вислоцкого не имеет точной датировки. Но, несмотря на то, что оно дошло до нас в отдельном деле, очевидно, это приложение к письму О. Вислоцкой от 2 февраля.

По-видимому, О. Вислоцкая была знакома с Е. К. Брешко-Брешковской несколько ближе, чем ее супруг. Если письмо Вислоцкого прежде всего деловое (сохранившиеся фрагменты переписки приоткрывают тему сотрудничества лемковского активиста со «Школьной

---

³ См. публикации: *Moklak J.* Stary i nowy kraj. Publicystyka polityczna Wania Hunianki. Cleveland, Ohio 1933, Kraków, 2015; *Гунянка В.* [Вислоцкий Д.], *Медвідь П., Гамбаль Б.* Перша ліга парібків. Лемківські публіцистичні тексти / ред. П. Медвідь, Н. Малецка-Новак. Горлиці, 2020. С. 13–39.

⁴ О детстве сестер Бурик см. воспоминания И. Невицкой: *Невицька І.* Моя праця. Спогади про моє життя // Дукля. 1991. № 2.

помощью», поддерживавшей его начинания), то корреспонденция Вислоцкой — по-женски душевная. Чувствуется, что это письма сироты, выйдя замуж, наконец, обретшей свое человеческое счастье.

Интересно, что, сообщая «Бабушке» в одном письме о браке, О. Вислоцкая пишет, что теперь проживает в селе Среднем на Подкарпатской Руси (ныне поселок городского типа Среднее (укр. *Seredne*) в Ужгородском районе Закарпатской области Украины). Это же село фигурирует как место написания другого письма Вислоцкой. В архивном деле сохранился даже фрагмент конверта с двуязычной заказной наклейкой «R Serednoje Среднее 429»⁵. Биографы Д. Вислоцкого не сообщают об этом адресе. Например, Николай Мушинка и Богдан Горбаль отмечают, что лемковский активист находился до своего отъезда в Канаду на Пряшевщине: проживал или в Прешове, где в 1921–1922 гг. работал в газете Русской народной партии «Русь»⁶, или в селе Чирч, где некоторое время преподавал в школе⁷. В общем-то одно не противоречит другому: в течение рабочей недели можно было курсировать между городом и селом, даже не самым близким, как Чирч. Однако публикуемые письма позволяют предполагать, что до своей эмиграции молодая семья по крайней мере некоторое время проживала в Среднем. Или в 1922 г. молодожены основную часть времени проживали раздельно?!

В заключение необходимо кратко коснуться языковых нюансов настоящей публикации. Вислоцкие старались писать Брешко-Брешковской на русском литературном языке. Однако язык их писем специфичен: в частности, в нем заметны следы разговорной речи русинов и хорошо знакомых Вислоцким соседних западнославянских языков. Возможно, к нему применим термин «язычие». Нами были сознательно сохранены особенности орфографии и пунктуации,

⁵ ГА РФ. Ф. Р5975. Д. 242. Л. 5.

⁶ *Мушинка М.* Дмитро Вислоцький — несправедливо забутий робітничо-селянський письменник (1888–1968) // Репертуарний збірник до 100-річчя з дня народження та 20-річчя з дня смерті Дмитра Вислоцького (Ваня Гунянки). [№] 2 (127). Пряшів, 1989. С. 54; *Горбаль Б.* Вислоцький Дмитро (Вислоцький Димитрій, Vislocky Dmitri) // Енциклопедія історії та культури карпатських русинів / укладачі П. Р. Магочій, І. Поп; загальна редакція П. Р. Магочій; переклад з англійської мови Н. Кушко. Ужгород, 2010. С. 88.

⁷ *Мушинка М.* Дмитро Вислоцький... С. 54. В ранній статті Б. Горбаль укавано конкретніше, що Д. Вислоцький преподавав в Чирче в течение 1920–1922 гг. См.: *Горбаль Б.* Димитрій Вислоцький // Лемківській календар 1998. Крениця; Лігниця, 1998 (Бібліотека Бесіди, [№] 8). С. 92.

включая этимологическое правописание, предусматривающее поливариантное прочтение (например, *ъ* как *e*, на великорусский лад, или *i*, на русинский).

№ 1.

Пряшевѣ дня 4/І.922

Дорогая Бабушка!

По случаю Праздниковъ Рождества Христова имѣю честь поздравить Васъ, Дорогая Бабушка. Я вышла замужъ и живу въ Среднемъ въ П[одкарпатской] Руси. Теперь я въ отпускѣ. На праздники я въ Пряшевѣ. Чувствую себя довольно здоровой. А какъ Вы, Дорогая Бабушка? Я слышала, что были больны?

Засылаю Вамъ нашъ Кар[пато-]русскій календарь, составленный моимъ мужемъ⁸.

Всегда Васъ вспоминаемъ.

Искренне любящая Васъ

Оленка (Бурикъ).

Serednoje Kar. Rus. Ольга Вислоцка.

ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 242. Л. 3–4.

№ 2.

Середное 2/ІІ 922

Дорогая Бабушка!

Я очень обрадовалась, что Вы не забыли меня Дорогая Бабушка и усчастливили Вашимъ милымъ писмомъ.

---

⁸ Имеется в виду издание: Карпаторусскій календарь «Лемко» на 1922 годъ / составилъ и издалъ Димитрій Вислоцкій. Ужгородъ: Печата-но въ типографіи «Школьной Помощи», [1921]. 155, [5] с.: ил. Приведе-но по библиографическому указателю: Українська книга в Галичині, на Буковині, Закарпатті, Волині та в еміграції, 1914–1939: бібліографічний покажчик / уклад. Л. І. Ільницька (керівник проекту). Львів, 2012. Т. 2: 1920–1923. С. 193–194. № 2770.

Я теперь очень счастлива, я очень люблю своего мужа и давно уже его любила за его преданность своему народу.

Во время рожд[ественскихъ] Праздниковъ я была у его, теперь уже у нашей матери въ Лабовѣ. Она крестьянка. Хозяйство есть и земля есть, и мой мужъ единственный сынъ, такъ что мы собираемся въ Галицію хозяйничать. Мнѣ тамъ очень понравилось, и народъ нашъ русскій, и околица красивая и лѣсъ сосновый. Заведу себѣ огородецъ и гуси и куры, все. Буду учить девушекъ шить и грамотѣ, такъ что не бѣда.

Недалеко Дунаецъ и Попрадъ и купелевое мѣсто Криница. Отъ Пряшева по желѣзной дорогѣ къ границѣ, а тамъ уже и Галицкая Лемковщина. Отъ границей лошадами 3 часа.

А Вы Дорогая Бабушка, не забывайте бѣдной Карп[атской] Руси. Если у Васъ есть еще столько силы напишите брошуру о ней, пусть знаетъ вся Россія о насъ, а намъ будетъ легче.

Прилагаю письмо моего мужа и надѣюсь, что Вы Дорогая Бабушка, не откажете въ помощи, въ народномъ дѣлѣ. На календарѣ который онъ издалъ на занятыя деньги еще есть долгъ, но надѣмся, что выйдеть. Онъ хочетъ занять и на букварь⁹, но я ему позволить не хочу, а то беспокоится и онъ и я.

Руки и Васъ цѣлуетъ
искренне любящая
Оленька

ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 242. Л. 1–2 об.

№ 3.

Глубокоуважаемая Бабушка!

Покорно благодарю за благосклонную критику календаря, хотя я нимъ совершенно недоволенъ. Вышелъ по скорости, неудачно.

Я задумалъ теперь изданіе к[арпато]-русскаго букваря, который намъ необходимъ, а у насъ его нѣтъ. Есть буквари Волошина¹⁰

⁹ Данный букварь был издан в 1922 г. — судя по месту издания, не без помощи Е. К. Брешко-Брешковской: Карпаторусскій Букварь / составилъ и издалъ Д[имитрій] Вислоцкій. — Ужгородъ: Печатано въ типографіи «Школьной Помощи» въ Ужгородѣ, 1922. [63] с.: іл. Приведено по: Українська книга... Т. 2. С. 362–363. № 3321.

¹⁰ Августин Волошин (1874–1945) — уроженец с. Келечин (в Мараморошском комитате Венгерского королевства, ныне в Хустском районе Закарпатской

и Кизака¹¹, но тѣ непонятны нашей славянской молодежи, такъ какъ

области Украины), священник Мукачевской грекокатолической епархии, педагог, литератор, один из ведущих общественно-политических деятелей подкарпатских русинов. В 1938–1939 гг. несколько месяцев занимал пост премьер-министра Подкарпатской Руси, в марте 1939 г. в течение 30 часов являлся президентом Карпатской Украины. Скончался в Москве в Лефортовской тюрьме. Взгляды о. Волошина на проблему литературного языка для русинов пережили трансформацию от ориентации на карпаторусское «язычие» до украинофильства. Очевидно, Д. Вислоцкий имеет в виду подобные публикации этого чрезвычайно плодovitого автора: *Волошин Августин*. Методическа грамMATика карпато-русского языка для народныхъ школь. Часть 1. Для I и II классовъ народной школы / написал Августинъ Ив. Волошинъ, директоръ Учительской семинарии Ужгородской. Ужгородъ: Книгопечатня акціонерного т-ва «Унію», 1919. 96 с.; *Волошин Августин*. Азбука карпато-русского и церковно-славянского чтенія / сочинивъ Волошинъ Августинъ Ив., директоръ учительской семинарии Ужгородской. 6-е изд. Ужгородъ: Типогр. Акціонерного Товариства «Унію», 1920 [на обл. 1921]. 104 с.: ил.; Азбука карпато-русского и церковно-славянского чтенія / сочинивъ о. Августинъ Волошинъ. Шестое изданіе. Ужгородъ: Видання Акціонерного Товариства «Унію», 1921. 102 с.: ил. — Приведено по: Українська книга... Т. 1: 1914–1919. Львів, 2010. С. 361–362. № 1791; Т. 2. С. 23. № 2167; С. 139. № 2590.

11 Иоанн Кизак (1856–1929) — уроженец с. Пакостов (в Земплинском комитате Венгерского королевства, ныне в Гуменском округе Прешовского края Словацкой Республики), священник Прешовской грекокатолической епархии, педагог, общественно-культурный деятель русинов Пряшевщины. Д. Вислоцкий имеет в виду буквари: Букварь для народныхъ школь Епархіи Пряшевской / составилъ Иоаннъ Ф. Кизакъ, пѣвцоучительской школы профессор; одобренъ Епархіальнымъ правительствомъ Пряшевскимъ под ч. 1281-1919. Пряшевъ: Книгопечатня св. Николая, 1919; Букварь для народныхъ школь Епархіи Пряшевской / составилъ Иоаннъ Ф. Кизакъ, профессор пѣвцоучительской школы. одобренъ Епархіальнымъ правительствомъ Пряшевскимъ под ч. 1281–1919; одобр. Мин. шк. и народнопросв. ч. 57507-1919. Изданіе первое. Прага; Пряшевъ: Изданіе Чехословацкой графической Уніи, акц. общ., 1921. — Приведено по работе: *Плішкова А.* Язык учебників Др. Іоанна Кізака про церковны народны школы Русинів і сучасний русинський язык // *Studium Carpatho-Ruthenorum* 2013. Штудії з карпаторусиністики 5. // зоставителька і одповідна редакторка К. Копорова. [Пряшів, 2013]. С. 124, 130–131, 136. Примечательно, что буквари о. И. Кизака отсутствуют во многих профильных библиографиях. Интерес к этому автору уже в XXI столетии форсируют активисты карпаторусинского национального движения, усматривающие в деятельности русофила Кизака русинофильские тенденции, вплоть до объявления его идейным русинофилом. Последнее, на наш взгляд, все же является преувеличением.

материнскій языкъ составителей мадьярскій¹², во виду чего ихъ буквари тяжелы и мало понятны.

Жду на рисунки, которые приготавливаютъ наши молодые студенты-художники и букварь выйдетъ прекрасный и интересный, такъ что и старшіе схватятъ за него. Дѣло только въ его изданіи. Я самъ издать его не въ состояніи, нѣтъ капитала, но могла бы издать «Школь[ная] Помощь». И здѣсь мнѣ необходимо Бабушкино благосклонное слово. «Школьная Помощь» не только сдѣлаетъ свое¹³ и полезное дѣло, но и заработаетъ на букварѣ, въ этомъ я увѣренъ.

Значеніе букваря, популярнаго букваря, Бабушкѣ понятно.

Притомъ я далъ бы напечатать дальшихъ¹⁴ нѣсколько тысячъ для галицкихъ лемковъ и амер[иканскихъ] эмигрантовъ изъ Лемковщины. За бумагу бы заплатилъ. Галицкіе лемки, мои земляки, которые живутъ отъ Сяна по Татры, попали подъ власть польскихъ пановъ. Пишутъ ко мнѣ, что у нихъ совершенно никакихъ букварей нѣтъ и просятъ о русскія книги. Я бы хотѣлъ напечатать для нихъ несколько тысячъ, а то, что бы выслать въ Америку, вернуло бы мнѣ издержки за бумагу.

Значить, «Школьная Помощь» издала бы для Карпатской Руси¹⁵, а мнѣ вышло бы дешевле для Лемковщины и лемк[овскихъ] эмигрантовъ въ Америкѣ.

На желаніе я могу предложить скриптъ съ рисунками для букваря Глубокоуважаемой Бабушкѣ.

Съ глубокимъ почтеніемъ

Дмитрій Вислоцкій

ГА РФ. Ф. Р-5975. Оп. 1. Д. 241. Л. 1–2.

12 И о. А. Волошин, и о. И. Кизак получили образование еще в период Австро-Венгрии преимущественно на венгерском языке. Несмотря на значительную мадьяризованность грекокатолического духовенства южнокарпатских епархий, думается, что «материнским языкомъ» и для Волошина, и для Кизака все же был русинский диалект родной местности. Здесь следует иметь в виду перманентную антипатию Д. Вислоцкого к униатским пастырям, получившим образование в чуждом для него, галичанина, мадьярском духе. К тому же Вислоцкий имел негативный опыт личного взаимодействия с о. Волошиным, не поддержавшим его политические инициативы. См.: *Horbal B. Łemkowie na terenie Pierwszej Republiki Czechosłowackiej* // *Річник Руской бурсы 2011 / зредагувала О. Дуць-Файфер. Горлиці, 2011. S. 72, 74–75.*

13 Подчеркивание в оригинале.

14 Следующих.

15 В данном случае имеется в виду Подкарпатская Русь в составе Чехословакии.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).

Горбаль Б. Вислоцкий Дмитро (Вислоцкий Димитрий, Vislocky Dmitri) // Энциклопедия истории та культуры карпатских русинів / укладачі П. Р. Магочій, І. Поп; загальна редакція П. Р. Магочій; переклад з англійської мови Н. Кушко. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 2010. С. 87–88.

Горбаль Б. Димитрий Вислоцкий // Лемківскій календар 1998. Крениця; Лігниця: Стоваришыня Лемків, 1998 (Бібліотека Бесіды, [№] 8). С. 89–98.

Гунянка В. [Вислоцкий Д.], *Медвідь П.*, *Гамбаль Б.* Перша ліга парібків. Лемківскы публицистичны тексты / ред. П. Медвідь, Н. Малецка-Новак. Горлиці: Стоваришыня «Руска Бурса» в Горлицях, 2020. 385 с.

Лемковщина в Талергофъ // Талергофскій альманахъ. Пропамятная книга австрийскихъ жестокостей, изувѣрствъ и насилій надъ карпато-русскимъ народомъ во время всемірной войны 1914–1917 г.г. Львовъ: Изданіе «Талергофскаго Комитета»; Типографія Ставропигійскаго Института подъ управленіемъ М. Мацана, 1930. Выпускъ третій. Талергофъ. Часть первая. С. 98–112.

Мушинка М. Дмитро Вислоцкий — несправедливо забутий робітничо-селянський письменник (1888–1968) // Репертуарний збірник до 100-річчя з дня народження та 20-річчя з дня смерті Дмитра Вислоцкого (Ваня Гунянки). [№] 2 (127). Пряшів: КСУТ, Центральний комітет, 1989. С. 50–55.

Невицька І. Моя праця. Спогади про моє життя // Дукля. 1991. № 2. С. 49–55.

Плійкова А. Язык учебників Др. Іоанна Кізака про церковны народны школы Русинів і сучасный русинський язык // Studium Carpatho-Ruthenorum 2013. Штудії з карпаторусиністики 5. // зоставителька і відповідна редакторка К. Копорова. [Пряшів:] Пряшівська універзіта в Пряшові — Інштитут русинського языка і культури[, 2013]. С. 119–137.

Українська книга в Галичині, на Буковині, Закарпатті, Волині та в еміграції, 1914–1939: бібліографічний покажчик. Т. 1. 1914–1919 / НАН України, Львівська національна наукова бібліотека України імені В. Стефаника: уклад. Л. І. Ільницька (керівник проекту), Т. М. Дубова, Л. Я. Кужель, Н. А. Рибчинська, Л. Т. Суц; передм. М. М. Романюка; відп. ред. М. М. Романюк. Львів, 2010. 472 с.; Т. 2: 1920–1923 / НАН України, Львівська національна наукова бібліотека України імені В. Стефаника: уклад. Л. І. Ільницька (керівник проекту), М. А. Ільницька, Л. Я. Кужель, Н. А. Рибчинська, Л. Т. Суц, за участю Т. М. Дубової; передм. М. М. Романюка; відп. ред. М. М. Романюк. Львів, 2012. 804 с.

Dić-Fajfer H. Literatura łemkowska w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2001 (Prace Komisji wschodnioeuropejskiej. T. VII). 416 s.

Horbal B. Łemkowie na terenie Pierwszej Republiki Czechosłowackiej // Річник Руской бурсы 2011 / зредагувала О. Дуць-Файфер. Горлиці: «Руска бурса», 2011. S. 69–84.

Moklak J. Stary i nowy kraj. Publicystyka polityczna Wania Hunianki. Cleveland, Ohio 1933, Kraków: Historia Jagiellonica, 2015. 224 s.

References

Duć-Fajfer, H. Literatura łemkowska w drugiej połowie XIX i na początku XX wieku. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2001 (Prace Komisji wschodnioeuropejskiej, vol. VII), 416 p.

Horbal, B. “Dimitrii Vyslotskiĭ.” *Lemkivskii kalendar 1998*. Krenitsia; Lignitsia: Stovarishynia Lemkiv, 1998 (Biblioteka Besidy, [№] 8), pp. 89–98.

Horbal, B. “Łemkowie na terenie Pierwszej Republiki Czechosłowackiej.” *Richnik Ruskoj bursy 2011*, ed. by O. Duć-Fajfer, Gorlice: “Ruska bursa”, 2011, pp. 69–84.

Horbal, B. “Vyslots'kyi Dmytro (Vyslotskiĭ Dymytriĭ, Vislocky Dmitri).” *Entsyklopediia istorii ta kul'tury karpats'kykh rusyniv*, compliers P. R. Magocsi, I. Pop; ed. by P. R. Magocsi; transl. by N. Kushko. Uzhhorod: Vydavnytstvo V. Padiaka, 2010, pp. 87–88.

Hunianka, V. [Vyslotskiĭ, D.], Medvid', P., Gambal', B. *Persha liga paribkv. Lemkivsky publitsistichny teksty*, ed. by P. Medvid', N. Maletska-Novak. Gorlice: Stovarishynia “Ruska Bursa” v Gorlitsiakh, 2020, 385 p.

“Lemkovshchina v Talerhofi.” *Talerhofskiĭ al'manakh. Propamiatnaia kniha avstriiskikh zhestokosteĭ, izuvĕrstv i nasiliĭ nad karpato-russkim narodom vo vremia vsemirnoĭ voĭny 1914–1917 h.h.* L'viv: Izdanie “Talerhofskaho Komiteta”; Tipohrafiia Stavropihiĭskaho Instituta pod upravleniem M. Matsana, 1930, issue 3, part 1, pp. 98–112.

Moklak, J. *Stary i nowy kraj. Publicystyka polityczna Wania Hunianki. Cleveland, Ohio 1933*. Kraków: Historia Jagiellonica, 2015, 224 p.

Mushynka, M. “Dmytro Vyslots'kyi — nespravedlyvo zabutyĭ robitnycho-selians'kyĭ pys'mennyk (1888–1968).” *Repertuarnyi zbirnyk do 100-richchia z dnia narodzhennia ta 20-richchia z dnia smerti Dmytra Vyslots'koho (Vania Hunianky)*. [№] 2 (127). Prešov: KSUT, Tsentral'nyi komitet, 1989, pp. 50–55.

Nevyts'ka, I. “Moia pratsia. Spohady pro moie zhyttia.” *Duklia*, 1991, № 2, pp. 49–55.

Plishkova, A. “Iazyk uchebnikov Dr. Ioanna Kizaka pro tser'kovny narodny shkoly Rusyniv i suchasnyi rusin'skyĭ iazyk.” *Studium Carpatho-Ruthenorum 2013. Shtudii z karpatorusynistikiy 5.*, compl. and ed. by K. Koporova. [Prešov:] University of Prešov — Institute of Rusyn Language and Culture[, 2013], pp. 119–137.

Ukraïns'ka knyha v Halychyni, na Bukovyni, Zakarpatti, Volyni ta v emih-ratsii, 1914–1939: bibliohrafichnyi pokazhchyk. Vol. 1. 1914–1919 / compliers L. I. Il'nyts'ka and others; foreword by M. M. Romaniuk; ed by M. M. Romaniuk. L'viv, 2010. 472 p.; Vol. 2: 1920–1923 / compliers L. I. Il'nyts'ka and others; foreword by M. M. Romaniuk; ed. by M. M. Romaniuk. L'viv, 2012. 804 p.

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.02

M. Yu. Dronov

Letters of the Carpatho-Russian activists Dmitriy and Olga Vislotsky to Catherine Breshkovsky

Mikhail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

199334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Citation

Dronov M. Yu. Letters of the Carpatho-Russian activists Dmitriy and Olga Vislotsky to Catherine Breshkovsky // *Slavic Almanac.* 2023. No 1–2. P. 410–421 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.02

Received: 01.12.2022.

Abstract

The publication presents letters from the famous Lemko activist Dmitriy Vislotsky and his wife Olga (nee Burik), addressed to the “Grandmother of the Russian Revolution” Catherine Breshko-Breshkovskaya, who took part in the social and cultural life of the interwar Subcarpathian Rus'. Vislotskys had both business and informal relations with Breshko-Breshkovskaya. It is noteworthy that in the conditions of competition in the Carpathian region of various ethno-national ideologies, both Breshko-Breshkovskaya and Vislotskys (at least in the early 1920s) considered the Rusyn population as part of the All-Russian nation.

Keywords

Catherine Breshkovsky, Dmitriy Vislotsky, Olga Vislotsky, Rusyns.

**Записка Ивана Ивановича Костюшко в ЦК КПСС
о реформе Института славяноведения 1968 г.**

Марней Людмила Петровна
Кандидат исторических наук
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mlss@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6770-959X

Носов Борис Владимирович
Доктор исторических наук, заведующий отделом
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: bnossov@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-4253-1259

Цитирование

Марней Л. П., Носов Б. В. Записка Ивана Ивановича Костюшко в ЦК КПСС о реформе Института славяноведения 1968 г. // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 422–442. DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.03

Статья поступила в редакцию: 23.01.2023.

Аннотация

Публикуемый документ и вступительная статья к нему открывают цикл основанных на документальных публикациях исследований, посвященных истории Института славяноведения Российской академии наук и отечественного славяноведения во второй половине 1940-х – 1960-х гг. В центре внимания направленная в 1968 г. в ЦК КПСС записка видного советского историка-полониста И. И. Костюшко, посвященная проекту преобразования Института славяноведения АН СССР в Институт истории европейских социалистических стран. Ее центральный тезис в своей основе существенным образом выходил за рамки дискуссии о реформировании института и затрагивал принципиальные вопросы перестройки исторических исследований в Академии наук СССР. Проект Костюшко был отклонен руководящими органами КПСС и АН СССР, а также специалистами-историками. Вместе с тем в Записке нашли отражение

дискуссии о путях и формах развития отечественной исторической науки и отечественного славяноведения в 1960-е гг.

Ключевые слова

История Института славяноведения Российской академии наук, славяноведение в России, записка И. И. Костюшко (1968 г.), проект преобразования Института славяноведения АН СССР, развитие отечественной исторической науки и отечественного славяноведения в 1960-е гг.

В истории российской исторической науки славяноведению принадлежит особое место. Со времени его зарождения в XVIII–XIX вв. как научной дисциплины в вопросе об определении предмета славяноведения сформировались два направления: первое развивалось в странах Западной Европы, где под славяноведением (славистикой) понималось исследование языка и духовной культуры, этнического своеобразия славянских народов; второе направление, которое развивалось в России, видело предметом своего исследования взятый в целом исторический процесс эволюции славянской общности во всех его проявлениях: в сфере истории народного хозяйства и международных отношений, в области социально-политических процессов, общественной мысли и культуры во всем многообразии явлений и процессов последней. Славяноведению в России было также присуще особое внимание к изучению исторических взаимосвязей зарубежных славянских народов с Российской империей, претендовавшей идеологически и политически на статус мирового славянского центра. Таким образом, российское славяноведение, в том числе и в СССР, развивалось как направление исторического знания и как отрасль исторической науки. Международные дискуссии о предмете славяноведения продолжаются и в наши дни, в частности на международных съездах (конгрессах) славистов.

Еще одной фундаментальной особенностью российского славяноведения XIX — начала XX вв. была его более тесная, по сравнению с другими областями исторического знания и отраслями исторической науки, связь с общественными движениями и течениями общественной мысли в русском обществе, а также с официальной великодержавной идеологией панславизма. Последнее, в известной мере, объясняет то, что после Великой российской революции 1917–1920 гг. отечественные слависты в 1920-х — начале 1930-х гг.

подверглись репрессиям со стороны советской власти по обвинению в «националистическом уклоне». Однако накануне и во время Второй мировой войны в условиях противостояния СССР и германского нацизма отечественное славяноведение не только было «реабилитировано» и возрождено, но и получило существенное развитие. В 1939 г. по инициативе академика В.И. Пичеты был организован сектор славяноведения в Институте истории АН СССР и образована кафедра истории южных и западных славян исторического факультета МГУ.

В 1941–1945 гг. в условиях военного лихолетья славяноведение в СССР, как и вся отечественная наука, понесло тяжелые потери, хотя славистические исследования в нашей стране продолжились. Отмеченные обстоятельства во многом объясняют, почему российские ученые-славяноведы придают особое значение истории российской славистической науки, которой посвящена значительная исследовательская литература¹. В то же время в зарубежных славянских странах в годы войны и гитлеровской оккупации была практически полностью разрушена научно-исследовательская база, закрыты большинство университетов, научных учреждений, библиотек, архивов, многие исследователи погибли, утратили возможность заниматься научной работой даже будучи в эмиграции. Не лучше обстояло дело в Великобритании и в США, где интерес к славистике возродился под влиянием побед Красной армии над гитлеровцами и особенно начиная с 1945 г., в условиях нараставшего противостояния с СССР в годы холодной войны.

---

¹ Аксенова Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000; Ашин Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994; Досталь М. Ю. Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009; Досталь М. Ю. Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок: избранные очерки. М., 2005; Лантева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; Лантева Л. П. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М., 2012; Лантева Л. П. Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997; Методологические проблемы истории славистики. М., 1978; Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988; Славяноведение в дореволюционной России: библиографический словарь. М., 1979 и др.

После окончания войны славяноведение в СССР вышло на передовые рубежи. Среди организованных славистических исследовательских центров в Ленинградском университете, в Институте истории АН УССР, Киевском университете, в университетах Львова, Воронежа и Саратова ведущая роль принадлежала основанному в 1946 г. Институту славяноведения АН СССР², изучению истории которого принадлежит важнейшая роль в развитии исследований российских славистов³.

Зарождение планов создания Института относится ко времени Второй мировой войны и Великой Отечественной войны, в ходе которой гитлеровской агрессии подверглись все без исключения славянские страны и народы, а захватнические планы нацистов предусматривали не только порабощение, но и уничтожение славянской общности. В ответ славянские народы поднялись на борьбу с нацизмом, а в годы войны со всей силой возродилось и развивалось движение славянской взаимности⁴. После окончания Второй мировой войны в славянских странах на основе общей победы над нацизмом сформировались политические системы народной демократии, а сами они образовали военно-политический союз во главе с СССР. Проведенные в первое послевоенное десятилетие в ряде стран Восточной Европы глубокие социально-политические преобразования

---

2 Институт славяноведения и балканистики 1947–1977 (Справочно-информационный обзор). М., 1977. С. 3; *Королюк В. Д.* Советские историко-славистические исследования (1917–1967 гг.) // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 37–52.

В 1946 г. были приняты постановления о создании Института: постановления Президиума АН СССР от 30 мая и 20 сентября и постановление Совета Министров СССР от 31 августа. Как самостоятельное научное учреждение Институт славяноведения начал свою работу в январе 1947 г. См.: Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 2. Оп. 1 (1946). Д. 495. Л. 20; Оп. 6. Д. 57. Л. 121–123, Оп. 10. Д. 33. Л. 65.

3 Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М., 1971; Институт славяноведения и балканистики. 1947–1977 (Справочно-информационный обзор). М., 1977; Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996 и др.

4 Нередко упоминаемые в новейшей публицистике примеры коллаборационизма в оккупированных гитлеровцами славянских странах относятся к действиям отдельных представителей и отдельных политических группировок, пошедших в качестве сателлитов на сотрудничество с нацистами на основе общей идеологии и практики антикоммунизма.

увенчались образованием на востоке Европы социалистического лагеря (социалистического содружества), что привело к необходимости исследования прошлого стран, вступивших в союз с СССР на путь установления общественного строя народной демократии⁵. Происшедшие кардинальные изменения требовали фундаментального научного изучения, что стало одной из главных задач созданного Института славяноведения. Таким образом, научная программа Института отличалась известной двойственностью. С одной стороны, он должен был продолжать и развивать традиционные славяноведческие исследования, а с другой — в соответствии с официальной идеологией СССР — исследовать роль славянских народов в революционных процессах XX столетия, в борьбе мировых систем социализма и капитализма.

В 1960-е гг. страны — члены СЭВ развивали всестороннее экономическое сотрудничество, была поставлена задача координации народнохозяйственных планов, в дальнейшем положившая начало программе социалистической экономической интеграции. Многостороннее сотрудничество развивалось и в области науки, заключались двусторонние соглашения о научном сотрудничестве между Академиями наук стран социалистического содружества, предусматривавшие, в частности, сотрудничество и в области исторической науки. Были созданы двусторонние комиссии историков СССР с ГДР, Польшей и другими странами народной демократии.

Это было время бурного развития научных исследований в СССР, условно говоря, от изучения космоса и покорения атомной энергии до глубин Земли и археологии. Во всех отраслях народного хозяйства, оборонного комплекса, социальной сферы, народного просвещения и культуры формировались разного рода специализированные научно-исследовательские институты. В авангарде развития фундаментальных научных исследований стояла Академия наук СССР. В полной мере это касалось проводимых академией исследований в гуманитарной области, что нашло отражение и в росте числа академических институтов исторического профиля. В 1968 г. на базе Института истории АН СССР были созданы Институт истории СССР и Институт всеобщей истории АН СССР. Тогда же было принято решение об организации Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР). В созданных институтах были

---

⁵ Киселев И. Н. Сотрудничество Академии наук СССР с Академиями наук стран — членов СЭВ. 1957–1967. М., 1974. С. 5–6.

кардинально обновлены и расширены программы исследовательских работ, пополнен кадровый состав, усовершенствована их организационная структура. Всестороннее развитие системы академических научных учреждений естественно дополнялось в это время интенсивным развитием университетских научных центров.

Все это сопровождалось общим расширением фронта исторических исследований, углублением и совершенствованием проблематики научных изысканий, а также расширением сферы сотрудничества с зарубежными учеными и научными учреждениями, в первую очередь со странами социалистического содружества.

Свое место в этом процессе принадлежало и отечественному славяноведению, что, естественно, отразилось и на работе Института славяноведения в 1960-е гг. В эти годы как в самом институте, так и в руководящих органах АН СССР развернулась дискуссия о тенденциях развития славяноведения в новых условиях, о стоящих перед отечественной славистикой задачах, о совершенствовании в этой связи структуры института и о решении ряда существенных кадровых проблем, о подготовке новых поколений специалистов-славяноведов.

Своего рода поводом и основанием для этой дискуссии стал замысел расширения исследовательской проблематики института путем введения в нее «балканистики», о чем, в частности, упоминается в Записке И.И. Костюшко. По существу, это означало включение в институтскую исследовательскую программу ряда неславянских стран Центральной и Юго-Восточной Европы и Балканского полуострова (Албании, Венгрии, Греции, Румынии). Однако обсуждение вопросов, возникших в связи с рассмотрением этого плана, вышло далеко за рамки организационных преобразований института и его переименования. Широко обсуждались проблемы сочетания в рамках института исследований в области истории, литературоведения, языкознания и истории культуры славянских народов. Важными вопросами в упомянутой дискуссии стали проблемы изучения взаимоотношений славянских народов с народами-соседями, которые образовывали со славянами специфические региональные сообщества. Особо отмечалась роль института в изучении стран, входивших в социалистическое содружество. В частности, специалисты по истории стран народной демократии подчеркивали, что в этих странах уже сформировались национальные школы исторических исследований, методологически основанные на марксистском «материалистическом понимании истории». Советские историки указывали,

что перед специалистами института по истории XX века встает задача не только изучения истории революционного движения в славянских странах или борьбы славянских народов с нацизмом, но и опыта социалистического строительства в странах Восточной Европы, их взаимодействия с СССР в вопросах экономического и социального развития, а также скоординированных действий на международной арене. Сотрудники института отмечали особую роль своего учреждения в информировании государственных органов СССР о положении в странах социалистического содружества, о наиболее актуальных и политически острых вопросах истории, внутренней и внешней политики стран — союзников СССР. С этой целью в институте обсуждался вопрос о создании специального подразделения информации и об издании материалов «для служебного пользования».

Вместе с тем «оттепель» в СССР второй половины 1950-х — первой половины 1960-х гг., связанная с так называемым «преодолением культа личности Сталина», явно уходила в прошлое. Общественные ожидания, вызванные иллюзорными перспективами реформирования социализма, возвращения к неким истинным «ленинским принципам» общественного устройства и политической и общественной жизни, очевидно, не оправдались. Начиная с октября 1964 г., после отставки Н.С. Хрущева, руководство КПСС проводило курс на отказ от идеологических и политических новаций, от каких-либо изменений в канонической версии советской истории. Примером могут служить официальные кампании, связанные с юбилеями Победы в Великой Отечественной войне (1965), Октябрьской революции (1967) и 100-летием со дня рождения В.И. Ленина. В европейских социалистических странах эта скоординированная с СССР тенденция нашла отражение в проводимой в разных формах «политике стабилизации» после преодоления кризисов 1950-х гг. Во взаимодействии между странами социалистического содружества, отношения которых в преобладающей степени концентрировались вокруг СССР, отмеченная тенденция проявилась в формировании концепции «социалистического интернационализма», получившей на Западе наименование «доктрины Л. И. Брежнева». От классического марксистского «пролетарского интернационализма» в основе доктрины Брежнева лежал тезис о приоритете общих целей стран социалистического содружества по отношению к интересам отдельных входивших в содружество государств. В политическом отношении эта концепция была направлена против разного рода «национальных моделей» социализма, получивших в то время достаточно широкое распространение,

и не только в пределах социалистического лагеря. В антикоммунистической пропаганде на Западе доктрина Брежнева превратно трактовалась как ограничение со стороны СССР государственного суверенитета стран социалистического содружества.

Для коммунистических партий социалистических стран и всего социалистического лагеря 1968 год ознаменовался острейшим политическим кризисом. Начало ему было положено Пражской Весной, когда в Чехословакии развернулось массовое движение под лозунгами «демократизации и обновления социализма» и «социализма с человеческим лицом». Попытки преодолеть кризисное развитие путем межпартийных и межгосударственных консультаций были безуспешными. В итоге в августе 1968 г. СССР совместно с рядом стран — участниц Варшавского договора осуществили ввод войск в Чехословакию, устранив тем самым, как было официально заявлено, угрозу крушения общественно-политического и государственного строя республики. Менее масштабным, но также опасным стал кризис 1968 г. в Польской Народной Республике. Наконец, говоря о кризисе 1968 г., нельзя не принимать во внимание нараставшую напряженность в советско-китайских отношениях и эскалацию войны США во Вьетнаме. Кризис социалистической системы 1968 г. имел общемировое значение и весьма далеко идущие последствия как во внутренней жизни социалистических стран, так и для международных отношений. Однако на одно из них применительно к СССР и странам социалистического содружества необходимо указать. Если до второй половины 1960-х гг. оппозиционные настроения в странах социалистического содружества и соответствующие движения и группы были идеологически ориентированы на реформирование социализма и на совершенствование социалистической демократии, то на рубеже 1960–1970-х гг. оппозиционные группы практически целиком переходят на позиции антикоммунизма под лозунгом «защиты прав человека».

Все указанные тенденции определяли характерные черты периода второй половины 1960-х гг. в жизни СССР и стран социалистического содружества. Естественно, что они не могли не повлиять на развитие отечественной исторической науки, и прежде всего на отечественное славяноведение, особое место в истории которого занимает письмо в ЦК КПСС Ивана Ивановича Костюшко (1919–2018) — видного историка, специалиста по истории крестьянского вопроса и аграрных отношений в Центральной и Восточной Европе XIX в. Значительный вклад он внес в исследования по истории советско-польских отношений.

В годы Великой Отечественной войны И. И. Костюшко участвовал в 1944–1945 гг. в освобождении Польши в рядах союзного Красной армии Войска польского. С 1949 г., более 60 лет, он работал в Институте славяноведения. В 1964 г. Костюшко возглавил созданный тогда журнал «Советское славяноведение», главным редактором которого неизменно оставался на протяжении 20 лет⁶.

Записка была составлена И. И. Костюшко в 1968 г. в связи с обсуждаемыми в то время в Институте славяноведения, в Отделении истории и в Президиуме АН СССР планами реформирования Института. Первые шаги в их реализации были сделаны еще в начале 1960-х гг., а завершение определения задач и перестройка Института относились ко второй половине десятилетия. О содержании записки и даже о ее существовании ни в Институте, ни среди специалистов не было ничего известно. Более того, уже в начале 2000-х гг. сам Костюшко не включил ее текст в публикацию избранных источников из своего личного архива⁷, ограничившись об этом документе только глухим упоминанием, правда, сам озаглавив его как «Записка». Тем не менее высказанные в ней идеи и предложения имели в контексте развернувшейся дискуссии немаловажное значение.

14 июня 1968 г. Президиум Академии наук СССР принял решение поручить Институту славяноведения АН СССР, «наряду с разработкой славистических проблем», развернуть комплексные исследования по балканистике: «изучение древней, средневековой, новой истории, истории новейшего времени (современный этап), международных и межнациональных отношений, культуры и филологии балканского региона (Болгария, Румыния, Югославия, Венгрия, Албания, Греция и Европейская Турция)», а также изучению исторических и культурных связей «народов Центральной и Юго-Восточной Европы с народами СССР». В связи с этим предлагалось «переименовать Институт славяноведения в Институт славяноведения и балканистики АН СССР» и «предусмотреть перевод в установленном порядке <...> соответствующих специалистов из реорганизуемого Института истории АН СССР»⁸.

---

6 Подробнее см.: *Марней Л. П., Носов Б. В.* К 100-летию Ивана Ивановича Костюшко // *Славяноведение*. 2019. № 4. С. 116–125.

7 К истории славяноведения. Из личного архива И. И. Костюшко. М., 2009. С. 40.

8 АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 260. Л. 82–83.

Записка И. И. Костюшко о преобразовании Института славяноведения в Институт истории европейских социалистических стран, с одной стороны, отражает основные тенденции развития отечественного славяноведения 1960-х гг., а с другой — тенденцию усиления партийного идеологического и политического контроля по отношению к отечественной исторической науке, которая провозглашалась в постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (1967 г.). Те же подходы были зафиксированы годом позже в подготовленном Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике, Президиумом АН СССР и Министерством высшего и среднего специального образования СССР проектом постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по коренному улучшению научной информации в области общественных наук». Однако ее главный тезис о преобразовании Института славяноведения в Институт истории европейских социалистических стран выходил за рамки общего направления дискуссии о реформировании института и затрагивал принципиальные вопросы перестройки исторических исследований в Академии наук СССР в целом. По существу это предложение не противоречило фундаментальной программе и задачам Института славяноведения со времени его основания. Оно вполне соответствовало общим принципам развития институций в академиях наук социалистических стран содружества, в частности Польской академии наук, в которой работали ряд упомянутых в Записке подразделений, занятых исследованиями по истории социалистических стран, а в 1972 г. был создан Институт социалистических стран ПАН. Предложение И. И. Костюшко вполне соответствовало курсу руководства КПСС, которое выражало недовольство слабой разработкой проблематики социалистических стран в Институте истории АН СССР, выделяя достижения Института славяноведения в этой области как наиболее значительные и указывая на это руководству вновь создаваемых институтов всеобщей истории и научной информации. Вместе с тем отход от традиционного славяноведения таил немалые опасности для развития этого направления отечественной науки, грозил утратой уникального облика Института славяноведения АН СССР. Возможно, что предложение И. И. Костюшко было продиктовано стремлением автора Записки повысить таким образом статус Института в системе вновь созданных гуманитарных институтов АН СССР.

Предложения И. И. Костюшко поддержаны не были. Однако они могли быть продиктованы стремлением предотвратить угрозу

ликвидации института. В пользу этого соображения свидетельствует ответ И. М. Шептунова⁹ сторонникам традиционного славяноведения, возражавшим против включения в научную программу Института неславянских стран («балканистики») в марте 1969 г.: «Мы живем в определенной системе АН СССР. В этой системе были всевозможные проблемы. 2 года назад встал серьезный вопрос об Институте истории и Институте народов Азии. Когда бы мы категорически отказались от соединения с балканистикой, то Институт славяноведения перестал бы существовать»¹⁰. В итоге Президиум АН СССР 11 октября 1968 г. постановил переименовать Институт славяноведения в Институт славяноведения и балканистики АН СССР¹¹.

Настоящая публикация подготовлена по материалам Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), в котором текст представляет собой письмо, направленное в ЦК КПСС¹². Предлагаемая вниманию читателей Записка И.И. Костюшко и предваряющая ее вступительная статья открывают цикл основанных на документальных публикациях исследований, посвященных истории Института славяноведения Российской академии наук и отечественного славяноведения во второй половине 1940-х – 1960-е гг.

1968 г., июль 1, Москва — Письмо Ивана Ивановича Костюшко кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС секретарю ЦК КПСС товарищу Демичеву П. Н.¹³

В конце 1946 г. для разработки проблем истории, культуры и языкознания зарубежных славянских народов было создано специальное комплексное научное учреждение — Институт славяноведения АН СССР. На первых порах внимание Института сосредоточивалось на подготовке обобщающих трудов по истории и литературе народов

---

⁹ Игорь Михайлович Шептунов (1918–1978) — литературовед, исследователь фольклора, литературы и культуры Болгарии. В 1952–1978 гг. работал в Институте славяноведения: ученый секретарь Института, зам. директора, и.о. зав. сектором.

¹⁰ АРАН. Ф. АН СССР 1965. Оп. 1. Д. 336. Л. 105.

¹¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 262. Л. 216–217.

¹² Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 5. Оп. 60 (1968). Д. 45. Л. 142–150.

¹³ Петр Нилович Демичев (1917/18–2010) – советский государственный и партийный деятель, секретарь ЦК КПСС (1961–1974), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1964–1988).

Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии и на исследовании отдельных вопросов исторического развития этих стран и сравнительного славянского языкознания. В дальнейшем проблематика Института расширилась — он занялся и изучением межславянских связей, славяно-германских отношений, истории культуры зарубежных славянских народов и структурной типологии славянских языков. Вместе с тем более или менее определились предмет советского славяноведения и научный профиль Института.

Институт подготовил обобщающие труды, большое количество монографий, сборников статей и документальных публикаций по истории, литературе и истории культуры зарубежных славянских народов и славянскому языкознанию. Многие из этих работ получили положительную оценку в советской и зарубежной печати. Они имеют определенное научное и общественно-политическое значение.

Задачи, поставленные ЦК КПСС перед общественными науками, требуют существенного улучшения исследовательской работы и по проблемам истории, культуры и языкознания зарубежных славянских народов. Необходимо сосредоточить внимание специалистов на решении крупных научных проблем, значительно повысить идейно-теоретический уровень исследований.

Научный профиль Института славяноведения, однако, не вполне отвечает потребностям дальнейшего развития областей знания, включаемых в его проблематику. Это связано с известной нечеткостью предмета славяноведения и существующей организацией научно-исследовательской работы.

Понятие «славяноведение» предполагает изучение исторического и культурного развития славянских народов. Из проблематики славяноведения в славянских странах в основном исключаются национальная история, литература, культура и языкознание. В связи с этим к предмету советского славяноведения относятся только проблемы истории, культуры и языкознания зарубежных славянских народов и частично межславянские связи. Что же касается таких научных дисциплин, как археология, этнография, право, экономика, философия, искусствоведение и другие, то они в одних случаях включаются в предмет славяноведения, в других — остаются за его пределами. Предмет славяноведения очевидно предусматривает изучение общих, славистических аспектов исторического развития или черт, характерных для всех или части славянских народов. Постановка же таких вопросов, за некоторым исключением, оказывается весьма затруднительной, а нередко методологически

неправильной и научно несостоятельной. Вследствие этого научное славяноведение по существу имеет страноведческий характер и собственно славистические исследования ограничиваются сравнительным славянским языкознанием, изучением этногенеза славян и некоторых других вопросов.

Этими обстоятельствами в основном и определяется проблематика Института славяноведения. Она охватывает лишь некоторые вопросы истории, литературоведения и языкознания зарубежных славянских народов и межславянских связей. При этом в ней отсутствуют, за исключением сравнительного славянского языкознания, общие проблемы предмета исследования в рамках отдельных научных дисциплин или всего их комплекса. В результате этого исследования Института имеют главным образом страноведческий характер, а в ряде случаев выходят за пределы славяноведения. Страноведческие же исследования обычно ограничиваются отдельными, разрозненными вопросами истории, литературы и языка.

При таком положении комплексность предмета славяноведения и самого Института является формальной или фиктивной. В рамках Института по этническому принципу объединяется ряд весьма дифференцированных научных дисциплин. Такое объединение этих дисциплин само по себе не обеспечивает комплексной разработки проблем. Разумеется, что и в этих условиях может проводиться комплексное изучение каких-то вопросов, однако и другие формы организации науки не исключают комплексных исследований. Подобное объединение научных дисциплин, по-видимому, не оказывает влияние и на их развитие. Это в определенной мере подтверждается тем, что большая часть исследований по истории, литературе и языкам зарубежных славянских народов осуществляется за пределами Института, в других организационных формах, причем эти исследования по своему характеру не отличаются от работ Института.

Включение ряда дисциплин в проблематику Института и страноведческий характер его исследований имели до последнего времени некоторое обоснование. В прошедшие годы происходило по существу складывание этих дисциплин, а в зарубежных славянских странах постепенно утверждалась марксистская наука. В этих условиях большое внимание уделялось работам научно-популярного характера и решению отдельных частных проблем. Со временем положение в науке заметно изменялось. Широкое развитие получили эти области знания в зарубежных славянских странах, т. е. дисциплины, составляющие предмет их национальной науки. Это в определенной мере

сказывается на деятельности Института, в частности, затрудняется выбор тематики исследований, явно обнаруживаются преимущества зарубежных ученых в изучении многих вопросов, поскольку их работы строятся на более фундаментальной научной базе, возрастает удельный вес возрастостепенных тем и документальных публикаций.

Достигнутый уровень знаний позволяет, а интересы науки требуют, наряду с дальнейшим изучением страноведческой тематики, перехода к исследованию более широких или крупных научных проблем. Разработка таких проблем, однако, не может основываться только на этническом принципе или материале славянских стран. Более того, рассмотрение ряда вопросов с точки зрения этнического принципа придает исследованию специфический колорит, может создать или создает представление о якобы славянской исключительности и т. п. Особенно остро ощущается это при изучении проблем новой и новейшей истории. Институт при разработке крупных проблем вынужден выходить и выходит за рамки предмета славяноведения, существующая же его организация не способствует развертыванию таких исследований. В некоторых зарубежных славянских странах вообще оспаривается правомерность включения большей части исторической проблематики в предмет славяноведения.

И, наконец, включение в проблематику Института литературоведения и языкознания, по нашему мнению, не создает благоприятных условий для дальнейшего развития этих дисциплин. Они не связаны с исторической наукой и между собой, а с другой стороны, в определенной мере изолируются от основных областей знания. Институт не в состоянии должным образом руководить ими, направлять их развитие, что не может не сказываться отрицательно как на выборе тематики, так и на уровне исследований в данных разделах науки.

Трудности и недостатки, связанные с нечеткостью предмета славяноведения, фиктивной его комплексностью и уровнем исследований, особенно ярко проявляются в журнале «Советское славяноведение», который призван освещать на своих страницах вопросы славистики. Отражая состояние науки, он не может ставить общих проблем истории и культуры, которые в той или иной мере имели бы исключительный славистический аспект, а публикуя материалы главным образом страноведческого характера, лишается своей предметности. Занимаясь вопросами истории, литературы, языкознания и другими, журнал не в состоянии в достаточной мере освещать эти проблемы и по существу не имеет своего адресата. Практика Института показала нецелесообразность такого рода изданий.

Поэтому существование такого комплексного учреждения, как Институт славяноведения, едва ли оправданно. Таких или подобных учреждений нет в зарубежных славянских странах. В Польше имеется сектор славяноведения при Академии наук, занимается он лишь вопросами языкознания. Что же касается капиталистических стран, то там существует ряд учреждений, занимающихся преимущественно т. н. советологией.

При обсуждении перспектив работы Института славяноведения неоднократно высказывались мнения о необходимости изменения его научного профиля.

В связи с реорганизацией Института истории АН СССР появилось предложение о включении в проблематику Института славяноведения балканистики или преобразования его в Институт славяноведения и балканистики. Осуществление такой меры, на наш взгляд, не только не устранил имеющихся трудностей и недостатков, но еще более их осложнит. Прежде всего представляется неудачным сочетание в проблематике Института этнического принципа с особым территориальным комплексом. Двумя балканскими странами — Болгарией и Югославией — Институт занимается и до сих пор, следовательно, должна прибавиться проблематика других балканских стран — социалистических и капиталистических. Нет четкости и в предмете балканистики. Если это такая же «комплексная» дисциплина, как славяноведение, то объединение ее со славистикой породит необычайное разнообразие и большую пестроту тематики, причем возможности рациональной организации работы будут весьма ограничены, а ее эффективность — относительной. Но важнее, пожалуй, другое. Объединение балканистики со славяноведением так или иначе будет акцентировать на существовании якобы особой связи между этими научными направлениями, на привязывании к славяноведению того, что далеко отстоит от славистики. Включение их в проблематику одного и такого Института может толковаться по-разному и не всегда благоприятно для нашей науки. Кроме того, в последние годы, по-видимому неслучайно, поднимается на щит балканистика в Болгарии (здесь создан Институт балканистики и издается специальный журнал). С балканистикой в Болгарии в определенной мере связываются идеи о величии Болгарии в древности, особой роли ее на Балканах, проблемы этнического и территориального характера и другие, которые не могут не настораживать. Внимание к ней на Западе и США в том же смысле определяется, конечно, не чисто научными соображениями. Поэтому едва ли стоит подкреплять такие тенденции посредством создания

специального учреждения в нашей стране. Разумеется, что актуальные вопросы балканистики должны у нас разрабатываться, но организация работы в этой области может быть иной.

В соответствии с этническим критерием в Институте славяноведения сосредоточивается историко-культурная проблематика, относящаяся к Болгарии, Польше, Чехословакии и Югославии, т. е. к четырем из 8 европейских социалистических стран. Этот критерий имеет некоторое значение, но, как нам кажется, в особенности в настоящее время не может быть определяющим. Он как бы выделяет группу народов, обособляет их от соседних и близких им по своим историческим судьбам народов. Такое выделение при изучении истории славянских народов неизбежно обуславливает ограниченность и неблагоприятно сказывается на разработке общих проблем. Вопросами истории остальных социалистических стран Европы занимается Институт истории. Едва ли можно признать это положение нормальным и обеспечивающим благоприятные условия для изучения исторического развития европейских социалистических стран. Необходимо при этом отметить, что в других областях знания (экономика, право и т. д.) такого деления нет и это не препятствует изучению национальных особенностей развития указанных стран.

В настоящее время вопросами новейшей истории европейских социалистических стран занимается небольшое число сотрудников, в области же проблематики социалистического строительства работают считанные единицы. При этом усилия ученых разобщены, не направляются должным образом, исследования ведутся в значительной мере по периферийным или частным темам. Хотя и сделано немало в изучении этих проблем, научные результаты далеко не соответствуют имеющимся возможностям, а тем более требованиям, предъявляемым к данной области знаний. Европейские социалистические страны играют важную роль в социалистическом содружестве, эта роль все более возрастает, а последние события в особенности указывают на необходимость и важность глубокого изучения проблем исторического развития указанных стран, и прежде всего вопросов истории послевоенного периода, имеющих большое научное и политическое значение. Дальнейшее развитие исследований в этой области требует изменения научно-организационных форм работы.

Имея в виду все эти обстоятельства и указания ЦК КПСС о необходимости более четкой специализации научных учреждений, представляется целесообразным осуществить следующие научно-организационные меры:

1. На базе исторической части Института славяноведения создать Институт истории европейских социалистических стран. В проблематику его исследований, наряду с историей зарубежных славянских стран (Болгария, Польша, Чехословакия, Югославия), включить и историю других социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ГДР, Албания, Венгрия, Румыния). Передать Институту соответствующих специалистов из других научных учреждений АН СССР. Возложить на него разработку общих проблем исторического развития этих стран, вопросов истории отдельных стран и народов и в особенности проблем социалистического строительства. Определенное место в проблематике Института могут или должны занять исследования конкретно-социологического характера или подобные им, а также вопросы истории культуры.

2. Литературоведов Института славяноведения передать Институту мировой литературы, где имеется близкий по проблематике сектор литератур стран народной демократии.

3. Сектора славянского языкознания и структурной типологии передать институтам языкознания по тематической принадлежности. За включение филологов Института в соответствующие филологические институты уже давно высказываются многие видные литературоведы и языковеды.

Эти меры, не требуя дополнительных средств, позволят сосредоточить усилия специалистов, правильнее их использовать, что не только не ослабит исследовательской работы в области истории, литературы и языкознания зарубежных славянских народов, но во многом будет содействовать дальнейшему их развитию. Вместе с тем усилятся изучение и проблематики других социалистических стран Европы.

Главный редактор журнала

«Советское славяноведение»

[Подпись]

И. И. Костюшко

1 июля 1968 г.

ЦК КПСС

Тов. Костюшко И. И., главный редактор журнала «Советское славяноведение», высказывает свое мнение о состоянии научно-исследовательской работы в Институте славяноведения АН СССР и предлагает преобразовать его в Институт истории европейских социалистических стран.

Такое же письмо т. Костюшко получено и в Отделении истории АН СССР.

В настоящее время президиум АН СССР принял решение о целесообразности преобразования Института славяноведения в Институт славяноведения и балканистики. Этот вопрос будет внесен в ЦК КПСС.

Предложения т. Костюшко будут учтены при рассмотрении данного вопроса в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС.

Ответ автору сообщен.

Зам. зав. Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС [Подпись] (С. Щербаков¹⁴)
26 июля 1968 года

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 60. Д. 45. Л. 142–151. Подлинник. Машинопись.

Источники и литература

Архив Российской академии наук (РАН).

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Аксенова Е. П. Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М.: Б. и., 2000. 222 с.

Ашин Ф. Д., Алтатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.

Двадцать пять лет деятельности Института (1947–1972). М.: Наука, 1971. 141 с.

Досталь М. Ю. Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М.: Индрик, 2009. 463 с.

Досталь М. Ю. Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок: избранные очерки. М.: Спутник+, 2005. 95 с.

Институт славяноведения и балканистики. 1947–1977 (Справочно-информационный обзор). М.: Наука, 1977. 116 с.

Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М.: Индрик, 1996. 423 с.

К истории славяноведения. Из личного архива И. И. Костюшко. М.: ИСл РАН, 2009. 231 с.

Киселев И. Н. Сотрудничество Академии наук СССР с Академиями наук стран — членов СЭВ. 1957–1967. М.: Наука, 1974. 207 с.

Королюк В. Д. Советские историко-славистические исследования (1917–1967 гг.) // Советское славяноведение. 1967. № 5. С. 37–52.

Лантева Л. П. История славяноведения в России в XIX веке.

---

¹⁴ Сергей Георгиевич Щербаков (1925–1992) — советский государственный деятель. С 1965 по 1984 гг. — заместитель заведующего, первый заместитель заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС.

М.: Индрик, 2005. 847 с.

Лантева Л. П. История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М.: Индрик, 2012. 839 с.

Лантева Л. П. Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М.: Изд-во Московского университета (МГУ), 1997. 293 с.

Марней Л. П., Носов Б. В. К 100-летию Ивана Ивановича Костюшко // Славяноведение. 2019. № 4. С. 116–125.

Методологические проблемы истории славистики. М.: Наука, 1978. 339 с.

Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 429 с.

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М.: Наука, 1988. 415 с.

Славяноведение в дореволюционной России: библиографический словарь. М.: Наука, 1979. 426 с.

References

Aksenova, E. P. *Ocherki iz istorii otechestvennogo slavianovedeniia. 1930-e gody.* Moscow: s. n., 2000, 222 p.

Ashnin, F. D., Alpatov, V. M. «*Delo slavistov*»: 30-je gody. Moscow: Nasledie, 1994, 284 p.

Dostal', M. Iu. *Kak Feniks iz pepla... (Otechestvennoe slavianovedenie v period Vtoroi mirovoi voiny i v pervye poslevoennye gody).* Moscow: Indrik, 2009, 463 p.

Dostal', M. Iu. *Stanovlenie slavistiki v Moskovskom universitete v svete arkhivnykh nakhodok: izbrannye ocherki.* Moscow: Sputnik+, 2005, 95 p.

Dvadsat' piat' let deiatel'nosti Instituta (1947–1972). Moscow: Nauka, 1971, 141 p.
Institut slavianovedeniia i balkanistiki. 1947–1977 (Spravochno-informatsionnyi obzor). Moscow: Nauka, 1977, 116 p.

Institut slavianovedeniia i balkanistiki. 50 let. Moscow: Indrik, 1996, 423 p.
K istorii slavianovedeniia. Iz lichnogo arkhiva I. I. Kostiusko. Moscow: Institut Slavianovedeniia RAN, 2009, 231 p.

Kiselev, I. N. *Sotrudnichestvo Akademii nauk SSSR s Akademiiami nauk stran — chlenov SEV. 1957–1967.* Moscow: Nauka, 1974, 207 p.

Koroliuk, V. D. “Sovetskie istoriko-slavisticheskie issledovaniia (1917–1967 gg.)” *Sovetskoe slavianovedenie*, 1967, no. 5, p. 37–52.

Lapteva, L. P. *Istoriia slavianovedeniia v Rossii v XIX veke.* Moscow: Indrik, 2005, 847 p.

Lapteva, L. P. *Istoriia slavianovedeniia v Rossii v kontse XIX — pervoi tretii*

XX v. Moscow: Indrik, 2012, 839 p.

Lapteva, L. P. *Slavianovedenie v Moskovskom universitete v XIX — nachale XX veka*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta (MGU), 1997, 293 p.

Marney, L. P., Nosov, B. V. “K 100-letiiu Ivana Ivanovicha Kostiushko.” *Slavianovedenie*, 2019, no. 4, p. 116–125.

Metodologicheskie problemy istorii slavistiki. Moscow: Nauka, 1978, 339 p.

Robinson, M. A. *Sud'by akademicheskoi elity: otechestvennoe slavianovedenije (1917 — nachalo 1930-kh godov)*. Moscow: Indrik, 2004, 429 p.

Slavianovedenie v dorevoliutsionnoi Rossii. Izuchenie iuzhnykh i zapadnykh slavian. Moscow: Nauka, 1988, 415 p.

Slavianovedenie v dorevoliutsionnoi Rossii: biobibliograficheskii slovar'. Moscow: Nauka, 1979, 426 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.03

L. P. Marney, B. V. Nosov

**The report of Ivan Kostiushko to the Central Committee
of the Communist Party of the Soviet Union
on the reform of the Institute of the Slavic Studies in 1968**

Lyudmila P. Marney

Candidate of History

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mlss@bk.ru

ORCID: 0000-0001-6770-959X

Boris V. Nosov

Doctor of History, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: bnossov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4253-1259

Citation

Marney L. P., Nosov B. V. The report of Ivan Kostiushko to the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union on the reform of the Institute of the Slavic Studies in 1968 // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 422–442 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.5.03

Received: 23.01.2023.

Abstract

The publication opens a cycle of studies about the history of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, and of the Russian Slavic studies in the second half of 1940s–1960s in general. This paper focuses on the report of the Soviet historian of Poland Ivan Kostiuszko on the project to transform the Institute of Slavic Studies into an Institute of European Socialist Countries. The main idea of the Kostiuszko's report reached beyond the discussion about the reform of the Institute of Slavic Studies, concerning principle points of transformation of the historical studies in the Academy of Sciences of the Soviet Union. Kostiuszko's proposition was rejected by governing bodies of the Communist Party of the Soviet Union and the Academy of Sciences as well as by historians, who specialized in Slavic studies. Kostiuszko's report, however, presented significant issues about ways and forms of the evolution of historical studies and Slavic studies in the USSR in the 1960s.

Keywords

History of the Institute of Slavic Studies, Slavic Studies in Russia, the report of Ivan Kostiuszko (1968), a project of transformation of the Institute of Slavic Studies, the evolution of the historical studies and the Slavic studies in the USSR in the 1960s.

УДК 94(438).081
DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.01

Ю. А. Борисёнок

**Общество белорусско-литовских земель
в «большом XIX веке»**

Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли в 1772–1860 гг.: человек и общество. — Минск: Беларуская навука, 2022. — 335 с.

Борисёнок Юрий Аркадьевич
Кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект 27, корп. 4, Москва, Российская
Федерация
E-mail: rodina2001@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4958-2799

Цитирование

Борисёнок Ю. А. Общество белорусско-литовских земель в «большом XIX веке» // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 443–457.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.01

Рецензия поступила в редакцию 15.01.2023.

Аннотация

В 2022 г. известный белорусский историк Елена Филатова выпустила в свет монографию о процессах социального развития на белорусско-литовских землях в 1772–1860 гг. Книга охватывает важный период для формирования имперской политики Петербурга на этой территории и механизмов адаптации местного общества к реалиям Российской империи. На основании разнообразных источников, в том числе архивных документов из хранилищ Беларуси, России, Литвы, Польши и Украины, исследовательница рассматривает различные стороны жизни общества белорусско-литовского региона в условиях перехода от традиций государственности Речи Посполитой к механизмам абсолютной монархии. Приоритетное внимание автора обращено к изменению социальной структуры, переменам в жизни различных общественных слоев и конкретных людей в условиях непростого времени, насыщенного войнами и повстанческими попытками. Монография обогащает и расширяет традиционные подходы к истории белорусско-литовских земель в «большом XIX веке», удачно дополняет привычную картину

событий факторами из сферы истории повседневности, привязкой фактов личной биографии людей той эпохи к историческому времени.

Ключевые слова

Белорусско-литовские земли, история Беларуси, история повседневности, «большой XIX век», белорусская историография, Е. Н. Филатова.

Белорусская историческая наука постепенно, но уверенно вырабатывает свои подходы и критерии для оценки принципиально значимых для становления государства и общества Беларуси событий и трансформаций «большого XIX века». В течение длительного периода исследования в этом направлении были сосредоточены в рамках так и не сформировавшейся до конца в марксистской историографии концепции революционного демократизма, а в последние тридцать с лишним лет пристальное внимание к революционерам и повстанцам всех мастей сменилось причудливым плюрализмом мнений и подходов. В этой ситуации весьма перспективными представляются попытки систематизации значимого исторического времени. Именно такую попытку в отношении социальной истории белорусско-литовских земель периода 1772–1860 гг. предприняла в своей монографии 2022 г. ведущий научный сотрудник Института истории НАН Беларуси Елена Николаевна Филатова¹.

Новая книга представляет собой развитие авторских подходов к проблемам рассматриваемой эпохи, которые были основательно представлены в публикациях 1990-х — 2010-х гг., посвященных сословной и конфессиональной политике самодержавия в Беларуси и политике русификации в условиях «инерционных процессов полонизации»².

---

¹ Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли в 1772–1860 гг.: человек и общество. Минск, 2022.

² Філатова А. М. Саслоўная палітыка царскага ўраду на Беларусі. 1772–1860 гг. // Гістарычны альманах. 2002. Т. 6. С. 56–83; Филатова Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси, 1772–1860 гг. Минск, 2006; Філатова А. М., Яноўская В. В. Палітыка русіфікацыі на беларускіх землях ва ўмовах інэрцыйных працэсаў паланізацыі // На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы. Мінск, 2011. С. 79–106 и др.

Е. Н. Филатова четко определяет справедливо вынесенный в название монографии термин «белорусско-литовские земли»: «На основе географического (а не этнического) критерия Витебская, Могилевская (а также, в ряде случаев, и Смоленская) губернии назывались белорусскими, Минская (до 2-й половины XIX в.), Гродненская, Виленская (значительная часть которой входит в современную территорию Республики Беларусь) — литовскими»³. При этом «только к 1840-м гг. XIX в. для правительства и чиновников Российской империи стало очевидным, что белорусы как народ проживают не только в Витебской и Могилевской губерниях, но и в Виленской, Гродненской и Ковенской», однако же «до конца 50-х — начала 60-х гг. XIX в. большинство местного населения не знало, что они белорусы»⁴.

Устойчивая традиция белорусской историографии наших дней заключается в локализации исследований именно современной территорией Республики Беларусь площадью 207,6 тыс. кв. км (исследовательница справедливо отмечает, что «в составе современной территории Республики Беларусь оказались часть Новоалександровского уезда Ковенской губернии и часть Августовского уезда Сувалкской губернии Царства Польского»⁵). Таким образом, характерные для избранной автором эпохи романтические эксперименты с географией, ярким примером которых являются попытки Зориана Доленги-Ходаковского (псевдоним Адама Чарноцкого, 1784–1825) расширить белорусские земли вплоть до Псковской и Новгородской земель⁶, в книге не рассматриваются. Но и без того изучаемое пространство обширно и разнообразно, отличия там «белорусского» от «литовского» до начала 1860-х гг. зачастую нераздельны, что органично дополняется исторически сложившимся культурным и ментальным доминированием Вильно на этой территории.

«Виленский вопрос» чрезвычайно актуален не только для первой половины XX века, но и для рассматриваемого в монографии периода. Представляется, что и в современной белорусской историографии 2020-х гг. сохраняются «ментальные плотины», существующие с позднесталинской эпохи, когда столицу Литовской ССР директивно

³ Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли... С. 17–18.

⁴ Там же. С. 32.

⁵ Там же. С. 18, 21.

⁶ См.: *Борисёнок Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013. С. 53.

велено было именовать Вильнюсом, а не Вильно или Вильной. Е. Н. Филатова редко выходит за пределы этой традиции, но подобные исключения выглядят вполне убедительно: «Возможно, уже к 1830–1840-м гг., после изучения территории белорусско-литовских губерний, сложилось представление и о их национальном составе, облике, чертах характера, языке. Академик Российской академии наук П. Кеппен изучал население западных губерний и впервые создал “Этнографическую карту Европейской России”, которая была напечатана в 1851 г. Он очень критически отнесся к данным IX ревизии, в частности к данным о численности государственных крестьян Гродненской губернии, которая показала там наличие 132,7 тыс. душ мужского пола... литовцев, в то время как согласно полученным им данным их было всего 2,3 тыс. человек обоего пола. В основу своей методики П. Кеппен положил родной язык как один из ведущих факторов в определении этноса. На его карте, составленной по ревизии 1834 г., Вильна с регионами, которые прилегали к ней, кроме западных, была отнесена к белорусскому этносу. Результаты наблюдений П. Кеппена подтвердили офицеры Генерального штаба в конце 50-х — начале 60-х гг. XIX в.»⁷.

Весьма перспективной задачей для белорусских исследователей является верификация данных академика и одного из основателей Императорского Русского географического общества Петра Ивановича Кёппена (1793–1864) и его современников в части белорусского присутствия в Вильно и окрестностях. Продвижение в этом направлении научного поиска может стать интересным дополнением к сформулированным недавно точкам зрения литовских и западных исследователей, в частности Дарюса Сталюнаса и Теодора Р. Уикса⁸.

Логичным представляется структурное членение основного содержания монографии на семь глав, повествующих соответственно о территории и населении белорусско-литовских земель, их сословной структуре и занятиях жителей, участии в общественно-политической жизни, социальном аспекте войн и восстаний, браке и семье, а также быте и культуре в повседневном измерении. Разнообразие рассматриваемой тематики объединяет единство корпуса

---

⁷ Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли... С. 24–25.

⁸ Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022; Spatial concepts of Lithuania in the long Nineteenth century / ed. by D. Staliūnas. Boston, 2016; Weeks T. R. Vilnius between nations, 1795–2000. DeKalb, 2015.

привлеченных источников, повышенное внимание в котором справедливо уделено широко распространенному в «большом XIX веке» жанру воспоминаний; удачно встраиваются в систему доказательств автора и архивные документы из белорусских, российских, литовских и польских хранилищ.

Итоговый вывод Е. Н. Филатовой местами сформулирован необычно: «В какой-то степени период 1772–1860 гг. был довольно благоприятным для развития территории (исключая, конечно, периоды восстаний и войны). Речь Посполитая уже не существовала, разорванная между тремя государствами, и поэтому не могла оказывать сильного влияния; скорее “польскость” сохранялась, потому что была традиционной и были живы поколения людей, которые родились в этом государстве, образованная элита которого говорила на польском языке. Российская империя, получив территорию белорусско-литовско-украинских земель, не могла противопоставить влиянию “польских времен” образованных чиновников, учителей, православных миссионеров. Только с конца XVIII в. до 1812 г. она вела 15 войн, присоединив большое количество нерусских территорий, где также требовались эти же кадры, которых не хватало и в центральном регионе государства. Кроме того, слабые средства информации, нехватка переводчиков с польского, идиша и иврита для русских чиновников; непростая конфессиональная ситуация; смешанный национальный состав: белорусы, литовцы, латыши, украинцы, поляки, русские, немцы, евреи и татары; сложная территория белорусско-литовских земель с большим количеством лесов и болот, плохие дороги и т. д. Все это способствовало интересу к истории этой территории, изучению ее населения, его традиций и культуры»⁹.

Здесь обращает на себя внимание тезис о «благоприятности» периода для развития белорусско-литовских земель; в другом месте автор дополняет эту оценку следующим образом: «До начала 30-х гг. XIX в. для этносов белорусско-литовских земель сложилось довольно хорошее положение в плане национального развития, так как польская государственность уже не существовала и поэтому не могла оказывать колонизационного влияния, а Российской империи не хватало сил для оказания более сильного русификационного давления. Видимо, это было связано как с многочисленными войнами, которые вела империя... которые приводили, в ряде случаев, к присоединению новых территорий, так и с тем, что не только в белорусско-литовских,

---

⁹ Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли... С. 302.

но и в центральных российских губерниях не хватало образованных чиновников, учителей, православных миссионеров»¹⁰.

Такой подход разительно противоречит как более чем 200-летней традиции польской историографии, неизменно трактующей разделы Речи Посполитой в конце XVIII столетия и последующий безгосударственный период как крупнейшую геополитическую катастрофу, в которой нет и не может быть ничего «благоприятного» и «довольно хорошего», так и советским оценкам, в том числе и историков БССР, не видевших ни «благоприятного», ни «довольно хорошего» в «угнетении царизмом и помещиками трудящихся масс», составлявшем основное содержание этой эпохи с точки зрения марксистских трактовок.

Мнение автора о «благоприятности» исследуемого периода для развития белорусско-литовского региона стоит поддержать. Длительность военного и повстанческого лихолетья в эти без малого 90 лет была достаточно краткой, не исключая и напряженный для всего населения этих земель период с июня по декабрь 1812 г. Польско-русская война 1811 г., разразившаяся по причине вспыхнувшего 29 ноября 1830 г. восстания в Варшаве, затронула белорусско-литовские губернии неравномерно: «В Витебской и Могилевской губернии в мае — августе 1831 г. удалось сохранить относительно спокойное положение. Как отмечал генерал-губернатор князь Н. Хованский, наиболее неблагонадежных представителей дворянского сословия высылали из этих губерний в отдаленные регионы Российской империи, или во время восстания удерживали под строгим полицейским надзором. В списках неблагонадежных помещиков Витебской и Могилевской губерний числилось около 50 человек. И только после подавления восстания в Минской, Гродненской, Виленской губерниях и Царстве Польском высланных вернули на место жительства. А полицейский надзор за некоторыми из подозрительных лиц продолжался до 1840-х гг.»¹¹.

Подавляющее большинство землевладельцев-католиков восточнобелорусских губерний повстанцев не поддержало, о чем в 1836 г. свидетельствовал витебский, могилевский и смоленский генерал-губернатор П. Н. Дьяков: «Поляки все еще в лес смотрят, подобно волку, на которого и корм в селении не имеет влияния. Но со всем тем, однако же, во время последней польской революции помещики

10 Там же. С. 32.

11 Там же. С. 184–185.

Витебской губернии не высказали ничего резкого, что бы можно было обратить им в укор или в желание уклониться от настоящего их к правительству положения»¹².

Как представляется, тезис о «благоприятности» стоит распространить и на вторую половину «большого XIX века»: временной промежуток с 1861 до лета 1914 г. отмечен отсутствием военных действий на белорусско-литовских землях, внутренние конфликты серьезного масштаба ограничились столь же неравномерно, как и в 1831 г., затронувшим регион восстанием 1863–1864 гг. и революционными событиями 1905 г.

Дореформенная же «благоприятность» охватывает и шляхту этих территорий, продолжавшую в массе своей считать регион частью географического и культурного пространства Польши: «Участник восстания 1830–1831 гг. А. Рыпинский в своей работе “Białoruś...” (была издана в Париже в 1840 г.) отмечал, что, по его мнению, Белая Русь — это та же Польша и что “эта Русь, насколько она есть и будет польскою, составляет нераздельную часть нашего дорогого Отечества...”»¹³. Шляхтич из Витебской губернии Александр Рыпинский (1809–1886), приходившийся дальним родственником фельдмаршалу Иосифу Владимировичу Гурко, герою русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и энергичному деполонизатору на посту варшавского генерал-губернатора, вслед за Доленгой-Ходаковским включал в белорусские земли Великие Луки и Псков, а книгу свою посвятил «первому из белорусских мужичков, который сначала читать, а затем говорить и думать по-польски научиться»¹⁴. Подобные идеи вплоть до 1863 г. крамолы отнюдь не считались и встречались не только в Париже, но и в дозволенной цензурой печати в Вильно.

Власти спокойно относились и к параллельному бытованию титулования лиц благородного сословия: «В российской документации первой половины XIX в. отсутствовали четкие критерии употребления терминов “дворянин” и “шляхтич”»¹⁵; шляхтой чаще именовали наименее обеспеченных представителей сословия. Более того, «только в августе 1856 г. на уроженцев западных губерний были

¹² Там же. С. 128.

¹³ Там же. С. 140.

¹⁴ *Rypiński A.* Białoruś: kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincii; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. Paryż, 1840. S. 5.

¹⁵ *Филатова Е. Н.* Белорусско-литовские земли в 1772–1860 гг.: человек и общество. С. 46.

распространены общероссийские правила приема на гражданскую службу и перемещение их из одного места в другое»¹⁶. Е. Н. Филатова верно подмечает и причины подобных явлений: «Российская империя, особенно на первых порах, не желая обострять отношений и вызывать волнения местного населения, вынуждена была искать поддержки и опираться на элиту присоединенных земель — шляхту, которая в основном была католической»¹⁷.

Основываясь на материалах РГИА, исследовательница приводит и данные о шляхетском сословии в регионе, которыми располагали в Петербурге: «По сведениям Министерства финансов, которые поступали из казенных палат, в белорусско-литовских губерниях в 1831 г. шляхты различных групп насчитывалось: в Виленской губернии — 26 434 души м. п., Витебской — 10 000, Гродненской — 9073, Минской — 32 643, Могилевской — 26 689, что составляло 104 839 душ м. п.»¹⁸.

Как известно, после 1831 г. имперские власти проводили жесткую политику верификации дворянского достоинства на территориях бывшей Речи Посполитой. В монографии справедливо обращается внимание на то, что процедура проверки наличия шляхетства была очень сложной для самих властей. Это было связано с «нехваткой переводчиков, которые бы знали старобелорусский... польский и латинский языки. Так, например, в Рогачевском уезде Могилевской губернии был всего один человек, который с трудом, однако мог читать документы, в Мстиславском — не было вообще никого, однако были 302 акты-вые книги»¹⁹. Логично заключить, что многолетние судебные тяжбы за признание дворянских прав (таковые, к примеру, в 1834–1917 гг. безуспешно вели в Оршанском уезде предки известного историка-полониста Ивана Ивановича Костюшко (1919–2018)²⁰) осложнялись не только негативным отношением юридической бюрократии к потенциально склонной к бунтарству мелкой шляхте, но и невозможностью грамотно использовать реально существующие архивные доказательства. В этой области нехватка образованных чиновников ощущалась не только в дореформенную эпоху.

---

16 Там же. С. 132.

17 Там же. С. 116.

18 Там же. С. 53.

19 Там же. С. 57.

20 *Борисёнок Ю. А.* 60 лет в строю, или патриарх славяноведения. Штрихи к портрету Ивана Ивановича Костюшко // *Studia Slavica-Polonica* (К 90-летию И. И. Костюшко). М., 2009. С. 11–21.

Извергнутым из дворянского сословия доводилось пополнять иные социальные прослойки: «Спецификой городов было и присутствие в них такой группы, как “граждане” — бывшей шляхты, которая не подтвердила свои права и жила в городе. Она существовала отдельно и к городскому обществу приписывалась только тогда, когда ее количество было уж совсем небольшим. По сведениям Витебской казенной палаты, на 1842 г. их насчитывалось: в Витебске — 9 человек, в Сураже — 1, Велиже — 8, Невеле — 13, Себеже — 5, Дриссе — 2, Полоцке — 17, Лепеле — 1 человек. Всего по Витебской губернии их было 66 душ м. п., а по Могилевской — 106 душ м. п.»²¹.

Тактика ориентации на местную шляхетскую элиту, на взгляд автора, обусловила и прочные позиции в регионе польского языка и католической веры: «Довольно длительное время российские власти относительно слабо вмешивались во внутренние дела присоединенных белорусско-литовских земель: сохранялся польский язык в образовании и печати и даже в некоторых административных структурах, в делопроизводстве и т. д. Правительство также практически не вмешивалось и в межконфессиональные споры из-за слабости господствующей в империи православной церкви (верующие которой считались русскими), и поэтому не обостряло отношения с потерявшей свое господствующее положение на присоединенной территории, однако богатой и очень влиятельной католической церковью (верующие которой считались поляками)»²².

Получается, что имперская бюрократия избрала курс на «невмешательство» в белорусско-литовские дела по причине «нехватки сил» для мероприятий в направлении русификации. Здесь стоит учитывать и вполне реальную в царствование Александра I и в условиях 20-летнего пребывания на посту попечителя Виленского учебного округа князя Адама Ежи Чарторыйского (1803–1823) политику культурной полонизации, при которой самым крупным университетом Российской империи в тот период был Виленский с преимущественно польским языком преподавания²³. К примеру, взгляды Рыпинского как типичного представителя эпохи закономерно сформировались в витебской гимназии, относившейся к университету в Вильно. Политика же русификации после 1831 г. вплоть до 1863 г. порой

21 Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли... С. 87–88.

22 Там же. С. 16.

23 См.: *Beauvois D. Wilno — polska stolica kulturalna zaboru rosyjskiego 1803–1832.* Wrocław, 2010.

артикулировалась, но в практической плоскости почти не осуществлялась. Властям было выгодно ориентироваться на «благонамеренное» большинство местной шляхты с ее традициями полонизма в условиях, когда «белорусскому мужичку» учиться грамоте было одинаково невозможно ни по-русски, ни по-польски.

Замечание же о «невмешательстве» правительства в межконфессиональные споры на белорусско-литовских землях относится исключительно к периоду до 1831 г. И если католическую церковь жесткие меры после неудачного восстания в тот раз практически не затронули (папа Григорий XVI повстанческую попытку осудил), то наиболее многочисленную паству униатской конфессии ожидали серьезные перемены. Е. Н. Филатова об упразднении унии в регионе в 1839 г. повествует кратко, такой подход вполне оправдан при наличии специальной монографии автора о конфессиональной политике²⁴. При этом чрезвычайно важно мнение Николая I, который в письме от 26 февраля — 3 марта 1839 г. наследнику престола великому князю Александру Николаевичу, будущему Александру II, восклицал: «Считаю, что в последнем столетии вряд ли было что важнее в политическом отношении для нашей матушки России»²⁵. Не склонный к восторженным эмоциям император не случайно ставил упразднение унии выше Отечественной войны 1812 г., русско-турецких войн или разделов Речи Посполитой. В глазах самодержца возвращение в лоно православия крестьянской массы белорусско-литовских земель, а также Волыни означало торжество именно политики русификации. В тогдашней имперской системе координат конфессиональное начало преобладало над языковыми и образовательными факторами, и такое отношение властей в целом сохранилось в белорусском случае вплоть до 1917 г.

В монографии убедительно показано, что и в дореформенный период бюрократия Российской империи в некоторых случаях официально признавала наличие белорусского языка: «Интересным было определение языка, которым был написан Статут ВКЛ 1588 г. и в котором он назывался “русским”. Так, 3 сентября 1828 г. обер-прокурор III Департамента Сената А. А. Владиславцев писал чиновнику

---

24 Филатова Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси, 1772–1860 гг.; см. также: Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 68–108.

25 Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I, 1838–1839. М., 2008. С. 336.

М. А. Трушковскому, что управляющий Министерства юстиции предписал отыскать и представить в польской Метрике первое печатное издание Литовского статута на белорусском языке 1588 года. Указом 17 ноября 1828 г. было принято решение о переводе на русский язык белорусского издания 1588 г. Литовского статута»²⁶.

В конце 1850-х гг. начинает проявляться и стремление властей отдать предпочтение кириллице в отношении белорусских текстов и не дать укорениться тенденции, развивавшейся Рыпинским и его современниками, публиковавшими белорусские народные песни, поговорки и т. д. на латинице: «Первое ограничительное вмешательство властей относится к 1859 г., и касалось оно именно алфавита. “Печатание азбук, содержащих в себе применение польского алфавита к русскому языку”, было запрещено. Русский язык, по мнению властей, включал в себя малорусское и белорусское наречия, и потому цензурный циркуляр специально уточнял, что следует “постановить правилом, чтобы сочинения на малороссийском наречии, собственно для распространения между простым народом, печатались не иначе, как русскими буквами”. Едва ли не первым пострадавшим от этого циркуляра оказался В. Дунин-Марцинкевич, который с 1855 по 1857 г. без всяких проблем издал в империи четыре книги на белорусском языке латиницей. Изданный же в 1859 г. тираж “Пана Тадеуша” А. Мицкевича был конфискован именно из-за латинского алфавита. Впрочем, власти возместили В. Дунину-Марцинкевичу расходы на это издание»²⁷.

Не менее характерно и признание значительной величины белорусского элемента в восточнославянском триединстве: «В этнографическом атласе (подготовленном по материалам X ревизии 1858 г.) выделены литовцы, латыши, поляки, немцы, евреи, татары. А вот малороссы, белорусы и великороссы объединены общим названием “русские”. И отмечалось, что “белорусы суть представители одного из трех больших национальных отделов русской народности вообще, а белорусский язык — одно из трех главных наречий русского языка”»²⁸. Спустя 78 лет, в 1936 г., видный сталинский соратник А. А. Жданов, занимаясь реформированием школьных учебников по истории, практически воспроизвел имперскую точку зрения конца 1850-х гг., только с разделением на отдельные народы. Вместо фразы

---

26 Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли ... С. 32.

27 Там же. С. 31.

28 Там же. С. 25.

авторов одного из учебников «Славяне — предки русского народа» Жданов вписал фразу «Впоследствии славяне, жившие в Восточной Европе, образовали три больших народа — русских, украинцев и белорусов»²⁹.

Но еще в 1810-х гг. отдельные духовные лица уверенно причисляли себя именно к «белорусской нации»: «Трудности с самоопределением были и у самого населения. Так, с конца XVIII в. в формулярных списках чиновников, духовенства была графа “какой нации”. Например, в списке чиновников-базилиан Виленской униатской митрополичьей епархии за 1815 г. 4 человека назвали себя “уроженцами литовскими”, 14 — отнесли себя к “литовской нации”, 2 — “польской нации”, 1 — “белорусской”, 1 — назвал себя “уроженцем волынским”, 1 — “уроженцем самогитским”. В ведомостях о количестве монахов за 1823 г. в православных монастырях к “белорусской нации” себя относил архимандрит Иосиф из Виленского Свято-Духовского...»³⁰.

Таким образом, обстоятельное исследование Е. Н. Филатовой добавляет немало важных и метко подмеченных штрихов к коллективному портрету общества белорусско-литовских земель в переломную эпоху 1772–1860 гг. Монография расширяет традиционные подходы к белорусской истории «большого XIX века» и обозначает важные направления дальнейшего исследовательского поиска.

Источники и литература

Борисёнок Ю. А. 60 лет в строю, или Патриарх славяноведения. Штрихи к портрету Ивана Ивановича Костюшко // *Studia Slavica-Polonica* (К 90-летию И. И. Костюшко). М.: Институт славяноведения РАН, 2009. С. 11–21.

Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: Родина Медиа, 2013. 352 с.

Вольнец А. Н. Жданов. М.: Молодая гвардия, 2013. 619 с.

Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

29 *Вольнец А. Н.* Жданов. М., 2013. С. 189.

30 Там же. С. 21.

Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I, 1838–1839 / под ред. Л. Г. Захаровой, С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2008. 741 с.

Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.

Филатова Е. Н. Белорусско-литовские земли в 1772–1860 гг.: человек и общество. Минск: Беларуская навука, 2022. 335 с.

Филатова Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси, 1772–1860 гг. Минск: Беларуская навука, 2006. 192 с.

Філатава А. М., Яноўская В. В. Палітыка русіфікацыі на беларускіх землях ва ўмовах інэрцыйных працэсаў паланізацыі // На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы. Мінск: Беларуская навука, 2011. С. 79–106.

Філатава А. М. Саслоўная палітыка царскага ўраду на Беларусі. 1772–1860 гг. // Гістарычны альманах. 2002. Т. 6. С. 56–83.

Beauvois D. Wilno — polska stolica kulturalna zaboru rosyjskiego 1803–1832. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010. 824 s.

Rypiński A. Białoruś: kilka słów o poezji prostego ludu tej naszej polskiej prowincji; o jego muzyce, śpiewie, tańcach, etc. Paryż: W księgótłoczni J. Marylskiego, 1840. 231 s.

Spatial concepts of Lithuania in the long Nineteenth century / ed. by D. Staliūnas. Boston: Academic Studies Press, 2016. 471 p.

Weeks T. R. Vilnius between nations, 1795–2000. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2015. 366 p.

References

Beauvois, D. *Wilno — polska stolica kulturalna zaboru rosyjskiego 1803–1832*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010, 824 p.

Borisyonok, Yu. A. “60 let v stroiu, ili Patriarkh slavianovedeniia. Shtriki k portretu Ivana Ivanovicha Kostiuszko.” *Studia Slavica-Polonica (K 90-letiiu I. I. Kostyushko)*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2009, pp. 11–21.

Borisyonok, Yu. A. *Na krutykh povorotakh belorusskoi istorii: obshchestvo i gosudarstvo mezhdru Pol'shei i Rossiei v pervoi polovine XX veka*. Moscow: Rodina Media Publ., 2013, 352 p.

Dolbilov, M. D. *Russkii krai, chuzhaia vera: etnokonfessional'naiia politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 1000 p.

Filatava, A. M., Ianoŭskaia, V. V. “Palityka rusifikacyi na bielaruskikh ziemliakh va ŭmovakh inertsyŭnykh pratsesaŭ palanizatsyi.” *Na shliakhu stanaŭliennia bielaruskaŭ natsyi: historyahrafichnyia zdabytki i prablemy*. Minsk: Belaruskia navuka, 2011, p. 79–106.

Filatava, A. M. “Sasloŭnaia palityka tsarskaha ŭradu na Belarusi. 1772–1860 hh.” *Historychny al'manakh*, 2002, no. 6, p. 56–83.

Filatova, E. N. *Belorussko-litovskije zemli v 1772–1860 gg.: chelovek i obshchestvo*. Minsk: Belaruskiaia navuka, 2022, 335 p.

Filatova, E. N. *Konfessional'naia politika tsarskogo pravitel'stva v Belarusi, 1772–1860 gg.* Minsk: Belaruskiaia navuka, 2006, 192 p.

Perepiska tsesarevicha Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I, 1838–1839 / ed. by L. G. Zakharova, S. V. Mironenko. Moscow: ROSSPEN Publ., 2008, 741 p.

Spatial concepts of Lithuania in the long Nineteenth century / ed. by D. Staliūnas. Boston: Academic Studies Press, 2016, 471 p.

Stalyunas, D. *Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossiiskoi imperii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 376 p.

Volynets, A. N. *Zhdanov*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2013, 619 p.

Weeks, T. R. *Vilnius between nations, 1795–2000*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2015, 366 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.01

Yu. A. Borisyonok

The society of Belarusian-Lithuanian lands in the Long 19th century

Yuri A. Borisyonok

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: rodina2001@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4958-2799

Citation

Borisyonok Yu. A. The society of Belarusian-Lithuanian lands in the Long 19th century // Slavic Almanac. 2023. No 1–2. P. 443–457 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.01

Received: 15.01.2023.

Abstract

In 2022, the famous Belarusian historian Elena Filatova published a monograph on the processes of social development in the Belarusian-Lithuanian lands in 1772–1860. The book covers an important period for the formation of the imperial policy of Saint Petersburg on this territory and the mechanisms for adapting the local society to the realities of the Russian Empire. Based on various sources, including archival documents from the archives of Belarus, Russia, Lithuania, Poland, and Ukraine, the researcher examines various aspects of the life of the society of the Belarusian-Lithuanian region in the context of the transition from the traditions of statehood of the Polish-Lithuanian Commonwealth to the autocratic order. The author focuses on the changes in the social structure, changes in the lives of various social strata and specific people in a difficult time, full of wars and insurrectionary attempts. The monograph enriches and expands traditional approaches to the history of the Belarusian-Lithuanian lands in the Long 19th century, successfully supplements the usual picture of events with factors from the sphere of everyday history, linking the facts of the personal biographies of people of the period to the historical time.

Keywords

Belarusian-Lithuanian lands, history of Belarus, history of everyday life, Long 19th century, Belarusian historiography, E. N. Filatova.

**Чехи и словаки в России в конце XIX — начале XX вв.:
взгляд современного историка**

Серapiroнова Е. П. Чехи и словаки в Российской империи (последняя треть XIX — начало XX вв.). — М.: Институт славяноведения РАН, 2021. — 332 с.

Шевченко Кирилл Владимирович
Доктор исторических наук, профессор
Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске
220107, Народная 21, Минск, Республика Беларусь
E-mail: shevchenkok@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-9702-9883

Цитирование

Шевченко К. В. Чехи и словаки в России в конце XIX — начале XX вв.: взгляд современного историка // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 458–467. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.02

Рецензия поступила в редакцию 28.11.2022.

Аннотация

Очередная монография известного историка-богемиста Е. П. Серapiroновой, посвященная чехам и словакам в Российской империи в конце XIX — начале XX вв., стала заметным явлением в отечественном славяноведении. Монография, имеющая обзорный характер, в полной мере учитывает всю обширную историографию по данной тематике, включая как работы отечественных историков, так и труды чешских и словацких исследователей. Автор опирается на солидную источниковую базу, в том числе на ряд ранее не использовавшихся архивных материалов. В книге подробно анализируются этапы миграции чехов и словаков в Россию начиная с эпохи Средневековья. Оправданно большое внимание автор уделил миграционным процессам в XIX в., когда в силу ряда причин миграционный приток чехов и словаков в Российскую империю резко увеличился. Е. П. Серapiroнова рассматривает причины миграций чехов и словаков в Россию, подчеркивая, что среди них имелись как политические, так и религиозные мотивы, но заметно

преобладали экономические соображения. В монографии описывается культурная и общественная жизнь чешских колоний в России, причем автор отдельно исследует и выявляет специфику чешских общин на Волыни, в Крыму, на Северном Кавказе, а также в крупных городах Российской империи, отмечая активное участие чехов в спортивно-сокольском и неославянском движениях на рубеже XIX–XX вв. В целом исследование Е. П. Серапионовой является успешным продолжением уже имеющейся обширной историографической традиции и представляет собой важный вклад в изучение связей России с чехами и словаками.

Ключевые слова

Чехи, словаки, Российская империя, миграции, межславянские связи.

Заметным явлением в отечественной славистике стало издание очередной монографии известного ученого-богемиста Е. П. Серапионовой «Чехи и словаки в Российской империи (последняя треть XIX — начало XX вв.)»¹. Труд Е. П. Серапионовой, имеющий обзорный характер, содержит подробный анализ обширной отечественной и зарубежной литературы по данной тематике, включая не только научные работы, но и публикации краеведов и историков-любителей. При этом автор обращает внимание на неравномерную изученность истории чехов и словаков в России до Первой мировой войны, констатируя, что лучше всего исследована жизнь чешских колоний на Волыни, в Киеве, на Северном Кавказе и в Санкт-Петербурге (с. 18–19).

По словам автора, цель работы — «освещение миграционных процессов указанного периода на примере переезда в Россию чехов и словаков, рассказ об их жизни и деятельности, возвращение в российскую, чешскую и словацкую историю имен выдающихся представителей чешских и словацких эмигрантов, оценка вклада переселенцев в культурный и экономический потенциал Российской империи» (с. 31). Работа основана на солидной источниковой базе, включающей многочисленные воспоминания, новые документальные публикации, а также архивные материалы, в том числе недостаточно исследованный фонд Национального совета чешского (НСЧ), находящийся

---

¹ *Серапионова Е. П. Чехи и словаки в Российской империи (последняя треть XIX — начало XX вв.)*. М., 2021.

в Национальном архиве в Праге, материалы Центрального государственного архива в Праге, различные фонды Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного исторического архива (РГИА) в Санкт-Петербурге, публикации российской, чешской и словацкой прессы (с. 32).

Первая глава, посвященная причинам, началу и основным направлениям эмиграции чехов и словаков в Россию, начинается с эпохи Средних веков, куда уходят корни данных миграционных процессов. Автор отмечает, что мощный импульс переселению чехов и словаков в Россию был дан преобразованиями Петра I, когда для проведения модернизационных реформ в Российскую империю стали приглашать «специалистов, техников, музыкантов, учителей, промышленников, медиков» (с. 35). В выписанной Петром I в 1720 г. из Вены театральной труппе было восемь чешских актеров, которые «выступали на театральной сцене царевны Натальи Алексеевны» (с. 36). Чешский врач Х. Шимбер «основал бальнеологический курорт на Северном Кавказе, изучив местные источники минеральных вод» (с. 36).

Судя по всему, массовая эмиграция чехов в Россию начинается в 1760-е гг., после принятия императрицей Екатериной II решения о предоставлении беспрецедентных льгот иностранным переселенцам, что было вызвано необходимостью быстрого экономического освоения новых обширных территорий. Чехи уезжали в Россию вместе с немцами, численность которых среди эмигрантов была намного выше, и, оказавшись в немецком окружении в Саратовской губернии, «за несколько десятилетий чехи полностью ассимилировались» (с. 39).

Любопытна приводимая в монографии информация об уроженце Южной Чехии Ф. Н. Кличке. Прибыв в конце 1740-х гг. в Россию в качестве воспитателя, он сделал впоследствии блестящую военную карьеру, отличившись в Семилетней войне и в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., и в 1773–1783 гг. занимал пост иркутского губернатора. Стараниями Ф. Н. Клички, оказавшегося деятельным и инициативным администратором, в Иркутске была создана первая городская школа, затем народное училище, а также городская публичная библиотека, в пользу которой губернатор пожертвовал 204 сочинения из личной библиотеки (с. 40–41). Важным событием в европейской научной жизни стал визит в 1792 г. в Санкт-Петербург известного чешского ученого-слависта Й. Добровского. Симпатии и интерес к России в чешском обществе существенно возросли после наполеоновских войн, в которых Россия сыграла решающую роль (с. 43).

В первой половине XIX в. приобретает организованные формы эмиграция в Россию востребованных там преподавателей, технических специалистов и музыкантов. Активными посредниками в этом процессе выступили известный чешский будитель и русофил В. Ганка, а также священник русской посольской церкви в Вене М. Ф. Раевский, состоявший с Ганкой в постоянной переписке. Особый интерес к чехам и австрийским славянам в целом проявляло Министерство народного просвещения Российской империи, искавшее среди них преподавателей древних языков для российских гимназий и прогимназий (с. 49). Однако основной эмиграционный вектор из чешских и словацких земель во второй половине XIX — начале XX вв. был направлен на Северную Америку. Масштаб эмиграционных потоков туда постоянно нарастал, и поэтому чешские и словацкие политики в это время «были весьма встревожены и негативно воспринимали “исход” из чешских земель и Словакии за океан. Тогда и возникла идея переориентации эмиграции на славянские земли» (с. 63).

Особое место в представлениях чехов и словаков играла Россия, интерес к которой «стал особенно усиливаться после путешествия чехов и словаков на этнографическую выставку в Москву в 1867 г., так называемого паломничества чехов в Москву, во время которого они получили аудиенцию у императора Александра II, который якобы сказал чехам Ф. Палацкому и Ф. Л. Ригеру: “Вы здесь не гости, вы свои”» (с. 63). Данное событие вызвало большой резонанс в Чехии. Известный чешский общественный деятель Э. Грегр 15 мая 1867 г. записал в дневнике: «Самый убежденный демократ-республиканец чувствует большое значение слов царя... В Вене каждый истопник и уборщица при дворе нос воротит и свысока смотрит на чеха, вообще на славянина, а здесь царица представляет своих детей славянским гостям» (с. 66). Побывавшие в России в 1867 г. чехи «были покорены русским народом»; уже в апреле 1868 г. чешский политик и публицист Ю. Грегр в газете «Народни листы» писал о преимуществах эмиграции в славянскую Россию, а не в Америку (с. 67). В свою очередь, власти России так же были заинтересованы в привлечении славянских переселенцев для освоения обширных земель в Северном Причерноморье, Крыму и на Кавказе, особенно после исхода крымских татар и черкесов Западного Кавказа в Турцию (с. 70).

Наиболее активно, как отмечает автор, шел процесс переселения чехов на Волынь, что было связано с политикой российских властей, направленной на деполонизацию юго-западных областей Российской

империи после подавления польского восстания 1863 г. С 1868 по 1870 г. на Волынь переселилось около 8 тыс. чехов, а к 1897 г. их там проживало уже 28 тыс. (с. 71).

После завершения Кавказской войны и массовой эмиграции черкесов чехи оказались среди наиболее востребованных потенциальных колонизаторов Северо-Западного Кавказа. В 1868 г. были основаны два чешских села в окрестностях Туапсе; впоследствии чешские колонисты создали ряд других поселений на территории Новороссийского округа; к 1870-м гг. на Северном Кавказе существовало 12 чешских деревень, в которых проживало 360 семей (с. 76). Показательно, что российские общественные деятели и ученые славянофильской ориентации, включая И. С. Аксакова, О. М. Бодянского и А. Ф. Гильфердинга, активно поддерживали политику по привлечению славянских колонистов в Россию. Так, Славянский благотворительный комитет в Петербурге образовал специальную комиссию по переселению чехов на Кавказ (с. 77). Как отмечает Е. П. Серапионова, российские власти предлагали весьма выгодные и привлекательные условия для переселенцев. Колонисты получали «участок земли, сельскохозяйственные орудия, жилье, деньги и освобождение от налогов на 30 лет. Они имели право на административное самоуправление и не подлежали воинскому призыву, им предоставлялся еще ряд льгот» (с. 79). Тем не менее незнание языка, местных законов и обычаев, иной уклад жизни серьезно усложняли социальную адаптацию и нередко вызывали недовольство части чешских переселенцев, что отмечала в 1910 г. чешская газета «Лидове новины» (с. 80–81). В конце XIX — начале XX вв. интенсивность эмиграции чехов и словаков в Россию резко возросла, чему, как полагает Е. П. Серапионова, способствовали «заключенные во второй половине XIX в. между Россией и Австро-Венгрией двусторонние соглашения, регулировавшие предпринимательскую деятельность... Согласно этим правительственным актам австро-венгерские подданные в России (также как и россияне в империи Габсбургов) получили возможность приобретать недвижимость, основывать торговые и промышленные предприятия, создавать акционерные общества на тех же условиях, что и местные жители» (с. 84). Среди причин эмиграции чехов и словаков в Россию были политические и религиозные факторы, но, как подчеркивает автор, преобладали экономические (с. 90). На рубеже XIX–XX вв. Россию стали активно посещать чешские политики и ученые, среди них депутат австрийского рейхсрата К. Крамарж, историк и политик Я. Челаковский и др. (с. 87).

С начала XX в. можно говорить об экскурсионных и туристических поездках чехов в Россию (с. 89).

Во второй главе анализируется жизнь и деятельность чешских и словацких эмигрантских общин в наиболее важных местах их расселения, в том числе на Волыни, в Киеве, в Одессе и Бессарабии, в Крыму и на Северном Кавказе, в Царстве Польском, в Москве и Санкт-Петербурге, а также на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Оправданно большое внимание в монографии уделено месту наибольшей концентрации чехов в России — Волыни, где накануне Первой мировой войны проживало около 30 тыс. чехов в 174 селах Луцкого, Дубенского, Житомирского и Ровенского уездов (с. 95), где они имели самоуправление, собственные школы и церковную организацию (с. 95). Российские власти поощряли чешскую колонизацию Волыни как по чисто экономическим причинам (чехи обоснованно считались «культурными» хозяевами), так и в целях создания в лице русофильски настроенных чехов противовеса местным полякам, что было весьма актуально после подавления польского восстания 1863 г. (с. 97). Любопытной особенностью чешской общины на Волыни была ее приверженность гуситской церкви, что находило поддержку у российских властей, стремившихся не допустить слияния чешских колонистов с местными польскими католиками и немецкими протестантами (с. 101). Данные обстоятельства, однако, осложнялись борьбой и взаимными интригами между различными чешскими священниками (с. 104–105). В итоге большинство чехов на Волыни постепенно приняли православие, что, как замечает Е. П. Серапионова, облегчалось их «заметной конфессиональной индифферентностью» (с. 106). К началу 1890-х гг., по данным Священного Синода, в православие перешло 6 488 чехов (с. 106). Русские современники отмечали экономическое благополучие и высокий хозяйственный уровень чешских хуторов на Волыни. По данным чешской прессы, к 1910 г. на Волыни проживало около 40 тыс. чехов, построивших здесь 16 пивоварен, 113 мельниц и пять сахарных заводов (с. 110).

Важным центром чешской диаспоры в Российской империи был Киев, где к концу XIX в. проживало около 4–5 тыс. чехов. Именно киевские чехи основали здесь несколько крупных предприятий — машиностроительный завод Гретера и созданный в 1898 г. А. Унгерманном и Т. Неядлы чугунолитейный завод, который во время Первой мировой войны выполнял военные заказы для русской армии (с. 111). Довольно многочисленная чешская община проживала и в Одессе:

к 1909 г. в ней насчитывалась примерно 1 тыс. человек (с. 116). Ее любопытной особенностью являлся высокий удельный вес работников творческих профессий и представителей интеллигенции — среди одесских чехов было много преподавателей, архитекторов и музыкантов. К 1914 г. в Черноморской губернии и на Кубани проживало около 2 257 чехов, в основном это были крестьяне и ремесленники (с. 123). Любопытно, что один из местных чехов, окружной агроном в Новороссийске Б. Гейдук, «стоял у истоков известного завода шампанских вин “Абрау-Дюрсо”» (с. 125).

Специфической чертой чешской общины Санкт-Петербурга, бывшей многочисленной уже в 1870-е гг., являлось целое созвездие известных музыкантов и дирижеров, включая Э. Направника, В. Главача и Й. Палечека (с. 133). Значительной по численности была к концу XIX в. и чешская колония в Москве; среди московских чехов преобладали преподаватели, музыканты, ремесленники и предприниматели (с. 146). Примечательно, что в самом конце XIX в. «половина оркестра Большого театра состояла из чехов» (с. 147). Оправданно большое место в монографии уделено жизни и деятельности двух известных словаков-толстовцев — Душана Маковицкого, более пяти лет являвшегося личным врачом Л. Н. Толстого (с. 170–177), и Владимира Кривоша, сделавшего успешную карьеру в Российской империи (с. 177–180).

Третья глава содержит подробный анализ общественной и культурной деятельности чешской и словацкой диаспоры в России. Особое внимание уделено различным чешским и словацким обществам и кружкам, а также их связям с Россией и исторической родиной. Как отмечает автор, среди разнообразных структур, созданных чехами и словаками в России, были школы, библиотеки, просветительские общества, клубы-трактиры, пожарные команды, оркестры, певческие и театральные кружки (с. 234). Большое значение имела чешская пресса в России, способствовавшая интеграции чехов в российское общество. Любопытно, что, проведя в России длительное время и воспринимая ее как свою вторую родину, многие чехи негативно воспринимали критику в ее адрес на страницах австро-венгерской прессы, включая чешские газеты. Так, ознакомившись с нелицеприятными суждениями о России социал-демократа А. Немеца, опубликованными в чешской газете «Ческе слово», в июле 1913 г. русские чехи отправили в редакцию письмо, в котором опровергали обвинения Немеца, будто бы в России нет демократии и свободы, и указывали на то, что он не знает Россию, черпая информацию о ней «из немецких газет» (с. 202).

Показательно, что осевшие в России чехи и словаки активно участвовали в спортивно-патриотическом сокольском и неославянском движениях на рубеже XIX–XX вв. (с. 234–235). При этом Е. П. Серапионова критикует некоторых современных чешских и словацких историков, полагающих, что власти России «продвигали панславистские идеи, используя их в своих великодержавных планах. На самом деле, — обоснованно замечает автор, — славянское движение в России имело скорее характер общественного, а властные структуры, руководствуясь внешнеполитическими соображениями, не желая обострять отношения с Австро-Венгрией и Германией, наоборот, не раз приостанавливали деятельность славянских обществ» (с. 213).

* * *

Поставленная автором цель — «освещение миграционных процессов указанного периода на примере переезда в Россию чехов и словаков, рассказ об их жизни и деятельности, возвращение в российскую, чешскую и словацкую историю имен выдающихся представителей чешских и словацких эмигрантов» — была успешно выполнена на основе разнообразных и многочисленных источников и с учетом обширной историографической традиции. Монография Е. П. Серапионовой является существенным вкладом в изучение связей России с чехами и словаками и будет полезна и интересна не только специалистам-славистам, но и самому широкому кругу историков.

Источники и литература

Серапионова Е. П. Чехи и словаки в Российской империи (последняя треть XIX — начало XX вв.). М.: Институт славяноведения РАН, 2021. 332 с. DOI: 10.31168/0453-4

References

Serapionova, E. P. *Chekhi i slovaki v Rossiiskoi imperii (posledniaia tret' XIX — nachalo XX vv.)*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2021, 332 p. DOI: 10.31168/0453-4

**Czechs and Slovaks in Russia in the late 19th — early 20th centuries:
A view of a modern historian**

Kirill V. Shevchenko

Doctor of History, professor

Russian State Social University (Minsk Branch)

220107, Narodnaya 21, Minsk, Belarus

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-9702-9883

Citation

Shevchenko K. V. Czechs and Slovaks in Russia in the late 19th — early 20th centuries: A view of a modern historian // Slavic Almanac. 2023. No 1–2. P. 458–467 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.02

Received: 28.11.2022.

Abstract

Another monograph prepared by the famous Russian historian, specialist in Bohemian Studies E. P. Serapionova, dedicated to the Czechs and Slovaks in the Russian Empire in the late 19th — early 20th centuries, is an important publication in Slavic studies in Russia. The monograph, which has mostly a review character, takes fully into account the whole extensive historiography on this topic, including both the works of domestic historians and the works of Czech and Slovak researchers. The monograph, which has a solid source base, including a number of previously unused archival materials, analyzes in detail the initial stage of the migration of Czechs and Slovaks to Russia, starting from the Middle Ages. Justifiably, the author paid great attention to migration processes in the 19th century, when, for a number of reasons, the migration influx of Czechs and Slovaks to the Russian Empire increased sharply. E. P. Serapionova analyzes in detail the reasons for the migration of Czechs and Slovaks to Russia, emphasizing that among the reasons for the emigration of Czechs and Slovaks to Russia there were both political and religious ones, but economic considerations noticeably prevailed. The monograph reflects the active cultural and social life of the Czech colonies in Russia. The author separately explores and identifies the specifics of the Czech communities in Volhynia, Crimea and the North Caucasus, as well as in large cities of the Russian Empire, noting the active participation of Czechs in the sports movement and in the neo-

Slavic movement at the turn of the 20th century. In general, the study of E. P. Serapionova is a successful continuation of the already existing extensive historiographical tradition. It represents a valuable contribution to the study of Russia's relations with the Czechs and the Slovaks.

Keywords

Czechs, Slovaks, Russian Empire, migrations, inter-Slavic relations.

Слово в языке культуры старообрядцев Южной Америки

О. Г. Ровнова. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. 2-е изд. — М.: Издательский дом ЯСК, 2022. — 608 с.

Белова Ольга Владиславовна
Доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5221-9424

Цитирование

Белова О. В. Слово в языке культуры старообрядцев Южной Америки // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 468–477.
DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.03

Рецензия поступила в редакцию 19.01.2023.

Аннотация

В рецензии представлена книга О. Г. Ровновой, основанная на языковом материале, собранном автором в 2010–2017 гг. в общинах старообрядцев-часовенных, проживающих в Аргентине, Боливии, Бразилии, Уругвае. В книгу вошли очерки, посвященные истории, культуре и русскому диалектному языку старообрядцев, а также фрагмент «Словаря говора старообрядцев Южной Америки», над которым много лет работала О. Г. Ровнова. Автор анализирует социолингвистическую ситуацию в общинах старообрядцев Южной Америки, выделяет комплекс основных диалектных черт говоров, не испытывавших воздействия нормированного литературного русского языка, характеризует конфессиональную и национальную самоидентификацию старообрядцев по данным их языка, устные и письменные формы бытования говора, особенности сосуществования русского и иностранных языков в разных локальных традициях. В книге также предлагается решение вопроса об установлении языковой прародины старообрядцев — территории их материнских говоров (северо-восток Нижегородской, юго-запад Кировской и восток Костромской областей).

Ключевые слова

Лексикография, лексическая семантика, диалектология, конфессиональные сообщества, старообрядцы Южной Америки.

Монография О. Г. Ровновой является итогом многолетней работы автора над исследованием русского диалектного языка старообрядцев-часовенных, с начала 1960-х гг. проживающих в разных странах Южной Америки (их численность — приблизительно 4 000 человек). Материал для исследования был собран в 2010–2014 гг. во время комплексных экспедиций Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН в старообрядческие поселения Аргентины, Боливии, Бразилии, Уругвая и дополнен материалами, зафиксированными в 2012, 2016 и 2017 гг. в с. Дерсу Красноармейского района Приморского края (место компактного проживания старообрядцев, переехавших в Россию из Боливии в 2011 г.).

Книга пришла к читателям на волне расцвета диалектной лексикографии, о чем свидетельствует представленный автором на с. 174–178 обзор словарей говоров старообрядцев, живущих за пределами России в иноязычном окружении (в Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Белоруссии, Украине, США), а также изданий, посвященных старообрядческим говорам Российской Федерации (казаки-некрасовцы, семейские). К указанному кругу источников можно добавить также работы Т. С. Ганенковой о языке старообрядцев Латгалии и Польши и Г. П. Пилипенко о региональных и конфессиональных прозвищах в Латгалии¹.

В книге подробно описана история переселения старообрядцев-часовенных из Китая в Латинскую Америку в 1959–1961 гг., а также этапы изучения их истории, языка и культуры. В книге нашел отражение и процесс реэмиграции в Россию старообрядцев Южной Америки, повлиявший на их ментальную и языковую картину мира.

Главное внимание автор уделяет диалектному языку старообрядцев (так называемых синьзянцев и харбинцев)², который наравне с религиозной принадлежностью является важнейшим маркером

---

¹ Русский язык и народная традиция старообрядцев зарубежья. М., 2019. С. 54–80, 81–119, 166–203.

² Прозвища *синьзянцы* и *харбинцы* возникли в Гонконге, где встретились две группы старообрядцев-переселенцев (одна — из провинции Западный Синьцзян, другая — из окрестностей Харбина).

(само)идентификации этой этноконфессиональной группы. На основе собранного материала установлена близость говора синьзянцев и харбинцев с современными говорами северо-востока Нижегородской, юго-запада Кировской и востока Костромской областей, то есть территории проживания старообрядцев-«кержаков», потомками которых являются южноамериканские старoverы.

Значительный пласт анализируемого материала составляет конфессиональная лексика. Это обозначение «своей» веры (*старoverство, наша религия* — с. 37 и сл.), традиционное противопоставление *старoverы* — *никониане* и возникающее, по мнению автора, в условиях жизни в инонациональной и иноязычной среде более широкое противопоставление по конфессиональному признаку: *старover, старообрядец* — *некресть* (с. 39, 464–465). На наш взгляд, в этой ситуации корректней было бы говорить о своеобразной консервации в языке старообрядцев термина *некресть* (*нехристь*) как обозначения человека другой национальности и веры³ и употреблении его в новой этноязыковой ситуации. Тем же образом отнесение старообрядцев-католиков к «некрестям» созвучно отношению к католикам у русских православных. В языке старообрядцев бытует еще один обобщающий термин: все чужие по вере обозначаются как *неверные* (с. 40, 461–462, 464). Ребенка от смешанного брака называют *переродок* (без отрицательных коннотаций, с. 68, 486). Особо отмечена в языке приверженность религиозным устоям, ср.: *вздóржной* ‘соблюдающий законы христианской жизни’ (с. 374–375), *вздóржность* ‘соблюдение законов христианской жизни’ (с. 375), *слабость* ‘плохое соблюдение законов христианской жизни’ (с. 541).

На конфессиональную принадлежность указывает и самоназвание *русские*, т. е. старoverы (с. 40)⁴; конфессиональный оттенок приобретают и названия традиционной одежды, которая и сегодня в ходу у старообрядцев: *русская рубаха* (с. 530), *христианская рубаха* (с. 531).

Предметом исследования стала социолингвистическая ситуация в общинах старoverов Южной Америки, комплекс основных

3 Ср. «нехристи» как общее название всех иноземцев у восточных славян (Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005. С. 37).

4 По нашим наблюдениям, аналогичная ситуация складывается у восточнославянского населения польского Подлясья: в местных говорах *русские* значит ‘православные’ (этнически носители говора могут быть белорусами или украинцами).

диалектных черт говоров, не испытавших воздействия нормированного литературного русского языка, реликты древнерусского языкового наследия в говорах (следы энклитики *ти*, ср. такие формы, как *всётъ*, *здесьть*), а также уникальное явление — формирование и бытование публицистического стиля русского диалектного языка.

Старообрядцы хорошо владеют устной формой русского языка, но почти не умеют писать по-русски. К особенностям коммуникативного поведения относятся обращение на *ты*, обращение без отчества у харбинцев, именование детей до свадьбы *малым именем* с суффиксом *-к-*; для обозначения двоюродного родства используются суффиксальные образования от «основного» термина, например *братán*, *братáльник*, *братáник* ‘двоюродный брат’ и *сестрjанка* ‘двоюродная сестра’ в отличие от *брат* и *сестра*, обозначающих родных брата и сестру (с. 365–366; 537–538). Сохраняется особый речевой этикет: приветствие *здорово живёшь*, выражение благодарности *спаси Христос*, благопожелание при расставании *оставайся с Богом* — это «по-русски», «по-нашему по-христиански» (с. 34).

Автор подчеркивает, что на русском диалектном языке говорят все поколения старообрядцев; сохраняя русские диалекты, они осваивают язык тех стран, которые становятся их следующей родиной (испанский, португальский), при этом четко разграничивая сферу употребления родного и чужого языка, — в этом отличие от старообрядческих общин Северной Америки, где английский язык активно вторгается во все сферы жизни. Для обозначения иностранного языка существует особый термин — *разный язык* (с. 66). В сообществе хорошо развита метаязыковая рефлексия, в разговоре с исследователями носители говора сами поясняют лексические заимствования, которые стали привычными в их речи. Заимствованная лексика «проходит языковую адаптацию, приобретая под влиянием диалектной нормы новые фонетические, морфологические, словообразовательные качества» (с. 121).

Характеристики этнических соседей отражены в прозвищах: *чёрные*, *чернотá*, *черныши*, *чернышка* — это жители южноамериканских стран (с. 64, 579, 580, 581). Этноним *испанцы* бытует как обозначение жителей Аргентины и Уругвая (мотиватором выступает лингвоним *испанский* (язык) — с. 65), ср. *по-американски* ‘на английском языке’ (с. 489). Обозначение жителей Боливии — *коли* — обусловлено названием одного из индейских племен (*colla*). По русским словообразовательным моделям строятся названия типа *боливьян*, *бразильян*, *мексикан* (с. 65, 188); диалектная словообразовательная модель применяется

для обозначения лиц женского пола: *боливьюха*, *бразильюха*, *японуха* (с. 65). Отмечен также такой казус: в Бразилии возникли новые прозвища — спокойные и уравновешенные по характеру синьцзянцы-*трайры* (от португальского *trairão* ‘вид рыбы’) и активные харбинцы-*макаки* (от португальского *macaco* ‘обезьяна’). Эти же прозвища используются и в Северной Америке, но в англизированном виде — *фиш* (*fish*) и *манки* (*monkey*) (с. 84–85).

Русифицируются иноязычные названия валют: *крузейры*, *пезы*, *евры*, *бóлик* (от *боливиано*) (с. 115). Интересны наблюдения автора над трансформацией семантики слова *деньги* (синонимы — *капитал*, *валюта*, *денежка*, *денежки*, *гроши*, с. 107). На с. 116–119 представлены семантические и грамматические трансформации слова *копейка*, которое в речи старообрядцев может означать металлическую монету, деньги, деньги в небольшом количестве, деньги в очень малом количестве, самую мелкую денежную единицу (1/100 доллара). Выражения вроде «двадцать копеек доллара» можно сравнить с русским разговорным *копейка* в значении ‘один евроцент’. В отличие от *копейки*, слово *рубль* вышло из употребления в изолированном говоре старообрядцев и не используется для обозначения местных валют; отметим, что в русской языковой метрополии, наоборот, в разговорной речи прижилось выражение *американские рубли* ‘доллары’.

Яркие черты культуры повседневности представлены в главах о лексике, связанной с традиционной одеждой (с. 89 и сл.; этнографические комментарии в словаре сопровождают лексемы *рубаша* — с. 529, 530, *станушка* ‘вид нижней юбки’ — с. 547–548), и о современных средствах связи в быту и языке старообрядцев. Они отражают, с одной стороны, сохранение говором архаических лексико-фразеологических единиц, а с другой — инновационные процессы в диалекте. Налицо «демонизация» мобильных телефонов и интернета: сатана выдумал *силулар* (исп., порт. *celular*, с. 124). В то же время происходит «одомашнивание» технических новшеств, мобильный телефон называется *ручной*, *телефон при себе*, и шутливо — *скоромощник* (с. 127). О. Г. Ровнова описывает замечательный случай, когда благодаря использованию старообрядцами мессенджера *WhatsApp* ей стало известно о существовании в говоре звательной формы существительного ж. р. 1 скл. с окончанием -у (*Леночку!* *Лену!*), используемой для привлечения внимания; эта звательная форма противопоставлена форме *Леночка* в функции обращения (с. 129).

Отдельный раздел посвящен уникальной книге старообрядца из Аргентины Данилы Зайцева «Повесть и житие Данилы

Терентьевича Зайцева» (подготовлена к изданию О. Г. Ровновой, выпущена в свет издательством «Альпина нон-фикшн» в 2015 г.). Рукопись создана при помощи фонетического письма, отражающего родной диалект автора-«синьзянца», — в этом ее особая привлекательность для диалектолога⁵. Отметим, что эта документальная повесть интересна исследователям не только как текст, насыщенный диалектной лексикой и грамматикой, но и как литературный факт, вызвавший бурное обсуждение и полемику в старообрядческих общинах Южной и Северной Америки.

Показательно, что в словаре слова с пометой «инд.-авт.» большей частью принадлежат словарному запасу Данилы Зайцева и характеризуют его как яркую языковую личность: *семикласска* ‘школа с семилетним сроком обучения’ (с. 537), *классница* ‘ученица’ (с. 419), *оторви-башка* (с. 479, может быть «авторской» калькой слова *сорвиголова*?), *обряд*, *обрядность* ‘внешний вид, облик человека, соблюдающего предписанные законом правила ношения одежды у старообрядцев’ (с. 469). Не был бы лишним комментарий при пояснении значения слова *скнипа*, в языке Данилы Зайцева означающего неговорчивого, сварливого, вечно недовольного человека (с. 540). Это слово-раритет встречается в Библии всего один раз в форме мн. ч. (Пс 104:31 «...и пришли разные насекомые, скнипы по все пределы их») как название разновидности саранчи. Данила Зайцев «изобрел» форму ед. ч.: «скнипа, а не человек, всё ей не так» (с. 540). Было бы интересно выяснить, встречалось ли это слово в речи других носителей говора, насколько оно частотно или представляет собой «авторский» окказионализм.

Особый интерес для диалектологов, этнолингвистов и историков языка представляет составленный автором «Словарь говора старообрядцев Южной Америки» (716 словарных статей; при этом рабочий базовый словник словаря включает около 2 500 лексических единиц, а электронная картотека — около 6 000 контекстов). Отметим тщательно разработанную схему словарной статьи, сочетающую лаконичность и информативность (помимо лексического и морфологического значения и примеров с полной атрибуцией, синонимов / антонимов, дериватов даются указания на принадлежность к определенному стилю диалекта, а также — для заимствований — на язык-источник).

---

⁵ Подробнее см.: Пилипенко Г. П. О. Г. Ровнова. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 608 с., илл. // Славяноведение. 2022. № 6. С. 129–132.

Рассмотрим несколько примеров из словаря, передающих уникальность и образность лексического фонда языка старообрядцев Южной Америки.

Значения, отличные от литературного русского языка, зафиксированы для слов *главарь* ‘начальник, руководитель’ (с. 381–382), *определить, определять* ‘женить сына, выдать замуж дочь’ (с. 475). Для слова *веселиться* отмечено значение, неизвестное современному русскому языку, включающее гендерный, эротический компонент, — ‘развлекаться, забавляться’ (с. 185–186), что органично вписывается в культурную семантику слов с корнем *vesel-*, подробно рассмотренную в работе Н. И. и С. М. Толстых на материале разных славянских языков и терминологии традиционной обрядности⁶.

Интересна глагольная пара *найтись* — *потеряться* в значениях ‘родиться’ и ‘умереть, погибнуть’ (с. 454, 507). О специфическом значении глагола *найтись*, присущем говорам старообрядцев периферийных районов вне России, в сравнении с аналогичными значениями в других славянских диалектах, писала С. М. Толстая⁷. Материалы словаря О. Г. Ровновой свидетельствуют о том, что данная лексема по-прежнему фиксируется в живом бытовании.

В устных нарративах встречаются колоритные новообразования, отражающие исторический контекст: *красножопики* — прозвище старообрядцев, вставших на сторону советской власти и проводивших ее политику в Синьцзяне в 1940-е гг. (с. 424), *красномарей* ‘красноармеец’ (с. 424).

Отметим фразеологические единицы, входящие в «конфессиональное» семантическое поле: *бесовские копытчики* ‘высокие каблучки’ (с. 356, ср. выше о «демонизации» технических средств); *сходить на дух* ‘исповедаться, покаяться’, *принять на дух* ‘стать чьим-л. духовником’ (с. 394). В речи детей и родителей зафиксирован уникальный

6 См.: Толстой Н. И., Толстая С. М. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. **vesel-*) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 162–186; Толстая С. М. К семантической реконструкции слав. **vesel-* и **rad-* // *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav: Ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezlaja. Zbornik referatov z Mednarodnega znanstvenega simpozija v Ljubljani*, 16–18 septembra 2010. Ljubljana, 2012. S. 257–264.

7 Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. С. 290–296.

эвфемизм *ловить бэбу* ‘рожать ребенка’ (с. 432). Приведенный контекст (*В корзине беба придет в речке. И вот и бэбу ловить-то в корзине <...> мать его поймат — то это «ловить бэбу»*) намекает на историю Моисея, обретенного дочерью фараона в корзине на реке (Исх 2:5–10). К таким речениям, имплицитно ориентированным на книжный источник, безусловно, необходим экстралингвистический комментарий; ср. *поймать* ‘родить’ (с. 494, *поймала девочку одну*).

Некоторые определения в словаре, на наш взгляд, нуждаются в уточнении. Так, на с. 450 лексема *мурашата* определяется как ‘детеныши муравьев’ (очевидно, что толкование сконструировано составителем словаря под влиянием контекста — китайцы посадили отца в тюрьму, дети остались «как мурашата»). Представляется все же, что значение слова определяется в большей степени понятием «мелкие насекомые», ср. рус. *муравьишки*.

Специалистам по этнолингвистике и устной истории будут интересны расшифрованные интервью со старообрядцами на темы, связанные с их историей, конфессиональными взглядами, экономической деятельностью, вопросами сохранения языка (с. 46–57). Эти тексты не только насыщены деталями, но и передают «живое слово» носителей говора.

Книга О. Г. Ровновой, созданная на основе собранных автором богатейших полевых материалов, является первым в отечественной и мировой науке опытом исследования старообрядчества в Южной Америке и будет полезна как лингвистам, так и представителям других специальностей.

Ольга Геннадьевна Ровнова безвременно ушла из жизни в марте 2022 г. Книга вышла спустя несколько дней после ее кончины, став памятником ученому-энтузиасту и образцом научного творчества, на который может равняться новое поколение диалектологов и лексикографов.

Источники и литература

Белова О. В. Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М.: Индрик, 2005. 288 с.

Пилипенко Г. П. О. Г. Ровнова. Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 608 с., илл. // Славяноведение. 2022. № 6. С. 129–132. DOI: 1031857/S0869544X0023265-4.

Русский язык и народная традиция старообрядцев зарубежья. Коллективная монография / отв. ред. А. А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. 344 с.

Толстая С. М. К семантической реконструкции слав. **vesel-* и **rad-* // *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav: Ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezlaja. Zbornik referatov z Mednarodnega znanstvenega simpozija v Ljubljani, 16–18 septembra 2010* / ed. by M. Furlan, A. Šivic-Dular. Ljubljana: Založba ZRC, Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 2012. S. 257–264.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.

Толстой Н. И., Толстая С. М. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. **vesel-*) // *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993. Доклады российской делегации* / отв. ред. Н. И. Толстой. М.: Наука, 1993. С. 162–186.

References

Belova, O. V. *Etnokul'turnyje stereotipy v slavianskoi narodnoi traditsii*. Moscow: Indrik Publ., 2005, 288 p.

Pilipenko, G. P. “O. G. Rovnova. Staroobriadtsy Iuzhnoi Ameriki: ocherki istorii, kul'tury, iazyka. M.: Izdatel'skii Dom IASK, 2022. 608 s., ill.” *Slavianovedenje*, 2022, no. 6, pp. 129–132. DOI: 1031857/S0869544X0023265-4.

Russkii iazyk i narodnaia traditsiia staroobriadtsev zarubezh'ia, ed. by A. A. Plotnikova. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2019, 344 p.

Tolstaya, S. M. “K semanticheskoi rekonstruktsii slav. **vesel-* i **rad-*.” *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav: Ob stoti obletnici rojstva akademika Franceta Bezlaja. Zbornik referatov z Mednarodnega znanstvenega simpozija v Ljubljani, 16–18 septembra 2010*, ed. by M. Furlan, A. Šivic-Dular, Ljubljana: Založba ZRC, Slovenska akademija znanosti in umetnosti, 2012, pp. 257–264.

Tolstaya, S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaia semantika v obshcheslavianskoi perspektive*. Moscow: Indrik Publ., 2008, 528 p.

Tolstoy, N. I., Tolstaya, S. M. “Slovo v obriadovom tekste (kul'turnaia semantika slav. **vesel-*.)” *Slavianskoje iazykoznanije. XI Mezhdunarodnyi s'jezd slavistov. Bratislava, sentiabr' 1993. Doklady rossiiskoi delegatsii*, ed. by N. I. Tolstoy. Moscow: Nauka Publ., 1993, pp. 162–186.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.03

O. V. Belova

Word in the language of culture of the Old Believers of South America

Olga V. Belova

Doctor of Letters, chief research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: olgabelova.inslav@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5221-9424

Citation

Belova O. V. Word in the language of culture of the Old Believers of South America // Slavic Almanac. 2023. No 1–2. P. 468–477 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.6.03

Received: 19.01.2023.

Abstract

This is a review of the book by Olga G. Rovnova, based on the linguistic material collected by the author in 2010–2017 in the communities of Old Believers (*chasovennye*) in Argentina, Bolivia, Brazil, and Uruguay. The book includes essays on the history, culture and the Russian dialectal language of the Old Believers, as well as a fragment of the “Dictionary of the Dialect of the Old Believers of South America”, on which Olga G. Rovnova has worked for many years. The author analyzes the sociolinguistic situation in the communities of the Old Believers of South America and identifies a set of most important features of the dialects that have not been affected by the standardized literary Russian language. She characterizes the confessional and national self-identification of the Old Believers based on their language, the oral and written forms of the dialect, and the ways of coexisting of Russian and other languages in different local traditions. The book also proposes a solution to the question of establishing the linguistic ancestral homeland of the Old Believers — the territory of their maternal dialects (north-east of Nizhny Novgorod, south-west of Kirov and east of Kostroma regions).

Keywords

Lexicography, lexical semantics, dialectology, confessional communities, Old Believers of South America.

УДК 82.091; 821.135.1; 821.163.2; 821.163.41
DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.7.01

*Н. А. Лунькова,
А. В. Усачёва,
Е. В. Шатько*

**Литературные контуры современной Центральной
и Юго-Восточной Европы: события, реалии, тренды.
Румыния, Сербия, Болгария**

Лунькова Наталья Александровна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: natalialunkova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Усачёва Анастасия Викторовна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: anastasia.usacheva@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1980-9451

Шатько Евгения Викторовна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: eshatko@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9467-8987

Цитирование

Лунькова Н. А., Усачёва А. В., Шатько Е. В. Литературные контуры современной Центральной и Юго-Восточной Европы: события, реалии, тренды. Румыния, Сербия, Болгария // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 478–493. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.7.01

Текст поступил в редакцию 16.02.2023.

7 июня 2022 г. в рамках работы Дискуссионного клуба литературоведов — постоянного научного семинара, организованного Отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, — состоялось плановое заседание его участников «Литературные контуры современной Центральной и Юго-Восточной Европы: события,

реалии, тренды. Румыния, Сербия, Болгария». Оно было установочным в цикле встреч, посвященных изучению новейших славянских литератур, и включало в себя доклады сотрудников Института славяноведения РАН.

Первым прозвучал доклад *А. В. Усачёвой* «Румыния. Премия “Михай Эминеску”: скандалы и общественная дискуссия». Национальная премия имени Михая Эминеску в области поэзии была учреждена в 1991 г., а в 1999 г. была выделена номинация *Opus Primum* (дебют). С момента создания она была приурочена к Национальному дню румынской культуры и дню рождения великого поэта (15 января)¹, а сама церемония проводится в его родном городе Ботошань. Это самая престижная поэтическая премия в Румынии, находящаяся под пристальным вниманием, поэтому неудивительно, что выдвижение номинантов и выбор победителей зачастую вызывают дебаты и неоднозначную реакцию в (около)литературном мире, а в последние годы даже скандалы, широко обсуждаемые в прессе и социальных сетях. Например, в 2019 г. премиальная сумма, равная примерно 7500 евро, была сначала перечислена одному автору (Константину Абэлудэ), набравшему наибольшее количество голосов жюри, а затем отозвана, так как он не смог явиться на церемонию награждения, и вручена следующему по очереди в списке поэту, Ливиу Йоану Сочу². По этому поводу некоторые видные деятели культуры писали открытые письма организаторам с требованием обнародовать все правила и сделать процесс присуждения премии более прозрачным³. В 2021 г. был неоднозначно воспринят выбор лауреа-

1 Михай Эминеску (15 января 1850, Ботошань — 15 июня 1889, Бухарест) — румынский поэт и журналист. О значении этой фигуры для национальной культуры см.: *Boia L. Mihai Eminescu, românul absolut. Facerea și defacerea unui mit. București, 2015; Усачёва А. В. Михай Эминеску: миф и реальность (роман Ф. Илис «Параллельные жизни») // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2018. С. 268–282.*

2 *Când ceremonia bate omenia: scandal în jurul Premiului Național de Poezie “Mihai Eminescu” // Radio România Cultural. 18 ianuarie 2019. URL: <https://www.radioromaniacultural.ro/sectiuni-articole/literatura/cand-ceremonia-bate-omenia-scandal-in-jurul-premiului-national-de-poezie-mihai-eminescu-id16375.html> (дата обращения: 14.02.2023).*

3 Например, писатель и сенатор Дан Лунгу, см.: *Dan Lungu, despre scandalul din jurul premiului “Mihai Eminescu”: Să soliciți câștigătorului să returneze suma doar pentru că nu poate fi prezent la ceremonie este imoral*

том Василе Дана, комитет жюри подвергся весьма суровой критике, особенно досталось председателю Николае Манолеску («Режим Манолеску смог ее [премию. — А. У.] уничтожить», «Василе Дан чтит, к сожалению, только имя самого печального периода Союза писателей за всю его историю», «Очевидно, что Манолеску должен был наслаждаться своей отставкой, а не разрушать то, что построили другие. Почему никто не свергает его с престола?»⁴ — вот только некоторые из комментариев).

Однако самые обсуждаемые скандалы происходят вокруг номинации *Opus Primum*. Вероятно, это связано с тем, что большинство номинантов — молодые поэты (и особенно поэтессы), которые, среди прочего, бросают вызов устоявшейся традиции. Женщины чувствуют себя дискриминированными как обществом, так и литературными конкурсами, и заявляют о своей позиции, к недовольству организаторов и консервативной части общественности. На церемонии вручения премии в 2018 г. поэтесса Медея Янку вызвала большой скандал, прочитав феминистское стихотворение-манифест, текст которого был пересыпан сленговыми выражениями, что возмутило часть аудитории. «Я вставляю свой длинный черный член в твой живот, Румыния!»⁵ — гласила одна из строк. Янку была освистана в зале, раскритикована частью аудитории, жесткая реакция не заставила себя ждать: местный совет Ботошани потребовал объяснений от организаторов, а полиция заявила, что, если произойдет «рецидив», женщина будет оштрафована за нецензурную брань в публичном месте. Поэтесса ответила, что не хотела никого оскорбить, а лишь читала феминистский манифест «против насилия, которое определенные люди совершают над женщинами в Румынии, против

și jenant. URL: <https://www.hotnews.ro/stiri-cultura-22926948-dan-lungu-despre-scandalul-din-jurul-premiului-mihai-eminescu-soliciti-castigatorului-returneze-suma-doar-pentru-nu-poate-prezent-ceremonie-este-imoral-jenant.htm> (дата обращения: 14.02.2023).

4 Un nou scandal în lumea literară de la Premiul Național de Poezie “Mihai Eminescu” — Opera Omnia, см. URL: <https://www.monitorulbt.ro/local/2021/06/15/un-nou-scandal-in-lumea-literara-de-la-premiul-national-de-poezie-mihai-eminescu-opera-omnia/> (дата обращения: 14.02.2023).

5 Scandal la gala “Mihai Eminescu”. Poeta Medeea Iancu: “Îți introduc penisul meu lung și negru în pântec, România”. URL: <https://www.libertatea.ro/stiri/scandal-la-gala-mihai-eminescu-poeta-medea-iancu-iti-introduc-penisul-meu-lung-si-negru-pantec-romania-video-2111362> (дата обращения: 14.02.2023).

насилльников, против женоненавистничества», считая «это скандальным и достойным сожаления»⁶.

Спустя два года феминистские настроения вновь оказались в центре внимания: поэтесса Анастасия Гаврилович, получившая премию за литературный дебют с книгой «Индустрия взрослого спокойствия», вышла на сцену и заявила, что женщины подвергаются дискриминации при присуждении поэтической премии в номинации *Orega Omnia*, т. е. премии за творческий путь целиком: «Я не могу покинуть эту сцену, не выразив сожаления, что в этом году на премию *Orega Omnia* не номинирована ни одна поэтесса и что с 2006 года, то есть в течение 14 лет, премия не присуждалась женщине. Я считаю это и скандальным, и грустным фактом, потому что у нас так много поэтесс, которые заслуживают этой награды, и я бы хотела призвать жюри *Orega Omnia* и тех, кто составляет списки в номинации, отказаться от этого менталитета XIX века, в котором женщины были не так заметны»⁷. Реакция не заставила себя ждать: из аудитории выкрикнули, что ей должно быть стыдно, а организатор премии, писатель Джеллу Дориан, вручавший премии, прервал ее и попросил быстрее перейти к стихам⁸. С другой стороны, отношение присутствующих на церемонии вручения в социальных сетях раскритиковал писатель Клаудиу Комартин: «Анастасия Гаврилович получает поэтическую премию “Михай Эминеску” за дебют, а на сцене смеет сетовать на то, что в номинации *Orega Omnia* с 2006 года не побеждали женщины, а в 2020 ни одна поэтесса даже не была номинирована. Ее перекрикивают из зала, а организатор мероприятия и известный поэт прерывает ее с первого ряда: “Давайте, переходите сразу к стихотворению”. Вот вам и культура»⁹.

---

6 Cum a fost sancționată de Poliție poeta care spus în public “Îți introduc penisul meu lung și negru în pântec, România”. Decizie luată la trei luni după incident. URL: <https://adevarul.ro/stiri-locale/botosani/cum-a-fost-sanctionata-de-politie-poeta-care-spus-1853790.html> (дата обращения: 14.02.2023).

7 “Scandalos și regretabil”! Poeta premiată în numele lui Eminescu, sătulă de bărbații poeți, a protestat pe scenă. URL: <https://www.botosaneanul.ro/stirea-zile/scandalos-si-regretabil-poeta-premiata-in-numele-lui-eminescu-satula-de-barbatii-poeti-a-protestat-pe-scena-mentalitate-de-secol-19-in-care-femeile-nu-au-video-fotogalerie/> (дата обращения: 14.02.2023).

8 Ibid.

9 Feministele și Premiul Național de Poezie. Scandalurile care marchează evenimentul aproape în fiecare an. URL: <https://adevarul.ro/stiri-locale/>

В 2022 г. серия скандалов с участием молодых поэтесс продолжилась. На гала-мероприятии, проводившемся в этот раз онлайн, одна из номинанток, Кэтэлина Станислав, прочла стихотворение, содержащее одно матерное слово. Организация, являющаяся основным спонсором премии, потребовала удалить запись с вручения в номинации *Oris Primum* со страницы мероприятия, чем вызвала активные дебаты сторонников и противников этого решения. Кроме того, в центре этого же скандала оказалась и победительница конкурса, Иляна Негря, которая вместе с коллегой по цеху подверглась травле в интернете за одно четверостишие, также содержащее «непристойное слово».

Одним из поднятых в результате скандала вопросов был вопрос о цензуре, особенно той, которой подвергаются исповедальная поэзия и проза женщин. Литературный критик и поэтесса Кристина Испас отметила, что те же слова, употребляемые в произведениях авторов-мужчин, никого не шокируют, тогда как основным обвинением в адрес Станислав было то, что она решила прочитать данное стихотворение с намерением шокировать, устроить шоу и привлечь к себе внимание и что нецензурная лексика прикрывает отсутствие литературной ценности¹⁰. Однако члены жюри, действительно прочитавшие номинированные сборники (а не только два абзаца, выложенные в сети), в своих статьях никак не акцентируют внимание на использовании мата в произведениях, потому что очевидно, что это лишь один из художественных приемов, притом не самый главный¹¹.

Второй поднятый в дискуссии вопрос касался границ и определения (хорошей) поэзии. Наиболее консервативно настроенная часть публики настаивала на том, что, если стихотворения нельзя прочесть детям или поместить в школьные учебники, это не поэзия. Более «прогрессивные» утверждали, что политика и манифесты в поэзии неуместны, а «развратный язык», по сути, уже устарел, пережив бум в 1990-е и начале «нулевых». Их оппоненты говорили, что, поскольку политика и общественный дискурс вмешиваются

---

botosani/feministele-si-premiul-national-de-poezie-1995382.html (дата обращения: 14.02.2023).

¹⁰ См., напр.: *Popescu A. Scandalul și omagiul // România Literară. 2002. № 4. URL: <https://romanaliterara.com/2022/02/scandalul-si-omagiul/> (дата обращения: 14.02.2023).*

¹¹ *Ispas C. Poezie și controverse // Observator cultural. 24.02.2022. № 1098. URL: <https://www.observatorcultural.ro/articol/poezie-si-controverse/> (дата обращения: 14.02.2023).*

в частную сферу, в личное пространство каждого (а особенно каждой) из нас, их присутствие в хорошей поэзии неизбежно¹². Михай Йованел, литературовед, критик и один из членов жюри номинации *Opus Primum*, высказал мнение, что «поколение Z» (в румынской традиции их называют «двухтысячниками») является самым влиятельным в современной национальной поэзии. Говоря об их творчестве, он отмечает биографичность, исповедальный тон, демонстрацию собственной уязвимости, которые во многом связаны с этой переломной эпохой и изоляцией и одиночеством, которые особенно остро все ощутили во время пандемии¹³.

В заключение А. В. Усачёва особо подчеркнула, что, вопреки скандалам (а возможно, и благодаря им), премия «Михай Эминеску» каждый год становится отправной точкой дискуссии о литературе, поэзии и границах литературности, что, на наш взгляд, является ее главной заслугой.

Доклад *Е. В. Шатко* был посвящен бойкоту сербской литературной премии НИИ¹⁴ 2020 г., в рамках которого писатели выступили «против террора политкорректности». Вдохновителями акции стали писатель Владимир Табасевич¹⁵ и член одного из предыдущих созывов жюри «Ниновой награды», университетский профессор, преподаватель литературы, эссеист и критик Александр Йованович. Первый видит основную проблему премии в парадоксальном «принуждении к демократии»: он считает, что работа жюри — имитация принятия решения, поскольку выбор в пользу того или иного произведения продиктован не художественными качествами текста, а актуальностью темы, ее «демократичностью». Он приводит в пример созыв жюри, в котором на своем месте находится только Зоран Паунович¹⁶, на доверии к которому основывается репутация всего жюри, и «его голос,

---

12 Ibid.

13 *Sociu I. Cum arată poezia tânără. 10 debuturi // Scena 9. 17 ianuarie 2022. URL: <https://www.scena9.ro/article/debutanti-volume-poezie> (дата обращения 14.02.2023).*

14 *Ninova nagrada* — премия журнала *Nedeljne informativne novine*, ежегодно присуждаемая с 1954 г.

15 Интересно, что в 2018 г. Владимир Табашевич получил «Нинову награду» за роман «Иллюзия святого Себастьяна» (Заблуда Светог Себастијана).

16 Преподаватель английской литературы на Филологическом факультете Белградского университета и на Философском факультете Университета в Нови-Саде, эссеист и переводчик.

а это в теории — единственная по-настоящему обоснованная позиция, против большинства голосов тех, кто в жюри попал в силу инерции, благодаря их врожденной склонности не обращать внимания на властные инстанции и частому использованию желательных, политкорректных “паролей”¹⁷. Остальные члены жюри, по мнению Табашевича, некомпетентны в вопросах литературы и выбраны лишь в силу своих убеждений или даже просто гендерной принадлежности. «И вот мы в идеальном пузыре имитации “правильного” принятия решений, который якобы касается литературы»¹⁸.

А. Йованович стремится защитить «сербскую культуру от краха», которому, по его мнению, способствует премия. Он считает, что «те, кто купил еженедельник и премию, сами выбирают членов жюри по принципу: некомпетентность, идеологическое антисербское мышление автора и произведения, непонимание, даже презрение к литературе. Их цель — превратить ее в региональную премию для писателей “братских” народов и национальных меньшинств, потому что нельзя допустить, чтобы сербская литература имела достойную премию за сербскую литературу»¹⁹.

Под текстом, озаглавленным «Бойкот премии НИН», поставили свои подписи Эмир Кустурица, Владимир Кецманович, Слободан Владушич, Никола Малович, Деян Стоилькович, Любица Арсич, Мухарем Баздуль, Джордже Писарев, Сава Дамьянов, Игорь Мароевич, Милан Ружич, Лаура Барна, Лидия Елисаветич Чирич, Марко Крстич, Славица Павлович и Франья Петринович. «Правильно было бы, чтобы решение о лучшем романе в сербской литературе принимали критики, систематически следящие за современным отечественным романом. Однако в этом году жюри не соответствует даже этим условиям»²⁰, — заявили восемнадцать подписавших письмо. Жюри премии «НИН» оставило бойкот без комментария, сказав лишь, что его задача — выбрать лучший роман года.

---

17 Bojkot Ninove nagrade: Pisci ustali protiv terora političke korektnosti. URL: <https://www.novosti.rs/vesti/kultura.71.html:842549-Bojkot-Ninove-nagrade-Pisci-ustali-protiv-terora-politicke-korektnosti> (дата обращения: 14.02.2023).

18 Ibid.

19 Ibid.

20 18 pisaca pozvalo na bojkot NIN-ove nagrade. URL: <https://www.danas.rs/kultura/18-pisaca-pozvalo-na-bojkot-nin-ove-nagrade/> (дата обращения: 14.02.2023).

В 2021 г. некоторые из самых заметных современных сербских писателей (Деян Стоилькович, Игор Мароевич, Славиша Павлович, Предраг Митрович, Стефан Михайловски, Влада Арсич, Милисав Савич) отозвали свои произведения, номинированные на данную премию. Докладчица обратила внимание на то, что вторая волна бойкота имеет менее организованный характер: каждый писатель отказался принимать участие самостоятельно, кто-то оставил свое решение без комментария, кто-то обосновал его в интервью, кто-то — на страницах своих соцсетей. Причинами они назвали некомпетентность жюри, неравномерную выборку номинированных произведений (из 38 романов только 4 написаны женщинами), потерю авторитета премии и др.²¹

Тем не менее премия журнала «НИН» продолжает свою работу, оставаясь для многих писателей и читателей авторитетной, отметка «Dobitnik NIN-ove nagrade»²², как подытожила Е. В. Шатько, по-прежнему способствует усилению интереса к награжденным романам и привлекает внимание читателей к национальной литературе.

Завершающим докладом заседания Дискуссионного клуба литературоведов стало выступление *Н. А. Луньковой* «Главные болгарские книги 2020–2021 гг.», в котором внимание было сосредоточено на художественных произведениях, получивших за последние несколько лет престижные национальные премии.

В 2022 г. исполнилось 20 лет с момента открытия известного болгарского книжного фестиваля «Пловдив чете» (рус. «Пловдив читает»), который проводится ежегодно в начале июня и является важной культурной площадкой для авторов и книгоиздателей. До недавнего времени организаторами поочередно выступали три крупных пловдивских издательства: «Хермес», «Летера» и «Жанет 45» — с 2005 г. фестиваль проводится под эгидой последнего. На одной из выставок фестиваля был представлен опубликованный в 2021 г. и получивший резонанс роман «На нитках. 1968»²³ известного болгарского художника-иллю-

---

21 Ponovo bojkot Ninove nagrade... Svoje knjige povukli neki od najuglednijih pisaca, evo šta im smeta. URL: <https://headliner.rs/2021/01/09/ponovo-bojkot-ninove-nagrade-svoje-knjige-povukli-neki-od-najuglednijih-pisaca-evo-sta-im-smeta/> (дата обращения: 14.02.2023).

22 Лауреат премии журнала «НИН».

23 См., например, эфир программы «Библиотека» от 24.10.2021 — Комиксът «На конци. 1968. Една действителна история» с участием В. Праматарова: URL: <https://bnt.bg/news/komiks-at-na-konci-1968-edna-deistvitelna-istoriya-298994news.html?v=305865&page=5> (дата обращения: 14.02.2023).

стратора Веселина Праматарова, автора обложек и оформителя более 700 болгарских книг в области гуманитарных исследований и литературы. Праматаров окончил Национальную художественную академию и с 1993 г. является директором издательства «Сонм». Публикация его книги «На нитках. 1968» была осуществлена благодаря поддержке Посольства Чешской Республики и Посольства Словацкой Республики в Болгарии, а также Чешского центра в Софии. По мнению болгарского художника и журналиста Антона Стайкова, автора исследования «Краткая история болгарского комикса», наличие в книге философских диалогов и метафор позволили автору выйти за рамки политических клише и сделали данное произведение настоящим событием в истории болгарского комикса.

Этот графический роман рассказывает об акции протеста Эдуарда Генова, Александра Димитрова и Валентина Радева в сентябре 1968 г. в связи с вводом советских войск в Чехословакию, об их уголовном преследовании. В органах госбезопасности НРБ они проходили под кодовым именем «Марионетки». Генов, будучи студентом исторического факультета Софийского университета, вместе с однокурсниками Димитровым и Радевым приняли решение распространять в самых крупных городах Болгарии листовки, рассказывающие об истинных причинах Пражской весны. В Софии и Пловдиве члены группы разбросали листовки «Долой армию марионетки Живкова из ЧССР!», а в связи с «демонстрацией семерых» в Москве — две другие, вторая из которых заканчивалась фразой Юлиуса Фучика: «Пятеро советских коммунистов вышли на демонстрацию на Красной площади — а что делаешь ты?» и «Пятеро советских граждан выразили солидарность с Чехословакией и получили суровые приговоры. Люди, будьте бдительны!». Во время процесса Генов не признал своей вины и, как инициатор всей акции и «руководитель подпольной контрреволюционной группы», получил самый суровый приговор — 5 лет тюрьмы, после апелляции срок был уменьшен до 3,5 лет. Осенью 1969 г. Генов принял участие в бунте заключенных, сторонников ликвидированного в 1940-е гг. Болгарского земледельческого народного союза Николы Петкова, и получил еще 8 лет, а после того, как в 1978 г. вышел на свободу, постоянно находился под наблюдением органов госбезопасности.

Докладчица представила видеофрагменты презентации романа Праматарова, а также фрагменты интервью одного из участников протестной акции — Александра Димитрова: «Мы были самыми обыкновенными ребятами, студентами, как и все остальные. Мы не хотели становиться диссидентами или кем-то в этом духе. <...> Мы очень

сильно чувствовали унижение человеческого достоинства, и это чувство руководило нами в те дни, мы должны были сделать что-то, а не просто наблюдать»²⁴.

Луныкова уделила внимание также и последним лауреатам национальных болгарских премий — премии имени Христо Г. Данова и премии издательства «Хеликон». С ее точки зрения, среди них особенно выделяются такие произведения, как «Мой Шаббат» В. Асса, «Рожденный на Пасху» Б. Асиовой, «Переселение» Б. Биолчева, в которых рассматриваются проблемы идентичности, эмиграции, отношения к прошлому, исторической памяти, взаимодействия представителей разных культур. Наличие ряда успешных исторических романов и мемуарной прозы, отмеченных национальными наградами, позволяет говорить об устойчивом интересе болгар к обозначенным выше аспектам.

«Мой Шаббат» (премия им. Христо Г. Данова, 2020) — мемуары Вивианы Асса, супруги болгарского поэта Румена Леонидова, ее воспоминания о старом Бургасе, где мирно уживались представители разных этносов: евреи, армяне, русские, греки, турки; о традициях еврейской общины в Болгарии; о болгарском поэте Христо Фотева, папе Иоанне Павле II, Ванге и др.

«Рожденный на Пасху» (премия им. Христо Г. Данова, 2021) — история жизни болгарского эмигранта, побывавшего в самых разных уголках света, но вернувшегося к себе на родину. В одном из интервью писательница отмечает: «Что делает этот роман актуальным, с моей точки зрения? Судьба беженцев. Это огромная проблема современного мира. Сколько людей покидают родные края, чтобы найти спасение в другом месте. И это “спасение” становится проблемой местных жителей. Не все государства могут с этим справиться. Смотрите, в какой конфликт вступает Ангела Меркель с собственной нацией. Они открывают границы, да. Но как беженцы ассимилируются? Нет, ассимилируются — плохое слово. Как им приобщиться к чужим религии, языку, культуре?»²⁵

В центре внимания Биолчева, автора «Переселения» (премия «Хеликон», 2019), — история его семьи, которая прослеживается со

---

24 *Нанкина Е.* Вдъхновяваща история от времето на Пражката пролет оживява в нова графична новела. Комиксът се казва «На конци. 1968». URL: <https://plovdivchete.com/news/komiks/> (дата обращения: 14.02.2023).

25 “Роден на Великден” на Бойка Асиова беше представен на Алеята на книгата. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WDLmQvKZMTU> (дата обращения: 14.02.2023).

времен Балканских войн; в произведении актуализируются вопросы отношения к прошлому и его осмысления, тема войны и межнациональных взаимоотношений (в романе шестилетний мальчик убивает недоразвитого брата, чтобы того не изнасиловал турецкий солдат; бабушка, чтобы семью не обнаружили преследователи, душил новорожденную внучку; один из героев дезертирует из армии, чтобы не стрелять по своим, т. е. по болгарам).

Однако болгарских писателей привлекает не только прошлое и национальное, но и настоящее, универсальное: незамеченным не остался выход дебютного романа Н. Йорданова «Не говори маме» (номинант на премию «Хеликон» 2020), отличающегося фрагментарной композицией и представляющего собой десять историй небинарных героев о любви и насилии, страхах, инаковости и (не)нормальности. Вне поля зрения болгарской литературы не остаются тема будущего и жанр антиутопии: в 2021 г. Г. Тенев — автор таких известных книг, как «Партийный дом», «Господин М.», «Балканский ритуал», — получил премию «Хеликон» за роман «Резиденция», действие которого разворачивается в середине XXI в. в некой тоталитарной стране, разделенной между Горной республикой и Свободной зоной. В мире репрессий и запретов молодые люди увлечены учением под названием «Рильский урок», и задача верховного прокуратора состоит в преследовании и уничтожении сектантов.

Представленный обзор важных событий для текущей литературной ситуации в Румынии, Сербии и Болгарии призван стать частью дальнейших исследований участников Дискуссионного клуба литературоведов в рамках направления «Литературные контуры современной Центральной и Юго-Восточной Европы: события, реалии, тренды», которое не имеет цели отразить абсолютно все явления в современном литературном контексте этих стран, однако же подразумевает освещение главных критических дискуссий, фиксацию значимых тенденций, поиск новых имен, попытку обнаружить и описать типологические сходства / расхождения в развитии литератур региона.

Источники и литература

«Библиотека» от 24.10.2021. Комиксът «На конци. 1968. Една действителна история». URL: <https://bnt.bg/news/komiks-at-na-konci-1968-edna-deistvitelna-istoriya-298994news.html?v=305865&page=5> (дата обращения: 14.02.2023).

Нанкина Е. Вдъхновяваща история от времето на Пражката пролет оживява в нова графична новела. Комиксът се казва «На конци. 1968». URL: <https://plovdivchete.com/news/komiks/> (дата обращения: 14.02.2023).

«Роден на Великден» на Бойка Асиова беше представен на Алята на книгата. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WDLmQvKZMTU> (дата обращения: 14.02.2023).

Усачёва А. В. Михай Эминеску: миф и реальность (роман Ф. Илис «Параллельные жизни») // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: ИСл РАН, 2018. С. 268–282. DOI: 10.31168/0411-4.5.2

18 pisaca pozvalo na bojkot NIN-ove nagrade. URL: <https://www.danas.rs/kultura/18-pisaca-pozvalo-na-bojkot-nin-ove-nagrade/> (дата обращения: 14.02.2023).

Boia L. Mihai Eminescu, românul absolut. Facerea și desfacerea unui mit. București: Humanitas, 2015. 224 p.

Bojkot Ninove nagrade: Pisci ustali protiv terora političke korektnosti. URL: <https://www.novosti.rs/vesti/kultura.71.html:842549-Bojkot-Ninove-nagrade-Pisci-ustali-protiv-terora-politicke-korektnosti> (дата обращения: 14.02.2023).

Când ceremonia bate omenia: scandal în jurul Premiului Național de Poezie “Mihai Eminescu”) // Radio România Cultural. 18 ianuarie 2019. URL: <https://www.radioromaniacultural.ro/sectiuni-articole/literatura/cand-ceremonia-bate-omenia-scandal-in-jurul-premiului-national-de-poezie-mihai-eminescu-id16375.html> (дата обращения: 14.02.2023).

Cum a fost sancționată de Poliție poeta care spus în public “Îți introduc penisul meu lung și negru în pântec, România”. Decizie luată la trei luni după incident. URL: <https://adevarul.ro/stiri-locale/botosani/cum-a-fost-sanctionata-de-politie-poeta-care-spus-1853790.html> (дата обращения: 14.02.2023).

Dan Lungu, despre scandalul din jurul premiului “Mihai Eminescu”: Să soliciți câștigătorului să returneze suma doar pentru că nu poate fi prezent la ceremonie este imoral și jenant. URL: <https://www.hotnews.ro/stiri-cultura-22926948-dan-lungu-despre-scandalul-din-jurul-premiului-mihai-eminescu-soliciti-castigatorului-returneze-suma-doar-pentru-nu-poate-prezent-ceremonie-este-imoral-jenant.htm> (дата обращения: 14.02.2023).

Feministele și Premiul Național de Poezie. Scandalurile care marchează evenimentul aproape în fiecare an. URL: <https://adevarul.ro/stiri-locale/botosani/feministele-si-premiul-national-de-poezie-1995382.html> (дата обращения: 14.02.2023).

Ispas C. Poezie și controverse // *Observator cultural*. 24.02.2022. № 1098. URL: <https://www.observatorcultural.ro/articol/poezie-si-controverse/> (дата обращения: 14.02.2023).

Ponovo bojkot Ninove nagrade... Svoje knjige povukli neki od najuglednijih pisaca, evo šta im smeta. URL: <https://headliner.rs/2021/01/09/ponovo-bojkot-ninove-nagrade-svoje-knjige-povukli-neki-od-najuglednijih-pisaca-evo-sta-im-smeta/> (дата обращения: 14.02.2023).

Popescu A. Scandalul și omagiul // *România Literară*. 2002. № 4. URL: <https://romanaliterara.com/2022/02/scandalul-si-omagiul/> (дата обращения: 14.02.2023).

Scandal la gala “Mihai Eminescu”. Poeta Medeea Iancu: “Îți introduc penisul meu lung și negru în pântec, România”. URL: <https://www.libertatea.ro/stiri/scandal-la-gala-mihai-eminescu-poeta-medea-iancu-iti-introduc-penisul-meu-lung-si-negru-pantec-romania-video-2111362> (дата обращения: 14.02.2023).

“*Scandalos și regretabil*”! Poeta premiată în numele lui Eminescu, sătulă de bărbații poeți, a protestat pe scenă. URL: <https://www.botosaneanul.ro/stirea-zile/scandalos-si-regretabil-poeta-premiata-in-numele-lui-eminescu-satula-de-barbatii-poeti-a-protestat-pe-scena-mentalitate-de-secol-19-in-care-femeile-nu-au-video-fotogalerie/> (дата обращения: 14.02.2023).

Sociu I. Cum arată poezia tânără. 10 debuturi // *Scena 9*. 17 ianuarie 2022. URL: <https://www.scena9.ro/article/debutanti-volume-poezie> (дата обращения: 14.02.2023).

Un nou scandal în lumea literară de la Premiul Național de Poezie “Mihai Eminescu” — *Opera Omnia*). URL: <https://www.monitorulbt.ro/local/2021/06/15/un-nou-scandal-in-lumea-literara-de-la-premiul-national-de-poezie-mihai-eminescu-opera-omnia/> (дата обращения: 14.02.2023).

References

18 pisaca pozvalo na bojkot NIN-ove nagrade. URL: <https://www.danas.rs/kultura/18-pisaca-pozvalo-na-bojkot-nin-ove-nagrade/> (accessed: 14.02.2023).

“*Biblioteka*” ot 24.10.2021. *Komiksūt “Na kontsi. 1968. Edna deistvitelna istoriia” s uchastiem V. Pramatarova*. URL: <https://bnt.bg/news/komiks-at-na-konci-1968-edna-deistvitelna-istoriya-298994news.html?v=305865&page=5> (accessed: 14.02.2023).

Boia, L. *Mihai Eminesu, românul absolut. Facerea și desfacerea unui mit*. București: Humanitas, 2015, 224 p.

Bojkot Ninove nagrade: Pesci ustali protiv terora političke korektnosti. URL: <https://www.novosti.rs/vesti/kultura.71.html:842549-Bojkot-Ninove-nagrada-Pesci-ustali-protiv-terora-politicke-korektnosti> (accessed: 14.02.2023).

“Când ceremonia bate omenia: scandal în jurul Premiului Național de Poezie «Mihai Eminescu».” *Radio România Cultural*. 18 ianuarie 2019. URL: <https://www.radioromaniacultural.ro/sectiuni-articole/literatura/cand-ceremonia-bate-omenia-scandal-in-jurul-premiului-national-de-poezie-mihai-eminescu-id16375.html> (accessed: 14.02.2023).

Cum a fost sancționată de Poliție poeta care spus în public “Îți introduc penisul meu lung și negru în pântec, România”. Decizie luată la trei luni după incident. URL: <https://adevarul.ro/stiri-locale/botosani/cum-a-fost-sanctionata-de-politie-poeta-care-spus-1853790.html> (accessed: 14.02.2023).

Dan Lungu, despre scandalul din jurul premiului “Mihai Eminescu”: Să soliciți câștigătorului să returneze suma doar pentru că nu poate fi prezent la ceremonie este imoral și jenant. URL: <https://www.hotnews.ro/stiri-cultura-22926948-dan-lungu-despre-scandalul-din-jurul-premiului-mihai-eminescu-soliciti-castigatorului-returneze-suma-doar-pentru-nu-poate-prezent-ceremonie-este-imoral-jenant.htm> (accessed: 14.02.2023).

Feministele și Premiul Național de Poezie. Scandalurile care marchează evenimentul aproape în fiecare an. URL: <https://adevarul.ro/stiri-locale/botosani/feministele-si-premiul-national-de-poezie-1995382.html> (accessed: 14.02.2023).

Ispas, C. “Poezie și controversă.” *Observator cultural*, 24.02.2022, no. 1098. URL: <https://www.observatorcultural.ro/articol/poezie-si-controverse/> (accessed: 14.02.2023).

Nankina, E. “Vdūhnoviavashta istoriia ot vremeto na Prazhkata prolet ozhi-viava v nova grafichna novela. Komiksūt se kazva «Na kontsi. 1968».” URL: <https://plovdivchete.com/news/komiks/> (accessed: 14.02.2023).

Ponovo bojkot Ninove nagrade... Svoje knjige povukli neki od najuglednijih pisaca, evo šta im smeta. URL: <https://headliner.rs/2021/01/09/ponovo-bojkot-ninove-nagrade-svoje-knjige-povukli-neki-od-najuglednijih-pisaca-evo-sta-im-smeta/> (accessed: 14.02.2023).

Popescu, A. “Scandalul și omagiul.” *România Literară*, 2002, no. 4. URL: <https://romanaliterara.com/2022/02/scandalul-si-omagiul/> (accessed: 14.02.2023).

“Roden na Velikden” na Boika Asiova beshe predstavten na Aleiata na knigata. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WDLmQvKZMTU> (accessed: 14.02.2023).

Scandal la gala “Mihai Eminescu”. Poeta Medeea Iancu: “Îți introduc penisul meu lung și negru în pântec, România”. URL: <https://www.libertatea.ro/stiri/scandal-la-gala-mihai-eminescu-poeta-medea-iancu-iti-introduc-penisul-meu-lung-si-negru-pantec-romania-video-2111362> (accessed: 14.02.2023).

“Scandalos și regretabil”! Poeta premiată în numele lui Eminescu, sătulă de bărbații poeți, a protestat pe scenă. URL: <https://www.botosaneanul.ro/stirea-zile/scandalos-si-regretabil-poeta-premiata-in-numele-lui-eminescu-satula-de-barbatii-poeți-a-protestat-pe-scena-mentalitate-de-secol-19-in-care-femeile-nu-au-video-fotogalerie/> (accessed: 14.02.2023).

Sociu, I. “Cum arată poezia tânără. 10 debuturi.” *Scena 9*, 17 ianuarie 2022. URL: <https://www.scena9.ro/article/debutanti-volume-poezie> (accessed: 14.02.2023).

Un nou scandal în lumea literară de la Premiul Național de Poezie “Mihai Eminescu” — Opera Omnia. URL: <https://www.monitorulbt.ro/local/2021/06/15/un-nou-scandal-in-lumea-literara-de-la-premiul-national-de-poezie-mihai-eminescu-opera-omnia/> (accessed 14.02.2023).

Usacheva, A. V. “Mikhail Eminesku: mif i real'nost' (roman F. Ilis «Paral-
lel'nyje zhizni»)» *Vektor non-fiction v sovremennykh literaturakh Tsentral'noi i
Iugo-Vostochnoi Jevropy*, ed. by N. N. Starikova. Moscow: Institute of Slavic
Studies of the RAS, 2018, pp. 268–282. DOI: 10.31168/0411-4.5.2

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.7.01

N. A. Lunkova
A. V. Usacheva
E. V. Shatko

**The literary contours of modern Central and Southeast Europe:
Events, realities, trends. Romania, Serbia, Bulgaria**

Natalia A. Lunkova
Junior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: natalialunkova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Anastasiia V. Usacheva
Junior research fellow
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: anastasia.usacheva@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1980-9451

Evgeniia V. Shatko

Candidate of Letters, research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: eshatko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9467-8987

Citation

Lunkova N. A., Usacheva A. V., Shatko E. V. The literary contours of modern Central and Southeast Europe: Events, realities, trends. Romania, Serbia, Bulgaria // *Slavic Almanac*. 2023. № 1–2. P. 478–493 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.7.01

Received: 16.02.2023.

**Научная конференция «Поэтика как сейсмограф:
художественное слово в странах ЦЮВЕ XX–XXI вв.
К 95-летию С. А. Шерлаимовой
и 90-летию Л. Н. Будаговой и Ю. В. Богданова»**

Бырина Анастасия Владимировна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: Biely.Kvet@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2179-0526

Кожина Светлана Анатольевна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: lana-0391@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6539-1941

Цитирование

Бырина А. В., Кожина С. А. Научная конференция «Поэтика как сейсмограф: художественное слово в странах ЦЮВЕ XX–XXI вв. К 95-летию С. А. Шерлаимовой и 90-летию Л. Н. Будаговой и Ю. В. Богданова» // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 494–502. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.7.02

Текст поступил в редакцию 20.01.2023.

1 ноября 2022 г. Отдел истории славянских литератур и Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН провели совместную всероссийскую научную конференцию с международным участием «Поэтика как сейсмограф: художественное слово в странах ЦЮВЕ XX–XXI вв. К 95-летию С. А. Шерлаимовой и 90-летию Л. Н. Будаговой и Ю. В. Богданова». Конференция прошла в смешанном формате — в стенах Института славяноведения РАН и онлайн. Кроме российских ученых — сотрудников Института славяноведения РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, РГГУ, Библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино, а также иногородних гостей из СПбГУ,

Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, Балтийского федерального университета им. И. Канта и г. Калуги — в ней приняли участие и чешские исследователи. Несмотря на то, что мероприятие было приурочено к юбилеям выдающихся специалистов в области чешской и словацкой литератур, темы представленных докладов касались более широких вопросов, связанных с социальным, культурным и литературным развитием стран ЦЮВЕ, спецификой и поэтикой произведений и т. д.

Основная часть конференции проходила в двух секциях: «Секция истории славянских литератур» и «Секция отдела современных литератур ЦЮВЕ». Секция Отдела истории славянских литератур посвятила свою работу памяти недавно ушедшей из жизни Людмилы Норайровны Будаговой, заведовавшей Отделом почти четверть века. Программа состояла из трех частей. Первое заседание носило мемуарный характер. Старейшие сотрудники Отдела *А. В. Липатов* (Москва) и *М. Г. Смольянинова* (Москва) вспоминали о научной эрудиции и интеллигентности Людмилы Норайровны, сочетавшихся с открытостью в общении и умением создавать атмосферу доверия, а также о ее таланте объединять возможности и умения сотрудников для создания масштабных научных трудов, начиная с трехтомной «Истории литератур западных и южных славян» (т. 1, 2 — 1997, т. 3 — 2001) вплоть до сборника «Межславянские культурные связи: результаты и перспективы исследований» (2021). *Я. Билек* (Прага, Чехия) в своем докладе рассказал о многолетнем участии Л. Н. Будаговой в ежегодном фестивале чешского языка, речи и литературы «Шрамкова Сobotка» и ее близкой дружбе с организаторами фестиваля. *М. Н. Дробышева* (Санкт-Петербург) сосредоточила свое внимание на конференции «Н. В. Гоголь и славянские литературы», организованной Л. Н. Будаговой в 2009 г., и поделилась воспоминаниями о том, какой интерес у участников вызвал доклад самой Людмилы Норайровны, в котором она говорила о Гоголе как о провозвестнике славянского литературного авангарда. Также во время первого заседания *Е. Н. Ковтун* (Москва), сменившая Людмилу Норайровну на посту заведующей отделом, и *Л. Ф. Широкова* (Москва) рассказали о концепции и представили промежуточные итоги совместного проекта двух литературоведческих отделов Института — «Лексикона чешской и словацкой литератур», завершение которого предполагается в 2026 г.

Следующее заседание было посвящено польской, словацкой и словенской литературе. *Л. А. Мальцев* и *И. А. Либина* (Калининград)

поделились результатами исследований архитектоники поэтической книги Ч. Милоша «Второе пространство» и самого феномена «второго пространства», вызвав интересную дискуссию присутствовавших на конференции ученых-полонистов. *В. И. Федорова* (Москва) в своем выступлении провела параллели между «Израильским циклом» М. Хласко и произведениями Ф. М. Достоевского, доказав, что цикл стал своеобразной полемикой между представителями XIX и XX столетий. *А. Ю. Пескова* (Москва) проанализировала причины усиления социальной тематики в словацкой драме межвоенного периода. *В. С. Князькова* (Санкт-Петербург) в онлайн-выступлении рассмотрела языковые свидетельства словацкого культурного кода в романе словацко-швейцарской писательницы И. Брежной «Неблагодарная чужестранка», написанном на немецком языке, особое внимание уделив способам передачи данного кода при переводе произведения с немецкого языка на русский. *А. В. Бырина* (Москва) выявила метатекстуальные связи между романом П. Виликовского “RAJc je greč” и более ранними произведениями писателя, продемонстрировав, как Виликовский соткал свою вымышленную автобиографию из уже существующих текстов и фактов собственной жизни. *Ю. А. Созина* (Москва) посвятила свое выступление словенским поэтам-переводчикам, осуществлявшим на протяжении XX–XXI вв. переводы шедевров Золотого века русской поэзии на словенский язык.

Заключительное заседание объединило исследователей чешской литературы. *Г. П. Мельников* (Москва) познакомил участников и гостей конференции с крупнейшим представителем эстетики периода сецессии в чешской поэзии О. Бржезиной и его пониманием искусства как мистического богослужения. *И. А. Герчикова* (Москва) рассмотрела круг вопросов, связанных с авторской песенной поэзией как явлением музыкальной культуры на примере творчества К. Крыла, в том числе попыталась ответить на вопрос, можно ли ставить знак равенства между песенным творчеством и поэзией. *И. Постпишил* (Брно, Чехия) проанализировал публицистику Я. Дуриха, раскрыв его эстетические, философские и политические взгляды в контексте литературного процесса межвоенного периода. *А. В. Амелина* (Москва) рассмотрела воплощение утопии и антиутопии в произведениях М. Майеровой: романах «Площадь республики» и «Плотина», а также путевых очерках «День после революции». *К. К. Маслова* (Москва), опираясь на анализ системы персонажей в пьесах «Бунт машин» А. Н. Толстого и «R.U.R.» К. Чапека, привела доказательства того, что пьеса русского писателя не является переводом чешской драмы, но представляет собой

самостоятельное художественное произведение, хотя и созданное под непосредственным влиянием чапековского сюжета.

В секции отдела современных литератур ЦЮВЕ был представлен широкий спектр докладов. Так, например, доклад *А. С. Стыкалина* (Москва) «Обмен писательскими делегациями между СССР и Чехословакией в 1968–1970 гг. (по материалам РГАЛИ)» включил в себя анализ богатого архивного материала, а точнее — отчеты советских деятелей культуры о поездке в страны, входившие в сферу влияния СССР. Доклад отразил настрой чехословацкого общества 1960-х гг. не только в области культуры, но и в социальных, национальных вопросах, реакцию деятелей искусства на события августа 1968 г. Отвечая на вопросы слушателей, докладчик перечислил конкретных представителей чешской и словацкой интеллигенции, на отчетах которых строился доклад. Примечательной была ремарка *Л. Ф. Широковой* о роли личности председателя союза писателей *Я. Козака*, а также *Н. Н. Стариковой* о словенском писателе *Т. Павчаке* (который в 1963 г., приехав официально с писательской делегацией в СССР, перевез в Югославию стихи *А. Ахматовой* и *И. Бродского*), которые дополнили картину.

Следующий доклад *Л. Ф. Широковой* (Москва) «“В русле” и “против течения”»: смена идейно-художественных ориентиров в творчестве Доминика Татарки» представил основные вехи развития словацкой литературы. Татарка, как отметила *Л. Ф. Широкова*, своим творчеством отразил эволюцию литературного процесса: начав в русле импрессионизма, он прошел путь в том числе через социалистический реализм и сатиру, чтобы в конце творческого пути прийти к субъективной саморефлексии в прозе.

Доклад *С. А. Кожиной* (Москва) «Семантика временных трансформаций в романах *Д. Годровой*» касался вопросов выстраивания нарратива современной чешской писательницы. Докладчица рассмотрела концепцию времени как в теоретических, так и в художественных текстах *Годровой*, продемонстрировав связь между литературоведческими и творческими исканиями автора. *С. А. Кожина* также отметила эволюцию в вопросе репрезентации времени в произведениях *Годровой*: от «скачкообразной» структуры нарратива к типу нарратива-ткани, где историческая память сливается с настоящим. Отвечая на вопрос *И. Е. Адельгейм* о конкретных художественных тропах, при помощи которых выстраиваются нарративы в произведениях *Годровой*, *С. А. Кожина* отметила смену точек зрения, смену времени и лица глагола, нарушение синтаксической структуры, отсутствие знаков препинания и др.

Тематическое разнообразие выступлений в рамках секции дополнил *Д. К. Поляков* (Москва) докладом «“Мы находимся на тектоническом разломе”: дискурс о Центральной Европе в чешской эссеистике до и после 1989 года», в котором представил анализ ключевых текстов по вопросу определения понятия «Центральная Европа». В выступлении *Д. К. Полякова* были упомянуты труды Чеслава Милоша, Милана Кундеры, Карела Косика и Йозефа Кроутвора. Написанные в разное время работы демонстрируют, по замечанию докладчика, как различия, так и сходства во взглядах на понятие «Центральная Европа»: в них поднимаются вопросы о феномене «необъяснимости» термина, роли фигуры «чужого» при его рассмотрении и т.д.). Отметил исследователь также и то, что данный вопрос рассматривался и в отечественной науке — в частности, *С. А. Шерлаимовой*, исследования которой строились на анализе эссе *Й. Кундеры*.

Л. В. Феноменова (Москва) в выступлении «Вклад *С. А. Шерлаимовой* в научное изучение творчества Милана Кундеры» отметила особую роль монографии «Романная философия Милана Кундеры» *С. А. Шерлаимовой* не только для литературоведения, но и для простых читателей, открывающих для себя мир чешской литературы. Как обратила внимание докладчица, *С. А. Шерлаимовой* удалось рассмотреть ключевые аспекты творчества знаменитого чешского писателя, что позволило ей раскрыть философию его творчества.

Н. Е. Ананьева (Москва) представила доклад «Инославянизмы как компонент поэтики русской литературы», в рамках которого проанализировала функции богемизмов в «Синдроме Петрушки» *Д. Рубиной*, сербизмы в документальной повести *Э. Лимонова* «Смрт» и украинизмы в романе *Е. Водолазкина* «Брисбен». Исследовательница отметила роль трансформаций, которые претерпевают инославянизмы в процессе художественной обработки, дополнительные коннотации, которыми они обрастают, специфику их функционирования в гипертексте современной русской литературы.

В докладе *Ю. П. Гусева* (Москва) «Свобода несвободного стиха» была представлена линия развития современной венгерской поэзии от авангардистской образности и господства свободного стиха к классической рифмованной поэзии. Лидером авангардной поэзии венгерской литературы стал, как отметил докладчик, *Л. Кашшак*, благодаря которому свободный стих занял свое место в истории. Однако сейчас, по замечаниям *Ю. П. Гусева*, наблюдается возвращение поэзии в русло классической рифмы.

Интересные наблюдения представила в своем докладе *Н. Н. Старикова* (Москва) «Словенский поэтический неоавангард 1960–1970-х гг. как манифестация свободы». В докладе, дополненном богатым иллюстративным материалом, исследовательница продемонстрировала философские и художественные особенности словенской поэзии периода «оттепели» и «свинцового» десятилетия. *Н. Н. Старикова* рассмотрела деятельность членов неоавангардного объединения ОНО (ОХО), творчество которых основывалось на принципе вербо-вока-визуализации. Важно отметить, что творческая биография многих из них исследована пока достаточно скудно, в связи с чем доклад представляет собой богатый материал для дальнейшего исследования специфики поэтики визуальной поэзии Словении.

Материал *А. Г. Шешкен* (Москва) для доклада «Сборник “Сейсмограф” (1989) Блаже Конеского: тревога и надежда» удивительно созвучен с темой конференции. Исследовательница раскрыла основную проблематику отдельных частей сборника (саморефлексия, историческая память народа и др.), в которых также отразилось развитие поэтики македонской литературы в период исторических перемен в жизни общества.

Доклад *Е. В. Сагалович* (Москва) «Экфрасис в сербской литературе: использование и развитие приема (Данило Киш, Светлана Велмар-Янкович, Ласло Блашкович)» продемонстрировал богатство материала. Так, в первой части доклада исследовательница представила историческую справку, какую роль в литературе вообще играет выбранный прием, а во второй — анализ функций экфрасиса в творчестве *Д. Киша*, а также продемонстрировала применение приема в творчестве других сербских авторов.

В докладе «“Свой — чужой” в литературе и искусстве военного времени (сербо-хорватско-боснийский конфликт на рубеже тысячелетия)» *В. И. Косик* (Москва) продемонстрировал функционирование определенных лингвистических и художественных клише, связанных с дифференциацией «своих» и «чужих» в современных балканских литературах.

Интересный анализ материала был представлен в докладе *Е. В. Шатько* (Москва) «Тема дома в современной сербской и боснийской литературе». Гетеротопия дома рассматривается исследовательницей в контексте изображенных авторами современных историко-социальных трансформаций. Доклад был построен на широком художественном материале: в его основе работы *Дж. Карахасана* («Дневник переселения»), *М. Ерговича* («Сараевское Мальборо»),

В. Капор («Три одиночества»), А. Юговича («Пропавшие»), С. Марич («Кинцуги тела»), М. Вучкович («Летальный исход спортивных травм»). В частности, Е. В. Шатько выделила в творчестве писателей мотив утраты дома в связи с эмиграцией и необходимости обустройства «родного гнезда» в новых условиях — мотив интеграции в новую среду, а также мотив гастарбайтерства (относительно новый для балканских литератур).

Доклад *И. Е. Адельгейм* (Москва) «Опыт художественной инфантилизации войны: “Achtung, Zelig! Вторая война” К. Гавронкевича и К. Розенберга и “Мифогенная любовь каст” С. Ануфриева и П. Пеперштейна» представил способы художественной рефлексии военного времени. Как отмечает исследовательница, писатели-иллюстраторы, прибегая к графической форме, трансформируют тривиальное восприятие войны (во многом превратившееся в клише), показывая его одновременно и как реальное историческое событие, и как мифологизированное представление о нем. «Детская» образность становится, по словам И. Е. Адельгейм, способом изображения поколенческого опыта: одновременно ужаса войны и пресыщенности поверхностными шаблонами.

Нетривиальным материалом поделилась *Е. К. Байдалова* (Москва) в докладе «Цикл постов в соцсетях как художественное явление. Поэтика, семантика, прагматика». Докладчица, проанализировав посты украинского поэта и прозаика С. Жадана, отметила характерные особенности его поэтики, специфику существования художественного слова в пространстве соцсетей (принцип организации текста, синтаксис, сопровождение визуальным материалом и др.). Необычность материала, однако, вызвала вопросы: так, например, Н. Н. Старикова поинтересовалась, возможно ли проанализировать специфику поэтики С. Жадана, так как представленные в докладе примеры текстов, по ее мнению, ее не демонстрируют. Вопрос остался не разрешенным во многом по причине отсутствия методов анализа достаточно нового для литературы явления: особенностей функционирования художественных текстов в социальных сетях.

Доклад *Н. А. Луньковой* (Москва) «Творчество Станислава Стратиева: между абсурдом и реальностью» был посвящен, с одной стороны, близкой исследовательнице теме — творчеству известного болгарского писателя С. Стратиева, однако, с другой стороны, продемонстрировал творчество писателя с нетривиальной точки зрения. Творчество С. Стратиева, претерпевая эволюцию от фельетонных заметок начала его художественного пути к глубоко лиричным

повестям и новеллам, осмысляющим трансформации общества, представляет собой своего рода литературный сейсмограф болгарской литературы. В драматургии, как отметила исследовательница, С. Стратиев старался отобразить изменения социально-бытовых устоев, изображая их как нечто уродливое, что растет внутри (человека, мира). С. А. Кожина заметила некоторое «отклонение» творческого метода писателя, сравнивая анализ Н. А. Луньковой в данном и других докладах, посвященных его творчеству. Исследовательница подтвердила, что во многом драматургия С. Стратиева отличается большей критичностью и обличительностью в сравнении с его прозаическими произведениями.

В докладе *А. В. Усачёвой* (Москва) «Поэтика комического в пьесах М. Вишнека» был представлен анализ средств и приемов, создающих в пьесах эффект комического. Докладчица отметила роль системы персонажей, особенностей маркирования отдельных героев (речь, специфика общения или не-общения — неспособности к коммуникации в прямом смысле этого слова), мотивов и в целом построение композиции. *А. В. Усачёва*, отвечая на вопросы слушателей, отметила частое обращение к теме войны в творчестве известного румынского драматурга.

Завершал работу секции доклад *А. В. Грасько* (Москва) «Документально-публицистические элементы в романах И. Вайля “Москва-граница” и “Деревянная ложка”». Докладчица отметила, что творчество чешского писателя вписывается в общий контекст дискуссий о специфике существования жанра романа в XX в.: в 1930-е гг. в чешской среде звучали споры о необходимости трансформации поэтики художественных произведений; документальный подход к изображению рассматривался как один из приемов обогащения жанра. *А. В. Грасько* в своем выступлении охарактеризовала особенности романов чешского писателя, которые позволяют отнести его творчество к так называемой «литературе факта».

Подводя итоги работы секции отдела современных литератур в рамках конференции «Поэтика как сейсмограф: художественное слово в странах ЦЮВЕ XX–XXI вв. К 95-летию С. А. Шерлаимовой и 90-летию Л. Н. Будаговой и Ю. В. Богданова», необходимо еще раз отметить широту проблематики представленных на ней докладов, высоконаучный уровень докладчиков, их серьезный подход и качественную работу с анализируемым материалом. К работе конференции проявили интерес и студенты-филологи из других университетов, которые задавали вопросы и дискутировали с участниками.

Таким образом, конференция стала не только достойной данью уважения крупным ученым-славистам С. А. Шерлаимовой, Л. Н. Будаговой и Ю. В. Богданову, но и продемонстрировала преемственность их наследия в среде молодых исследователей.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.7.02

А. В. Бырина, С. А. Кожина

**The Academic Conference “Poetics as a seismograph:
Fiction in the countries of the Central and Southeastern Europe
of the 20th and the 21st centuries. To the 95th anniversary of S. A. Sherlaimova
and the 90th anniversary of L. N. Budagova and Yu. V. Bogdanov”**

Anastasia V. Byrina

Junior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: Biely.Kvet@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2179-0526

Svetlana A. Kozhina

Junior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: lana-0391@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6539-1941

Citation:

Byrina A. V., Kozhina S. A. The Academic Conference “Poetics as a seismograph: Fiction in the countries of the Central and Southeastern Europe of the 20th and the 21st centuries. To the 95th anniversary of S. A. Sherlaimova and the 90th anniversary of L. N. Budagova and Yu. V. Bogdanov” // *Slavic Almanac*. 2023. № 1–2. P. 494–502 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.7.02

Received: 20.01.2023.

**Международный научный круглый стол
«Церковь и формирование идентичностей
славянских народов:
историко-культурные и духовные аспекты»**

Дронов Михаил Юрьевич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
199334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Слоистов Сергей Михайлович
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
199334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: centrum821@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

Цитирование

Дронов М. Ю., Слоистов С. С. Международный научный круглый стол «Церковь и формирование идентичностей славянских народов: историко-культурные и духовные аспекты» // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 503–506. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.7.03

Текст поступил в редакцию 22.02.2023.

10 февраля 2023 г. на базе Филиала Российского государственного социального университета (РГСУ) в г. Минске состоялся международный научно-практический круглый стол, посвященный различным аспектам участия Церкви в формировании идентичностей славянских народов. Организаторами мероприятия выступили Центр евразийских исследований (ЦЕИ) минского филиала РГСУ, Синодальная историческая комиссия Белорусской православной церкви (СИК БПЦ), Минская духовная академия, Минская духовная семинария и Институт политических исследований (ИПИ) (Белград, Сербия).

Круглый стол открыл заведующий ЦЕИ д. и. н. К. В. Шевченко, который подчеркнул повышенную важность рассматриваемой

проблематики в современных общественно-политических условиях. С приветственными словами к присутствовавшим обратились новый директор Филиала РГСУ в г. Минске И. О. Селезнева и 3-й секретарь Посольства Российской Федерации в Республике Беларусь Д. В. Харитонов.

Научным докладам предшествовало торжественное подписание договора о сотрудничестве между СИК БПЦ и ИПИ, которое провели от имени своих институций к. богосл. протоиерей Александр Романчук и белградская гостыя Даяна Лазаревич. Следует отметить, что взаимодействие ученых двух стран по линии международных контактов СИК БПЦ стало уже традиционным. Сербская проблематика изначально является одним из ключевых направлений деятельности указанной Комиссии: тем самым СИК БПЦ не только создает важную площадку для контактов между белорусской и сербской научной общественностью, но и формирует необходимую среду для развития изучения Балкан в Белоруссии.

Всего в рамках круглого стола прозвучало 13 докладов. Первым выступил о. А. Романчук, поделившийся размышлениями о влиянии конфессионального фактора на формирование белорусской этничности. Д. Лазаревич предприняла попытку осветить тему «Церковь и сербская национальная идентичность в понимании сербской научной общественности». Академик Сербской академии наук и искусств, проф. Белорусского государственного университета д. ф. н. И. А. Чарота (г. Минск) проанализировал следы сербской святости в Белоруссии. Д. и. н. А. Б. Ручкин (Московский гуманитарный университет (МосГУ)) выступил с докладом «Современная русская диаспора: в поисках смысла и духовной основы». В заключение первого блока круглого стола к. и. н. А. И. Филимонова (МосГУ) представила сравнительный анализ влияния партий Анте Старчевича и Йосипа Франка на хорватское национальное самосознание.

После кофе-паузы мероприятие продолжило работу. Так, н. с. Исл РАН к. и. н. М. Ю. Дронов рассмотрел периодическое издание «Американский православный вестник» в качестве источника для изучения карпаторусинской иммиграции в Северной Америке. С. М. Слоистов (Исл РАН) представил церковно-государственные отношения в Чехословакии как модель для компаративных исследований церковной истории в Центральной и Восточной Европе. Недавняя выпускница минского филиала РГСУ Наталия Кремич, ныне работающая помощником адвоката в столице Сербии, выступила

с презентацией «Разрушение монастырей и храмов Косово и Метохии — духовный и культурный геноцид сербского народа» (начинающую исследовательницу предварительно представила ее университетская наставница к. ю. н. О. С. Бочарова). Доц. Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ) (г. Минск) к. и. н. А. А. Киселев озаглавил свое выступление «Полицейский урядник на этноконфессиональном пограничье губерний Западного края (1878–1903)». Последним был заслушан доклад к. и. н. О. Г. Казака (БГЭУ) о Грекокатолической церкви в позднесоветский период. При его подготовке минский ученый опирался на материалы Государственного архива Российской Федерации.

Практически все выступления сопровождались вопросами, а в некоторых случаях — горячей дискуссией. Хочется подчеркнуть, что организаторам, минчанам и белградцам, удалось избежать серьезных перекосов в сторону той или иной ветви славянства: фигурировавшие на круглом столе исторические сюжеты были посвящены как восточным и южным, так и западным славянам.

Отрадно внимание к мероприятию нового руководства минского филиала РГСУ, как и присутствие представителя Посольства РФ. Создается впечатление, что в условиях тяжелой общественно-политической ситуации к государственным мужам, как и к функционерам от науки и образования, постепенно приходит осознание крайней важности инициатив, подобных данному круглому столу.

От лица участников хочется искренне поблагодарить главного организатора и вдохновителя прошедшей научной встречи — К. В. Шевченко, по сути являющегося подвижником в деле укрепления международного, прежде всего российско-белорусского, славистического сотрудничества. Выступившие в качестве соорганизаторов мероприятия учреждения БПЦ обеспечили иногородним участникам круглого стола достойное проживание и питание. В этом нельзя не заметить мудрость руководства Белорусского Экзархата, понимающего важность соработничества светских и церковных ученых, исследователей из РБ, РФ, Сербии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.7.03

М. Ю. Дронов, С. М. Слоистов

The International Academic Round Table
“The Church and the formation of the identities of the Slavic peoples:
Historical, cultural and spiritual aspects”

Mikhail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

199334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Sergei M. Sloistov

Junior research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

199334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: centrum821@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4591-4223

Citation

Dronov M. Yu., Sloistov S. M. The International Academic Round Table “The Church and the formation of the identities of the Slavic peoples: Historical, cultural and spiritual aspects” // *Slavic Almanac*. 2023. No 1–2. P. 503–506 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.7.03

Received: 22.02.2023.

УДК 82.09
DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.8.01

А. Ю. Пескова

К 90-летию юбилею Л. Н. Будаговой (1932–2022)

Пескова Анна Юрьевна
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32А, Москва, Российская Федерация
E-mail: apeskova@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0992-0180

Цитирование

Пескова А. Ю. К 90-летию юбилею Л. Н. Будаговой (1932–2022) // Славянский альманах. 2023. № 1–2. С. 507–511. DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.8.01

Текст поступил в редакцию 20.01.2023.

3 сентября 2022 г. исполнилось бы 90 лет со дня рождения Людмилы Норайровны Будаговой, выдающегося отечественного литературоведа-слависта, которая всю свою жизнь посвятила изучению чешской, словацкой и других славянских литератур и культур и чье имя прославило отечественную славистику и на родине, и за ее пределами.

Выпускница филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Будагова в 1959 г. пришла в аспирантуру Института славяноведения и балканистики АН СССР и осталась здесь работать на всю жизнь. В Институте она защитила кандидатскую (1966) и докторскую (1995) диссертации, а с 1988 г. и до самого последнего дня возглавляла научный коллектив, занимавшийся проблемами истории славянских литератур до 1945 г., который сначала именовался Сектором, затем Центром, а в последние годы Отделом истории славянских литератур. Ее перу принадлежит более 300 научных работ на самые различные темы — от узкоспециализированных исследований чешской поэзии до статей, посвященных общим вопросам развития литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, национальной специфике литератур этого региона, межлитературным связям. Именно такой широчайший диапазон ее творческих интересов позволял ей выступать в роли руководителя серьезнейших научных проектов и возглавлять большие авторские коллективы, объединявшие исследователей различных славянских литератур.

Без сомнения, одним из главных проектов научной деятельности Л. Н. Будаговой стал уникальный труд «История литератур западных и южных славян» в 3-х томах (т. 1 и т. 2. М., 1997; т. 3. М., 2001). Она выступила инициатором, руководителем авторского коллектива, а также одним из основных авторов и редакторов этого исследования, которому нет аналогов. В трехтомнике было проведено систематическое исследование развития всех славянских литератур начиная с IX в. и вплоть до 1945 г., ликвидированы многочисленные «белые пятна» и преодолены искажения и деформации, которых было немало в работах, писавшихся в предшествующие годы.

Но, безусловно, главной темой, притягивавшей внимание Л. Н. Будаговой на протяжении всей жизни и составлявшей ее научную любовь, был чешский литературный авангард, который она изучала в широком контексте не только славянского, но и всевропейского авангарда. Ему посвящено большинство ее работ, среди которых особое место занимает монография «Витезслав Незвал. Очерк жизни и творчества» (М., 1967), не утратившая своей актуальности и по сей день, поскольку в ней освещены, в первую очередь, эстетические и общечеловеческие аспекты творчества выдающегося чешского поэта. В исследованиях о чешском литературном авангарде межвоенного периода Будаговой удалось выдвинуть и обосновать целый ряд важных концептуальных положений. В частности, она доказала правомерность своего взгляда на поэтизм как на самобытное явление в чешской литературе, равноценное другим авангардным течениям европейского искусства. Также в результате многочисленных изысканий ей удалось прийти к выводу об относительной умеренности антитрадиционалистской программы славянского литературного авангарда по сравнению с довольно категоричными западноевропейскими авангардистскими манифестами. В 2020 г. вышла последняя монография Будаговой на русском языке «Импульсы времени. Чешский литературный авангард в европейском контексте», подытожившая всю ее многолетнюю научную работу в этой области исследования.

Еще одна обширная, поистине неисчерпаемая тема, получившая отражение в работах Людмилы Норайровны последних двух десятилетий, — тема взаимоотношений славянского мира и России в рамках возглавляемого ею научного проекта «Роль русско-славянских литературных связей в становлении, развитии, консолидации и дифференциации славянских литератур». Многочисленные и разнообразные аспекты этой темы рассматривались на ежегодных научных форумах, проводившихся в Институте славяноведения по инициативе

Л. Н. Будаговой, а результатом стали такие коллективные труды литературоведов, как «Пушкин и мир славянской культуры» (2000), «Россия в глазах славянского мира» (2007), «Славянский мир в глазах России» (2011), «Н. В. Гоголь и славянские литературы» (2012), «Россия и русский человек в восприятии славянских народов» (2014), «Лермонтов в культуре западных и южных славян» (2016), «Роль России в распространении знаний о славянстве» (2019), «Межславянские культурные связи: результаты и перспективы исследований» (2021).

Помимо всего прочего, Людмила Норайровна Будагова была активным популяризатором чешской литературы в нашей стране. Ей принадлежит немало предисловий, переводов, комментариев в изданиях на русском языке произведений чешских писателей и поэтов: К. Г. Махи, И. Волькера, Св. Чеха, Я. Есенского, М. Флориана, И. Тауфера, В. Незвала и др. Большую роль в ее жизни играл фестиваль «Шрамкова Сobotка» в Чехии, постоянным участником которого она являлась. Этот ежегодный культурно-просветительский семинар (как он изначально именовался) был основан с целью изучения и пропаганды творчества уроженца Сobotки поэта-импрессиониста Франи Шрамека и чешской культуры в целом, а в трудные для Чехословакии времена «нормализации» стал настоящим островком свободы мысли и поддержки оставшихся без работы (в результате партийных «чисток») деятелей науки и просвещения, которых приглашали в Сobotку читать лекции и вести культурные программы. Сотрудницу советского института Академии наук Будагову впервые пригласили на семинар, посвященный 100-летию со дня рождения Шрамека, в 1977 г. в качестве «политического талисмана». Но связи продолжились и после «бархатной революции» 1989 г., когда такие «талисманы» Сobotке уже не требовались. Будагова стала единственным иностранным участником этого фестиваля, «добровольным консулом чешской культуры в Москве», как называли ее «шрамковцы». Ее лекции о русско-чешских связях, русских эмигрантах в Чехии, новых явлениях в русской литературе и др. были собраны под одной обложкой и изданы в Праге в 2012 г. под названием «О литературе и культуре. Тексты для Шрамковой Сobotки» (*O literatuře a kultuře: Texty pro Šrámkovu Sobotku*).

Знаменательно, что последней прижизненной публикацией Людмилы Норайровны Будаговой стал сборник ее статей на чешском языке с символическим названием «Из моей жизни с чешской литературой» (*Z mého života s českou literaturou*, 2021). В него вошли двадцать статей, написанных с 1973 по 2020 гг., посвященных поэзии

(творчеству В. Незвала, Я. Сейферта, Ф. Галаса, К. Г. Махи), чешскому авангарду, прозе (работам Б. Немцовой, Я. Гашека), общим вопросам литературоведения. Книга эта была издана в Чехии как дань огромного уважения и высокого признания многолетних трудов Людмилы Нораировны, чья жизнь была поистине наполнена и проникнута чешской культурой, духом этой страны.

До самых последних дней Людмила Нораировна продолжала работать — писать статьи, решать насущные вопросы, связанные с руководством отдела, полностью отдаваясь этой деятельности, вкладывая всю душу в свою работу. Именно благодаря невероятной работоспособности, увлеченности делом, безграничной вере в полезность и нужность литературных исследований Будагова и стала одним из ведущих литературоведов-славистов в нашей стране, завоевав признание и на родине, и за рубежом. Ее научный вклад отмечен благодарностью Президента Российской академии наук, медалью Славянского фонда России «За вклад в сохранение и развитие кирилло-мефодиевского наследия», Золотой медалью Института славяноведения РАН имени И. И. Срезневского за выдающиеся заслуги перед отечественной славистикой, премиями Словацкой академии наук, Литературного фонда Чешской Республики, медалями Философского факультета Карлова Университета в Праге и Академии наук Чешской Республики, избранием в иностранные члены Матицы сербской.

Осенью 2022 г. литературоведы Института славяноведения РАН готовились торжественно поздравить Л. Н. Будагову с ее 90-летним юбилеем. К празднованию планировалось приурочить большую международную конференцию в ее честь, которая, как предполагалось, должна была объединить всех литературоведов, которые когда-либо работали с Людмилой Нораировной, знали ее труды, занимались схожей проблематикой современных славистических исследований. И конференция эта состоялась 1 ноября 2022 г., однако ей уже суждено было стать конференцией памяти нашего известного ученого, поскольку 3 февраля 2022 г. Людмила Будагова ушла из жизни. Для всей отечественной славистики ее уход стал невосполнимой потерей, но память об этом замечательном ученом и чутком, сердечном человеке сохранится в нас навсегда.

DOI 10.31168/2073-5731.2023.1-2.8.01

A. Yu. Peskova

To the 90th anniversary of L. N. Budagova (1932–2022)

Anna Yu. Peskova

Candidate of Letters, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: apeskova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0992-0180

Citation

Peskova A. Yu. To the 90th anniversary of L. N. Budagova (1932–2022) // Slavic Almanac. 2023. № 1–2. P. 507–511 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2023.1-2.8.01

Received: 20.01.2023.

Научное издание

Славянский альманах

1-2 2023

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 года в нашем журнале введены новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<https://slavicalmanac.ru/index.php/slavicalmanac/authors>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905-58-01
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
32,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

